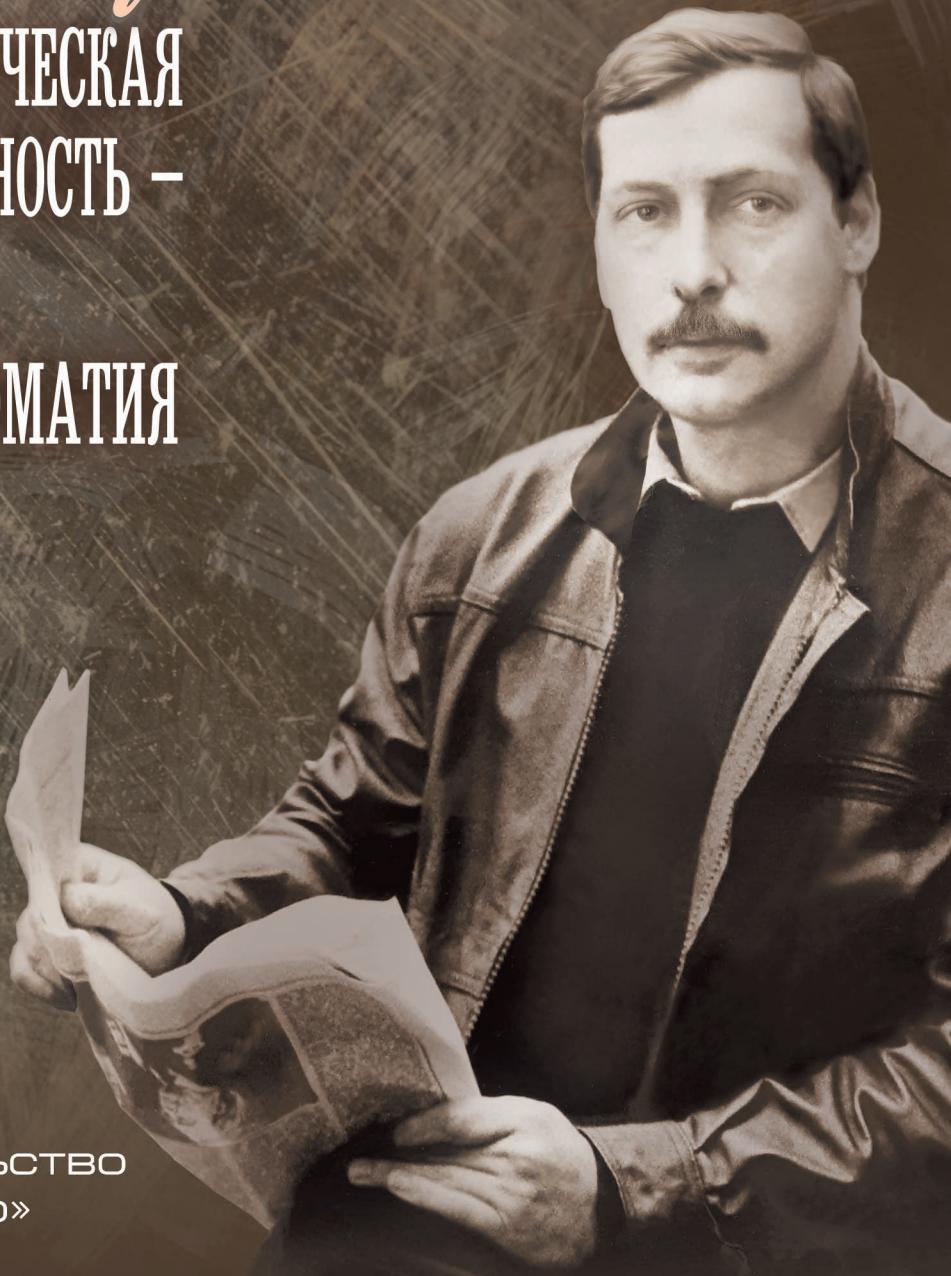

Алексей
Фролов

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
СТАБИЛЬНОСТЬ –
ОРУЖИЕ
И ДИПЛОМАТИЯ

Издательство
«Весь Мир»

*«Всё возвращается на круги свои.
Только вращаются круги сии...»*

Андрей Вознесенский

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Г. Арбатов

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
СТАБИЛЬНОСТЬ –
ОРУЖИЕ
И ДИПЛОМАТИЯ

Москва
Издательство «Весь Мир»
2021

УДК 327.37
ББК 66.49
А 79

Утверждено НИС Ученого Совета ИМЭМО

Арбатов А.Г.

А 79 Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. — 432 с.

ISBN 978-5-7777-0810-6

Монография академика РАН А.Г. Арбатова посвящена самым важным вопросам нашей жизни – предотвращению ядерной войны, обеспечению международной безопасности, договорам по ограничению ядерных вооружений. Научная и практическая деятельность автора в этой сфере насчитывает почти полвека, включая работу в ИМЭМО, на переговорах по стратегическим вооружениям, в Комитете по обороне Государственной Думы и во многих научных и общественных организациях в СССР/России и за рубежом. В книгу вошли наиболее актуальные авторские статьи, главы и интервью последнего десятилетия, затрагивающие важнейшие и взаимосвязанные ракурсы указанной тематики.

УДК 327.37
ББК 66.49

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0810-6

© Арбатов А.Г., 2021
© Издательство «Весь Мир», 2021

Содержание

Предисловие	9
ЧАСТЬ I. ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ	
Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения	15
Трансформация ядерного сдерживания	44
Грядет ли гонка без правил? Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями	62
Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности.	
Гарантия или угроза?	73
Не вышло и не выйдет? О причинах неудачи противоракетного сотрудничества России и США	90
Нестратегическое ядерное оружие	103
Стратегические высокоточные системы в обычном оснащении	114
Миф выживания в ядерной войне	126
ЧАСТЬ II. СОКРАЩЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ	
Контроль над ядерным оружием: пауза или конец истории?	131
Договор о ракетах средней дальности – тридцать лет спустя	150
Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные	164
Пятисторонние переговоры	186
Концепции многостороннего ядерного разоружения	194
Китай и ограничение вооружений: не утопия, а трудный выбор ...	204
Ускользающая материя. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве	220
Вооружения и дипломатия. (Новые технологические факторы и будущее системы контроля над вооружениями)	241
ЧАСТЬ III. НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ	
Диалектика ядерного разоружения и нераспространения	263
Проблемы договора и режима ядерного нераспространения	274
Ядерное соглашение с Ираном: феномен или прецедент?	291
ЧАСТЬ IV. ВНУТРЕННИЕ ИСТОКИ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
В поисках света в конце тоннеля	307
Демократия, армия и ядерное оружие	324

ЧАСТЬ V. МЕЖДУ ТЕМ... (ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ)

Международное право обтекает острые углы	337
Быстро разрядка не наступит	343
Точка возврата	351
Осторожно, грабли!	356
Интересы не совпадают. Во всем	363
Вызов брошен	369
Необходимо срочно приступить к переговорам о новом СНВ	375
В деле предотвращения ядерной войны нет места двумысленности	378
Мир рискует остаться без договора об ограничении ядерных вооружений	383
Привет, оружие!	387
Без контроля над вооружениями любой кризис подводит к грани ядерной войны	394

ЧАСТЬ VI. НЕМНОГО О ЛИЧНОМ

Лучший отец и лучший друг	401
Мой старший брат	414
Вместо заключения	425
Список сокращений	429
Об авторе	431

*Посвящается жене Надежде,
дочери Екатерине и внуку Пете*

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга в некотором смысле является подведением итогов профессиональной деятельности автора в науке и практической внешней и внутренней политике страны. Эта деятельность насчитывает почти полвека, включая работу в ИМЭМО, на переговорах по стратегическим вооружениям, в Комитете по обороне российской Государственной Думы и во многих научных и общественных организациях в СССР/России и за рубежом. Она посвящена самому важному вопросу нашей жизни: предотвращению ядерной войны, обеспечению международной безопасности, договорам по ограничению ядерных вооружений.

Для большинства людей такие проблемы не присутствуют в обыденной жизни, что естественно и вполне объяснимо. И хорошо, когда так (лишь бы государственные деятели и специалисты не забывали о делах такого рода). Ибо когда эти сюжеты вторгаются в центр всеобщего внимания, значит – дело плохо. При всей важности других забот в жизни отдельного человека, каждого народа и всего человечества, ни одна из них в такой же мере, столь же стремительно и непоправимо не может решить судьбу современной цивилизации, как угроза ядерной войны.

Подспудно эти вопросы влияют и на повседневную жизнь людей. Современные вооружения стоят огромных денег, которых простой человек не только не способен заработать за всю свою жизнь, но даже не может вообразить. Почти каждый день в теленовостях показывают грозные боевые корабли, ракеты, самолеты и масштабные военные учения. А буквально в следующей передаче обращаются к телезрителям с просьбой помочь деньгами (кто сколько может) на лечение за рубежом несчастных больных детей, которым не в силах помочь отечественная медицина. Трудно отделаться от мысли, что всех этих малышей можно было бы спасти, отменив строительство хотя бы одного ракетного крейсера или сверхзвукового бомбардировщика.

Понятно, что в современном мире не обойтись без надежной обороны. Но также несомненно, что, помимо военной мощи, есть и другие измерения статуса современной великой державы. В поисках патриотических традиционных ценностей не слишком вдумчивые политики и пропагандисты любят цитировать поговорку государя Александра Третьего о том, что у России есть только два союзника: армия и флот. Но в силу избирательной исторической памяти они забывают, что пару десятилетий спустя в условиях общенационального коллапса именно эти два «союзника» смели с лица земли российскую монархию, империю и православную церковь.

Представленные в настоящей книге работы автора затрагивают несколько главных ракурсов указанной тематики и распределены по соответствующим разделам. В то же время это разделение весьма условно, поскольку различные аспекты темы неразрывно переплетены. Рассмотренные в первой части сюжеты гонки вооружений и доктрины ядерного сдерживания невозможно отделить от концепции стратегической стабильности, а последняя связана на соглашении по контролю над вооружениями. Точно так же в следующей части нельзя разбирать темы стратегической стабильности и договоров по ограничению вооружений, не касаясь оборонительных и наступательных систем оружия, военных технологий и международной политики. В третьей части речь идет о нераспространении ядерного оружия, которое зависит от договоров о его сокращении и других международных проблем. Наконец, относясь непосредственно к внешней политике, эти темы взаимосвязаны и с политикой внутренней, чему посвящена четвертая часть книги.

Поэтому у читателя может подчас сложиться впечатление повторов отдельных фактов, цитат и идей. Автор старался этого избежать путем сокращения ранее опубликованных работ, но иногда это было невозможно без ущерба для цельности изложения.

Затронутые в книге темы исключительно сложны и находятся на стыке внешней политики, стратегической науки, военной техники и международного права, да к тому же обращены как в историю, так и в обозримое будущее. Подчас восприятие таких сюжетов требует определенной профессиональной подготовки, поскольку в книге не излагаются азбучные технические истины и не используются пропагандистские клише. Поэтому в монографию включен раздел избранных авторских интервью с блестящими российскими журналистами, которые сумели популярно осветить непростые военно-политические материи.

И последнее. Автор никогда не писал мемуаров и, видимо, уже не напишет, в связи с чем в книгу включен небольшой раздел личного характера. В нем содержатся воспоминания о самых близких и, увы, уже ушедших людях, с которыми связаны незабываемые эпизоды жизни самого автора.

Поскольку представленный в книге анализ опирается на работы последнего десятилетия, специальные примечания содержат некоторые поправки цифр, фактов и названий организаций и систем оружия. Однако существование проблем за это время практически не изменилось, а главные идеи и положения автора не потребовали пересмотра. Дело в том, что в сфере контроля над вооружениями после заключения в 2010 г. Договора СНВ-3 имел место глубокий и небывало долгий застой. Единственное достижение этого периода — многостороннее соглашение о сворачивании ядерной программы Ирана в 2015 г., но и оно было подорвано, когда в 2018 г. из него вышли США.

Наряду с этим все больше обострялась международная напряженность, набирала обороты гонка вооружений и вступила в стадию распада вся международно-правовая система ядерного разоружения. Автор настоящей книги стал бить тревогу по этому поводу начиная с 2015 г. (первая статья на данную тему включена в книгу), но предупреждений долго не слышали ни в России, ни за ру-

бежом. Наконец, в последние два года эта опасность попала в центр внимания политических элит и государственных руководителей ведущих стран мира.

В 2019 г. президент России В.В. Путин заявил: «Серьезную озабоченность вызывает деградация системы контроля над вооружениями»¹. Год спустя он говорил: «Готовы к содержательному диалогу с американской стороной, в том числе в сфере контроля над вооружениями и стратегической стабильности»².

Со своей стороны, в 2020 г. российский министр иностранных дел С.В. Лавров отмечал: «...Была выстроена система многосторонних договоренностей в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН), гарантировавшая сохранение мира и международной безопасности на протяжении многих десятилетий. Был сформирован уникальный разоруженческий механизм...»³. Он призвал «...не допустить дальнейшую деградацию ситуации в сфере стратегической стабильности, избежать полного обрушения контрольно-ограничительных механизмов в ракетно-ядерной сфере, выиграть время для обсуждения подходов к методам контроля над новыми вооружениями и военными технологиями»⁴.

К сожалению, наверстать потерянное десятилетие очень трудно. В прошлом инициативы администрации Б. Обамы отвергались Москвой из-за антироссийского курса США после украинских событий. А затем правительство Д. Трампа оказалось не расположено к конструктивному диалогу по контролю над вооружениями. Президент и его соратники, что называется, на дух не переносят философии равноправных переговоров в рамках системы совместных режимов и организаций и выступают за соперничество безо всяких правил. За последние годы Вашингтон много сделал, чтобы разгромить эту систему во всех ее составляющих, включая разоруженческую.

Смена администрации после выборов ноября 2020 г. может облегчить положение в части сохранения контроля над вооружениями, но существенно затруднит отношения с Россией по другим вопросам. Если первое слагаемое не удастся отделить от второго, то сумма едва ли станет лучше, чем теперь. Правда, раньше, начиная с основополагающего «разрядочного» саммита двух держав в мае 1972 г., такое размежевание периодически удавалось, но с тех пор мир стал другим, как и люди, решающие его судьбы.

Несмотря на глубокое сокращение глобальных ядерных арсеналов в последние три десятилетия, полное ядерное разоружение остается за горизонтом

¹ Путин: РФ готова работать над новыми договоренностями по контролю за вооружениями // Интерфакс. 24.12.2019 // [https://www.interfax-russia.ru/main/putin-rf-gotova-rabotat-nad-novymi-dogovorenostyami-po-kontrolyu-za-vooruzheniyami](https://www.interfax-russia.ru/main/putin-rf-gotova-rabotat-nad-novymi-dogovorennostyami-po-kontrolyu-za-vooruzheniyami) (дата обращения: 19.07.2020).

² Церемония вручения верительных грамот. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62732> (дата обращения: 20.07.2020).

³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Конференции по разоружению в рамках сегмента высокого уровня. Женева, 25 февраля 2020 г. URL:https://www.mid.ru/obsie-voprosy/mezdnarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzeniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/4058832 (дата обращения: 21.07.2020).

⁴ Там же.

современной мировой политики. Пока существует значительный потенциал глобального уничтожения, задачей контроля над вооружениями остается предотвращение ядерной войны на основе укрепления стратегической стабильности в условиях меняющегося миропорядка и динамичного военно-технического прогресса. Ядерное оружие, пока оно существует, должно служить исключительно для сдерживания войны, а не для ее ведения с целью победы над врагом.

Однако это легче сказать, чем сделать. Между потенциалом ядерного сдерживания и потенциалом ведения ядерной войны грань очень размыта. Первое невозможно без второго, а второе неизменно обосновывается первым. Поэтому с большой долей условности можно принять, что стоящие вне договорных ограничений системы оружия преимущественно нацелены именно на ведение войны. Они призваны выполнять в первую очередь не политические, а военные задачи, которые всегда направлены на достижение победы в войне или хотя бы ее «прекращение на приемлемых условиях»⁵. А вооружения, охваченные договорами, служат политической цели сдерживания. Ведь соглашения в этой области основаны на дипломатических компромиссах держав, общим знаменателем которых является исключение преобладания любой из них в тех или иных средствах ведения ядерной войны и тем самым на устранение стимулов для ее развязывания (первого удара).

Именно поэтому без соглашений по контролю над вооружениями ядерное сдерживание подстегивает смертоносную гонку и создает угрозу войны при каждом международном кризисе с вовлечением великих держав. А сдерживание, регламентированное договорами, существенно снижает угрозу войны даже при остром столкновении интересов государств. История последних семидесяти лет неоднократно подтверждала эту закономерность.

Такие рассуждения могут показаться схоластическими построениями, но они имеют вполне материальную основу. За ними стоят ядерные вооружения, способные за несколько часов обмена ударами убить сотни миллионов людей и разрушить все построенное человеком за последнюю тысячу лет в Северном полушарии, а остальное человечество обратить в неандертальское состояние. От верного понимания и практического использования упомянутых стратегических категорий во многом зависит предотвращение столь бесславного «конца истории».

В этом квинтэссенция научной идеи автора и этому посвящена настоящая монография. Исследование вопросов стратегической стабильности и контроля над вооружениями представляет собой сферу общественной науки, более других приближенную к точным и естественным знаниям, поскольку должна обязательно включать их в свои предпосылки и выводы.

Как всегда, наличие науки дает стимул развитию теорий лженауки как в России, так и за рубежом. К таковым относятся популярные в последнее время концепции упразднения контроля над вооружениями и замены его суррогатами

⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль. 2 июня 2020 г. № 355. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1>

в виде многосторонних дискуссий общего характера о стратегической стабильности и предсказуемости. Другое направление – полный отказ от договоров с целью беспрепятственного развития средств и планов ведения ядерной войны в качестве более надежной основы безопасности своего государства. Критический анализ обоих направлений занимает изрядное место в данной монографии.

Международные дискуссии на официальных и экспертных форумах по проблемам стратегической стабильности, военным доктрина姆, созданию для процесса разоружения благоприятной политической среды весьма полезны. Главное, чтобы они не служили самообману и не считались альтернативой практическим межгосударственным переговорам по ограничению, сокращению и запрещению конкретных вооружений. Такой процесс, как и в прошлом, может в будущем по-заимствовать немало ценных идей и предложений от неофициальных экспертных контактов.

В этом плане позиция автора вполне согласуется с мнением ответственного за дела разоружения замминистра иностранных дел С.А. Рябкова, который призывает к заключению предметных соглашений в данной области: «...Правильно составленные договоры, доказавшие свою эффективность, – это одно из самых надежных, лучших, проверенных средств обеспечения национальной безопасности. Они повышают предсказуемость (мы знаем, на что надо и не надо тратить деньги), обеспечивают проверяемость действий другой стороны, это способ изнутри заглядывать в темные уголки военной кухни наших оппонентов. Это не значит, что все напоказ, но это существенный способ гарантировать ощущение того, что ты знаешь, что вокруг тебя происходит»⁶.

Несомненно, что только соглашениями по конкретным системам оружия, режимам их развертывания и программам развития можно повлиять на планы их боевого применения. Цель такого влияния – устранение возможностей и стимулов к первому удару и укрепление стратегической стабильности в ее четком согласованном понимании (в отличие от интерпретации в духе «миру – мир»). Стратегическая стабильность не охватывает многих других региональных и глобальных аспектов международной безопасности, которые требуют адресного подхода. Но она является сердцевиной глобальной безопасности, которая дает возможность конструктивно решать иные международные вопросы. А без нее все остальные усилия обречены на неудачу, что наглядно продемонстрировало последнее десятилетие застоя и распада контроля над вооружениями наряду с обострением мировой напряженности.

Автор выражает глубокую благодарность директору ИМЭМО РАН члену-корреспонденту Ф.Г Войтоловскому и президенту Института академику А.А. Дынкину за одобрение идеи и всемерную поддержку создания настоящей монографии. Спасибо всем друзьям и коллегам из Центра международной безопасности ИМЭМО, других институтов РАН, Международного Люксембургского Форума,

⁶ Эксклюзивное интервью Сергея Рябкова // Международная жизнь. 24.08.2018 // The International Affairs. 24.08.2018]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/20409> (accessed 04.08.2020).

Московского Центра Карнеги, Российского Совета по Международным Делам и Совета по внешней и оборонной политике, сотрудничество с которыми всегда помогало в работе над книгой. Большое спасибо редакторам ведущих научных журналов – «МЭиМО» и «Полис», предоставивших свои страницы для моих многочисленных статей, а также коллективу издательства «Весь Мир», который из виртуального продукта сделал этот труд качественным материальным объектом. При этом автор, разумеется, несет полную ответственность за содержание монографии.

Благодарен моей семье – жене, дочери и внуку, они максимально содействовали творческому процессу и мирились с моей возросшей занятостью.

Особой признательности заслуживает мой давний товарищ, известный в России и за рубежом историк, член-корреспондент П.П. Черкасов. Он изначально подал мне идею написать книгу к определенной дате и проявил добрую настойчивость, пока я не сдался и засел за работу.

ЧАСТЬ I

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

ДИАЛЕКТИКА СУДНОГО ДНЯ: ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ*

С января 2018 г. на обложке всемирно известного американского журнала «Бюллетень ученых-атомщиков» с символом «часов судного дня» (Doomsday Clock) стрелка подошла к двум минутам до полуночи – момента глобальной ядерной катастрофы. Понятно, что это не точный научный расчет, а колоритная абстракция, но она имеет основание вполне материального порядка.

1. Две минуты до полуночи

Действительно, сам того не осознавая, мир лунатически бредет к принципиально новому этапу состояния международной безопасности – беспрецедентному за последние полвека. Этот этап – жизнь в условиях гонки ядерных и иных вооружений безо всяких ограничений, правил и обмена военной информацией.

Уже вскоре практически неизбежна денонсация Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности от 1987 г. (ДРСМД) Соединенными Штатами и Россией. Текущий Договор по сокращению стратегических наступательных вооружений от 2010 г. (Новый Договор СНВ или, как его называют в России – Договор СНВ-3), скорее всего, истечет в 2021 г. без продления (причем, если та или иная сторона не откажется от него раньше срока). Предстоящая в 2020 г. очередная конференция по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО от 1968 г.) почти обречена на провал, ввиду вопиющего

* Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 27–48. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.03.

невыполнения ядерными державами обязательства по Статье VI «вести переговоры об эффективных мерах по... ядерному разоружению» и отказа Вашингтона от соглашения по атомной программе Ирана от 2015 г. В условиях новой волны ядерного распространения весьма вероятен крах Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ от 1996 г.) и возобновление натурных ядерных взрывов¹. Под их грохот ведущиеся с 1993 г. переговоры по Договору о запрещении производства разделяющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ) умрут «тихой смертью», и в разных странах возобновится наработка оружейного урана и плутония. Эти материалы, в конце концов, неизбежно попадут в руки международного терроризма, который приставит атомный заряд к виску современной цивилизации, если война между ядерными державами не покончит с ней раньше.

Тридцать лет спустя, после окончания прошлой глобальной конфронтации, человечество вступает в новую историческую fazу холодной войны и гонки вооружений в условиях изменившегося и усложнившегося миропорядка, при революционных прорывах военных технологий и с новым поколением политических лидеров и элит, пораженных недугом национализма, милитаризма и исторического невежества. Поэтому плачевное состояние дел и еще худшие перспективы их не слишком волнуют — разум затуманен ажиотажем по поводу экзотических вооружений, желанием рассчитаться за прошлые обиды или набрать будущие очки в «большой игре» на грани войны.

Нет сомнений, что этот кураж под давлением жесткой действительности скоро рассеется. Но даже если всем повезет избежать вселенской катастрофы, то сбрать обломки глобальной архитектуры контроля над вооружениями и построить новый правопорядок взаимной безопасности будет чрезвычайно трудно.

В этой связи полезно еще раз обратиться к опыту создания такой системы за прошедшие полвека, урокам прошлой гонки вооружений и переговоров об их ограничении, которые могут оказаться полезны в недалеком будущем. Понятно, что эта обширная тематика выходит далеко за рамки одной статьи и компетенции одного специалиста. Поэтому в настоящей работе затронуты лишь наиболее важные поворотные моменты истории и яркие примеры смертоносной, но завораживающей диалектики ракетно-ядерной гонки и усилий по ее обузданию.

2. Гонка вооружений — метафора и реальность

Термин «гонка вооружений» — это не научное понятие, а скорее художественный образ, хотя, как и в годы холодной войны, в последние несколько лет он все чаще используется в политическом дискурсе в России и за рубежом.

¹ ДРСМД был денонсирован США, а вслед за ними Россией в августе 2019 г., вопрос продления Договора СНВ-3 превратился в тему затяжных дипломатических маневров сторон; Конференция по рассмотрению ДНЯО избежала провала потому, что была отложена на год по причине пандемии, вопрос о выходе из ДВЗЯИ активно обсуждался в США в 2019 г. и остался открытым.

При этом на Западе он исключительно означает «соперничество, соревнование» («arms race»), а в России, помимо этого, еще со времен советской пропаганды используется в смысле одностороннего наращивания вооружений со стороны США/НАТО (т.е. «гонка» по аналогии, скажем, с производством самогона).

Так или иначе ключевой элемент официальной позиции Москвы по этому поводу состоит в том, что, принимая ответные меры по нейтрализации внешних угроз, Россия не будет втягиваться в гонку вооружений. Еще в январе 2015 г. на заседании Военно-промышленной комиссии президент Владимир Путин заявил: «...Мы не намерены втягиваться в дорогостоящую гонку вооружений... Вместе с тем мы видим, как другие государства... активно наращивают и совершенствуют свои арсеналы... Мы можем и должны ответить на этот вызов, причем, как я сказал вначале, не втягиваясь в дорогостоящую гонку вооружений... Мы сможем обеспечить, безусловно, обороноспособность и безопасность нашей страны, не втягиваясь в гонку вооружений»². Эта идея с тех пор высказывалась неоднократно, и уже в январе 2019 г. Путин говорил: «Разумеется, мы не собираемся закрывать глаза на развертывание американских ракет, которые представляют прямую угрозу для нашей безопасности. Вынуждены будем принимать эффективные ответные меры. Однако Россия, как ответственная и здравомыслящая страна, не заинтересована в новой гонке вооружений»³.

Анализируя эти положения с научной точки зрения, следует помнить, что «гонка вооружений» – это метафора, а реальность намного сложнее, чем знакомое всем действие: старт – совместный забег – финиш. У современных стратегических ядерных вооружений жизненный цикл длится несколько десятилетий: от разработки, испытаний, развертывания в боевом составе и до вывода из него и утилизации. Эти процессы идут не синхронно для разных систем оружия каждой державы и тем более, в разных государствах-соперниках. При этом стороны нередко стремились не только догнать друг друга по аналогичным системам оружия, но и предпринимали асимметричные ответы, сообразуясь со спецификой своего положения и технических возможностей. Поэтому о «гонке» ядерных вооружений и ее этапах можно говорить лишь условно.

Общеизвестно, что открыто «гонка» началась с первого испытания атомного (плутониевого) взрывного устройства США с обозначением «Гаджет» 16 июля 1945 г. на полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) мощностью в 20 кт⁴. Вскоре новый вид оружия был применен против японских городов Хиросимы (6 августа 1945 г.) и Нагасаки (9 августа 1945 г.), впервые в истории продемонстрировав его чудовищный разрушительный потенциал: одна бомба сметает один город с лица

² Заседание Военно-промышленной комиссии. Президент России. 20 января 2015 г. Московская область, Ново-Огарево. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47493>

³ Президент Владимир Путин в интервью сербской газете «Политика» // РИА Новости. 16 января 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/5c3e85229a79474847a0209b>

⁴ Мощность ядерного заряда в 20 кт равнозначна по ударной волне с зарядом тротила в 20 000 т. Сейчас такая мощность приписывается тактическим ядерным зарядам. Впоследствии были созданы боезаряды мощностью во много мегатонн (1 Мт равна 1 000 000 т тротила).

Земли. Создание термоядерного (водородного) оружия, впервые испытанного на атолле Эниветок 31 октября 1952 г., позволило на порядок увеличить мощность боезарядов при резком сокращении их весогабаритных параметров, что повлекло быстрый рост количества и разнообразия ядерных бомб для авиации и боеголовок для ракетных носителей. Если в 1946 г. у Соединенных Штатов было всего 11 атомных бомб, то всего через 10 лет количество стратегических и тактических атомных и термоядерных бомб и боеголовок достигло 4600 единиц. Самый мало-мощный боеприпас в истории США W54 имел мощность 0,01 кт (эквивалент 10 т тротила) для переносного ядерного фугаса (мины), а самый мощный – авиабомба B53 и боеголовка W53 разрушительной силы в 9 Мт⁵.

Советский Союз догнал США в этом первом «раунде» ядерного соревнования 29 августа 1949 г., испытав атомный заряд на Семипалатинском полигоне (Казахстан), а 12 августа 1953 г. испытав термоядерную бомбу. Информация о количественном росте, разнообразии и мощности ядерных вооружений СССР/России до сих пор в преобладающей мере засекречена. По независимым оценкам Советский Союз догнал и перегнал США по численности ядерных боеприпасов примерно в 1975 г., а по суммарному мегатоннажу своих сил – около 1965 г. Самая мощная боеголовка мощностью порядка 20 Мт была установлена на тяжелых межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) типа Р-36 (SS-9 и SS-18 по западной классификации), а самый большой в мировой истории термоядерный заряд (в виде авиабомбы) был испытан 30 октября 1961 г. над Новой Землей взрывной силой 58–62 Мт⁶.

Что касается носителей ядерного оружия (ЯО), фазы гонки вооружений были иными. За годы холодной войны прошло четыре «раунда» беспрецедентного по масштабам соперничества, которые без перерывов переходили один в другой. В конце 1940-х и 1950-е годы – бомбардировщики и ракеты средней дальности, в 1960-е годы – наземные и морские стратегические баллистические ракеты, в 1970-е годы – стратегические ракеты с разделяющимися головными частями (РГЧ), в 1980-е годы – ядерные крылатые ракеты большой дальности и замена баллистических ракет на системы высокой точности и мощности, которые обладали повышенной эффективностью поражения защищенных объектов (подземных пусковых установок (ПУ) межконтинентальных баллистических ракет и командных центров). Вплоть до конца 80-х годов интенсивное количественное наращивание ядерных вооружений шло наряду с их регулярным обновлением на все новые системы оружия, инициаторами чего обычно выступали США, которых догонял СССР. То есть имела место и количественная, и качественная гонка вооружений.

Создание и применение атомной бомбы в 1945 г. далеко не сразу породило идею ядерного сдерживания. Поначалу ядерное оружие рассматривалось лишь

⁵ Cochran T., Arkin W., Hoeing M. Nuclear Weapons Databook. U.S. Nuclear Forces and Capabilities. Vol. I. Natural Resources Defense Council Inc., Cambridge, Mass., Harper & Row, Publ., Inc., 1984. P. 30–35.

⁶ Ibid. P. 5, 22–43, 127–129.

как очередное новшество среди материальных средств ведения войны небывалой разрушительной силы. Согласно официальной американской доктрине «Массированного возмездия» 1950-х годов, реальный план применения ядерного оружия, изложенный в первом «Едином интегрированном оперативном плане» Пентагона (Single Integrated Operational Plan – SIOP-62), предусматривал с началом любого вооруженного конфликта с СССР незамедлительный массированный налет 1850 тяжелых и средних бомбардировщиков со сбросом 4700 атомных и водородных бомб на города и другие объекты СССР, КНР и их союзников⁷. По расчетам Пентагона, этот удар в среднесрочном плане повлек бы человеческие жертвы в СССР, КНР, среди их союзников и соседних нейтральных стран порядка 800 млн убитыми⁸, что составляло на тот момент 1/3 (!) населения планеты.

Появление ядерного оружия и межконтинентальных авиационных, а затем ракетных средств его доставки у Советского Союза лишило США традиционной недосягаемости за двумя океанами, что заставило их всерьез пересматривать взгляды на соотношение политической и военной роли ядерного оружия. Идея ядерного сдерживания вышла на передний план военной политики США, хотя она, естественно, опиралась на реальные ядерные силы и оперативные планы их применения. Этот качественный сдвиг положил начало формированию философии преимущественно политической функции ядерного оружия в качестве орудия сдерживания (устрашения), а не военной его роли – как средства достижения победы в войне.

Правда, осознание политической роли ядерного оружия поначалу усилило у США стимул к достижению и поддержанию ядерного превосходства для политico-психологического давления на противника. Однако по мере объективного выравнивания ядерных потенциалов и формирования стратегического паритета СССР – США политическая функция ЯО тоже стала пересматриваться в направлении возможного взаимодействия, а не только противостояния государств. Такой пересмотр лег в основу идеи переговоров и соглашений об ограничении и сокращении ядерного оружия.

3. Разоружение – зарождение мысли и дела

Идея ограничения вооружений уходит истоками вглубь веков: например, на Втором Латеранском Соборе римско-католической церкви в 1139 г. было принято решение запретить применение арбалетов между христианскими воинами из-за чрезмерной жестокости этого оружия (правда, использование против сарацин – разрешалось)⁹.

⁷ Kaplan F. The Wizards of Armageddon. New York: Simon and Schuster, 1983. P. 269.

⁸ Ellsberg D. The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner. New-York: Bloomsbury, 2017. P. 100–104.

⁹ Как церковь арбалеты запрещала. Земля. Хроники Жизни. Апрель 2018 г.

Столетиями позже, под впечатлением от ужасов Первой мировой войны президент США Вудро Вильсон в известном послании Конгрессу от 8 января 1918 г. среди 14 принципов нового миропорядка предложил (пункт 4-й) согласовать: «Справедливые гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью»¹⁰. Этой идеи не было суждено материализоваться, хотя в период между двумя мировыми войнами несколько соглашений были заключены¹¹. Вторая мировая война за шесть лет унесла до 70 млн жизней, превратила в руины Европу и Дальний Восток, обрушила на человечество неслыханные ужасы, которые дали второе дыхание вильсоновским надеждам на прочный мир и разоружение, в качестве его материальной гарантии.

Тем не менее после 1945 г. такие надежды опять не сбылись: международное сообщество раскололось на два враждебных лагеря во главе с СССР и США, было создано и впервые применено ядерное оружие — самое разрушительное средство уничтожения, коим оно остается и по сей день. Началась холодная война и беспрецедентная гонка ядерных и обычных вооружений.

Но в то же время идея разоружения прочно овладела умами человечества как гарантия предотвращения третьей мировой войны. Правда, до начала 1960-х годов разоружение велось только в риторических баталиях (сравнимых со схоластическими дебатами Средневековья) в ООН и на других форумах. СССР и Запад отстаивали свое первенство в продвижении этой благой цели и спорили, какое разоружение — ядерное или обычное — должно быть первым, а какое вторым¹². Впрочем, в реальной политике мир периодически балансировал на грани ядерной войны, и этот тип отношений достиг кульминации в ходе Карибского ракетного кризиса в октябре 1962 г.

Хотя формальным поводом были попытки Вашингтона свергнуть революционный режим Фиделя Кастро и решимость Москвы его защитить, главной сутью кризиса была гонка ядерных вооружений. Отвечая на большой блеф советского лидера Никиты Хрущева о ракетном превосходстве после запуска спутника в 1957 г., Соединенные Штаты начали форсированное наращивание ракетно-ядерных вооружений. В 1967 г. американские стратегические ядерные силы (СЯС) увеличились по числу ракет в 40 раз (!)¹³. Поняв, куда идут процессы,

¹⁰ Системная история международных отношений: в 4 т, 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов. М., 2000. С. 27–28.

¹¹ Памятая об ужасах газовых атак, в 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении применения химического оружия, который, пусть с теми или иными нарушениями, соблюдался даже в ходе Второй мировой войны и после нее. В 1920–1930-е годы в Вашингтоне и Лондоне были заключены недолговечные договоры по ограничению военных флотов ведущих морских держав. В 1936 г. подписали Конвенцию Монтрё, регламентирующую проход военных кораблей через Черноморские проливы и действующую до сих пор.

¹² Единственным серьезным соглашением того времени был договор 1959 г. об Антарктике, предусматривавший демилитаризацию района Антарктиды, использование его исключительно в мирных целях и превращение в зону, свободную от ядерного оружия.

¹³ Ball Desmond. The Strategic Missile Programme of the Kennedy Administration. Ph.D. diss. Canberra: University of Australia, 1972. Apps. 1–3.

Хрущев санкционировал переброску ракет средней дальности (типа Р-12 и Р-14) на Кубу, чтобы увеличить прямую ядерную угрозу США и хотя бы замедлить быстро растущее ракетное отставание от них. (Как минимум Москва рассчитывала разменять вывод этих ракет с Кубы на отвод американских ракет средней дальности типа «Юпитер» из Турции). После обнаружения советских ракет на Кубе 15 октября США начали военно-морскую блокаду острова 24 октября. Однако, остановив доставку дополнительных ракет, блокада не могла помешать установке и снаряжению ядерными боеголовками тех, что уже были завезены. Поэтому под давлением генералитета и политических «ястребов» президент Джон Кеннеди санкционировал подготовку к воздушному налету и вторжению на Кубу. При этом в Вашингтоне не знали, что часть ракет уже была оснащена ядерными боеголовками (также имелись атомные бомбы для переброшенных на остров бомбардировщиков и боеголовки для крылатых ракет), а советское командование на месте действия имело полномочия для применения ЯО в случае нападения США. Компромисс между Белым домом и Кремлем был достигнут 28 октября, но если бы дипломатический процесс затянулся хоть на пару дней, была бы осуществлена запланированная силовая акция США, а в ответ – ядерный удар с Кубы по американским городам с последующей глобальной ядерной катастрофой.

Так ядерное сдерживание чуть не привело к ядерной войне. Безграничая разрушительная мощь, беспрецедентная сложность вооружений и планов их применения поменяли ролями политику и войну из бессмертной формулировки Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными, насильственными средствами»¹⁴. Применительно к ядерному оружию войны из средства политики стала ее детерминантом, диктуя способы развертывания и применения оружия и тем самым – условия и вероятность военного столкновения. Возможно, лидеры СССР и США не вполне осознавали этот качественный скачок интеллектуально, но они инстинктивно его почувствовали. Поэтому разоружение стало из символа и конечной материальной гарантии мира, коим его полагал Вильсон, одним из главных направлений его поддержания и укрепления.

Уже через год после Карибского кризиса был подписан Договор 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в воздухе, под водой и космосе, который замедлил совершенствование ядерного оружия и прекратил безумное радиационное загрязнение земной атмосферы и мирового океана. В то же время для экстренной связи высших государственных руководителей СССР и США в критических ситуациях была проложена прямая защищенная кабельная линия телетайпной, а позже телефонной связи (которая в 1978 г. была дополнена спутниковым каналом, а с 1986 г. постоянно действующим факсимильным форматом). На волне этих первых успехов в 1967 г. был подписан Договор о неразмещении в космосе оружия массового уничтожения (в том числе ядерного), а затем, в 1968 г., Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который стал важнейшим элементом фундамента глобальной системы контроля над ядерным оружием.

¹⁴ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.

Последний кризис холодной войны произошел осенью 1983 г., причем тоже из-за динамики ядерного сдерживания: развертывания новых ракет средней дальности России, а в ответ и аналогичных ракет США и провала переговоров по ограничению ядерных вооружений. Вывод очевиден: международные конфликты на фоне неограниченной гонки ядерных вооружений периодически подводят мир к грани ядерного Армагеддона. А в условиях процесса и режимов контроля над вооружениями – нет.

4. Ограничение ядерных вооружений – трудное начало

Истоки концепции ограничения стратегических вооружений берут начало в конце 1950-х годов в аналитических разработках корпорации РЭНД – научно-го центра ВВС США, а ее первым автором на официальном уровне был министр обороны США в 1960-е годы Роберт Макнамара. Приняв приглашение занять этот пост от победившего на выборах 1960 г. президента Джона Кеннеди, он пригласил в аппарат министра обороны целую команду экспертов из РЭНД и, опираясь на их исследования, подверг ревизии упомянутые выше доктрины «Массированного возмездия» и «Единый интегрированный оперативный план» (Single Integrated Operational Plan – SIOP-62). В 1962 г. Макнамара огласил стратегическую концепцию «консилы»: «Главной военной целью в случае атомной войны... должно быть уничтожение вооруженных сил противника, а не его гражданского населения. Иными словами, мы даем вероятному противнику сильнейший мыслимый стимул воздерживаться от ударов по нашим городам»¹⁵.

По сравнению с предыдущей доктриной безраздельной ядерной бойни, эта стратегия казалась более рациональной – она как будто оставляла шанс избежать массированного уничтожения населения после начала вооруженного конфликта и даже после первого применения ядерного оружия. Но для другой стороны стратегия «контрсила» (как и ее новая версия в виде концепции «ограничения ущерба» от 1964 г.) выглядела никак иначе, нежели угрозой разоружающего у dara с целью избежать возмездия.

Одновременно практическая гонка вооружений достигла беспрецедентных в истории темпов и масштабов, не превзойденных ни до, ни после того. Придя в Пентагон в начале 1961 г., Макнамара обнаружил в американских стратегических силах (помимо бомбардировщиков) 12 допотопных МБР «Атлас» и 2 атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), несущие по 16 баллистических ракет (БРПЛ) типа «Поларис А-1». Всего шесть лет спустя, к концу 1967 г., число стратегических баллистических ракет США выросло в 40 раз, в боевом составе имелись 1000 МБР «Минитмен-1» и «Минитмен-2», 54 МБР «Титан-2», а также 41 подводная лодка с 656 БРПЛ «Поларис А-3» и «Поларис А-2». В реальности масштаб наращивания стратегических сил был еще больше, поскольку по ходу дела были приняты на вооружение, а потом быстро сняты до 500 ракет

¹⁵ Department of State Bulletin 47. July 9, 1962. No. 1202. P. 67.

типа «Атлас», «Титан-1», «Минитмен-1», «Поларис А-1». Параллельно было развернуто около 200 бомбардировщиков Б-52 и Б-58. Число носителей стратегических ядерных сил (СЯС) возросло с 1850 до 2500 единиц, а ядерных боезарядов – до 5000 единиц, причем 75% потенциала было практически неуязвимо, размещаясь в защищенных шахтных пусковых установках и на подводных лодках¹⁶.

Тем не менее великий парадокс гонки ядерных вооружений, который ярко проявился в 1960-е годы (а затем неоднократно повторится в истории), состоял в том, что форсированное наращивание разрушительного потенциала шло параллельно с неумолимым сокращением возможности его реального применения и снижением его политического значения как инструмента ядерного сдерживания и психологического давления на другую сторону.

В 1961 г. СССР имел, по разным данным, от 7 до 30 МБР первого поколения (Р-7 и Р-9), которые были крайне уязвимы на стартовых позициях и имели длительное время подготовки к пуску. То же относилось к бомбардировщикам на аэродромах и немногочисленным, по большей части дизельным, ракетным подводным лодкам в базах. СССР не имел системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН): радары дальнего обнаружения появятся только в 1971 г., а спутники раннего предупреждения будут выведены на орбиту в 1977 г. При подлете в времени американских ракет в 15–30 мин и наличии у США информации о дислокации целей (благодаря разведывательным спутникам «САМОС» и «Дискаверер») американский разоружающий удар был вполне реализум. Со своей стороны, Советский Союз мог рассчитывать лишь на первый (упреждающий) удар, за которым последовало бы сокрушительное возмездие американских ядерных сил.

Но ситуация быстро менялась, несмотря на форсированное наращивание сил США. С огромными затратами и концентрацией ресурсов советский стратегический потенциал стремительно возрастал и качественно совершенствовался¹⁷. К 1964 г. (когда Макнамара отошел от концепции «контрсилы») СССР уже имел около 100 МБР в защищенных подземных шахтах и 8 атомных подводных ракетоносцев первого поколения (проекта 658). А к 1967 г. (окончание ракетного наращивания Макнамары) советские СЯС уже насчитывали примерно 800 МБР шахтного базирования и принимали на вооружение крупную серию ПЛАРБ следующего поколения (аналогичного американской системе «Поларис») численностью в 34 единицы (проект 667А), впервые обеспечившую постоянное боевое дежурство в мировом океане¹⁸.

В 1967 г. в своей нашумевшей речи в Сан-Франциско Макнамара дал исторически беспрецедентный анализ глубинной сути ядерного баланса между

¹⁶ Ball Desmond. The Strategic Missile Programme of the Kennedy Administration. Ph.D. diss. Canberra: University of AU.S. tralia, 1972. Apps. 1–3.

¹⁷ Tolubko V.F. Raketnyevoiska. Moscow: Voenizdat, 1977. P. 24; Gorshkov S.G. Morskaiartwshch' gosudarstva. Moscow: Voenizdat, 1976. P. 293.

¹⁸ Подвиг П. (ред.) Стратегическое ядерное вооружение России. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии. М.: ИздАТ, 1998. С. 113–118, 227–230, 248–259.

двумя сверхдержавами: «Сдерживание преднамеренного нападения на Соединенные Штаты и их союзников гарантируется поддержанием высоконадежной способности навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора... даже после принятия на себя его первого удара силы»¹⁹. Знаменательно, что аналогичную возможность он признал как непреложный факт за Советским Союзом. Такую степень объективности невозможно себе представить со стороны Москвы ни в то время, ни даже сейчас. Продолжая блестящую «томографию» ядерной проблемы, министр подчеркнул: «Каковы бы ни были их намерения, каковы бы ни были наши намерения, действие... каждой стороны, относящееся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывает противодействие другой стороны. Это именно тот феномен действие-противодействие, который питает гонку вооружений». Такое понимание ядерной диалектики тоже было неслыханно ни в те годы, ни теперь в официальных стратегических дебатах России и США. Раскрыв глубинный парадокс стратегических отношений двух держав, Макнамара предложил путь решения этого парадокса: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы»²⁰.

Через несколько лет эта логика воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1), подписанных на саммите в мае 1972 г. Как интеллектуальная, так и практическая основа первых соглашений имела истоки в США. Точнее, речь идет об установлении эффективного политического и гражданского контроля над военной политикой и программами вооружений в ходе реформ Макнамары в Пентагоне. Также резко расширилась открытость оборонной информации и вовлечение Конгресса и независимых академических центров и неправительственных организаций в военную политику, чему немало способствовал массовый протест против войны во Вьетнаме. Нечто отдаленно сходное началось в СССР и России лишь двадцать лет спустя – в конце 1980-х и в 1990-х годах.

Зато в 1972 г. Советский Союз создал важный положительный прецедент. Уместно напомнить, что время подписания исторических первых соглашений по стратегическим вооружениям отнюдь не было периодом идиллии международных отношений. Шла эскалация американской агрессии в Индокитае; нарастало военное противостояние СССР и КНР в зоне общей границы; незадолго до того произошла крупная война Индии и Пакистана; назревала очередная война на Ближнем Востоке – причем чаще всего Москва и Вашингтон оказывались в таких конфликтах на противостоящих позициях. Во многом ситуация в мире была тогда сложнее, а напряженность выше, чем в настоящем

¹⁹ McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper and Row, 1968. P. 51–67.

²⁰ McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. P. 57.

время, когда развал режимов контроля над вооружениями относят за счет мирового хаоса и отсутствия доверия между великими державами.

Советский Союз оказывал огромную экономическую и военную помощь Вьетнаму в войне с США. Накануне встречи в верхах в Москве в мае 1972 г. американская авиация осуществила массированные бомбардировки вьетнамской территории, включая минирование с воздуха хайфонского рейда — главного порта страны, причем пострадали и советские суда. Тогда в Кремле был жестко поставлен вопрос об отмене саммита, но высшее руководство решило встречу не отменять. Это, несомненно, явилось проявлением большой государственной мудрости и дальновидности. В итоге соглашения были подписаны, на следующие полвека был заложен процесс ограничения и сокращения стратегических вооружений, в мире началась разрядка напряженности. А вскоре США бесславно закончили вьетнамскую войну и начали свертывать свое военное и политическое влияние в Азии и по всему миру.

Как известно, через семь лет США не последовали этому доброму примеру и отказались ратифицировать следующий важный стратегический договор — ОСВ-2 из-за вступления советских войск в Афганистан. Отринутый Договор был венцом исключительно трудных переговоров и воплощал в себе множество прорывных соглашений по контролю над вооружениями. Итогом отказа от него стал почти 20-летний перерыв в процессе ограничения стратегических вооружений — до подписания Договора СНВ-1 в 1991 г.

В последующем, в России в 1990-е годы и в обеих странах в новом столетии, международные противоречия и взаимные политические претензии неоднократно затрудняли прогресс контроля над вооружениями. Нередко это относят к издержкам демократии и свободы прессы, но, скорее всего, дело в слабости, неадекватных приоритетах и плохой осведомленности руководителей исполнительной власти в сфере ядерного разоружения и нераспространения.

5. Разоружение набирает обороты

В 1972 г. гонка вооружений была не остановлена, а лишь ограничена по некоторым оборонительным и наступательным параметрам, набирая темп по другим категориям ядерного баланса и классам ядерных вооружений. В США наращивание этого потенциала по количеству боезарядов добралось до пика в начале 1960-х годов — 32 000 единиц, а затем сократилось к 1989 г. до 22 200 единиц суммарной мощностью в 20 000 мегатонн. В СССР к концу 1980-х годов по этим параметрам был достигнут максимум в 30 000 единиц и 35 000 мегатонн. Вместе (хоть и в разное время) две сверхдержавы, на которые приходилось примерно 98% глобального ядерного арсенала, накопили разрушительную мощь, эквивалентную почти 3 млн «хиросимских» бомб (!).

Тем не менее процесс ограничения и сокращения вооружений шел и неуклонно набирал силу и расширялся, несмотря на периодические остановки и попятные шаги. В последовавший период в сфере разоружения были подписаны

Договор о запрещении биологического оружия (1972), Договоры о неразмещении ядерного оружия на дне морей и океанов (1971), о пороговом ограничении мощности ядерных испытаний (1976).

К концу 1980-х годов холодная война была уже на излете, начались большие перемены внутри СССР, правящим кругом ведущих держав стала очевидной абсурдная избыточность ядерных потенциалов. Это послужило мощным импульсом переговоров по сокращению ядерного оружия, которые увенчались первыми радикальными соглашениями: Договором по ракетам средней и меньшей дальности в 1987 г. и Договором ОСВ-1 в 1991 г.

Впервые гонка вооружений была остановлена и обращена вспять по ключевому направлению благодаря Договору по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), который свел до нуля ядерные системы двух классов и повлек уничтожение 846 ракет США и 1846 ракет СССР. Однако этот Договор был намного более выгоден Москве, поскольку все уничтоженные ею ракеты не достигали территории США, а американские ракеты накрывали всю европейскую часть советской территории. Причем ракеты «Першинг-2» с минимальным подлетным временем (до 7 мин) были способны поразить защищенные подземные командные центры высшего военно-политического руководства страны.

По Договору СНВ-1 (1991) СССР и США снизили уровни стратегических ядерных сил (СЯС) примерно на 25% по носителям и на 50% по боезарядам. В рамках Договора СНВ-1 родилась концепция стратегической стабильности, закрепленная как правовая норма в Совместном Заявлении России и Соединенных Штатов²¹. Это понятие определялось как стратегические отношения, устраняющие «стимулы для нанесения первого ядерного удара». Данная концепция явилась коренным пересмотром традиционных взглядов: стороны взаимно приняли предпосылку, что первый ядерный удар является агрессией, независимо от того, какое государство его нанесло. Таким образом, стратегические ядерные силы были по умолчанию изъяты из бессмертной формулировки Клаузевица («война есть продолжение политики иными, насилиственными средствами»²²). Согласно логике Совместного Заявления от 1990 г., если ни одна из сторон не имеет возможность первым ударом существенно снизить свой ущерб от возмездия другой стороны, то развязывание войны (первый удар) не станет продолжением политики иными средствами, даже в случае острого конфликта интересов государств.

Также кардинальную роль имел Договор о сокращении обычных вооруженных сил в Европе (1990), по которому Варшавский Договор отказался от превосходства и сократил до уровней паритета вчетверо больше вооружений, чем НАТО

²¹ Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. June 1, 1990. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (accessed 15.03.2018); Sovmestnoe zajavlenie otnositel'no budushhih peregovorov po jadernym i kosmicheskim vooruzhenijam i dal'nejshemu ukrepleniju strategicheskoy stabil'nosti. Gosudarstvennyj vizit Prezidenta SSSR M.S. Gorbacheva v Soedinennye Shtaty Ameriki, 30 maja – 4 iyunja 1990 goda. Dokumenty i materialy. Moscow: Politizdat. 1990. 335 s. (In Russ.).

²² Клаузевиц К. О войне.

(34 700 и 8700 единиц соответственно²³). Параллельные политические обязательства Москвы и Вашингтона по оперативно-тактическим ядерным вооружениям (дальностью до 500 км) сократили этот класс оружия примерно в 10 раз.

Соглашения об ограничении и сокращении вооружений стабилизировали военный баланс на пониженных уровнях и сыграли уникальную роль в спасении мира от глобальной войны. Точно так же четко прослеживается взаимосвязь успехов и провалов диалога великих держав по ядерному разоружению и соответственно — прогресса или регресса режима нераспространения ядерного оружия²⁴. Разоружение стало неотъемлемой составной частью отношений ведущих военных держав мира и одной из центральных опор международной безопасности. В конечном итоге меры разоружения, наряду с договоренностями по конфликтным вопросам международной политики, к началу 1990-х годов привели к окончанию холодной войны и гонки вооружений.

В последующие после холодной войны два десятилетия могло показаться, что мечта президента Вильсона наконец воплощается в реальность. Принципы «стратегической стабильности» были воплощены в статьях Договора СНВ-1, а затем нашли более или менее реальное отражение в Договорах СНВ-2 (1993), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и ПРО театра военных действий (1997), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП от 2002 г.) и текущем Договоре СНВ (или, как его в России называют, СНВ-3 от 2010 г.). Благодаря договорам по СНВ и односторонним мерам государств, глобальные ядерные арсеналы были снижены на 80% по числу ядерных боезарядов (примерно с 50 тысяч до 10 тысяч единиц) и в 30 раз по суммарному мегатоннажу²⁵.

Были заключены Договор по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ — 1996 г.) и Конвенция по запрещению химического оружия (1993), а с 1993 г. начались переговоры с целью заключения Договора о запрещении производства разделяющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ).

Договор о нераспространении ядерного оружия получил бессрочный статус (1995), к нему присоединились более 40 государств, включая две ядерные державы (Франция и КНР). Добровольно или насилино лишились ядерного оружия или военных ядерных программ 7 стран (Ирак, ЮАР, Украина, Казахстан, Беларусь, Бразилия, Аргентина). В 1997 г. был принят Дополнительный Протокол к гарантиям МАГАТЭ, резко расширившим возможности контроля над ядерной деятельностью неядерных государств. ДНЯО превратился в самый универсальный международный документ, помимо Устава ООН, за его пределами на тот момент остались всего 3 страны мира (Индия, Пакистан, Израиль).

²³ См.: Антонов А., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе — конец режима или история с продолжением? М.: ПИР-Центр, 2012. 1 (27). С. 12.

²⁴ См.: Арбатов А. Контроль над ядерным оружием: конец истории? // МЭиМО. 2015. № 5. С. 5–18.

²⁵ Подсчитано на основе: Ежегодник СИПРИ 2017: Вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: Наука, 2018. С. 338–352. [SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security]. Oxford University Press, 2017; SIPRI Yearbook 1990: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 1991. Р. 3–51.]

Договор по открытому небу (1992) и Венский документ (2011) установили режимы беспрецедентной транспарентности в функционировании вооруженных сил России и НАТО. Зоны, свободные от ядерного оружия, охватили вдобавок к Антарктике (1959) и Латинской Америке (1967) также южный Тихий Океан (1985), Юго-Восточную Азию (1995), Африку (1996) и Центральную Азию (2006). Ряд соглашений касался ликвидации запасов и запрета на применение обычных вооружений (как противопехотные мины, кассетные боеприпасы), физической защиты ядерных материалов, сотрудничества в безопасной ликвидации и утилизации ядерного и химического оружия, мирном использовании оружейных ядерных материалов (программа Нанна-Лугара от 1991 г. и соглашение ВОУ-НОУ²⁶ от 1993 г.).

Однако вильсоновским мечтам опять не суждено было сбыться. После 2010 г. (заключение Пражского Договора СНВ) в процессе и системе разоружения происходила явная стагнация, а затем начался распад. Ныне впервые за более чем полвека переговоров и соглашений по ядерному оружию (после Договора 1963 г.) мир оказался перед перспективой потери уже в ближайшее время договорно-правового контроля над этим самым разрушительным оружием в истории человечества.

6. Факторы распада

Причины этого драматического положения многогранны. Хотя текущая военно-политическая и экономическая конфронтация России и Запада из-за Украины и противоречия по Сирии, Венесуэле и другим вопросам усугубляют тупики процесса разоружения, истоки проблемы относятся к более давнему прошлому.

Традиционно контроль над ядерным оружием зиждился на ярко выраженной bipolarности миропорядка, примерном равновесии сил сторон и достаточно простом разграничении и согласовании классов и типов оружия в качестве предмета переговоров. Ныне миропорядок стал многополярным, равновесие асимметричным, а новые системы оружия размывают прежние разграничения.

После распада СССР (как империи и социально-идеологической системы) и неудачной попытки США организовать однополярный мир в 1990-е и начале 2000-х годов, миропорядок постепенно становился полицентричным. Все большую роль в нем стали играть другие, помимо России и США, глобальные центры силы (Китай, Евросоюз) и региональные лидеры (Индия, страны АСЕАН, Иран, Саудовская Аравия, Турция, ЮАР, Бразилия). В их внешних интересах и представлениях о безопасности сокращение ядерных вооружений не имело большого значения или вовсе не фигурировало.

Переход от конфронтации к сотрудничеству сверхдержав практически снял угрозу ядерной войны между ними с повестки дня мировой безопасности.

²⁶ ВОУ – высокообогащенный уран, НОУ – низкообогащенный уран.

На передний план вышли финансово-экономические, климатические, ресурсные, миграционные и другие проблемы глобализации, а в области безопасности – этнические и религиозные локальные конфликты, международный терроризм, распространение ядерного оружия, незаконный оборот наркотиков и другие виды трансграничной преступности.

После «золотого века» разоружения 1987–1997 гг., процесс сокращения ядерных вооружений все дальше смещался к периферии тематики международной безопасности, утрачивал ясное целеполагание и обоснованную этапность. Даже в отношениях России и США с начала 2000-х годов контроль над ядерными вооружениями отодвинулся на задний план.

Между тем исторический опыт показал, что хорошие политические отношения двух держав, сохранявшиеся вплоть до середины 2000-х годов, сами по себе, без активных усилий в области контроля над вооружениями, не «развеяли» жестокую стратегическую реальность взаимного ядерного сдерживания – как бы ее ни затушевывали благозвучными политическими декларациями. Эта фактически оставленная на много лет без внимания военно-политическая реальность, наряду с другими факторами, в конечном итоге подорвала отношения России и США по истечении первого десятилетия нового века. Договор СНВ-3 от 2010 г. лишь притормозил, но не остановил эту деградацию.

Не менее явно противоречие между полицентрическим миропорядком и ядерным разоружением проявилось в том, что этот договорно-правовой процесс так и не стал многосторонним. В ответ на все призывы Москвы (к которым иногда присоединялся Вашингтон) остальные ядерные государства неизменно выдвигали условием своего подключения к процессу дальнейшее сокращение ядерных сил США и России (составлявших 80–90% мирового ядерного арсенала) ближе к уровню третьих стран. Однако со стороны Москвы и Вашингтона, кроме общих деклараций о необходимости перехода к многостороннему формату разоружения, так и не последовало предложений ни о концептуальной основе такого формата переговоров (паритет, стратегическая стабильность, квотирование, «замораживание» фактических уровней), ни о составе участников или очередности их присоединения к процессу, ни о предмете переговоров (виды и типы вооружений). В конечном итоге в России и США условие перехода к многостороннему формату стало эффективным доводом в пользу прекращения процесса разоружения и даже отказа от ранее заключенных договоров (как ДРСМД).

Дело довершил кругой поворот мировой политики после 2012 г. Россия заявила о нежелании мириться с моделью неравноправных отношений с Западом и доминированием НАТО в Европе и США во всем мире. Был взят курс на активную дипломатию и восстановление военной мощи для возрождения великоледжавного статуса России и противодействия влиянию Запада на постсоветском пространстве и в других районах мира. С 2013 г. разразился украинский кризис, в 2014 г. произошло присоединение Крыма к России, и началась война в Донбассе. В 2015 г. Москва впервые в истории открыто предприняла большую военную операцию на Ближнем Востоке (в Сирии).

Соединенные Штаты и их союзники начали против России войну экономических санкций и стали реанимировать в той или иной форме стратегию ее «изоляции» и «сдерживания». С использованием новейших информационных технологий развернулась ожесточенная пропагандистская борьба, наряду с периодическими хакерскими диверсиями. Возрождается интенсивное военное противостояние России и США/НАТО в Восточной Европе, в зонах Балтийского и Черного морей, в Арктике и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Опасность большого вооруженного столкновения России и США, в том числе с применением ядерного оружия, вновь нависла над Европой и остальным миром.

В итоге сложилась комбинация, крайне неблагоприятная для разоружения факторов. Мироустройство остается поликентричным и асимметричным (в смысле наличия у центров силы неравнозначных экономических, военных и политических активов влияния). Напряженность в отношениях России и США/НАТО де-факто вернулась к уровню прошлой холодной войны. При этом приоритетность разоружения в ведущих столицах низка, а популярность наращивания военной мощи и внедрения новых систем оружия возрастает.

Эти негативные обстоятельства усугубляются развитием военных технологий и созданием новейших вооружений, которые стирают традиционные различия между ядерными и обычными, наступательными и оборонительными, стратегическими и региональными системами оружия. Речь идет, прежде всего, о разнообразных ударных системах большой дальности (свыше 500 км), способных поражать обычными боезарядами цели, которые в прошлом можно было уничтожить только с использованием ядерных боеприпасов. Эту возможность открыли новые информационно-управляющие системы (в том числе космические) и миниатюризация электронно-вычислительной техники, которые позволяют значительно повысить точность наведения ударных средств (до нескольких метров вероятного отклонения)²⁷.

На смену существующим неядерным крылатым ракетам с относительно ограниченной дальностью действия (менее 2000 км), дозвуковой скоростью и длительным подлетным временем до целей (около 2 часов) на обозримое будущее создается следующее поколение высокоточного оружия (ВТО), которое позволит наносить такого рода удары на межконтинентальной дальности (более 5500 км) с гиперзвуковой скоростью и относительно коротким подлетным временем (менее 60 мин)²⁸. Также интенсивно развиваются ударные беспилотные средства воз-

²⁷ Речь идет о таких системах США, как крылатые ракеты (КР) морского базирования типа «Томахок» (*BGM-109*), крылатые ракеты воздушного базирования (*AGM-84*, *AGM-158B JASSM-ER*). Россия тоже наращивает свой арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты (типа «Калибр» 3М-54 и 3М-14, авиационные ракеты типа Х-55СМ, Х-555 и Х-101, наземные ракеты типа 9М728 «Искандер» и 9М729 «Новатор»). К 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет РФ выросло более чем в 30 раз (Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018)).

²⁸ В частности, такие системы испытываются в США в рамках программы «Быстрого конвенционального глобального удара», например, ракетно-планирующая «Альтернативная система входа в атмосферу» (*ARS – Alternate Re-entry System*). Параллельно испытываются гиперзвуковая авиационная ракета Икс-51А «Уэйв Рэйдер» (X-51A Wave Rider) и ракетно-планирующая система

душного и морского базирования, в том числе оснащенные системами управления с искусственным интеллектом. Оборонительные системы ПРО обретают расширяющий наступательный противоспутниковый потенциал или могут использовать как антиракеты, так и наступательные крылатые ракеты²⁹.

Многие объекты СЯС России (а в перспективе и США) могут быть уязвимы даже для существующих и тем более будущих гиперзвуковых крылатых ракет. Сюда относятся радары СПРН, ПРО и ПВО, легкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы в базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, склады ядерных боеприпасов на военных базах, пункты связи и управления космическими аппаратами, подводными лодками и дальней авиацией.

Кроме того, многие нынешние и будущие средства такого рода и их носители имеют двойное назначение, и их применение до самого момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара. Это относится к тяжелым и средним бомбардировщикам, тактической ударной авиации с ракетами и авиабомбами, кораблям и многоцелевым подводным лодкам с ракетным оружием двойного назначения³⁰. Такие системы и связанные с ними концепции и планы могут вызвать быструю неуправляемую эскалацию обычного локального конфликта и даже военного инцидента к ядерной войне.

Рассмотренные политические, военно-технические и стратегические тенденции разрушают систему и режимы контроля над ядерным оружием, построенную за последние пятьдесят с лишним лет огромными усилиями политиков, дипломатов, военных и ученых СССР/России, США и других стран.

Таким образом, США и Россия стоят на пороге новой масштабной гонки вооружений, причем, в отличие от периода холодной войны, эта ракетно-ядерная гонка будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям в неядерном оснащении, а также развитием космического оружия и средств кибервойны.

США планируют начать с середины 2020-х годов обновление своей стратегической триады: по одной новой системе на смену нынешним МБР, БРПЛ и тяжелым бомбардировщикам³¹. А Россия продолжает начатую десять лет назад модернизацию своей триады, разрабатывая и развертывая три системы МБР («Ярс»,

AGM-183 ARRW для оснащения тяжелых бомбардировщиков. Россия опережает США по летным испытаниям ракетно-планирующего гиперзвукового крылатого блока (ПКБ) для установки на МБР типа РС-18 (УР-100УТТХ или по западному индексу SS-19) или на новой тяжелой ракете «Сармат», которая должна быть принята на вооружение около 2020 г. Об этой гиперзвуковой системе под наименованием «Авангард» рассказал президент Путин в своем Послании от 1 марта 2018 г.

²⁹ Например, российская система ПРО типа «Нудоль», американская система ПРО «Иджис Ашор» (*Aegis Ashore*) с пусковыми установками Mk-41.

³⁰ Речь идет о КРМБ «Калибр», «Томахок» (которые США решили вновь оснастить ядерными боеголовками), авиационных крылатых ракетах X-101/102, AGM-158, наземных баллистических и крылатых ракетах «Искандер» и «Новатор».

³¹ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. P. 23. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

«Рубеж», «Сармат»), одну систему БРПЛ («Борей-Булава») и две системы бомбардировщиков (Ту-160М и ПАК ДА). (Эта большая программа предусматривала в 2011–2020 гг. принятие в боевой состав 400 стратегических баллистических ракет и 8 новых ракетных подводных лодок³².)

Также Соединенные Штаты разрабатывают системы для ограниченных ядерных ударов (БРПЛ «Трайдент-2» с боеголовками пониженной мощности, крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (типа *LRSO*), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) и новые КРМБ в ядерном оснащении). А Россия развивает стратегические системы, показанные в президентском Послании от 1 марта 2018 г. (атомная крылатая ракета «Буревестник», гиперзвуковой планирующий блок «Авангард» и атомная суперторпеда «Посейдон»³³).

К тому же гонка вооружений станет многосторонней, вовлекая, помимо США и РФ, также КНР, страны НАТО, Индию и Пакистан, Северную и Южную Кореи, Японию и другие государства. Разворачивание гонки ядерных вооружений, несомненно, будет подрывать нормы и режимы нераспространения ядерного оружия – есть большая опасность провала очередной Обзорной Конференции по рассмотрению ДНЯО в 2020 г. В очередь на вступление в «ядерный клуб» встанут Иран, Саудовская Аравия, возможно – Египет, Турция, Япония, Южная Корея, Тайвань, Нигерия, Бразилия и другие страны. А через них ядерное оружие рано или поздно неминуемо попадет в руки международного терроризма со всеми вытекающими последствиями.

7. Некоторые уроки гонки вооружений

Как отмечалось выше, «гонка вооружений», при всей условности этого понятия, была и остается исключительно сложным и многогранным процессом. Тем не менее сторонникам наращивания ядерных вооружений и создания новых систем оружия, а также политикам, санкционирующими такие программы, было бы полезно знать некоторые уроки этого соревнования прошлых лет. В частности, опыт дал немало примеров того, как первенство в создании нового оружия впоследствии оборачивалось для той или иной стороны стратегическим ущербом, а не выигрышем.

Начать с грандиозного исторического примера: создав и применив атомную бомбу в 1945 г., США рассчитывали обрести «абсолютное оружие» для мирового господства. Но после создания аналогичного оружия, а затем и его межконтинентальных носителей в СССР, Соединенные Штаты впервые в своей истории лишились недосыгаемости для большой войны, укравшись за двумя океанами.

³² Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Российская газета. 20 февраля 2012 г. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>

³³ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

Еще хуже для них – со временем США стали уязвимы для ядерного потенциала Китая, а затем даже Северной Кореи и в будущем – других вероятных обладателей ядерного оружия (включая террористов), которых прежде было немыслимо считать угрозой американской национальной безопасности.

Другой пример – в начале 1970-х годов США первыми создали и приступили к развертыванию морских и наземных баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). С середины 1960-х годов они рассматривались как гарантия прорыва любой будущей советской системы ПРО, которая считалась дестабилизирующей, и потому получили поддержку министра обороны Макнамары. Но в 1969 г. начались советско-американские переговоры об ограничении систем ПРО, и нужда в системах РГЧ по идее отпала. Однако преемники Макнамары в Пентагоне приложили максимум усилий для продолжения этих программ («Минитмен-3» и «Посейдон») как основы достижения превосходства над СССР по числу ядерных боеголовок при ограничении ракетных носителей, зафиксированного Временным Соглашением ОСВ-1 (1972). Новые наступательные системы выглядели для США привлекательно, поскольку давали возможность существенно расширить перечень целей оперативного плана (до 16 000 объектов³⁴) и вернуться к стратегии гибкого применения ядерных сил, включая разоружающие («контрсиловые») удары, что и было объявлено в 1974 г. в контексте стратегии министра обороны Джеймса Шлессингера³⁵. При этом, конечно, Вашингтон рассчитывал на длительное опережение по указанным системам оружия.

Однако уже к началу 1980-х годов СССР ликвидировал отставание и развернул три типа наземных и один тип морских ракет с РГЧ. Это вызвало в США настоящую панику по поводу уязвимости их ракетных сил наземного базирования, что стало основным стратегическим аргументом в кампании против Договора ОСВ-2 (от 1979 г.) и главной озабоченностью их военной политики и акцентов на переговорах по СНВ в последующие двадцать лет.

Еще один поучительный опыт – развитие с конца 1970-х годов высокоточных крылатых ракет морского и воздушного базирования в неядерном оснащении, в котором США сохраняли существенное преимущество перед СССР и Россией на протяжении трех последующих десятилетий. Эти системы оправдывались планами применения в локальных войнах (и, действительно, широко использовались в Ираке, Югославии, Афганистане, Ливии и Сирии), но в то же время они вторглись в стратегию ядерной войны и стратегический баланс через концепцию «конвенционального (обычного) сдерживания», давно провозглашенную в официальных документах США³⁶.

³⁴ Ronald L. Tammen, *MIRV and the Arms Race*. New York: Praeger, 1973. P. 114.

³⁵ Third Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. February 9, 1972. Public Papers of the Presidents of the United States, Richard M. Nixon, 1972. Washington, D.C: U.S. Government Printing Office, 1974. P. 307.

³⁶ Einhorn R., Pifer S. (eds.) *Meeting U.S. Deterrence Requirements*. Washington, Brookings Institution, 2017. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/09/fp_20170920_deterrence_report.pdf (accessed 01.02.2019).

И здесь США рассчитывали на устойчивое преимущество, однако в конечном итоге Россия и здесь стала быстро ликвидировать отставание, что отразилось в ее Военной доктрине 2014 г., где сказано, что «в рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерации предусматривается применение высокоточного оружия»³⁷. К 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет РФ выросло более чем в 30 раз³⁸. А США впервые в их истории забили тревогу по поводу своей возникшей уязвимости для ударов высокоточного обычного оружия из-за океанов, о чем было однозначно сказано в их новой ядерной доктрине³⁹.

В известном смысле такой же поворот может произойти с новейшими гиперзвуковыми ракетно-планирующими системами. Выдвинув концепцию «Быстрого конвенционального глобального удара», США поначалу (в 2010–2011 гг.) как будто опередили Россию⁴⁰. Но уже в 2017–2018 гг. Россия вырвалась вперед на этом треке военно-технического соперничества⁴¹.

Впрочем, объективности ради, нужно отметить, что и Советский Союз имел опыт такого рода. Запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г. продемонстрировал советское первенство в создании межконтинентальных ракет, лишил США традиционной неуязвимости и сделал первый шаг к достижению стратегического паритета полтора десятилетия спустя. Но безудержная бравада советского лидера Н.С. Хрущева (в том числе с трибуны ООН) в духе: «Мы пекем ракеты, как сосиски» и «Мы вас закопаем»⁴² – возымела обратный эффект. Широкая кампания о «ракетном отставании» от СССР побудила пришедшую к власти администрацию президента Джона Кеннеди начать форсированное наращивание ракетно-ядерных сил. В итоге этого рывка в течение 1960-х годов американские стратегические ядерные силы увеличились по числу стратегических ракет в десятки раз и обрели многократное превосходство над советскими. А Советскому Союзу с огромными затратами удалось выровнять стратегический баланс лишь в начале 1970-х годов.

Другой пример – развитие системы противоракетной обороны, в котором СССР тоже поначалу опередил США, начав программу в 1953 г. и осуществив

³⁷ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

³⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

³⁹ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC, February 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

⁴⁰ *Acton J.M. Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike.* Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2013. Available at: <http://carnegieendowment.org/2013/09/03/silver-bullet-asking-right-questions-about-conventional-prompt-global-strike-pub-52778> (accessed 22.02.2018).

⁴¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

⁴² Цит. по: Глазкова Л. Может ли повториться Карибский кризис? URL: <https://www.pnp.ru/politics/mozhet-li-povtoritsya-novyy-karibskiy-krizis.html> (дата обращения: 30.01.2019).

первый успешный перехват баллистической ракеты в 1961 г.⁴³ И по этому поводу Н. Хрущев не удержался от хвастовства: «Мы можем без промаха муху в космосе сбить»⁴⁴. Соединенные Штаты с отставанием начали разработку аналогичной системы в 1958 г., но уже с 1963 г. США стали значительно опережать СССР в противоракетной технологии. С тех пор американская программа ПРО периодически становилась главной проблемой безопасности СССР/России, как в 1980-е годы в период разработки систем СОИ Рейгана, так и в настоящее время. К тому же советская программа ПРО стала в середине 1960-х годов сильным стимулом для развития упомянутых выше американских систем баллистических ракет с РГЧ. Это вылилось в два долгостоящих цикла гонки ракетно-ядерных вооружений в 1970-е и 1980-е годы и повлекло более чем пятикратное наращивание ядерных боеголовок в стратегических силах двух держав, рост потенциалов разоружающего удара и дестабилизацию стратегического баланса.

Не исключено, что подобная диалектика возымеет эффект и в случае с гиперзвуковым оружием. В качестве ответа на американскую программу ПРО в Послании президента РФ от 1 марта 2018 г. были обнародованы шесть программ новейших вооружений России. Из стратегических систем главные – это тяжелая МБР «Сармат» и гиперзвуковой планирующий блок (ГПБ) типа «Авангард», способный преодолевать любую вероятную ПРО США. Эта система была в очередной раз успешно испытана в конце декабря 2018 г. (что было объявлено «новогодним подарком» стране), и в составе первого полка должна быть развернута в 2019 г. на МБР шахтного базирования типа РС-18 (Р-100УТТХ по российскому наименованию и SS-19 – по зарубежному). Описывая уникальные свойства новой системы, президент России сказал: «Он идет к цели как метеорит, как горящий шар, как огненный шар... Как вы понимаете, ничего подобного ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята еще что-нибудь придумают»⁴⁵. Действительно, в ответ на этот вызов США уже ускорили разработку своих гиперзвуковых систем⁴⁶.

Не ставя под сомнение впечатляющий военно-технический прорыв России, следует оговориться, что стратегическое значение новейших наступательных стратегических систем пока непредсказуемо. Прежде всего оно будет определяться их стоимостью и масштабами развертывания в боевом составе, достижимой точностью попадания в цель и классом боеголовок (ядерные или обычные), устойчивостью информационно-управляющих систем к мерам противодействия

⁴³ Podvig P. The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century. Missile Defense: Confrontation and Cooperation / Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N. (eds.) Moscow: Carnegie Moscow Center, 2013. P. 33–51.

⁴⁴ Кисляков А. ПРО «Верб», «Муха», «Кектус» и «Крот». URL: <https://ria.ru/20071217/92808803.html> (дата обращения: 01.02.2019).

⁴⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

⁴⁶ Tucker P. The US is Accelerating Development of Its Own «Invincible» Hypersonic Weapons. Defense One. 02.03.2018. Available at: <https://www.defenseone.com/technology/2018/03/united-states-accelerating-development-its-own-invincible-hypersonic-weapons/146355/> (accessed 15.03.2018).

(особенно это относится к системам навигации на среднем и самонаведения на конечном участках траектории).

Если развертывание новой системы ограничится несколькими десятками единиц, то оно останется экспонатом достижений российской науки и техники, но не окажет никакого влияния на стратегический баланс. Если же эта система пойдет в крупное серийное производство и будет совершенствоваться и если по данному направлению развернется интенсивная гонка вооружений, то в перспективе у России могут возникнуть немалые проблемы.

Со стратегической точки зрения такое оружие было бы необходимо как средство прорыва ПРО, если бы американская система была способна отразить массированный удар существующих баллистических ядерных ракет (около 1500 боеголовок по Договору СНВ-3). Но в обозримом будущем это невозможно, и потому ГПБ в ядерном снаряжении может расцениваться как «опережающее» сдерживание будущих попыток Вашингтона вернуться к какому-то подобию Стратегической оборонной инициативы (СОИ) президента Рональда Рейгана периода 1980-х годов. Опубликованный в 2019 г. «Обзор противоракетной обороны» США ничего подобного на обозримое будущее не предусматривает⁴⁷.

Выступая в Сочи в октябре 2018 г., президент Путин следующим образом сформулировал центральный элемент ядерной стратегии России: «Наша концепция – это ответно-встречный удар... СПРН, система раннего предупреждения о ракетном нападении... фиксирует в глобальном масштабе, какие старты стратегических ракет из Мирового океана, с какой-то территории произведены. Это первое. И второе – она определяет траекторию полета. Третье – район падения головных частей ядерного оружия. И когда мы убеждаемся (а это все происходит в течение нескольких секунд), что атака идет на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар»⁴⁸.

Создание гиперзвуковых систем с обеих сторон способно подорвать эту концепцию. Старт разгонных ракетных ступеней гиперзвуковых планирующих блоков, как и баллистических ракет, засекается со спутников через 1–1,5 мин, но после этого ГПБ «ныряют» в стратосферу и на протяжении большей части траектории летят по непредсказуемым маршрутам и не сопровождаются радарами СПРН, которые способны обнаружить их только за 3–4 мин до падения⁴⁹. Поэтому традиционные системы ПРО не способны перехватить гиперзвуковые блоки, и именно на этом преимуществе нового оружия ставит главный акцент российское военное и политическое руководство.

Но по той же причине траектория ГПБ не позволяет своевременно подтвердить радарами их приближение после первоначального обнаружения пуска ракетносителей со спутников СПРН. В достаточном количестве такие средства с ядерными и даже обычными боеголовками – при обеспечении необходимой точнос-

⁴⁷ Missile Defense Review. 2019. Office of the Secretary of Defense. Washington DC. January 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/200208066/-1/-1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

⁴⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2016 г.

⁴⁹ *Acton J.M. Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike.* P. 70.

ти наведения — могут создать угрозу быстрого глобального разоружающего удара по защищенным объектам типа шахтных пусковых установок МБР и командных центров противника, не говоря уже о других военных объектах.

Следовательно, как у России, так и у США блокируется концепция ответно-встречного удара. Однако у последних на МБР шахтного базирования размещена небольшая часть стратегических сил (менее 30% боеголовок по правилам засчета Договора СНВ-3, а по реальной загрузке 25%), а у России гораздо большая их доля (свыше 50%, включая все нынешние и будущие МБР тяжелого типа и носители ГПВ «Авангард»). Поэтому РФ делает главный упор на концепцию ответно-встречного удара, а для США это лишь второстепенный, запасной вариант.

Соответственно, при развертывании значительной группировки высокоточных американских гиперзвуковых средств России придется отменить такую концепцию или готовиться запускать свои МБР сразу по сигналу спутников СПРН. Первое предполагает огромные затраты на дополнительное развертывание высокоживущих (в том числе мобильных) вооружений и систем информационно-управляющего комплекса. Второе резко увеличило бы опасность ядерной войны из-за ложных тревог, которые периодически случались в прошлом со спутниками раннего предупреждения обеих сторон. Остается надеяться, что указанные варианты развития событий доложены российскому руководству.

Другая широко обсуждаемая инновационная российская система — это «Посейдон» — автономная торпеда огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомным реактором и мощным ядерным зарядом, запускаемая со специализированных подводных лодок (она раньше именовалась «Статус-6» и предназначалась для доставки ядерного боезаряда в 100 мегатонн⁵⁰). Эта система разрабатывалась с начала 1980-х годов для удара из-под воды в обход космической СОИ. Однако ее целесообразность в настоящее время не самоочевидна, если не считать психологического эффекта подобного «устройства судного дня» («doomsday machine» — как это называлось в нашумевшем американском фильме «Доктор Стрэндженхейм» 1950-х годов).

Что до стратегической логики, то система «Посейдон»⁵¹ похожа на еще одно чудо российской техники в поисках сколько-нибудь вразумительной задачи (наряду с межконтинентальной крылатой ракетой с атомным реактором «Буревестник»). Опять-таки полторы тысячи ядерных боеголовок российских баллистических ракет могут за 30 мин надежно поразить все вообразимые цели и на побережье, и в глубине территории любого противника. Торпеда «Посейдон» будет идти к американским берегам несколько дней и потому не годится как оружие ответно-встречного удара. Если правда, что она несет мульти megatonный ядерный заряд, то поднятая глубинным взрывом гигантская волна-циунами способна

⁵⁰ Сивков К. Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 20.03.2017.

⁵¹ Это название по заявкам трудающихся нельзя назвать удачным, поскольку так называлась первая американская система БРПЛ с разделяющимися головными частями, развернутая с 1970 г. Впрочем, обывателю позволительно этого не помнить, в отличие от профессионалов российского Минобороны.

разве что смыть радиоактивные руины, оставшиеся от предыдущего обмена ракетными залпами. В первом ударе такая торпедная атака может быть внезапной, но не предотвратит ядерное возмездие США – их командные центры и шахты МБР расположены в глубине континента, ракетные подводные лодки дежурят в океане, а бомбардировщики в кризисной ситуации поднимаются в воздух.

Тем более сомнительно использование системы «Посейдон» для ударов по авианосным соединениям США, которые, как и весь их флот (кроме стратегических подводных лодок-ракетоносцев), после 2011 г. не имеют ядерного оружия. Президент РФ отверг концепцию «превентивного ядерного удара» по силам общего назначения противника на театрах военных действий. Россия недаром в последние годы создает разнообразные высокоточные гиперзвуковые неядерные ракеты для многоцелевых подводных лодок, кораблей и морской авиации (в том числе вызвавший недавний ажиотаж «Циркон») для поражения неприятельских флотов.

Как и с системой «Авангард», возможное влияние торпеды «Посейдон» на стратегическую стабильность пока не поддается однозначной оценке. Однако, если аналогичные средства будут создавать США, скорее всего, эффект будет дестабилизирующим, создав угрозу российским военным и гражданским центрам и объектам на Черном и Балтийском морях, вдоль Северного морского пути и на Тихом океане. При распространении такого оружия среди других стран возникнет угроза «анонимного» ядерного удара из-под воды. В конечном итоге и это может негативно отразиться на безопасности РФ, в очередной раз воспроизводя правило «бумеранга» гонки вооружений.

8. Заметки по истории разоружения

Среди множества поучительных примеров этого многолетнего процесса следует для начала отметить ложные уроки: например, утверждение, что переговоры об ограничении ядерных вооружений подстегивали создание новых систем оружия в качестве «козырей для торга», и потому «баланс полезности и вредности контроля над вооружениями подвести крайне трудно»⁵². На деле таких примеров нет, стратегические системы оружия – слишком дорогостоящие, сложные и долголетние проекты, и их никогда не осуществляют, чтобы потом от них отказаться взамен на какие-то уступки другой стороны. Другое дело, что в 1970-е и 1980-е годы аргумент о «козырях (bargaining chips) иногда использовался Пентагоном для обоснования тех или иных систем оружия в Конгрессе США (в частности, программы «М-Икс Пискипер»⁵³), но реально они создавались для выполнения конкретных боевых задач и изменения в свою пользу стратегического

⁵² Караганов С. О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир // Россия в глобальной политике. Март – апрель, 2017. Т. 15. № 2. С. 9.

⁵³ Joint Committees on Foreign Relations and Foreign Affairs of the U.S. Senate and HoU.S.e of Representatives, Fiscal Year 1979 Arms Control Impact Statements. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1978. P. 18.

баланса сил. Даже развертывание в Европе американских ракет средней дальности в 1980-е годы имело целью завоевать двойное стратегическое преимущество над СССР – на европейском театре и на глобальном уровне, поскольку советские территории США не достигали. Потом Вашингтон «разменял» эти ракеты на советские лишь из-за сильного давления союзников по НАТО и с целью достижения Договора СНВ-1 и глубокого сокращения советских многозарядных МБР, прежде всего, тяжелого типа.

Реальный урок переговорных десятилетий, во-первых, состоит в том, что по мере изменения военного баланса стороны периодически менялись местами в своем отношении к ограничению тех или иных систем оружия. На переговорах даже шутили: Москва и Вашингтон занимают одинаковые позиции, но в разное время. Так, прелюдией к стратегическим переговорам была встреча в июне 1967 г. в Глассборо (штат Нью-Джерси) президента Линдона Джонсона и председателя Совета министров Алексея Косыгина. На ней обсуждался вопрос системы ПРО (которую СССР тогда уже начал развертывать, а США еще нет). В ответ на доводы приглашенного на встречу Макнамары о дестабилизирующем эффекте ПРО Косыгин возмущенно заявил: «Оборона моральна, а наступление аморально»⁵⁴. После того как США начали разворачивать свою систему ПРО «Сейфгард», стороны поменялись местами: Москва стала сторонником ограничения ПРО, а Вашингтон настаивал на потолке для наступательных ракет.

Понятно, что на переговорах каждая сторона стремится ограничить вооружения, по которым оппонент имеет преимущество, и оградить от лимитов свои приоритетные системы оружия. Но в ходе военно-технического соревнования стороны регулярно догоняют друг друга и, соответственно, переставляют акценты своих озабоченностей и переговорных запросов.

Например, на протяжении многих лет Россия ставила на передний план стратегических угроз, наряду с системой ПРО США, их программу «Быстрого конвенционального (т.е. неядерного) глобального удара». Российский президент неоднократно касался этой темы, начиная с Валдайского форума 2014 г: «Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов, страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получат явное военное преимущество. Будет сломан стратегический паритет, а это чревато дестабилизацией. Возникает соблазн использования так называемого первого глобального обезоруживающего удара. Словом, риски не снижаются, а возрастают»⁵⁵.

Между тем в последние годы Россия совершила рывок в создании высокоточных крылатых ракет (число которых в боевом составе выросло в 30 раз) и обогнала США с испытаниями и развертыванием в боевом составе ракетно-

⁵⁴ Newhouse J. War and Peace in the Nuclear Age. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1989. P. 205.

⁵⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. Сочи. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46860> (www.kremlin.ru – Официальный сайт Президента России).

планирующей гиперзвуковой системы «Авангард», о которой было объявлено в президентском Послании 1 марта 2018 г.⁵⁶ Как раз такого типа система разрабатывается в США в рамках программы «Быстрого глобального удара». В этой связи весьма показательно, что с начала 2018 г. все официальные заявления об угрозе высокоточных неядерных систем в России прекратились. Весьма вероятно, что в случае продления Договора СНВ-3 или в рамках будущих переговоров о следующем соглашении по стратегическим вооружениям, Москва изменит свою позицию и не будет требовать запрещения или ограничения таких систем оружия.

Аналогично, есть основания предполагать, что с развертыванием новых ракет США и ряда соседних с Россией стран Евразии многолетняя российская позиция изменится в пользу широкого развертывания противоракетной обороны (в частности, наземно-мобильных систем типа «Нудоль» и С-500). В ином случае наращивание российских систем средней и межконтинентальной дальности лишь создаст аналогичную угрозу другим странам, но не защитит Россию от гипотетических ударов с использованием таких ракет. Причем и дальше полагаться на поверхностное понимание концепции сдерживания будет стратегически безграмотно. По мнению некоторых авторитетных военачальников, новое противостояние заставит Россию принять концепцию упреждающего ядерного удара⁵⁷. А если такую же стратегию примут США, то любая возможная кризисная ситуация заставит обе стороны играть на опережение с применением ядерного оружия – со всеми вытекающими последствиями.

Не вдаваясь в перечисление других подобных примеров, можно сделать вывод, что в профессиональных стратегических оценках не стоит драматизировать текущие асимметрии военного баланса и расхождения в переговорных позициях сторон. Эти оценки периодически меняются, ставя сценаристов апокалипсиса в глупое положение, особенно если в общественном дискурсе сохраняется память о недавних пророчествах.

Наконец, самый главный урок истории разоружения: создавать договоры по разоружению очень трудно, а ломать легко. Но отказ от договоров в этой сфере никогда не укреплял безопасность государств, но всегда ослаблял ее.

Например, США, ссылаясь на ракетную угрозу «стран-изгоев», вышли из Договора по ПРО в 2002 г. Спустя 18 лет, в 2020 г., вместо разрешенных по Договору 100 антиракет в Северной Дакоте (которые при нынешних технологиях могли бы закрывать весь север континента), они будут иметь 44 стратегических антиракеты «типа ГБИ» (GBI – ground-based interceptor) на Аляске и в Калифорнии. Даже в случае решения республиканской администрации о создании третьего позиционного района ПРО на северо-востоке США, общее число стра-

⁵⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

⁵⁷ См.: интервью генерал-полковника В.И. Есина, который сказал: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара» // Еженедельник «Звезда». 09.11.2018.

тегических антиракет достигнет 104 единиц – почти как по Договору по ПРО. Что касается системы «Стандарт-3» на суше и на море (как и российских систем С-400 и С-500), то, не нарушая Договор от 1972 г., они могли бы регламентироваться на основе адаптированных принципов соглашения России и США от 1997 г. о разграничении стратегической ПРО и противоракетных систем для перехвата ракет средней и меньшей дальности (кстати, тоже отвергнутого в США после 2000 г.)⁵⁸.

В целом после 2002 г. положение с угрозами, на которые ссылался тогда Вашингтон, ухудшилось. КНДР в 2003 г. вышла из ДНЯО, в 2006 г. создала ядерное оружие и испытывает баллистические ракеты все большей дальности. Иран согласился на свертывание своей атомной программы не под влиянием ПРО США, а по другим причинам, но продолжает развивать ракетный потенциал. В мире ускорилось распространение ядерных материалов и технологий, а также ракетных систем. После Договора СНВ от 2010 г. зашли в тупик дальнейшие переговоры по стратегическим вооружениям с Россией, которая предприняла широкую программу обновления своих ракетно-ядерных сил для противодействия американской системе ПРО. Тем же путем идет Китай.

Со своей стороны, Россия в 2007 г. объявила «мораторий на соблюдение» Договора по обычным вооружениям в Европе (ДОВСЕ) и окончательно прекратила в нем свое участие в 2015 г. Изначально тот шаг обосновывался задачей побудить НАТО присоединиться к адаптированному варианту Договора (от 1999 г.), но вместо этого страны альянса после 2011 г. тоже прекратили соблюдение ДОВСЕ. Никаких ограничений обычных вооруженных сил в Европе больше нет, и новых соглашений не предвидится.

При этом за прошедшее время в Москве ни разу не было заявлено об укреплении безопасности страны на западном направлении – скорее наоборот. Правда, были созданы крупные группировки сил общего назначения в Западном, Южном военных округах и в Арктическом командовании России, а также военные базы в Крыму, Южной Осетии и Абхазии. Но по другую сторону границы – в странах Балтии и Польше началось развертывание военных контингентов НАТО, на континент возвращаются американские штабные структуры и склады тяжелой боевой техники. При общем многократном превосходстве альянса по всем основным военным и экономическим параметрам и с развитием средств быстрой переброски войск и техники эта тенденция не может не беспокоить Россию.

После известных событий на Украине и вокруг нее вдоль западных рубежей РФ вновь нарастает военное противостояние и напряженность военной деятельности сторон, хотя российские вооруженные силы (как и силы НАТО) имеют

⁵⁸ По этому соглашению ПРО театра военных действий (не нарушающей Договор по ПРО) считалась система, испытанная по ракете-мишени, скорость которой не превышала 5 км/сек, а дальность – 3500 км. На будущее было принято обязательство не создавать антиракеты наземного и воздушного базирования со скоростью более 5,5 км/сек и морского базирования со скоростью более 4,5 км/сек. См.: Ежегодник СИПРИ. 1998. Совместное издание СИПРИ и ИМЭМО РАН. М., 1999. С. 399–400.

пока количественные уровни на 30–40% ниже потолков ДОВСЕ. Тем не менее Россия, наверное, чувствовала бы себя намного более защищенной, если бы на западных рубежах вооруженные силы НАТО, прежде всего в Восточной Европе, были надежно ограничены национальными и территориальными квотами и открыты для мер контроля.

Еще большими угрозами чреват отказ от Договора РСМД и прекращение действия Договора СНВ-3, о чем было подробно сказано выше. Стабилизирующее значение этих Договоров не способны восполнить никакие новые ракетные и иные военные программы России и США – состояние их безопасности будет неумолимо деградировать в условиях неограниченной гонки вооружений.

* * *

На Валдайском форуме в октябре 2016 г. президент Путин заявил: «Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире» и его нельзя «рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии»⁵⁹.

Весь полувековой опыт гонки ядерных вооружений и переговоров об их ограничении и сокращении убедительно демонстрирует, что до тех пор, пока ядерное оружие остается в арсеналах государств, ядерное сдерживание может быть гарантией мира только в сочетании с сохранением и расширением системы и режимов международного контроля над ядерным оружием. Без строгой «узды» в виде контроля над вооружениями ядерное сдерживание, что называется, «идет вразнос»: оно порождает все новые виды и типы средств уничтожения, которые зачастую понижают «ядерный порог». Оно выводит каждый кризис с участием великих держав на грань ядерной войны, а зачастую и само провоцирует опасные международные конфликты.

Появившиеся в последние годы предложения о многосторонних обсуждениях ядерных проблем и стратегической стабильности⁶⁰, как альтернативе конкретным переговорам, не дают внятного ответа на прямой вопрос о формате, предмете и ожидаемых результатах подобных интеллектуальных упражнений. Отвлеченное обсуждение стратегической стабильности останется бесплодным, как показали несколько лет диалога по этой теме между США и КНР, а также Россией и США. На деле альтернативой терпеливым и подчас изматывающим переговорам являются не стратегические дискуссионные «клубы по интересам», а неограниченная гонка вооружений всех со всеми с огромными издержками и растущей опасностью войны.

⁵⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151>

⁶⁰ См.: Караганов С. О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. Россия в Глобальной Политике. Март – апрель, 2017. Т. 15. № 2; Кортунов А. Конец двусторонней эпохи. Как выход США из договора о РСМД меняет мировой порядок. Московский Центр Карнеги. 23.10.2018.

Лишь последовательные и поэтапные меры разоружения параллельно с позитивными изменениями международной политической и стратегической среды способны укрепить всеобщую безопасность. А сформулировать обновленные принципы стабильности можно только в контексте предметных переговоров об ограничении, сокращении и запрещении относящихся к делу вооружений.

Прежде всего нужно, чтобы спасение контроля над вооружениями было признано приоритетом международных отношений, а не просто одним из вопросов, обсуждаемых на полях саммитов. Первоочередные задачи – спасение Договора РСМД все еще возможно – на основе новых мер проверки, которые устранит взаимные подозрения. Затем – соглашение о продлении Договора СНВ-3 после 2021 г. и срочное возобновление переговоров по следующему договору СНВ.

Возможно, когда-нибудь великие державы построят для своей безопасности более достойный фундамент, нежели готовность за несколько часов убить сотни миллионов граждан друг друга и разрушить все построенное за последнее тысячелетие. Но до тех пор – спасение и модернизация системы контроля над ядерным оружием должно придать взаимному ядерному сдерживанию четкий и ясный регламент и устойчивость в качестве одной из опор международной безопасности. Это позволит хотя бы отодвинуть стрелку «часов судного дня» на несколько делений от наступления ночи нашей цивилизации.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ*

В проблематике международной безопасности за прошедшие 60 с лишним лет трудно найти более широко используемое понятие, чем «ядерное сдерживание». Уникальность этого понятия в том, что оно сохраняло приоритетную роль в военной и внешней политике ведущих держав на протяжении столь длительного срока. В то же время его содержание периодически трансформируется и при этом далеко не однозначно трактуется Россией, Соединенными Штатами, Китаем и другими государствами.

Тема «ядерного сдерживания» присутствует в бесчисленных официальных документах, ей посвящены библиотеки книг и статей, о ней сказаны моря слов на многих форумах. Тем не менее этот феномен продолжает ставить перед политиками, военными и независимыми экспертами все новые проблемы и дileммы. Не вдаваясь в теорию и историю вопроса, отметим два нынешних парадокса ядерного сдерживания.

Во-первых, за последние четверть века глобальные ядерные арсеналы (прежде всего вооружения, принадлежащие России и США) были сокращены в 6–7 раз по числу боезарядов и более чем в 30 раз по суммарной разрушительной мощи (мегатоннажу) [1, с. 648–717]. И в то же время роль ядерного сдерживания в военно-политических отношениях великих держав сейчас намного выше, чем в начале 90-х годов XX в.

Во-вторых, наряду с количественным сокращением ядерных сил двух главных держав, в качественном отношении стратегический баланс между ними сейчас стабилен как никогда раньше: ни одна из них не способна нанести другой первый разоружающий удар и избежать адекватного возмездия. Однако вероятность первого применения ими ядерного оружия (ЯО), включая стратегические средства, стала ныне больше, чем когда-либо за прошедшие 30 лет.

В научной литературе последних полутора десятилетий большое внимание уделялось привходящим факторам, влияющим на стратегическое ядерное сдерживание: новым системам противоракетной обороны (ПРО), высокоточному оружию (ВТО) большой дальности в неядерном (обычном) оснащении, влиянию третьих и «пороговых» ядерных государств, космическим вооружениям, а с недавних пор — киберугрозам. Эти новые явления и процессы оттеснили на задний план общественного сознания тенденции, происходящие в самой

* Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 7. С. 5–16.

«сердцевине» ядерного сдерживания – военно-стратегических отношениях России и США. Между тем и в этом аспекте происходят тревожные перемены.

Настоящая статья посвящена анализу факторов и причин опасной ситуации в центральном, российско-американском звене ядерного сдерживания, рассматриваются пути ее исправления в интересах российской и международной безопасности.

Официальные взгляды на ядерное сдерживание

На Валдайском форуме в Сочи в октябре 2016 г. президент России Владимир Путин заявил: «Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире» и его нельзя «рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии» [2]. Ядерное оружие как материальная основа ядерного сдерживания и раньше было приоритетом российской оборонной политики, но особенно заметно вырос упор на него с 2011 г., после ратификации Пражского Договора СНВ и провала диалога с США о создании совместной системы противоракетной обороны.

В своей программной статье перед выборами 2012 г. В. Путин подчеркивал: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять... До тех пор, пока «порох» стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается «сухим», никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию» [3]. Согласно этой установке стала осуществляться грандиозная (по меркам периода после холодной войны) программа перевооружения всех трех видов стратегических ядерных сил (в том числе развертывание 400 новых межконтинентальных баллистических ракет и строительство восьми атомных стратегических подводных лодок) [3].

Нынешний президент США Дональд Трамп не отличается ясностью мысли или хотя бы минимальными знаниями в данном вопросе. В течение 2017 г. в одном интервью он говорил: «Я считаю, что ядерные вооружения нужно уменьшить и сократить очень существенно» [4]. В другом выступлении заявил: «Пусть будет гонка вооружений... Мы обгоним их на любом направлении и выдержим дольше, чем они» [5].

В отличие от этих экспромтов, опубликованный в январе 2018 г. очередной «Обзор ядерной политики» США стал выражением всеобъемлющей и весьма последовательной позиции нынешнего военного и политического руководства страны по всем аспектам ядерного сдерживания. Сразу бросается в глаза, что в своей постановочной части она весьма созвучна российскому подходу: «Сохранное, безопасное и эффективное ядерное сдерживание служит гарантией того, что войну никогда нельзя будет выиграть, и ее никогда не будут вести» [6, р. 16]. Но аналогии на этом не заканчиваются. Обе державы предполагают не только нанести ответный ядерный удар в случае агрессии извне с использованием ядерного оружия, но также его первое применение в условиях нападения с использованием обычных вооружений.

В «Обзоре» от 2018 г. подчеркивается: «Учитывая многообразие угроз и в значительной степени непредсказуемый характер этих угроз в настоящее время и в будущем, ядерные силы США выполняют следующие важнейшие функции, предусмотренные стратегией национальной безопасности Соединенных Штатов: предотвращение нападения с применением и без применения ядерного оружия; гарантия безопасности союзников и партнеров; достижение целей государственной политики США в случае провала сдерживания; способность реагировать на непредвиденные ситуации в будущем» [6, р. 16].

Российская официальная Военная доктрина тоже недвусмысленно предусматривает не только ответный ядерный удар (в качестве реакции на нападение на РФ и ее союзников с использованием ядерного и других видов оружия массового уничтожения – ОМУ), но и его использование первыми: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [7].

Нельзя не отметить, что официальный подход администрации Трампа существенно отличается от политики президента Обамы. Тот предполагал снижение роли и сужение задач ЯО во внешней и военной политике США, дальнейшее сокращение ядерных вооружений. В «Обзоре ядерной политики» Обамы от 2010 г. допускалось использование ядерного оружия первыми лишь «для узкого набора сценариев», связанных с гарантиями безопасности союзникам в Европе и Азии в ответ на нападение на них с применением обычного оружия или других видов ОМУ. Поэтому, как бы извиняясь, там была сделана оговорка, что США «не готовы в настоящее время принять безоговорочную политику сдерживания ядерного нападения как единственного предназначения ядерного оружия...» [8, р. VIII]. Однако подразумевалось, что движение в этом направлении продолжится как этап пути к безъядерному миру.

Россия и Соединенные Штаты, как и прежде, в принципе декларируют свою приверженность идеи безъядерного мира, выполнению Пражского Договора СНВ от 2010 г. (СНВ-3) и его возможному однократному продлению на пять лет (до 2026 г.). Однако конкретных предложений на этот счет не делается, в отличие от детальных программ обновления и повышения эффективности ядерных арсеналов каждой стороны. Весьма знаменательно, что этой теме была посвящена изрядная часть Послания президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. [9].

Таким образом, можно констатировать, что по сравнению с периодом правления президента Обамы, в настоящее время подход двух ведущих держав к роли ядерного оружия стал заметно более симметричным. В предшествующие годы Москва не высказывала озабоченности по поводу американских ядерных сил, но постоянно выражала тревогу в связи с их неядерными программами противоракетной обороны и высокоточных наступательных систем большой дальности. Со своей стороны, Вашингтон беспокоился из-за российских достратегических (оперативно-тактических) ядерных вооружений и сил общего назначения.

Теперь США усматривают угрозу, прежде всего, в наращивании за последнее десятилетие стратегического ядерного потенциала РФ (как и Китая) и намерены ответить на него обширной программой обновления и расширения своих ядерных сил. Возможно, что впредь эта программа станет приоритетной и в российском восприятии угроз национальной безопасности. В свою очередь, Россия в последние годы резко усилила акцент на стратегические оборонительные системы и высокоточные обычные наступательные вооружения большой дальности. Теперь последние вызвали озабоченность США, что впервые нашло отражение в «Обзоре» 2018 г. [6, р. 21].

Естественно, встает вопрос: станет ли указанная новоявленная симметрия (закрепленная выполнением обеими сторонами в начале февраля 2018 г. планового сокращения стратегических вооружений по Договору СНВ) стимулом активизации диалога по контролю над вооружениями после семилетнего застоя? Разблокирует ли это центральную магистраль уменьшения угрозы ядерной войны, которая, пусть с остановками и попытками движениями, но в целом надежно работала прошедшие полвека и привела к выдающимся успехам в укреплении международной безопасности?

В принципе, исторический анализ показывает, что стратегические асимметрии периодически создавали немалые трудности для переговоров по контролю над ядерными вооружениями¹. И наоборот, симметричность ядерных потенциалов, начиная с достижения Советским Союзом стратегического паритета с США в начале 70-х годов XX в., обычно способствовала прогрессу переговоров. И наоборот: после ратификации Договора СНВ в 2011 г. явное несовпадение взглядов Москвы и Вашингтона на роль ядерного оружия, систем ПРО и новейших обычных наступательных средств большой дальности явилось (наряду с политическими противоречиями) причиной небывалого по продолжительности тупика в их 50-летнем стратегическом переговорном процессе.

Тем не менее, как представляется, нынешняя симметричность стратегических потенциалов и взглядов на их предназначение отнюдь не гарантирует возобновление диалога и снижение ядерной угрозы. Этот кажущийся парадокс объясняется природой самого феномена ядерного сдерживания как особого характера военно-политических отношений государств. Концепция «ядерного сдерживания», особенно «взаимного», в годы холодной войны служила предпочтительной альтернативой традиционной идеологии реального применения максимальной военной мощи для достижения победы над врагом, что в ядерный век обернулось бы всеобщей катастрофой.

¹ К таковым относились, например, ядерные силы передового базирования США в Евразии; преобладающий удельный вес ракет наземного базирования, особенно тяжелого типа, в стратегических силах СССР, а в США – морского и авиационного компонентов триады; американское опережение в программах крылатых ракет большой дальности в конце 70-х годов и попытка прорыва в создании космической ПРО в начале 80-х годов минувшего столетия, а в последнее время – линия на лидерство в развитии оборонительных и наступательных высокоточных систем большой дальности в неядерном оснащении.

В то же время нельзя не учитывать размытость грани между использованием ядерного сдерживания как политического инструмента предотвращения войны (точнее – удержания оппонента от враждебных действий) и практическим применением ядерного оружия как средства ведения войны. Ведь любой вариант ядерного сдерживания состоятелен тогда и только тогда, когда он опирается на ядерные вооружения и готовность к их использованию, в соответствии с военной доктриной и стратегией или импровизированными решениями государственного руководства.

Главная причина того, что после глубоких сокращений ядерных арсеналов за последние четверть века вероятность ядерной войны ныне заметно возросла, состоит в том, что упомянутая грань все больше размывается. Это происходит в результате обострения международной политической напряженности, а также под влиянием военно-технического развития и новых стратегических концепций ведущих ядерных держав. Кроме того, симметрия в представлениях о возросшей роли ядерного оружия во внешней и военной политике двух держав, по логике ве-шней, скорее уменьшит, чем повысит обоюдную готовность его дальше сокращать.

Новая конфронтация

На протяжении последнего полувека политические отношения двух держав прямо сказывались на успехах и неудачах их диалога по стратегическим вооружениям. Нынешний поворот мировой политики исподволь начался со знаменитой речи президента Путина в Мюнхене в 2007 г., в которой было впервые без обиняков заявлено о нежелании России и дальше мириться со сложившейся с начала 90-х годов моделью неравноправных отношений с Западом: расширением НАТО на восток, претензией США на роль единственной глобальной сверхдержавы и их произвольным применением силы для смены неугодных режимов [10]. После возвращения Путина в Кремль в 2012 г. была сделана ставка на энергичную дипломатию и восстановление военной мощи страны для возрождения великодержавного статуса РФ, укрепления ее позиций на постсоветском пространстве и расширения международного влияния в целом. Запад не принял этот курс и стал ему всячески препятствовать.

С 2013 г. разразился украинский кризис, в 2014 г. произошло присоединение Крыма к России, вспыхнул конфликт на Донбассе. В ответ Соединенные Штаты и их союзники начали против России тактику экономических санкций и стали реанимировать в той или иной форме стратегию ее «изоляции» и «сдерживания». С использованием новейших информационных технологий развернулась ожесточенная пропагандистская борьба наряду с периодическими хакерскими диверсиями. Возродилось интенсивное военное противостояние РФ и США/НАТО в Восточной Европе, в зонах Балтийского и Черного морей, в Арктике и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Регулярные широкомасштабные военные учения (в том числе с участием стратегических вооружений и имитацией применения ядерного оружия [11]) служат для демонстрации силы.

В условиях обострения напряженности «ядерный фактор» снова вышел на передний план отношений России и НАТО. В августе 2014 г. в одном из интервью в разгар украинского кризиса российский президент заявил: «Наши партнеры, независимо от ситуации в их странах или их внешней политики, должны всегда иметь в виду, что с Россией лучше не связываться. Я напомню, что Россия является одной из крупнейших ядерных держав. Это не просто слова, это реальность и, более того, мы укрепляем наш потенциал ядерного сдерживания» [12]. Немалый ажиотаж вызвал документальный фильм «Крым. Путь на Родину», в котором на вопрос журналиста о том, была ли повышена боеготовность ядерных сил РФ в ходе ее воссоединения с Крымом, Путин сказал: «Мы думали об этом». Хотя президент выразился весьма туманно, эту фразу за рубежом расценили как однозначное подтверждение.

Данную тему с энтузиазмом развили российские должностные лица, парламентарии и независимые специалисты. Они требовали дополнить официальную Военную доктрину РФ предложениями о прямом применении ядерного оружия в локальных войнах, в качестве средства «превентивных ударов», «дескалокации конфликта» и «демонстрации решимости» [13]. Еще меньше стеснялись в выражениях центральные каналы телевидения, где такие ведущие, как Дмитрий Киселев, безответственно бравировали угрозами превратить Америку «в радиоактивную пыль».

Западные лидеры, парламенты и пресса не остались в долгу. Президент Соединенных Штатов отбросил идею ядерного разоружения и снял с повестки дня вопрос о следующем договоре СНВ. Министр обороны США Эштон Картер заявил: «Ядерные вооружения не должны быть предметом небрежной риторики... Это неправильный подход, на мой взгляд, когда лидеры допускают такие высказывания по столь жизненно важной теме, как ядерное оружие». Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, со своей стороны, подчеркнул: «Это совершенно неоправданная риторика на тему ядерной деятельности... И она носит крайне дестабилизирующий характер» [14].

Возрастание опасности вооруженного конфликта России и НАТО происходит в условиях совершенно иной геостратегической ситуации в Европе и намного меньшей концентрации их вооруженных сил вокруг основной линии противостояния, чем было три десятилетия назад. Тогда в ГДР стояли пять советских общевойсковых и одна воздушная армия [15, р. 260]. Организация Варшавского Договора (ОВД) превосходила НАТО в Центральной Европе в три с лишним раза по танкам, в полтора раза по боевым самолетам и тактическим ядерным средствам². По свидетельствам очевидцев, стратегический план СССР предусматривал в случае войны упреждающую атаку сотнями единиц тактического ядерного оружия с целью взломать оборону НАТО. После этого ударные армии должны были

² Количество сосредоточенных в этом районе тяжелых вооружений ОВД и НАТО было беспрецедентно для мирного времени: соответственно 29 000 – 8800 ед. по танкам, 3800 – 2400 по боевым самолетам и 10 000 – 7000 по тактическим ядерным средствам. (Collins J. U.S-Soviet Military Balance. 1980–1985. Washington, Pergamon-Brassey's, 1985. P. 260.)

за две недели выйти к границам Франции, а еще через месяц достичь Бискайского залива и Пиренеев и вывести из войны европейские страны альянса [16, с. 71].

Сейчас положение разительно отличается. Граница между Россией и НАТО пролегает через Прибалтику, Балтийское и Черное моря. В европейской части территории РФ в Западном и Южном военных округах опять развернуто пять общевойсковых и две воздушные армии. (Кстати, в их составе две армии, которые штурмовали Германию в 1945 г., а затем стояли в ГДР: 20-я Краснознаменная общевойсковая и 1-я Гвардейская танковая³.) Однако, согласно экспертным оценкам, в количественном отношении эта группировка в 10 раз меньше по бронетехнике и втрое – по боевым самолетам, чем было развернуто в центре Европы 30 лет назад. Но в относительных категориях она превосходит сумму армий сопредельных государств НАТО (страны Балтии, Польша, Румыния, Болгария) по численности личного состава в 5 раз, по бронетехнике в 3 раза, по боевым самолетам в 6 раз [17]. В принципе, это не удивительно. Ведь за последние 20 лет границы НАТО приблизились вплотную к сухопутным и морским рубежам России, а не наоборот. Поэтому Москва не признает право соседних стран опасаться за свою безопасность и рассматривает их исключительно как передовой военный плацдарм альянса.

Однако на Западе соотношение сил и масштабные военные учения в этом районе воспринимаются как растущая военная угроза. Там отвергают доводы, что развертывание крупной группировки войск на собственной территории России, пусть и вблизи границ НАТО, не является поводом для тревоги. Или что просто по российской стратегической традиции лучшая оборона – это наступление [16, с. 74–76]. Как следствие – военный потенциал НАТО из остальной Европы и США начал передислоцироваться к границам РФ (в 2016 г. было принято первое решение о развертывании в странах Балтии и Польше четырех тактических батальонных групп, военной техники для американской танковой бригады и о других мерах).

Россию не успокаивает малочисленность новых сил НАТО в данном районе. Военный контингент альянса в Прибалтике и Польше расценивается как передовой эшелон, который может быть быстро усилен войсками из остальной Европы и из-за океана. Продолжение этой тенденции угрожает изменить ситуацию в ущерб российской безопасности. Ведь суммарно НАТО превосходит РФ по общей численности войск 29 стран блока почти в 4 раза, по основным видам вооружений и военной техники – в 2–3 раза, по сумме военных бюджетов – в 15 раз [17]. Кроме того, военное противостояние будет ложиться растущим бременем на российскую экономику.

Глубокая асимметрия восприятия соотношения сил, геостратегического положения и взаимных угроз уже сама по себе создает предпосылки для конфлик-

³ См.: Западный военный округ. Министерство обороны РФ. URL: <http://structure.mil.ru/structure/okruga/west/history.htm> (дата обращения: 15.02.2018); Структура Южного военного округа. Министерство обороны РФ. URL: <http://structure.mil.ru/structure/okruga/south/history.htm> (дата обращения: 15.02.2018).

та в условиях высокой военно-политической напряженности, хотя у России и НАТО нет никаких реальных мотивов для нападения друг на друга. Опасность усугубляется геополитическими моментами. Международные договоры начала 70-х годов XX в. легализовали границы между двумя военными блоками в Берлине, Германии и Восточной Европе. Сейчас Россию и НАТО разделяют острые противоречия по поводу непризнанных границ в Украине, Молдавии, Грузии и Азербайджане (хотя в последнем случае водораздел до поры размыт). Новый вооруженный конфликт вокруг этих границ может быстро втянуть Россию, с одной стороны, и Польшу, страны Балтии, Румынию, Турцию вместе со всем блоком НАТО – с другой.

Массированная переброска вооружений и войск альянса в зону Балтийского и Черного морей для защиты приграничных союзников была бы воспринята Москвой как попытка блокировать Калининградскую область, Крым, Приднестровье и даже как подготовка к нападению на Россию и Белоруссию. В ответ могут быть предприняты военные операции деблокирования указанных эксклавов по суше [18] и пресечению доступа НАТО к приграничному морскому и воздушному пространству России на Балтике, в Черном море и Арктике⁴. В результате разразился бы первый в истории вооруженный конфликт между РФ и НАТО. Такой конфликт, в отличие от сценариев 30-летней давности, произошел бы в непосредственной близости от административно-промышленной сердцевины России, а значит – ее ставки и готовность к риску будут здесь гораздо выше, как и возможность быстро задействовать свое локальное военное превосходство.

Ситуация в Сирии тоже чревата опасными последствиями. В отличие от Восточной Европы, здесь нет лобового противостояния России и НАТО и не размещено ядерное оружие. Однако в Сирии одновременно открыто ведут боевые действия вооруженные силы РФ и США, и при этом они не являются союзниками и весьма расходятся в отношении того, какие правительства и организации являются их партнерами или врагами. Многосторонний характер воюющих сил делает ситуацию мало контролируемой. Бой у Дар-эз-Зора 7 февраля 2018 г. явился тревожным сигналом опасности прямого вооруженного столкновения России и США, которое может быстро распространиться за пределы Сирии и даже всего региона.

Следует помнить, что исторически во многих войнах, особенно после 1945 г., каждая сторона считала, что она обороняется, отражая реальную или неминуемо грозящую агрессию, даже ведя наступательные операции. Карибский ракетный кризис октября 1962 г. дал наглядную демонстрацию возможности ядерной войны из-за потери контроля над событиями, а не в результате спланированной

⁴ К российским средствам пресечения доступа, помимо авиации и флота, относятся системы ПВО «С-300», «С-400», «Бук»; ракетная система класса «земля-земля» типа «Искандер»; противокорабельные ракетные комплексы берегового базирования типа «Бастион» и «Бал»; морские ракеты типа «Калибр», сверхзвуковые ракеты «Оникс» и гиперзвуковые ракеты «Цирконий», авиационные противокорабельные ракеты Х-31, Х-35, Х-38 и Х-41.

агрессии. Похожие, хотя и не столь опасные, вероятности военного столкновения имели место во время берлинского кризиса 1961 г., в ходе трех ближневосточных войн (1957, 1967 и 1973) и в ряде других ситуаций такого рода.

У стороны, которая проигрывает или опасается поражения, может возникнуть стимул применить тактическое ядерное оружие. Хотя его арсеналы сократились с начала 90-х годов на порядок, несколько сотен единиц и сейчас находятся на складах России и НАТО в Европе и могут быть быстро переданы в войска. Еще большую угрозу скоротечной эскалации создали бы ядерные средства средней дальности, если бы они были развернуты в случае разрыва Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г.

Высокоточное оружие эскалации

Помимо применения тактических ядерных средств, новые обычные высокоточные вооружения большой дальности в сочетании с совершенными информационно-управляющими системами порождают угрозу быстрой и неуправляемой эскалации обычного конфликта.

Флот и ВВС США располагают тысячами крылатых ракет (КР) большой дальности морского базирования (КРМБ) типа «Томахок» и авиационными крылатыми ракетами с обычными боеголовками. Россия тоже наращивает свой арсенал высокоточных крылатых ракет в неядерном оснащении (авиационные ракеты типа Х-55СМ и Х-555, морские КР типа «Калибр» 3М-54 и 3М-14 разных модификаций, а также новые ракеты воздушного базирования Х-101). Эффективность этих систем была продемонстрирована в Сирии. По заявлению российского руководства, их численность к 2020 г. должна возрасти в 30 раз [19].

Поскольку существующие крылатые ракеты имеют дозвуковую скорость, длительное полетное время (более 2 часов) и ограниченную дальность действия (до 2000 км), на обозримое будущее создается следующее поколение высокоточного обычного оружия — гиперзвуковые ракетно-планирующие системы. Они позволят наносить удары на межконтинентальную дальность (более 5500 км) с относительно коротким подлетным временем (до 60 мин). В частности, такие системы испытываются в США в рамках программы «Быстрого конвенционального глобального удара» [20]. Россия перегоняет Америку со своим планирующим гиперзвуковым крылатым блоком (ПКБ) типа «Авангард» [21; 22].

Использование таких систем для поражения защищенных подземных объектов, вроде пусковых шахт межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и командных центров разного уровня), крайне проблематично [23]. Однако несомненно, что незащищенные объекты стратегических сил уязвимы даже для существующих дозвуковых неядерных крылатых ракет. Сюда относятся радары системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), ПРО и ПВО, легкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы у пирсов и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, склады ядерных боеприпасов на войсковых базах, пункты связи и управления

космическими аппаратами и дальней авиацией. В российской Военной доктрине потенциал высокоточных неядерных средств США определяется как «угроза воздушно-космического нападения». Первостепенной задачей Вооруженных сил является «своевременное предупреждение Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении», а также «обеспечение воздушно-космической обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушно-космического нападения» [7]. В ответ на указанную угрозу РФ не только строит эшелонированную оборону, но в последние годы развивает и собственные аналогичные наступательные возможности для целей «обычного сдерживания», упомянутого в ее Военной доктрине [7].

В случае локального или регионального обычного конфликта между Россией и США/НАТО в Восточной Европе или Арктике удары авиации и крылатых ракет по таким объектам, скорее всего, вызовут быструю эскалацию к ядерной войне. Но вдобавок ко всему, устойчивость ядерного сдерживания расшатывается и с другого края – со стороны новых систем ядерного оружия и концепций их применения.

Ограниченные ядерные удары

Во времена прошлой холодной войны американская концепция «ограниченной ядерной войны», с опорой на тактические ядерные средства, изначально появилась применительно к вероятным театрам военных действий против СССР или КНР в Европе и Азии. На этом основывались гарантии безопасности союзникам со стороны США, хотя именно союзники больше всего беспокоились, что пострадают в случае войны и «реализации» таких гарантий.

Позднее, с начала 60-х годов прошлого столетия Соединенные Штаты в лице министра обороны того времени Роберта Макнамары экспериментировали со стратегией «контрсиловых» ядерных ударов. Хотя речь шла о массированных ударах с целью поражения стратегических сил и других военных объектов СССР, в известном смысле это была ограниченная ядерная война, поскольку предполагалось избегать разрушения городов (во всяком случае, на первых этапах войны) [24, р. 175, 207]. Через 10 лет эту линию продолжил министр обороны Джеймс Шлессингер, выдвинув концепцию «перенацеливания» – разных вариантов групповых ударов по советским военным объектам [25, р. 38, 40–41]. Но все эти планы разбивались о вероятность массированного ядерного ответа СССР, который категорически отвергал подобные идеи и усиливал потенциал «сокрушительного возмездия» [26, с. 49].

Перемены начались много лет спустя. В 2003 г. Россия в официальном документе Министерства обороны обнародовала планы «дэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». Причем предполагалась возможность «дозированного боевого применения

отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания» [27]. Поскольку в то время министром обороны РФ был Сергей Иванов, по аналогии с концепцией Шлессингера, идею ядерной «дезакализации» можно условно обозначить как «концепция Иванова».

Нужно подчеркнуть, что с тех пор очередные издания Военной доктрины РФ и другие официальные стратегические документы не упоминали подобных концепций. В то же время принятые доктринальные формулировки не исключают такого рода действий, поскольку не уточняется, каким образом Россия может «применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [7]. В условиях нынешнего обострения напряженности эта концепция вернулась в центр внимания политиков и военных экспертов Запада. К тому же в российскую профессиональную печать стали периодически просачиваться идеи бывших и действующих военных профессионалов с предложениями «эскалацию локальной войны в региональную... пресекать угрозой применения (или прямым применением) ядерного оружия (преимущественно тактического)» [28].

Но и тактическим оружием дело не ограничивается. В другой статье действующих военных специалистов с редкой откровенностью обосновывается «...ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. При отсутствии желательной реакции предусматривается нарастающее массирование использования ядерного оружия как в количественном отношении, так и по энерговыделению. Поэтому... первое ядерное воздействие Российской Федерации может носить ограниченный характер. Реакция противника просчитывается в форме как массированного, так и ограниченного ядерного удара. Более вероятным, на наш взгляд, можно считать второй вариант. В его пользу говорит тот факт, что США являются страной, где родилась концепция ограниченной ядерной войны» [29]. В качестве возможных средств таких действий рассматриваются, в частности, новые тяжелые наземные ракеты шахтного базирования типа «Сармат» [29]. Возможно, в расчет принимается, что уязвимость шахтных пусковых установок не позволяет полагаться на эти МБР для осуществления ответного удара в случае массированной ядерной контратаки США.

Кроме того, МБР «Сармат» обсуждается в качестве разгонной системы как обычных, так и ядерных гиперзвуковых планирующих блоков [22]. В последнем случае это тоже может быть связано с концепцией ограниченных стратегических ядерных ударов. Рассуждая логически, для массированного ракетно-ядерного залпа гиперзвуковые системы излишни: никакая вероятная в обозримом будущем система ПРО США не сможет отразить такое нападение с применением существующих баллистических ракет. Однако развертываемые ныне противоракетные системы США и их союзников, возможно, будут способны перехватить одиночные или малочисленные групповые пуски баллистических ракет. Тогда именно гиперзвуковые ракетно-планирующие системы могут рассматри-

ваться как средство нанесения ограниченных ядерных ударов с гарантией прорыва любой ПРО противника.

Что касается практики, то на больших учениях «Запад 2017» осенью 2017 г. действия сил общего назначения в Западном округе России и Белоруссии завершились (как неоднократно бывало в прошлом) ударами крылатых ракет с тяжелых и средних бомбардировщиков и пуском четырех стратегических баллистических ракет морского и наземного базирования [30]. Из официальных разъяснений не ясно, было ли это отдельным эффектным аккордом или ракетные пуски увязали с маневрами обычных сил в духе «концепции Иванова». За рубежом, естественно, это истолковали как демонстрацию стратегии «ядерной эскалации ради деэскалации».

В своем Послании от 1 марта 2018 г. президент В. Путин обнародовал целый ряд программ и проектов новейших вооружений России, призванных демонстрировать систему противоракетной обороны США и их союзников в Европе и на Тихом океане [9]. Помимо МБР «Сармат», это может относиться к новой крылатой ракете неограниченной дальности с атомным двигателем и ядерным зарядом. Гиперзвуковая авиационная ракета «Кинжал» дальностью 2000 км может поразить базы ПРО в Румынии и Польше (которые не способны перехватить российские МБР, но применимы против ракет средней дальности). Еще одна система — суперторпеда огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомным реактором — едва ли пригодна для избирательных ударов (она способна доставить боезаряд мощностью в 100 Мт⁵). В этом контексте такое оружие избыточного уничтожения скорее может рассматриваться как средство сдерживания эскалации конфликта от избирательных ядерных ударов — к тотальной ядерной войне. Все сказанное выше, конечно, не означает, что такие стратегические концепции реально приняты в военной политике и ядерной стратегии России. Однако на этот счет были бы весьма полезны авторитетные разъяснения.

Соединенные Штаты в течение многих лет включали в свою ядерную стратегию концепцию ограниченной ядерной войны в виде «подогнанных (*tailored*) ядерных опций». Но только в ядерном «Обзоре» 2018 г. эта тема выдвинулась на центральное место и стала главной новацией ядерной доктрины Трампа. В ней указывается: «Недавние российские заявления в духе развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны Москвы. Россия демонстрирует свое представление о преимуществах систем такого оружия путем многочисленных (военных) учений и заявлений. Исправление подобного ошибочного российского взгляда стало стратегическим императивом. В качестве реакции на такого рода вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих подогнанных опций сдерживания» [6].

Как средство ограниченных ядерных ударов планируется оснастить часть БРПЛ «Трайдент-2» боеголовками пониженной мощности, а также создавать

⁵ Эта система, как и гиперзвуковой планирующий блок, тоже родилась в начале 80-х годов XX в. для удара в обход космической СОИ.

перспективные ядерные крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (LRSO – long-range stand-off missile), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) для тактической и стратегической авиации и новые КРМБ в ядерном оснащении [6].

Понимая, что упомянутые новшества вызовут внутри США и за их рубежами панику по поводу снижения ядерного порога, в «Обзор» включены пространные пассажи опровержения такой критики: «Следует внести ясность, что это не предполагает и не создает возможность “ведения ядерной войны”, – подчеркивается в документе. – Расширение гибкости ядерных опций США, включая опции с пониженной мощностью (ядерных боезарядов) имеют важность для поддержания кредитоспособного сдерживания региональной агрессии. Это будет повышать ядерный порог и поможет гарантировать, что потенциальные противники не увидят преимущества в ограниченной ядерной эскалации, что сделает использование ядерного оружия менее вероятным» [6].

Тем не менее никакие оговорки не способны опровергнуть мнение, что концепции и средства избирательных ядерных ударов опасно снижают ядерный порог. Если вдуматься в логику доводов цитировавшихся выше российских военных специалистов, то из нее явствует как раз обратное. А именно: ограниченные ядерные «опции» США не девальвируют, а, наоборот, стимулируют представление о реализуемости стратегии дозированного «ядерного воздействия» [29].

В России избирательные удары неофициально предлагаются как ответ на массированную неядерную «воздушно-космическую агрессию» США и НАТО (вроде многократно расширенного варианта налетов на Югославию, Афганистан или Ирак) [31]. А в США такие «опции» теперь вышли на первый план ядерной доктрины как реакция на предполагаемую концепцию ограниченного «ядерного воздействия» со стороны России (а также Китая). Даже в одностороннем американском варианте такая стратегия была бы весьма опасна. Но взаимная разработка планов и создание средств избирательных ядерных ударов размывала бы ядерный порог с двух сторон и повышала бы опасность в геометрической прогрессии – в виде перспективы молниеносной эскалации любого локального (и даже случайного) вооруженного столкновения двух сверхдержав.

Еще одна идея, набирающая ныне «обороты», состоит в том, что после большого сокращения ядерных арсеналов за прошедшие четверть века ядерная война стала реально возможной и не повлечет глобальной катастрофы. Вот один из образчиков такого прогнозирования: «Решившись на контрсиловой превентивный удар по России... США имеют основания рассчитывать на успех... В итоге до 90% российского ядерного потенциала уничтожается до старта. А суммарная мощность ядерных взрывов составит около 50–60 Мт... Гибель миллионов американцев, потеря экономического потенциала будут перенесены относительно легко. Это умеренная плата за мировое господство, которое обретут заокеанская или транснациональная элиты, уничтожив Россию...» [32].

От подобных идей не следует просто отмахиваться, поскольку их авторы служили в центральных структурах и институтах Министерства обороны и, возмож-

но, представляют определенное, пусть официально не декларируемое, направление стратегической мысли. Не исключено, что оно оказывает какое-то влияние и на политику. В частности, предлагавшаяся ими система суперторпеды стала одним из проектов Послания от 1 марта 2018 г. Если 30 лет назад на высшем уровне двух ядерных сверхдержав выражалась убежденность, что ядерная война означала бы конец человеческой цивилизации и даже биологической жизни на планете, то теперь по этому поводу высказываются не столь однозначно. Так, на Валдайском форуме 2016 г. президент Путин совершенно обоснованно заявил, что ядерная война «...означает конец вообще существования всей нашей цивилизации», а потом почему-то добавил: «наверное» [2].

Замкнутые институты вроде военных ведомств и оборонно-промышленных корпораций имеют склонность генерировать узкий технико-оперативный образ мышления, оторванный от реальности и чреватый чудовищными последствиями в случае его практической имплементации. Ведь даже если принять приведенный выше крайне спорный прогноз минимального ответного удара России мощностью в 70 Мт (10% выживших средств), то такое возмездие означал бы полное уничтожение США и их союзников (эквивалент 5000 бомб, сброшенных на Хиросиму 6 августа 1945 г.). В годы холодной войны общая разрушительная мощь ядерных потенциалов двух сверхдержав достигла безумного пика в 55 000 Мт. Но это не значит, что мир смог бы пережить ядерную войну сейчас, когда эта мощь сократилась к уровню 1600 Мт [32] (что эквивалентно примерно 100 000 «хиросимских» бомб).

Было бы замечательно, если бы на высшем уровне российского политического и военного руководства внесли полную и безоговорочную ясность по поводу отношения России к концепции «эскалации в целях деэскалации», по вопросу возможности победы в ядерной войне и по оценке ее последствий для великих держав и всего человечества. Превозносимая многими стратегами неопределенность ядерного сдерживания чаще всего истолковывается его адресатом в духе дестабилизации, что еще раз продемонстрировал ядерный «Обзор» Трампа.

В реальности нет никаких оснований полагать, что ядерное оружие может применяться избирательно и ограниченно, стать рациональным инструментом войны и ее завершения на выгодных кому-либо условиях. Но есть риск (особенно после смены руководства США), что государственные лидеры, не владея темой, не имея доступа к альтернативным оценкам и не ведая истории прошлых кризисов, поверят в реализуемость подобных концепций. Тогда в острой международной ситуации, стремясь не показать «слабину», они могут принять роковое решение и запустить процесс неконтролируемой эскалации к всеобщей катастрофе.

* * *

Парадоксально, что отмеченные стратегические новации выдвинуты в условиях сохранения солидного запаса прочности паритета и стабильности ядерного баланса России и США, когда ни одна из сторон не может рассчитывать на безнаказанный первый ядерный удар. Значит, даже классическое двустороннее

ядерное сдерживание в отношениях двух сверхдержав (не говоря уже о других ядерных государствах) «размывает» само себя изнутри. Впредь едва ли можно надеяться на него как на единственную гарантию мира и безопасности.

Нельзя также не признать, что традиционные методы соглашений для укрепления стратегической стабильности не способны полностью устраниć данную угрозу. Для этого нужны новые принципы стратегических отношений великих держав и механизмы обоюдного отказа от опасных стратегических новаций. Но их невозможно создать в условиях распада контроля над ядерным оружием и грядущей в этом случае неограниченной многосторонней гонки вооружений.

Поэтому первоочередной задачей является спасение системы и процесса контроля над ядерным оружием. Прежде всего необходимо сохранить Договор РСМД. Вместо обмена обвинениями, сторонам следует совместно выработать дополнительные меры проверки, чтобы устраниć взаимные подозрения⁶. Затем – возобновить переговоры и до 2021 г. заключить очередной договор СНВ на следующее десятилетие, жестко ограничив в том числе ядерные боезаряды пониженной мощности. В этом процессе необходимо также согласовать взаимо-приемлемые меры транспарентности и регламентации систем ПРО, новых стратегических вооружений в обычном оснащении, гиперзвуковых аппаратов, межконтинентальных крылатых ракет и подводных суперторпед.

Жизненно важно предпринять шаги по урегулированию конфликта на Донбассе на основе российской инициативы о введении на линию разделения миротворческих сил ООН. Это позволит начать процесс разрядки военной напряженности в Восточной Европе, прекратить наращивание вооруженных сил России и НАТО в этом районе, договориться о снижении масштабов военных учений двух сторон в указанной зоне и в Арктике. В дальнейшем целесообразно вернуться к ограничению обычных вооруженных сил в Европе и тактического ядерного оружия.

Кроме того, Россия и США должны на высшем уровне подтвердить совместные заявления от 70-х и 80-х годов о том, что в ядерной войне нельзя победить и что она означала бы гибель современной цивилизации. К этому следует добавить обоюдное признание того, что между двумя державами не может быть ограниченной ядерной войны и любое применение ядерного оружия неминуемо повлечет эскалацию к всеобщей катастрофе. Также стоило бы на согласованной основе расширить прежнее понимание стратегической стабильности от 1990 г. [33, с. 197–199; 34] с учетом военно-технического развития и изменившегося геостратегического положения⁷.

⁶ 26 октября 2020 г. президент В. Путин выдвинул предложение воздерживаться от развертывания в европейской зоне России ракет 9М729 при условии, что со стороны НАТО в Европе не будут развертываться американские ракеты, запрещенные в прошлом по ДРСМД. Для проверки, в частности, предусматривались инспекции на местах (<https://tass.ru/politika/9828905>). Если бы эти инициативы были выдвинуты на пару лет раньше, возможно, Договор удалось бы спасти.

⁷ К сожалению, до конца 2020 г. ни одно из изложенных предложений не было поддержано сторонами. В конце 2019 г. Москва кулачно предложила подтвердить признание невозможности победы в ядерной войне, но даже эта робкая инициатива не нашла отклика в официальном Вашингтоне.

Все это не устранит ядерное сдерживание как модель отношений держав, но сделает его более стабильным в качестве основы мира и безопасности. Во всяком случае, до той поры, когда человеческая цивилизация найдет для своей безопасности иной фундамент, лучше подходящий титул «цивилизация».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ежегодник СИПРИ 2016: Вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2017. [Engl. ed.: SIPRI Yearbook 2016: Armaments, Disarmament and International Security]. Oxford: Oxford University Press.
2. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата обращения: 28.02.2018).
3. Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Российская газета. 20.02.2012.
4. Full transcript of interview with Donald Trump // The Times. 16.01.2017. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/full-transcript-of-interview-with-donald-trump-5d39sr09d> (accessed 02.02.2018).
5. *Pilkington E., Pengelly M.* (eds.) «Let it be an arms race»: Donald Trump appears to double down on nuclear expansion // The Guardian. 24.12.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/23/donald-trump-nuclear-weapons-arms-race> (accessed 21.02.2018).
6. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).
7. Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
8. Nuclear Posture Review Report. Department of Defense. April 2010. Washington, DC. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Report.pdf (accessed 01.02.2018).
9. Письмо Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).
10. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 02.02.2018).
11. Россия провела тайные военные учения у границ ЕС – СМИ. 17.12.2014. URL: <http://ua-ru.info/news/41846-rossiya-provela-taynye-voennye-ucheniya-u-granics-smi.html> (дата обращения: 02.02.2018).
12. Качевский В. Зарубежные СМИ: Путин угрожает Западу ядерным оружием. 29.08.2014. URL: <http://therussiantimes.com/news/12416.html> (дата обращения: 19.02.2018).

13. Сивков К. Халтура в ответ на угрозы // Военно-промышленный курьер, 03.02.2015.
14. Brennan M. Carter Laments Putin's «Loose Rhetoric» on Nukes. Available at: <http://www.cbsnews.com/news/ash-carter-russia-vladimir-putin-loose-rhetoric-nuclear-missiles-nato/> (accessed 11.02.2018).
15. Collins J. U.S-Soviet Military Balance. 1980?1985. Washington, Pergamon-Brassey's, 1985. 360 p.
16. Гриневский О. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
17. Vehicle&Aircraft Holdings within the scope of the Conventional Armed Forces in Europe Treaty 2016. Ministry of Defence. 25 February 2016. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/502574/Vehicle_Aircraft_Holdings_within_the_scope_of_the_Conventional_Armed_Forces_in_Europe_Treaty_2016.pdf (accessed 11.02.2018).
18. Шарковский А. Запад готовится к следующему Drang nach Osten // Независимое военное обозрение. 20–26.01.2017.
19. Шойгу рассказал, как будет развиваться армия России до 2021 г. Министр обороны открыл своим выступлением курс лекций «Армия и общество» // Комсомольская правда. 12.01.2017.
20. Acton J.M. Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. Available at: <http://carnegieendowment.org/2013/09/03/silver-bullet-asking-right-questions-about-conventional-prompt-global-strike-pub-52778> (accessed 22.02.2018).
21. Райгородецкий А. Проект МБР «Альбатрос» (СССР). Dogs of War, 15.08.2011. URL: <http://www.dogswar.ru/oryjeinaia-ekzotika/raketnoe-oryjie/4945-proekt-mbr-qalbatros.html> (дата обращения: 02.03.2018).
22. Рамм А., Корнеев Д. Гиперсмерть на подходе // Военно-промышленный курьер. 23.03.2015.
23. Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 19.10.2015.
24. Alain C. Enthoven, Wayne K. Smith. How Much is Enough? Shaping the Defense Program 1961–1969. New York: Harper and Row, 1971. 364 p.
25. Secretary of Defense James R. Schlesinger. Annual Defense Department Report, FY 1975. Government Printing Office, Washington, D.C., March 4, 1974.
26. Огарков Н. Всегда в готовности к защите Отечества. М.: Воениздат, 1982.
27. Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации // Красная звезда. 11.10.2003.
28. Бойцов Н. Терминология в военной доктрине // Независимое военное обозрение. 31.10.2014.
29. Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. Аэростат – друг «Сарматы» // Военно-промышленный курьер. 12.10.2016.
30. Заквасин А. «Нерядовые учения»: Путин провел запуск четырех баллистических ракет в рамках маневров стратегических сил России. RT на русском. 27.10.2017. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/443638-strategicheskie-sily-putin-ucheniya> (дата обращения: 02.02.2018).

-
31. *Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О.* Серьезной угрозе адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространство // Воздушно-космическая оборона. 13.08.2012.
32. *Сивков К.* Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 20.03.2017.
33. Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990.
34. George Bush: Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. June 1, 1990. The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (accessed 02.03.2018).

ГРЯДЕТ ЛИ ГОНКА БЕЗ ПРАВИЛ? ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В ОТСУТСТВИЕ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ*

Во втором десятилетии XXI в. в силу внутри- и внешнеполитических причин Россия и Запад вступили в этап беспрецедентного с худших времен холодной войны обострения напряженности и вступили в новый цикл гонки вооружений. К этому этапу конфронтации стороны пришли в условиях изменившегося миро-порядка, инновационных военных технологий и с новым поколением политиков и специалистов.

В настоящее время мир оказался на пороге качественно нового и весьма опасного этапа мирового развития в связи с решением США денонсировать ДРСМД, тогда как текущий Договор СНВ-3 (от 2010 г.) – последнее из серии таких соглашений, последовавшей за ДСНВ-1, – скорее всего, истечет без продления и без замены новым договором в 2021 г.¹ Как дань памяти Е.М Примакова, который был одним из тех, кто стоял у истоков прорыва в реальном ядерном разоружении три с лишним десятилетия назад, есть все основания остановиться на положении дел в этой центральной области российской и международной безопасности.

Данная тема тем более актуальна, что в последнее время к ней все чаще обращается высшее государственное руководство России, причем не только в специальных заявлениях, но в посланиях и выступлениях по экономическим и политическим вопросам общего характера. Один из наиболее интересных примеров – высказывания президента В.В. Путина в ходе большой пресс-конференции 20 октября 2018 г., в котором был единовременно поднят целый ряд фундаментальных проблем этой ключевой темы [1]. Затронутые президентом проблемы есть смысл более детально проанализировать, используя высказанные им положения как своего рода тезисный план рассмотрения указанной проблематики.

Новые взгляды на старую тему

В ответ на вопрос корреспондента о тенденции все более широкого обсуждения в прессе сценариев ядерной войны Владимир Путин сказал: «Я сейчас подумал, как-то это всё – опасность подобного развития событий в мире – затушевывает-

* Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 24–35. Номер посвящен Примаковским чтениям 2019 г.

¹ К сожалению, и этот прогноз автора сбылся.

ся, уходит. Это кажется невозможным или чем-то уже не таким важным. А между тем, если, не дай бог, что-то подобное возникнет, это может привести к гибели всей цивилизации, может быть, и планеты. Поэтому вопросы серьезные, и очень жаль, что такая тенденция недооценки имеет место быть и даже нарастает» [1].

Действительно, на протяжении последних десятилетий постепенно и подспудно происходила трансформация сложившегося к концу прошлой холодной войны консенсуса правящих элит СССР, США, других ведущих держав, их общественного мнения в целом по ядерной теме. Условно те взгляды (и их полностью разделял и активно формулировал Е.М. Примаков) можно свести к нескольким основным положениям [2, 3, 4, 5, 6]:

- ядерная война повлекла бы катастрофические последствия для человечества, в ней нельзя победить, и она никогда не должна вестись;
- ядерное оружие и гонка ядерных вооружений, их распространение сами по себе представляют собой важнейшую угрозу миру и международной безопасности;
- независимо от существующих идеологических, политических и военных противоречий государств, следует искать согласия на пути сокращения ядерных вооружений и их нераспространения как главных условий предотвращения ядерной войны;
- последовательное сокращение ядерных вооружений — это благо при условии сохранения стратегической стабильности;
- стратегическая стабильность означает состояние стратегических отношений государств, при котором устраняются стимулы к нанесению первого ядерного удара;
- любое ограниченное применение ядерного оружия (ЯО) сверхдержавами практически неизбежно повлекло бы эскалацию к глобальной ядерной войне;
- ядерные державы должны вести себя предсказуемо и понимать военные доктрины друг друга, чтобы в кризисной ситуации не допустить неконтролируемой эскалации локального конфликта;
- в своей военной деятельности, и особенно в применении силы, великие державы должны всемерно избегать военного столкновения и случайных инцидентов.

На пороге 1960-х годов эти идеи высказывались лишь узким кругом либералов на Западе [7, р. 57]. Но после Карибского кризиса 1962 г. в США и СССР постепенно сформировалось согласие по названным правилам мышления и поведения в ядерном мире, которое получило поддержку центристского большинства правящих элит сверхдержав и мирового общественного мнения.

На основе этой философии сложилась обширная система договоров и режимов ядерного разоружения и нераспространения и сопряженных с ним обычных вооружений и военной деятельности. К началу 1990-х годов эта система (увенчавшаяся на тот момент историческими договорами по РСМД, СНВ-1 и Договором по обычным вооружениям в Европе — ДОВСЕ), наряду с политическими договоренностями по Германии и европейской безопасности, сыграла ключевую роль в окончании холодной войны и гонки вооружений между СССР и Западом.

Однако окончание жесткой биполярной конфронтации и гонки вооружений неожиданно возымело последствия двойкого рода, которые никто не мог предсказать на завершающей стадии холодной войны. Во-первых, отношения России и США перестали быть центральным стержнем мировой политики и безопасности. Во-вторых, в вопросах безопасности контроль над ядерным оружием более не являлись главной темой.

В мире все большую роль стали играть другие, помимо России и США, глобальные центры силы (Китай, Евросоюз) и региональные лидеры (Индия, Япония, страны АСЕАН, Иран, ЮАР, Бразилия). Кроме того, переход от конфронтации к сотрудничеству сверхдержав, как тогда казалось, навсегда снял угрозу ядерной войны между ними с повестки дня мировой безопасности. На передний план вышли финансово-экономические, климатические, ресурсные, миграционные и другие проблемы глобализации, а в области безопасности – этнические и религиозные локальные конфликты, международный терроризм, распространение ядерного оружия, незаконный оборот наркотиков и другие виды трансграничной преступности.

После позитивных прорывов первого десятилетия (1987–1997 гг.) процесс сокращения ядерных вооружений стал смещаться к периферии тематики международной безопасности, утрачивать ясное целеполагание и перспективу. На проработку этих проблем практически прекратилось выделение финансовых, людских и интеллектуальных ресурсов государственных и частных организаций. Сложившееся за годы холодной войны стратегическое сообщество политиков и профессионалов в России и на Западе неуклонно таяло: опытные люди уходили в другие сферы деятельности (или в мир иной), а молодое поколение выбирало другие, казавшиеся более привлекательными области деятельности. Существовавшая полвека преемственность знаний и опыта государственных и общественных деятелей, военных и гражданских экспертов, серьезных журналистов – была почти полностью прервана.

Предыдущее поколение элит унаследовало «генетическую» память Второй мировой войны. Даже те, кто по возрасту не были ее прямыми участниками (как академик Примаков), запомнили войну не по салютам и парадам, а по голоду, холоду, непосильному труду и нескончаемым «похоронкам» с фронтов. Хотя эти ассоциации были не вполне применимы к гипотетическому ядерному конфликту, в менталитете того поколения укоренилось отношение к войне как к страшной человеческой трагедии, а не как к фишке «большой игры» за получение геополитических «призов». Лидерам того времени запомнился шок от катастрофы Хиросимы и Нагасаки, они были свидетелями реальных испытаний атомного и водородного оружия. Несмотря на ожесточение холодной войны, не забыли они и времен братства по оружию против общего врага.

Новое поколение государственных деятелей знает об этом лишь по книгам и кинофильмам, для него ядерная война – абстракция, статистика и компьютерные модели. Более того, оно не помнит опаснейших кризисов холодной войны и не признает пользу того опыта для современной политики. Не знает и не желает знать истории циклов масштабной гонки вооружений, которые

влекли огромные материальные издержки и угрозы безопасности. В отличие от предшественников, новая генерация политиков, военных, экспертов и журналистов в России и на Западе в своем большинстве не уважают зарубежных контрагентов и демонстрируют к ним высокомерие и враждебность.

В новом стратегическом дискурсе в России и США ставятся под сомнение практически все упомянутые выше постулаты в сфере ядерного оружия, выстраиванные государствами и стратегическими элитами на трудном опыте холодной войны. Пренебрежительно и невежественно судят о полувековых переговорах и соглашениях по разоружению, походя предлагают их отвергнуть, иногда выдвигая взамен невнятные и заведомо нереализуемые «новаторские» схемы контроля над ядерным оружием [8, 9]. С куражом и наигранным практицизмом рассуждают о ядерной войне, утверждая, что она не обязательно повлекла бы катастрофические последствия для человечества и что в ней можно победить [10, с. 1–4; 11, с. 1–6]. Заявляют, что соглашения по разоружению вредны и лишь связывают свободу рук в осуществлении эффективных военно-технических программ [12, с. 6]. Военные маневры у чужих границ, сближение кораблей и самолетов, демонстративные пуски ракет оценивается как эффектный метод политического воздействия на оппонентов.

Понимание стратегической стабильности размывается, а первый ядерный удар объявляется легитимным и эффективным способом национальной обороны. С извращенным упоением призывают создать системы ядерного оружия мощностью в 100 Мт² для удара по критическим геофизическим зонам на американском континенте, в Тихом океане и Атлантике, чтобы обрушить на Запад тектоническую катастрофу или гигантскую волну-циунами [13, 14].

В стратегическом сообществе Запада, в том числе в США, тоже ярко выражен жесткий уклон стратегического курса в пользу модернизации вооружений и повышения эффективности их применения в различных операциях, хотя, как правило, такие взгляды высказываются более профессионально и без «ядерной разнозданности». Там, в отличие от России, основное направление стратегического мышления – развитие концепций избирательного применения ЯО и систем (как тактических, так и стратегических) с боезарядами пониженной мощности [15].

Оба направления стратегической мысли и практики оправдываются нуждами повышения эффективности ядерного сдерживания противника, а на деле оба, хотя и по-разному, ведут к разрушению стратегической стабильности. Какое из них хуже – вопрос дискуссионный. Первое полностью переводит ядерную стратегию в мир иррациональной мегаломании и нацеливает ее на планетарную катастрофу. Второе создает иллюзию рациональности ядерных ударов и тем самым повышает вероятность их инициирования в случае конфликта. (Тут, пожалуй, применима известная сталинская формулировка: «оба хуже»,

² Самый мощный в истории ядерный заряд в 60 Мт был испытан Советским Союзом над Новой Землей в 1961 г. Тогда взрывная волна трижды обошла вокруг Земли, а на расстоянии в 1000 км на острове Диксон в домах вылетели стекла.

хотя сам корифей языкоznания наверняка одобрил бы первое стратегическое направление.)

Все перечисленные идеи в прошлом были маргинальными и открыто высказывались по большей части стратегическими экстремистами в США и России. Ныне эта философия превратилась в мейнстрим стратегической дискуссии в обеих странах и в той или иной мере находит отражение в их официальных документах и практических военных программах. Им противостоит лишь меньшинство в России и весьма пассивные либеральные круги в США и Западной Европе. Стратегическое сообщество двух сверхдержав оказалось глубоко расколото на неравные части, а умеренный центр практически исчез.

Похожая картина наблюдается и в мировом масштабе. Наряду с усилением акцента на ядерное оружие руководящими кругами ведущих ядерных государств, другой крайностью стал одобренный 6 июля 2017 г. Генеральной Ассамблеей Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) [16]. Более двух третей стран – членов ООН участвовали в разработке документа и обязались его поддержать. После его ратификации более чем 50 государствами он формально вступает в законную силу, запрещая разработку, испытание, хранение, приобретение, транспортировку и использование ядерного оружия. Договор 2017 г. явился ярким выражением недовольства и протesta со стороны большинства неядерных стран в связи с распадом режимов контроля над ядерным оружием и началом нового цикла гонки ядерных вооружений.

Поэтому, не имея шансов на реализацию, но ввиду резко враждебной реакции ядерных держав этот Договор может серьезно затруднить достижение целого ряда других, вполне практических соглашений по ядерной тематике, и прежде всего по укреплению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Раскол и радикализация стратегических элит ведущих держав и всего мирового сообщества стал на современном этапе важным фактором разрушения стратегической стабильности и стимулом к новому циклу гонки вооружений.

Кризис контроля над вооружениями

Развивая свои мысли по ядерной теме на пресс-конференции 20 октября 2018 г., президент Путин говорил: «Есть и особенности сегодняшнего дня, есть опасности... По сути, мы наблюдаем сейчас развал международной системы сдерживания вооружений, гонки вооружений» [1].

Подчеркнутая российским президентом опасность – это один из основных элементов роста военно-политической напряженности между Россией и Западом. Разрушается система и режимы контроля над ядерным оружием, построенные за последние пятьдесят с лишним лет большими усилиями политиков, военных, дипломатов и ученых СССР/России, США и других стран. Некоторые независимые российские специалисты предупреждали об этой угрозе в течение

нескольких последних лет [17, с. 5–18], и теперь она признается на высоком государственном уровне России и многих государств Европы и Азии.

В период второго президентства Барака Обамы Москва негативно относилась к предложениям Вашингтона в сфере ядерного разоружения, мотивируя это рядом доводов, рассмотрение которых – особая тема [18]. После смены администрации в США в результате выборов 2016 г. новое американское руководство заняло в целом деструктивную позицию в отношении ядерного разоружения и нераспространения.

Наиболее слабым звеном в системе контроля над ядерным оружием является Договор РСМД, о предстоящей денонсации которого Вашингтон заявил в январе 2019 г. Девять лет не велось переговоров России и США по следующему договору СНВ – это самая затянувшаяся пауза за пятьдесят лет таких переговоров. Хотя обе стороны в феврале 2018 г. выполнили положенные по текущему Договору сокращения, в 2021 г. его срок истечет, и в контроле над стратегическими вооружениями возникнет вакуум. Администрация США в целом негативно относится к продлению текущего Договора СНВ-3 до 2026 г. (что можно по его статьям сделать один раз на 5 лет), хотя находится под давлением Конгресса в пользу такого шага.

Таким образом, США и Россия стоят на пороге новой масштабной гонки вооружений, причем, в отличие от периода холодной войны, эта ракетно-ядерная гонка будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям в неядерном оснащении, а также развитием космического оружия и средств кибервойны. К тому же гонка вооружений станет многосторонней, вовлекая, помимо США и РФ, также КНР, страны НАТО, Индию и Пакистан, Северную и Южную Кореи, Японию и другие государства.

Это, несомненно, будет подрывать нормы и режимы нераспространения ядерного оружия. Конференция по рассмотрению ДНЯО в 2015 г. закончилась провалом, и есть большая опасность такого же исхода очередной конференции в 2020 г.³, особенно в свете выхода США из соглашения с Ираном о свертывании его атомной программы от 2015 г. Тогда вероятен и крах Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний от 1996 г. (ДВЗЯИ), который вот уже 23 года не может вступить в законную силу из-за отказа США, а вслед за ними ряда других стран, его ратифицировать⁴. Тем более умрет надежда на Договор о запрещении производства разделяющихся материалов (ДЗПРМ), о котором четверть века ведутся бесплодные переговоры в Женеве. В очередь на вступление в «ядерный клуб» встанут Иран, Саудовская Аравия, возможно – Египет, Турция, Япония, Южная Корея, Тайвань, Нигерия, Бразилия, Аргентина и другие страны. А через них ядерное оружие рано или поздно неминуемо

³ Из-за пандемии Ковид-19 эта конференция была отложена на начало 2021 г., но и ее успех будет исключительно труднодостижим.

⁴ Весной 2020 г. в администрации Трампа начали всерьез обсуждать отказ от ДВЗЯИ и возобновление натурных ядерных испытаний, но под давлением возмущенного общественного мнения США и всего мира этот шаг был пока отложен, но не окончательно исключен.

попадет в руки международного терроризма со всеми вытекающими последствиями.

Ракеты средней и большой дальности

По понятным причинам особое внимание на пресс-конференции 20 октября 2018 г. было уделено ракетам средней дальности (РСД). Как сказал российский президент, Соединенные Штаты «...сейчас делают еще один шаг – выходят из Договора по ликвидации ракет средней и меньшей дальности... А если эти ракеты появятся в Европе, что нам делать? Конечно, надо будет обеспечить свою безопасность какими-то шагами. Пусть потом не пишат по поводу того, что мы добиваемся каких-то преимуществ. Мы не преимуществ добиваемся, а баланс сохраняем и обеспечиваем свою безопасность» [1].

Следует, прежде всего, обратить внимание на попытки России сохранить ДРСМД. Ради этого в январе 2019 г. был сделан знаменательный жест (возможно, запоздалый) – показ зарубежным экспертам контейнеров новой крылатой ракеты 9М729 «Новатор» для сравнения с прежней системой 9М728 «Искандер» [19]. Как известно, новую ракету России вменяют в вину в качестве нарушения ДРСМД, как имеющую дальность больше 500 км. Как оказалось, американская сторона проигнорировала показ пусковых контейнеров с надписями на наклеенных листках.

Важно другое – явно изменилось официальное отношение Москвы к ДРСМД, который до того в течение более чем десяти лет был исключительно объектом критики. На самом высоком уровне утверждалось, что России нужны такие ракеты то против третьих стран, то против объектов ПРО США в Европе и других баз НАТО [20, 21, 22]. Эта устойчивая позиция создала стратегический контекст для претензий США по поводу соблюдения Россией данного соглашения.

Даже в последнее время не раз официально утверждалось, что на момент подписания Договора в 1987 г. США имели крылатые ракеты средней дальности морского и воздушного базирования (КРМБ и КРВБ), тогда как СССР обладал только системой наземного базирования (КРНБ), которую запретил Договор. Но реально дело обстояло как раз наоборот: начиная с 1983–1984 гг. были приняты на вооружение советские морские ядерные крылатые ракеты средней дальности С-10 «Гранат» и крылатые ракеты воздушного базирования Х-55, тогда как наземная система (РК-55 «Рельеф») еще не была введена в боевой состав и размещалась на складском хранении (в количестве 80 единиц) ко времени подписания ДРСМД [23, с. 308]. А США к тому моменту уже развернули 320 таких средств (BGM-109G) в Западной Европе, которые затем уничтожили по Договору. Кроме того, по развернутым ракетам сокращение было почти равным: для США 442 единицы, а для СССР – 465, остальные советские ракеты хранились на складах. По мнению Л. Зайкова (секретаря ЦК КПСС и заместителя председателя Совета обороны), это свидетельствовало о несогла-

сованности планов оборонной промышленности и военных потребностей страны. При этом в Европе были развернуты 442 американские ракеты (которые вызывали наибольшую озабоченность как угроза обезглавливающего удара по СССР) и в полтора раза меньше советских – 303 единицы⁵.

Тем не менее и в 2018, и в 2019 гг. высказывалось даже мнение, что ДРСМД явился «односторонним разоружением» Советского Союза и был принят по не-понятным причинам⁶. Поскольку, как отмечалось выше, академик Примаков имел отношение к разработке позиции по этому Договору, следует подчеркнуть, что, вопреки этому мнению, это соглашение было односторонним разоружением не Советского Союза, а как раз США. Стратегические материи – это не задача школьной арифметики, а тема высшей математики. Хотя СССР ликвидировал 1846 ракет разных типов, ни одна из них не могла достичь американской территории, и потому Договор напрямую не укреплял безопасность самих США, а лишь устранил ядерную угрозу для союзников по НАТО и американских баз в Европе и Азии. Со своей стороны, Соединенные Штаты уничтожили 846 ядерных ракет средней дальности, причем все они могли нанести удар с коротким подлетным временем или по низким траекториям и опустошить всю Европейскую территорию СССР. Равно как и уничтожить защищенные подземные командные центры военно-политического руководства. Поэтому для Москвы этот Договор фактически стал первым соглашением о глубоком (почти на тысячу боеголовок и носителей) сокращении стратегических наступательных вооружений со стороны США.

Иногда высказывается мнение, что нынешний крутой поворот в позиции России преследует пропагандистскую цель – возложить ответственность за срыв Договора на США [24]. Многие российские эксперты и даже члены парламента не скрывают радость по поводу краха этого соглашения и ратуют за свободу рук в развертывании множества типов наступательных ядерных вооружений всех классов [10, с. 1–4; 11, с. 1–6; 12, с. 6]. Возможно, это мнение разделяют в некоторых исполнительных ведомствах. Во всяком случае, даже теперь с их стороны не слышно позитивных стратегических оценок Договора как такового, а исходят лишь заявления о том, что Россия его соблюдает, тогда как США нарушают.

При этом дать ответ на развертывание РСД США в Евразии будет нелегко. На уровне аналогичных вооружений (будь то модифицированные для наземного базирования морские ракетные системы типа «Калибр», авиационные ракеты «Кинжал» или новые гиперзвуковые ракеты средней дальности) российский ответ подорвет безопасность не США, а их союзников в Европе и Азии. Но даже если РСД России будут размещены на Камчатке и Чукотке, они смогут держать под прицелом Аляску и часть американских северо-западных штатов, которые

⁵ Гриневский О. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М.: Олимпия, 2004. С. 28.

⁶ Заседание коллегии Министерства обороны. Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 18 декабря 2018 года. Москва. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59431>

в военно-политическом смысле отнюдь не равнозначны европейскому центру России и Уралу.

В сфере контроля над ядерным оружием не действует общая правовая норма о презумпции невиновности. Сторона, которую, оперируя фактами и цифрами, обвиняют в нарушении соглашения, должна доказать беспочвенность таких претензий – причем тоже на фактической основе. Точно так же США не могут отделаться вербальными заверениями, а обязаны предоставить России технические доказательства того, что в пусковых установках (ПУ) ПРО в Румынии и Польше не могут размещаться крылатые ракеты типа «Томахок», как это имеет место на их боевых кораблях в универсальных пусковых установках типа Мк-41⁷. Если таких доказательств нет, то ПУ должны быть ответственным образом технически модифицированы или демонтированы. Как минимум следует договориться о возможности регулярных российских инспекций на местах с коротким временем предупреждения, чтобы удостовериться в отсутствии крылатых ракет на базах ПРО.

* * *

Как бы заключая свои мысли по поводу ядерной угрозы, Владимир Путин в октябре 2018 г. сказал: «Но я исхожу из того, что у человечества хватит здравого смысла и чувства самосохранения, для того чтобы не доводить до крайности» [1].

В течение четырех десятилетий прошлой холодной войны это чувство сработало, хотя несколько раз человечество спасалось лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств. Однако едва ли можно надеяться на такое везение в будущем, поскольку динамично меняются миропорядок, военные технологии и поколения государственных лидеров. От этих перемен все больше отстают желание и способность государств решать проблемы на основе сотрудничества, в том числе в сфере ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Так или иначе, в данном вопросе едва ли достаточно рассчитывать на чувство самосохранения человечества. Решающим образом, будущее контроля над ядерным оружием и его нераспространение даже в полицентричном мире зависит от позиций политического и военного руководства России и США, включая возможность привлечения к процессу разоружения третьих ядерных государств.

Что касается применения ядерного оружия, ведущего к глобальной ядерной войне, то в этом деле мнения человечества тем более не будут спрашивать. Все решают государственные руководители в Москве и Вашингтоне, а с точки зрения конституционных полномочий – два человека. Даже если они будут консультироваться с некоторыми подчиненными, их решения никто не вправе оспорить, причем такое решение, возможно, придется принимать за считанные минуты [35]. Остается надеяться, что именно лидеров великих держав не покинет чувство са-

⁷ 26 октября 2020 г. президент В. Путин выступил именно с таким предложением – согласовать инспекции на местах, чтобы показать, что в Калининградской области отсутствуют ракеты 9М729, а в пусковых установках системы ПРО США в Европе Мк-41 не размещены наступательные крылатые ракеты типа «Томахок» (URL: <https://tass.ru/politika/9828905>).

мосохранения и колossalной ответственности за сохранение своих народов, всего человечества – в каких бы трудных ситуациях они ни оказались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 20 декабря 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59455> (дата обращения: 30.01.2019).
2. Основы взаимоотношений между СССР и США. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/osnovy-vzaimootnosheniya-mezdu-sssr-i-swa.php> (дата обращения: 24.01.2019).
3. Совместное советско-американское заявление // Правда. 22.11.1985.
4. Разоружение и безопасность. 1988–1989 // Ежегодник ИМЭМО / Отв. ред. Е.М. Примаков. М.: Агентство печати «Новости», 1989.
5. *Newhouse J.* War and Peace in the Nuclear Age. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1989. 486 p.
6. *Perry W.* My Journey at the Nuclear Brink. California: Stanford Security Studies, 2015. 276 p.
7. *McNamara R.* The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper and Row, 1968. 176 p.
8. *Караганов С.* О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 2. С. 8–19.
9. *Кортунов А.* Конец двусторонней эпохи. Как выход США из договора о РСМД меняет мировой порядок. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77551> (дата обращения: 24.10.2018).
10. *Сивков. К.* Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 20.03.2017.
11. *Храмчихин А.* Чем опасен конец однополярного мира // Независимое военное обозрение. 11.01.2019.
12. *Широкорад А.* Выпустит ли Трамп ядерного джинна из бутылки // Независимое военное обозрение. 26.10.2018.
13. *Сивков К.* «Хвасон» – пример для «Сармата» // Военно-промышленный курьер. 23.10.2018.
14. *Тукембаев Ч.* Цунами с прицелом на Вашингтон // Военно-промышленный курьер. 25.12.2018.
15. *Colby E.* If You Want Peace Prepare for Nuclear War // Foreign Affairs. 2018. Vol. 6. No. 97. P. 25–32.
16. Договор о запрещении ядерного оружия. URL: <http://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (дата обращения: 28.11.2018).
17. *Арбатов А.* Контроль над ядерным оружием: конец истории? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 5–18.

18. *Арбатов А.* Смена приоритетов для выхода из стратегического тупика // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 3–17.
19. Минобороны провело брифинг для иностранных военных атташе с представлением ракеты 9М729 комплекса «Искандер-М». URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12213705@egNews (дата обращения: 30.01.2019).
20. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 04.02.2019).
21. *Литовкин Д.* Адекватный «Искандер» // Известия. 21.02.2007.
22. *Сафранчук И.* Путаница военно-дипломатических азимутов // Независимая газета. 26.02.2007.
23. *Широкорад А.* Огненный меч российского флота. М.: Яуза-Эксмо, 2004.
24. *MacFarquhar N.* Russia Shows Off New Cruise Missile and Says It Abides by Landmark Treat // The New York Times. 23.01.2019.
25. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).
26. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC. February, 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).
27. Встреча с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу. Владимир Путин провел рабочую встречу с Министром иностранных дел Сергеем Лавровым и Министром обороны Сергеем Шойгу. 2 февраля 2019 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59763> (дата обращения: 05.02.2019).
28. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. Москва. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 17.12.2013).
29. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в отношении Договора по противоракетной обороне. 21 марта 1997 г. Хельсинки. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/hel-js.htm> (дата обращения: 30.01.2019).
30. Secretary of Defense James R. Schlesinger. Annual Defense Department Report, FY 1975. Washington, D.C. Government Printing Office, March 4, 1974.
31. *Огарков Н.* Всегда в готовности к защите Отечества. М.: Воениздат, 1982.
32. Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации // Красная звезда. 11.10.2003.
33. Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
34. *Einhorn R., Pifer S. (eds.)* Meeting U.S. Deterrence Requirements. Washington: Brookings Institution, 2017.
35. *Blair B., Wolfsthal J.* Trump can launch nuclear weapons whenever he wants, with or without Mattis // The Washington Post. December 23, 2018.

РОЛЬ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ. ГАРАНТИЯ ИЛИ УГРОЗА?*

Почти неминуемая перспектива денонсации Соединенными Штатами Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности от 1987 г. (ДРСМД)¹ и растущая вероятность скорого прекращения действия Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений от 2010 г. (Новый Договор СНВ или, как его называют в России, – Договора СНВ-3) вновь возвращает ядерную проблему, хотя бы на какое-то время, в центр внимания мировой политики.

В сегодняшних дискуссиях по этой теме трудно найти понятия более частого употребления (и злоупотребления), чем «стратегическая стабильность» и «ядерное сдерживание». При этом обе концепции имеют долгую историю: первая в официальном обиходе без малого тридцать лет, а вторая – почти семь десятилетий. Они фигурируют во многих государственных документах и международных соглашениях, о них написаны библиотеки научной и пропагандистской литературы и интернет-изданий, им адресованы моря слов на бесчисленных конференциях и симпозиумах.

Тем не менее эти концепции, их динамика и диалектическая взаимосвязь то и дело ставят новые проблемы и порождают парадоксы, которые можно было бы назвать интеллектуально пленяющими, если бы речь не шла о жизни или гибели современной цивилизации. Но, к несчастью, это именно так. В нынешних военно-политических условиях война может разразиться за несколько кризисных дней и осуществиться за считанные часы обмена ядерными ударами. В течение этих часов будут убиты сотни миллионов людей в северном полушарии и разрушено все, что создано человеком за последнюю тысячу лет. Прямые последствия были бы непоправимы, а вторичные, скорее всего, погубили бы на протяжении ряда лет остальную часть населения Земли или как минимум отбросили бы ее к первобытному существованию. Для выживания человеческой цивилизации предотвращение ядерной войны является непреложным условием, и оно неразрывно связано с концепциями ядерного сдерживания, стратегической стабильности и ядерного разоружения и нераспространения.

* [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Московский Центр Карнеги». 28 января 2019 г. URL: <http://svop.ru/main/28411/> (дата обращения: 27.11.2019).

¹ США денонсировали ДРСМД 2 августа 2019 г., после чего из него вышла и Россия.

Казалось бы, все сказанное выше банально, давно освоено в теории и на практике политиками, специалистами и просвещенной общественностью передовых стран мира. Но в таком случае как объяснить тот парадокс, что за последние три десятилетия ядерные арсеналы России и Соединенных Штатов были понижены почти на порядок по числу боезарядов и в десятки раз по суммарной разрушительной мощи (мегатоннажу) — и вместе с тем опасность ядерной войны сейчас намного выше, чем в конце 1980-х годов?

Почему после тридцати лет глубоких сокращений ядерных арсеналов в целях укрепления стратегической стабильности, Россия и США все дальше расходятся в своем понимании принципов этой самой стабильности? По каким причинам после многолетних совместных усилий двух держав по устраниению стимулов для первого ядерного удара его вероятность ныне больше, чем когда-либо за прошедшие тридцать лет? И наконец, как получилось, что после трех десятилетий нарастающего успеха и эффекта переговоров по сокращению и нераспространению ядерного оружия, мир вступает в период деградации и распада всей системы контроля над этим оружием и начала нового цикла гонки ядерных и иных вооружений в многопрофильном и многостороннем формате?

В научной литературе последнего времени большое внимание уделялось различным современным факторам, влияющим как бы извне на ядерное сдерживание и стабильность: новым системам противоракетной обороны (ПРО), высокоточному оружию (ВТО) большой дальности в неядерном (обычном) оснащении, влиянию третьих и «пороговых» ядерных государств, космическим вооружениям, а с недавних пор — киберугрозам². Эти новоявленные процессы оттеснили на задний план общественного сознания тенденции, происходящие в самой «сердцевине» ядерного сдерживания — военно-стратегических отношениях России и США. Между тем и в этом аспекте происходят опасные перемены. В предлагаемой статье исследуются реальные и мнимые причины сложившегося тревожного положения, предлагаются пути его исправления на благо международной безопасности.

Генезис ядерного сдерживания

Философия ядерного сдерживания родилась в результате симбиоза политики военного сдерживания и ядерного оружия. Первое насчитывает тысячелетия истории, а второе родилось в 1945 г. Устрашение противника угрозой применения военной силы — с целью сдерживать его от неприемлемых действий или принуждать к желательному поведению — издревле считалось политико-психологической функцией армий и флотов до того, как они начнут реальные боевые

² В качестве недавнего материала см.: Дворкин В. Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить? Московский Центр Карнеги. 28.11.2018. URL: <https://carnegie.ru/2018/11/28/ru-pub-77809> (дата обращения: 30.11.2018).

действия. Еще два с половиной тысячелетия назад китайский родоначальник всемирной стратегической мысли Суньцзы писал: «Одержать сто побед в сражениях – это не вершина воинского искусства. Повергнуть врага без сражения – вот вершина... Тот, кто преуспел в военном деле, подчиняет чужие армии, не вступая в битву... Тогда его оружие не притупится и плоды победы можно будет удержать»³.

Создание и применение атомной бомбы в 1945 г. далеко не сразу породило идею ядерного сдерживания. Поначалу ядерное оружие рассматривалось как лишь новое средство ведения войны небывалой разрушительной силы. Согласно официальной американской доктрине «Массированного возмездия» 1950-х годов, реальный план применения ядерного оружия, изложенный в первом «Едином интегрированном оперативном плане» Пентагона (Single Integrated Operational Plan – SIOP-62), предусматривал с началом любого вооруженного конфликта с СССР незамедлительный массированный налет 1850 тяжелых и средних бомбардировщиков со сбросом 4700 атомных и водородных бомб на города и другие объекты СССР, КНР и их союзников⁴.

Создание ядерного оружия и межконтинентальных авиационных, а затем ракетных средств его доставки Советским Союзом лишило США традиционной недосягаемости за двумя океанами, что заставило их всерьез пересматривать взгляды на соотношение политической и военной роли ядерного оружия. Идея ядерного сдерживания вышла на передний план военной политики США, хотя она, естественно, опиралась на реальные ядерные силы и оперативные планы их применения. Этот качественный сдвиг положил начало формированию философии преимущественно политической, а не военной роли ядерного оружия. При этом обе его ипостаси наглядно демонстрируют классический закон гегелевской диалектики единства и борьбы противоположностей (о чем подробнее – ниже).

Стратегическая стабильность – рождение концепции

Истоки этой концепции берут начало в конце 1950-х годов в аналитических разработках корпорации РЭНД – научного центра ВВС США, а ее первым автором на официальном уровне был министр обороны США в 1960-е годы Роберт Макнамара. В 1967 г. в своей нашумевшей речи в Сан-Франциско он сказал: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы»⁵.

³ Суньцзы. Искусство войны. URL: <http://lib.ru/POECHIN/suntzur.txt> (дата обращения: 18.10.2018).

⁴ Kaplan F. The Wizards of Armageddon. New York: Simon and Schuster, 1983. P. 269.

⁵ McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper and Row, 1968. P. 57.

Через несколько лет эта логика воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1) от 1972 г. Правда, тогда гонка вооружений была не остановлена, а лишь ограничена по некоторым параметрам, набирая темп по другим категориям ядерного баланса и классам ядерных вооружений. В США наращивание этого потенциала по количеству боезарядов добралось до пика в начале 1960-х годов – 32 000 единиц, а затем сократилось к 1989 г. до 22 200 единиц суммарной мощностью в 20 000 мегатонн. В СССР к концу 1980-х годов по этим параметрам был достигнут максимум в 30 000 единиц и 35 000 мегатонн. Вместе две сверхдержавы, на которые приходилось примерно 98% глобального ядерного арсенала, накопили разрушительную мощь, эквивалентную 3,6 млн «хирошимских» бомб.

Но к концу 1980-х годов холодная война была уже на излете, начались большие перемены внутри СССР, правящим кругом ведущих держав стала очевидной абсурдная избыточность ядерных потенциалов. Это послужило мощным импульсом переговоров по сокращению ядерного оружия, которые увенчались первыми радикальными соглашениями: Договором по ракетам средней и меньшей дальности в 1987 г. и Договором ОСВ-1 в 1991 г. На этом благоприятном фоне родилась концепция стратегической стабильности.

Понятие «стратегическая стабильность» было сформулировано как правовая норма в первый и, к сожалению, в последний раз в июне 1990 г. в Совместном Заявлении России и Соединенных Штатов⁶. Это понятие определялось как стратегические отношения, устраниющие «стимулы для нанесения первого ядерного удара». Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов:

- «Взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями» (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны).
- «Уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях» (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с гораздо большим числом боезарядов).
- «Оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью» (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Данная концепция явилась коренным пересмотром традиционных взглядов. В годы холодной войны каждая сторона имела классовое восприятие противника как имманентного агрессора, независимо от конкретики его доктрины и соста-

⁶ Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. June 1, 1990. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (accessed 15.03.2018); Sovmestnoe zajavlenie otnositel'no budushhih peregovorov po jadernym i kosmicheskim vooruzhenijam i dal'nejshemu ukrepljeniju strategicheskoy stabil'nosti. Gosudarstvennyj vizit Prezidenta SSSR M.S. Gorbacheva v Soedinennye Shtaty Ameriki, 30 maja – 4 iyunja 1990 goda. Dokumenty i materialy. Moscow: Politizdat, 1990. 335 s. (In Russ.)

ва вооружений. Теперь вместо этого взаимно приняли предпосылку, что первый ядерный удар является агрессией, независимо от того, какое государство его на-несло. А цель первого удара подразумевалась как предотвращение или существенное ослабление ответного удара противника путем поражения его стратегических сил на стартовых позициях и отражения удара выживших ракетных средств с помощью противоракетной обороны (ПРО).

Согласно логике Совместного Заявления от 1990 г., если ни одна из сторон не имеет возможность первым ударом существенно снизить свой ущерб от возмездия другой стороны, то развязывание войны (первый удар) не станет продолжением политики иными средствами, даже в случае острого конфликта интересов государств.

Важно подчеркнуть, что о содержании «стратегической стабильности» договорились в ходе переговоров о Договоре СНВ-1 (1991), в сложнейших положениях которого воплощены все принципы этой концепции. В дальнейшем они нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и ПРО театра военных действий (1997), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП от 2002 г.) и текущем Договоре СНВ (или, как его в России называют, СНВ-3 от 2010 г.). В качестве важнейших сопутствующих мер с 1993 г. начались переговоры с целью заключения Договора о запрещении производства разделяющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ), а в 1996 г. был подписан Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

В итоге этих соглашений стратегический баланс сейчас выглядит намного более стабильным (по критериям, согласованным в 1990 г.), чем было на пороге 1990-х годов перед подписанием Договора СНВ-1. Разрешенные предельные уровни стратегических вооружений сократились по боезарядам примерно в 6 раз, по развернутым носителям — почти в 3 раза. Суммарный мегатоннаж уменьшился приблизительно в 30 раз⁷. Соотношение числа боезарядов к носителям изменилось с 5:1 на 2:1. Средства повышенной выживаемости⁸ тогда составляли 30–40%, а теперь 60–70% СЯС России и США.

Еще важнее, что не только по форме, но и, по существу, стратегический баланс стал намного стабильнее в том смысле, какой был определен в Декларации 1990 г., как устранение «стимулов для нанесения первого ядерного удара». Модели гипотетического обмена ядерными ударами показывают, что при реалистически допустимых условиях нападение любой стороны не способно поразить

⁷ Подсчитано на основе: Ежегодник СИПРИ 2017: Вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: Наука, 2018. С. 338–352. [Engl. ed.: SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security]. Oxford University Press, 2017; SIPRI Yearbook 1990: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 1991. Р. 3–51.

⁸ Под средствами повышенной выживаемости имеются в виду ракетные силы морского и наземно-мобильного базирования. Тяжелые бомбардировщики в данном случае не учитываются, так как уязвимы на аэродромах и не содержатся в состоянии высокой боевой готовности, имеют длительное подлетное время и не имеют гарантии прорыва противовоздушной обороны противника.

более 50% сил другой, причем для этого будет израсходовано на 20% больше средств, чем поражено⁹. Иными словами, агрессор разоружил бы сам себя. А у стороны, подвергшейся нападению, выжило бы больше сил, чем осталось у агрессора, и она могла бы нанести ответный удар по своему выбору, лишив инициатора войны любых вообразимых плодов нападения.

Являясь одной из моделей взаимного ядерного сдерживания, стратегическая стабильность сейчас интенсивно размывается вследствие эволюции концепций и оперативных планов ядерного сдерживания, начала масштабного цикла гонки ядерных и новейших обычных вооружений. Эти процессы, безусловно, усугубляются новой холодной войной в отношениях России и Запада, включая распад системы и режимов контроля над ядерным оружием.

Современные ядерные доктрины

Опубликованный в январе 2018 г. очередной «Обзор ядерной политики» США стал выражением всеобъемлющей позиции нынешнего военного и политического руководства страны по всем аспектам ядерного сдерживания. В нем подчеркивается: «Учитывая многообразие угроз и в значительной степени непредсказуемый характер этих угроз в настоящее время и в будущем, ядерные силы США выполняют следующие важнейшие функции, предусмотренные стратегией национальной безопасности Соединенных Штатов: предотвращение нападения с применением и без применения ядерного оружия; гарантия безопасности союзников и партнеров; достижение целей государственной политики США в случае провала сдерживания; способность реагировать на непредвиденные ситуации в будущем»¹⁰.

Российская Военная доктрина в ее последнем издании от 2014 г. тоже требует обеспечить «постоянную готовность Вооруженных Сил, других войск и органов к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации»¹¹. Ядерные силы должны гарантировать «поддержание глобальной и региональной стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне». В случае войны Доктрина предусматривает не только ответный ядерный удар, но и первый (превентивный) удар: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее

⁹ Дворкин И. Сокращение наступательных вооружений // Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). Московский Центр Карнеги. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 66–67.

¹⁰ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

¹¹ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Цель ядерного удара определяется как «нанесение противнику заданного уровня ущербы в любых условиях обстановки»¹².

Правда, военная доктрина Российской Федерации – весьма переменная величина. Так, выступая в Сочи в октябре 2018 г. президент Путин в ответ на вопрос журналиста неожиданно сформулировал ее центральную, ядерную часть следующим образом: «...В нашей концепции применения ядерного оружия нет превентивного удара. И я прошу всех здесь присутствующих и всех, кто будет потом каждое слово из того, что я скажу, анализировать и так или иначе использовать в своих собственных изложениях, иметь в виду: у нас нет в нашей концепции использования ядерного оружия превентивного удара. Наша концепция – это ответно-встречный удар... Это значит, что мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России, по нашей территории. Никакой тайны вам не расскажу: у нас создана система, и мы ее совершенствуем постоянно, она нуждается в совершенствовании – СПРН, система раннего предупреждения о ракетном нападении. То есть эта система фиксирует в глобальном масштабе, какие старты стратегических ракет из Мирового океана, с какой-то территории произведены. Это первое. И второе – она определяет траекторию полета. Третье – район падения головных частей ядерного оружия. И когда мы убеждаемся (а это все происходит в течение нескольких секунд), что атака идет на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар... Конечно, это всемирная катастрофа, но я повторяю, мы не можем быть инициаторами этой катастрофы, потому что у нас нет превентивного удара... Агрессор все равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен. А мы – жертвы агрессии, и мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»¹³.

Общественное внимание больше всего привлекла последняя эмоциональная фраза, судить о которой – вне сферы компетенции автора настоящей статьи. Между тем остальная часть высказывания президента внесло фундаментальную поправку в Военную доктрину России. А именно – было фактически объявлено о неприменении ядерного оружия первыми, что сделал СССР в 1982 г. (хотя никто в мире тогда не принял это всерьез) и что отменила Россия в 1993 г. (чему все поверили). Из девяти нынешних ядерных государств такое обязательство имеет только КНР (но и ему мало кто верит), а также Индия (хотя с серьезными оговорками).

В этой связи остается неясным, что стало с положением официальной Военной доктрины РФ о применении ядерного оружия первыми «в случае агрессии

¹² Там же.

¹³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 18 октября 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848>

против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»¹⁴. Кроме того, описанный ответно-встречный удар, очевидно, не относится к применению оперативно-тактического ядерного оружия Сухопутных войск, ВМФ и ВКС, по которому Россия, наверное, превосходит все остальные страны мира в сумме¹⁵.

Далее, хотя президент сказал о ядерном оружии в целом, обрисованная им концепция, вероятнее всего, относится только к основному варианту применения стратегических ядерных сил. В ином случае непонятно, почему крупные инвестиции делаются в столь дорогостоящие высокоживущие системы, как подводные лодки с баллистическими ракетами и наземные мобильные МБР, которые более всего рассчитаны на так называемый «глубокий ответный удар» (т.е. запуск, когда не осталось никаких сомнений в факте нападения и его инициаторе после подрыва ядерных боеголовок противника на своей территории).

Важно также, что Путин косвенно подтвердил провозглашенное со стороны СССР и США в 1970-х и 1980-х годах убеждение в том, что ядерная война стала бы катастрофой для человечества, а значит – в ней нельзя победить и ее нельзя вести. Так или иначе, об историческом значении приведенного высказывания можно будет судить в зависимости от того, будет ли внесена соответствующая поправка в следующую редакцию российской Военной доктрины¹⁶.

В остальном, по сравнению с периодом правления президента Обамы, в настоящее время подход двух ведущих держав к роли ядерного оружия стал заметно более симметричным. В предшествующие годы Москва не высказывала озабоченности по поводу американских ядерных сил, но постоянно выражала тревогу в связи с их неядерными программами противоракетной обороны и высокоточных наступательных систем большой дальности. Со своей стороны, Вашингтон беспокоился из-за российских дестратегических (оперативно-тактических) ядерных вооружений и сил общего назначения.

Теперь США усматривают угрозу, прежде всего, в наращивании за последнее десятилетие стратегического ядерного потенциала РФ (как и Китая) и намерены ответить на него обширной программой обновления и расширения своих ядерных сил. В свою очередь, Россия в последние годы резко усилила акцент на стратегические оборонительные системы и высокоточные обычные наступа-

¹⁴ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁵ Независимые оценки насчитывают у РФ около 1850 единиц такого ядерного оружия. Ежегодник СИПРИ 2017: Вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: Наука, 2018. С. 338–352. [Engl. ed.: SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security]. Oxford University Press, 2017.

¹⁶ Как оказалось, положение об отказе от превентивного удара не было внесено в новое издание российской ядерной политики. Напротив, наряду с доктринальным закреплением концепции ответно-встречного удара, сценарии и варианты первого применения ЯО были заметно расширены. Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль. 2 июня 2020 г. № 355. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1>

тельные вооружения большой дальности, которые, наконец, вызвали озабоченность США, что впервые нашло отражение в «Обзоре» 2018 г.¹⁷

Тем не менее, как представляется, нынешняя симметричность стратегических потенциалов и взглядов на их значение отнюдь не гарантирует возобновление диалога и снижение ядерной угрозы. Этот кажущийся парадокс объясняется природой самого феномена ядерного сдерживания как особого характера военно-политических отношений государств.

Дихотомия феномена ядерного сдерживания

Двойственный характер доктрины ядерного сдерживания обусловлен размытостью грани между использованием ядерного сдерживания как политического инструмента предотвращения войны и практическим применением ядерного оружия в качестве средства ведения войны. Ведь любой вариант ядерного сдерживания состоятелен тогда и только тогда, когда он опирается на материальную базу ядерных вооружений и готовность их использовать в соответствии с принятыми военной доктриной, стратегией и оперативными планами.

В современном мире все государства открыто (или по умолчанию, как Израиль) поддерживают и совершенствуют свои ядерные вооружения для целей сдерживания. И в то же время ни одна система оружия не создается для сдерживания вообще, поскольку оно является слишком общим и аморфным понятием. Разработка всех систем ядерного оружия воплощает в себе последние научно-технические достижения для выполнения конкретных военных задач — поражения тех или иных военных и гражданских объектов в заданных условиях вооруженного конфликта. При этом некоторые технические характеристики вооружений и связанные с ними оперативные планы могут увеличить вероятность военного конфликта или его эскалации. Сейчас это происходит под влиянием военно-технического развития и новых стратегических концепций ведущих ядерных держав и усугубляется международной политической напряженностью из-за событий на Украине и в Сирии.

Чудовищная разрушительная мощь и техническая сложность существующих ядерных сил фактически сделали важнейшие политические решения «заложником» стратегических концепций и оперативных планов, разработанных в военных управлениях и штабах задолго до вооруженного конфликта. А эти планы диктуются техническими характеристиками вооружений и их информационно-управляющих систем. Применительно к ядерному оружию классический постулат Клаузевица можно переформулировать так: война есть продолжение не внешней политики держав, а доктрины ядерного сдерживания и технических характеристик систем оружия, определяющих планы их применения.

¹⁷ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

В качестве иллюстрации можно обратиться к изложенной российским руководством концепции ответно-встречного удара. Она обусловлена, главным образом, уязвимостью стратегических сил для массированного ракетно-ядерного удара вероятного противника. Правда, речь идет только о межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) в защищенных шахтных пусковых установках, подземных командных пунктах, а также ракетных подводных лодках в базах и бомбардировщиках на аэродромах. Ракеты грунтово-мобильного базирования на маршрутах, подводные лодки и авиация в море и воздухе способны выжить и нанести глубокий ответный удар, но этот живучий потенциал, видимо, считается недостаточно разрушительным. Поэтому неприемлемый уровень ущерба, упомянутый в Доктрине, вероятно, призван причинить агрессору ответно-встречный удар ракет шахтного базирования, особенно самых мощных МБР тяжелого типа (как нынешний «Воевода» и будущий «Сармат»). А это значит, что в большой мере именно технические характеристики вооружений диктуют решение высшего государственного руководства о конце света – нанесении ядерного удара. Эти параметры: невозможность сделать жидкостные МБР тяжелого типа мобильными, недостаточная взрывостойкость их шахтных пусковых установок и высокий уровень их готовности к запуску, а также количество, точность, мощность боеголовок и подлетное время ракет противника.

Между тем концепция ответно-встречного удара сопряжена с изрядным риском непреднамеренного развязывание ядерной войны из-за возможности технического сбоя системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) в составе спутников и наземных радаров, несанкционированного запуска ракет оппонента, неправильной интерпретации действий другой стороны, неуправляемой эскалации кризиса и локального вооруженного конфликта.

В ближайшей перспективе этот риск может существенно возрасти в ходе развития военной техники и изменений стратегического баланса. Например, космические вооружения и средства кибервойны будут способны блокировать системы СПРН или инспирировать ложную тревогу с их стороны. Распространение в мире ядерных ракет морского базирования порождает опасность провокационных «анонимных» ударов третьей стороны из-под воды. Создание гиперзвуковых систем лишит наземные радары СПРН возможности своевременно определять траекторию полета ракет противника и район падения его боеголовок, а значит – ответно-встречный удар придется наносить сразу по сигналу спутников, которые периодически выдают ложную тревогу.

Наконец, вероятная денонсация ДРСМД и развертывание новых американских ракет средней дальности на передовых рубежах в Европе и Азии, ввиду их короткого подлетного времени, нейтрализует российскую концепцию ответно-встречного удара. По мнению некоторых авторитетных военачальников, это заставит Россию принять концепцию упреждающего ядерного удара¹⁸. Понятно,

¹⁸ См.: интервью генерал-полковника В.И. Есина, который сказал: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара» // Еженедельник «Звезда». 09.11.2018.

что такой удар будет более разрушительным, чем чисто ответный, но последующий удар противника в любом случае будет гибельным для России. А если и США примут концепцию упреждающего удара, то любая возможная кризисная ситуация заставит обе стороны играть на опережение. Причем не по каким-то политическим мотивам, а из-за уязвимости их ракетных сил и системы управления для гипотетического первого удара другой стороны.

Другой пример саморазрушительных тенденций ядерного сдерживания – это концепции ограниченной или избирательной ядерной войны. Сакраментальный вопрос, над которым много десятилетий боятся стратегические планировщики: что делать, если ядерное сдерживание все-таки «не сработает»? Например, если нападение противника с использованием сил общего назначения создаст угрозу неминуемого военного поражения (в том числе уничтожения большой части ядерных средств в районах базирования), если другая сторона применит ядерное оружие ограниченным образом, если она использует другие виды оружия массового уничтожения или кибератаки?

С начала 1970-х годов прошлого столетия Соединенные Штаты в лице министра обороны того времени Джеймса Шлессингера выдвинули концепцию «перенацеливания» – разных вариантов групповых ударов по советским военным объектам¹⁹. Но все эти планы разбивались о вероятность массированного ядерного ответа СССР, который категорически отвергал подобные идеи и усиливал потенциал «сокрушительного возмездия»²⁰.

В 2003 г. Россия в официальном документе Министерства обороны обнародовала планы «дезакалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». Причем предполагалась возможность «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания»²¹.

Следует отметить, что с тех пор очередные издания Военной доктрины РФ и другие официальные стратегические документы не упоминали подобных концепций. В то же время принятые доктринальные формулировки не исключают такого рода действий, поскольку не уточняется, каким образом Россия может «применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»²². Неясно и то, что может считаться «угрозой самому существованию», как и то, какой «уровень нанесения ущерба» трактуется как

¹⁹ Secretary of Defense James R. Schlesinger. Annual Defense Department Report, FY 1975. Government Printing Office. Washington, D.C. March 4, 1974. Available at: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1975_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-150705-323 (accessed 02.02.2018).

²⁰ Огарков Н. Всегда в готовности к защите Отечества. М.: Воениздат, 1982. С. 49.

²¹ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации // Красная звезда. 11.10.2003.

²² Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

«неприемлемый»²³. Другие ядерные державы тоже не откровенничают на сей счет, но и они не отвергает (а США открыто провозглашают) возможность ограниченной ядерной войны.

Правда, приведенное высказывание президента Путина на Валдайском форуме в 2018 г. как будто исключает концепции избирательного применения ядерного оружия. Также и в его Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. было сказано: «Любое применение ядерного оружия против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями»²⁴. По идеи, понимание невозможности ограниченной ядерной войны должно зеркально отражаться и в Военной доктрине России, однако в этот кардинальный вопрос до сих пор не внесено полной ясности.

Соединенные Штаты в течение многих лет включали в свою ядерную стратегию концепцию ограниченной ядерной войны в виде «подогнанных (*tailored*) ядерных опций». Но в ядерном «Обзоре» 2018 г. эта тема выдвинулась на центральное место и стала главной новацией ядерной доктрина Трампа. В ней указывается: «Недавние российские заявления в духе развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны Москвы. Россия демонстрирует свое представление о преимуществах систем такого оружия путем многочисленных (военных) учений и заявлений. Исправление подобного ошибочного российского взгляда стало стратегическим императивом. В качестве реакции на такого рода вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих подогнанных опций сдерживания»²⁵.

Как средство ограниченных ядерных ударов планируется оснастить часть баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) «Трайдент-2» боеголовками пониженной мощности, а также создавать перспективные ядерные крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (LRSO – long-range stand-off missile), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) для тактической и стратегической авиации и новые КРМБ в ядерном оснащении²⁶.

Как бы ни оправдывались такие средства и планы доктрины сдерживания, они на деле снижают «ядерный порог» и увеличивают вероятность эскалации любого вооруженного столкновения двух сверхдержав до ядерного уровня и последующего обмена массированными ударами.

²³ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

²⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. [The President's Address to the Federal Assembly (In Russ.)]. March 1, 2018. Moscow. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 10.03.2018).

²⁵ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

²⁶ Ibid.

Еще один ответ ядерного сдерживания на случай, если оно «не сработает» – концепция «ограничения ущерба» в ядерной войне. В последнем «Ядерном обзоре» США указывается: «Задача ограничения ущерба в случае, если сдерживание не сработает в региональной ситуации, требует энергичного адаптивного планирования с целью защиты от нападающей стороны и нанесения (ей) поражения, включая противоракетную оборону и возможность обнаружить, отследить и взять на прицел мобильные средства региональных противников»²⁷.

Хотя в этом пассаже говорится о региональных конфликтах и противниках, в России такие планы, естественно, проецируют на себя (как угрозу американской ПРО и высокоточных обычных вооружений большой дальности). В ядерной войне стремление к ограничению ущерба для одной стороны выглядит как угроза разоружающего удара для другой, особенно если речь идет о поражении мобильных средств, на которые в виде грунтово-мобильных МБР Россия делает ставку как на средство глубокого ответного удара.

Еще одно опасное направление, которое можно назвать периферийной трансформацией ядерного сдерживания – это развитие разнообразных ударных систем большой дальности (свыше 500 км), способных поражать обычными боезарядами цели, которые в прошлом можно было уничтожить только с использованием ядерных боеприпасов. Эту возможность открыли новые информационно-управляющие системы (в том числе космические) и миниатюризация электронно-вычислительной техники, которые позволяют значительно повысить точность наведения ударных средств (до нескольких метров вероятного отклонения)²⁸.

Неядерные системы ВТО большой дальности предназначаются и используются сверхдержавами, прежде всего, в региональных войнах (Ирак, Югославия, Афганистан, Ливия, Сирия). Однако они вторгаются в стратегический баланс через концепцию «конвенционального (обычного) сдерживания», давно проповеданную в официальных документах США²⁹, а с 2014 г. и в Военной доктрине России, где сказано, что «в рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерации предусматривается применение высокоточного оружия»³⁰. Первоначально эта концепция

²⁷ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

²⁸ Речь идет о таких системах США, как крылатые ракеты (КР) морского базирования типа «Томахок» (*BGM-109*), крылатые ракеты воздушного базирования (*AGM-84, AGM-158B JASSM-ER*). Россия тоже наращивает свой арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа «Калибр» 3М-54 и 3М-14 и авиационные ракеты типа Х-55СМ, Х-555 и Х-101). К 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет РФ выросло более чем в 30 раз (Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018)).

²⁹ Einhorn R., Pifer S., et al. Meeting U.S. Deterrence Requirements. Foreign Policy at Brookings. 2017. P. 20.

³⁰ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

мыслилась как предпочтительная альтернатива опоре на ядерное оружие, поднимающая «ядерный порог». Но на деле оказалось, что она влечет опасное снижение этого «порога».

Кроме того, многие нынешние и будущие средства такого рода и их носители имеют двойное назначение, и их применение до самого момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара. Это относится к тяжелым и средним бомбардировщикам, тактической ударной авиации с ракетами и авиабомбами, кораблям и многоцелевым подводным лодкам с ракетным оружием двойного назначения: КРМБ «Калибр», «Томахок»³¹, авиационные крылатые ракеты типа Х-101/102, наземные оперативно-тактические баллистические и крылатые ракеты типа «Искандер». Такие системы и связанные с ними концепции и планы тоже могут вызвать быструю неуправляемую эскалацию обычного локального конфликта и даже военного инцидента к ядерной войне.

Рассмотренные выше военно-технические, стратегические и политические тенденции разрушают систему и режимы контроля над ядерным оружием, построенные за последние пятьдесят с лишним лет большими усилиями СССР/России, США и других стран. Автор настоящей книги предупреждал об этом в течение нескольких последних лет³², и теперь данная опасность стала очевидной для всех, кто не закрывает глаза на окружающую действительность.

Ясно, что наиболее слабым звеном в системе контроля над ядерным оружием сейчас является Договор РСМД. При этом главные претензии сторон друг к другу по его соблюдению можно было бы сравнительно быстро решить на техническом уровне, если бы обе стороны проявили к этому политическую волю и стратегический интерес. Но вместо этого администрация Трампа 22 октября 2018 г. официально заявила о намерении денонсировать этот исторический Договор.

Кризис контроля над ядерным оружием проявляется и в том, что вот уже девять лет не велось переговоров России и США по следующему договору СНВ – это самая затянувшаяся пауза за полвека таких переговоров. Хотя обе стороны в феврале 2018 г. выполнили положенные по текущему Договору сокращения, в 2021 г. его срок истечет, и в контроле над стратегическими вооружениями возникнет вакuum. Времени для заключения нового договора, в свете глубины разногласий сторон по ряду ключевых проблем, остается все меньше. При этом администрация США весьма неоднозначно относится к продлению текущего Договора до 2026 г. (что можно по его статьям сделать один раз на 5) и находится под давлением Конгресса против такого шага.

Таким образом, США и Россия стоят на пороге новой масштабной гонки вооружений, причем, в отличие от периода холодной войны, эта ракетно-ядерная

³¹ В 2010 г. США приняли решение вывести до 2013 г. из боевого состава все ядерные КРМБ «Томахок», но в 2018 г. в «Обзоре ядерной политики» было объявлено решение вернуть ядерные КРМБ на вооружение многоцелевых подводных лодок.

³² Арбатов А. Контроль над ядерным оружием: конец истории? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 5–18.

гонка будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям в неядерном оснащении, а также развитием космического оружия и средств кибервойны. США планируют начать с середины 2020-х годов обновление своей стратегической триады: по одной новой системе на смену нынешним МБР, БРПЛ и тяжелым бомбардировщикам³³. А Россия продолжает модернизацию своей триады, разрабатывая и развертывая три системы МБР («Ярс», «Рубеж», «Сармат»), одну систему БРПЛ («Борей-Булава») и две системы бомбардировщиков (Ту-160М и ПАК ДА). Также Соединенные Штаты разрабатывают упомянутые выше системы для ограниченных ядерных ударов (БРПЛ «Трайдент-2» с боеголовками пониженной мощности, крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности типа *LRSO*), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) и новые КРМБ в ядерном оснащении). А Россия развивает стратегических системы, показанные в президентском Послании от 1 марта 2018 г. (атомная крылатая ракета «Буревестник», гиперзвуковой планирующий блок «Авангард» и атомная суперторпеда «Посейдон»)³⁴. Влияние названных вооружений на стратегическую стабильность является, по меньшей мере, весьма спорным вопросом.

Реновация стратегической стабильности и контроля над вооружениями

На Валдайском форуме в Сочи в октябре 2016 г. президент Путин заявил: «Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире» и его нельзя «рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии»³⁵.

Как следует из представленного выше анализа, ядерное сдерживание может служить опорой международной безопасности с одной кардинально важной оговоркой, а именно – только в сочетании с переговорами и соглашениями об ограничении, сокращении и нераспространении ядерного оружия. Будучи предоставлено само себе, ядерное сдерживание ставит на грань ядерной войны любой серьезный кризис между великими державами, а иногда и сама динамика ядерного сдерживания может явиться детонатором ядерного конфликта. К началу 1960-х годов мир прошел через череду кризисов нарастающей опасности, все ближе подходя к грани ядерной войны. Кульминация была достигнута в дни Карибского кризиса октября 1962 г., когда лишь чистое везение спасло человечество от катастрофы. И только после этого, с заключением Договора 1963 г.

³³ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. P. 23. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

³⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

³⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата обращения: 28.02.2018).

о частичном запрещении ядерных испытаний, началось на практике строительство договорно-правовой системы контроля над ядерным оружием.

В последние несколько лет мир снова вступил на пагубный путь конфронтации и военного соперничества в условиях продолжительного тупика на всех направлениях контроля над вооружениями, вызванного техническими, стратегическими и политическими причинами. Остановиться на этом пути и повернуть вспять от ядерной «красной черты» можно, лишь опираясь на укрепление стратегической стабильности, спасение и совершенствование системы контроля над ядерным оружием.

Революционный смысл советско-американской концепции стратегической стабильности, согласованной в 1990 г., оказался, возможно, даже глубже, чем в то время понимали сами ее авторы (во всяком случае, это касается автора настоящей монографии как участника переговоров по данному вопросу). Ибо она означала, что обе стороны признают право друг друга на ядерный потенциал ответного удара в качестве гарантии их безопасности, но отказываются от развития наступательных и оборонительных вооружений, которые лишили бы другую сторону такого «страхового полиса». При этом ограничение ущерба от гипотетической ядерной войны не должно осуществляться за счет развития средств разоружающего удара, систем обороны от ответного удара оппонента и опций избирательного применения ядерного оружия. Вместо этого, предполагалось идти путем снижение самой вероятности такой войны, а также сокращения арсеналов уничтожения посредством договоров, мер транспарентности и предсказуемости, разъяснения военных доктрин и концепций друг друга.

Такая политика невозможна как сумма одностороннего развития державами концепций, оперативных планов и средств ядерного сдерживания, которое всегда направлено на поражение предполагаемого противника в случае, «если сдерживание не сработает». Как сказано в российской Военной доктрине, по аналогии со стратегическими документами США и других стран, целью вооруженных сил является «нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников»³⁶. При этом выносится за скобки то обстоятельство, что сдерживание в кризисной ситуации может рухнуть под воздействием планов и средств, предназначенных для сдерживания. Ответственность за решение о ядерном ударе военные всегда возлагают на политическое руководство, а руководство является заложником оперативных планов и технических характеристик вооружений, разработанных военными и конструкторами.

Только согласованное понимание сторонами стратегической стабильности, воплощенное в соглашениях об ограничении и сокращении вооружений, способно поставить жесткие пределы дестабилизирующим концепциям, планам и средствам ядерного сдерживания. Элементы этой философии содержались в документе по стратегической стабильности от 1990 г. Теперь, как и тогда, от-

³⁶ Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

ношения стратегической стабильности пока вообразимы только между Россией и США, если в это понятие вкладывается ясный смысл (устранение стимулов для первого ядерного удара), а не благие пожелания, относящиеся к международной безопасности в целом. Однако по прошествии без малого тридцати лет было бы исключительно важно обновить согласованные принципы стратегической стабильности с учетом произошедших изменений.

Прежде всего следует расширить само определение стабильности, как российско-американских стратегических отношений, не только «устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара», но и «стимулы для любого применения ядерного оружия». Что касается предотвращения нападения с использованием обычных вооружений, то оно должно опираться на достаточные силы и средства общего назначения, а еще лучше – на соглашения типа Договора по обычным вооружениям в Европе и его адаптированного варианта (от 1990–1999 гг.).

Исключительно важно, что отвлеченное обсуждение современного содержания стратегической стабильности останется бесплодным, как показали несколько лет диалога по этой теме между США и КНР³⁷, а также Россией и США. Появившиеся в последние годы предложения о многосторонних обсуждениях ядерных проблем и стратегической стабильности³⁸, как альтернативе конкретным переговорам, не дают внятного ответа на прямой вопрос о формате, предмете и ожидаемых результатах подобных интеллектуальных упражнений. Вероятно, такие идеи привлекательны для тех или иных государственных руководителей и военачальников, которые имеют предубеждение против соглашений по ядерным вооружениям, не принимают их важности и не знают истории вопроса. Однако на деле альтернативой терпеливым и подчас изматывающим переговорам являются не стратегические дискуссионные «клубы по интересам», а неограниченная гонка вооружений всех со всеми ее огромными издержками и растущей опасностью войны.

Лишь последовательные и поэтапные меры разоружения параллельно с позитивными изменениями международной политической и стратегической среды способны укрепить всеобщую безопасность. А сформулировать обновленные принципы стабильности можно только в контексте предметных переговоров об ограничении, сокращении и запрещении относящихся к делу вооружений. Динамичные перемены миропорядка, военных технологий и стратегического мышления не отменяют нужду в этой системе, а наоборот – делают ее еще более обязательной.

³⁷ Правда, у США и КНР были и достижения: они стали составлять словарь стратегических слов и понятий.

³⁸ См.: Караганов С. О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир // Россия в глобальной политике. Март – апрель 2017. Т. 15. № 2; Кортунов А. Конец двусторонней эпохи. Как выход США из договора о РСМД меняет мировой порядок. Московский Центр Карнеги. 23.10.2018.

НЕ ВЫШЛО И НЕ ВЫЙДЕТ? О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧИ ПРОТИВОРАКЕТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И США*

В настоящее время даже неспециалистам ясно, что проект сотрудничества России и США по созданию совместной системы противоракетной обороны (ПРО) потерпел фиаско. В лучшем случае он откладывается надолго, в худшем – на всегда.

А ведь сравнительно недавно на такое сотрудничество возлагались надежды на высшем официальном уровне Вашингтона и Москвы. Пожалуй, последнее высказывание по этому поводу было сделано министром обороны Сергеем Шойгу в конце 2013 г.: «Мы по-прежнему выступаем за взаимовыгодное сотрудничество в области ПРО... Однако перед тем как начинать общие противоракетные проекты, нам необходимы твердые и надежные юридические гарантии того, что американская система ПРО не будет использоваться против российских сил ядерного сдерживания»¹. Впрочем, это скорее явилось последним дежурным заявлением, а не практическим предложением. Примерно в то же время, по сообщениям печати, президент Владимир Путин упразднил межведомственную рабочую группу под руководством вице-премьера Дмитрия Рогозина, которая отвечала за переговоры по данному вопросу².

Ныне, в условиях сохраняющейся военно-политической напряженности вокруг украинского кризиса и противоречий по сирийской ситуации, если тема ПРО и всплывает, то исключительно в контексте взаимных обвинений в лукавстве, стремлении нарушить стратегическую стабильность словом и делом в части новых вооружений.

Выступая на Валдайском форуме в Сочи в 2015 г., президент Владимир Путин заявил: «Под предлогом ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана, как мы знаем, разрушена фундаментальная основа современной международной безопасности – Договор об ограничении противоракетной обороны. США в одностороннем порядке из него вышли. Сегодня, кстати, иранская ядерная проблема решена, никакой угрозы со стороны Ирана не было, как мы говорили, и нет. Причина, вроде бы побудившая наших американских партнеров строить систему противоракетной обороны, исчезла. И мы вправе были бы ожидать, что и работа

* Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 49–61.

¹ Литовкин В. Каска для генерального секретаря: Россия и НАТО согласовали проекты и разногласия // Независимое военное обозрение. 1 ноября 2013 г.

² www.nti.org/gsn/article/russia. Oct. 31, 2013.

над развитием ПРО США прекратится. А что на самом деле? Ничего подобного не происходит, наоборот – всё продолжается... Нас, да и весь мир, пытались в очередной раз ввести в заблуждение просто. А сказать совсем попроще – обманывали. Дело не в гипотетической иранской ядерной угрозе, которой и не было никогда. Дело – в попытке разрушить стратегический баланс, изменить соотношение сил в свою пользу таким образом, чтобы не просто доминировать, а иметь возможность диктовать свою волю всем: и своим geopolитическим конкурентам, да думаю, и своим союзникам... Сдерживающий фактор ядерного оружия стал девальвироваться, – подчеркнул Путин. – У некоторых, возможно, даже возникла иллюзия, что в мировом конфликте вновь достижима реальная победа одной из сторон – без необратимых, неприемлемых, как говорят специалисты, последствий для победителя, если победитель вообще будет»³.

Со своей стороны, руководители США и НАТО обвиняют Россию за «безответственный» курс наращивания ядерных вооружений и угрожающие ядерные декларации. В частности, большой ажиотаж вызвало торжественное сообщение президента Путина о том, что в течение 2015 г. Россия примет на вооружение 40 новых стратегических ракет, которые смогут преодолевать любые системы ПРО⁴. В ответ министр обороны США Эштон Картер заявил: «Ядерные вооружения не должны быть предметом небрежной риторики... Это неправильный подход, на мой взгляд, когда лидеры допускают такие высказывания по столь роковой теме как ядерное оружие»⁵.

С конца 1990-х годов в профессиональных кругах США и России было немало исследований с техническим обоснованием преимуществ сотрудничества двух держав в развитии и использовании систем ПРО. Ныне, задним числом, очевидно, что коренной ошибкой политиков и специалистов того времени был подход к оценке таких преимуществ как к чему-то абстрактному, «висящему в воздухе». Между тем такая польза может оцениваться только в контексте выполнения задач, которые ставят перед оборонительными системами обе стороны. Именно эти задачи являются политической и стратегической почвой, на которой строятся технические характеристики систем ПРО, равно как и элементы их возможного взаимодействия. Иными словами, теоретические преимущества противоракетного сотрудничества могут быть реализованы на практике лишь в контексте соответствующей политической и стратегической среды.

К сожалению, сегодня ее не существует. По сравнению с концом 1990-х и 2001–2011 гг., когда идея противоракетного сотрудничества вышла на уровень межгосударственных отношений и переговоров двух держав, нынешние условия для такого взаимодействия неблагоприятны. Возвращение к концепции сотрудничества по ПРО возможно только при условии позитивных изменений этих обстоятельств, что потребовало бы больших политических, дипломатических и военно-технических усилий обеих сторон.

³ <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>

⁴ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49712>

⁵ <http://www.cbsnews.com/news/ash-carter-russia-vladimir-putin-loose-rhetoric-nuclear-missiles-nato/>

Внутренняя политика

В России после волнений 2011–2012 гг. и возвращения Владимира Путина в Кремль политический курс был круто изменен с многолетнего «Европейского выбора России» на «Евразийский путь», опору на собственные силы и на экономическое, политическое и военное взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Там имеет место бурный экономический рост и нет нажима на партнеров по вопросам демократии и прав человека, который воспринимается в российской элите как стремление к смене политического режима через идеологические диверсии и «цветные революции».

Курс на дистанцирование от Запада, а затем и противостояние с ним, достиг своего пика в ходе украинского кризиса 2013–2015 гг. США и их союзникам было вменено намерение вновь поставить Россию «на колени», расчленить страну и отнять ее природные ресурсы и территориальные пространства. На фоне восприятия военной угрозы со стороны Запада в России началась беспрецедентная с конца 1980-х годов программа технического переоснащения армии и флота стоимостью в 23 трлн рублей по Государственной программе вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020). Понятно, что в таких условиях проект совместной системы ПРО с США/НАТО, от которых по идеи исходила главная военная угроза России, выглядел бы внутри страны совершенно абсурдно.

В Соединенных Штатах приход к власти первого афроамериканского президента с социальным уклоном внутренних реформ и упором внешней политики на действия под эгидой ООН, сдержанность в применении силы и ядерное разоружение – вызвали небывалый взрыв правоконсервативной оппозиции. После украинской конфронтации она обрела жесткую антироссийскую направленность и связала президенту руки во внешней и военной политике, включая любые компромиссы по программе ПРО и сотрудничество с Россией в этой области.

Внешняя политика

По сути, совместная противоракетная оборона означает, что одна сторона ставит спасение жизни миллионов своих граждан в зависимость от политических обязательств и эффективности технических систем ПРО другой стороны. Такая взаимозависимость подразумевает не что иное, как теснейшие союзнические отношения, которые должны охватывать не только сферу ПРО, но и главные направления военной и внешней политики государств. Даже нынешняя американская программа ПРО в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе – это не совместный с их союзниками проект, а система США, частично размещенная на территории их союзников и в некоторых элементах переданная им в эксплуатацию.

У России и США нет таких отношений и в обозримый период не предвидится. Возможно, раньше многие наивно полагали, что путем технических решений

по совмещению тех или иных элементов ПРО удастся обойти эти фундаментальные военно-политические расхождения взаимоотношений двух держав. После неудачных попыток наладить противоракетное сотрудничество в 2002–2011 гг., стало очевидно, что сама идея была преждевременной, а с точки зрения сегодняшнего дня – просто утопичной.

Например, даже частичное сопряжение отдельных элементов ПРО (не говоря уже об общей системе) предполагает согласие относительно истоков, характеристик угроз и их азимутов. США открыто предназначают свою систему против ракет Ирана, Северной Кореи, а негласно и против Китая. Россия никогда официально не признавала угроз для своей безопасности со стороны этих стран. Но Москва неоднократно официально высказывала беспокойство по поводу ракетно-ядерных потенциалов Великобритании, Франции, на которые система ПРО США по понятным причинам не могла быть ориентирована. Исключение составляют лишь Израиль, Индия и Пакистан. Первых двух государств ни РФ, ни США не опасаются, о потенциальной угрозе третьего Россия говорит открыто, а Америка – кулачно, исходя из конъюнктурных политических резонов.

Стратегические отношения: наступательные системы

В основе военно-стратегических отношений России с США и НАТО лежит взаимное ядерное сдерживание. За два десятилетия после окончания холодной войны ядерные силы сторон были существенно сокращены, а тема ядерного сдерживания вплоть до 2011–2012 гг. была далеко на заднем плане текущих политических отношений. Но она никуда не исчезла и закулисно присутствовала в военно-стратегических отношениях держав.

После 2012 г. в российской политике акцент на ядерное сдерживание резко вырос как в декларативном, так и в военно-техническом планах. Например, в своей программной статье перед выборами 2012 г. Владимир Путин подчеркивал: «До тех пор, пока “порох” стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается “сухим”, никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию»⁶. И далее: «...В структуре Вооруженных Сил сохранится роль и значение сил ядерного сдерживания. Во всяком случае, до тех пор, пока у нас не появятся другие виды оружия, ударные комплексы нового поколения»⁷. В 2012 г. Путин детально обнародовал программу модернизации российских стратегических ядерных сил (СЯС), согласно которой до 2020 г. на вооружение должны поступить 400 современных стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования и 8 новых стратегических подводных ракетоносцев. (Кстати, сам факт столь большого публичного внимания главы государства к ядерным вооружениям

⁶ Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Российская газета. 20 февраля 2012 г.

⁷ Путин В.В. Указ. соч.

воспринимается на Западе, как политическая угроза. Там эти вопросы, как правило, не поднимаются на уровень выше министров обороны и генералитета.)

Сейчас одновременно в разных стадиях разработки, испытаний, производства и развертывания находятся семь типов наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ): «Ярс», «Рубеж», новая жидкостная тяжелая ракета шахтного базирования «Сармат» (на смену МБР «Воевода»), железнодорожная мобильная ракетная система «Баргузин», а также морские ракеты «Синева», «Лайнер» и «Булава». Все эти ядерные средства в первую очередь предназначены против США и их союзников как в плане повышения их живучести, так и в целях преодоления любой реальной или гипотетической будущей системы ПРО.

В официальной риторике США упор на ядерное сдерживание меньше, но от него тоже не собираются отказываться. Как гласит американская доктрина, «фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров»⁸. После 2020 г. Америка вслед за Россией начнет цикл обновления своей стратегической триады. С начала следующего десятилетия будет развертываться новый бомбардировщик, после 2030 г. – очередное поколение наземных МБР, а затем морская ракетная система на смену подводным лодкам и ракетам «Трайдент». На весь цикл, по предварительным расчетам, придется затратить более 900 млрд долл.

В условиях острых противоречий вокруг Договора РСМД Вашингтон, видимо, потерял интерес к дальнейшим сокращениям стратегических вооружений⁹. Скорее всего, США берут курс на обновление своей стратегической ядерной триады в условиях полной свободы рук после истечения срока Пражского Договора СНВ в 2021 г. Главной целью новых систем будет ядерное сдерживание России и Китая с учетом их нынешних программ модернизации СЯС.

Понятно, что в таких стратегических условиях создавать совместную систему ПРО нереально даже в отдельных элементах: например в сопряжении космических (спутники) и надземных (радары) средств предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Эти системы США и России высоко централизованы, полностью автоматизированы и в преобладающей своей части предназначены засекать ракетные пуски друг друга. Значит, взаимно раскрывать их технические возможности неприемлемо, и обмен информацией должен, как минимум, «фильтроваться». Далее, немыслимо, чтобы две державы в автоматическом режиме обменивались сигналами о боевых пусках своих ракет (или ракет союзников и партнеров, например, Великобритании, Франции, Израиля, Китая). Значит, совмещенные элементы СПРН нужно было бы отделить от систем предупреждения в целом и согласовать районы совместного наблюдения, что создало бы политические проблемы (отмеченные выше) и технические трудности.

⁸ Nuclear Posture Review Report. April 2010. Wash., DC., 2010. P. VIII.

⁹ <http://www.nti.org/gsn/article/us-pessimistic-about-progress-missile-defense-arms-control-russia/?mgs1=1ddbdJhNb4>

Правда, ничто, в принципе, не мешает возродить совместный центр обмена данными о ракетных пусках (ЦОД): своего рода общий банк информации, о котором состоялась, но так и не была реализована договоренность от 2000 г. Но даже этот «безобидный» проект в условиях жесткого противостояния двух держав, скорее всего, останется мертворожденным.

Нельзя не вспомнить, что в предыдущем десятилетии была программа сотрудничества по тактической ПРО (ПРО театра военных действий), в рамках которой проводились совместные компьютерные учения России и США/НАТО. Но политические времена были иными и, главное, делу незримо способствовал Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. Он устранил со стороны России и США все наземные ракеты, которые могли быть объектом перехвата тактических систем ПРО. Поэтому не возникало противоречия между противостоянием наступательных ракет сторон и общностью их противоракетной обороны. Гипотетически, если бы Россия и США ликвидировали свои стратегические баллистические ракеты, то развивать совместную ПРО было бы гораздо проще. Очевидно, однако, что в обозримом будущем это не предвидится.

Возможно, что при наличии политической воли правительства эксперты разработали бы «дорожную карту» поэтапного сопряжения систем ПРО и параллельного отхода от отношений взаимного ядерного сдерживания. Его заменили бы на другую модель стратегических отношений (скажем, как между Британией и Францией). Однако такую модель, несмотря на избыток благозвучной риторики, за последнюю четверть века разработать не удалось. Сохраняющееся состояние взаимного ядерного сдерживания просто старались замалчивать, упирая на немыслимость военного конфликта после окончания холодной войны. А ныне и по прогнозам на будущее две державы движутся не в сторону военно-политического сближения, а в прямо противоположном направлении.

Стратегические отношения: оборонительные системы

В этой стратегической сфере на сегодняшний день ситуация радикально изменилась по сравнению с первым десятилетием нового века. Во-первых, в отличие от прошлого, теперь в мире есть не одна главная противоракетная программа США, а две – американская и российская, причем последняя развивается в рамках программы воздушно-космической обороны (ВКО). В мае 2011 г. были созданы Войска ВКО на базе Космических войск. Программа разработки и развертывания систем ВКО стала крупнейшим разделом ГПВ-2020, на которую планируется выделить около 20% ассигнований, т.е. порядка 3,4 трлн рублей (57 млрд долл.).

Естественно, вопрос об участии России в системе США/НАТО уже не стоит – можно говорить лишь о возможности тех или иных элементов совместимости двух систем. Но этому мешают не только рассмотренные выше стратегические наступательные, но и оборонительные программы и стратегии сторон. В отличие

от политических отношений, которые могут измениться достаточно быстро, стратегические отношения имеют огромную инерцию. Программы, которые за-кладываются сегодня, будут определять эти отношения намного дольше 2020 г., если стратегические и технические параметры ПРО не будут существенно изме-нены на взаимной основе.

Американская ПРО официально создается для защиты от третьих стран («из-гоев»), а не России. В Москве этому не верят. Правда, большинство уважаемых и независимых специалистов в России и за рубежом полагают, что намеченная система не создаст проблем для российского потенциала ядерного сдерживания (т.е. ракеты смогут преодолеть любую прогнозируемую на 15–20 лет вперед сис-тему ПРО). Однако подозрения России связаны с отказом США обсуждать лю-бые ограничения на будущие количественные, технические характеристики (например, скорость ракет-перехватчиков) и географию развертывания систе-мы – хотя бы на согласованное время и в зависимости от прогнозируемых угроз, со стандартным правом выхода из соглашения в случае «угрозы высшим нацио-нальным интересам».

Отказ Вашингтона диктуется технической неопределенностью и еще больше – внутриполитическими соображениями, но Москва эти оправдания отвергает. Действительно, прогнозируемые ракетные программы «стран-изгоев» с ядерным оружием вполне допускают согласование таких ограничений (за исключением Китая, против которого ПРО США и их союзников на Тихом океане официально не предназначена). Американская противоракетная программа «с открытым про-должением» является первым препятствием для совмещения оборонительных систем США и России.

Второй преградой является российская ВКО, которая открыто строится про-тив США. Совмещение такой системы с американской было бы полной страте-гической шизофренией. В июне 2013 г., посетив завод по производству зенитных ракет, президент Путин заявил: «Эффективная ВКО – это гарантия устойчи-вости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения»¹⁰. Ни одна страна мира, кроме США, не способна угрожать устойчивости российских СЯС и ни одна не имеет средств воздушно-космического нападения (СВКН), хотя сам этот термин весь-ма противоречив.

В своей упомянутой статье от 2012 г. Путин отметил: «Гарантией от нару-шения глобального баланса сил может служить либо создание собственной, весьма затратной и пока еще неэффективной системы ПРО, либо, что гораздо результирующее, способность преодолевать любую систему противоракетной обороны и защитить российский ответный потенциал. Именно этой цели и бу-дут служить Стратегические ядерные силы и структуры воздушно-космической обороны»¹¹.

¹⁰ Национальная оборона. Июль. 2013. № 7. С. 22.

¹¹ Путин В.В. Указ. соч.

По данной логике, если система ПРО считается «затратной и неэффективной», то это значит, что программа воздушно-космической обороны не предполагает строительство системы для защиты российских городов или объектов СЯС от удара наземных и морских баллистических ракет США в ядерном оснащении. Сейчас в программу ВКО входит только модернизация системы ПРО А-135 под неядерный перехват для прикрытия Московского района, т.е. пунктов государственного руководства и военного управления. Раньше именно ядерные баллистические ракеты США считались главной угрозой «ответному потенциальному СССР/России».

Следовательно, по формуле Путина, теперь главная задача – защита объектов стратегических сил не от ядерных МБР и БРПЛ, а от иных американских высокоточных систем большой дальности. Такие системы условно разделяются на две категории. Во-первых, это развернутые ныне на подводных лодках, крейсерах, эсминцах и бомбардировщика США крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) и воздушного базирования (КРВБ).

В чисто военном отношении разоружающий удар с использованием таких систем по российским СЯС – крайне сомнительная концепция. Его подготовка займет слишком много времени и будет заметной для другой стороны, что даст ей возможность максимально повысить боеготовность своих войск и сил. Само нападение будет растянуто по времени на много часов или даже дней (в отличие от 20–30 мин с применением ядерных баллистических ракет), что позволит другой стороне нанести ответный ядерный удар уже в ходе нападения.

Тем не менее, если в Москве не уверены, что в ответ на удар обычных средств она применит ядерное оружие, то ВКО может оказаться весьма полезной. При должном информационно-управляющем обеспечении системы типа «Панцирь-С1» и С-400, видимо, могут защитить от крылатых ракет мобильные и стационарные средства ядерного сдерживания (командные пункты, шахтные и мобильные МБР, базы подводных лодок и бомбардировщиков). Во всяком случае, системы ВКО дадут больше времени для принятия решений и внесут значительную неопределенность в планы разоружающих ударов противника, что само по себе будет укреплять сдерживание.

Во-вторых, в США в разных экспериментальных стадиях идет развитие новых систем в рамках программы «Конвенциональный быстрый глобальный удар» (КБГУ). Они могут быть приняты на вооружение после 2020 г.¹², хотя нынешние сокращения военного бюджета влекут отсрочку этого момента. К таким средствам относятся испытания ракетно-планирующих (или аэробаллистических) систем с гиперзвуковыми аппаратами типа AHW (Advanced Hypersonic Weapon)¹³, которая может базироваться на островах Гуам, Диего-Гарсия, кораблях или подводных лодках. Она использует баллистические разгонные ступени и управляемые гиперзвуковые маневрирующие планирующие аппараты.

¹² Grossman E.M. Pentagon Readies Competition for «Global-Strike» Weapon // Global Security Newswire. June 24, 2011.

¹³ Acton J. Silver Bullet? Carnegie endowment. 2013. P. 33–63.

Также планируется морская баллистическая ракета средней дальности (SLIRBM) с планирующими головными частями, которая может размещаться на кораблях и подводных лодках. Параллельно и вне рамок программы КБГУ испытывается гиперзвуковая авиационная крылатая ракета Х-51А «Уэйв-Рэйдер».

При этом, как и в случае с ПРО, Вашингтон оправдывает эти системы оружия нуждами борьбы с проблемными режимами (Иран, КНДР) и террористами. Независимые западные эксперты допускают намерение использовать их в случае вооруженного конфликта с Китаем. Но, как и с противоракетной системой, в России этому не верят и расценивают будущие американские средства большой дальности в обычном оснащении, прежде всего, как угрозу российскому потенциалу ядерного сдерживания. В ответ и Россия и Китай развертывают свои крылатые ракеты большой дальности с обычными боеголовками (типа примененной в октябре 2015 г. против целей в Сирии российской системы «Калибр») и разрабатывают гиперзвуковые ракетно-планирующие и баллистические средства стратегического класса и средней дальности.

Видимо, именно такие системы имел в виду президент Путин, когда писал в своей статье: «Всё это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей, — писал он. — Подобные системы вооружений будут сопоставимы по результатам применения с ядерным оружием, но более “приемлемы” в политическом и военном плане. Таким образом, роль стратегического баланса ядерных сил в сдерживании агрессии и хаоса будет постепенно снижаться»¹⁴.

Впрочем, вопреки сказанному, по разрушительной мощи обычные средства никогда даже отдаленно не приблизятся к ядерному оружию как в нанесении разоружающего удара по защищенным целям (шахтные пусковые установки, командные бункеры), так и для ударов по промышленным и населенным зонам. Но беспокойство руководства РФ по поводу таких проектов можно объяснить в контексте его представлений о ядерном сдерживании и задачах российских СЯС.

Современные стратегические баллистические ракеты с ядерными боеголовками имеют более высокую скорость и меньшее подлетное время, чем разрабатываемые в США системы КБГУ. От нынешних баллистических ракет практически невозможно защититься. Зато их траектории предсказуемы, пуск застекается спутниками на первых минутах полета и подтверждается наземными радарами СПРН за 10–15 мин до падения боеголовок. Соответственно, у другой стороны остается возможность ответно-встречного удара (т.е. запуска на основе сигналов СПРН, до подрыва боеголовок противника), на который до сих пор делается главная ставка.

Старт ракетно-планирующих систем, как и баллистических ракет, можно застечь со спутников, но после этого они входят в стратосферу и летят с гиперзвуковой скоростью по непредсказуемым маршрутам. Из-за более низкой траектории, чем у МБР и БРПЛ, радары СПРН обнаружат их только за 3–4 мин

¹⁴ Путин В.В. Указ. соч.

до подхода, а радары противовоздушной обороны (ПВО) из-за высокой скорости – за 3 мин и меньше¹⁵. Ракетно-планирующие системы США на протяжении большей части своей траектории попадают в «слепую зону» между системами предупреждения ПРО и ПВО. Для своевременного обнаружения и сопровождения средств КБГУ России придется с большими затратами существенно модифицировать как информационно-управляющие системы, так и ракеты-перехватчики.

Остается спорным, будет ли достаточна точность попадания этих средств для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты) и смогут ли они уничтожать наземно-мобильные системы. Кроме того, не ясно, будут ли эти дорогостоящие средства развернуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу российским стратегическим силам сдерживания.

Однако специфика траектории ракетно-планирующих средств может затруднить осуществление ответно-встречного удара МБР – или их придется запускать после получения сигнала со спутников без подтверждения нападения наземными радарами. Вообще говоря, концепция ответно-встречного удара по существу вызывает большие сомнения из-за огромной опасности обмена ударами из-за ложной тревоги или ошибки руководства, которому остается несколько минут для принятия рокового решения о применении ядерных сил. Впрочем, это тема отдельного рассмотрения. Ясно, что в сочетании с ракетно-планирующими системами данная концепция еще больше повысит вероятность непреднамеренной ядерной войны.

Как можно судить, в рамках программы ВКО для защиты военно-политического руководства России от баллистических ракет и ракетно-планирующих средств в обычном оснащении модернизируется Московская ПРО под систему неядерного перехвата. А для прикрытия объектов СЯС от гиперзвуковых боевых аппаратов предназначаются зенитные комплексы С-500, которые должны быть с этой целью интегрированы в единую информационно-управляющую систему с космическими и наземными средствами СПРН.

Таким образом, в настоящее время сотрудничество по системам ПРО, помимо глубоких политических расхождений сторон, абсолютно исключено и ввиду огромной стратегической асимметрии их оборонительных программ, ориентированных на совершенно разные ракетные угрозы (в том числе со стороны России – на отражение американских ударных средств).

В итоге Россия и США (вместе с их союзниками) оказались на пороге нового большого цикла гонки вооружений, как бы Москва ни заверяла в отсутствии намерений в него втягиваться. В отличие от прошлого, эта гонка будет включать не только соревнование держав по наступательным ядерным вооружениям, но и их соперничество по высокоточным системам большой дальности в обычном оснащении, а также конкуренцию неядерных систем ПРО нового поколения одной стороны с ядерными и обычными высокоточными наступательными

¹⁵ *Acton J.* Op. cit. P. 70, 76, 87.

средствами другой стороны. Во всяком случае, Россия развивает свои наступательные баллистические, аэродинамические (крылатые ракеты) и гиперзвуковые системы разной дальности, прежде всего, для прорыва американской ПРО, а собственную ВКО предназначает для защиты от высокоточных ракет США различного класса.

Такая гонка вооружений, во-первых, разрушит систему договоров по контролю над вооружениями. Во-вторых, сделает стратегическое столкновение в случае кризиса гораздо более вероятным из-за ложной тревоги или по политическому просчету. Ведь будет размываться прежнее четкое разграничение между ядерными и неядерными вооружениями, системами стратегического класса и ракетами средней и меньшей дальности. В-третьих, это повлечет огромные экономические издержки, что будет тяжело для всех стран, но более всего – для России с учетом ее экономического положения и военно-коалиционного одиночества.

Перспективы сотрудничества

Избежать такого хода дел пока еще возможно. Помимо создания благоприятных политических условий, для обеспечения взаимодействия России и США в сфере ПРО нынешние оборонительные программы обеих сторон должны быть кардинально изменены. Американская – в сторону большей конечной определенности всех характеристик, а российская – в смысле ориентации на другие угрозы, нежели на защиту от крылатых ракет и будущих систем КБГУ Соединенных Штатов.

Также нужно резко снизить уровень противостояния наступательных стратегических средств в ядерном оснащении посредством следующего договора СНВ, мер доверия и контролируемого взаимного понижения степени готовности к запуску, который ныне составляет считанные минуты и создает угрозу не-преднамеренного обмена ударами.

Что касается новейших наступательных систем большой дальности в неядерном оснащении, против которых направлена российская ВКО, то и здесь возможны дипломатические решения. Чтобы предоставлять угрозу разоружающего удара, новые гиперзвуковые неядерные средства США должны быть развернуты в большом количестве (минимум несколько сотен единиц). Согласование дефиниций таких систем и их включение в потолки следующего договора СНВ значительно снизит масштаб их развертывания, поскольку США не захотят «ушемлять» будущую ядерную триаду США после 2020 г. Прецедент есть в новом (Пражском) Договоре СНВ от 2010 г. – стратегические баллистические ракеты ограничены потолками Договора, независимо от класса их боеголовок – ядерного или обычного.

Согласовать меры ограничения применительно к нынешним крылатым ракетам и перспективным гиперзвуковым КРВБ будет гораздо сложнее, но не невозможно. Например, поскольку многоцелевые подводные лодки с КРМБ,

в отличие от стратегических ракетоносцев, не находятся на постоянном боевом дежурстве в море, можно было бы согласовать меры уведомления о массовом (внештатном) выходе в море многоцелевых лодок-носителей КРМБ (а также надводных кораблей) с объяснением причин и целей таких действий. Аналогичные меры следовало бы принять применительно к массовому подъему в воздух или перемещению на передовые базы тяжелых бомбардировщиков с неядерными КРВБ. Эти меры доверия сняли бы опасения по поводу угрозы тайной подготовки и внезапного нанесения разоружающего удара с использованием тысяч крылатых ракет в обычном оснащении.

Что касается систем ПРО, то озабоченность России по поводу программы США и их союзников можно снять путем согласования мер доверия. Например, предоставление возможности контролировать испытания позволило бы убедиться, что системы перехватчиков Стандарт-3 не испытываются для перехвата МБР и БРПЛ на разгонном участке, что является главным опасением по поводу их развертывания в Европе и окружающих морях. Также помогло бы согласование количественных, технических и географических критериев, которые отделяли бы стабилизирующую систему против третьих стран от дестабилизирующей ПРО друг против друга (по принципу соглашения о разграничении стратегических и тактических систем ПРО от 1997 г.). Понятно, что все ограничения и меры доверия могут быть только взаимны, то есть касаться и американских, и российских наступательных ядерных и обычных систем, а также средств ПРО/ВКО.

В случае существенного ограничения новейших американских наступательных неядерных вооружений и согласования параметров ПРО, российская ВКО могла бы быть переориентирована на другие важные и более реалистические задачи: защиту населения и промышленности от единичных или групповых, ракетных и авиационных, ядерных и неядерных ударов со стороны третьих стран, радикальных режимов или террористов. Причем для этих целей можно с гораздо большей эффективностью использовать технологию тех же систем ВКО, но с иной географией развертывания (вокруг больших городов и критических объектов, типа АЭС, дамб и плотин, нефтеперерабатывающих и химических предприятий и хранилищ и пр.).

Приведенные выше меры способны предотвратить или хотя бы ограничить новый опасный и многоканальный раунд гонки вооружений. Они не требуют радикальных изменений внутренней ситуации в России и природы ее отношений с США и их союзниками. При этом, конечно, необходимо урегулирование украинского кризиса и налаживание неконфликтного взаимодействия в борьбе с исламским военным экстремизмом, снятие экономических санкций и возобновление переговоров по контролю над вооружениями – то есть нечто вроде новой «разрядки напряженности», которая собьет накал нынешней пропагандистской кампании друг против друга в России и на Западе. Такие договоренности и корректизы военных программ создали бы стратегические предпосылки для совмещения некоторых элементов СПРН, а в дальнейшем в целом систем ПРО России и США – для повышения их эффективности в борьбе с общими ракетными угрозами.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что возрождение проекта противоракетного сотрудничества предполагает гораздо большее, и это ясно показал неудачный опыт прошлых десятилетий. Необходим глубокий пересмотр отношений России с США и их союзниками, что требует непредвзятого учета прежних ошибок и существенного изменения внешней политики обеих сторон. Все это выходит далеко за рамки противоракетных отношений Москвы и Вашингтона – при всем их значении и сложности. И в конечном итоге это имеет гораздо большую важность для судеб России и всего остального мира.

НЕСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ*

Заключение 8 апреля 2010 г. в Праге нового Договора СНВ между Россией и США явилось возрождением процесса договорно-правового взаимодействия держав в сокращении ядерных. В контексте последующих сокращений и ограничений ядерного оружия (ЯО) важным вопросом станет распространение этого процесса на нестратегическое (или до-стратегическое) ядерное оружие. К нему обычно относят ядерное оружие средней дальности и тактическое ядерное оружие (которое нередко условно и обобщенно обозначается как ТЯО).

Уже в ходе переговоров по новому договору СНВ американский сенат настаивал на включение ТЯО в рамки сокращений, но этого не произошло. В новой ядерной доктрине США особо отмечена обеспокоенность по поводу российских нестратегических ядерных вооружений и указано на необходимость включить их в повестку дня будущих переговоров¹. Поэтому есть все основания ожидать в будущем усиления давления США и НАТО в данном направлении. В частности, в пользу этого приводится несколько конкретных доводов:

- принято считать, что по данному классу ЯО у России сохраняется большое преимущество над США и НАТО, и при снижении уровней СЯС оно станет более рельефным;
- это предполагаемое российское превосходство начинает беспокоить союзников США по НАТО;
- в военное время ТЯО развертывается в составе сил общего назначения и может быть сразу вовлечено в конфликт с высоким риском быстрой ядерной эскалации;
- предположительно ТЯО не оснащено столь же надежными системами предотвращения несанкционированного применения, как СЯС, и в связи с ними опасность непреднамеренного ядерного удара соответственно выше;
- общепринято, что средства ТЯО (особенно старых типов) на передовых базах менее сохранны от угрозы хищения, имеет меньшие весогабаритные характеристики, менее эффективные кодо-блокирующие устройства – и потому представляют собой заманчивый объект для террористов.

Российская позиция по названному вопросу остается крайне замкнутой и довольно туманной и сводится к выдвижению требования о выводе американских средств ТЯО из Европы на национальную территорию как условия начала любого

* Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2011.

¹ Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Washington, DC. 2010. P. x–xi.

диалога по этой теме. Для обсуждения в российских экспертных кругах и прессе это тоже остается почти закрытой темой, по которой есть всего несколько публикаций².

Тем не менее, с учетом предсказуемого роста внимания к данному вопросу в контексте ядерного разоружения, роли ТЯО в дискуссиях по Европейской безопасности и отношениям России с государствами НАТО и другими странами, видимо, настало время вести по этой тематике более углубленные и систематические исследования.

Предмет обсуждения

Уже само определение предмета возможных будущих переговоров сопряжено с рядом сложностей. Не затрагивая пока военно-стратегическую сторону проблемы, в договорно-правовом плане логично было бы отнести к нестратегическим системам те ядерные вооружения, которые не охвачены существующими договорами по СНВ и РСМД.

Тогда в качестве носителей ЯО сюда следует отнести баллистические и крылатые ракеты наземного базирования дальностью менее 500 км, боевые самолеты дальностью менее 8000 км и не оснащенные для крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности (т.е. с дальностью до 600 км) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) дальностью менее 600 км³.

Кроме того, исходя из параллельных политически обязывающих обязательств США и СССР/России начала 1990-х годов прошлого века о сокращении и ликвидации средств ТЯО, к ним относятся ракеты малой дальности, артиллерийские системы и ядерные мины (фугасы) сухопутных войск, зенитные ракеты ПВО, ракеты и бомбы (в том числе глубинные бомбы) ударной нестратегической авиации ВВС и ВМС/ВМФ, а также разнообразные тактические зенитные, противокорабельные и противолодочные ракеты, глубинные бомбы и торпеды, артиллерийские снаряды главных калибров боевых кораблей и многоцелевых подводных лодок.

Впрочем, даже столь широкая трактовка ставит ряд вопросов. Например, куда отнести ядерные КРМБ большой дальности (более 600 км), которые могут размещаться на кораблях и многоцелевых подводных лодках? По техническим характеристикам носителя эта система близка или даже идентична системе крылатых ракет наземного базирования (КРНБ), запрещенной и ликвидированной по Договору РСМД и системе КРВБ, охваченной договорами СНВ. В Договоре

² См.: Дьяков А.С., Мясников Е.В., Кадышев Т.Т. Нестратегическое ядерное оружие: Проблемы контроля и сокращения. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный. 2004; Чуприк К. Ядерное братство // Военно-промышленный курьер. 20–26 июля 2016 г. № 27. С. 11; Чуприн К. «Конденсатор» ударил американскую разведку // Военно-промышленный курьер. 10–16 марта 2020 г. № 9. С. 1–10.

³ Такие рубежи отсечки дальности были согласованы для включения вооружений в предметы Договоров ОСВ-2 (1979), РСМД (1987) и СНВ-1 (1991).

СНВ-1 такие ядерные КРМБ были отдельно ограничены потолком 880 единиц для каждой из сторон, но для них не предусматривалось мер контроля, а в новом Договоре СНВ-3 они вообще не упомянуты.

Далее, некоторые ядерные бомбы свободного падения (как американские B61в Европе) являются как вооружением тяжелых бомбардировщиков, так и тактической ударной авиации (соответственно, B-2A и F-16, а в будущем и F-35).

Наконец, помимо США и РФ системы средней дальности и тактического назначения имеются на вооружении других ядерных государств (Франция, вероятно КНР, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР), а для некоторых из них представляют весь их ядерный потенциал или его преобладающую часть. Но эти государства не считают такие вооружения до-стратегическими. В частности, поскольку речь идет о НАТО, «Ударные силы» Франции включают 60 самолетов «Мираж 2000Н» и 24 палубных истребителя-бомбардировщика «Супер Этандар», способных доставить к целям в сумме примерно 60 ракет «воздух-земля» типа АСМП (ASMP). Эти средства можно отнести к ТЯО, но Франция считает их частью своих стратегических сил.

Самая главная проблема состоит в том, что ТЯО используют носители двойного назначения (средние бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, наступательные ракеты малой дальности и зенитные ракеты, боевые средства кораблей и подводных лодок, крупнокалиберную ствольную артиллерию). Эти носители размещаются на пусковых установках (ПУ) двойного назначения и многоцелевых кораблях и подводных лодках. Поэтому ограничение, сокращение или ликвидацию ТЯО, в отличие от СЯС, невозможно осуществлять и контролировать через ликвидацию ПУ, носителей (тяжелых бомбардировщиков) или платформ (вроде атомных ракетных подводных лодок – ПЛАРБ), поскольку почти все носители и платформы ТЯО относятся к вооружениям сил общего назначения, предназначены главным образом для применения в обычных боевых операциях и частично охвачены другими договорами (как в ДОВСЕ – применительно к боевым самолетам и артиллерией). Поэтому сколько-нибудь существенное сокращение ТЯО по методике СНВ повлекло бы радикальное урезание систем и вооружений ВВС, ВМС, Сухопутных войск и ПВО ядерных держав, что для них абсолютно неприемлемо.

Нестратегические ядерные вооружения США и России

Ни та, ни другая держава не сообщает всей детальной официальной информации по своим нестратегическим ядерным вооружениям.

Соединенные Штаты. По разным экспертным оценкам, к началу 1990-х годов США имели более 11 500 таких средств (свыше 7000 единиц в Европе, 1000 единиц в Азии, плюс 2500 в ВМС и 200–300 на американской территории в составе ПВО). Еще 4000 ядерных средств поддерживалось в стратегическом и тактическом

резерве⁴. Согласно односторонней президентской инициативе от 1991 г., США вывели с зарубежных баз на свою территорию и ликвидировали все тактические ядерные боезаряды сухопутных войск; сняли все ТЯО с кораблей и многоцелевых подводных лодок, кроме КРМБ большой дальности, и уничтожили 50% их количества⁵.

Ныне, по неофициальным оценкам, США располагают примерно пятьюстами⁶ единицами ТЯО. Сюда входят 100 КРМБ типа «Томахок» (TLAM/N) для многоцелевых атомных подводных лодок на базах ВМС Кингс-Бэй и Бангор на территории США. Еще 190 боеголовок для КРМБ (W80-0) хранятся на складах. Также есть 400 авиабомб свободного падения (B61-3 и B61-4), из которых около 200 размещены на 6 складах ВВС США в 5 странах НАТО (Бельгия, Италия, Нидерланды, Турция, ФРГ)⁷. Эти бомбы предназначены для доставки истребителями-бомбардировщиками ВВС США типа F-16, а также бельгийскими и британскими авиационными носителями того же типа и германо-итальянскими ударными тактическими самолетами типа «Торнадо»⁸.

Согласно новой ядерной доктрине США, все ядерные КРМБ «Томахок» будут ликвидированы, но авиабомбы B61 пройдут программу продления срока службы и улучшения сохранности и предотвращения несанкционированного применения. Они рассматриваются в контексте ядерных гарантий союзникам, и их будущее размещение в Европе будет предметом межсоюзнических консультаций⁹.

Нет достаточной достоверной информации относительно ядерных боезарядов на централизованном хранении на территории США. Известно, что эти боезаряды хранятся на десятке с лишним складов на базах ВВС и ВМС, на отдельных централизованных хранилищах и на предзаводских складах предприятия «Пантекс» (г. Амарильо, Техас)¹⁰. Они подразделяются на различные категории резерва, причем часть может быть немедленно возвращена в боевой состав, другая предназначена для использования в качестве источника запасных частей. Третья часть состоит из боезарядов, стоящих в очереди на разборку и извлечение ядерных материалов для долговременного хранения или для утилизации в мирных или опять в военных целях (сборка новых боезарядов).

По оценкам независимых специалистов, в США хранится около 2000–3500 боезарядов резерва и примерно 4200 предназначены для утилизации¹¹. Это

⁴ Cohran T., Arkin W., Norris R., Sands J. U.S. Forces and Capabilities. Cambridge, 1984. Vol. 1.

⁵ См.: Пикаев А. Нестратегические ядерные вооружения / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). // Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры. Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2009. С. 129–159.

⁶ К 2020 г. у США осталось около 200 таких ядерных средств. Ядерные крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) были сняты с многоцелевых подводных лодок в 2011 г., но в 2018 г. администрация Д. Трампа объявила план развертывания новой системы ядерных КРМБ в американских ВМС.

⁷ К 2020 г. их число уменьшилось до 150 единиц.

⁸ SIPRI Yearbook 2008... P. 367–369.

⁹ Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Washington, DC. 2010. P. xii–xiv.

¹⁰ Cohran T., Arkin W., Norris R., Sands J. U.S. Forces and Capabilities. Cambridge, 1984. Vol. 1.

¹¹ Eliminating Nuclear Threat, ICNND, G. Evans, Y. Kawaguchi co-chairs. Canberra, 2009. P. 20.

количество существенно увеличивается в связи с сокращением СЯС по новому договору по СНВ, согласно которому большая доля сокращений будет осуществляться путем снятия части боеголовок с многозарядных ракет и перемещения их на складское хранение.

Российская Федерация. В отличие от СЯС, российские нестратегические ядерные средства скрыты завесой тайны еще в большей степени, чем американские. По некоторым данным, в конце 1980-х годов они насчитывали до 22 000 единиц¹². Согласно односторонним президентским инициативам СССР и России от 1991–1992 гг., принятых в ответ на шаг США и в связи с распадом ОВД и СССР, был намечен ряд радикальных мер. Предполагалось, во-первых, переместить все ТЯО сухопутных войск на предзаводские базы предприятий по сборке ядерных боеприпасов и на склады централизованного хранения и впоследствии полностью их ликвидировать. Во-вторых – ликвидировать 30% ТЯО флота, в-третьих – 50% боеголовок зенитных ракет ПВО и, в-четвертых – 50% средств ВВС. Было также предложено переместить совместно с США все ТЯО ВВС на склады централизованного хранения, но это не встретило поддержки Вашингтона (поскольку затронуло бы зарубежные базы американского ТЯО в Европе, являвшиеся символом ядерных гарантитов союзникам).

По имеющимся данным, к 2000 г. все ТЯО флота и авиации ВМФ были перемещены на централизованные хранилища, а 30% этих средств было ликвидировано. Еще ликвидировали 50% ТЯО ВВС и 50% боеголовок зенитных ракет ПВО, а также частично были уничтожены ядерные боеголовки артиллерии, тактических ракет и мин Сухопутных войск¹³.

В настоящее время большинство экспертных оценок сводится к наличию у России примерно 1800 единиц ЯО средней дальности и тактического назначения¹⁴. Из них 540 предназначено для 100 бомбардировщиков средней дальности типа Ту-22М и 240 фронтовых бомбардировщиков типа Су-24 Су-34 и МиГ-31. Кроме того, есть авиационные ракеты, бомбы свободного падения и глубинные бомбы для морской авиации в составе самолетов Ту-22М, Су-24, Бе-12 и Ил-38. Свыше 820 единиц ТЯО – это противокорабельные, противолодочные, противовоздушные ракеты, а также глубинные бомбы и торпеды кораблей и подводных лодок, включая ядерные КРМБ большой дальности многоцелевых подводных лодок. Около 770 ядерных боеголовок приписывается ракетам-перехватчикам Московской системы ПРО А-135 и зенитным ракетам С-300 и другим системам ПВО территории¹⁵. Принято считать, что в мирное время все эти ядерные средства содержатся на специальных складах российских баз ВВС (ВКС), ВМФ и ПВО. Как стало известно из-за катастроф с подводными

¹² См.: Пикаев А. Нестратегические ядерные вооружения / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). // Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры. Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2009. С. 129–159.

¹³ Там же.

¹⁴ SIPRI Yearbook 2019: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 288.

¹⁵ Ibid.

лодками «Комсомолец» и «Курск», единицы ядерных оперативно-тактических ракет и торпед загружались на атомные подлодки, выходящие на морское патрулирование, но неизвестно, практикуется ли это и поныне.

Как отмечалось выше, в течение 90-х годов все средства ТЯО Сухопутных войск и ПВО, а также преобладающая часть тактического ядерного оружия ВВС и ВМФ были передислоцированы на объекты централизованного хранения 12-го Главного Управления МО (ядерно-технические войска), где они хранятся для немедленного оснащения войск, как резерв или стоят в очереди на демонтаж и утилизацию. По заявлению представителей военно-политического руководства, уже сейчас все нестратегические ядерные средства находятся на объектах централизованного хранения¹⁶.

Есть неясность в том, относится ли это к складам ремонтно-технических баз ВВС (ВКС) и ВМФ, переданным в управление личному составу ядерно-технических войск 12 ГУМО, или имеются в виду только построенные ранее большие специальные централизованные хранилища 12 ГУМО. На последних хранятся также боеголовки и другое ядерное оружие СЯС. Их общее количество держится в секрете, но зарубежные специалисты сходятся на цифре порядка 8000 единиц¹⁷. Вызывает вопросы и методика подсчетов независимых экспертов, в частности, включаемые ими в общее количество ТЯО 630 боеголовок ракет ПВО, которые, по официальным заявлениям Москвы, все перемещены на централизованные хранилища.

Оперативно-тактические системы обновляются путем развертывания тактических ракет типа «Искандер», которые, видимо, могут оснащаться как ядерной, так и обычной головной частью. Возможно, что новый фронтовой бомбардировщик Су-34 также будет иметь двойное назначение.

Другие ядерные державы держат информацию о своих нестратегических ядерных средствах в полном секрете. По оценкам экспертов, КНР имеет около 100–200 таких средств, Израиль – 60–200, Франция – 60, Пакистан – 60, Индия – 50, КНДР – 6–10¹⁸. Это баллистические и крылатые ракеты средней и малой дальности, а также авиабомбы ударной авиации. Для некоторых из перечисленных стран такие средства представляют весь их ядерный потенциал или его преобладающую часть и расцениваются ими как стратегические средства ядерного сдерживания.

Стратегические приоритеты сторон

После окончания холодной войны, объединения Германии, распуска Организации Варшавского договора и распада СССР, вывода ударных советских армий

¹⁶ Цит. по: *Литовкин В.* Безопасность бывает только равной // НВО. 19.12.2008. С. 3; *Иванов С.* Ядерное разоружение: возможен ли «глобальный ноль»? // ВПК. 17–23 февраля 2010 г. № 6. С. 3.

¹⁷ Eliminating Nuclear Threat, ICNND, G. Evans, Y. Kawaguchi co-chairs. Canberra, 2009. P. 20.

¹⁸ См.: *Пикаев А.* Нестратегические ядерные вооружения. С. 129–159.

из Центральной и Восточной Европы — для стран НАТО исчезла угроза нападения с применением сил общего назначения. Она считалась главной опасностью для НАТО на протяжении сорока лет после 1945 г. и против нее было направлено ядерное сдерживание и ядерные гарантии США, включая размещение в Европе ТЯО и концепцию его первого применения в ответ на нападение обычных вооруженных сил и вооружений.

Тем не менее в настоящее время только США имеют ядерное оружие за рубежом численностью порядка 150 тактических авиабомб на территории пяти стран НАТО (Бельгия, Нидерланды, Италия, ФРГ, Турция). В последние годы американское ТЯО было выведено из Греции и Великобритании. После снятия тактических ядерных средств с американских кораблей и подводных лодок, также и Япония, в портах которой базировался 7-й Флот США, выбыла из этого списка. В оставшихся странах НАТО и между союзниками по альянсу идет весьма серьезная дискуссия по поводу вывода ТЯО с их территории.

Видимо, США рассматривают его в качестве дополнительного военного преимущества над Россией, поскольку для нее американские ТЯО передового базирования по досягаемости равнозначны угрозе стратегических вооружений. Также это оружие расценивается, вероятно, как политическая «узда» для союзников по НАТО, хотя в новой ядерной доктрине роль этих средств существенно снижена и заявлено, что с согласия союзников США были бы готовы вывести их на свою территорию.

С расширением НАТО на восток бывшее превосходство СССР и ОВД по СОН сменилось почти таким же превосходством НАТО над Россией и странами ОДКБ. В этой связи, понятно, что Россия видит в ТЯО, во-первых, инструмент нейтрализации превосходства НАТО по силам общего назначения, особенно в свете расширения альянса на восток. Поэтому Москва пока не изъявит энтузиазма по поводу возможности переговоров по этому вопросу. В прошлом США тоже избегали этого, стремясь сохранить свои ядерные силы передового базирования в Европе.

Во-вторых, Россия, вероятно, рассматривает свое преимущество по нестратегическому ЯО как компенсацию за некоторое отставание от США по стратегическим вооружениям¹⁹, которое новый Договор СНВ не устранит.

В-третьих, для России ТЯО — это противовес ядерным силам третьих держав, практически все из которых находятся в пределах досягаемости своих ядерных средств до российской территории. Сокращение СЯС по договорам с США относительно увеличивает роль нестратегических средств РФ в сдерживании ядерных стран Евразии нацеливанием на них.

В-четвертых, остается проблема применения ТЯО в ответ на нападение с использованием только сил общего назначения и обычных вооружений — прежде всего, американского высокоточного оружия (ВТО) большой дальности с опорой на новейшие космические системы информационного обеспечения (разведки, целеуказания, навигации и связи). Если использование СЯС в ответном ударе

¹⁹ Речь идет о развернутых стратегических носителях и ядерных боеголовках на складах.

на неядерную агрессию («воздушно-космическое нападение») сразу означало бы эскалацию к тотальной ядерной войне, то применение ТЯО по базам ВМС и ВВС, кораблям и подводным лодкам-носителям неядерных КРМБ США может выглядеть как более адекватный ответ и средство сдерживания «воздушно-космического нападения».

Также не может не учитываться рост военной мощи Китая, имеющего более 4 тыс. км общей границы с РФ, хотя эта тема замалчивается в российских официальных документах.

Предпосылки переговоров по ТЯО

Тем не менее, как представляется, приоритетный характер угрозы расширения НАТО и базовой инфраструктуры альянса к российским границам, обозначенный в новой военной доктрине РФ от 2010 г., весьма преувеличен – во всяком случае, в смысле угрозы вооруженного нападения на Россию и ее союзников.

Имеет место сокращение коллективных сил блока (с начала 1990-х годов на 35% сухопутных войск, на 30% военно-морских и на 40% военно-воздушных). Американские войска за тот же период уменьшились втрое (с 300 до 112 тыс. солдат). В общей сложности, силы НАТО «отстают» от потолков изначального ДОВСЕ от 1990 г. по личному составу на 42%, по бронетехнике и артиллерию на 25%, по боевым вертолетам и самолетам на 45%.

Таким образом, рост числа государств – членов НАТО не ведет автоматически к наращиванию суммарной численности войск и сил союза из-за опережающего сокращения армий отдельных стран, особенно войск США на континенте, а также Германии, Франции, Италии, Испании, Польши. Сейчас у 28 стран – членов альянса суммарно значительно меньше войск и вооружений, чем было у НАТО в составе 16 государств на начало 1990-х годов. Это едва ли было бы возможно, если бы этот союз готовил широкомасштабную агрессию против России.

Развитие американских средств ВТО большой дальности с использованием космических информационных систем действительно осложняет военное планирование России. Но и их угроза в известной степени надуманна, поскольку риск нападения с применением новейших обычных вооружений на великую ядерную державу, коей является Россия, несоизмерим по своим последствиям с любыми вообразимыми плодами такой агрессии.

Не менее важно, что после окончания холодной войны и растущей экономической, социальной и политической взаимозависимости мира в процессе происходящей глобализации, трудно представить себе какие-либо мотивы нападения США и их союзников на Россию, которые оправдали бы огромные издержки и опасности подобного вооруженного конфликта для всех его участников.

Но так или иначе, Россия не может пренебрегать неблагоприятными для нее тенденциями в глобальном и региональном балансах обычных и ядерных сил (даже если они во многом обусловлены провалами ее собственной военной

реформы за прошедшие 15–17 лет). Новая Военная доктрина совершенно ясно делает акцент на этих проблемах обороны и безопасности, и это надо принимать как военно-стратегическую реальность. Для снятия обеспокоенности России нужно не убеждать ее, что официальное российское восприятие проблем ошибочно, а необходимо всемерно способствовать устранению этих препятствий путем соглашений и корректировки военной политики НАТО.

Ее военной составляющей может стать возрождение системы и процесса сокращения и ограничения обычных войск и вооружений в Европе, в рамках которых будут решаться и вопросы нерасширения военной инфраструктуры НАТО на восток. Исключительную важность имело бы формирование крупного совместного корпуса быстрого реагирования ОДКБ–НАТО для миротворческих и других операций вне Европы (в том числе в Афганистане) и аналогичного контингента России–ЕС (ЕПБО) для действий на Европейском континенте.

Ограничение ВТО большой дальности частично решается в рамках нового договора об СНВ и будет обсуждаться на последующих переговорах, а в остальном – в контексте особой новой сферы соглашений об ограничении вооружений, мерах доверия и сотрудничества России и США.

В увязке с таким «пакетом» решений и договоренностей Россия могла бы пойти на предметное обсуждение проблемы нестратегических ядерных вооружений с США и НАТО.

Что касается латентной угрозы Китая на восточных рубежах России, то там точкой опоры может быть многосторонний договор об ограничении обычных вооруженных сил и вооружений в 100-километровой зоне по обе стороны российско-китайской границы. На фоне продвижения в укреплении взаимной безопасности в Европе и в сотрудничестве НАТО–ОДКБ–ШОС по Афганистану, следует предпринять дополнительные шаги по сокращению вооруженных сил России и КНР вдоль общей границы и значительному расширению этой зоны (до 200–300 км) вглубь территории обеих дружественных держав. И в этом случае, переговоры по ТЯО были бы увязаны с комплексом соглашений по безопасности ее восточных рубежей.

Возможные решения

Продвижение в сокращении СЯС неизбежно поднимет вопрос о ТЯО. К тому же увязка Россией этого вопроса с прекращением расширения НАТО на восток и продвижением по ДОВСЕ может стать дополнительным средством достижения этих двух целей. Как ни парадоксально, новый Договор СНВ косвенно отразился и на проблеме нестратегических ядерных средств – хотя совсем не так, как этого хотели бы в американском сенате и как это видится сейчас многим западным политикам и экспертам.

Настояв на переговорах по СНВ на принципе засчета ядерных вооружений на основе «оперативно развернутых» средств, США почти сняли проблему ТЯО. Ведь «оперативно развернутые» боеголовки – это те, что реально размещены

на БРПЛ и МБР. Вооружения ТБ (КРВБ и бомбы) не засчитываются как отдельные боезаряды, поскольку в мирное время они находятся не на самолетах, а на аэродромных складах. По тому же принципу и на основе precedента все средства ТЯО тоже не являются «оперативно развернутыми», поскольку не размещены на носителях в мирное время, а находятся на складах на базах ВВС и флота или в централизованных хранилищах на территории России и США²⁰.

Объединять сокращение и ликвидацию ТЯО с сокращением СЯС невозможно, поскольку ТЯО используют носители двойного назначения (самолеты, ракеты малой дальности, боевые средства кораблей и подводных лодок, артиллерию). По существу – ограничение, сокращение и ликвидация ТЯО – это демонтаж ядерных боезарядов, которые монтируются на ракеты, снаряды, торпеды двойного назначения или служат для оснащения многоцелевых самолетов, кораблей и подводных лодок. Поэтому сокращение ТЯО, в отличие от СЯС, невозможно осуществлять и контролировать через ликвидацию носителей.

По той же причине исключительно трудно договориться о сокращении ТЯО до каких-то уровней и проконтролировать такие меры – ведь пришлось бы инспектировать не развернутые носители, а контейнеры с бомбами и боеголовками на складском хранении. Это было бы гораздо более сложной задачей, тем более что боеприпасы ТЯО зачастую хранятся вместе со стратегическими боеголовками и бомбами, снятыми с ракет и бомбардировщиков в контексте договоров СНВ. На этих складах идет каждодневная строго регламентированная работа по технической проверке и текущему обслуживанию ядерных боеприпасов. Инспекции не только нарушали бы строжайший режим секретности, но и срывали бы графики этой деятельности с ущербом для физической безопасности ядерного оружия.

При сохранении большого числа носителей двойного назначения ликвидация боезарядов ТЯО была бы преимущественно символической, и притом сложной и дорогостоящей мерой, если нельзя гарантировать, что новые ядерные боеприпасы такого типа не производятся и не складируются взамен ликвидируемых. Контроль наличия таких средств на предзаводских складах предприятий-изготовителей ядерных боеприпасов (и тем более в сборочных цехах) предполагает беспрецедентную степень открытости самых деликатных сторон военно-технической деятельности держав. В контексте нового Договора СНВ-3 дело пока что идет к меньшей, а не большей открытости военной жизнедеятельности вооруженных сил и военно-промышленного комплекса.

²⁰ Тема контроля над всеми ядерными боезарядами, включая тактические, в том числе на складском хранении и предприятиях-изготовителях, внезапно всплыла осенью 2020 г. в качестве надуманного и невнятного американского условия для продления Договора СНВ-3. Однако после предложения президента В. Путина от 16 октября 2020 г. продлить Договор как минимум на год, МИД неожиданно заявил о готовности России в случае такого продления вместе с американской стороной заморозить ядерные арсеналы на этот срок при отсутствии дополнительных требований США (<https://tass.ru/politika/9828905>). При этом не пояснялось, что значит «заморозить», как понимать «все ядерные арсеналы», каким образом проверять Соглашение «без дополнительных требований». Естественно, сделка не состоялась, поскольку данный вопрос – есть тема радикального ядерного разоружения колоссальной сложности, а не разменная карта политического покера.

То же относится к обмену информацией о числе и типах ТЯО на складах, если ее нельзя надежно проверять. Соответственно, взаимная ликвидация какой-то части ТЯО (скажем, 50% или 80%) или некоторого фиксированного его количества едва ли реализуема, поскольку будет трудно проверить, сколько его осталось.

В техническом отношении и в плане контроля выполнения договоров – демонтаж и ликвидация (или утилизация ТЯО) в этом плане ничем не отличалась бы от ликвидации стратегических бомб и боеголовок, о чём речь пока не идет. В будущем, если ядерное разоружение охватит ликвидацию непосредственно ядерных боезарядов, то оно одинаково затронет стратегические и нестратегические боеголовки.

Поэтому применительно к ТЯО можно было бы договориться, в качестве первого шага, о перемещении всех тактических ядерных средств с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения (т.е. фактически в резерв). Для этого вначале нужно было бы обменяться информацией об имеющихся средствах такого класса на базах ВВС (ВКО) и Флота. Как вариант, можно было бы сначала согласовать такую меру применительно к ТЯО военно-воздушных сил России и США, а впоследствии решать вопрос с флотом.

В этом контексте США изначально выведут свои 150 авиабомб с 6 складов из 5 стран Европы, а Россия перенесет бомбы и нестратегические авиаракеты с баз ВВС (ВКС) на своей территории на централизованные склады. При этом равноправие потребует не просто перемещения американских средств ТЯО из Европы, а запрета на их дислокацию на базах ВВС (а впоследствии ВМС) или где-либо еще, кроме централизованных хранилищ.

Полный вывод ТЯО с передовых баз контролировать легче – такие склады, дислокация и признаки которых известны, были бы просто пусты или использовались для неядерных нужд, что не требует специальных мер и оборудования сохранности и безопасности. Потребуется также договоренность об инспекциях по запросу с коротким временем предупреждения (аналогичных тем, что согласованы по СНВ для баз МБР, БРПЛ и ТБ) на базах ВВС (ВКС) и флота как на территории России, так и на территории США (а возможно, и их зарубежных союзников). Поэтому практическая договоренность может оказаться гораздо более трудной и щекотливой проблемой для США, чем для России, и потребовать от них более масштабных мероприятий.

Переброска на централизованные хранилища уберет ТЯО с передовых позиций и к тому же обеспечит наибольшую сохранность от угрозы захвата террористами, несанкционированного перемещения или применения. Вместе с тем такая договоренность означала бы для РФ сохранение возможности вернуть ТЯО в войска в случае возникновения угрозы безопасности на западных или восточных рубежах. Более того, если полагаться на заявления высших российских военачальников, большая часть средств ТЯО уже перемещена в централизованные хранилища России.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫСОКОТОЧНЫЕ СИСТЕМЫ В ОБЫЧНОМ ОСНАЩЕНИИ*

Новая российская Военная доктрина, опубликованная в феврале 2010 г., определяет в качестве одной из главнейших задач Вооруженных Сил «...обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»¹. Поскольку орбитальных систем оружия пока нет и в ближайшее время не предвидится, под средствами воздушно-космического нападения, очевидно, подразумеваются в том числе крылатые и баллистические ракеты в неядерном снаряжении, высокую точность наведения которых обеспечивают космические информационные системы.

В экспертном сообществе России, в частности в докладах институтов министерства обороны (МО), монографиях, тематических журналах и газетах делаются оценки растущего количества и эффективности таких вооружений в качестве средств нападения на Россию, включая разоружающий (контрсиловой) удар по ее СЯС, СПРН и центрам боевого управления². При этом существование названной угрозы, необходимость мобилизации ресурсов для противодействия ей и критическая недостаточность имеющегося потенциала декларируется высшими российскими военачальниками как неоспоримая истина.

Например, главнокомандующий ВВС России генерал-полковник А. Зелин указывал: «Развитие противовоздушной обороны, воздушно-космической обороны и противоракетной обороны является приоритетом в строительстве российских Вооруженных Сил». А из его уточнений следовало, что имеется в виду не парирование одиночных ударов со стороны безответственных режимов или террористов: «Речь не идет о пяти зенитных ракетных полках, на вооружении которых будут стоять системы С-400, а о значительно большем количестве, в том числе и о системах С-500», предназначенных для уничтожения баллистических ракет и их боевых блоков, пилотируемых и непилотируемых летательных аппаратов во всем диапазоне высот – от ближнего космоса до предельно малых»³.

* Россия и дилеммы ядерного разоружения. ИМЭМО-NTI / А. Арбатов, В. Дворкин С. Ознобишин (ред.). М.: ИМЭМО РАН, 2012.

¹ Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461

² См.: Храмчихин А. Диагноз: отечественная ПВО в развале // НВО. 19–25.02.2010. № 6.

³ Цит. по: Военно-промышленный курьер. 21–27.07.2010. № 28 (344). С. 1.

Бывший главком ВВС генерал армии А. Корнуков заявлял: «Воздушное нападение из космоса сейчас решает все, и решает в очень короткие сроки... Эвентуальные противники России активно развиваются средства воздушно-космического нападения и обороны. Они готовятся, а мы стоим на месте... Система воздушно-космической обороны создается как система предупреждения, защиты. ВКО – это предупреждение потенциальному агрессору, что ему будет дан должный отпор»⁴. Бывший начальник вооружений Вооруженных Сил генерал-полковник А. Ситнов утверждает: «Нам все время говорили, что нельзя заниматься милитаризацией космоса. Мы прекратили, а Америка начали... Весь опыт, что мы когда-то получили, а затем утратили, сегодня успешно реализуется... другими. А мы снова отстаем»⁵.

В ряде периодических военных изданий эта тема широко и детально обсуждается из номера в номер, исходя из безоговорочно принятой предпосылки, что главная опасность «воздушно-космического нападения» исходит от США и их союзников. Так, рупор этого течения журнал «Военно-космическая оборона» прямо указывает: «С военно-политической точки зрения воздушно-космическая оборона является одним из важнейших факторов обеспечения стратегической стабильности, сдерживания вероятных противников от развязывания вооруженных конфликтов, предотвращения их эскалации и перерастания в войну с применением как обычного, так и ядерного оружия». А среди требований к ВКО выделяется «сохранение боеспособности основных группировок войск (сил) Вооруженных Сил при отражении массированных ударов СКВН (средств космического и воздушного нападения. – Авт.) без существенного снижения эффективности в течение необходимого времени»⁶.

Подборка такого рода цитат может быть очень длинной. Это свидетельствует о том, что в высших эшелонах военного ведомства, оборонно-промышленного комплекса России и среди большой части ее экспертного сообщества сложилось устойчивое представление о растущей военной угрозе со стороны США и их союзников. Это представление не вызывает никакой реакции со стороны Вашингтона и никак не увязывается с текущей внешней политикой Москвы на сотрудничество с Западом. Между тем оно пускает все более глубокие корни в военной политике России и будет влиять на стратегические отношения РФ и США в долгосрочном плане.

Высокоточные обычные вооружения

О повышении роли высокоточного оружия (ВТО) в вооруженных конфликтах свидетельствуют статистические данные. Если в войне во Вьетнаме количество

⁴ Цит. по: Владыкин О. Прорехи космической защиты // НВО. 21–27.05.2010. № 18. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Борзов А. ВКО: Пора прекратить терминологические дискуссии // Военно-космическая оборона. 2010. № 4 (53). С. 16.

управляемых авиабомб и ракет составило в 1972 г. лишь 2% общего числа сброшенных американской авиацией боеприпасов, то в войне с Ираком (1991) оно достигло 8%, в ходе операций «Союзная сила» в Югославии (1999) – около 30%, в операции «Устойчивая свобода» в Афганистане (2001–2002) – свыше 50% и, наконец, в войне «Иракская свобода» (2003) в Ираке – свыше 60%⁷.

Как отмечают эксперты, «высокоточное оружие, состоящее на вооружении в США, уже в настоящее время может применяться для поражения широкого класса целей, включая стационарные хорошо укрепленные объекты (подземные бункеры, укрепленные сооружения, мосты) и бронированные мобильные цели (танки, бронированные машины, артиллерия). При обеспечении достаточно точных целеуказаний существующие типы кассетных боеприпасов могут эффективно поражать мобильные наземные МБР. По отношению к ВТО уязвимыми могут оказаться и существующие шахтные пусковые установки (ШПУ)»⁸.

По мнению авторов этой работы, использование ВТО в качестве средства для контратакового удара, по-видимому, возможно лишь в ситуации, когда у нападающей стороны высока уверенность в том, что такой массированный внезапный удар окажется достаточно эффективным. Решения, которые принимаются в США в отношении стратегических программ, усиливают подобные опасения в России. В программных документах Министерства обороны США развитию высокоточного оружия, соответствующих обеспечивающих информационных технологий и инфраструктуры отводится ключевая роль. Появляются новые доктринальные установки, которые объективно направлены, с одной стороны, на расширение спектра задач с применением ядерного оружия. С другой стороны, задачи, которые ранее возлагались на ядерное оружие, постепенно перекладываются на неядерные высокоточные системы⁹.

Иллюстрацией указанной тенденции является появление оперативно-стратегической концепции «Быстрый глобальный удар (БГУ)», которая предусматривает поддержание способности в кратчайшие сроки наносить высокоточные удары по объектам в любой точке земного шара¹⁰. В рамках новой концепции имеет место также переориентация части стратегических систем доставки США на решение неядерных задач.

Как известно, еще в 90-х годах XX в. были осуществлены программы переоснащения части стратегических бомбардировщиков США под неядерные зада-

⁷ См.: *Barry D. Watts, Six Decades of Guided Munitions and Battle Networks: Progress and Prospects. Center for Strategic and Budgetary Assessments. March 2007. P. 20.*

⁸ Мясников Е. Контратаковой потенциал высокоточного оружия // Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 2009. С. 107.

⁹ См.: Обзор состояния и перспектив развития ядерных сил США // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 4. С. 2–20.

¹⁰ См.: Gen. Cartwright James E. Commander, U.S. Strategic Command. Statement Before the Senate Armed Services Committee Strategic Forces Subcommittee on Strategic Forces and Nuclear Weapons Issues in Review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2006. April 4, 2005.

чи. В настоящее время ВМС США завершили переоборудование четырех атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа «Огайо» в носители неядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) средней дальности. Известно также, что ВВС и ВМС США ведут научно-исследовательские разработки по созданию эффективных обычных боеголовок для оснащения стратегических баллистических ракет¹¹. Началу широкомасштабного развертывания такого оружия пока препятствуют лишь ограничения, наложенные конгрессом США¹².

В составе ВВС США сейчас насчитывается 169 тяжелых бомбардировщиков. В том числе имеется 66 бомбардировщиков, оснащенных для ядерных крылатых ракет большой дальности (это 46 самолетов B-52H) и 20 B-2A типа «Стелс» (для ядерных бомб). Помимо ядерных носителей, есть 62 бомбардировщика B-1B и 41 бомбардировщик B-52H, которые приспособлены для крылатых ракет в обычном оснащении и обычных авиабомб. В настоящее время на следующее десятилетие разрабатывается очередное поколение самолетов этого класса: B-21, которые будут нести ядерное оружие¹³. Все стратегические бомбардировщики американских ВВС базируются на территории США. Однако в период военных конфликтов могут быть задействованы и аэродромы союзников. В частности, самолеты B-52H и B-1B, принимавшие участие в военной операции НАТО против Югославии весной 1999 г., базировались на территории Великобритании.

В общей сложности, в обозримый период максимальное число высокоточных крылатых ракет большой дальности США на стратегических носителях и многоцелевых атомных подводных лодках (АПЛ) может достичь 2900 единиц¹⁴. При этом предполагается, что для нанесения обезоруживающего удара по России могут использоваться лишь малозаметные носители – самолеты типа «Стелс», КРМБ на подводных лодках и крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ). Возможности применения авиабомб и тактических управляемых ракет типа «воздух-земля» по стратегическим целям ограничиваются их дальностью, которая не превышает 300 км. Поскольку носителям такого оружия при атаке стратегических объектов придется действовать в зоне, хорошо защищенной средствами ПВО, среди существующих средств доставки такую задачу способны выполнить лишь стратегические «бомбардировщики-невидимки» B-2.

Если будут реализованы предлагаемые ВВС и ВМС США программы развертывания баллистических ракет с боеголовками обычного типа, то количество

¹¹ Впоследствии эта программа была отменена, в том числе под давлением России.

¹² См.: Дьяков А., Мясников Е. «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 14 сентября 2007 г. С. 9.

¹³ SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press. 2019. P. 295.

¹⁴ См.: Мясников Е. Указ. соч. С. 105–128.

боеприпасов, способных угрожать объектам СЯС России, может возрасти еще на 100–200 ед.¹⁵

Внимательно отслеживая и анализируя вероятные последствия развития ВТО, нельзя впадать в другую крайность и преувеличивать их эффективность как средства контрсилового удара по России и тем самым как фактора подрыва ее потенциала ядерного сдерживания. В данном сценарии нужно оценивать как политические, так и оперативно-стратегические аспекты проблемы.

Угроза воздушно-космического нападения – политика

После прекращения глобального противостояния прошло 20 лет, и российская военная мысль сделала весьма неожиданный вывод: раз холодной войны больше нет, ядерная война стала маловероятной, но зато растет возможность войны США и их союзников против России с применением обычного ВТО в «воздушно-космическом нападении». А для его отражения России нужны эффективные системы ПРО и ПВО для прикрытия своих стратегических сил, сил общего назначения (СОН) и всей территории, на которой размещены административно-промышленные центры.

Причем, если для защиты от ракетно-ядерного оружия любая оборона была бы по большому счету бессмыслена из-за огромной абсолютной разрушительной мощи даже небольшого числа прорвавшихся сквозь оборону ядерных боезарядов, то с ВТО положение иное. Чем выше доля перехваченных средств такого класса, тем больше относительный выигрыш России в военной кампании, включая мощь ответного удара ее ядерных сил.

Сценарий, по всей видимости, вытекает из механической экстраполяции на Россию операций НАТО в Югославии в 1999 г. и Ираке в 2003 г. Однако новая Военная доктрина РФ не предоставляет конкретных сценариев подобного конфликта, поэтому о них приходится только гадать. Также остается тайной, почему эскалация такого конфликта на ядерный уровень, считавшаяся почти неизбежной во время холодной войны, теперь считается менее вероятной.

Так или иначе, российская военная мысль делает свои выводы, исходя из презумпции статуса США и их союзников в качестве главного вероятного противника России, наличия имманентно агрессивных намерений у этого вероятного противника, а также учитывая изменения материальной технической базы современной войны и недавнего опыта самых масштабных военных операций ведущих держав мира.

При этом российское политическое руководство, провозглашая новые принципы и направления внешней политики (глобализация и взаимозависимость, но-

¹⁵ Существующие планы ВМС США предполагают развертывание до четырех боеголовок обычного типа на каждой из 28 БРПЛ «Трайдент» (по две БРПЛ на каждой из 14 подводных лодок). BBC США рассматривают вариант развертывание нескольких десятков МБР «Минитмен-2» или «МХ» в обычном оснащении (см.: Дьяков А., Мясников Е. Указ. соч. С. 9).

вая архитектура евроатлантической безопасности, «партнерство ради модернизации», путь к безъядерному миру и пр.), очевидно, не вникает в прямо противоположные негласные политические предпосылки военной политики, включая утвержденную Президентом РФ в 2006 г. «Концепцию воздушно-космической обороны», новую Военную доктрину от 2010 г. и Государственную программу вооружений (ГПВ) до 2020 г.¹⁶

В частности, Кремль и Правительство, очевидно, не смущает, что военная политика России строится на предпосылке о возможности глобальной войны между Россией и Западом с массированным применением обычных вооруженных сил и вооружений, а вслед за этим и ядерного оружия. Правда, в Военной доктрине тут и там разбросаны положения о мирном урегулировании конфликтов, сдерживания войны и разоружении, но они весьма искусственно увязаны с ее основополагающей стратегической направленностью.

Между тем военный курс не должен пролегать в некоей автономной плоскости, не пересекаясь с внешней политикой и экономической стратегией руководства. Военная, внешняя политика и экономика России в долгосрочном плане неразделимы, и если не одно, то другое будет определяющим вектором национальной безопасности.

Угроза воздушно-космического нападения – технологии и стратегия

Помимо вопроса о состоятельности сценариев воздушно-космического нападения в политическом отношении, более детального анализа требует военная сторона дела. Действительно, некоторые объекты, которые ранее возможно было поразить только ядерным оружием, теперь можно атаковать с применением ВТО. Но не подлежит никакому сомнению, что высокоточное обычное оружие, вопреки расхожему новомодному тезису, никогда и близко не сравняется с ядерным оружием при ударе по ключевым высокозащищенным или мобильным военным целям, не говоря уже об административно-промышленных центрах.

Например, при нынешнем сочетании точности и мощности ядерных блоков США (300–500 кт у боеголовок W-87/88 на ракетах «Минитмен-3» и «Трайдент-2») на шахтную пусковую установку противника наряжается максимум по две боеголовки, причем так, чтобы взрыв первой не разрушил и не отклонил вторую. И если ракета не отказала в полете, можно иметь полную уверенность в поражении шахты, поскольку она в любом случае окажется внутри кратера наземного подрыва.

Что касается грунтово-мобильных МБР, то для них главная угроза – это мощные боеголовки на части ракет «Трайдент-2» (типа W-88 и числом в 400 единиц), которые накрывают большую площадь района оперативного развертывания систем «Тополь», «Тополь-М» и «Ярс». Об аэродромах тяжелых бомбардиров-

¹⁶ Начиная с 2013 г. внешняя политика России подверглась фундаментальному пересмотру, и ее расхождения с военной политикой исчезли.

щиков и базах стратегических подводных лодок говорить, вообще, не приходится. Понятно, что никакие зенитные ракеты или истребители не могут помешать удару ядерных баллистических ракет. Поддержание надежного сдерживания предполагает усиление акцента на мобильные ракеты, улучшение СПРН и систем управления, в кризисной ситуации – уход подводных лодок и авиации с уязвимых баз.

Совсем другое дело с крылатыми или баллистическими ракетами в неядерном оснащении. Тут результативность поражения цели обязательно должна быть подтверждена для нанесения при необходимости повторных ударов. Спутники электронно-оптической разведки проходят над данной точкой в лучшем случае с интервалом в несколько часов. Их информацию нужно оценить и скординировать повторные залпы. Максимальная дальность крылатых ракет в обычном снаряжении (1800 км) жестко лимитирует рубежи их пуска. Да еще подлетное время дозвуковых крылатых ракет «Томагавк» исчисляется полутора часами (а не 15–30 мин, как для БРПЛ и МБР). Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) большой дальности потребовались бы для разведки и целеуказания в огромном количестве и сами были бы уязвимы в воздухе на протяжении их длительного барражирования.

Далее, с крылатыми ракетами и БПЛА можно бороться путем радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и помехами другого рода, созданием ложных целей и т.д. Наконец, их можно сбивать – и не только с помощью зенитной управляемой ракеты (ЗУР) С-300 и С-400/500 или истребителей Су-27/35 и МиГ-29/31. Достаточно скорострельных артиллерийско-ракетных систем типа «Панцирь», которые могут сопровождать мобильные ракеты и защищать пусковые ракетные шахты.

Что касается массированных ударов ВТО по промышленности, то этот сценарий выглядит не менее абсурдно. Ведь массированные и продолжительные удары по нефтеперерабатывающим заводам, химическим предприятиям и хранилищам, ГЭС и транспортно-энергетическим узлам, а тем более по АЭС и заводам ядерного топливного цикла, складам ядерных боеприпасов и радиоактивных материалов – были бы равнозначны применению оружия массового поражения. Окажись США в положении объекта такого нападения, они, несомненно, пошли бы на использование в ответ ядерного оружия, и нет никаких оснований применять к России другие стандарты.

В гипотетическом пределе, при полной загрузке средствами ВТО всех своих тяжелых бомбардировщиков, всех универсальных вертикальных пусковых установок (ВПУ) надводных кораблей¹⁷ и многоцелевых подлодок, четырех стратегических ракетоносцев «Огайо», а также части МБР и БРПЛ, США по максимуму могли бы развернуть до 12 тыс. крылатых ракет большой дальности и обычных боеголовок на баллистических ракетах. Много это или мало?

¹⁷ На деле в обычном боевом снаряжении надводных кораблей только примерно 30% боекомплекта ВПУ составляют КРМБ большой дальности, а остальные 70% приходятся на противолодочные и зенитные ракеты.

Вспомним, что в войне против Югославии в 1999 г. НАТО применила 15 тыс. авиационных средств поражения, из которых 30% были высокоточным оружием. В 2003 г. США обрушили на Ирак еще больше бомб и ракет, из которых уже 60% относились к разряду ВТО. В случае удара по Ирану или КНДР потребуются гораздо более крупные арсеналы. Но все эти конфликты совершенно несопоставимы с гипотетической широкомасштабной войной против России.

В отличие от контратакового ядерного удара, массированное применение ВТО потребует достаточно длительного времени подготовки (даже приготовления к операциям против неизмеримо более слабых противников, как Ирак, Югославия и Афганистан, потребовали нескольких месяцев). Эту подготовку будет невозможно скрыть, и другая сторона будет иметь время для перевода своих ядерных сил и средств, СПРН, системы боевого управления и сил общего назначения в повышенную боеготовность.

Не в пример контратаковому ядерному удару, сама операция по применению ВТО против стратегических сил была бы гораздо более протяженной по времени (как минимум несколько дней, а не несколько часов), что оставит другой стороне возможность уже в ходе воздействия применить выжившие средства СЯС в соответствии с ее заявленной Военной доктриной. При этом агрессор никогда не сможет быть уверен, что нападение с помощью ВТО не повлечет ядерный ответ, тем более что российские системы СПРН с началом операции не смогут отличить неядерные ракетные атаки от ядерных.

Получается, что, решившись на массированный контратаковой удар, агрессор заведомо свяжет себе руки применением только обычного оружия и сознательно пойдет на риск получения намного более мощного ядерного возмездия, чем было бы в случае его разоружающего удара с применением ЯО. И предполагается, что на этот риск США пошли бы из призрачной надежды, что в ответ на массированную агрессию с применением ВТО Россия не решится на ядерный ответ.

Нет, однако, никаких свидетельств подобной авантюристичности американских политиков и генералов. Отметим, насколько осторожно подходят они к вопросу применения силы против КНДР с ее несколькими примитивными ядерными устройствами без средств доставки, несмотря на все провокации со стороны Пхеньяна.

Дополнительную неопределенность для вероятного агрессора создают оперативно-тактические ядерные средства России, которые гораздо труднее быстро обнаружить и уничтожить и которые могут наносить удары по передовым базам США и их выдвинутым вперед группировкам ВВС и ВМС, осуществляющих «воздушно-космическую операцию». (По экспертным оценкам, у РФ имеется до 1400 ядерных бомб, ракет и торпед флота, морской и фронтовой авиации.)

Наконец, самое главное – колоссальный риск эскалации в результате нападения с применением ВТО на ядерную державу совершенно несопоставим с реально вообразимыми плодами такой операции, особенно после окончания холодной войны и в силу растущей взаимозависимости крупных государств.

в экономическом, социальном и экологическом отношениях, какие бы конкретные международные противоречия их ни разделяли.

Разоружение и проблема ВТО

Несомненно, однако, что американский потенциал ВТО представляет определенную военно-стратегическую проблему для России. Пока у нее есть внушительные средства ядерного сдерживания, прямую военную угрозу массированного применения ВТО против РФ не следует преувеличивать (как и способность планируемых американских систем ПРО перехватить российский ответный ядерный удар). Именно на поддержание оптимального потенциала сдерживания нужно направлять ограниченные оборонные ассигнования РФ, а не на развитие эшелонированной системы ПВО для отражения мифических угроз.

Разветвленная система ПРО и ПВО нужна России для отражения гораздо более реальной угрозы случайных или провокационных групповых и одиночных ракетных ударов со стороны новых стран – обладательниц ядерного и ракетного оружия, а также воздушного нападения террористов (в том числе с применением крылатых ракет с общедоступной космической навигацией и самолетов для доставки ОМУ). Такого рода оборонительные системы РФ могут сопрягаться с ПРО и ПВО США и НАТО, включать совместные звенья и программы, причем обе стороны существенно выиграли бы от этого сотрудничества.

Однако развертывание высокоточного неядерного оружия большой дальности будет создавать трудности и для ядерного разоружения и для сотрудничества держав.

Во-первых, «перекачка» стратегических средств США (прежде всего крылатых ракет) из состава СЯС в сферу стратегического ВТО и вывод их из-под ограничений СНВ неизбежно вызовет серьезные возражения России уже на следующем этапе переговоров по сокращению стратегических вооружений. Трудно представить себе согласие Москвы на снижение потолка СЯС, скажем, до 1000 единиц по боезарядам, если одновременно Америка будет иметь до 3000 обычных боеголовок на стратегических средствах (переоборудованные ПЛАРБ и ТБ) и до 2000 на тактических платформах (кораблях и АПЛ).

Скорее всего, Москва будет поддерживать свои СЯС на уровне нового Договора СНВ (1550 боеголовок) и в этих пределах переоснащать их на системы следующего поколения. Наряду с перспективой одностороннего развития системы ПРО США и НАТО, развертывание дальнобойных средств ВТО станет препятствием для ядерного разоружения на стратегическом уровне.

Во-вторых, помимо превосходства НАТО над Россией по силам общего назначения в Европе, развертывание ВТО будет препятствием для переговоров о нестратегическом (оперативно-тактическом) ядерном оружии РФ и США (ТЯО). Такое оружие будет рассматриваться Москвой как противовес американским системам ВТО (в качестве средства ударов по передовым базам ВВС и группировкам флота США) и как инструмент асимметричного сдерживания «угрозы

воздушно-космического нападения». Есть мнение, что использование ТЯО уже на ранней стадии в ответ на агрессию с применением ВТО более вероятно, чем нанесение ответного удара стратегическими ядерными силами (которое повлечет стратегический ядерный удар другой стороны).

В-третьих, развертывание американских высокоточных систем будет дополнительным препятствием для сотрудничества России и США в области ПРО. Сейчас в российских военных кругах, как упоминалось выше, развитие систем ПРО, ПВО и ракетно-космической обороны (РКО) выдвигается в первую очередь не как средство защиты от ракет «стран-изгоев» или террористов, а для «отражения воздушно-космического нападения». Последнее, очевидно, подразумевает агрессию именно со стороны США и их союзников.

При таком настроем военного ведомства и оборонно-промышленного комплекса РФ трудно представить себе ее содержательное сотрудничество с «вероятным воздушно-космическим агрессором», даже если такова будет воля политического руководства России. Оборонный истэблишмент найдет массу способов и предлогов для саботажа подобных начинаний, руководствуясь своим пониманием интересов безопасности страны. Такое же отношение можно в этих условиях ожидать и со стороны американского военно-промышленного комплекса для обеспечения США максимальной свободы рук в развитии ПРО и в целях охраны технологических секретов.

А в оперативно-техническом плане было бы чистым абсурдом, если бы Россия создавала две параллельные системы ПРО: одну вместе с НАТО для защиты от третьих стран и террористов, а другую — против НАТО для отражения ее вероятного воздушно-космического нападения.

Договорно-правовые решения

Что касается высокоточного оружия США, то новый Договор по СНВ уже несколько облегчил эту проблему. Согласованы правила засчета баллистических ракет в обычном снаряжении наравне с ядерным ракетами (ст. III), что препятствует широкому развертыванию БРПЛ и МБР с высокоточным головными частями. Но проблема крылатых ракет большой дальности с ВТО — это тема отдельных будущих переговоров о мерах ограничения вооружений, доверия и транспарентности. Ведь американские СЯС будут сокращаться не только путем «разгрузки» части боеголовок с многозарядных ракет, но и через переоборудование некоторых стратегических подводных лодок и бомбардировщиков под неядерные средства.

При наличии политической воли сторон проблемы, порождаемые системами ВТО, могут быть сняты или уменьшены различными договорно-правовыми путями. В частности, речь идет о запрете базирования ударной авиации (в дополнение к неразмещению ядерного оружия) на территории государств — новых членов НАТО. Аналогичные обязательства могут быть приняты Россией в отношении ее союзников по ОДКБ и СНГ.

Гипотетическая угроза ПЛАРБ «Огайо» с КРМБ может быть существенно ослаблена при их базировании только на западном побережье США (из Тихого и Индийского океанов они не перекрывают по своей дальности основную часть баз российских МБР, а выход в Арктику сопряжен с оперативными трудностями).

Вообще говоря, массовое развитие ВТО практически невозможно остановить, ввиду его эффективности в «дистанционных» войнах современности с локальными противниками. Россия наверняка тоже пойдет по этому пути и официально ставит задачу широкого внедрения ВТО и систем его информационного обеспечения (включая космические) в качестве важнейшего приоритета модернизации Вооруженных Сил. Вместе с тем, для локальных операций вовсе не обязательно иметь ВТО все большей дальности и переоборудовать под него стратегические платформы, которые можно скрытно развернуть для массированного удара. Ведь локальные противники едва ли будут иметь высокоэффективные системы разведки, обнаружения и предупреждения, какими обладают ведущие державы.

Поэтому в рамках последующих переговоров по СНВ Россия может твердо поставить вопрос введения ограничений на переоборудование ПЛАРБ и ТБ под крылатые ракеты в неядерном оснащении, оставив для этого многоцелевые подводные лодки, надводные корабли и тактическую ударную авиацию.

Полезны были бы также меры доверия в виде обменов информацией о практике размещения ВТО на кораблях, подводных лодках и авиации, оперативных принципах их развертывания и применения в локальных конфликтах, обмены визитами и наблюдателями в ходе учений, а в перспективе – совместные учения BBC и флотов в отработке операций контр-распространения, принуждения к миру, борьбы с терроризмом и пиратством. Поскольку США утверждают, что массовое внедрение их систем ВТО предназначено против третьих стран и террористов, Россия может настаивать на широких мерах доверия и сотрудничества, если сама готова к взаимности.

Более далеко идущая мера – ограничение районов патрулирования подводных лодок-носителей крылатых ракет с тем, чтобы предотвратить возможность развертывания значительного числа ПЛА США вблизи территории РФ и наоборот. При этом попутно решались бы и другие проблемы, которые ранее неоднократно поднимались Россией на переговорах по СНВ: запрещение скрытной противолодочной деятельности в районах боевого дежурства российских ПЛАРБ, предотвращение столкновений атомных подводных лодок.

Поскольку этот запрет распространялся бы и на подводные лодки с баллистическими ракетами в ядерном и обычном оснащении (из-за трудности различения разных типов лодок, находящихся в подводном положении) – стабилизирующий эффект такого соглашения был бы еще больше. А именно он ограничивал бы потенциалы ядерного контративного удара с коротким подлетным временем и снижал бы стимул к поддержанию СЯС в повышенной боеготовности для нанесения ответно-встречного удара по информации СПРН.

Конечно, есть большие трудности проверки соблюдения такого соглашения, поскольку главный смысл подводной деятельности флотов состоит как раз в ее

скрытности. Но и этому вопросу при желании можно найти решение, например, согласовав возможность передачи команды на всплытие обозначенной подводной лодки по запросу другой стороны, скажем, по некоторой ежегодной квоте. С помощью разведывательных спутников стороны будут примерно знать, какие подводные лодки друг друга находятся вне базы в каждый данный момент времени, и потому риск обнаружения нарушителя будет достаточно велик, если по запросу России в адрес национального командования США по приказу последнего лодка всплынет в запрещенной зоне или не всплынет вовсе.

Такого рода договоренность может понадобиться в любом случае, в связи с развитием подводных флотов третьих держав и опасностью провокационного удара БРПЛ или КРМБ из-под воды.

В любом случае, очевидно, что США, которые создали эту проблему, должны проявить инициативу и предложить меры ограничения вооружений, доверия и сотрудничества по ВТО, чтобы обеспечить поддержку Россией курса на дальнейшее ядерное разоружение и нераспространение.

В некотором смысле, средства ВТО по диалектике их военно-политических последствий могут быть сравнимы с противоракетными и космическими системами, при всех их технических различиях. А именно, будучи созданы после холдной войны для более эффективного военного противодействия противникам на региональном и локальном уровнях, для борьбы с распространением ОМУ и международным терроризмом, эти средства стали оказывать дестабилизирующее воздействие на военно-политические отношения США и России, других великих держав.

Тем самым они начали подрывать режим ядерного нераспространения и перспективы сотрудничества государств в борьбе с общими угрозами их безопасности. Это было неизбежно в условиях сохранения между великими державами отношений взаимного ядерного сдерживания и при развитии новых систем вооружения (а также их локального применения) на односторонней или союзнической основе. В еще большей мере развитие ВТО будет, наряду с перспективными системами ПРО и космическими вооружениями, создавать преграды на пути к полному ядерному разоружению.

Тем не менее, при наличии политической воли сторон, проблемы, порождаемые системами ВТО, могут быть сняты или уменьшены различными договорно-правовыми путями. Такие решения должны быть согласованы в контексте следующего этапа переговоров по сокращению СНВ или параллельно с ним.

МИФ ВЫЖИВАНИЯ В ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ*

Недавно на сайте Российского Совета по Международным Делам (РСМД) появилась статья Валерия Алексеева «Миф ядерного сдерживания». Ее главная идея в том, что даже глобальная ядерная война (не говоря уже о региональной) не стала бы вселенской катастрофой, ущерб от такой войны США, Россия и другие страны могли бы пережить, из чего следует, что победа в ней достижима. Кроме того, автор рекомендует ядерным державам возобновить ядерные испытания и даже применить ядерное оружие (хотя бы ограниченным образом), чтобы на практике опробовать его боевую эффективность и тем самым проверить состоятельность доктрины ядерного сдерживания. В заключение В. Алексеев делает «оригинальный» вывод: «России надо постоянно поддерживать и совершенствовать свой ядерный арсенал – хотя бы для того, чтобы в случае чего ответить США адекватным оружием». Как раньше писали на ленинских плакатах: «Верной дорогой идете, товарищи!»

При чтении подобных опусов всегда возникает вопрос: это просто эпатаж, попытка автора привлечь к себе внимание, завязать спор с авторитетными специалистами? Или же это очередной «пробный шар» от отечественных сторонников линии на применимость ядерного оружия (ЯО) в качестве средства достижения победы в войне, что исключает его ограничение международными соглашениями?

В первом случае указанную публикацию можно было бы проигнорировать. Но во втором варианте такие статьи нельзя оставлять без ответа. Иначе они будут постепенно влиять на взгляды российского стратегического сообщества и в конечном итоге – воздействовать на государственную политику в сфере развития ядерных вооружений и переговоров по их ограничению. Тот факт, что статья была опубликована на сайте столь уважаемой организации как РСМД, не позволяет отмахнуться от нее первой версией.

Нетрудно опровергнуть практически каждый блок доводов автора, что уже частично сделано в некоторых отзывах на данную статью. К ним можно добавить следующее. Автор приравнивает прогнозируемые потери в ядерной войне к жертвам человечества в двух мировых и других войнах первой половины XX века (оцениваемые им в 100 млн человек) и делает вывод: раз в прошлом цивилизация не погибла, то выживет и в будущем ядерном катаклизме.

Это типичный образчик псевдонаучной логики – софистики. Не вдаваясь в детали и расчеты, можно провести следующую аналогию. Средний человек

* [Электронный ресурс] // Официальный сайт РСМД. 18 апреля 2019 г. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/mif-vyzhivaniya-v-yadernoy-voyne/> (дата обращения: 27.11.2019).

на протяжении своей жизни может потерять несколько литров крови (донорство, роды у женщин, хирургическое вмешательство, иногда ранения и анализы при диспансеризации), но при этом прекрасно выживает. Однако попробуйте разом слить крови литров пять, да еще бросить человека на помойку и оставить без врачебной помощи — исход очевиден. Потери человечества на протяжении нескольких десятилетий разных войн были бы невыносимы, если бы имели место в течение нескольких часов обмена ядерными ударами. Тем более в условиях радиоактивного заражения и выжигания огромных территорий, полного уничтожения экономики, энергетики, коммуникаций, служб спасения и здравоохранения, всей социальной инфраструктуры государств.

Исследования опыта бомбардировок японских городов; результаты порядка 2000 испытаний разнообразных ядерных боеприпасов, проведенных после 1945 г. в разных средах; анализ их воздействия на любые военные, гражданские объекты и живые организмы; разработанные методы моделирования гипотетических сценариев ядерной войны — все это позволяет с большой степенью вероятности прогнозировать вероятный ход и исход такой войны. Ужасы Хиросимы и Нагасаки (уничтоженных бомбами, по нынешним понятиям, маломощного тактического класса) — это лишь единичный пример, отражающий в микронном масштабе картину последствий массированного ядерного удара по сотням городов.

Из рассекреченных материалов Пентагона стали известны некоторые прошлые оценки американских военных специалистов, имевших в своем распоряжении все необходимые факты и самую совершенную на тот момент методику их анализа. Американский план применения ядерного оружия от 1960 г., изложенный в первом «Едином интегрированном оперативном плане» Стратегического авиационного командования (Single Integrated Operational Plan: SIOP-62), предусматривал с началом любого вооруженного конфликта с СССР незамедлительный массированный налет. По расчетам Пентагона, немедленные и вторичные (радиоактивные осадки) поражающие факторы удара повлекли бы человеческие жертвы в СССР, КНР, среди их союзников и соседних нейтральных стран порядка 800 млн убитыми¹.

Помимо этого, SIOP-62 не учитывал последствий советского ответного ядерного удара по США, видимо, исходя из предположения, что его не будет. Действительно, у СССР тогда было мало межконтинентальных авиационных и ракетных носителей ЯО, но уже было много средств средней дальности, способных нанести ядерный удар по союзникам США и их базам в Европе и Азии, который повлек бы еще миллионы жертв. Возможно, когда-нибудь и в России рассекретят такую информацию.

В течение десятилетий после 1960 г. стратегическая ситуация радикально изменилась: Советский Союз достиг паритета с США, и любые прогнозы ядерной войны должны были включать огромные потери и разрушения на американской

¹ Ellsberg D. The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner. New York: Bloomsbury. 2017. P. 100–104.

территории, что было официально признано Вашингтоном в 1967 г.² По усредненной величине разных оценок, максимальный суммарный ядерный мегатонаж двух сверхдержав был достигнут в 1973–1974 гг. и составлял 26 000 Мт, то есть 1,3 млн «хиросимских» эквивалентов³.

К настоящему моменту общая мощь ядерных потенциалов двух стран существенно снизилась и, если верить оценкам российских экспертов, составляет порядка 1600 Мт⁴. Но это мало сказывается на ожидаемых потерях в случае удара по административно-промышленным центрам – дело не в суммарной мощности, а в принципах нацеливания носителей ЯО. Города по-прежнему абсолютно уязвимы, причем разведенный по площади удар нескольких боеголовок средней и даже малой мощности принес бы больший ущерб, чем взрыв одного боезаряда мегатонного класса. Для населения и промышленности ведущих держав, что 1 млн, что 80 тысяч «хиросим» – разницы практически никакой.

Тем не менее взгляды, изложенные в рассматриваемой статье, видимо, имеют сторонников в экспертных военных кругах России. Например, Константин Сивков – вице-президент Российской академии ракетных и артиллерийских наук – недавно привел следующие расчеты. Из 2500 развернутых стратегических ядерных боеголовок России⁵ до 880 единиц (мощностью от 100 до 800 кт) способны выжить при внезапном ядерном нападении США и нанести ответный удар⁶. (Можно прикинуть, что его мощь составила бы порядка 400 Мт.) Дальше автор предполагает, что часть сил России будет уничтожена в ходе предшествующего обычного вооруженного конфликта (но при этом почему-то допускает, что ядерное нападение США все равно будет «внезапным»). Тогда, по его мнению, прогнозируемый ответный удар составит около 100 боеголовок (общей мощностью в 50 Мт, т.е. 2500 «хиросим»). Из своих расчетов К. Сивков делает вывод: «...Это уже вполне приемлемо для такого агрессора как США», поскольку «...американская элита получит неоспоримое мировое господство, опирающееся на ядерный шантаж, одновременно *сократив* число лишних ртов среди *собственного* населения (курсив мой. – Авт.) и мобилизовав его на войну против России»⁷. Мягко выражаясь, это смахивает на какой-то стратегический сюрреализм, не говоря уже о спорности приведенных военных расчетов.

Не в качестве аргумента, а в порядке констатации отметим, что вопреки упомянутым и другим таким же публикациям, президент России Владимир Путин в последнее время неоднократно заявлял, что ядерная война явилась бы «все-

² McNamara Robert S. The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper and Row, 1968. P. 58–62.

³ Cochran T., Arkin W., Boeing M. Nuclear Weapons Databook // Soviet Nuclear Weapons. Vol. IV. Natural Resources Defense Council Inc., Cambridge, Mass., Harper & Row, Publ., Inc., 1989. P. 22–27, 42–43.

⁴ Сивков К. Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 22–28.03.2017. №. 11. С. 1–4.

⁵ С учетом реального оснащения тяжелых бомбардировщиков крылатыми ракетами.

⁶ Сивков К. Запасный периметр // Военно-промышленный курьер. 15–21.01.2019. № 1. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

мирной катастрофой»⁸, из чего логически вытекает, что в ней не может быть победителей. Однако, в отличие от 70–80-х годов, в последние десятилетия лидеры двух сверхдержав не подтверждали такое понимание ясными совместными заявлениями. Это полезно было бы сделать в самое ближайшее время и на данной основе возобновить диалог по контролю над ядерными вооружениями и их нераспространению.

Также, критикуя новую ядерную доктрину США, не мешало бы разъяснить на самом высоком уровне, допускает ли Россия возможность ограниченной ядерной войны с применением стратегического или нестратегического ЯО. Официальная «Военная доктрина» России от 2018 г., как и «Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности» от 2017 г., дают на этот вопрос неоднозначные ответы.

Рассмотренные публикации, при всей их неубедительности, являются тревожным симптомом нынешней международной напряженности и агрессивных поползновений в общественной психологии. По поводу широкого обсуждения в прессе сценариев ядерной войны президент Путин недавно сказал: «...Опасность подобного развития событий в мире – затушевывается, уходит. Это кажется невозможным или чем-то уже не таким важным. А между тем, если, не дай бог, что-то подобное возникнет, это может привести к гибели всей цивилизации, может быть, и планеты. Поэтому вопросы серьезные, и очень жаль, что такая тенденция недооценки имеет место быть и даже нарастает»⁹. С этими словами нельзя не согласиться. В ином случае статья В. Алексеева не заслуживала бы внимания.

⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата обращения: 28.02.2018).

⁹ Большая пресс-конференция Владимира Путина. 20 декабря 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59455> (дата обращения: 30.01.2019).

ЧАСТЬ II

СОКРАЩЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ

КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ: ПАУЗА ИЛИ КОНЕЦ ИСТОРИИ?*

Если вести отсчет с Договора о частичном запрещении ядерных испытаний от 1963 г., то впервые за пятьдесят лет переговоров и соглашений по ядерному оружии мир оказался перед реальной перспективой потери договорно-правового контроля над этим самым разрушительным средством уничтожения в истории человечества. Самое поразительное — это происходит через четверть века после окончания холодной войны, которое породило надежду, что опасность ядерной катастрофы навсегда уйдет в прошлое и что ядерное разоружение из утопии превратится в военно-политическую реальность.

Процесс переговоров по сокращению ядерного оружия (ЯО) и его нераспространению зашел в небывало глубокий тупик, а система договоров подвергается политической и военно-технической эрозии и может быть разрушена уже в ближайшее время. Правда, два краеугольных соглашения в сфере наступательных ядерных вооружений все еще соблюдаются: новый (Пражский) Договор по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ) от 2010 г. и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. Но и их будущее под угрозой.

В своей речи на Валдайском форуме в Сочи в октябре 2014 г. президент Владимир Путин подчеркнул, что есть «...реальная перспектива разрушения действующей системы договоров об ограничениях и контроле над вооружениями...

* Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 5–18.

Данная работа от 2015 г. приводится без актуализации как общепризнанно первая в мировой специальной литературе публикация-предупреждение по поводу грядущей угрозы распада системы контроля над ядерным оружием.

Мы вновь скатываемся к тем временам, когда не баланс интересов и взаимных гарантий, а страх, баланс взаимоуничтожения удерживает страны от прямого столкновения... Многие государства не видят других гарантий обеспечения суверенитета, кроме как обзавестись своей собственной бомбой. Это крайне опасно» [1].

С учетом специфического характера устной речи суть негативных процессов отмечена совершенно верно.

Всеобъемлющий кризис

Соединенные Штаты по-прежнему не соглашаются на какие-либо ограничения систем противоракетной обороны (ПРО) и вот уже более двух десятилетий отказываются от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗИ). Одновременно они обвиняют Россию в нарушении Договора РСМД. Ссылаясь на это, республиканское большинство в Конгрессе поднимает вопрос о денонсации данного соглашения, а также о выходе из нового Договора СНВ [2].

В России на официальном уровне высказываются сомнения в целесообразности Договора РСМД [1, 3]. А в неофициальном кругу специалистов открыто звучат призывы денонсировать его, а заодно новый Договор по СНВ и ДВЗИ. Наиболее рьяные из них договорились до того, что Россия должна выйти из Договора по нераспространению ядерного оружия (ДНЯО), чтобы беспрепятственно продавать ЯО за рубеж и обеспечивать ему «сервисное обслуживание» [4]. Кажется, что кураж разрушения всего, что было достигнуто огромными усилиями политиков, дипломатов и военных за несколько десятилетий, охватил обе великие державы, и, прежде всего, – их парламенты, воинственные организации и движения.

Помимо двух ядерных сверхдержав, остальные семь государств-обладателей ЯО, как и раньше, не желают присоединиться к процессу разоружения и ограничить свои ядерные вооружения.

Процесс и режим нераспространения ядерного оружия также вступил в фазу распада. Вопреки надеждам, после заключения временного соглашения группы стран «5+1»¹ с Ираном об ограничении ядерной программы последнего в ноябре 2013 г., переговоры по долгосрочному соглашению год спустя не увенчались успехом, и их дальнейшие перспективы неопределены. Такое положение, наряду с наращиванием ядерного потенциала КНДР (которая вышла из ДНЯО в 2003 г. и после 2006 г. провела три ядерных испытания), угрожает привести к провалу очередную (обзорную) Конференцию по рассмотрению этого краеугольного Договора в 2015 г. В целом, после успешной обзорной Конференции в 2000 г. не удалось сделать никаких практически значимых шагов по укреплению ДНЯО, а затянувшийся кризис вокруг ядерных программ Северной Кореи

¹ Эта группа включает Россию, США, Великобританию, Францию, Китай и Германию.

и Ирана угрожает, в конце концов, повлечь распад всего режима нераспространения.

На протяжении нескольких десятилетий предметом споров политиков и экспертов остается взаимосвязь и диалектика двух главных направлений контроля над ядерным оружием: его сокращения и нераспространения (последнее включает и пространственные измерения — космос, морское дно, региональные безъядерные зоны).

Взаимосвязь двух направлений

После десятилетия публичной пропагандистской полемики в ООН и на других мировых форумах по поводу ядерного разоружения, в начале 1960-х годов начался практический процесс ограничения ядерного оружия — был заключен первый Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (1963). По реальному ограничению ядерных вооружений (т.е. средств доставки ЯО и ядерных боезарядов) отправной пункт — первый Договор ОСВ-1 от 1972 г. (Договор по ПРО и Временное соглашение по наступательным стратегическим вооружениям), а история этого диалога насчитывает сорок с лишним лет и 8 основных договоров².

Процесс двустороннего ограничения ядерных вооружений СССР (России) и США изначально был неразрывно связан с нераспространением ядерного оружия. Предметные переговоры по ОСВ начались сразу после заключения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1968 г. В ДНЯО известная Статья VI содержит обязательство ядерных держав «вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению» [5], а в преамбулах всех 8 договоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений содержится ссылка на обязательство по этой статье ДНЯО.

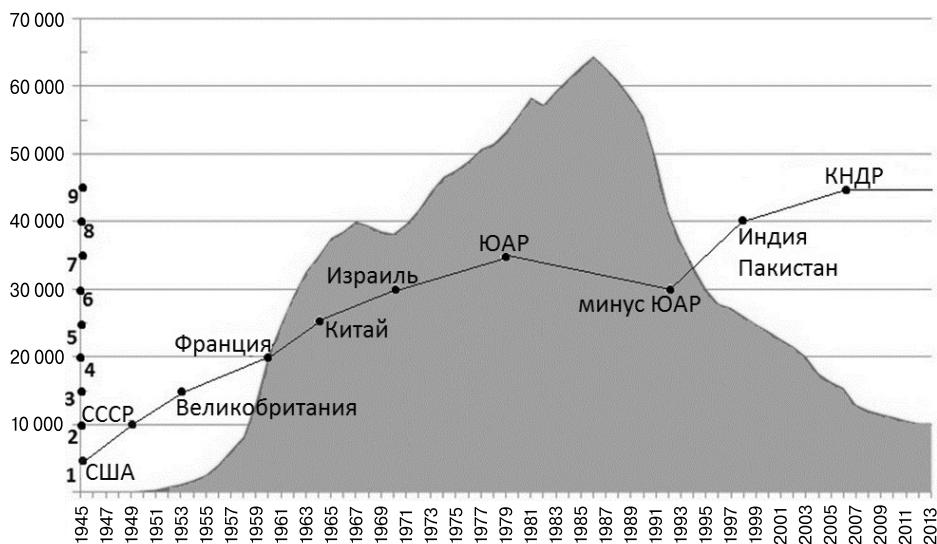
За годы холодной войны были накоплены колоссальные ядерные потенциалы³. В течение прошедших двух с половиной десятилетий после окончания холодной войны запасы ядерного оружия в количественном отношении сократились практически на порядок — как в рамках договоров между Россией и США, так и за счет односторонних мер этих держав (а также Британии и Франции). Однако число стран-обладательниц ЯО увеличилось с 7 до 9 (в дополнение к «ядерной пятерке», Израилю и ЮАР ядерное оружие создали Индия, Пакистан и КНДР, но ЮАР в 1992 г. отказалась от него).

Из этого нередко делают вывод, что процесс ядерного разоружения не связан с нераспространением ЯО или даже подталкивает расширение «ядерного клуба».

² К ним относятся соглашение ОСВ-1, договоры об ОСВ-2, РСМД, СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3, СНП и новый Договор ОСВ.

³ По экспертным оценкам, их максимальная суммарная мощь была достигнута в 1974 г. — 25 000 МТ (в 1,6 млн раз больше хиросимской атомной бомбы), а по количеству ЯО пик был достигнут в 1985 г. — 68 000 боезарядов.

Однако практический опыт лучше всяких теорий демонстрирует позитивную диалектику такого рода. За сорок лет холодной войны вслед за США возникло шесть ядерных государств (СССР, Великобритания, Франция, КНР плюс Израиль и ЮАР, а если считать «мирное» атомное испытание Индии в 1974 г., то семь). А за четверть века после холодной войны образовалось еще три ядерных государства (Индия, Пакистан, КНДР, а если не считать Индию, то два). Таким образом, темпы распространения ЯО после холодной войны не увеличились, а заметно снизились (см. рис. 1).

Самые крупные прорывы в разоружении и одновременно – в мерах укрепления режимов нераспространения имели место в течение десятилетия 1987–1998 гг. Были заключены Договоры по РСМД, СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3 о полном запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), приняты параллельные меры по сокращению тактического ЯО. (Также крупные шаги были сделаны в смежных областях: Договор о сокращении обычных вооруженных сил в Европе, Договор по открытому небу, Конвенция о ликвидации химического оружия).

Параллельно с этим более 40 государств присоединилось к ДНЯО, включая две ядерные державы (Франция и КНР). Добровольно или насилием лишились ядерного оружия или военных ядерных программ 7 стран (Ирак, ЮАР, Украина, Казахстан, Беларусь, Бразилия, Аргентина). В 1995 г. ДНЯО стал бессрочным и был принят Дополнительный Протокол 1997 г. к гарантиям МАГАТЭ, резко расширившим возможности контроля над ядерной деятельностью неядерных государств. ДНЯО превратился в самый универсальный международный документ, помимо Устава ООН, за его пределами тогда остались всего 3 страны мира (Индия, Пакистан, Израиль).

Негативный опыт последующих лет тоже подтвердил такую взаимосвязь доказательством «от обратного». В частности, выход США из Договора по ПРО в 2002 г., видимо, облегчил денонсацию ДНЯО Северной Кореей в 2003 г. Конференция по рассмотрению ДНЯО в 2005 г. окончилась провалом. Не достигли успеха в тот период и переговоры с Ираном по его ядерной программе.

Затем, после заключения нового Договора СНВ в 2010 г., имел место небольшой прогресс нераспространения: на Конференции по рассмотрению ДНЯО в 2010 г. был принят итоговый документ, она не потерпела фиаско.

И вновь, после 2011 г. тупик в процессе дальнейшего ядерного разоружения сопровождался стагнацией в деле нераспространения. Северная Корея продолжила наращивание ракетно-ядерного потенциала, переговоры с ней остались в тупике. Вслед за временным соглашением с Ираном в ноябре 2013 г. не удалось заключить всеобъемлющее соглашение, которое намечалось к ноябрю 2014 г.

Многократное повторение позитивной и негативной корреляции двух указанных процессов исключает возможность их случайного совпадения. Другое дело, что эта взаимосвязь не односложная и не линейная, что демонстрирует новая волна распространения после 1998 г. Эта диалектика состоит в том, что прогресс в деле разоружения создает благоприятные предпосылки для укрепления режима нераспространения, но сам по себе не гарантирует успеха. Для прогресса в нераспространении нужны крупные дополнительные меры и соглашения непосредственно в данной сфере. Но зато тупик переговоров по разоружению гарантирует стагнацию и расшатывание режима нераспространения.

Как представляется, причины кризиса ограничения и нераспространения ядерного оружия можно условно разложить на три группы: трансформация международно-политической среды, влияние военно-технического развития, экономические и технологические факторы распространения ядерных материалов и технологий.

Смена миропорядка

Как ни парадоксально, ограничение и сокращение ядерных вооружений органически вписывалось в мироустройство времен холодной войны и являлось его порождением. Правда, эта взаимосвязь возникла не сразу и не сама по себе. Человечеству пришлось пройти через череду опасных кризисов (самым рискованным из которых был Карибский кризис 1962 г.) и через несколько циклов форсированной и крайне дорогостоящей гонки ядерных вооружений, прежде чем ведущие страны осознали пагубность такого пути и необходимость практических усилий для предотвращения глобальной катастрофы.

При этом вся международная политика определялась глобальным соперничеством и гонкой вооружений двух сверхдержав, а главной угрозой всеобщей безопасности была вероятность преднамеренной или случайной ядерной войны. Соответственно, центральным направлением укрепления международной безопасности стало с конца 1960-х годов ограничение и сокращение ядерных

вооружений на основе принципов паритета и стратегической стабильности. Концепция стабильности была формализацией отношений взаимного ядерного сдерживания на основе сохранения обоюдной способности сокрушительного ответного удара с поэтапным понижением уровней вооружений. Это было вполне сообразно отношениям «регулируемой» холодной войны – соперничеством в зонах, расположенных вне негласно признанных сфер влияния (в Европе и Азии), при обоюдном стремлении избежать прямого и открытого военного столкновения. Нераспространение ЯО играло подчиненную роль, поскольку было общепризнанно, что последовательное ядерное разоружение невозможно при расширении круга государств-обладателей этого оружия.

Окончание жесткой bipolarной конфронтации и масштабной гонки вооружений на пороге 1990-х годов неожиданно возымело последствия двоякого рода, которые никто не мог предсказать на завершающей стадии холодной войны. Во-первых, отношения России и США перестали быть центральным стержнем мировой политики и безопасности. Во-вторых, в вопросах безопасности контроль над ядерным оружием перестал быть главной темой.

Первое объясняется тем, что после распада СССР (как империи и социально-идеологической системы) мир постепенно становился поликентричным. Все большую роль в нем стали играть другие, помимо России и США, глобальные центры силы. В первые два десятилетия нового периода США (зачастую при поддержке их союзников) активно пытались сформировать однополярный миропорядок под своим руководством. Нередко это приносило большие издержки: в урегулировании локальных конфликтов (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия), в адаптации к новым условиям Европейской безопасности (на основе непродуманного расширения НАТО и Евросоюза), в процессах ограничения и нераспространения ядерного оружия, о чем подробно речь пойдет ниже. Президент Путин весьма красноречиво и эмоционально касался этих порочных проявлений курса Вашингтона в своих выступлениях в Мюнхене в 2007 г. и в Сочи в 2014 г. Но вопреки этим попыткам, возможности США (даже вместе с НАТО) определять ход мировых событий неуклонно снижались, как и их готовность идти ради этого на материальные и человеческие жертвы, что проявилось в итогах операций в Ираке и Афганистане. Это тем более относилось к России, которая в тот период осуществляла трудные и противоречивые реформы внутри страны и в своей внешней политике.

Второе обстоятельство связано с тем, что переход от конфронтации к сотрудничеству сверхдержав практически снял угрозу ядерной войны между ними из повестки дня мировой безопасности. На передний план вышли финансово-экономические, климатические, ресурсные, миграционные и другие проблемы глобализации, а в области безопасности – этнические и религиозные локальные конфликты, международный терроризм, распространение ядерного оружия, незаконный оборот наркотиков и другие виды трансграничной преступности.

Эффект двух указанных факторов компенсировался беспрецедентным улучшением отношений между СССР/Россией и Западом, и это позволило совершить крупные шаги в сфере разоружения. Они стали символом военно-полити-

ческого сближения прежних противников, воплотили в жизнь небывалую транспарентность и предсказуемость главного компонента их обороны – стратегических ядерных сил (СЯС). Сокращалась огромная избыточность арсеналов холодной войны и уменьшалась опасность потери контроля над ядерными вооружениями. Последнее было связано более всего с ликвидацией и передислокацией тактического и стратегического ядерного оружия, оставшегося на территории соседних постсоветских государств.

В этом проявилась специфическая диалектика роли ядерного разоружения в отношениях сторон (которая снижалась) и степени их взаимного доверия и готовности к сотрудничеству (которые в тот период повышались). Впоследствии эта диалектика станет работать в ином направлении.

Тем не менее после позитивных прорывов первого десятилетия 1987–1997 гг., завершившего холодную войну и ознаменовавшего новый этап мировой политики, процесс сокращения ядерных вооружений все дальше смещался к периферии тематики международной безопасности. Даже в отношениях России и США сокращение ядерных вооружений занимало заметно более скромное место, чем раньше.

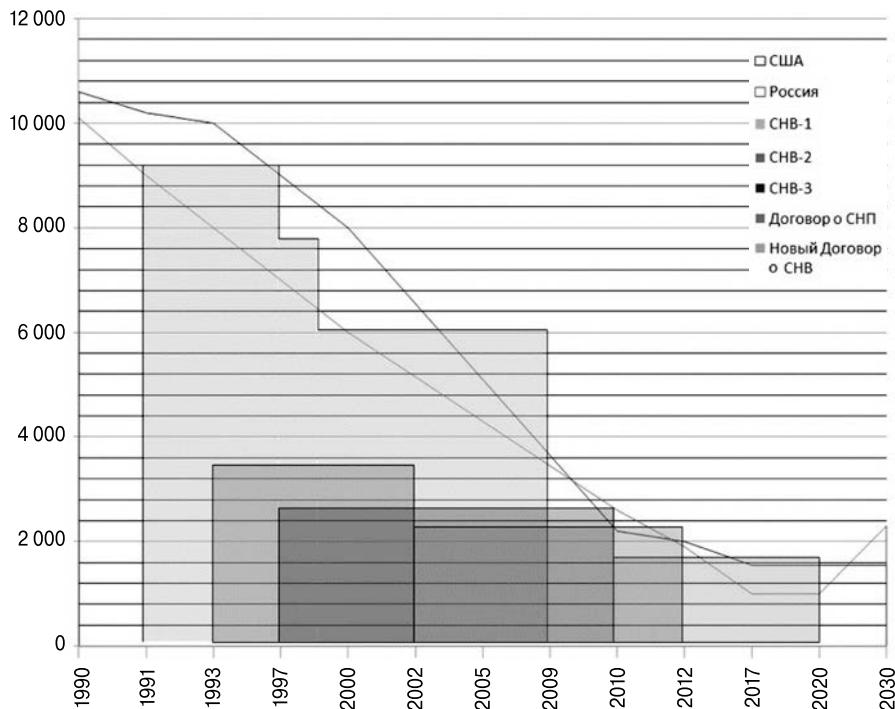
Особенно явно эта тенденция сказывалась в политике администрации президента Дж. Буша в 2001–2008 гг. Тогда из Вашингтона на всех официальных уровнях постоянно выдвигались доводы о том, что договоры по контролю над вооружениями между США и Россией – это «наследие холодной войны», поскольку такие соглашения уместны только между противниками, но они не нужны друзьям и партнерам, даже если у них есть ядерное оружие. (Тут обычно приводился пример Великобритании, Франции и США, правда, не замечая то обстоятельство, что у них есть другой договор как у союзников по НАТО, куда Россию никто не приглашал ни в 1990-е годы, ни позднее.)

В 2002 г. Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО – краеугольного камня ограничения стратегических вооружений на протяжении 30 предыдущих лет. Очередной договор по наступательным стратегическим потенциалам (Договор СНП) от 2002 г. так и не стал полноценным соглашением, поскольку стороны не смогли договориться о правилах засчета и мерах верификации: США требовали максимально «либеральных» допусков и ограничений⁴.

После беспрецедентно глубоких сокращений Договора СНВ-1 последующие соглашения по стратегическим вооружениям предусматривали все менее ощущимое снижение уровней СЯС (см. рис. 2).

Важно отметить, что при всех декларациях о дружбе и партнерстве, отношениям взаимного ядерного сдерживания на основе принципов стратегической стабильности никакой альтернативы так и не было сформулировано и согласовано двумя державами, сохранившими в сумме почти десять тысяч ядерных боеголовок в составе СЯС, предназначенных для применения друг против друга.

⁴ Например, одно время США предлагали засчитывать в согласованные потолки 2000–2200 ядерных боезарядов наряду с боеготовыми МБР только стратегические подводные лодки, находящиеся на боевом дежурстве в море, но не стоящие в базах.

Пренебрежение контролем над ядерными вооружениями и длительная стагнация переговорного процесса в течение десятилетия 1998–2008 гг. имела пагубные последствия. Когда приблизился к истечению (в 2009 г.) срок Договора СНВ-1, выяснилось, что на смену ему ничего не осталось: Договоры СНВ-2, СНВ-3, СНП не были должным порядком ратифицированы или доработаны. Поэтому уже при администрациях президентов Барака Обамы и Дмитрия Медведева пришлось в спешном порядке согласовывать новый (Пражский) Договор СНВ, который фактически легализовал уровни СЯС, зафиксированные Договором СНП восемью годами раньше (порядка 2000–2200 боезарядов по реальному засчету). Но продвинуться дальше оказалось невозможно.

Концепция «взаимного ядерного сдерживания» звучит вполне благоприятно. И действительно, в годы холодной войны она служила предпочтительной альтернативой традиционной идеологии реального применения друг против друга всей военной мощи для достижения победы над врагом, что в ядерный век обернулось бы всеобщей катастрофой. Однако на деле и за концепцией сдерживания стоит нечто апокалиптическое: государства основывают свою безопасность на обоюдной способности и высокой готовности за несколько часов обмена ударами убить десятки миллионов граждан друг друга и разрушить все, что строилось столетиями.

Исторический опыт десятилетия 1998–2008 гг. показал, что хорошие политические отношения между двумя державами, сохранявшимися вплоть до середины 2000-х годов, сами по себе, без активных усилий в области контроля над вооружениями, не «развеяли» жестокую стратегическую реальность взаимного ядерного сдерживания – как бы ее ни затушевывали благозвучными политическими декларациями. Эта фактически оставленная без внимания военная реальность, наряду с другими факторами, в конечном итоге подорвала политические отношения России и США по истечении первого десятилетия нового века.

Не менее явно противоречие между полицентрическим миропорядком и ядерным разоружением проявилось в том, что этот договорно-правовой процесс так и не стал многосторонним. Правда, в договорах качественного и пространственного разоружения третьи страны издавна принимали посильное участие (ограничение и запрещение ядерных испытаний, неразмещение ЯО в космосе и на дне морей и океанов, ДНЯО, безъядерные зоны и пр.). Однако подключить другие государства-обладатели этого оружия к процессу их юридически обязывающего ограничения и сокращения не удалось, несмотря на многократное снижение арсеналов России и США.

Несмотря на все призывы Москвы (к которым иногда присоединялся Вашингтон) сделать процесс из двустороннего многосторонним, для этого не было ни политической воли остальных семи ядерных государств, ни концептуальной основы. Нигде и никогда аргументировано не было предложено: в какой очередности и в каком составе они должны подключаться, на основе какого принципа (паритет, стабильность, суммарные уровни, пропорциональность, национальные квоты), какие виды и типы ЯО должны быть объектом соглашений, какие методы контроля будут для них достаточны и приемлемы. А сами третьи страны ссылаются на то, что более 90% мирового ядерного арсенала все еще приходится на долю России и США, и требуют от двух ведущих держав более глубоких сокращений как условия перехода к многостороннему формату разоружения.

В отличие от ядерного разоружения, нераспространение ЯО вышло на передний план проблематики безопасности нового миропорядка. После окончания холодной войны два главных трека контроля над ядерным оружием поменялись местами: теперь сокращение вооружений переместилось на подчиненное место в качестве условия укрепления режима и институтов ДНЯО (согласно его Статье VI). Однако соотношение новых шагов по разоружению и дальнейших мер обеспечения ядерного нераспространения стало предметом растущих разногласий государств, политиков и специалистов мира.

Не менее важно, что, сохранив в полицентрическом миропорядке ведущую роль в ядерном нераспространении, Россия и США более не могли диктовать другим странам свою волю, тем более что между двумя державами росли разногласия геополитического и экономического порядка (партнерские отношения с проблемными странами, конкуренция в мирном ядерном экспорте). Наиболее показательными примерами ограниченности возможностей двух ведущих держав и всей «Большой пятерки» вместе с ее главными союзниками (ФРГ,

Япония, Южная Корея) стали неудачные переговоры по ядерным программам с КНДР и Ираном после 2000 г.

Среди 189 стран – членов ДНЯО отсутствует единство, неядерные государства демонстрируют неприятие привилегированного положения «ядерной пятерки», и все они вместе критикуют ядерную политику России и США. Мир более не разделен на два враждебных лагеря под управлением великих держав, а готовность последних нести ответственность за безопасность союзников и партнеров снижается. Поэтому все больше неприсоединившихся государств стремятся к самообеспечению в целях обороны, безопасности и престижа, для чего освоение атомной энергетики и связанный с ней технический потенциал создания ядерного оружия выглядит как привлекательная опция. Все это создавало растущие препятствия для укрепления режима ядерного нераспространения после серии выдающихся успехов начала и середины 1990-х годов.

К концу первого десятилетия нового века произошло соединение обоих макрополитических факторов, подрывающих контроль над ЯО. Мир остается полицентрическим, контроль над ядерным оружием не вернулся на авансцену международной безопасности. Вместе с тем свертывание сотрудничества великих держав элиминировали политический стимул, который способствовал переговорам и соглашениям в 1990-е годы и в короткий период «перезагрузки» 2009–2011 гг.

Еще до украинского кризиса акцент на роли ядерного оружия как абсолютной гарантии безопасности России был резко повышен. В своей программной статье перед выборами 2012 г. В. Путин подчеркивал: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять... До тех пор, пока “порох” стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается “сухим”, никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию» [6]. В соответствии с этим была обнародована внушительная (по меркам периода после холодной войны) программа перевооружения всех трех видов стратегических ядерных сил (в том числе развертывание 400 баллистических ракет и 8 атомных стратегических подводных лодок), а также оперативно-тактических систем (типа «Искандер») [6].

Безусловно, в кампании о военной угрозе, в резком повышении военных расходов для наращивания оборонной мощи России, как и во всей ее последующей внешней политике, большую роль играли внутренние факторы. Сюда относятся: восприятие Запада в качестве угрозы российской политической системе (опасность «цветных революций») и ее сфере влияния на постсоветском пространстве, стремление консолидировать общество на основе «традиционных ценностей», путем поворота с «Европейского» на «Евразийский» курс развития.

Эта тема выходит далеко за рамки настоящей статьи, хотя она оказывает заметное влияние на текущую эволюцию миропорядка, сложившегося после холодной войны [7, 8]. Отметим лишь, что внутренние факторы, в свою очередь, создавали негативный фон для поиска компромиссов на переговорах с США

(и Западом в целом) по контролю над ядерными вооружениями. Вообще, после 2010 г. контроль над вооружениями становился в России крайне непопулярной темой, а прежние соглашения все чаще объявлялись чуть ли не «национальным предательством» [9, 10, 11].

В официальной риторике США упор на ядерное сдерживание был меньше (больше – на неядерные оборонительные и наступательные системы), но и там не собирались от него отказываться. Как гласила американская доктрина от 2010 г., «фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров» [12].

Украинская драма довела напряженность до уровня, который еще недавно казался немыслимым. Впервые за многие десятилетия сценарии вооруженного конфликта между Россией и НАТО вновь стали политической реальностью, возобновилось наращивание военной мощи по линиям противостояния России–НАТО, началась регулярная демонстрация силы (включая полеты стратегических бомбардировщиков и пуски ракет). Даже намеки на возможность применения ядерного оружия вернулись в обиход публичных высказываний государственных руководителей. В августе 2014 г. в одном из интервью в разгар украинского кризиса президент России заявил: «Наши партнеры, независимо от ситуации в их странах или их внешней политики, должны всегда иметь в виду, что с Россией лучше не связываться. Я напомню, что Россия является одной из крупнейших ядерных держав. Это не просто слова, это реальность и, более того, мы укрепляем наш потенциал ядерного сдерживания» [13].

Эту тему с энтузиазмом подхватили должностные лица более низких уровней и независимые специалисты, стремясь дополнить официальную Военную доктрину РФ предложениями о прямом применении ядерного оружия в локальных столкновениях, а также в качестве средства «превентивных ударов», «демонстрации решимости» и в целях «деэскалации конфликта» [14, 15].

Президент Соединенных Штатов, начиная с лета 2013 г. и уже окончательно – в условиях украинских событий, отбросил идею о ядерном разоружении и снял с повестки дня вопрос о следующем договоре СНВ. Высокие представители администрации стали всерьез заявлять о необходимости готовиться к вооруженному конфликту с обновленной российской армией [16].

В этой связи не лишне напомнить, что после Карибского кризиса 1962 г. советские и американские лидеры исключительно осторожно относились к любым словам (и тем более делам), касающимся ядерного оружия. Нынешнее поколение политиков в обеих странах не имеет «корпоративного опыта» опасных кризисов под ядерным дамокловым мечем на протяжении десятилетий холодной войны. А стратегические теоретики изобретают «оригинальные» идеи, не подозревая, что они десятилетиями обсуждались в прошлом и были отвергнуты ввиду своей несостоятельности и опасности. Хотя новая фаза международной напряженности возродила вероятность вооруженного конфликта (вместе с угрозой ядерной эскалации) между Россией и НАТО, это не вернуло в центр

внимания ограничение и сокращение ЯО как средства предотвращения такой опасности. Помимо все еще продолжающегося выполнения нового Договора СНВ, процесс ядерного разоружения оказался полностью заблокирован.

Конфронтация неотвратимо отразилась и на многосторонних усилиях по укреплению режима нераспространения ЯО. Раскол и взаимные санкции между государствами группы «5+1» и дальневосточной «пятерки» (Россия, США, КНР, Япония, Южная Корея) повлекли срыв заключения всеобъемлющего соглашения с Ираном⁵ и усугубили тупик на переговорах с КНДР по их ядерным программам. Ни одно из решений Заключительного документа Конференции по рассмотрению ДНЯО от 2010 г. не было выполнено в преддверии следующей такой Конференции, намеченной на 2015 г.

Мирное урегулирование украинской проблемы в перспективе могло бы создать более благоприятный политический климат для контроля над ядерными вооружениями. Однако само по себе это не решит другие вопросы объективного и долгосрочного порядка, которые в настоящее время усугубляют кризис в этой области международной безопасности.

Военная техника и геостратегия

Причиной того, что в течение последних двадцати лет договоры по сокращению стратегических вооружений между Россией и США все более маргинально снижали уровни ядерного баланса сторон, связанные не только с меняющимся миропорядком. Это объясняется также тем, что по мере сокращения избыточных ядерных потенциалов холодной войны на стратегические взаимоотношения сторон все сильнее влияли факторы, стоящие вне баланса СЯС, без учета которых становилось труднее сокращать наступательные ядерные вооружения большой дальности.

Изначально, на пороге 1970-х годов, переговоры по этой проблеме после долгих споров было решено основывать на ряде гласно и негласно принятых условий и оговорок. Среди них: отказ от учета ядерных сил третьих государств и нестратегических (оперативно-тактических) ядерных вооружений сторон, жесткое ограничение систем ПРО, вывод за скобки переговоров систем большой дальности в обычном оснащении (которых тогда не было). Ни одно из этих условий больше не принимается или Москвой, или Вашингтоном.

Соединенные Штаты выдвинули предложение об ограничении нестратегических вооружений при разработке следующего договора по СНВ. Это обосновывается озабоченностью их союзников в Европе и на Дальнем Востоке, которые находятся в пределах досягаемости российских ядерных средств такого класса. Россия (как до нее СССР) никогда не понимала и не признавала амери-

⁵ Соглашение с Ираном все-таки было достигнуто в виде Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 г., но США вышли из него в 2018 г. и стали принуждать к тому же своих союзников.

канской чувствительности к тревогам союзников и считает тактические ядерные системы передового базирования США просто дополнением их СЯС, способным наносить удары по российской территории. Поэтому Москва требует в качестве предварительного условия вывести такие американские вооружения (порядка 200 авиабомб) из Европы.

Специфика нестратегических ядерных средств не позволяет огульно свалить их в одну «корзину» со стратегическими вооружениями, как предлагает Вашингтон. Тактические системы ориентированы на разные геостратегические азимуты (т.е. не только друг на друга), используют носители двойного назначения и в мирное время размещаются не на носителях, а в специальных хранилищах. Они являются самой сложной отдельной темой контроля над вооружениями [17], и данный вопрос в настоящее время тоже загнан в глубокий тупик.

Со своей стороны, Россия ставит условие подключения третьих ядерных государств для дальнейшего продвижения в сокращении ЯО двух ведущих держав. На встрече с экспертами в г. Саров в 2012 г. (в которой довелось участвовать автору настоящей статьи) Путин заявил: «Мы не будем разоружаться в одностороннем порядке. Во-первых, что касается дальнейших шагов в сфере ядерного вооружения, дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер, и в ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы. Мы не можем бесконечно разоружаться на фоне того, что какие-то другие ядерные державы вооружаются. Исключено!» [18] Эта тема еще более сложна, она частично была затронута выше⁶.

Другие аспекты военно-технического развития ставят дополнительные препятствия на пути разоружения. Соединенные Штаты развертывают глобальную систему ПРО с региональными сегментами в Евроатлантике и на Тихом океане. Вопреки всем предложениям России, они отказались ее ограничивать либо путем создания совместной системы, либо через принятие юридически обязывающих условий ненаправленности ПРО друг на друга. Начиная с 2011 г. Россия приступила к строительству собственной Воздушно-космической обороны (ВКО) в составе систем ПРО, противовоздушной и противокосмической обороны «в единой связке», как сказал президент Путин на заседании коллегии Министерства обороны [19].

Еще одной важнейшей военно-технической тенденцией, где лидером тоже выступают США, является развитие высокоточных ударных ракет большой дальности в неядерном оснащении, опирающихся на новейшие системы управления и информационного обеспечения, в том числе космического базирования. В обозримой перспективе вероятно создание частично-орбитальных и гиперзвуковых ракетно-планирующих средств с обычными боеголовками.

В новом издании Военной доктрины РФ, принятой в конце 2014 г., на четвертом месте в списке военных опасностей для России (после расширения НАТО,

⁶ В 2019 г. Россия изменила свою позицию и поддержала отказ КНР присоединиться к процессу ограничения ядерных вооружений.

глобальной и региональной дестабилизации и наращивания иностранных военных группировок вокруг РФ) стоит «г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции “глобального удара”, намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия» [20]. Пафос обеспокоенности очевиден, несмотря на недостаточную для столь профессионального текста отточенность изложения («создание и развертывание» – тавтология, а «реализация» концепции «глобального удара» как раз и предусматривает «развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия»).

В России, вслед за Соединенными Штатами, такие разработки тоже ведутся. В Доктрине 2014 г. среди основных задач Вооруженных сил РФ в мирное время впервые упомянуто «стратегическое (ядерное и **неядерное**) (выделено мной. – *Авт.*) сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов» [20]. Вместе с тем следует отметить, что вопреки предложениям сторонников ответственных ядерных концепций, новое издание Доктрины воспроизвело без изменений прежнюю, вполне разумную и сдержанную формулировку в части применения ЯО: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [20].

В цитированной выше валдайской речи от 2014 г. президент Путин следующим образом раскрыл причины озабоченности Москвы по поводу новых систем оружия: «Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получат явное военное преимущество. Будет сломан стратегический паритет, а это чревато дестабилизацией. Возникает соблазн использования так называемого первого глобального обезоруживающего удара. Словом, риски не снижаются, а возрастают» [1].

Как показано в исследованиях многих российских специалистов, угрозы прогнозируемых на обозримое будущее американских высокоточных ударных средств большой дальности и систем ПРО чрезмерно преувеличиваются, особенно в части их возможностей по нанесению разоружающего удара по стратегическим силам и по отражению ответного удара РФ [21, 22]. Возможно, в этом Россия повторяет опыт СССР, когда в начале 1980-х годов там непомерно экспонировали угрозы СОИ («Звездных войн») и размещения американских ядерных ракет средней дальности в Европе. Ни та, ни другая впоследствии не материализовались, первая – ввиду технических неудач и сокращения ассигнований в США, а вторая – благодаря Договору РСМД от 1987 г. Но на ответные меры Советский Союз потратил немалые средства, которые могли бы быть

с большей пользой адресованы другим военным или внутренним нуждам. Возможно также, что столь обостренное восприятие угрозы обусловлено внутриполитическими мотивами, упомянутыми выше.

Даже если бы с улучшением политического климата две державы нашли способ адаптировать концепцию стабильности к более широкому развертыванию систем ПРО и регламентировать высокоточные наступательные средства путем договорных ограничений и мер доверия – дело серьезно осложнялось бы распространением таких технологий среди третьих стран.

Экономика, технологии и нераспространение

Если в прошлом создание систем ПРО было монополией США и СССР/России, то теперь национальные и международные программы ПРО развиваются в рамках НАТО, в Израиле, Китае, Индии, Японии, Южной Корее. Эта тенденция, несомненно, является крупнейшим долгосрочным направлением мирового военно-технического развития, поскольку идет быстрое распространение наступательных ракет и ракетных технологий, создающих «запрос» на системы ПРО, ПВО и противокосмической обороны (ПКО), стирая при этом традиционные разграничения между ними. Баллистические и крылатые ракеты средней и межконтинентальной дальности интенсивно развиваются или уже есть в Иране, Саудовской Аравии, Израиле, Пакистане, Индии, КНР, Северной Корее, причем в последних пяти случаях – наряду с наличием ядерного оружия.

То же относится к высокоточным обычным вооружениям большой дальности, развитие которых имеет место не только в США и России, но также в КНР (причем с опережением), Израиле, Индии, за которыми, вероятно, последуют другие страны. Поэтому ограничение таких систем на двусторонней российско-американской основе, видимо, встретит серьезные возражения в обеих странах.

Очевидно, что распространение ракетных технологий выглядит тем более опасным, что сочетается с распространением ядерных материалов и производств. В обозримый период с учетом климатических изменений и ожидаемого дефицита углеводородного сырья прогнозируется значительный абсолютный подъем атомной энергетики⁷. Причем самый большой рост будет в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во многих нестабильных районах мира. Это сопровождается размытием грани между «военным» и «мирным атомом», прежде всего через технологии ядерного топливного цикла. Нынешнее снижение мировых цен на углеводороды может несколько замедлить намеченные темпы наращивания мощностей атомной энергетики, но в корне не изменит тенденцию. Это ставит под угрозу режим и институты нераспространения ядерного оружия,

⁷ Всего в мире (по данным на январь 2013 г.) эксплуатируются 435 энергетических реакторов, строятся – 65, запланировано – 167, предложены проекты – 317.

тем более что многие его нормы требуют, но не получают адаптации к новым условиям.

Регламентация таких вопросов требует консенсуса всех 189 стран – членов ДНЯО, на что сейчас трудно рассчитывать. Очевидно, что возможность эффективных мер укрепления Договора еще более подорвана в условиях конфронтации России и Запада, как ведущих субъектов политики нераспространения.

Ко всему, ядерное оружие утрачивает свой статусный характер, все более превращаясь из атрибута великих держав в «оружие бедных» против превосходящих обычных сил противников. Это значит, что будет расти угроза его боевого или случайного применения в локальных войнах, в которую могут быть втянуты великие державы. Наконец, именно через распространение критических материалов в нестабильных или радикальных странах может материализоваться угроза приобретения ядерных взрывных устройств террористическими организациями.

* * *

Очевидно, что контроль над ядерным оружием вступил в стадию самого остального и всеобъемлющего кризиса за свою полувековую историю. Весьма вероятно, что этот кризис повлечет распад существующей системы договоров и режимов. Тогда неизбежны новые циклы гонки вооружений, а применение ядерного оружия как случайно, так и в военных целях или террористических актах станет в обозримом будущем намного вероятнее – с катастрофическими гуманитарными, материальными и моральными последствиями для нынешней цивилизации.

«Конца истории» контроля над ядерным оружием можно избежать лишь при условии восстановления политического единства ведущих держав и союзов мира и осознания ответственности их лидерами. В своей валдайской речи в 2014 г. президент Путин, по контрасту с высказываниями последних лет, заявил: «Мы настаиваем на продолжении переговоров, мы не просто за переговоры – мы настаиваем на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов. Чем меньше ядерного оружия в мире, тем лучше. И готовы к самому серьезному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения, но именно к серьезному – как говорится, без двойных стандартов» [1]. К сожалению, после этих слов со стороны России никаких новых конкретных предложений пока не последовало.

Тем не менее, как представляется, для всех рассмотренных выше технических и военных проблем при достаточной доброй воле политиков и творческом подходе специалистов можно найти решения. В случае деэскалации текущего кризиса отношений России и Запада следовало бы начать с расплетения тугого узла военных и технических вопросов, который заблокировал всякую возможность позитивного продвижения. По опыту начала 1980-х годов, тупик на переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) сохранялся до тех пор, пока проблемы ракет средней дальности, стратегических вооружений и космо-

са (ПРО космического базирования) не были разделены в качестве предметов переговоров. После этого удалось достичь Договоров РСМД, СНВ-1, а от космической ПРО США отказались сами – нет ее и поныне, четверть века спустя, не предвидится и в обозримом будущем.

По этому примеру можно было бы отдельно решать вопросы дальнейшего сокращения СЯС России и США, регламентации новых систем ПРО обеих стран, раздельно обсуждать меры в отношении существующих и будущих высокоточных обычных систем большой дальности. Параллельно – начать переговоры по нестратегическим ядерным вооружениям, инициировать адекватные форумы и методы подключения к процессу третьих ядерных государств. Понятно, что политически эти темы были бы взаимосвязаны, прогресс на одних направлениях способствовал бы решению других вопросов. Все эти проблемы требуют специального исследования, но по ним уже есть разработки, ждущие востребованности со стороны руководителей ведущих держав.

Гораздо труднее повлиять на складывающийся новый миропорядок, особенно в тех его аспектах, которые ослабляют международную безопасность и препятствуют контролю над вооружениями. Наибольшую тревогу вызывает нынешнее международное положение России, которая вступила в серьезный экономический кризис, имея при этом острое военно-политическое и санкционно-экономическое противостояние на западе, крайне нестабильную ситуацию на юге и неравноправное партнерство на востоке.

Несмотря на все ошибки и провалы своего внешнеполитического курса США, к сожалению, все еще имеют самый большой экономический и военный потенциал в мире и пользуются намного более широкой поддержкой союзников, чем Россия. При всей ценности сотрудничества РФ со странами ШОС и БРИКС, эти объединения не являются военно-политическими альянсами, и по самым острым вопросам (как недавно Крым и конфликт на юго-востоке Украины) российские партнеры заняли нейтральную, равноудаленную позицию. Даже среди полновесных союзников по ОДКБ Москву однозначно поддержало меньшинство. К тому же все страны-партнеры не способны дать России самое важное: крупные инвестиции и высокие технологии, они скорее являются в этом ее соперниками.

Наряду со справедливой критикой в адрес США и всего Запада, эти реальности еще ждут объективного анализа и соответствующих выводов в высоких российских инстанциях. Без этого вряд ли можно создать новый безопасный миропорядок и укрепить режим и процесс контроля над ядерным оружием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://news.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 19.01.2015).
2. *Иванов В.* Америке не нужен мощный «ядерный забор». URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-12-19/10_nuclear.html?auth_service_error=1&id_user=Y (дата обращения: 19.01.2015).
3. Договор по РСМД не может действовать бесконечно, заявил Иванов. URL: http://ria.ru/defense_safety/20130621/945019919.html (дата обращения: 19.01.2015).
4. *Брезкун С.* Договоры должны соблюдаться, но – лишь с добросовестным партнером. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-08-22/4_dogovor.html (дата обращения: 19.01.2015).
5. Договор о нераспространении ядерного оружия URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 19.01.2015).
6. *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 19.01.2015).
7. *Арбатов А.* Смена приоритетов для выхода из стратегического тупика // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 3–17.
8. *Arbatov A.* Collapse of the World Order? The Emergence of a Polycentric World and Its Challenges. Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Collapse-of-the-World-Order-16987> (accessed 19 January 2015).
9. *Брезкун С.* На смену «Пионерам» могут и должны прийти «Топольки». URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-11-22/1_pioneers.html (дата обращения: 19.01.2015).
10. *Лата В., Вильданов М.* Пятнадцать лет уступок и компромиссов. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2007-06-01/7_dogovor.html (дата обращения: 19.01.2015).
11. *Широкорад А.* Так какое оружие мы будем иметь к 2020 году? URL: http://www.ng.ru/armies/2014-07-24/3_kartblansh.html (дата обращения: 19.01.2015).
12. Nuclear Posture Review Report: 2010. Available at: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf> (accessed 19 January 2015).
13. Зарубежные СМИ: Путин угрожает Западу ядерным оружием. URL: <http://therussianetimes.com/news/12416.html> (дата обращения: 19.01.2015).
14. *Бойцов М.* Терминология в военной доктрине. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-31/10_doctrina.html (дата обращения: 19.01.2015).
15. *Сивков К.* Право на удар. URL: <http://vpk-news.ru/articles/19370> (accessed 19 January 2015).
16. *Marshall T.C., Jr. Hagel Praises Army's Strength, Resilience.* Available at: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=123425> (accessed 19 January 2015).
17. *Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N.* (eds.) Nuclear Reset: Arms Reduction and Nonproliferation. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2012. P. 204–218.
18. Prime Minister Vladimir Putin Meets with Experts in Sarov to Discuss Global Threats to National Security, Strengthening Russia's Defences and Enhancing the Combat

Readiness of its Armed Forces. Available at: <http://archive.premier.gov.ru/eng/events/news/18248/> (accessed 19 January 2015).

19. Expanded meeting of the Defence Ministry Board. Available at: <http://eng.kremlin.ru/transcripts/23410> (accessed 19 January 2015).

20. Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).

21. *Arbatov A., Dvorkin V.* (eds.) Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons, Treaties. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2009. P. 85–103.

22. *Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N.* (eds.) Missile Defense: Confrontation and Cooperation. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2013. P. 183–225.

ДОГОВОР О РАКЕТАХ СРЕДНЕЙ ДАЛЬНОСТИ – ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ*

Положение дел в связи с Договором США и СССР о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (ДРСМД), подписанным в 1987 г. и унаследованным Россией, – одно из самых острых проявлений происходящего глубокого кризиса глобальной системы контроля над ядерным оружием.

Вот уже несколько лет Москва и Вашингтон официально обмениваются обвинениями в нарушении этого основополагающего Договора. Впрочем, отношение к нему двух сторон не симметрично. В США не ставится под сомнение ценность этого соглашения, хотя по объективным причинам оно не является для них приоритетом, поскольку, ввиду недостижимости до их территории запрещенных ракет, непосредственно не касается безопасности Соединенных Штатов, а лишь устраниет угрозу их союзникам в Европе и Азии.

В России полезность ДРСМД в течение последнего десятилетия регулярно скептически оценивалась ее высшим государственным руководством¹ и прямо отвергалась большинством политической элиты, профессионального стратегического сообщества², электронных и печатных СМИ. В высшей степени показательно официальное отношение к Договору выразилось в том, что в последнем издании «Концепции внешней политики» от 2016 г. он даже не упомянут в числе перечня соглашений по контролю над вооружениями, которым привержена Россия³.

Администрация Дональда Трампа, от которой в Москве ожидали шагов к улучшению отношений с Россией, пока не сделала в этом направлении сколько-нибудь существенных шагов. В то же время, представители нового руководства вскоре после прихода к власти воспроизвели жесткие обвинения РФ в нарушении

* Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 5–15.

¹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен // Интернет-представительство Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_typeb63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml. См.: Литовкин Д. Адекватный «Искандер» // Известия. 21 февраля 2007 г.

² См., например: Широкорад А. Вернуться – не обернуться // НВО. 12–18 июля 2013 г. № 24; Караганов С. О новом ядерном мире // Россия в глобальной политике. Март – апрель. 2017. № 2. С. 8.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). Раздел 27. 1 December, 2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/

ДРСМД. Москва не осталась в долгу и в марте заявила о «грубейшем нарушении» Договора со стороны США⁴.

Эффект домино

Если в ближайшем будущем стороны не примут мер для спасения ДРСМД, то, скорее всего, он будет денонсирован Вашингтоном или Москвой под предлогом его нарушения другой стороной⁵. Помимо непосредственного ущерба российской безопасности (о чем подробнее ниже), это событие может повлечь «цепную реакцию» распада всей системы контроля над ядерным оружием. Эта система в течение прошедшего полувека с лишним, начиная с Договора о частичном запрещении ядерных испытаний от 1963 г., создавалась упорным трудом государственных лидеров и политиков, дипломатов и военных, ученых и инженеров, общественных деятелей и массовых движений многих стран мира. При этом ДРСМД стал краеугольным камнем процесса реального ядерного разоружения, начавшегося с его подписания тридцать лет назад. Если Договор рухнет, то вслед за ним в «корзину истории», вероятно, последует новый Договор СНВ (от 2010 г.), затем – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ⁶ от 1996 г.). А потом развалится де-факто, если не де-юре, и Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО от 1968 г.).

Мир окажется в состоянии новой гонки наступательных ядерных вооружений, которая будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным стратегическим системам в неядерном оснащении, а также развитием космического оружия и средств кибервойны. К тому же, эта многоканальная гонка вооружений станет многосторонней, вовлекая, помимо США и РФ, также КНР, страны НАТО, Индию и Пакистан, Израиль и Северную Корею. Неизбежное в таком случае распространение ядерного оружия будет происходить, главным образом, рядом с российскими границами (Иран, Турция, Египет, Саудовская Аравия, Южная Корея, Япония).

Поскольку сотрудничество России и США по сохранности и безопасности ядерных материалов и технологий в последние годы полностью прекращено, ядерное оружие неизбежно рано или поздно попадет в руки террористов. Россия – с недавнего времени лидер в борьбе с международным терроризмом – может стать одним из первых объектов их мщения, тем более в свете уязвимости ее геополитического положения и проницаемости южных границ.

⁴ Комментарий МИД Российской Федерации в связи с опубликованием очередного доклада Государственного департамента США о соблюдении государствами соглашений в области контроля над вооружениями и нераспространения // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 29.04.2017. URL: http://www.mid.ru/web/guest/komentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2740264

⁵ Как известно, это и произошло в августе 2019 г.

⁶ Этот Договор подписан, де-факто соблюдается и контролируется, но не вступил в законную силу, поскольку США и вслед за ними ряд других держав его до сих пор не ратифицировали.

Такая перспектива, несомненно, вызвала бы самую острую озабоченность и активные меры противодействия социалистического Советского Союза. Поразительно, что отмеченные предсказуемые опасности, похоже, совершенно не беспокоят современную «встающую с колен» государственно-капиталистическую Россию. Судя по всему, такое будущее нисколько не тревожит и пришедшую к власти в США республиканскую администрацию с ее обширными планами обновления американского ядерного арсенала, противоракетных систем и высокоточных неядерных вооружений большой дальности.

Из истории Договора РСМД

Исторически этот Договор уходит истоками в развертывание в начале 1980-х годов на территории ряда европейских государств — членов НАТО американских баллистических ракет средней дальности (РСД типа «Першинг-2» дальностью до 1800 км) и крылатых ракет наземного базирования (КРНБ) дальностью до 2500 км) с ядерными боевыми частями. Этот шаг США обосновывался как ответ на развертывание с конца 1970-х годов советских баллистических ракет средней дальности типа РСД-10 (SS-20 по западной классификации) с разделяющимися головными частями (РГЧ). Советские ракеты не могли достичь до США, а американские РСД могли наносить удары вглубь советской территории: системы «Першинг-2» на максимальной дальности достигали Московской области, а КРНБ — почти до Урала.

В силу указанной геостратегической асимметрии Москва была крайне заинтересована в запрещении этих ракет договором. Ракеты «Першинг-2» имели высокую точность, короткое подлетное время (6–7 мин) и были способны поражать высокозащищенные подземные командные пункты руководства страны. Поэтому СССР настаивал не на количественном ограничении, а на ликвидации всех американских ракет. В итоге Советскому Союзу пришлось согласиться с ликвидацией и всех своих вооружений сравнимого класса, причем в глобальном масштабе (это называлось «двойной глобальный ноль»).

Таких средств у СССР, вопреки предшествовавшим утверждениям Минобороны о наличии паритета, оказалось намного больше. Поэтому по Договору было ликвидировано в два с лишним раза больше советских ракет, чем американских (соответственно 1846 и 846 единицы)⁷, и примерно втрое больше ядерных боеголовок на таких носителях. Этой арифметикой до сих пор возмущаются многие российские эксперты в погонах и без. Но по стратегической высшей математике СССР остался в качественном выигрыше: ведь для него был устранен,

⁷ В то же время по развернутым ракетам сокращение было почти равным: для США 442 единицы, а для СССР — 465, остальные советские ракеты хранились на складах. При этом в Европе были развернуты 442 американские ракеты (которые вызывали наибольшую озабоченность как угроза обезглавливающего удара по СССР) и в полтора раза меньше советских — 303 единицы. (Гриневский О. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М.: Олимпия, 2004. С. 28.)

по сути, элемент стратегической ядерной угрозы. А непосредственно для американской территории Договор никаких угроз не отменил.

В итоге трудных, с перерывами, пятилетних переговоров был достигнут бессрочный Договор РСМД о полной ликвидации двух классов наземных баллистических и крылатых ракет СССР и США в глобальном масштабе. Он был оснащен беспрецедентным режимом контроля за испытаниями, производством, развертыванием, транспортировкой и ликвидацией запрещенных ядерных вооружений.

Мотивы выхода из Договора

Договор был полностью выполнен в намеченные сроки и остается в силе (система контроля завершилась в 2001 г.). Но двадцать лет спустя, в 2006–2007 гг. российские политические, военные руководители и эксперты заговорили о возможном выходе из него. Тогда этот шаг не был сделан, но после нескольких лет затишья в 2013 г. тема вновь зазвучала на весьма высоком уровне и продолжает интенсивно обсуждаться в настоящее время.

Выход из Договора действительно допускается по статье XV.2 с уведомлением за шесть месяцев в случае, если одна из сторон решит, «что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее высшие интересы». Однако, как ни странно, в столь важном вопросе, как определение этих «исключительных обстоятельств», российская позиция содержит явные разнотечения.

Президент Владимир Путин в своей мюнхенской речи в феврале 2007 г. указал на создание ракет средней дальности рядом третьих стран, тогда как только России и США было запрещено иметь системы этого класса⁸. О том же несколько раз говорил министр обороны того времени Сергей Иванов, который после 2012 г. поднял вопрос выхода из Договора уже в качестве главы администрации президента. То есть, на их взгляд, в этом вопросе США и Россия вроде бы «товарищи по несчастью», хотя американской территории такие ракеты не угрожают.

Однако в том же 2007 г. начальник Генштаба того времени генерал армии Юрий Балуевский мотивировал возможный выход России из ДРСМД планами США развернуть к 2012 г. объекты ПРО в Польше и Чехии⁹. В такой трактовке РСД были нужны России не для сдерживания третьих стран, а именно против США и НАТО.

Потом пришла администрация Барака Обамы и в 2009 г. отменила программу республиканских предшественников, заменив ее «Европейским поэтапным

⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен // Интернет-представительство Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

⁹ См.: Литовкин Д. Адекватный «Искандер» // Известия. 21 февраля 2007 г.; Сафранчук И. Путаница военно-дипломатических азимутов // Независимая газета. 26 февраля 2007 г. С. 3.

адаптивным планом» (ЕПАП) развертывания ПРО. А в 2013 г. Обама отменил четвертый этап названной программы, вызывавший наибольшее беспокойство России¹⁰.

Однако в Москве эту уступку сочли недостаточной. Задача противодействия американской ПРО и поныне выдвигается как еще один довод в пользу создания российских ракет средней дальности и отказа от Договора. В частности, обсуждались варианты развертывания наземных оперативно-тактических комплексов «Искандер» с крылатыми ракетами повышенной дальности (свыше 500 км)¹¹.

Еще на экспертном уровне это обосновывается необходимостью противодействия американским авиационным и морским крылатым ракетам¹². Наконец, к выходу из Договора в качестве ответного шага подводят доводы о технических нарушениях ДРСМД со стороны США, которые используют частично сходные ракеты в качестве мишней для испытания систем ПРО¹³.

Таким образом, в обоснование столь серьезного шага выдвигается целый ряд совершенно не связанных между собой резонов. Невольно возникает подозрение, что на самом деле все это – не причины, а предлоги, призванные оправдать денонсацию Договора по мотивам иного порядка, о которых можно лишь строить догадки. Тем не менее ради чистоты анализа рассмотрим упомянутые аргументы.

Угроза третьих стран

В настоящее время семь государств обладают наземными баллистическими ракетами средней дальности (по классификации Договора РСМД это дальность 1000–5500 км): Китай, Индия, Израиль, КНДР, Пакистан, Иран и Саудовская Аравия. Великобритания и Франция их не имеют. Также Договор запрещает ракеты оперативно-тактической дальности (500–1000 км), которыми, помимо упомянутой семерки, обладают Египет, Сирия, Ливия, Йемен, Турция, Южная Корея, раньше к этой категории относились Бразилия, Аргентина, ЮАР, Ирак¹⁴. Исходя из географии, вся семерка государств с РСД находится в пределах досягаемости до российской территории (в том числе КНР, Индия, Израиль, Пакистан – с ракетами в ядерном оснащении), а некоторые из них (КНР, КНДР) способны достичь окраин РФ и ракетами меньшей дальности.

¹⁰ На четвертом этапе предполагалось развернуть «продвинутую» модификацию ракет-перехватчиков «Стандарт» – СМ-3 Блок IIБ (SM-3 Block IIB) повышенной скорости и дальности действия на кораблях и наземных базах в Восточной Европе, что теоретически могло создать относительно большие возможности перехвата российских межконтинентальных ракет.

¹¹ Котинок Ю. Россия устроит из ПРО решето. URL: <http://www.utro.ru/article/2007/06/04/652965.shtml>; Мясников В. Полный назад // Независимое военное обозрение. 23 ноября 2007 г.

¹² Широкорад А. Вернуться – не обернуться // НВО. 12–18 июля 2013 г. № 24.

¹³ Вильданов М. Чем кумушек считать трудиться... // НВО. 19–25 июля 2013 г. № 25.

¹⁴ См.: Мизин В. Ракеты и ракетные технологии / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). Ядерное оружие после «холодной войны». Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2006. С. 274–277.

В 2007 г. Россия и США вместе выступили в ООН с инициативой придания Договору универсального характера через присоединение к нему третьих стран-обладателей РСД. Как и следовало предполагать, это предложение было воспринято как сугубо пропагандистская акция и единодушно отвергнуто государствами-адресатами. Действительно, на тот момент доля указанных стран в глобальном ядерном арсенале составляла порядка 4% по числу боезарядов, а ликвидация их РСД снизила бы эту долю до 3%¹⁵ и при этом лишила бы их преобладающей части ядерного потенциала, оставив в неприкосновенности стратегические и тактические ракетно-ядерные арсеналы двух сверхдержав (с дальностью меньше 500 км и больше 5500 км¹⁶), не говоря уже об их тяжелых бомбардировщиках.

Раз инициатива в ООН не прошла, создание Россией ракет средней дальности (и выход из ДРСМД) может показаться вполне оправданным в качестве ответа на отмеченную угрозу. Однако при всей привлекательной простоте этот механистический подход не выдерживает серьезного стратегического анализа.

Начать с того, что далеко не все государства-обладатели этого класса оружия предназначают его против России. Китай – российский стратегический партнер и, в отличие от США, ни в каких официальных документах России не обозначается как потенциальная угроза и объект ее стратегии сдерживания. Тем более это относится к Индии, которая ориентирует свои ракеты на сдерживание КНР и Пакистана, но никак не России. Пакистан предназначает свои РСД исключительно против Индии, а Израиль – против Ирана и врагов в арабском мире. КНДР пытается угрожать ракетами базам США и их союзникам в лице Южной Кореи и Японии. Саудовская Аравия и Иран пока не имеют ядерного оружия, но направляют ракеты друг на друга и на Израиль.

Нередко говорят, что политические намерения могут измениться (чаще всего имея в виду Китай, а иногда также Пакистан, Иран, КНДР), а ракеты останутся. Это справедливо, однако едва ли можно предположить, что указанные страны станут союзниками США и вместе с ними будут угрожать России. А это значит, что того потенциала, который есть у России для сдерживания США, с лихвой достаточно для сдерживания всех третьих стран по отдельности и вместе взятых.

Идея вступления России в соревнование со всеми такими странами по ракетам средней и меньшей дальности выглядит совершенно надуманной и крайне затратной. Для блокирования вероятных угроз третьих стран у России вполне достаточно имеющихся ныне средств. Среди них межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), которые могут наносить удары по укороченным траекториям на среднюю дальность; средние и тяжелые бомбардировщики с бомбами и крылатыми ракетами в ядерном и обычном оснащении. Против некоторых близко

¹⁵ См.: Ежегодник СИПРИ 2006. Совместное издание СИПРИ и ИМЭМО РАН. М., 2007. С. 654–688.

¹⁶ Стратегическими баллистическими ракетами подводных лодок считаются системы с дальностью более 600 км.

расположенных государств может быть использована ударная фронтовая авиация с ядерными бомбами, наземные оперативно-тактические системы, ракетное оружие кораблей и подводных лодок с ядерными и обычными боезарядами.

В общей сложности в настоящее время Россия имеет на вооружении 520 стратегических ракет и бомбардировщиков и более 2000 ядерных боезарядов (по реальному оснащению бомбардировщиков¹⁷), практически все из которых могут быть прицелены (или переприцелены) на объекты в Евразии. Данные по нестратегическим ядерным средствам РФ (авиация средней дальности, самолеты и ракеты оперативно-тактического назначения) засекречены, но неофициальные оценки сходятся к количеству примерно 2000 единиц (по ядерным боезарядам¹⁸), из которых значительная часть тоже может поражать цели в прилегающих к России регионах.

В целом ядерные силы РФ по числу боезарядов в количественном отношении (не говоря уже о качестве систем оружия) примерно в 4–5 раз больше, чем ядерные средства всех остальных семи (помимо США) ядерных государств в сумме. Если всей этой мощи недостаточно, чтобы осуществлять ядерное сдерживание третьих стран, то дополнительное развертывание РСД ценой отказа от Договора не улучшит ситуацию.

Противостояние США

Некоторые эксперты указывают на растущую угрозу со стороны США, прежде всего, в виде широкого развертывания их высокоточных крылатых ракет морского и воздушного базирования в обычном оснащении – общим числом более 7000 единиц. Это опять-таки аргумент для воздействия на эмоции, но не предпосылка стратегического анализа.

Во-первых, использование этих средств для нападения на Россию – ядерную сверхдержаву – было бы чудовищной авантюрой с высочайшим риском ответного ядерного удара, что недвусмысленно предполагает российская Военная доктрина. Ради каких целей США решились бы на подобное безрассудство, причем заведомо связав себе руки отказом от применения ядерных вооружений, неизмеримо более эффективных в качестве средства разоружающего удара? Соединенные Штаты не решаются применить свои тысячи крылатых ракет даже против КНДР, обладающей 19–20 ядерными боеприпасами, но не ракетами, достигающими США. А прежде, несмотря на все грозные заявления, они не пошли на такую операцию против Ирана, вообще не имеющего ядерного оружия и межконтинентальных носителей.

¹⁷ Каждый тяжелый бомбардировщик двух держав может нести до 20 ядерных крылатых ракет или бомб, но по Договору СНВ от 2010 г. каждый из них засчитывается как один носитель и один боезаряд.

¹⁸ Non-Strategic Nuclear Weapons: Problems of the Control and the Reductions. The Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies of Moscow Institute of Physics and Technology. Dolgoprudny, 2004; Сивков К. Разоружен и очень опасен // ВПК. 22–28 марта 2017 г. № 11. С. 1–4.

Во-вторых, если всерьез беспокоиться по поводу морских и авиационных крылатых ракет США, то чем помогут делу новые российские РСД, к созданию которых призывают противники ДРСМД? Такие ракеты бессмысленны против носителей крылатых ракет в виде подводных лодок или тяжелых бомбардировщиков.

Для ударов по надводным ракетным кораблям и авианосцам ВМС США в Черном, Балтийском, Средиземном морях, в Северной Атлантике, Арктике и западной части Тихого океана могут применяться многообразные противокорабельные ракеты берегового, морского и воздушного базирования России¹⁹, а также крылатые ракеты большой дальности типа «Калибр» в обычном и ядерном оснащении (число крылатых ракет, по заявлению министра обороны РФ Сергея Шойгу вырастет в 4 раза к 2021 г.²⁰). Кроме того, для защиты от указанной ракетной угрозы Россия развивает воздушно-космическую оборону (ВКО) стоимостью около 4,6 трлн рублей (80 млрд долл.) – 20 % от всей Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020)²¹.

Ответ на противоракетную оборону

Намеченное в «Европейском поэтапном адаптивном плане» развертывание ПРО – как по количеству планируемых антиракет, так и по дистанции, скоростным и другим техническим характеристикам – очень мало затронет российский потенциал стратегического ядерного сдерживания. Когда утверждают об угрозе системы «Стандарт-3»²², почему-то обходят стороной тот факт, что она никогда не испытывалась по баллистическим ракетам на разгонном участке их траектории, и ее системы сопровождения целей и наведения на перехват²³ не соответствуют такой задаче. Это тем более так после отмены четвертого этапа – размещения перехватчиков типа «Стандарт-3 Блок 2Б» в Польше и на кораблях в северных морях. Систему ПРО для защиты национальной территории – самый жизненно важный элемент обороны – никогда не станут

¹⁹ К ним относятся береговые ракетные системы типа «Утес», «Бастион», «Бал», старые морские ракеты типа «Гранит», «Базальт», новейшие системы «Калибр», сверхзвуковые ракеты «Оникс» и гиперзвуковые ракеты «Цирконий», авиационные противокорабельные ракеты Х-31, Х-35, Х-38, Х-41. См.: Рамм А., Корнев Д. «Циркон»: в пяти Махах от цели // ВПК. 30 марта 2016 г. № 12; Черкасов С. Упакованная тайна // ВПК. 19–25 апреля 2017 г. № 15.

²⁰ Шойгу рассказал, как будет развиваться армия России до 2021 г. Министр обороны открыл своим выступлением курс лекций «Армия и общество» // Комсомольская правда. 12 января 2017 г.

²¹ Каждый пятый рубль – на ВКО // Военно-промышленный курьер. 21 февраля 2012 г.

²² См.: Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) VI Московская Конференция по Международной Безопасности. 26–27 апреля 2017 г. Тезисы брифинга первого заместителя начальника Главного оперативного штаба ВС РФ генерал-лейтенанта Виктора Познихири.

²³ В частности, инфракрасная система самонаведения на цель кинетического ударного блока «Стандарт-3» рассчитана на распознание ядерной боеголовки со слабым тепловым излучением на фоне холодного космоса на дистанции до 200 км, но не на факел разгонных ступеней баллистической ракеты.

развертывать без масштабных летных испытаний. Все непредвзятые оценки показывают, что Европейская ПРО неспособна перехватить российские МБР ни на разгонном участке, ни вдогонку. Кстати, и президент Путин заявлял, что новые ракетные системы РФ могут преодолеть любую ПРО США²⁴. Если Россия выйдет из Договора 1987 г. и создаст новые РСД, то они теоретически могли бы стать объектом перехвата американской ПРО в Европе, но тут все будет определяться соотношением их количеств и технических характеристик. Пока же России нечего предложить НАТО для перехвата противоракетными системами в Румынии и Польше, которые относятся к третьему этапу в 2016–2018 гг.

Посему, выход из Договора РСМД, который позволил бы России создать ракеты средней дальности, не сообразуется и с угрозой, которую она усматривает в Европейской ПРО США/НАТО.

Договор и «большая» политика

Как нередко бывает, именно в силу полной беспочвенности доводов против ДРСМД противостоять им чрезвычайно трудно. Идея невыгодности этого соглашения для России овладела политической элитой и государственными институтами, и с ней сложно бороться на основе рационального стратегического анализа. Нельзя отделаться от впечатления, что в основе огульного отрицания ДРСМД лежат идеологические и политические мотивы. Этот Договор имеет огромное символическое значение, он положил начало серии радикальных соглашений по сокращению стратегического и тактического ядерного оружия, а также обычных вооруженных сил и вооружений. Этот процесс, по существу, прекратил гонку вооружений и ознаменовал конец холодной войны на пороге 1990-х годов.

Но в современной России существует острое неприятие того, каким образом тогда закончилась холодная война, поскольку этот период в массовом сознании ассоциируется с крахом СССР как военно-экономической, политической, идеологической системы и глобальной империи (что Владимир Путин как-то назвал «величайшей геополитической трагедией XX века»). В итоге на десятилетие возник однополярный мир во главе с США, началось наступление НАТО на восток к российским границам и произвольное применением военной силы Запада в Европе (Югославия) и по всему миру.

Отношение правящего класса России к Договору РСМД воплощает в себе неприятие той истории, отрицание договоров по разоружению как средства обеспечения безопасности государства. В то же время это отношение отражает популярность наращивания военной мощи, и в первую очередь ядерного оружия как главного «подъемного рычага» восстановления глобального статуса России и расширения ее геополитического пространства.

²⁴ Речь на церемонии открытия Международного военно-технического форума «Армия-2015». М., 2015. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/49712>

Как ни парадоксально, более всего теперь поддерживает ДРСМД не идея общей безопасности и снижения угрозы войны посредством соглашений по разоружению, а логика конфронтации с США и НАТО. А именно: опасение военных преимуществ, которые последние могли бы обрести в случае денонсации Договора. Также показательно для сложившейся в стране атмосферы, что эти доводы ставят на первый план немногочисленные сторонники Договора в России.

Военно-политические последствия

Вопреки критике ДРСМД, при современном геополитическом положении России он намного важнее для ее безопасности, чем тридцать лет назад. Денонсация ДРСМД и создание ракет средней дальности против США и НАТО основаны на предпосылке об угрожающих намерениях последних. Но тогда, в рамках той же стратегической логики, следует ожидать ответных мер с их стороны. В ответ на развертывание ныне запрещенных Договором российских систем оружия возобновится размещение ракет средней дальности США, причем не в Западной Европе, как раньше, а на передовых рубежах – в Польше, Балтии, Румынии, откуда они смогут простреливать российскую территорию за Урал. В том числе речь может идти о возобновлении программ «Першинг-2» и КРНБ или создании усовершенствованных систем средней дальности и размещении их в Европе, что с восторгом примут отдельные новые члены НАТО.

Это заставит Москву с огромными затратами повышать живучесть ядерных сил и их информационно-управляющей системы. Дело усугубляется экономическим положением России: стагнацией экономики, сокращением федерального бюджета, включая расходы на национальную оборону. Тридцать лет назад СССР был по объему ВВП второй экономической державой мира, при всей специфике его народного хозяйства. А теперь Россия балансирует по этому показателю на границе первой и второй десятки ведущих экономик планеты.

Выход России из Договора РСМД снова сплотил бы НАТО, в том числе по вопросам увеличения военных расходов и координации развития наступательных и оборонительных вооружений, включая значительное расширение системы ПРО.

Далее, Соединенные Штаты, как инициатор развертывания ПРО и тысяч крылатых ракет, останутся за океаном – вне досягаемости российских РСД. Но эти ракеты «накажут» ФРГ, Францию, Италию, заодно с Китаем, Японией и прочими странами, с которыми Россия стремится иметь хорошие отношения. Это был бы уж чересчур «асимметричный» ответ.

Выход Москвы из Договора РСМД переведет стрелки на нее, как на главного противника популярной в мире идеи ядерного разоружения на всех форумах: Генассамблее ООН, саммитах семерки и двадцатки, совещаниях Россия–НАТО и Россия–Евросоюз, ШОС, БРИКС и пр. Едва ли Москву

поддержат и союзники по СНГ и ОДКБ (которые не прекратили вслед за Россией участие в Договоре по обычным вооружениям в Европе – ДОВСЕ в 2007 и 2015 гг.).

Эти потери не удастся восполнить грантами на улучшение имиджа России в мире. Ведь международная общественность помнит и воспринимает Договор 1987 г. как знаковое явление – символ завершающего этапа холодной войны и перехода к реальному ядерному разоружению. Соответственно, отказ от него будет однозначно понят как возврат к конфронтации и гонке вооружений между великими державами.

Это еще больше расшатает Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), поскольку будет воспринято как прямое нарушение обязательства по ядерному разоружению, предусмотренного его Статьей VI. Нетрудно представить реакцию на событие со стороны стран-участников предстоящей в 2020 г. очередной конференции по рассмотрению ДНЯО.

Третий ядерные государства, скорее всего, воспримут такой шаг России как угрозу собственной безопасности и направят часть своих ракетно-ядерных средств против РФ в контексте расширения многосторонней гонки вооружений. Они станут еще упорнее сопротивляться российским предложениям подключиться к процессу ядерного разоружения.

Как спасти Договор

Вместо обмена обвинениями, сторонам следует совместно выработать дополнительные меры проверки, чтобы устранить взаимные подозрения. Разумеется, это возможно, только если в России будет признано ключевое значение Договора в обеспечении собственной безопасности и будут отброшены идеологически мотивированные и недальновидные взгляды на это соглашение.

Москва инкриминирует Вашингтону использование для испытаний системы ПРО в качестве мишеней баллистических ракет типа «Гера», которые являются аналогом баллистических ракет средней дальности. Также Россия считает нарушением американские ударные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) типа «Предатор» и «Репер», с дальностью свыше 500 км.

Самая важная претензия России относится к развертыванию в Румынии в 2016 г. и плану размещения в Польше в 2017 г. американских баз ПРО предположительно с пусковыми установками типа Мк-41, которые используются на кораблях США для запуска не только ракет-перехватчиков типа «Стандарт-3», но и крылатых ракет «Томахок» с дальностью до 2500 км. У России нет возможности по внешним признакам убедиться, что такие пусковые установки не будут способны запускать ракеты «Томахок» и что эти ракеты не будут тайно размещены в пусковых установках ПРО вместо антиракет «Стандарт-3», превращая морские крылатые ракеты в крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ), запрещенные Договором. При этом ДРСМД запрещает не только ракеты, но и пусковые установки крылатых ракет большой дальности (статьи IV, п. 1; V, п. 1;

VI, п. 2). Именно это было официально объявлено в России в 2017 г. «грубейшим нарушением» Договора со стороны США²⁵.

Соединенные Штаты, со своей стороны, предъявляют России претензию по поводу испытаний и предполагаемого развертывания крылатой ракеты наземного базирования типа Р-500 (по западной классификации SS-X-8) на мобильных пусковых установках «Искандер-М» с дальностью, как утверждают в Вашингтоне, свыше 500 км, что запрещено Договором РСМД²⁶. Ранее поднимался также вопрос о межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) типа «Рубеж» (по западной классификации SS-27 Mode 3), которые были испытаны на средней дальности и уже развертываются, как считают в США, в качестве РСД.

При наличии доброй воли сторон эти проблемы соблюдения Договора можно было бы решить сравнительно быстро, создав целевую группу экспертов для выработки дополнительных процедур верификации Договора. Тем самым была бы частично восстановлена изначально образованная для этих целей Специальная контрольная комиссия²⁷, чтобы адаптировать контрольный механизм к быстрому развитию военной техники, которое нельзя было предсказать тридцать лет назад.

Что касается российских претензий, то Договор допускает использование РСД в качестве мишеней для испытаний систем ПРО (ст. VII пп. 3, 11–13). Эти положения просто надо было уточнить применительно к конкретным ракетным средствам, которые обе стороны используют как мишени при испытаниях систем ПРО и, возможно, установить квоты на количество таких ракет и их пусков.

БПЛА большой дальности, действительно, подпадают под определение КРНБ Договором: «Беспилотное, оснащенное собственной двигательной установкой средство, полет которого на большой части его траектории обеспечивается за счет использования аэродинамической подъемной силы», которое «является средством доставки оружия» (ст. II, п. 2). Однако понятно, что беспилотники управляются с земли и возвращаются на базу, будучи аналогом боевых самолетов, а не крылатых ракет – автономно управляемых средств одноразового использования. Такие системы интенсивно развиваются США, Россия и другие страны, и запретить их невозможно. Скорее в данном случае речь идет об уточнении соответствующей статьи ДРСМД, чтобы устраниТЬ коллизию правовой

²⁵ Комментарий МИД Российской Федерации в связи с опубликованием очередного доклада Государственного департамента США о соблюдении государствами соглашений в области контроля над вооружениями и нераспространения / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 29.04.2017. URL: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_presentation/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2740264

²⁶ Впоследствии выяснилось, что версия с ракетой Р-500 была ошибочной, вызванной обычной российской секретностью, которая возможно оправдывалась тем, что эта система считалась на Западе нарушением ДРСМД (видимо, по принципу: «раз нет ракеты, то нет и нарушения»). Тайна была раскрыта после того, как США обнародовали российское наименование новой крылатой ракеты наземного базирования – 9М729 на пусковых установках системы «Искандер».

²⁷ СКК завершила свою работу в 2001 г.

нормы и новой перспективной техники, которую нельзя было предвидеть в 1987 г. и от которой государства в любом случае не откажутся.

Базы ПРО в Румынии и Польше – более сложная проблема, хотя и она может быть решена. Например, можно было бы согласовать внешне заметные технические отличия пусковых установок, которые исключали бы возможность размещения в них крылатых ракет «Томахок» (они отличаются по весогабаритным параметрам от антиракет «Стандарт-3»). В ином случае можно договориться о праве России проводить определенное число инспекций на местах с коротким временем предупреждения, чтобы убедиться в том, что в пусковых установках содержатся антиракеты, а не КРНБ. Понятно, что для этого потребовалось бы и согласие стран размещения баз ПРО, что едва ли возможно без энергично-го нажима со стороны Вашингтона, поскольку через инспекции Москва установила бы определенный контроль над Европейской ПРО.

Претензия США к России – это тоже непростая, но в принципе преодолимая трудность. Независимо от того, на какую дальность реально рассчитаны МБР «Рубеж», по формальным признакам к ним нет оснований приadirаться. Они считаются межконтинентальными ракетами и подпадают под засчет и потолки нового Договора СНВ, а не ДРСМД, по которому дальностью ракеты «считается максимальная дальность, на которую она была испытана» (ст. VII.4).

Далее, по аналогии с инспекциями баз ПРО в Румынии и Польше, можно согласовать право США на такие же контрольные процедуры применительно к базам размещения комплексов «Искандер». У крылатых ракет большой дальности объем топливного бака больше, чем у ракет с дальностью до 500 км, и это могло бы стать объектом контроля для подтверждения заявленной позиции России в части дальности этой системы. Если по техническим причинам это невозможно, специалисты могли бы согласовать другие способы.

Понятно, что предложенные выше иллюстративные развязки противоречий по соблюдению ДРСМД не являются чисто техническими вопросами. Главные препятствия носят политический характер – это и общий конфронтационный характер нынешних отношений двух государств, их воинственные внутриполитические настроения и другие темы, относящиеся к затронутым проблемам.

Например, внутри США практически никто не признает американских нарушений в связи с развертыванием ПРО в Восточной Европе. Эта тема расценивается исключительно как «зажечка» со стороны России, призванная «отбить» обвинения в свой адрес. Последние в США не ставятся под сомнения (тем более, в свете публичных скептических позиций России в отношении ДРСМД). Влиятельные круги желают не взаимоприемлемого разрешения противоречий с Москвой, а использования данной темы в политической кампании дискредитации новой политики Владимира Путина. Степень заинтересованности новой администрации США в сохранении системы контроля над ядерным оружием в целом и Договора РСМД в частности, пока в лучшем случае неопределенна.

В России предложенные варианты встретят ожесточенное сопротивление противников ДРСМД и всего контроля над ядерным оружием. Эти круги хоте-

ли бы не спасти Договор, а отделаться от него либо руками американцев, либо решением Москвы. Тем более они будут против того, чтобы ради ДРСМД якобы «легализовать» систему ПРО США в Восточной Европе через процедуры подтверждения, что там размещены антиракеты, а не КРНБ (как будто в ином случае эту ПРО отменят).

* * *

Впредь, после смены власти в Вашингтоне, обеспечить конструктивное развитие событий может только Россия, если возьмет дело в свои руки. Значение Договора РСМД как само по себе, так и в качестве ключевого звена всей системы контроля над ядерным оружием предполагает перемещение этого Договора на передний план повестки дня российско-американских отношений – перед Украиной, Сирией и другими вопросами, при всей их важности.

Это тем более оправданно, что по названным региональным проблемам предстоит долгий и нелегкий диалог, а спасение ДРСМД при наличии политической воли высших руководителей обеих держав можно согласовать относительно быстро. Такой позитивный прорыв облегчил бы продвижение и на других направлениях прекращения новой холодной войны и следующих циклов гонки вооружений, если обе державы на деле, а не на словах, поставят перед собой такие задачи.

УГРОЗЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ – МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ*

Стабильность в классическом понимании

Понятие «стратегическая стабильность» было сформулировано как правовая норма в июне 1990 г. в Совместном Заявлении России и Соединенных Штатов¹. Это понятие определялось как стратегические отношения, устраниющие «стимулы для нанесения первого ядерного удара». Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов:

- «Взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями» (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны).
- «Уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях» (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с гораздо большим числом боезарядов).
- «Оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью» (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Эта концепция явилась революционным пересмотром традиционных взглядов. Согласно логике Совместного Заявления от 1990 г., если ни одна из сторон не имеет возможности первым ударом существенно снизить свой ущерб от возмездия другой стороны, то первый удар теряет смысл. Специалисты иногда называют это состояние отношений «кризисной стабильностью». Такой военный баланс ослабляет также и стимулы к продолжению гонки вооружений, особенно если согласовано примерное равенство (паритет) по важным параметрам стратегических сил. Эту сторону отношений нередко определяют как «стабильность гонки вооружений».

Руководство великими державами сейчас представлено новым поколением политиков, чиновников и военных, которые постоянно обращаются к теме

* Полис. Политические исследования. 2018. № 3.

¹ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности // Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 197–199; Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 01.06.1990. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (accessed 15.03.2018).

стратегической стабильности, но не всегда знают генезис термина. Данная концепция уходит истоками в 1960-е годы, а ее автором на официальном уровне был министр обороны США Роберт Макнамара. В своей речи (Сан-Франциско, 1967 г.) он сказал: «Сдерживание преднамеренного нападения на Соединенные Штаты и их союзников гарантируется поддержанием высоконадежной способности навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора... даже после принятия на себя его первого удара» [McNamara 1968: 51–67]. Такую же возможность он признал за Советским Союзом. После этого министр заметил: «Каковы бы ни были их намерения, каковы бы ни были наши намерения, действие... каждой стороны, относящееся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывает противодействие другой стороны. Это именно тот феномен действие–противодействие, который питает гонку вооружений». Макнамара указал и выход из порочного круга: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом в основном потому, что феномен действие–противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы» [ibid.].

Через несколько лет эта логика была принята Москвой, и в 1972 г. блестяще воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1). Затем в 1979 г. был подписан второй Договор об ограничении наступательных вооружений (ОСВ-2). Правда, тогда концепция стратегической стабильности еще не была согласована, вместо нее использовался туманный и субъективный термин «равенства и одинаковой безопасности».

Непосредственно на основе концепции «стратегической стабильности» от 1990 г. был построен Договор СНВ-1, подписанный в 1991 г. В его сложнейших положениях и ограничениях были воплощены все принципы этой концепции. Потом они нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и ПРО театра военных действий (1997), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП от 2002 г.) и текущем Договоре СНВ (или, как его в России называют, СНВ-3 от 2010 г.).

В итоге этих соглашений стратегический баланс сейчас выглядит неизмеримо более стабильным (по критериям, согласованным в 1990 г.), чем было на пороге 1990-х годов перед подписанием Договора СНВ-1. Соотношение числа боезарядов к носителям изменилось с 5:1 на 2:1. Средства повышенной выживаемости² тогда составляли 30–40%, а теперь 60–70% СЯС России и США³. Реалистические модели гипотетического обмена ядерными ударами

² Под средствами повышенной выживаемости имеются в виду ракетные силы морского и наземно-мобильного базирования, тяжелые бомбардировщики не учитываются, так как не содержатся в состоянии высокой боевой готовности, имеют длительное подлетное время и не гарантированно прорывают противовоздушную оборону противника.

³ Ежегодник СИПРИ 2016. Р. 648–717; SIPRI Yearbook 1990. Р. 14–16.

показывают, что нападающий разоружил бы сам себя – у другой стороны выжило бы больше сил, чем осталось у агрессора, для нанесения ответного удара по своему выбору.

До последнего времени программа модернизации российских СЯС в рамках Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020) была рациональной и своевременной – ввиду массового вывода из строя систем, принятых в 1980–1990-е годы. На суше сначала развертывались моноблочные межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) шахтного и грунтово-мобильного базирования: «Тополь-М» (РС-12М2, а по западной классификации *SS-27*) и практически аналогичные ракеты с разделяющейся головной частью (РГЧ) типа «Ярс» (РС-24 или *SS-27 Mod 2*). Спускались на воду подводные ракетоносцы типа «Борей» (955-го проекта, головной крейсер «Юрий Долгорукий» – *Delta IV*) с новым типом баллистических ракет «Булава-30» (PCM-56 или *SS-N-32*). В целом по ГПВ-2020 предполагалось принять на вооружение 400 новых стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования и 8 подводных лодок-ракетоносцев⁴. Стратегическая авиация поддерживалась в прежнем составе тяжелых бомбардировщиков типа Ту-95 и Ту-160 с крылатыми ракетами воздушного базирования типа Х-55 (*AS-15*).

Что касается Соединенных Штатов, то в следующем десятилетии они тоже начнут большой цикл обновления своей стратегической триады. С середины 2020-х годов будет развертываться новый бомбардировщик B-21 (B-21) и новая авиационная ядерная крылатая ракета большой дальности. С конца 2020-х годов – очередное поколение наземных моноблочных МБР, а с начала 2030-х – новая морская ракетная система на смену подводным лодкам типа «Огайо» и ракетам «Трайдент-2» (12 подводных лодок типа «Колумбия» по 16 баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) на каждой)⁵. С некоторыми оговорками обе программы модернизации соответствуют двум из трех принципов стратегической стабильности, согласованных в 1990 г.: уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью.

Но по первому принципу («взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями») между сторонами возник глубокий раскол, создавший тупик на переговорах по СНВ и придавший новый импульс гонке вооружений.

⁴ Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Российская газета. 20.02.2012.

⁵ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington DC. February 2018. P. 48–50. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL> (accessed 15.03.2018).

Противоракетная конфронтация

Ответственность за обострение противоречий вокруг противоракетной системы несут Соединенные Штаты. Они вышли из Договора по ПРО в 2002 г., одновременно подписав с Россией Декларацию с обязательством совместно развивать противоракетную систему⁶. Однако затем, не дожидаясь результата переговоров, они в 2007 г. объявили об одностороннем развертывании такой системы в США, Чехии и Польше, а России предложили к ней присоединиться. Москва отказалась от такого подхода, претендуя на равноправное сотрудничество и учет ее специфических противоракетных интересов (хотя они никогда не были конкретизированы). А Вашингтон упорно продвигал свою программу, пользуясь общественным шоком от терактов 11 сентября 2001 г.

В своем Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г., которое было оглашено в Манеже, президент Владимир Путин объяснил важность Договора по ПРО, из которого США вышли в 2002 г.: «...Данное соглашение...гарантировало от бездумного, опасного для всего человечества применения одной из сторон ядерного оружия, поскольку ограниченность систем противоракетной обороны делала потенциального агрессора уязвимым для ответного удара»⁷.

Напомним, что первым, кто выдвинул эту идею на официальном уровне, был опять же Макнамара. Пятьдесят лет назад, сформулировав концепцию стратегической стабильности на основе обоюдной способности сторон к ответному удару, он сделал вывод о дестабилизирующей роли систем ПРО. Поскольку оборона могла сделать безнаказанным первый ядерный удар, заявил он, «если мы начнем развертывание плотной системы ПРО, то, сколько бы она ни стоила, мы можем быть уверены, что Советы среагируют с целью нейтрализовать любое преимущество, на которое мы могли бы надеяться» [McNamara 1968: 65]. Для своего времени идея о том, что система стратегической обороны могла усилить угрозу войны, была вполне революционной.

Не вдаваясь в историю вопроса, отметим, что СССР (Россия) и США шли примерно вровень в развитии систем ПРО, по очереди опережая друг друга на разных этапах. При этом акцент США на противоракетные системы развивался волнообразно, то резко возрастая, то падая до минимума⁸. В СССР (России) система совершенствовалась достаточно последовательно: поэтапно шла

⁶ Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша-мл. о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки / Министерство иностранных дел РФ. 24.05.2002. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/556350 (дата обращения: 15.03.2018).

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. // Президент России. Официальный сайт. 01.03.2018. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 15.03.2018).

⁸ Первый пик пришелся на 1969–1974 гг. (система «Сейфгард»), второй – на 1983–1987 гг. (СОИ), третий – на 2004–2009 гг. (ПРО в Европе). Новый этап, видимо, начнется с 2018 г. с расширения программы ПРО решениями администрации Д. Трампа. В СССР первая система ПРО А-35 поставлена на дежурство в 1974 г., вторая – А-135 в 1995 г. и готовится следующая – А-235.

модернизация комплекса ПРО Московского региона и рассматривались возможности расширения обороны. При этом США периодически пытались создать ПРО для прикрытия ракетных баз или населения и экономики, а в СССР (России) акцент ставился на обороне военно-политического руководства (столицы), для которого к тому же были построены защищенные подземные центры укрытия и управления.

При всей остроте нынешних противоречий России и США вокруг проблемы ПРО, объективный военно-технический анализ показывает, что ни противоракетная программа США, ни программа Воздушно-космической обороны (ВКО) России не способны сколько-нибудь заметно повлиять на потенциалы ответного удара каждой из сторон.

Ударные (огневые) средства ПРО США сейчас состоят из 44 стратегических антиракет большой дальности типа ГБМИ (*GBMI – Ground-Based Midcourse Interceptor*) на Аляске и в Калифорнии (их число может вырасти до 64 по программе администрации Дональда Трампа). Они призваны перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). (Напомним, что Договор по ПРО от 1972 г., из которого США вышли в 2002 г., изначально позволял каждой из двух сторон иметь до 200 стратегических перехватчиков неограниченной дальности с ядерными боезарядами, в том числе большой мощности.)

Еще есть две наземные базы ПРО с системой другого класса: в сумме 48 антиракет типа «Стандарт-3» «Иджис-Ашор» (*Aegis-Ashore*) в Румынии и Польше (возможно создание еще одной – в Японии). На 35 боевых кораблях развернуто несколько сотен таких же антиракет типа «Стандарт» разных модификаций. Все комплексы второго класса защищают окружающие регионы в Европе и на Дальнем Востоке от баллистических ракет средней дальности, которых у России не должно быть согласно Договору по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г.

Чтобы упомянутая система морского базирования получила шанс на перехват российских МБР, все корабли должны выстроиться на постоянное дежурство в Арктике, невзирая на паковые льды и мощный Северный флот России. Кроме того, оба класса упомянутых антиракет никогда не испытывались для перехвата МБР на разгонном участке траектории, не имеют соответствующих информационно-управляющих систем и сенсоров самонаведения для контактно-ударного (кинетического) перехвата взлетающих баллистических ракет.

Нынешние стратегические ядерные силы России – это 530 носителей и около двух тыс. ядерных боеголовок баллистических ракет и крылатых ракет тяжелых бомбардировщиков. Суммарная разрушительная мощь – около 700 мегатонн⁹, т.е. порядка 40 тыс. «хиросимских» бомб (!). В Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. президент В. Путин сказал: «...В России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей

⁹ Сивков К. Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 22–28.03.2017. № 11. С. 1–4.

степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы». Речь идет как о ракетах прежнего поколения, так и о новых МБР типа «Тополь-М», «Ярс» и БРПЛ «Булава-30».

Для преодоления современной и любой реалистически прогнозируемой на следующие 10–15 лет американской системы ПРО этого потенциала вполне достаточно. Как показал кризис на Дальнем Востоке в 2017 г., у США нет уверенности, что их ПРО отразит хотя бы ракеты КНДР, и потому не может быть иллюзий, что ПРО защитит США от массированного ядерного удара России.

Российская система ПРО развивается в рамках программы воздушно-космической обороны (ВКО) в составе Воздушно-космических сил (ВКС). На эту программу было выделено около 20% ассигнований по Государственной программе вооружения до 2020 г., что составляло 4.6 трлн руб. (150 млрд долл. по курсу 2011 г.). Помимо модернизации существующих и создания новых элементов *средств предупреждения о ракетном нападении* (СПРН) в составе РЛС наземного базирования и космических аппаратов, планируется развернуть 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 «Триумф» (около 1800 зенитных управляемых ракет – ЗУР), а также 38 дивизионов (около 1200 ЗУР) перспективной системы С-500 «Прометей». Кроме того, планируется создание новой интегрированной системы управления, а также модернизация Московской системы ПРО А-135 (под новым названием А-235) с целью придания антракетам потенциала неядерного перехвата¹⁰.

В отличие от США, которые упорно отрицают антироссийскую направленность своей ПРО, Россия весьма прозрачно указывает, что ВКО предназначена для защиты от США и НАТО. В июне 2013 г., посещая завод по производству зенитных ракет, президент Путин заявил: «Эффективная ВКО – это гарантия устойчивости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения»¹¹. Очевидно, что в обозримый период такими средствами могут располагать только США. Впрочем, в Соединенных Штатах не предъявляют претензий к России по поводу ее программы ВКО. Видимо, там уверены в неспособности российской системы ослабить американский потенциал ядерного сдерживания.

Односторонний выход США из Договора ПРО в 2002 г., неудача переговоров двух держав о совместном развитии систем ПРО в 2007–2011 гг.¹² повлекли существенную дестабилизацию их стратегических отношений. В своем Послании

¹⁰ Каждый пятый рубль – на ВКО. Войска воздушно-космической обороны получат на развитие пятую часть денег, выделенных на Госпрограмму вооружения до 2020 года // Военно-промышленный курьер. 21.02.2012.

¹¹ Путин В. Россия будет наращивать возможности ВКО // Национальная оборона. 2013. № 7. С. 22.

¹² Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе // Президент России. Официальный сайт. 23.11.2011. Московская область, Горки. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/13637> (дата обращения: 15.03.2018).

от 1 марта 2018 г. Путин сказал: «...При реализации планов по строительству системы глобальной ПРО, которое продолжается и сейчас, все договоренности в рамках СНВ-III постепенно девальвируются, потому что при сокращении носителей и боезарядов одновременно и бесконтрольно одной из сторон, а именно США, наращивается количество противоракет, улучшаются их качественные характеристики, создаются новые позиционные районы, что в конечном итоге, если мы ничего не будем делать, приведет к полному обесцениванию российского ядерного потенциала»¹³.

В качестве ответа на американскую программу в Послании были обнародованы шесть программ и проектов новейших вооружений России. Первая система – тяжелая МБР «Сармат», которая разрабатывается несколько лет (испытания начались в 2017 г.) и является очередным поколением системы оружия, которая существует более полувека. Правда, вызывает сомнение объявленная ценность ее способности атаковать США через южный полярный круг (что, кстати, могли тяжелые МБР с 1970-х годов). Такая траектория предполагает вывод ракеты на околоземную орбиту, а потом спуск с нее. Подлетное время будет намного дольше, чем через северный полярный круг, а боевая нагрузка и точность, видимо, меньше. Перехватить такие ракеты США не могут как с севера, так и с юга – ввиду количества их боеголовок и средств преодоления ПРО. Но и внезапного удара с южных азимутов у России не получится: запуск ракет засекается спутниками, а подлет – радарами, которые на морских платформах можно отбуксировать к южным берегам США.

К тому же проблема тяжелых МБР в том, что их пусковые шахты стали уязвимы для ядерных ракет США (типа «М-Икс» и «Трайдент-2») уже 30 лет назад, и именно поэтому Россия в 1990-е годы перешла к наземно-мобильным пусковым установкам. Тяжелые ракеты стационарного базирования могут нанести первый удар (и навлечь ответный удар США в 900 мегатонн¹⁴ – 60 тысяч «хиросим») или стартовать по сигналу космических и наземных СПРН до падения боеголовок противника. В последнем случае президенту останется несколько минут на принятие решения (подлетное время МБР – 30 мин, а БРПЛ – 15 мин), и есть опасность войны из-за ложной тревоги или технической ошибки (которые не раз случались в прошлом). В отличие от текущих программ модернизации российских СЯС, система «Сармат» не соответствует двум принципам стратегической стабильности, согласованным в 1990 г.: уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и предпочтение средствам, обладающим повышенной выживаемостью (хотя это, конечно, не является нарушением какого-либо договора).

Вторая система из Послания Путина – крылатая ракета неограниченной дальности с атомным двигателем и ядерным зарядом. Если речь идет о настоящем атомном реакторе, то технический прорыв сам по себе впечатляет. Но зачем, как было показано на компьютерной графике 1 марта 2018 г., лететь, огибая мыс

¹³ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018.

¹⁴ Сивков К. Разоружен и очень опасен.

Горн, чтобы атаковать Калифорнию? Подлетное время составит много часов, точность наведения под вопросом, стоимость ракет возрастет, их количество будет ограничено. Сотни российских ядерных или неядерных крылатых ракет могут быстрее достичь целей коротким путем через северные моря, стартуя с тяжелых бомбардировщиков и многоцелевых атомных подлодок (системы ПРО США по ним не работают).

Третий проект – гиперзвуковой планирующий блок (ГПБ) стратегического класса. Он разрабатывался в СССР с середины 1980-х годов как ответ на программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ) президента Рональда Рейгана. В последние годы США стали испытывать примерно такую же систему в рамках концепции «Быстрого конвенционального глобального удара». Судя по Посланию от 1 марта, Россия быстро догнала и перегнала США на этом направлении, и ее система ГПБ «Авангард» может стать вариантом боевого оснащения ракеты «Сармат».

Нынешние межконтинентальные баллистические ракеты имеют более высокую скорость и меньшее подлетное время, чем перспективные гиперзвуковые системы¹⁵. Однако траектории баллистических ракет предсказуемы, запуск заекается спутниками после первой минуты полета и подтверждается радарами СПРН за 10–15 мин до падения боеголовок. Поэтому у другой стороны остается теоретическая возможность отразить хотя бы ограниченный ракетный удар с помощью ПРО или нанести ответно-встречный удар – до подрыва боеголовок противника.

Старт разгонных ракетных ступеней гиперзвуковых планирующих систем, как и баллистических ракет, можно засечь со спутников, но после этого ГПБ «ныряют» в стратосферу и летят по непредсказуемым маршрутам. На протяжении большей части своей траектории такие средства попадают в «слепую зону» между направленностью излучения радаров ПРО и ПВО противника. Радиолокационные станции (РЛС) обнаружат их только за 3–4 мин до подхода [Acton 2013: 33–63]. Достаточное количество таких средств с ядерными боеголовками могут создать угрозу разоружающего удара по защищенным объектам типа шахтных пусковых установок МБР и командных центров противника. Поскольку их траектория не позволяет своевременно подтвердить радарами приближение ГПБ после обнаружения запуска их носителей спутниками, постольку затрудняется возможность ответно-встречного удара, которая остается одной из оперативных концепций России и США. Поэтому нужно будет или отменить такую концепцию – или готовиться запускать МБР только по сигналу спутников СПРН, что резко увеличило бы опасность ядерной войны из-за ложной тревоги или технической ошибки¹⁶.

¹⁵ Соответственно 7 км/сек и 30 мин для МБР и 3–5 км/сек и 60 мин для ГПБ.

¹⁶ Бывший министр обороны США Уильям Перри описывает случай паники из-за ложной тревоги ракетного нападения, когда дежурный офицер по ошибке вставил в компьютер учебную программу [Perry W. My Journey at the Nuclear Brink. Stanford University Studies. Stanford California, 2015. P. 52–53].

С обычным боезарядом «Авангард» мог бы стать ответом на программу «Быстрого конвенционального глобального удара» США. Правда, ни там, ни в России пока не ясно, какие специфические задачи такая система должна выполнять и какие цели поражать, сколько будет стоить и в каком количестве производиться.

Наконец, четвертая – самая поразительная система – суперторпеда огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомным реактором и мощным ядерным зарядом (она раньше именовалась «Статус-6» и предназначалась для доставки ядерного боезаряда в 100 мегатонн¹⁷). Эта система тоже родилась в начале 1980-х годов для удара из-под воды в обход космической СОИ. Но не ясно, зачем она нужна сейчас? Ведь полторы тысячи ядерных боеголовок российских баллистических ракет могут за 30 мин надежно поразить все вообразимые цели и на побережье, и в глубине территории любого противника. Какую задачу может решить такой взрыв на побережье или что может сделать поднятая подводным взрывом гигантская цунами – смыть радиоактивные руины, оставшиеся от предыдущего обмена ракетными залпами? В первом ударе, возможно, «торпедная атака» будет внезапной, но она не предотвратит ядерное возмездие США – их командные центры, шахты МБР расположены в глубине континента, ракетные подводные лодки в океане, а бомбардировщики будут в воздухе.

Две остальные показанные в Манеже системы не относятся к стратегическим. Гиперзвуковая авиационная ракета «Кинжал» дальностью 2000 км может, например, «отогнать» американские авианосцы за пределы радиуса их палубной авиации или поразить базы ПРО в Румынии и Польше. Лазерные комплексы наземно-мобильного базирования, вероятно, способны защищать важные объекты от крылатых ракет или будущих гиперзвуковых планирующих блоков.

В целом (с оговорками относительно системы «Сармат») обнародованные в Послании программы и проекты не противоречат принципам стратегической стабильности по Совместному Заявлению от 1990 г. Ни одна из них не нарушает имеющиеся договоры по ограничению ядерных вооружений. При решении вопроса об их производстве и развертывании необходимо оценивать соотношение их стоимости и эффективности с учетом уже имеющихся средств и других потребностей обороны. Если судить на основе открытой информации, парад военной техники в Манеже скорее служит повышению глобального престижа России, ее статуса передовой военно-технической державы мира. С точки зрения поддержания потенциала прорыва ПРО США и сохранения стратегического паритета и стабильности, обнародованная программа представляется избыточной.

В последние годы Москва неоднократно заявляла, что не даст втянуть себя в гонку вооружений. И в некотором смысле она осталась верна этому обязательству: Россия теперь ни за кем не гонится (в отличие от СССР времен холодной войны), а сама выходит на передовые рубежи военно-технического развития, предоставляя другим догонять себя. В Послании эта тема многократно акцентировалась: «Как вы понимаете, – отметил президент, – ничего подобного

¹⁷ Сивков К. Разоружен и очень опасен.

ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята еще что-нибудь придумают...»¹⁸. Вызов брошен, и на него, вероятно, последует тот или иной ответ США. Во всяком случае, Пентагон уже заявил об ускорении программы гиперзвукового оружия «Быстрого глобального удара» (БГУ) и наметил испытания на 2019 г.¹⁹

Высокоточное оружие и «ядерный порог»

Высокоточное оружие (ВТО) большой дальности в неядерном оснащении, наряду с беспилотными аппаратами, изменили характер локальных войн конца XX и начала XXI в. (Ирак, Югославия, Ливия, Сирия). Это стало возможно благодаря новым информационно-управляющим системам (прежде всего, космическим), которые позволяют повысить точность наведения боеприпасов до нескольких метров (вероятного отклонения). В конце концов, это стало оказывать влияние на стратегический баланс и стабильность.

Сейчас США располагают более чем 6000 крылатых ракет (КР) морского базирования (КРМБ) типа «Томагавк»²⁰ (*BGM-109*) дальностью около 1800 км, а ВВС имеют около 140 КР (*AGM-84*) с обычными боеголовками и объявили о плане принять на вооружение новую КР такого класса (*AGM-158B JASSM-ER*) с увеличенной дальностью.

Россия тоже наращивает свои аналогичные средства. На вооружении состоят авиационные ракеты типа Х-55СМ и Х-555 и морские КР типа «Калибр» 3М-14 разных модификаций, а также развертываются новые КР воздушного базирования Х-101. К 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет выросло более чем в 30 раз²¹. Эффективность этих систем была продемонстрирована в Сирии.

Также над развитием КР возрастающей дальности работают Китай, Индия, Иран и другие страны.

Существующие неядерные крылатые ракеты имеют относительно ограниченную дальность (менее 2000 км), дозвуковую скорость и длительное полетное время до целей (до двух часов). Поэтому на обозримое будущее создается следующее поколение высокоточного оружия (ВТО), включая ракетно-планирующие системы, которое позволит наносить удары межконтинентальной и средней дальности с относительно коротким подлетным временем (15–60 мин)²².

¹⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018.

¹⁹ Tucker P. The US Is Accelerating Development of Its Own «Invincible» Hypersonic Weapons // Defense One. 02.03.2018. URL: <http://www.defenseone.com/technology/2018/03> (accessed 15.03.2018).

²⁰ Они развернуты на 4 модифицированных стратегических подводных лодках класса «Огайо» по 154 ракеты на каждую (всего 616 КР), 25 многоцелевых подлодках класса «Вирджиния» и «Сивульф» (500 КР), а также на 22 крейсерах «Тикондерога» и 62 эсминцах типа «Арли Бёрк» (4560 КР).

²¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018.

²² Гиперзвуковой обычно называют скорость в 5 и более раз превышающую скорость звука, т.е. больше 1,7 км/сек. Скорость звука обозначается как 1 *Max* (1М) – 330 м/сек.

Помимо двух военных сверхдержав, гиперзвуковую систему испытывает также КНР под наименованием WU-17 и WU-14, которая использует для разгона ступени старой жидкостной МБР *DF-5* и, вероятно, должна быть оснащена ядерным гиперзвуковым планирующим аппаратом для прорыва системы ПРО США. Кроме того, Китай испытывал баллистическую ракету средней дальности *DF-21C* с высокоточными неядерными боеголовками для поражения американских авианосцев. Вслед за Китаем начала программу гиперзвуковых систем Индия, но пока она находится в зачаточном состоянии.

Стратегическое влияние неядерных систем ВТО большой дальности в целом можно оценить как дестабилизирующее, хотя масштаб этого эффекта оценивается по-разному. На Валдайском форуме в 2015 г. президент Путин заявил: «Уже появилась концепция так называемого первого обезоруживающего удара, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большого радиуса действия, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием»²³. В том же духе высказывался вице-премьер Д. Рогозин, указав на возможность США за несколько часов уничтожить без применения ядерного оружия до 90% стратегических сил России²⁴.

Тем не менее многие специалисты, в том числе из институтов Минобороны, полагают, что существующие дозвуковые крылатые ракеты не являются эффективным средством разоружающего удара по защищенным подземным объектам вроде шахтных пусковых установок МБР и командных пунктов. Например, для уничтожения пусковой шахты МБР с вероятностью 95% достаточно всего двух ядерных боеголовок ракет «Минитмен-3» или «Трайдент-2» с точностью (вероятным круговым отклонением) порядка 100 м. А для ее поражения неядерной крылатой ракетой при точности в 5 м, потребовалось бы 14 таких ракет, а при точности в 8 м – 35 единиц²⁵. Уничтожение порядка 200 российских объектов данного типа потребовало бы около 7000 КРМБ «Томагавк» – больше, чем у США есть в наличии и намного больше, чем может быть выдвинуто на передовые морские позиции.

При этом большинство позиционных районов МБР расположено вне досягаемости крылатых ракет морского базирования США. Спланировать подобный удар одновременно по нескольким сотням целей, расположенных на обширной территории России, практически невозможно. Создание группировки для такой операции потребовало бы длительного времени подготовки, которую невозможно скрыть.

В отношении возможности разоружающего удара с применением неядерных гиперзвуковых средств пока нет ясности. С одной стороны, при развертывании их в США нападение не потребует длительной и заметной подготовки, а подлет-

²³ Meeting of the Valdai International Discussion Club // President of Russia. Official web-site. 22.10.2015. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50548> (accessed 15.03.2018).

²⁴ Текст выступления Дмитрия Рогозина на пресс-конференции в «РГ» // Российская газета. 28.06.2013.

²⁵ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 21.10.2015.

ное время и сама протяженность удара из-за гиперзвуковых скоростей будет намного короче (50–60 мин). Вероятно, снизится потребность в количестве гиперзвуковых средств, как и возможность противодействия им со стороны обороны. Однако остается спорным, будет ли достаточна их точность для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты). Смогут ли они уничтожать наземно-мобильные системы, для чего потребуется корректировка со спутников или летательных аппаратов на конечном участке траектории? Внешнее (*GPS-NAVSTAR*) или автономное наведение на конечном участке (электронно-оптическое или радиолокационное) потребует резкого снижения скорости ГПБ для снятия изолирующего эффекта плазмообразования от трения о воздух (на скоростях более 5М), что даст возможность противнику использовать радиоэлектронное противодействие или контактный перехват. Наконец, не ясно, будут ли эти дорогостоящие средства развернуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу российским стратегическим силам сдерживания.

Хотя в США отрицают наличие планов нанесения ударов с использованием неядерных систем ВТО по стратегическим силам России, несомненно, что незащищенные объекты СЯС уязвимы даже для существующих дозвуковых неядерных крылатых ракет. Нанесение высокоточных неядерных ударов тем более возможно по объектам экономики и инфраструктуры: электростанциям, нефтеперерабатывающим предприятиям, транспортным узлам, центрам связи [Einhorn 2017]. Видимо, средства и планы таких ударов лежат в основе концепции «неядерного (обычного) сдерживания», давно включенной в военную доктрину США.

В российской Военной доктрине потенциал высокоточных средств США определяется как главная угроза национальной безопасности, а в качестве первоочередной задачи ставится «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»²⁶. На эту тему в последние годы появилась обширная специальная литература²⁷. В ответ на указанную угрозу Россия не только строит эшелонированную оборону в рамках ВКО, но в последние годы развивает аналогичные наступательные возможности для целей «обычного сдерживания», обозначенного в Военной доктрине РФ²⁸. Упомянутая в президентском Послании от 1 марта 2018 г. крылатая ракета межконтинентальной дальности с атомным двигателем могла бы (помимо существующих КР) выполнять такие задачи, если бы она была оснащена обычным зарядом и обладала достаточной точностью. Более существенные возможности предоставят, вероятно,

²⁶ Военная доктрина Российской Федерации // Министерство иностранных дел РФ. 2014. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/589760 (дата обращения: 15.03.2018).

²⁷ Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О. Серьезной угрозе адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространства // Воздушно-космическая оборона. 13.08.2012. № 4.

²⁸ Военная доктрина Российской Федерации.

перспективные гиперзвуковые системы, если они будут оснащены неядерными боеголовками.

В американском ядерном «Обзоре» от 2018 г., видимо, под впечатлением от использования ВТО России в Сирии, впервые в качестве угрозы названа способность РФ нанести обычные удары по американским населенным центрам и экономической инфраструктуре, пунктам информационно-управляющей системы и объектам ядерных сил США, на что они намерены отвечать ядерным оружием²⁹. Многие нынешние и будущие средства ВТО и их носители имеют двойное назначение, и их применение до самого момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара.

Широкое развертывание высокоточных обычных систем оружия большой дальности и их переплетение со средствами и военными задачами ядерных вооружений – одна из самых серьезных новых опасностей. Это особенно явно в условиях нынешней военно-политической напряженности и наращивания военного противостояния России и НАТО. Такие системы и связанные с ними концепции и планы могут вызвать молниеносную эскалацию обычного локального конфликта и даже военного инцидента к ядерной войне. Тревожно и то, что по поводу названной угрозы на уровне высшего политического руководства великих держав не проявляется никого беспокойства – во всяком случае, публично. Указанные сценарии эскалации к ядерной войне как бы «обходят с фланга» классическую модель стратегической стабильности, исключающую первый (разоружающий) ядерный удар любой из двух сторон.

Ограниченнaя ядерная война

«Авторское право» на идею ограниченной ядерной войны, как и большинство других стратегических концепций и систем ядерного оружия, принадлежит США. Во времена холодной войны, с конца 1950-х годов, эта философия проявилась в разнообразных формах и прошла ряд стадий эволюции [Enthoven 1971: 175–207]³⁰. В 2003 г. в официальных документах Министерства обороны России была выдвинута идея «деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения», в том числе «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания»³¹. Последующие документы и издания Военной доктрины РФ не упоминали подобных концепций. Но они и не исключают такого рода действий, поскольку не уточняют, каким образом Россия может «применить ядерное оружие... в слу-

²⁹ Nuclear Posture Review.. February 2018. P. 21.

³⁰ New York Times. 11.01.1974. P. 6; Newsweek. 04.02.1974. P. 23; Department of Defense Annual Report, FY 1975. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1974. P. 38, 40–41.

³¹ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации / Министерство обороны. М., 2003. С. 42.

чае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»³².

В условиях текущего наращивания военного противостояния России и НАТО и активности их вооруженных сил в непосредственной близости друг от друга любой локальный конфликт может быстро повлечь применение тактического ядерного оружия. Хотя его арсеналы сократились с начала 1990-х годов на порядок, несколько сотен единиц и сейчас находится на складах обеих сторон в Европе и могут быть быстро переданы в войска. Еще большую угрозу скоротечной эскалации создали бы ядерные средства средней дальности, если бы они были развернуты после разрыва Договора РСМД.

В последнее время в российскую профессиональную печать через публикации бывших и действующих военных специалистов стали периодически прописываться концепции избирательных ядерных ударов. Но дело не сводится к теории. Например, российско-белорусские большие маневры «Запад-2017» осенью 2017 г. увенчались пуском четырех стратегических баллистических ракет морского и наземного базирования³³. Официальные источники не потрудились объяснить, явилось ли это имитацией массированного ответного удара в соответствии с логикой ядерного сдерживания – или экспериментом по стратегии ядерной эскалации в целях «дезактивации агрессии».

В 2018 г. в ядерном «Обзоре» США эта тема стала центральной: «Недавние российские заявления в духе развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны Москвы... В качестве реакции на такие вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих подогнанных опций сдерживания»³⁴.

Несомненно, что концепции и средства избирательных ядерных ударов существенно снижают «ядерный порог». В России избирательные удары обсуждаются как ответ на массированную неядерную «воздушно-космическую агрессию» США и НАТО³⁵. А в США такие избирательные «опции» теперь выдвигаются как реакция на стратегию эскалации в целях «дезактивации» со стороны России. Разработка планов и средств ограниченных ядерных ударов угрожает мгновенно перевести на глобальный уровень любое локальное (и даже случайное) вооруженное столкновение двух сверхдержав в Восточной Европе, Балтийском или Черном морях, Арктике или Сирии. В этом еще одна реальная угроза «флангового обхода» стратегической стабильности, которую нельзя было предвидеть четверть века назад.

³² Военная доктрина Российской Федерации...

³³ Заквасин А. «Нерядовые учения»: Путин провел запуск четырех баллистических ракет в рамках маневров стратегических сил России // Russia Today. 27.10.2017.

³⁴ Nuclear Posture Review.. February 2018. P. 12.

³⁵ Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О. Серьезной угрозе адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространство; Суханов С. ВКО – это задача, а не система // Воздушно-космическая оборона. 29.03.2010.

Послание президента от 1 марта 2018 г. в определенном смысле стало ответом на «Обзор ядерной политики» администрации Трампа. В нем было сказано: «Любое применение ядерного оружия против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями»³⁶. Не хватает только одного – столь же безоговорочного заявления, что Россия не имеет концепций ограниченной ядерной войны или эскалации в целях «дээскалации» и не верит в ее возможность.

Космос и киберпространство

Космическое пространство стало военной средой уже в 1950–1960-е годы – сначала для ядерных испытаний и пролета баллистических ракет, а потом для их перехвата системами противоракетной обороны. Впрочем, масштабная милитаризация космоса не началась, если не считать нескольких серий экспериментов и созданных, а затем выведенных из боевого состава СССР и США противоспутниковых систем (ПСС) [Dvorkin 2010: 30–45]. Пока космические аппараты (КА) обеспечивают информационно-управляющую поддержку вооруженных сил, применяемых на суше, в море и воздухе, а также баллистических ракет и антракет ПРО наземного и морского базирования. Тем не менее ввиду растущей военной роли космоса в будущем он может стать новым театром гонки вооружений и возможного применения силы³⁷.

В США разрабатывается лазерная система на базе авиационной противоракетной и противоспутниковой системы *ABL* (*Airborne Laser*). Стадию испытаний проходит модифицированная противоракетная (противоспутниковая) система морского базирования *Aegis* («Иджис») с ракетами «Стандарт-3» (ее использовали в 2008 г. для эксперимента по уничтожению отслужившего спутника США). Также ведутся работы по созданию многоразового космического маневрирующего аппарата – *SMV* (*Space Maneuvering Vehicle*), вероятно, для решения в том числе противоспутниковых задач [ibid.: 30–45].

Официальный источник Министерства обороны РФ представил обзор российских противоспутниковых систем, которые в прошлом были выведены из боевого состава, но могут вернуться в строй. К ним относятся комплекс «ИС-МУ» на базе стратегической МБР на полигоне Байконур; система поражения низкоорбитальных КА в составе самолета МиГ-31 и ракеты-перехватчика («Контакт»); технический задел по ракетно-космическим комплексам «Наряд-ВН» и «Наряд-ВР» на основе боевых ракет типа РС-18 (*SS-19*); разра-

³⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018.

³⁷ В настоящее время в околосземном космическом пространстве активно функционируют около 1420 космических аппаратов, из них 576 принадлежат США, 140 – России, 181 – КНР, 41 – Индии. В сумме спутники военного назначения составляют около 40% от общего числа орбитальных аппаратов. (UCS Satellite Database. Union of Concerned Scientists. 11.08.2016. URL: <http://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.WCHPuE2LSUk> (accessed 15.03.2018).

ботка лазерного комплекса авиационного базирования. Против КА на низких орбитах противоспутниковые возможности закладываются в системы зенитных ракетных комплексов С-400 и С-500³⁸. Недавно в прессу просочилось заявление представителя Минобороны о разработке новых противоспутниковых систем типа «Рудольф» и «Нудоль», однако подробностей не сообщалось.

В создании космических вооружений от двух ведущих держав стремится не отставать КНР. Яркой иллюстрацией этого стало испытание противоспутникового оружия в 2007 г., когда ракета средней дальности поразила китайский метеорологический спутник.

Российская и американская стратегическая мысль все более уверенно трактует космос как новый важнейший театр военных действий. Причем в отличие от прошлых времен, теперь это относится не только к глобальной ядерной войне, но и к конфликтам с применением обычных вооружений. Предположительно, в них США/НАТО будут иметь превосходство по высокоточным системам оружия большой дальности, но также и значительную уязвимость, ввиду их зависимости от космических информационно-управляющих систем, чем Россия не может не воспользоваться.

Гонка космических вооружений, в том числе их размещение в космосе, угрожает серьезной дестабилизацией стратегической обстановки, ростом угрозы быстрой эскалации вооруженного конфликта к ядерной войне. Так, атака на КА предупреждения о ракетном нападении, скорее всего, рассматривалось бы Россией и США как начало ракетно-ядерного нападения. Спутники такого класса (российские системы серии «УС-К Око» и новые аппараты «Единой Космической Системы обнаружения и боевого управления»³⁹) и американские спутники (*DSP* и *SBIRS*) размещаются на геостационарной или высокоэллиптических орбитах. Если будут развернуты противоспутниковые вооружения повышенной дальности, то и эти спутники могут попасть под удар.

Другие аппараты на высоких орbitах (типа российских ГЛОНАС и американских *GPS/NAVSTAR*, а также спутников связи *MILSTAR*, *AEHF* и российские КА серий «Молния», «Меридиан») одновременно обслуживают силы общего назначения и стратегические ядерные силы сторон. Их уничтожение в ходе обычного вооруженного конфликта тоже угрожает эскалацией войны к ядерному уровню. Таким образом, развитие космического оружия представляет собой двойную угрозу стратегической стабильности, хотя напрямую не соприкасается с ее классической формулой 1990 г.

Ввиду высшей степени секретности темы, нельзя сказать ничего конкретного о влиянии кибервойны на вероятность применения ядерного оружия. Скорее всего, ввиду изолированности систем управления СЯС, эти системы малоуязвимы для кибератак. В то же время более подвержены таким опасностям радиоканалы

³⁸ Россия разрабатывает противоспутниковое оружие – Минобороны // РИА «Новости». 05.03.2009. URL: https://ria.ru/defense_safety/20090305/163953438.html (дата обращения: 04.04.2018).

³⁹ Мясников В. Единая космическая система предупредит о ядерном нападении // Независимое военное обозрение. 17.10.2014; Горина Т. Россия осталась без «Ока»: когда заработает новая космическая система предупреждения о ракетной атаке? // Московский комсомолец. 11.02.2015.

связи и управления космических аппаратов, особенно спутники СПРН. Их отключение или имитация ложных сигналов о ракетном нападении может вызвать непреднамеренную ядерную войну, в частности, в условиях сохранения планов и средств ответно-встречного удара с применением МБР наземного базирования.

Однако такая диверсия ввиду угрозы спонтанного обмена ударами едва ли может быть совершена одной из великих держав. Скорее всего, она будет исходить от террористов или государств-провокаторов в кризисной ситуации. Снижение такой опасности предполагает сотрудничество великих держав в выработке правил и процедур поведения, обмена информацией и совместного определения источников кибератак.

Многосторонняя стабильность?

Выступая в российском Национальном исследовательском ядерном университете в январе 2014 г., Путин заявил: «Не только Российская Федерация обладает ядерным оружием, но и другие страны, их много, и они от этого средства вооруженной борьбы отказываться не собираются. В этих условиях сделать этот шаг Российской Федерации было бы в высшей степени странно, и это могло бы в сегодняшних условиях, хочу это подчеркнуть, привести к достаточно большим и тяжелым последствиям для нашей страны и нашего народа»⁴⁰. Эта мысль не раз высказывалась и на других форумах.

Президент Трамп и по этому поводу высказался аналогично, хоть и весьма путано: «Мы наращиваем арсеналы практически всех вооружений... Откровенно говоря, мы вынуждены это делать, потому что другие это делают. Если они остановятся, то и мы остановимся»⁴¹.

Москва официально называет расширение формата ядерного разоружения одним из основных условий перехода к следующему договору СНВ⁴². По обмену данными о выполнении Договора СНВ в феврале 2018 г. у России имеется 1440 боезарядов на развернутых носителях, а у США – 1390 единиц⁴³. Остальные семь ядерных государств имеют по числу боезарядов такие арсеналы: Великобритания – 215, Франция – 300, КНР – 260, Индия – 110, Пакистан – 120,

⁴⁰ Орывки из стенограммы встречи со студентами Национального исследовательского ядерного университета МИФИ // Президент России. Официальный сайт. 22.01.2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20098> (дата обращения: 15.03.2018).

⁴¹ Morin R. Trump: U.S. will cease building nuclear arsenal if other countries stop first // Politico. 12.01.2018. URL: <https://www.politico.com/story/2018/02/12/trump-nuclear-arsenal-404491> (accessed 15.03.2018).

⁴² В 2019 г. эта позиция изменилась, Россия поддержала отказ КНР от требования США о ее участии в процессе ограничения ядерного оружия, но предлагает подключить к нему Великобританию и Францию.

⁴³ На деле их на несколько сотен единиц больше, поскольку по правилам засчета Договора СНВ тяжелые бомбардировщики числятся как один носитель и один боезаряд. У каждой стороны примерно по 60 бомбардировщиков и реально каждый может нести по 12–16 авиационных ядерных крылатых ракет большой дальности.

Израиль – 80, КНДР – 10⁴⁴. Поскольку остальные семь ядерных государств имеют в совокупности около 1000 ядерных боезарядов, постольку требование об их ограничении выглядит вполне обоснованным.

Тем не менее эта политическая позиция не бесспорна. Доля ядерных сил третьих стран в глобальном ядерном арсенале увеличилась с 2–3% в пике холодной войны до 10–20% в настоящее время. (Из-за полной закрытости официальной информации КНР, наряду с их огромным экономическим и научно-техническим потенциалом, разброс оценок их ядерных средств колеблется в диапазоне 260–900 единиц [Есин 2012: 27–35].) Однако в любом случае ядерное оружие «семерки» пока не оказывает существенного влияния на ядерный баланс между Россией и США.

В то же время трети ядерные государства и террористические организации сейчас заметно дестабилизируют стратегические отношения России и США, но не прямо, а опосредованно. Американская система ПРО, направленная на защиту от ракет КНДР и Ирана, воспринимается как большая стратегическая угроза Россией, из-за которой она прекратила переговоры по СНВ и осуществляет широкую программу вооружений против США, на которую те будут отвечать своими системами оружия. Развитие американских высокоточных обычных вооружений большой дальности (включая гиперзвуковые) против враждебных режимов, террористов и (по умолчанию) Китая – воспринимается в России как «угроза воздушно-космического нападения». На нее дается российский ответ в виде как оборонительных программ (ВКО), так и наступательных систем – крылатых ракет и гиперзвуковых средств в обычном и ядерном оснащении. В ядерной доктрине США от 2018 г. это оценивается как новая угроза и влечет ускорение их военных программ. Озабоченность Москвы по поводу ракетно-ядерных систем средней дальности третьих стран дала ей повод официально усомниться в пользе Договора по РСМД⁴⁵. На этом фоне начались взаимные обвинения России и США в его нарушении, что ныне вылилось в политический кризис отношений, ставящий под угрозу всю систему контроля над ядерным оружием.

Известный американский ученый Р. Легволд подчеркивает: «Биполярность американо-российских отношений в ядерной сфере быстро превращается в триполярность – в своих расчетах Москве и Вашингтону приходится учитывать меняющийся ядерный профиль Китая. То же самое относится к ядерному противостоянию Индии и Пакистана... Конфликт среди девяти государств, обладающих ядерным оружием, может вспыхнуть на ряде направлений. Здесь на размытие контуров международной политической системы накладывается изменение

⁴⁴ Ежегодник СИПРИ 2016. Р. 648–717; SIPRI Yearbook 1990. Р. 3–51.

⁴⁵ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. 10.02.2007 // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 15.03.2018); Договор по РСМД не может действовать бесконечно, заявил Иванов // РИА-Новости. 21.06.2013. URL: http://ria.ru/defense_safety/20130621/945019919.html (дата обращения: 19.01.2015).

параметров ядерного мира, в результате чего оба они становятся менее стабильными и предсказуемыми» [Легволд 2017: 22–23].

Отмеченные тенденции тоже разрушают стратегическую стабильность, хотя не затрагивают напрямую ее формализованные в 1990 г. принципы. Для поддержания стабильности нужны новые принципы стратегических отношений великих держав и механизмы обоюдного отказа от опасных стратегических новаций. Но их невозможно создать в условиях распада контроля над ядерным оружием и неограниченной гонки вооружений.

«Реновация» стабильности

Впервые за полвека с лишним переговоров и соглашений по ядерному оружию мир оказался перед перспективой потери — уже в ближайшее время — договорно-правового контроля над этим самым разрушительным видом оружия в истории человечества. Наиболее слабым звеном стал Договор РСМД между СССР и США от 1987 г., который в ближайшем будущем может быть денонсирован⁴⁶. Кризис контроля над ядерным оружием проявляется и в том, что в 2021 г. истечет срок текущего Договора СНВ, и в контроле над стратегическими вооружениями возникнет вакуум. Уже два десятилетия по вине США Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) не вступает в законную силу. Конференция по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 2015 г. потерпела фиаско, и следующая такая Конференция в 2020 г. имеет все шансы на провал. Это будет означать крах ДНЯО — фактически, если не юридически.

Хотя нынешний мир многополярен, в данной сфере ведущую роль все еще играют Россия и США. В принципе обе державы оставляют дверь для разоружения открытой. В последнем Послании Путина после демонстрации новейших вооружений было сказано: «...Все работы по укреплению обороноспособности России проводились и проводятся нами в рамках действующих соглашений в области контроля над вооружениями, ничего мы не нарушаем... Не нужно создавать для мира новых угроз, а нужно, наоборот, садиться за стол переговоров и вместе думать над обновленной, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации»⁴⁷.

В «Ядерном обзоре» Трампа, хотя и с многочисленными оговорками, указывается: «Соединенные Штаты сохраняют намерение участвовать в разумной повестке контроля над вооружениями. Мы готовы рассмотреть возможности контроля над вооружениями, которые вернут стороны к предсказуемости и транспарентности, и будем приветствовать будущие переговоры по контролю над вооружениями...»⁴⁸.

⁴⁶ Что и произошло в августе 2019 г.

⁴⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018.

⁴⁸ Nuclear Posture Review... February 2018. P. 74.

К сожалению, никаких конкретных предложений пока не сделано, а объективное состояние стратегической стабильности продолжает деградировать. Представляется необходимым, чтобы две державы отодвинули на задний план все внешне- и внутриполитические противоречия и приняли срочные меры для исправления положения.

Первоочередная задача – спасение Договора РСМД. Вместо обмена обвинениями, сторонам следует совместно выработать дополнительные меры проверки, чтобы устраниТЬ взаимные подозрения. Затем – заключение следующего договора СНВ на период после 2021 г. Во взаимосвязи с ним следует принять меры транспарентности и предсказуемости в развитии систем ПРО обеих держав и согласовать критерии для запрещения систем, угрожающих двусторонней стратегической стабильности. Также в новый договор СНВ, наряду с засчетом авиационных крылатых ракет по реальному оснащению бомбардировщиков (примерно, как в Договоре СНВ-1), целесообразно включить стратегические вооружения в обычном и ядерном оснащении, в том числе гиперзвуковые системы, межконтинентальные крылатые ракеты и подводные аппараты. После этого – поэтапное и избирательное придание процессу ограничения и сокращения ядерного оружия многостороннего формата.

Было бы также исключительно важно обновить согласованные принципы стратегической стабильности с учетом изменений последней четверти с лишним века. Прежде всего следует расширить само определение стабильности, как российско-американских стратегических отношений, не только «устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара», но и «стимулы для любого применения ядерного оружия». Предотвращение нападения с использованием обычных вооружений должно опираться не на ядерную угрозу, а на достаточные силы и средства общего назначения, а еще лучше – на соглашения типа Договора по обычным вооружениям в Европе (от 1990–1999 гг.). Желательны также и другие нововведения:

– Положение об «уменьшении концентрации боезарядов на стратегических носителях» и «оказании предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью» нужно дополнить обоюдным признанием того, что средства, угрожающие выживанию стратегических вооружений и их информационно-управляющих систем, являются дестабилизирующими и должны ограничиваться в приоритетном порядке.

– При выполнении указанного выше условия концепции запуска ракет на основании сигнала СПРН (встречный или ответно-встречный удар) должны быть на взаимной основе упразднены как создающие опасность ядерной войны из-за ложной тревоги, технической ошибки или кибердиверсии.

– Системы оружия, размыгающие грань между ядерными и обычными средствами (т.е. двойного назначения), являются дестабилизирующими и должны быть предметом взаимных ограничений и мер доверия.

– Системы ПРО для защиты от третьих стран и негосударственных субъектов должны опять стать предметом обоюдно согласованной «взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями».

— Космические вооружения, прежде всего специализированные противоспутниковые системы, являются дестабилизирующими и подлежат проверяемым мерам запрета.

— Средства кибервойны против стратегических информационно-управляющих систем друг друга являются дестабилизирующими и должны быть объектом запрещения и мер доверия для противодействия провокациям третьих сторон.

— Обе стороны признают, что их ядерные доктрины и вооружения могут создать опасность непреднамеренной войны в результате эскалации кризиса, вопреки их взаимному желанию этого избежать, что должно стать предметом серьезного постоянного диалога между ними на государственном уровне.

— Обе стороны признают, что их военные программы оказывают влияние друг на друга и могут подстегивать гонку вооружений, и это также предполагает регулярный обмен мнениями между заинтересованными ведомствами.

— Вовлечение третьих государств в процесс ограничения ядерных вооружений должен основываться на объективной оценке их сил и программ и согласовании последовательности, состава участников, предмета ограничений и методов их верификации.

В нынешней ситуации может показаться, что эти предложения – утопия. Однако опыт показывает, что текущая ситуация может измениться очень быстро – как в лучшую, так и в худшую сторону. Чтобы не произошло второго, нужно приложить все усилия для первого – спасения стратегической стабильности как основы прекращения гонки вооружений и предотвращения ядерной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дворкин В. Сокращение наступательных вооружений // Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги, 2017. 222 с.

Ежегодник СИПРИ 2016. «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН / Пер. с англ.; редкол.: А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 1044 с.

Есин В. Ядерная мощь Китая // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 83 с.

Клаузевиц К.О. О войне / Пер. с нем. Т. И. М.: Госвоениздат, 1937. 440 с.

Легвold Р. Вызовы новой ядерной эпохи в условиях мирового (бес)порядка XXI века // Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. Московский Центр Карнеги. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 83 с.

Соколов В. Военная стратегия. 3-е изд. М.: Воениздат, 1968. 502 с.

Толубко В. Ракетные войска. М.: Знание, 1977. 62 с.

- Acton J.* SilverBullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 216 p.
- Arbatov A.* Lethal Frontiers. A Soviet View of Nuclear Strategy, weapons, and negotiations. Praeger, New York, 1988. 296 p.
- Arbatov A.* Understanding the US-Russia Nuclear Schism // *Survival*. April – May, 2017. Vol. 59. No. 2. P. 33–66. DOI 10.1080/00396338.2017.1302189
- Dvorkin V.* Space Weapons Programs // Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 175 p.
- Einhorn R., Pifer S.* Meeting U.S. Deterrence Requirements // *Foreign Policy* at Brookings. 2017. 48 p.
- Enthoven A.C., Smith K.W.* How Much Is Enough? Shaping the Defense Program 1961–1969. New York: Harper and Row Publishers, 1971. 394 p.
- McNamara R.* The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper and Row, 1968. 176 p.
- Perry W.* My Journey at the Nuclear Brink. Stanford University Studies. Stanford California, 2015. 276 p.
- SIPRI Yearbook 1990: World Armaments, Disarmament and International Security. 1991. Oxford: Oxford University Press. 714 p.

ПЯТИСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ*

Выступая в Национальном исследовательском ядерном университете – элитном российском учебном заведении – в январе 2014 г., президент России Владимир Путин заявил: «Моя личная позиция заключается в том, что когда то человечество должно будет отказаться от ядерного оружия. Но пока до этого еще далеко – имея в виду, что не только Российская Федерация обладает ядерным оружием, но и другие страны, их много, и они от этого средства вооруженной борьбы отказываться не собираются. В этих условиях сделать этот шаг Российской Федерации было бы в высшей степени странно, и это могло бы в сегодняшних условиях, хочу это подчеркнуть, привести к достаточно большим и тяжелым последствиям для нашей страны и нашего народа»¹.

После возвращения в Кремль в 2012 г., Путин уделял первостепенное внимание модернизации российских ядерных сил с целью укрепления потенциала ядерного сдерживания². В то же время российское руководство неоднократно подчеркивало влияние ядерных арсеналов других стран, помимо США и России, на глобальный стратегический баланс и перспективы российско-американского контроля над ядерными вооружениями. Подключение третьих ядерных государств к этому процессу является одним из предварительных условий для переговоров о дальнейших сокращениях ядерных вооружений после того как новый российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (Новый Договор СНВ) истечет в 2021 г.³ С момента обсуждения первого соглашения об ограничении наступательных стратегических вооружений, подписанного в 1972 г. (ОСВ-1), Москва пытается распространить лимиты на силы третьих ядерных государств, в первую очередь американских ядерных союзников – Великобританию и Францию.

Официальная позиция Соединенных Штатов по этому вопросу более сдержанна и не предполагает той же срочности, что позиция России. Поэтому летом 2013 г. президент США Барак Обама предложил России дальнейшее сокращение стратегических вооружений (примерно до 1000 боезарядов) без обязатель-

* Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2019.

¹ Орывки из стенограммы встречи со студентами Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». Президент РФ. 22 января 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20098>

² Владимир Путин: Россия будет наращивать возможности ВКО // Национальная оборона. Июль. 2013. № 7. С. 22.

³ В 2019 г. эта позиция неожиданно изменилась, Россия поддержала отказ Китая присоединиться к следующему договору СНВ и сняла условие перехода к многостороннему формату в рамках следующего договора по этому вопросу.

ного вовлечения третьих стран, обладающих ядерным оружием. Тем не менее Вашингтон, конечно же, поддержал бы присоединение этих стран, особенно Китая, к процессу ядерного разоружения.

Кроме того, идея двустороннего и многостороннего ядерного разоружения связана с нераспространением ядерного оружия и считается необходимым его условием. В хорошо известной статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) ясно говорится: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе добной воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению...»⁴ Поскольку участниками ДНЯО, которые официально признаны государствами, обладающими ядерным оружием, являются только США, Российская Федерация, Великобритания, Франция и Китай («Р5»), это требование, безусловно, относится к ним.

Следовательно, с точки зрения и России, и США, как дальнейшее российско-американское ядерное разоружение, так и укрепление режима нераспространения ядерного оружия, предполагают, что третьи ядерные государства, а именно Великобритания, Франция и Китай, являются первыми кандидатами на присоединение к договорно-правовому ограничению ядерных вооружений. В конце концов, эта идея была официально принята на так называемых «форумах Р5».

Однако эта, казалось бы, жизнеспособная концепция оказалась ловушкой. Встречи «Р5» послужили форумом для интересных дискуссий и конструктивных общих документов, но не смогли достичь основной цели: вовлечения третьих стран, обладающих ядерным оружием, в процесс ограничения ядерных вооружений. Такая цель вряд ли будет достигнута и в будущем, причем не только в связи с неблагоприятным политическим климатом, сложившимся в результате украинского кризиса 2014 г. Даже в случае политического урегулирования кризиса и улучшения международного положения, формат «Р5», скорее всего, не сможет решить поставленной ему задачи. Понадобятся совсем другие предпосылки, подходы и форматы. Эти вопросы рассматриваются ниже.

Происхождение и достижения процесса «Р5»

Изначальное предложение о начале подобного процесса была выдвинута тогдашним министром обороны Великобритании Дезмондом Брауном в феврале 2008 г. на Конференции по разоружению (КР) в Женеве. Первая встреча состоялась в Лондоне в сентябре 2009 г., вторая – в Париже в июне 2011 г., третья – в Вашингтоне в июне 2012 г., четвертая – в Вашингтоне в апреле 2013 г., пятая – в Пекине в апреле 2014 г. и шестая – в Лондоне в феврале 2015 г.

На протяжении этого периода стороны проводили переговоры и приняли ряд документов, которые постепенно становились все более и более рутинными

⁴ Ядерное оружие после холодной войны / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги, 2008. С. 447.

и похожими друг на друга. Все эти документы подчеркивали намерения сторон создать условия для достижения дальнейшего прогресса по статье VI ДНЯО, обсуждалась стратегическая стабильность и меры улучшения взаимного доверия и прозрачности. Документы также упоминали важность вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), подчеркивали роль переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) и о запрете химического, биологического и токсинного оружия, призывали все государства ратифицировать Конвенцию о запрещении химического оружия и Конвенцию о запрещении биологического и токсинного оружия. Много внимания было уделено призывам к Ирану соблюдать резолюции Совета Безопасности ООН и сотрудничать с МАГАТЭ, а также к Северной Корее – согласиться на полную и поддающуюся проверке денуклеаризацию Корейского полуострова.

Многие положения были направлены на укрепление ДНЯО и его режимов, в частности, на универсализацию Дополнительного протокола 1997 г. к ядерным гарантиям ДНЯО, укрепление контроля за экспортом, поддержку Группы ядерных поставщиков и Комитета Цангера, предотвращение ядерного терроризма. Для этого, в частности, «Р5» призывала к обеспечению безопасности всех ядерных материалов в течение четырех лет – в соответствии с обращением президента Обамы о реализации резолюции 1540 Совета Безопасности ООН и Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма. Также стороны призывали все государства применять рекомендации МАГАТЭ о физической защите ядерных материалов и объектов.

Начиная со встречи в 2011 г. в Париже «форум Р5» приложил усилия к тому, чтобы лучше подготовиться к Обзорной конференции ДНЯО 2015. В частности, была подчеркнута важность реализации Плана действий, принятого на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Группа обсудила прогресс, достигнутый в подписании Протокола к Договору о зоне свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии, одобрила создание безъядерной зоны в Средней Азии и поддержала план о созыве конференции по созданию зоны свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке.

В дополнение к этим документам, процесс «Р5» привел к некоторым практическим инициативам. Одной из них стало создание рабочей группы (во главе с Китаем) по составлению глоссария ядерных терминов, которая проделала большую работу в этом направлении с целью завершения первой фазы глоссария к началу Обзорной конференции ДНЯО 2015. Еще одна рабочая группа была создана для решения проблем ядерных проверок.

Тем не менее, несмотря на пользу дискуссий и документов этих встреч, следует отметить, что форумы «Р5» не достигли ощутимого прогресса на пути к своей главной первоначальной цели: привлечению всех пяти ядерных держав к участию в процессе ядерного разоружения путем вовлечения Великобритании, Франции и Китая в практические переговоры и соглашения. Общая позиция последних состояла и состоит в том, что сначала США и Россия должны сократить свои арсеналы ядерного оружия до уровня, приближающегося к уровню

трех других стран, и это является предварительным условием для переговоров об общих сокращениях всех пяти ядерных держав.

Суть открытой или подразумеваемой позиции «большой двойки» заключается в том, что для значительного дальнейшего снижения их вооружений после выполнения Договора СНВ-3 им нужны твердые гарантии того, что другие страны, обладающие ядерным оружием присоединятся к этому процессу в течение определенного времени и с каким-то предсказуемым уровнем своих ядерных сил. К тому же многосторонние ограничения могут повлечь новые асимметрии в связи с политическими отношениями держав. Например, для России снижение к уровням ядерных сил каждой из трех меньших государств будет означать, по крайней мере, тройное отставание от совокупных ядерных сил трех держав НАТО. А для США это будет равнозначно паритету с КНР и двойному отставанию от совокупности ядерных сил России и Китая, которые провозглашают друг друга «стратегическими союзниками». К тому же, равенство России с каждой из трех меньших стран усугубит значение ее отставания и от НАТО и от Китая по обычным вооруженным силам и вооружениям. А для США равенство с КНР поставило бы под дополнительные сомнения их ядерные гарантии безопасности азиатским союзникам (Японии, Южной Корее, Тайваню).

Сомнительность исходной предпосылки

Основным недостатком инициативы «Р5» являлось применение модели многостороннего контроля над различными направлениями ядерной деятельности к ограничению и сокращению непосредственно ядерных вооружений – то есть средств доставки и боезарядов.

Первая модель была относительно успешной. С 1963 г. было подписано несколько договоров о запрещении ядерных испытаний, кульминацией которых стало подписание ДНЯО в 1968 г., Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в 1996 г., а также ряда договоров о неразмещении ядерного оружия в разных пространствах (Договор по космосу 1967 г., запрещающий развертывание ОМУ в космосе, Договор от 1971 г., запрещающий ОМУ на дне морей и океанов), а также в различных географических регионах (зонах свободных от ядерного оружия и оружия массового уничтожения). Кроме того, благодаря этой коллективной модели Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия от 1972 г. и Конвенция по химическому оружию от 1993 г. – предполагают полное уничтожение двух других классов оружия массового уничтожения.

Вторая модель была реализована только в рамках восьми советско-американских и российско-американских соглашений по стратегическим вооружениям и ракетам средней дальности, подписанных с 1972 по 2010 г. Эти договоры значительно отличались от упомянутых выше многосторонних документов, поскольку напрямую затрагивали потенциалы ядерного сдерживания двух держав – основу безопасности их самих и их союзников.

Изначальная проблема процесса «Р5» заключалась в том, что его концепция была выведена непосредственно из статьи VI ДНЯО и потому коллективная модель этого Договора была ошибочно применена к задаче ограничения и сокращения ядерных вооружений пяти государств. Между тем статья VI вовсе не обязательно подразумевает пятисторонние переговоры о практическом ограничении и сокращении ядерных вооружений. В ней лишь сказано, что ядерные державы должны участвовать в процессе ядерного разоружения, а конкретный формат, сроки и этапы этого процесса никак не оговариваются.

Очевидно, что каждое из этих государств ставит перед своими ядерными силами и программами конкретные военные и политические задачи, и поэтому модель «вступления в клуб» по ядерному разоружению никак не могла быть жизнеспособной. Вполне естественно, что в итоге деятельность «Р5» по умолчанию сосредоточилась на первой парадигме – коллективного контроля над ядерной деятельностью (в основном фокусируясь на ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗПРМ и т.д.), а не на второй – процессе ограничения и сокращения носителей ядерного оружия и боезарядов.

Каждая из пяти обладающих ядерным оружием стран ДНЯО (а также четыре других: Израиль, Пакистан, Индия, Северная Корея) ставит перед своими ядерными силами разные задачи. Одна из них, являющаяся основной, – это задача сдерживания ядерной агрессии через угрозу разрушительного ответного удара. Для этого оценивается способность ядерного оружия к выживанию и ответному удару после ядерного или обычного разоружающего удара противника, а также преодолению систем противоракетной обороны противника. Однако есть и другие цели и задачи, которые различные страны ставят перед своими ядерными силами:

- сдерживание значительно превосходящей агрессии с использованием обычных вооружений;
- сдерживание нападения с использованием других видов оружия массового уничтожения;
- сдерживание ядерной или другой агрессии с использованием оружия массового уничтожения против своих союзников;
- сдерживание агрессии с использованием обычных вооружений против своих союзников;
- сдерживание нескольких потенциальных ядерных агрессоров одновременно.

Кроме того, некоторые ядерные государства используют свое ядерное оружие в целях поддержания своего политического влияния за счет предоставления гарантий безопасности союзникам (что в ряде случаев может служить доводом для отказа последних от собственного ядерного оружия). Также ядерный потенциал зачастую рассматривается как атрибут глобального или регионального статуса. Помимо этого, ядерное оружие нередко становится козырем в переговорах по контролю над вооружениями и по другим вопросам.

Даже двусторонний контроль над ядерным оружием периодически сталкивается с серьезными трудностями из-за различий в объективном положении и

субъективной политике государств, о чем свидетельствует нынешнее состояние российско-американского диалога, который застопорился из-за разногласий по поводу противоракетной обороны, обычных высокоточных систем большой дальности и до-стратегических (оперативно-тактических) ядерных вооружений. Эти проблемы были бы неизмеримо сложнее в контексте многосторонних переговоров по ограничению ядерных вооружений на глобальном или региональном уровнях.

Опыт без малого 50 лет практического ограничения ядерных вооружений и их сокращения (с 1968 г.) показывает, что соглашения возможны только между странами, которые, во-первых, находятся в состоянии взаимного ядерного сдерживания и, во-вторых, обладают приблизительно одинаковыми типами и количеством оружия. Первое условие подразумевает, что в контексте взаимного ядерного сдерживания одно государство может пойти на уступки по сокращению и ограничению своего оружия в обмен на приемлемые уступки другого государства. Если взаимного ядерного сдерживания нет, то любой размен теряет военно-стратегический смысл. Второе условие подразумевает, что уступки будут примерно равны и узаконят равенство на приемлемом уровне как единственный возможный компромисс (на ранней стадии советско-американских переговоров этот принцип был закреплен формулировкой «равенство и одинаковая безопасность»). В противном случае, при отсутствии паритета, слабая сторона не согласится на то, чтобы ее отставание было закреплено юридически обязывающим соглашением. В свою очередь, сильная сторона вряд ли согласится на равенство и уступит свое превосходство безвозмездно.

Ни одно из указанных выше условий не подходит к контексту ядерного разоружения в рамках «Р5». Соединенные Штаты, Великобритания и Франция не имеют отношений взаимного ядерного сдерживания. Они являются политическими и военными союзниками и для их взаимных уступок по ограничению своих ядерных вооружений нет никаких оснований. Напротив, США и Великобритании (а в последние годы также Великобритании и Франции) сотрудничают по взаимному укреплению своих потенциалов ядерного сдерживания. Между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Китаем – с другой, не существует отношений взаимного сдерживания. Они преимущественно находятся вне досягаемости ядерных систем друг друга и не нацеливают их друг на друга. Если бы их ядерные силы были предназначены только для поддержания политического престижа, может и был бы какой-то смысл в договоренности об их ограничении примерно равными уровнями. Однако они имеют ядерное оружие, прежде всего, с целью сдерживания определенных государств (но не друг против друга) и потому для переговоров о компромиссных ограничениях и сокращениях вооружений между ними нет оснований.

Несомненно, британские и французские ядерные силы предназначены для сдерживания России и нацелены на ее территорию, и наоборот. Следовательно, между этими европейскими государствами и Россией существуют отношения взаимного сдерживания, и они могли бы обсуждать взаимные уступки по ограничению вооружений. Тем не менее российские ядерные силы намного

больше ядерных сил Великобритании и Франции – т.е. отсутствует второе условие переговоров. Великобритания и Франция не пойдут на юридическое закрепление своего количественного ядерного отставания от России, а Россия не согласится сократить свой потенциал до их уровня, поскольку намерена поддерживать паритет с США. Три ядерные державы НАТО не уступят давнему требованию России договориться о равенстве с их суммарным уровнем вооружений. Два европейских государства считают свои ядерные силы независимыми национальными потенциалами сдерживания, а суммарное ограничение трех стран НАТО юридически закрепило бы российское превосходство над Британией, и Францией. А для США согласие на суммарные потолки правовым образом зафиксировало бы американское отставание от России (на англо-французскую сумму), что противоречит принципу паритета США–РФ.

Понятно, что принцип равенства (паритета) имеет, прежде всего, символико-политический смысл, поскольку в ядерных арсеналах держав всегда есть асимметрии, как следствие их свободного выбора национальной военной политики. Однако договорно-правовое закрепление неравенства чаще всего политически неприемлемо для ядерных держав и не получит поддержки внутри этих стран.

У Китая, безусловно, есть отношения ядерного сдерживания с США, но он существенно уступает США в количестве и качестве ядерного арсенала. Таким образом, второе условие для практического ограничения ядерных вооружений двумя государствами также отсутствует.

Наконец, стратегические отношения между Китаем и Россией весьма туманны. Формально эти страны не являются военными союзниками. Они расположены в пределах досягаемости всех ядерных средств друг друга, но при этом не имеют отношений взаимного ядерного сдерживания – по крайней мере, официально по военным доктринах. Их силы в значительной степени неравны, превосходство России пока еще очевидно. Кроме того, они ориентированы во многом на разные направления: силы России – преимущественно на США, их союзников в Европе и отчасти на Дальнем Востоке, а также, возможно, на Пакистан. А ядерное оружие Китая – на США, их союзников на Тихом океане и на Индию. По всем этим причинам трудно себе представить переговоры о взаимном ограничении вооружений между Москвой и Пекином.

По указанным выше резонам маловероятно, что Великобритания, Франция и Китай могут быть вообще вовлечены в контроль над ядерными вооружениями на коллективной основе. Они не способны просто «запрыгнуть» на подножку Российско-американских стратегических переговоров, которые в течение многих десятилетий строились на прочной основе взаимного сдерживания и стратегической стабильности (т.е. возможности гарантированного взаимного уничтожения ответным ударом), а также приблизительного, хотя и асимметричного паритета, и опирались на очень сложные правила засчета, режимы верификации и меры транспарентности. Третий государства просто не впишутся в этот беспрецедентный процесс (тем более что даже он в настоящее время разваливается из-за политической напряженности и новых технологических разработок).

Ныне практически невозможно создать новую модель пятистороннего контроля над вооружениями ввиду вышеупомянутой асимметричности стратегических отношений и ядерных сил стран «Р5».

Вероятно, при наилучших политических обстоятельствах многостороннее ядерное разоружение может быть практически реализовано в нескольких, в первую очередь двусторонних форумах: Великобритания и Франция, с одной стороны, и Россия — с другой; Соединенные Штаты и Китай (или США, Россия и Китай). Принимая во внимание сложное взаимодействие стратегических и политических отношений между пятью государствами, обладающими ядерным оружием, координация переговоров между различными сторонами может стать высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона на ближайшие десятилетия.

КОНЦЕПЦИИ МНОГОСТОРОННЕГО ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ*

На встрече с военно-политическими экспертами в Федеральном ядерном центре в Сарове 24 февраля 2012 г. будущий президент России Владимир Путин заявил: «Мы не будем разоружаться в одностороннем порядке... В ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы. Мы не можем бесконечно разоружаться на фоне того, что какие-то другие ядерные державы вооружаются»¹.

Многие в России и США согласны с такой постановкой вопроса, и это одна из немногих точек соприкосновения двух сторон в проблематике сокращения ядерных вооружений. Правда, Россия считает такое расширение формата одним из необходимых условий перехода уже к следующему договору СНВ, а США предлагает отложить на более отдаленное будущее². Так или иначе, эта тема заслуживает внимания, особенно в контексте нынешнего, будем надеяться, временного тупика в процессе контроля над ядерным оружием.

Если сравнить стратегические ядерные силы (СЯС) России и США, ограниченные по Новому Договору СНВ от 2010 г., и совокупность ядерных арсеналов остальных стран (по усредненным оценкам), то эта позиция представляется весьма убедительной. Стратегические силы двух сверхдержав ограничены потолком Договора уровнем по 1550 боезарядов, а все остальные страны имеют в сумме порядка 1000 боезарядов. Вполне возможно, что консультанты по военным вопросам представляют именно такую картину руководству своих стран.

Тем не менее эта в целом привлекательная политическая позиция не отменяет необходимости научного исследования. Системный анализ требует продуманного ответа на ряд существенных вопросов и может привести к весьма неожиданным выводам. Не похоже, что чиновники двух ведущих ядерных держав проделали эту работу или даже начали ей заниматься, и уж тем более сообщили о таком анализе своим президентам.

* Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). М.: Московский Центр Карнеги, РОССПЭН, 2019.

¹ Prime Minister Vladimir Putin meets with experts in Sarov to discuss global threats to national security, strengthening Russia's defenses and enhancing the combat readiness of its armed forces // Official Website of the Government of Russia. February 24, 2012. URL: <http://government.ru/eng/docs/18248>

² В 2019 г. позиции сторон по этому вопросу поменялись, Россия поддержала отказ КНР подключиться к процессу ограничения ядерных вооружений, а США сделали участие Китая условием переговоров о следующем соглашении СНВ.

На этой основе нужно объяснить, почему именно сейчас настало время для подключения других стран к процессу ядерного разоружения. Какие страны должны подключаться, в какой очередности и в каком переговорном формате? На какой концептуальной основе (паритет, стабильность, фиксация статус-кво, распределение квот) и на каких правилах засчета возможны такие соглашения? Наконец, каковы возможности обмена соответствующей военно-технической информацией и контроля ограничения вооружений у третьих ядерных государств?

Политический контекст

Заявлений и политического давления со стороны России и США по вопросам расширения формата процесса ядерного разоружения вряд ли будет достаточно для того, чтобы усадить страны за стол переговоров. Мир становится полицентричным и разномерным, другие мировые и региональные центры силы обретают большую независимость и уверенность в себе.

На призывы двух превосходящих держав присоединиться к ядерному разоружению, остальные члены «ядерного клуба» неизменно и стандартно отвечают, что для этого «большая двойка» должна сначала сократить свои арсеналы до уровня, более близкого к уровням остальных стран. А Россия (и с оговорками США) отвечают, что с 1990 г. уже уменьшили свои ядерные арсеналы в 5–6 раз путем договоров и односторонних шагов и не могут дальше сокращать их, не имея гарантий, что остальные ядерные государства не будут параллельно наращивать свои силы.

В связи с этим все стороны ссылаются на статью VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая обязывает ядерные державы: «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³. Договор существует уже почти полвека, все соглашения СССР/России и США по контролю над ядерным оружием в преамбуле ссылаются на эту статью ДНЯО, но, к сожалению, начать ее осуществление в многостороннем формате путем перехода от политических заявлений к предметным переговорам так и не удалось.

Как правило, модели и варианты вовлечения других ядерных государств в процесс ядерного разоружения рассматриваются как необходимый этап пути движения к миру, свободному от ядерного оружия. Этот подход заслуживает уважения исходя из моральных и философских соображений, но в данной главе представлен несколько иной взгляд на проблему, а именно, как на одну из задач, которую придется прагматически решать в обозримой перспективе, чтобы выйти из нынешнего тупика в российско-американском стратегическом диалоге.

³ Ядерное оружие после Холодной войны / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги, 2008. С. 447.

Асимметрия безопасности

Более настойчивое, чем со стороны США, требование России о переводе ядерного разоружения в многосторонний формат имеет веские основания. Ведь российская территория находится в пределах досягаемости носителей ядерного оружия (ЯО) не только США, но и всех остальных семи ядерных государств. Притом ни одно из них не является формальным военно-политическим союзником РФ. В отличие от этого, по территории США могут нанести ядерный удар только две державы: Россия и Китай. Все остальные шесть ядерных государств являются либо союзниками США (Великобритания, Франция), либо не имеют ядерных носителей достаточной дальности (Израиль, Индия, КНДР, Пакистан). При этом некоторые страны из последней группы тоже состоят с США в партнерских отношениях (издавна Израиль, в последние годы все более – Индия и все еще, хотя и с растущими оговорками, Пакистан).

Отношения России с Великобританией и Францией, как членами НАТО, в данной области определяются взаимодействием РФ с США. Две европейские ядерные державы вполне открыты в отношении ядерных сил, существенно сократили их в последние десятилетия и планируют дальнейшее сокращение в будущем (Великобритания имеет 120, а Франция 280 боезарядов⁴). Серьезной самостоятельной или дополнительной ядерной угрозы для РФ, как и большого влияния на прогнозируемый военный баланс эти государства не представляют – во всяком случае, пока стратегические ядерные силы (СЯС) России и США будут превышать уровень боезарядов в тысячу единиц. Независимая роль ядерного потенциала европейских стран может стать еще меньше, если Россия реализует в полном объеме намеченную программу воздушно-космической обороны (ВКО).

Индия является традиционным близким соратником, а Израиль – относительно недавним партнером России. Ее отношения с ними, видимо, останутся весьма стабильными, а их ядерный потенциал не направлен против России и ей не угрожает, хотя в случае Индии технически находится в пределах досягаемости до российской территории.

Наибольшую тревогу у России должны вызывать отношения с Пакистаном и КНДР, которые могут быть резко дестабилизированы в случае радикальных и не зависящих от РФ перемен во внутреннем положении и внешней политике этих стран.

Ни в коем случае не ставя с ними на одну доску КНР, – новую сверхдержаву XXI в., с которой у России развиваются стратегические партнерские отношения, – в его внутренней и внешней политике тоже нельзя исключать крутых поворотов. В сочетании с растущими военно-экономическим потенциалом и ракетно-ядерной мощью это может в обозримой перспективе направить

⁴ SIPRI Yearbook 2019: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 288.

затронуть интересы безопасности РФ. Это тем более серьезное обстоятельство, поскольку Китай – единственное государство мира, которое имеет материальные возможности быстро нарастить свой ядерный потенциал до уровня, сравнимого с «большой двойкой», если на то будет решение политического руководства.

Поэтому ограничение ядерных вооружений КНР и Пакистана, а еще лучше, ядерное разоружение Пакистана и КНДР и ограничение ядерных сил КНР – безусловно, являются важнейшим интересом безопасности России. Интересно, что это в принципе совпадает и с приоритетами США, хотя данное обстоятельство пока не стало объектом общественно-политического внимания двух держав.

Нельзя допустить и того, чтобы в политическом плане расширение состава участников процесса лишило Россию ее нынешнего уникального положения как главного партнера США по контролю над ядерным оружием. В настоящее время Москва, очевидно, считает ядерное оружие (ЯО) основой своей безопасности и глобального статуса и потому негативно-пассивно относится к дальнейшим сокращениям после выполнения Договора СНВ-3. Однако этот подход следует пересмотреть⁵. Переговоры с США по ядерному оружию – это единственная сфера отношений, где стороны имеют равные позиции, что предоставляет России возможность вести диалог действительно на равноправной основе и через него влиять на внешнюю политику США по другим вопросам. К тому же этот диалог имеет огромное значение как канал взаимодействия России с США по важнейшему сегменту международной безопасности, от которого зависит не-распространение ядерного оружия и предотвращение доступа к нему террористических организаций. Отмеченную особую политическую роль ядерного оружия для положения России в мире неуклонно размывало бы как дальнейшее распространение ЯО, так и огульное расширение круга участников переговоров по ограничению этого класса оружия.

Стратегические балансы

В принципе, самый удобный для двух сверхдержав вариант – закрепить существующее соотношение сил с остальными странами на пропорциональной основе. Другая концепция – выделить остальным шести государствам (кроме КНДР⁶) суммарный потолок примерно в 1000 боезарядов и предоставить им право делить национальные квоты между собой. Тем не менее эти на поверхности простые модели являются практически невозможными. Каждое из семи остальных

⁵ В 2020 г. так и было сделано – Россия выступила за продление Договора СНВ-3 и начало переговоров о следующем соглашении безо всяких прежних условий. Впрочем, ее позиция по параметрам следующего договора была весьма туманной или держалась в тайне.

⁶ КНДР – особый случай. Она де-факто обладает ядерным оружием, но вышла из ДНЯО в 2003 г. с нарушением его статьи X и потому не признается мировым сообществом как ядерное государство, в отличие от Израиля, Индии и Пакистана, которые никогда не были членами ДНЯО. Поэтому применительно к КНДР речь может идти только об условиях и этапах ее отказа от ЯО.

государств связывает со своим ядерным оружием собственные интересы безопасности (сдерживание нападения с использованием ядерных или обычных вооружений, статус и престиж, козырь на переговорах, консолидация власти внутри страны). Эти интересы зачастую не соотносятся с ядерными силами двух сверхдержав и большинства других стран-обладательниц ЯО. Поэтому они не согласятся ни на суммарный потолок, ни на индивидуальные квоты в каком-то фиксированном соотношении между собой. Вообще многосторонний формат для них реально неприемлем, хотя на политическом уровне для оправдания своей негативной позиции ониapelлируют к Статье VI ДНЯО и ставят условием сокращение сил «большой двойки» до своего уровня. Однако озабоченность, например, Пакистана, Индии или Израиля по поводу своей безопасности никак не снизится от сокращения ядерных вооружений России и США до их уровня.

По той же причине третьи ядерные державы принципиально отказываются объединяться в одну или две группы для сопоставления с ядерными силами каждой из двух сверхдержав. Но для удобства оценок военного баланса целесообразно все же схематично разбить «ядерную девятку» хотя бы на три группы. Во-первых, это две ведущие державы: Россия и США, во вторых – «тройка» остальных ядерных государств – членов Договора о нераспространении ЯО и постоянных членов Совета Безопасности ООН: Великобритания, Франция, КНР. В-третьих – «четверка аутсайдеров» ДНЯО: Израиль, Индия, Пакистан и КНДР.

Прежде всего объективность анализа предполагает сравнение сопоставимых по классам ядерных вооружений государств. Так, если сложить все ядерные средства «тройки» и средства «четверки» по числу боезарядов (из них лишь Великобритания и Франция открыто публикуют информацию о своих ядерных силах), то с ними следует сравнивать не только стратегические силы, но все ядерные арсеналы России и США, включая до-стратегические (оперативно-тактические) вооружения, причем как оперативно развернутые, так и на складском хранении в разных режимах технического состояния (поскольку по имеющейся информации часть или все ядерные боезаряды «четверки» содержатся в хранилищах).

Тогда соотношение ядерных боезарядов России, США, суммарной численности арсеналов «тройки» и «двойки» выглядит весьма асимметрично в пользу РФ и США. У двух сверхдержав соответственно 6500 и 6185 боезарядов, у трех членов ДНЯО суммарно 790, а у четверки остальных 410 единиц⁷.

Нестратегическое ядерное оружие всех стран, а также его запасы на складском хранении держатся в тайне и оцениваются только независимыми экспертами. К тому же есть большая неясность с оценкой ядерных сил Китая, поскольку остается без объяснения предназначение грандиозных защищенных подземных тоннелей, протяженностью примерно в 5 тыс. км, сооруженных в 1970–1980-е годы инженерными частями Корпуса 2-й Артиллерии КНР (аналогом российских РВСН). Если в них размещаются мобильные ракеты средней и межконтиненталь-

⁷ SIPRI Yearbook 2019: World Armaments, Disarmament and International Security. P. 288.

ной дальности, то их число может достигать многих сотен единиц, укрытых в тоннельных сооружениях.

Поскольку чаще всего только стратегические силы «большой двойки» сравниваются с ядерными средствами третьих государств, поскольку корректно выделить вооружения остальных «тройки» и «четверки», подпадающие под категорию стратегических вооружений, являющихся объектом Договора СНВ. Тогда соотношение РФ, США, «тройки» и «четверки» еще больше в пользу РФ и США. У них есть соответственно порядка 2500 и 3570 ядерных боеголовок (с учетом резервных ядерных боезарядов СЯС в хранилищах), у Великобритании, Франции и КНР в сумме около 600 единиц⁸.

Таким образом, при всей желательности ограничения ядерных вооружений третьих стран как такового, в военном балансе по сопоставимым категориям (и даже после выполнения Договора СНВ) Россия и США сохранят многократное превосходство над ядерными силами остальных государств. Причем это справедливо в отношении всех третьих стран в совокупности, не говоря уже о каждой по отдельности. Неопределенность существует только относительно тоннельных сооружений КНР и ее военно-промышленного потенциала быстрого наращивания ракет и ядерных боезарядов.

Военно-стратегические отношения

Еще более важный момент состоит в том, что серьезные переговоры и соглашении по ограничению вооружений – это не символика, а важнейший элемент военно-стратегических отношений государств. Поэтому для переговоров об ограничении вооружений необходимо наличие вполне определенных стратегических отношений сторон (например, взаимного ядерного сдерживания), как между США и Россией (а прежде – с Советским Союзом). Тогда одно государство (или государства) может ограничить свои вооруженные силы и военные программы в обмен на то, что их ограничивает другое (другие) страны в согласованном соотношении, порядке и на договорных условиях.

В этой связи к идеи расширения круга участников переговоров сразу возникают существенные вопросы. Применительно к Великобритании, Франции и КНР они рассмотрены выше. Взаимное ядерное сдерживание по политическим или военно-техническим причинам отсутствует также в отношениях США, Франции и Великобритании – с Израилем, Индией, Пакистаном и КНДР. Таких отношений не просматривается в стратегических взаимоотношениях России с Индией, тогда как в отношениях РФ с Израилем, Пакистаном и КНДР вопрос не ясен. Хотя ядерное сдерживание тут может присутствовать «закулисно», оно едва ли создает осозаемый предмет переговоров о взаимном ограничении вооружений. У Китая нет взаимодействия по модели ядерного сдерживания с Израилем, Пакистаном и КНДР.

⁸ SIPRI Yearbook 2019: World Armaments, Disarmament and International Security. P. 290, 302, 312, 320.

Безусловно, взаимное ядерное сдерживание присутствует в отношениях США и КНР, а также подспудно – между Россией и Китаем. Впрочем, это треугольник отнюдь не «равнобедренный» как по уровням сил, так и по политической удаленности держав друг от друга. Весьма сомнительно, что переговоры и соглашения по СНВ возможны в трехстороннем формате. По той же логике, переговоры возможны и в перспективе необходимы между Индией и Пакистаном, как и между Индией и КНР, хотя жизнеспособность трехстороннего формата и тут далеко не очевидна.

Наконец, два негласных и непризнанных ядерных государства на противоположных окраинах Евразии: соответственно, Израиль и КНДР – едва ли могут стать формальными участниками переговоров о разоружении с кем бы то ни было. Если их ядерные средства когда-то и будут предметом соглашений, то скорее всего в рамках решения проблем безопасности, ограничения обычных вооруженных сил, урегулирования политических, экономических, территориальных и внутренних вопросов. Это предполагает региональный формат и контекст укрепления режимов ДНЯО, а не традиционную модель соглашений об ограничении ядерных вооружений.

Кроме того, с учетом относительно небольшой численности и менее высоких качественных характеристик ядерных средств третьих стран, вопросы их достаточности и возможности ограничения в перспективе еще более усложняются влиянием на военный баланс интенсивно развивающихся систем региональной и глобальной ПРО, высокоточных обычных вооружений большой дальности, ракетно-планирующих гиперзвуковых систем (последнее больше всего относится к военным отношениям в рамках КНР–Тайвань–США).

Технические аспекты

В соответствии с отработанной на опыте ОСВ/СНВ методике определений, ограничений и режимов контроля «тройка» ДНЯО могла бы добавить к ядерному балансу всего 600 боезарядов, а «четверка» аутсайдеров вообще не имеет соответствующих вооружений. Если сюда прибавить системы, подпадающие под Договор РСМД от 1987 г., то дополнительно можно было бы охватить порядка 400 ракет «тройки» и «четверки» (причем только если включить ракеты дальностью свыше 500 км, которые не оснащены ядерными боезарядами).

Однако, по имеющимся данным, значительная часть или все ракеты третьих стран (кроме Великобритании и Франции) в мирное время поддерживаются в пониженном режиме боеготовности, а ядерные боеголовки хранятся отдельно от ракет. Тем более это относится к их ракетам малой дальности и ударной авиации (включая «стратегическую ударную» авиацию Франции), которые составляют значительную или преобладающую часть ядерных носителей Франции, КНР, Израиля, Индии, Пакистана. Россия и США относят эти ядерные вооружения к классу тактического ядерного оружия (ТЯО).

Как известно, Москва отвергает предложения США и НАТО начать переговоры о ТЯО, пока из Европы не выведены американские тактические ядерные авиабомбы. Нет ни согласованных определений таких систем, ни правил засчета, ни методов контроля их ограничения и ликвидации. Неясно, начнутся ли такие переговоры и когда это произойдет. Однако очевидно, что без проработки этих тем двумя ведущими державами третьи страны не согласятся обсуждать ограничение данного класса вооружений хотя бы теоретически. Впрочем, даже получив такой пример, третьи страны не пойдут на «подключение» к переговорам и соглашениям России и США по СНВ, РСМД или ТЯО на основе какого-то суммарного потолка, пропорции или квоты – ни все вместе, ни по отдельности.

Основываясь на реальных военно-стратегических взаимоотношениях ядерных государств, единственный гипотетически возможный вариант – это несколько форумов двустороннего формата: Великобритания/Франция – Россия, США – КНР, КНР – Индия, Индия – Пакистан. Какая-то координация этих переговоров между собой была бы высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона. При этом в ряде случаев третьи страны должны будут опираться на технические средства контроля России и США или специальных международных организаций (как МАГАТЭ).

Варианты многостороннего ядерного разоружения

Европейские державы. Все прошлые попытки СССР приплюсовать силы европейских стран к СЯС США и ограничить их единым потолком были отвергнуты Западом на том основании, что силы Англии и Франции являются национальными, а не коллективными потенциалами сдерживания⁹. В будущем эта позиция едва ли изменится. Отдельным переговорам России с двумя европейскими странами мешает огромная асимметрия СЯС сторон. Согласие Великобритании и Франции хотя бы на некоторые меры доверия, транспарентности, инспекционной деятельности из «меню» Договора СНВ-3 имело бы большое положительное значение как прецедент и пример для других стран, прежде всего – Китая.

Фактически такие меры подтверждали бы верность официальной информации об английских и французских силах и программах их сокращения и модернизации. Но две европейские державы едва ли согласятся трактовать это как юридически обязывающее ограничение своих ядерных вооружений. Даже если бы Россия согласилась взять на себя такие же меры доверия в контексте отношений с этими странами за рамками Договора СНВ-3 (что наверняка потребовали бы Лондон и Париж), последние вряд ли пойдут на юридическую легализацию российского превосходства.

⁹ Первая такая попытка была предпринята в рамках Соглашения ОСВ-1 от 1972 г., затем – на переговорах об ОСВ-2 в конце 70-х годов и в Договоре РСМД от 1987 г.

Только сильное давление со стороны США и союзников по НАТО и ЕС могло бы побудить две европейские державы принять такой подход. Стимулом для США и других стран могло бы стать согласие России на переговоры по тактическому ядерному оружию и по возрождению режима и процесса ДОВСЕ. Тогда в более отдаленной перспективе можно было бы добиваться перехода от мер доверия к практическому ограничению ядерных сил Великобритании и Франции.

Китай. Официальная позиция Пекина состоит в том, что он присоединится к переговорам, когда страны, обладающие наибольшими ядерными арсеналами, решительно сократят свои арсеналы проверяемым, необратимым и юридически обязывающим способом¹⁰. Тем не менее Китай, наверное, можно постепенно вовлечь в процесс ограничения ядерных вооружений, но только на сугубо прагматической основе: если он сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию России) по тем вопросам, которые интересуют Пекин.

Реальные предпосылки согласия КНР на поэтапное «открытие» своих стратегических вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) могут включать обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане; переход США и РФ к переговорам о следующем соглашении СНВ с существенным понижением потолков на боезаряды; продвижение в ограничении нестратегических ядерных вооружений России и США (которые для КНР равнозначны стратегическим при их передовом базировании), что позволило бы поставить вопрос об ограничении китайских систем средней дальности и оперативно-тактического класса.

Наиболее вероятный формат переговоров – двусторонний диалог между США и КНР, параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России и Китая (поскольку они не признают между собой взаимного отождествления ядерного сдерживания). Трехсторонний формат, видимо, возможен лишь по сотрудничеству в сфере ПРО (например, обмен данными СПРН, меры доверия).

Южная Азия. Примерное равенство и однотипность Индии и Пакистана по ядерным носителям и боезарядам, а также практика их раздельного хранения создают стратегические и технические предпосылки для классических соглашений об ограничении ядерных вооружений и мерам доверия как минимум применительно к системам ракет средней и меньшей дальности по типу Договора РСМД от 1987 г. между СССР и США. Препятствия заключаются в острых политических отношениях сторон (территориальный спор, терроризм), индийском превосходстве в силах общего назначения. Если с помощью великих держав и ООН эти препятствия будут сняты, то Южная Азия может стать первым примером перехода ядерного разоружения к многостороннему формату, правда,

¹⁰ Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference on May 20, 2019. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/celv/eng/fyrth/t1665026.htm> (accessed 07.09.2019).

не путем «подключения» к переговорам России и США, а на отдельном региональном форуме.

Поскольку Индия создает ядерные силы, в первую очередь, для сдерживания КНР, ограничение китайских ядерных вооружений соглашениями с США было бы непременным условием соглашения Индии и Пакистана. Параллельный диалог России и США по следующему договору СНВ и сотрудничеству в сфере ПРО, начало диалога по ТЯО — могут ощутимо способствовать процессу и в Южной Азии.

Указанные выше инициативы могли бы стимулировать отдельные диалоги на Ближнем Востоке и Корейском полуострове в региональном масштабе с участием заинтересованных держав и в контексте укрепления режимов ДНЯО и решения других региональных проблем.

КИТАЙ И ОГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ: НЕ УТОПИЯ, А ТРУДНЫЙ ВЫБОР*

Перспектива подключения Китая к процессу ядерного разоружения — тема не новая и много лет обсуждается в контексте перехода с двустороннего российско-американского на многосторонний формат контроля над ядерным оружием¹. Однако в последние полтора года этот вопрос вышел на передний план практического контроля над вооружениями, когда его «поставила ребром» администрация Дональда Трампа. Обвинение Китая в несоразмерном наращивании ракетных вооружений стало одним из двух² официальных поводов для выхода США в 2019 г. из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД от 1987 г.). Подключение КНР к ограничению вооружений теперь является условием согласия Вашингтона на новый договор по ракетам средней дальности, а также на продление российско-американского Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3 от 2010 г.) и на начало переговоров о следующем договоре по СНВ³. Со своей стороны Китай категорически отвергает эти требования⁴.

Политика КНР в стратегических отношениях Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) несет отпечаток истории китайской стратегической культуры, весьма отличной от менталитета России и Соединенных Штатов. В то же время, китайский государственный взгляд на данный вопрос закрыт и для синологов и для всех остальных экспертов из-за всеобъемлющей секретности, окутывающей ядерные силы и программы вооружений Китая. Судить о них можно лишь из зарубежных официальных или независимых источников. Китайские официальные документы по военной доктрине и вопросам разоружения имеют густой пропагандистский флер и мало что проясняют по существу дела. Эта проблематика, пожалуй, является единственной сферой китаеведения, где синологи

* Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 36–54.

¹ Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности. М.: Московский Центр Карнеги; Политическая Энциклопедия, 2017; Караганов С., Суслов Д. Сдерживание в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2019. № 4.

² Вторым поводом было вменяемое России нарушение ДРСМД в связи с испытанием и развертыванием наземных крылатых ракет 9М729 «Новатор», имевших, по оценкам Запада, дальность больше 500 км.

³ U.S. Secretary of State Mike Pompeo testifies before a Senate foreign Relations Committee hearing on the State Department budget request in Washington Wednesday. | REUTERS; Mike Pompeo wants China to join Russia in START nuclear treaty. APF-JIJI, Asia Pacific/Politics. April 11, 2019. Article History.

⁴ Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on July 16, 2019. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgjed/eng/fyrth/t1681503.htm> (accessed 07.09.2019).

не имеют преимущества перед специалистами по стратегическим проблемам как таковым.

Региональная стратегическая панорама

Возрастающая важность Азиатско-Тихоокеанского региона в экономическом, политическом и военном миропорядке ХХI в. общепризнанна, в том числе в России. С этим после 2010 г. была связана популярная в определенных кругах, но не очень внятная идея российского «Поворота на Восток», а после 2013 г. – концепция «Большой Евразии»⁵.

В отличие от Европейского континента, стратегическая обстановка в АТР не носит характер биполярного противостояния, как между НАТО и Россией. Она имеет поликентричную конфигурацию с несколькими очагами активных или «дремлющих» конфликтов: в Охотском, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, на Корейском полуострове и в Гималаях. На Тихом океане развертывается интенсивная военная конфронтация, разделяющая, с одной стороны, КНР, Северную Корею, а с другой – США вместе с их союзниками и партнерами (Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины). В последние годы нарастает военное противостояние России с американо-японским альянсом. С запада к этой военно-политической мозаике примыкает Индия, соперничающая с Пакистаном и Китаем в Индийском океане и в Гималаях. Наконец, есть скрытое (латентное) военное позиционирование между Китаем и Россией в зоне общей сухопутной границы. Огромная концентрация враждебных войск и сил сохраняется на Корейском полуострове.

Нет нужды напоминать о впечатляющем экономическом росте государств региона и огромном масштабе их торгового оборота (в котором доля России, к сожалению, лишь около 1%). Однако опыт последних лет убедительно демонстрирует, что экономические интересы отступают на задний план, когда случаются крупные политические или идеологические повороты в курсе больших держав.

В свете описанного выше переплетения стародавних и новых противоречий, конфликтов и фронтов гонки вооружений можно лишь позавидовать смелому полету фантазии приверженцев концепции «Большой Евразии» (от Лиссабона до Сингапура), которые предвкушают «...создание на гигантском континенте пространства свободной торговли, развития, мира и безопасности, условий для суверенного развития всех входящих в него стран, культур и цивилизаций»⁶.

⁵ Караганов С. «Мы исчерпали европейскую кладовую». О неизбежности для России «поворота на Восток». Интервью // Огонек. 10.09.2018. № 34. С. 8.

⁶ Лукин А., Новиков Д. Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике. Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики». М.: Издательство «Весь Мир», 2019. С. 10.

Глобальное бедствие COVID-19, скорее всего, еще больше поставит под сомнение мечту о «Большой Евразии». Ясно, что в результате пандемии все три ведущих державы АТР понесут огромный экономический ущерб, а Китай и США получат еще тяжелый удар по национальной репутации. Скорее всего, после ухода коронавируса нынешние конфликты сами собой не «рассосутся» (даже если расширится международное сотрудничество в сфере биобезопасности). Уже сейчас, когда конца пандемии еще не видно, эта беда не сплачивает государства перед лицом общей опасности, а превращается в повод для взаимных обвинений и вероятных новых экономических санкций, которые наложатся на прежние политические и военные противоречия.

Тихоокеанская ракетно-ядерная конфигурация

Предметный анализ перспектив контроля над вооружениями (в отличие от отвлеченно-теоретического⁷) невозможен без исследования его материальной основы: вооружений, программ их развития и стратегических концепций применения. Ядерный баланс в АТР имеет смешанный характер. Стратегические силы России, США и Китая ввиду их дальности действия являются не региональным, а глобальным военным фактором, даже если они развернуты в данном регионе. К региональному балансу больше относятся системы средней дальности (как ракеты, запрещенные в прошлом по ДРСМД). Но при размещении в Азии они имели бы для США характер оружия театра военных действий, а для России и Китая стали бы равнозначны стратегической угрозе. Аналогичные средства России и КНР имели бы стратегический потенциал с точки зрения Японии, Южной Кореи и других соседних стран. Кроме того, трехсторонний стратегический баланс в АТР имеет неоднородный характер из-за различий в военно-политических отношениях трех держав.

Стратегические отношения России и США на глобальном уровне представляют собой образец классического взаимного ядерного сдерживания на основе паритета и сравнимых потенциалов обобщенного уничтожения ответным ударом⁸. Вместе с тем стабильность баланса ныне расшатывается из-за распада договоров по контролю над вооружениями и развития новейших ядерных и обычных оборонительных и наступательных систем оружия и военных технологий.

Отношения США и Китая тоже имеют выраженный характер взаимного ядерного сдерживания. Но оно не равновесно по количественным и качественным параметрам – США обладают многократным превосходством на глобаль-

⁷ В качестве примера такого подхода см.: Караганов С., Суслов Д. Сдерживание в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2019. № 4.

⁸ Договор СНВ-3 от 2010 г. ограничивает силы каждой стороны потолком в 700 развернутых стратегических носителей и 1550 боезарядов. По состоянию на 2020 г. Россия имеет 513 развернутых носителей и 1426 боезарядов, а США – 668 развернутых носителей и 1374 боезаряда. Договор СНВ-3 истекает в марте 2021 г., и перспективы его продления на 5 или менее лет сейчас неясны.

ном уровне при ярко выраженной региональной асимметрии сторон. К тому же баланс сил при его высокой динамике не регламентирован договорами по контролю над вооружениями.

Самая большая неопределенность – своего рода «бином Ньютона» – это отношения России и Китая. Примерно до конца 1980-х годов две державы были врагами и имели примерно такие же стратегические отношения, какие сейчас присутствуют между КНР и США, но при гораздо большем перевесе в пользу СССР. Ныне стороны постоянно объявляют друг друга стратегическими партнерами⁹. Однако эти отношения не сходны с альянсом США, Великобритании и Франции в НАТО, поскольку Россия и КНР не являются полновесными военными союзниками, не имеют общей военной стратегии и разделения оборонной ответственности, не отягощены обязательствами воевать за интересы друг друга (например, за Крым или Тайвань).

При том что материальное соотношение сил по системам стратегической и средней дальности (не говоря уже о силах общего назначения) заметно меняется в пользу Китая, эти отношения нельзя определить как взаимное ядерное сдерживание в свете растущего военно-политического сотрудничества двух держав. Возможно, оно вступило в качественно новый этап осенью 2019 г. с объявлением плана российской помощи в создании китайской системы раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН)¹⁰. Сотрудничество в столь деликатной и центральной сфере национальной безопасности больше характерно для союзнических отношений государств (как между США и Великобританией, Канадой и Данией¹¹). В то же время наращивание китайского ядерного потенциала, по всей видимости, негласно беспокоило Россию. Недаром в ходе прошлой критики двустороннего характера ДРСМД в Москве высказывалась озабоченность по поводу ракет средней дальности третьих стран, включая КНР¹².

В течение 1990–2020 гг. при сокращении суммарного мирового ядерного потенциала¹³ примерно вчетверо, доля в нем России и США сократилась лишь

⁹ Putin told about assistance to PRC in creating missile attack early warning system. Moscow, October 3, 2019. INTERFAX.RU.

¹⁰ Ibid.

¹¹ США и Канада включены в Североамериканское командование противовоздушной обороны, а на территории Великобритании и Дании (в Гренландии) размещены американские радары (РЛС) СПРН.

¹² Орывки из стенограммы встречи со студентами Национального исследовательского ядерного университета МИФИ // Президент России. Официальный сайт. 22.01.2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20098> (дата обращения: 15.03.2018); Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности. 10.02.2007 // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 15.03.2018); Договор по РСМД не может действовать бесконечно, заявил Иванов // РИА-Новости. 21.06.2013. URL: http://ria.ru/defense_safety/20130621/945019919.html (дата обращения: 19.01.2015).

¹³ В 1990 г. в «ядерный клуб» входили СССР, США, Великобритания, Франция, КНР, Израиль и ЮАР. Ныне в него входят Россия, США, Великобритания, Франция, КНР, Израиль, Индия, Пакистан и КНДР.

с 98% до 91%¹⁴. В ближайшее десятилетие, помимо двух сверхдержав, остальные государства не планируют наращивать свои ядерные силы (Великобритания, Франция, Израиль) или могут увеличить их весьма незначительно (Индия, Пакистан, КНДР). Неопределенность есть лишь в отношении Китая – единственной из пяти ведущих ядерных держав, которая держит свои ядерные силы и программы их развития в полной тайне и в то же время имеет финансовые и промышленно-технологические возможности существенно (в разы) повысить численность своего ядерного арсенала за следующее десятилетие.

Ввиду неопределенности российско-китайских стратегических отношений трудно представить себе переговоры между двумя государствами по контролю над вооружениями. Перспективы трехстороннего формата зависят, в первую очередь, от возможности переговоров Китая и США, а также США и России. Соединенные Штаты едва ли согласятся на ограничение своих систем стратегического класса и средней дальности на переговорах с КНР, если одновременно не будут ограничены аналогичные силы России. А достижение соглашений с Москвой ставится в Вашингтоне в зависимость от ограничения соответствующих китайских вооружений.

Американо-китайская повестка дня

Пока Пекин категорически отвергает предложения Вашингтона присоединиться к переговорам по ракетам средней дальности, продлению ДСНВ-3 и по следующему стратегическому соглашению. Как было сказано в мае 2019 г., «не существует абсолютно никаких предпосылок и оснований для трехсторонних переговоров по контролю над вооружениями, и Китай никогда не будет в них участвовать»¹⁵. Что касается России, то после десяти с лишним лет агитации за переход к многостороннему формату ядерного разоружения¹⁶ она безоговорочно поддержала китайский отказ со ссылкой на большое отставание КНР от двух сверхдержав по величине ядерного потенциала¹⁷.

¹⁴ Подсчитано на основе: SIPRI Yearbook 1990: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 1991. P. 3–54; SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2019. P. 289–247.

¹⁵ Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference on May 20, 2019. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ce1v/eng/fyrth/t1665026.htm> (accessed 07.09.2019).

См.: Presentations and discussions at the Munich conference on the issues of politics and security, February 10, 2007. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml; Prime Minister Vladimir Putin meets with experts in Sarov to discuss global threats to national security, strengthening Russia's defenses and enhancing the combat readiness of its armed forces // Official Website of the Government of Russia. February 24, 2012. URL: <http://government.ru/eng/docs/18248>

¹⁶ Plenary Session of the Eastern Economic Forum. September 5th, 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61451>

¹⁷ Ibid.

Отношение Пекина к данному вопросу, по всей видимости, диктуется инерционной и крайне консервативной позицией китайского партийно-военного аппарата. Вероятно, сказывается также нежелание открыть информацию о своих ядерных силах, которая, может быть, продемонстрировала бы значительно больший ядерный потенциал Поднебесной, чем обычно считают за рубежом. Открытие информации увязывают в КНР с принятием США и Россией обязательства о неприменении первыми ядерного оружия, что не имеет никаких логических стратегических оснований и твердо отвергается обеими сверхдержавами¹⁸.

Но дело не только в позиции Пекина. Помимо благих пожеланий, никто и никогда пока не предложил ему таких вариантов соглашений, при которых улучшилось бы военно-стратегическое положение Китая, а именно — если бы в обмен на ограничение китайских сил были ограничены беспокоящие его вооружения США. Другим непременным условием является, чтобы соглашение не стало легализацией превосходства двух сверхдержав по тем или иным параметрам стратегической мощи. Хотя Китай заявляет, что не стремится к военно-му паритету с США и Россией, он будет претендовать на равноправие с двумя государствами в глобальном и региональном измерениях.

Стратегическая озабоченность Китая связана с рядом факторов. Во-первых, это развитие американской системы противоракетной обороны (ПРО) на глобальном уровне и в АТР. Преобладающая часть противоракетного потенциала США, действительно, развернута в регионе, даже если его отдельные элементы имеют глобальное назначение¹⁹. Эти средства оправдываются задачей защиты от ракетной угрозы КНДР, но Китай естественно проектирует потенциал американской обороны на себя. Во-вторых, КНР постоянно ощущает над собой дамоклов меч ударной мощи ядерных и высокоточных неядерных вооружений США²⁰.

Комбинация наступательных и оборонительных средств США на глобальном и региональном уровнях, с нарастающим акцентом на конфронтацию

¹⁸ Для планирования и нацеливания первого ядерного удара используется не обмен информацией по договорам, а данные собственной военной разведки.

¹⁹ Здесь размещены 3 из 5 больших РЛС ПРО/СПРН, 3 из 6 транспортируемых РЛС Х-диапазона, 44 стратегических антиракет (на Аляске и в Калифорнии), 16 из 23 кораблей с системой ПРО «Иджис», плюс 6 японских кораблей с ПРО «Иджис», а также на японской территории система ПРО «Пэтриот», плюс недавние планы размещения системы ПРО ТХАД в Южной Корее. (Dvorkin V., Pyriev V. The U.S./NATO Program and Strategic Stability // Missile Defense: Confrontation and Cooperation / Edited by A. Arbatov, V. Dvorkin, and N. Bubnova. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2013. P. 183–202.)

В АТР базируются и патрулируют 8 из 14 стратегических ракетных подводных лодок (ПЛАРБ) «Трайдент», на КНР наверняка нацелена часть наземных ракет «Минитмен» и тяжелых бомбардировщиков B-52 и B-2. Неядерными высокоточными крылатыми ракетами «Томахок» в АТР оснащены 2 из 4 переоборудованных подводных лодок «Трайдент/Огайо», 30 многоцелевых атомных подводных лодок, 45 крупных кораблей. Около 70% всех американских ракет этого типа развернуто в АТР — порядка 3800 единиц. Также для неядерных ударов предназначена палубная авиация авианосцев (6 из 11 на Тихом океане) и часть тяжелых бомбардировщиков, базирующихся на Гавайях и Гуаме. С приоритетной ориентацией на КНР разрабатываются гиперзвуковые ракетно-планирующие и гиперзвуковые авиационные ракеты большой дальности в обычном снаряжении.

²⁰ Acton J.M. Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2013. P. 17–21.

с Китаем, заставляет Пекин опасаться массированного высокоточного неядерного удара, на который он не сможет ответить, если будет следовать своему обязательству о неприменении первым ядерного оружия. А разоружающий ядерный удар США, скорее всего, не оставит Китаю выживших средств для возмездия. Такая угроза ставит под сомнение состоятельность официальной китайской военной доктрины, согласно которой КНР «привержена принципам обороны, самообороны и ответного удара после нападения (противника)... Она придерживается позиции «мы не нападем, если на нас не нападут, но мы, конечно, контратакуем, если повергнемся атаке»²¹.

Что касается китайского потенциала, то, по данным СИПРИ (за неимением официальной китайской информации), у КНР сейчас есть прядка 290 ядерных боезарядов, в том числе 140 единиц стратегических ядерных ракет наземного и морского базирования, а также около 100 ядерных ракет средней дальности тех видов и типов, которые были запрещены Договором РСМД²². Впрочем, из-за китайской скрытности зарубежные оценки разнятся в широком диапазоне. По мнению некоторых авторитетных специалистов, Китай может иметь до 1800 ядерных боеприпасов²³, из которых 900 предназначены для различных носителей²⁴. Рассхождение в три раза с другими источниками обусловлено невозможностью точно оценить число бомб свободного падения и авиационных ракет самолетов средней дальности и фронтовой авиации, как и оперативно-тактических систем сухопутных войск и флота.

Неопределенность связана также с гигантскими высокозащищенными туннелями, построенным инженерными частями китайских стратегических ракетных войск. Их предназначение замалчивается, но его едва ли можно объяснить иначе, нежели размещением мобильных ракет стратегической и средней дальности в качестве потенциала гарантированного, хоть и отложенного по времени ответного удара. Как ни парадоксально, эта версия является единственным стратегическим (в отличие от пропагандистского) доводом в пользу правдивости обязательства Китая о неприменении ядерного оружия первым. В ином случае эта доктрина не вызывает доверия ввиду высокой уязвимости²⁵ открытых для наблюдения ядерных сил Китая и объектов информационно-управляющей системы.

²¹ China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July 2019. First Edition 2019. ISBN 978-7-119-11925. Foreign Languages Press Co. Ltd., Beijing, China, 2019. Published by Foreign languages press Co. Ltd. P. 8.

²² SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. P. 320.

²³ *Esin Viktor. Tretiy posle SSHA i Rossii: o yadernom potentsiale Kitaya bez zanizheniy i prevelicheniy* [The Third After the U.S. and Russia: on the Chinese Nuclear Capability Without Understatements and Exaggerations] // Voenno-promyshlennyi kurier [Military-Industrial Courier]. May 2, 2012.

²⁴ См.: *Esin Viktor. Yadernaya moshch Kitaya* [China's Nuclear Might] // Perspektivy uchastia Kitaya v ogranicenii yadernykh vooruzheniy [The Prospects of Chinese Involvement in Nuclear Arms Limitation] / Ed. Alexei Arbatov, Vladimir Dvorkin, and Sergei Oznobishchev. Moscow: IMEMO RAN, 2012. P. 27–35.

²⁵ В СЯС Китая сейчас есть только 40 межконтинентальных наземно-мобильных ракет, тогда как остальные межконтинентальные ракеты размещены в уязвимых шахтных пусковых установках, а ракетные подводные лодки не ведут постоянного морского дежурства. SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. P. 320.

Перспективы наращивания китайского ядерного потенциала являются фактором серьезной озабоченности Вашингтона. Официальный прогноз состоит в том, что «в течение следующего десятилетия Китай, вероятно, удвоит размер своего ядерного арсенала в ходе осуществления самого быстрого в китайской истории расширения и диверсификации ядерного потенциала»²⁶. В зависимости от оценки нынешнего количества, это может подразумевать достижение уровня в 600–1800 всех видов и типов ядерных боезарядов.

Однако в ближайшей перспективе США еще больше беспокоятся о китайских высокоточных ракетах средней и меньшей дальности не только в ядерном, но и в обычном оснащении, которых в Пентагоне насчитывают до 2000 единиц и которые способны поражать американские авианосцы и объекты в Японии, Южной Корее, на Тайване и Гуаме²⁷. Угрозой таких китайских вооружений, в частности, оправдывался выход США из ДРСМД и их план развертывания в Азии новых ракет средней дальности.

Казалось бы, зачем США наземные системы, если у них есть огромное превосходство в морской и воздушной мощи? Как утверждают сторонники этого плана, в условиях вероятного кризиса американские гарантии безопасности азиатским союзникам (Япония, Южная Корея) и партнерам (Тайвань, Филиппины) будут поставлены под сомнение из-за уязвимости их сил передового базирования на немногочисленных аэродромах и в портах в случае массированного китайского удара с применением неядерных ракет. Такая угроза заставит США перебазировать свои самолеты и корабли за пределы досягаемости ракет КНР – на Гавайи или даже в Австралию на расстояние многих тысяч километров²⁸.

Главными кандидатами на развертывание ракетных сил США в Азии являются баллистические ракеты с наведение на конечном участке траектории, наземный вариант морской крылатой ракеты «Томахок», баллистические ракеты средней дальности с корректируемой траекторией или ракетно-планирующая гиперзвуковая система, разрабатываемая в рамках программы «Быстрого конвенционального глобального удара»²⁹.

²⁶ *Ashley R.P., Jr.* Director, Defense Intelligence Agency / Russian and Chinese Nuclear Modernization Trends: Remarks at the Hudson Institute. May 29, 2019.

²⁷ Remarks at a UN Security Council Briefing on Threats to International Peace and Security. 22 August, 2019. New York City. Available at: <https://usun.usmission.gov/remarks-at-a-un-security-council-briefing-on-threats-to-international-peace-and-security/> (accessed 4.09.2019); *Cohn J., Walton N., Lemon A., Yoshihara T.* Leveling the Playing Field. Reintroducing U.S. Theater-range Missiles in a Post-INF World. Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2019. P. 5.

²⁸ *Cohn J., Walton N., Lemon A., Yoshihara T.* Leveling the Playing Field. Reintroducing U.S. Theater-range Missiles in a Post-INF World. Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2019. P. 8–9.

²⁹ Эти системы называются соответственно Precision Strike Missile (PrSM) с дальностью 700 км, Tomahawk BGM-109G с дальностью 1000 км, ground-launched intermediate-range ballistic missile with trajectory shaping vehicles (TSVs), boost-glide Long Range Hypersonic Weapon (LRHW) с дальностью 4000–6800 км. Развортывание возможно в 2023–2024 гг. (*Pifer S.* The Death of the INF Treaty has Given Birth to New Missile Possibilities // The National Interest. September 2019. P. 1–7; *Ketov S.* Lockheed Martin Oboshli na Giperzvuk [Lockheed Martin was Bypassed at Hypersonic] // Voenno-Promyshlennyi kur'er. September 10–16, 2019. No. 35. P. 9.)

Сторонники таких систем (и, соответственно, выхода из ДРСМД) указывают на их преимущества по сравнению с морскими или воздушными средствами. Они утверждают, что самолеты, корабли и подводные лодки намного дороже в качестве платформ для высокоточных ракетных средств. Флоту и авиации требуется время для выдвижения на рубежи пуска ракет, а системы передового наземного базирования стоят в постоянной боеготовности в пределах досягаемости до целей с коротким подлетным временем для удара по системам мобильного базирования или быстрого реагирования³⁰.

В политическом смысле главной проблемой для США станет поиск мест базирования их новых ракет средней дальности (РСД). Теоретически их можно разместить в Японии, Южной Корее, на Тайване, Филиппинах, островах Диего-Гарсия, Алеутах, Гуаме и в Австралии. Однако по внутри- и внешнеполитическим причинам это почти везде сопряжено с большими проблемами. Кроме того, Австралия, как Диего-Гарсия и Алеуты, слишком далеко (4500–5500 км), а Тайвань и Южная Корея слишком близко (50–130 км), что может провоцировать упраеждающий удар Китая. Единственное место, не связанное с политическими и географическими трудностями, это остров Гуам – подконтрольная США территория. Но он очень мал (50 км в длину и 12 в ширину). Если США намерены сдерживать угрозу упоминаемых ими 2000 китайских ракет средней и меньшей дальности, они едва ли смогут разместить на острове достаточные силы, не представляя заманчивую скученную цель для массированного обычного (и тем более ядерного) превентивного удара КНР.

Похоже, что парадигмой администрации Трампа является сначала принимать решение, а потом его обдумывать. Очередным вариантом стала передача КРМБ «Томахок» морской пехоте США для развертывания на упомянутых территориях для ударов по китайскому флоту³¹. Это должно выглядеть менее провокационно – как наращивание ракет береговой обороны, которые уже есть у Китая и России. Но дальность и боевое оснащение таких ракет будет невозможно проверить, и они все равно будут восприниматься как ракеты средней дальности для ударов по китайской и российской территории.

Исключительно жесткая реакция на действия США будет иметь место не только со стороны Китая (в виде наращивания и модернизации СЯС и ракет средней дальности), но также и России – в случае развертывания американских РСД в Японии и Южной Корее. В качестве ответных действий российские ракеты могут быть размещены против Японии и Южной Кореи на Южных Курилах и в Приморье, а против США – на Чукотке, откуда они смогут держать под ударом базы ПРО и радары СПРН, другие военные и промышленные объекты на Аляске и в Калифорнии³².

³⁰ Cohn J., Walton N., Lemon A., Yoshihara T. Leveling the Playing Field. Reintroducing U.S. Theater-range Missiles in a Post-INF World. Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2019. P. 32–33.

³¹ Lague D. Special Report: U.S. rearms to nullify China's missile supremacy // Reuters, World News. 06.05.2020. URL: <https://apple.news/AnvHJqv6HQ5a2g94BAMutHw>

³² Shirokorad A. Oruzhie Sudnogo Dnia [The Doomsday Weapon] // Nezavisimoe Voennoe Obozrenie. 07.13.2019. No. 19. P. 6–7.

Тем не менее в Вашингтоне полагают, что стратегические преимущества от развертывания их РСД в Азии перевесят негативные последствия. Видимо, эту угрозу, хотят использовать и для давления на Пекин, чтобы усадить его за стол переговоров и заставить резко сократить или вовсе ликвидировать ракеты средней дальности. Однако американское руководство, судя по всему, пока не продумало план хотя бы на несколько ходов вперед.

Говоря о китайской «угрозе» в составе 2000 ракет, официальные представители США отмечают, что речь идет не только и не столько о ядерных, но и о неядерных системах³³. После денонсации ДРСМД в Вашингтоне официально ведут речь о развертывании в Азии именно неядерных наземных ракет средней дальности³⁴. Это значит, что в рамках гипотетического следующего договора речь должна идти о наземных ракетах как в ядерном, так и в обычном оснащении.

По прошлому опыту переговоров по контролю над вооружениями, они могут быть успешны, если приведут к установлению равных потолков на сопоставимые системы оружия. Если такого рода равенство планировать на уровне нынешних китайских наземных ракет средней и меньшей дальности, то Китай должен будет согласиться ограничить свои существующие силы в обмен на право США и России развернуть до 2000 будущих средств этого класса. Если ограничить ракеты на более низком уровне (вплоть до нуля), то Пекин опять-таки ничего не получит в обмен на сокращение своих развернутых сил. Понятно, что он не согласится на подобные варианты неравного размена, тем более, в свете огромного превосходства двух других держав по стратегическим вооружениям.

Если КНР пойдет на переговоры, то, скорее всего, будет настаивать на включении под общий потолок крылатых ракет не только наземного, но и морского базирования³⁵. Последних у США имеется более 5000 единиц на всех флотах и, видимо, немало есть у России (которая, по официальным сообщениям, за последнее время увеличила их число в 30 раз³⁶). Огромную проблему верификации создал бы просто подсчет числа таких ракет. Они размещаются в универсальных пусковых установках надводных кораблей наряду с зенитными и противолодочными ракетами, а также могут запускаться из торпедных аппаратов многоцелевых подводных лодок. Ко всему, мобильность флотов не позволяет ограничить их вооружения региональными рамками (в отличие от наземных ракет средней дальности), и потому Китай будет вправе требовать глобальных потолков.

³³ Уровень в 2000 ракет вызывает сомнение. Вероятно, это не число ракет категории ДРСМД, т.е. с дальностью 500–5500, а количество всех китайских наземных ракет (помимо стратегических), в том числе тактических с дальностью менее 500 км. Однако США не детализировали свою оценку.

³⁴ Under Secretary Thompson's (T) Statement for the Record Testimony Before the Senate Committee on Foreign Relations «The Future of Arms Control Post-Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty». May 15, 2019.

³⁵ Авиационные ракеты дальностью свыше 600 км размещаются на тяжелых бомбардировщиках, которые являются предметом Договора СНВ-3.

³⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 15.03.2019).

Рассмотренная возможная позиция КНР была бы вполне обоснованна с точки зрения логики контроля над вооружениями и поставила бы США в исключительно трудное положение. Китай получил бы большой политический бонус даже в случае провала переговоров по чужой вине. А в случае их успеха он обрел бы огромный стратегический выигрыш, о чем, вероятно, еще не подумали в Вашингтоне.

Привлечение КНР к следующему договору по СНВ, о чём также говорят в Белом Доме, может создать для двух сверхдержав еще более трудные проблемы. Например, даже формально не претендую на паритет, КНР может потребовать договорно-правового равенства по стратегическим вооружениям на нынешнем китайском уровне, что потребовало бы многоократно сократить потолки СНВ-3 по носителям и боезарядам³⁷. Другой возможный вариант – легализация права Китая во столько же раз нарастить свои вооружения до нынешних уровней СЯС России и США. Трудно сказать, что вызвало бы большее неприятие со стороны Вашингтона и России.

Российско-американская тематика

В течение последних тридцати лет переговоры СССР/России и США по СНВ основывались на согласованной концепции стратегической стабильности», сформулированной в июне 1990 г. в Совместном Заявлении России и Соединенных Штатов³⁸. Эта концепция определялась как стратегические отношения, устраниющие «стимулы для нанесения первого ядерного удара». Стимулы для первого ядерного удара по умолчанию понимались, во-первых, как способность нанести массированный разоружающий удар по другой стороне и отразить возмездие с помощью своей системы ПРО. Во-вторых, как упреждающий ядерный удар из страха перед разоружающим ударом оппонента.

Но впредь этого недостаточно, поскольку стимулом для первого ядерного удара может стать стремление с помощью ограниченного (избирательного) применения ядерного оружия избежать поражения в обычной войне, включая даже локальные конфликты. Соединенные Штаты поставили во главу угла своей ядерной стратегии концепцию и средства ограниченной ядерной войны, которые призваны сорвать аналогичные планы, вменяемые России³⁹. Другой воз-

³⁷ Фактически Китай именно так ставит вопрос, обусловливая свое участие в СНВ сокращением СЯС двух сверхдержав до нынешнего китайского уровня, правда, сохраняя этот уровень в секрете.

³⁸ Soviet–United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. June 1, 1990. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (accessed 15.03.2018); Sovmestnoe zajavlenie otnositel'no budushhih peregovorov po jadernym i kosmicheskim vooruzhenijam i dal'nejshemu ukrepleniju strategicheskoy stabil'nosti. Gosudarstvennyj vizit Prezidenta SSSR M.S. Gorbacheva v Soedinennye Shtaty Ameriki. 30 maja – 4 iunja 1990 goda // Dokumenty i materialy. Moscow: Politizdat, 1990. 335 s. (In Russ.)

³⁹ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

можный новый стимул первого ядерного удара — это ответ на нападение с применением новых высокоточных средств большой дальности (свыше 500 км), способных поражать обычными боезарядами цели, которые в прошлом можно было уничтожить только с использованием ядерных боеприпасов. На смену дозвуковым крылатым ракетам средней дальности создаются межконтинентальные гиперзвуковые планирующие системы⁴⁰.

Таким образом, две сверхдержавы вступают в цикл масштабной гонки вооружений. Соединенные Штаты планируют с середины 2020-х годов начать полное обновление своей стратегической триады: по одной новой системе на смену нынешним наземным и морским ракетам и тяжелым бомбардировщикам⁴¹. Кроме того развертываются авиабомбы и боеголовки для БРПЛ «Трайдент-2» пониженной мощности, разрабатываются авиационные ядерные крылатые ракеты большой дальности (LRSO), новые морские ядерные крылатые ракеты и разнообразные ракетно-планирующие гиперзвуковые системы воздушного, морского и наземного базирования в обычном снаряжении стратегического класса и средней дальности.

Россия продолжает модернизацию своей триады тремя (или пятью) наземными ракетными системами («Ярс», «Авангард», «Сармат» и, возможно, «Рубеж» и «Баргузин»), одной системой морского базирования (подводные лодки «Борей» и ракеты «Булава-30») и двумя авиационными системами (Ту-160М и ПАК ДА). Разрабатываются оснащенные атомными двигателями наземные ядерные межконтинентальные крылатые ракеты («Буревестник») и автономные подводные ядерные суперторпеды большой дальности («Посейдон»), а также разнообразные гиперзвуковые ракетные системы воздушного и морского базирования и наземные крылатые ракеты средней дальности.

Пределы новому циклу гонки вооружений можно поставить только путем согласования сторонами обновленной концепции стратегической стабильности и ее воплощения в последующие договоры об ограничении и сокращении вооружений. В повестке дня переговоров России и США стоит ряд серьезных задач, не обязательно подразумевающих привлечение Китая к их решению. После денонсации ДРСМД двум державам следует, как минимум, принять мораторий на развертывание ракет средней и малой дальности на Европейском

⁴⁰ В частности, такие системы испытываются в США в рамках программы «Быстрого конвенционального глобального удара», например, ракетно-планирующая «Альтернативная система входа в атмосферу» (ARS – *Alternate Re-entry System*). Параллельно испытывается гиперзвуковая авиационная ракета Икс-51А «Уэйв Райдер» (X-51A Wave Rider) и ракетно-планирующая система AGM-183 ARRW для оснащения тяжелых бомбардировщиков. Россия опережает США по развертыванию гиперзвукового планирующего крылатого блока (ПКБ) для установки на межконтинентальных ракетах типа РС-18 (YP-100УТТХ) или по западному индексу SS-19. Об этой гиперзвуковой системе под наименованием «Авангард» рассказал президент Путин в своем Послании от 1 марта 2018 г., хотя неясно, может ли она нести высокоточный неядерный боезаряд.

⁴¹ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. P. 23. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).

континенте и согласовать меры инспекций применительно к существующим системам, вызывающим взаимные обвинения в нарушении ДРСМД⁴².

Одновременно необходимо продлить Договор СНВ-3 на 5 лет после 2021 г. и срочно начать диалог о следующем договоре⁴³. Его потолки не так важны, как охват следующего соглашения, которое должно регламентировать высокоточные системы обычного оружия и средства ограниченной ядерной войны. В потолки на стратегические боезаряды следующего договора СНВ следует включить любые (ядерные и обычные) ракеты воздушного базирования свыше определенной дальности и засчитывать их по реальному оснащению бомбардировщиков. Морские крылатые ракеты большой дальности можно охватить мерами доверия (уведомление о массовом выходе в море их носителей).

К проблеме ограничения ядерного оружия для избирательного использования можно подойти через ограничение ядерных авиабомб на стратегических бомбардировщиках (в том числе B61-12). Баллистические и крылатые ракеты с боезарядами пониженной мощности будут подпадать под ограничения соответствующих следующих соглашений по СНВ и РСМД. При достижении новых договоров по разведению и сокращению вооруженных сил общего назначения (по типу ДОВСЕ) откроется возможность ограничения тактического ядерного оружия.

Параллельно следует инициировать переговоры по космическим вооружениям, начав с запрещения испытаний любых противоспутниковых систем по реальным мишеням в космосе. Также необходимо перейти к диалогу по взаимному отказу от средств и методов кибератак против стратегических информационно-управляющих систем друг друга.

Помимо больших политических и военно-технических препятствий на этом пути, проблема существенно усугубляется требованием США присоединить к переговорам Китай. Как было показано выше, сделать это механически невозможно. Но при наличии политической воли и профессиональном подходе всех сторон компромисс все-таки достижим с опорой на следующий договор по СНВ между Россией и США.

Трехсторонний формат

При благоприятной политической среде можно было бы заключить интегрированный договор СНВ/РСМД в трехстороннем формате. Скорее всего, уровень в 2000 ракет средней и меньшей дальности, который в США насчитали у Китая,

⁴² В первую очередь, речь идет об определении дальности российских крылатых ракет 9М729 «Новатор» в пределах 500 км и исключении размещения американских крылатых ракет типа «Томахок» в пусковых установках ПРО в Румынии и Польше.

⁴³ После долгих лет колебаний и предъявления различных надуманных кондиций для возобновления переговоров об СНВ, начиная с 2019 г. позиция России стала меняться в пользу продления Договора СНВ-3. 16 октября 2020 г. президент В. Путин предложил продлить ДСНВ-3 как минимум на год, чтобы выиграть время для начала переговоров о следующем стратегическом соглашении без всяких дополнительных условий. URL: <https://tass.ru/politika/9828905>

завышен как минимум вдвое. По Договору СНВ-3 потолок для боезарядов России и США составляет 1550 единиц, но с учетом реальной загрузки тяжелых бомбардировщиков крылатыми ракетами и авиабомбами реальный уровень боезарядов составляет примерно 2100–2200 единиц⁴⁴.

Гипотетически новый интегрированный договор мог бы установить для трех сторон равный потолок, скажем, в 1400 боезарядов, но в отличие от ДСНВ-3, в него нужно включить не только наземные, морские стратегические ракеты и тяжелые бомбардировщики⁴⁵, но еще авиационные ракеты бомбардировщиков, а также наземные ракеты средней и меньшей дальности (свыше 500 км). Этот договор (как ДСНВ-3 и ДРСМД) не проводил бы различие между ядерными и обычными боезарядами на ракетах и включал бы, в том числе, авиационные ракеты в обычном оснащении с дальностью более 600 км⁴⁶, а также, впервые в истории договоров ОСВ/СНВ, ядерные бомбы свободного падения.

Тогда Китай будет иметь право наращивать свои стратегические силы (ныне около 140 единиц по носителям и боезарядам), параллельно сокращая соответствующее количество ракет средней дальности, которые так беспокоят США. А две ядерные сверхдержавы могли бы по своему усмотрению развертывать ракеты средней и меньшей дальности, но за счет соответственного сокращения своих стратегических вооружений. Для предотвращения быстрого наращивания стратегических ракет в пределах потолка в 1400 боезарядов, можно было бы установить для трех сторон подуровень, например, в 600 развернутых стратегических носителей⁴⁷. Режим верификации был бы примерно таким же, как по ДСНВ-3 и ДРСМД, а по засчету вооружения тяжелых бомбардировщиков – как в ДСНВ-1, с некоторыми отмеченными выше дополнениями⁴⁸.

Согласно приведенным выше соображениям стратегической стабильности, новый договор охватывал бы как ядерные бомбы свободного падения, ядерные крылатые ракеты, так и неядерные авиационные ракеты, которые снижают «ядерный порог». Это было бы логично и потому, что договор ограничивал бы как ядерные, так и обычные наземные ракеты средней и малой дальности.

⁴⁴ Manzo V. Nuclear Arms Control without a Treaty? Risks and Options after the New START. CNA's Strategy, Policy, Plans, and Programs Division (SP3). DETERRENCE AND ARMS CONTROL PAPER NO. 1 [IRM-2019-U-019494]. April 2019. P. 52–53.

⁴⁵ По ДСНВ-3 тяжелые бомбардировщики засчитываются как один носитель и один боезаряд.

⁴⁶ Такая дальность для КРВБ традиционно согласована для их засчета, начиная с Договоров ОСВ-2 (1979) и СНВ-1 (1991). Это относится к американским системам AGM-158, JASSEM-ER, X-51 Wave Rider и российским ракетам Х-555, Х-101 и «Кинжал» (в случае установки на самолеты, подпадающие под определение «тяжелый бомбардировщик»).

⁴⁷ Сейчас по ДСНВ-3 это потолок составляет 700 единиц на развернутые носители.

⁴⁸ По ДСНВ-1 крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) на бомбардировщиках засчитывались индивидуально в потолках на боезаряды, но ядерные авиабомбы засчитывались условно как 1 боезаряд на каждом бомбардировщике, не несущем КРВБ. Бомбардировщики, несущие неядерные КРВБ и обычные авиабомбы, были переоборудованы для неядерных задач и вообще не засчитывались в потолках Договора. Эти самолеты базировались на отдельных аэродромах, не ближе, чем в 100 км от хранилищ ядерных бомб и КРВБ. Все эти условия контролировались путем инспекций на местах.

От представленного варианта договора КНР получила бы равный с двумя сверхдержавами стратегический статус и признание ими (пусть по умолчанию) права Китая на паритет и стабильное взаимное сдерживание. Не менее важно, что КНР выиграла бы от ограничения новейших ядерных и обычных наступательных и оборонительных систем стратегической и средней дальности США, создающих для Китая угрозу разоружающего удара.

Со своей стороны, Россия и США, помимо урегулирования упомянутых проблем стратегической стабильности между собой, поучили бы гарантии предсказуемости и пределов наращивания китайского потенциала ядерных и обычных вооружений стратегического назначения и средней дальности. Значительно расширилась бы транспарентность китайских сил и программ. Сюда относиться и предназначение упомянутых выше тоннелей, поскольку КНР должна будет раскрыть число размещенных там мобильных ракет или доказать их отсутствие и объяснить иное предназначение этих сооружений.

В рамках нового договора признание права КНР иметь равное с США и Россией количество вооружений стратегической дальности не вызовет энтузиазма в Вашингтоне (да, наверное, и в Москве). Но и без договора Китай может сравняться с двумя сверхдержавами, если примет такое политическое решение. А в рамках договора он должен будет ради этого жертвовать большим количеством ракет средней дальности, что весьма сомнительно, учитывая его геостратегическое положение и региональные амбиции. Со своей стороны, США и Россия будут вынуждены сокращать стратегические вооружения ради развертывания наземных ракет средней дальности. Аргументы в пользу таких систем с обеих сторон невразумительны, а сопряженные опасности, как было отмечено выше, вполне предсказуемы и очень серьезны.

* * *

Отношение официального Вашингтона к рассмотренной проблеме пока на редкость сумбурно. Иллюстрация – недавний брифингов высокопоставленного представителя госдепартамента, заявившего: «Мы находимся в процессе рассмотрения возможности продления Нового СНВ (т.е. ДСНВ-3. – *Авт.*), принимая во внимание набор угроз, которые сегодня стоят перед нами... Мы должны быть уверены, что охватим не только то, что включено в Новый СНВ, но также ряд новейших российских систем, которые развиваются и не включены в Новый СНВ... И мы надеемся найти ответ на вызовы, которые представляют российские большие и все более разнообразные нестратегические системы... Привлечение Китая тоже критически важно. Это не только вопрос количества, хотя количество тоже все более значительно, но и вопрос дальности и разнообразия как ядерных, так и неядерных носителей»⁴⁹.

⁴⁹ U.S. Department of State. Briefing with Senior State Department Official On the New START. Special Briefing. Office of the Spokesperson, Washington, D.C. March 2020.

При всей невнятности позиции США, объективности ради, следует отметить, что и нынешний подход России к проблеме остается весьма туманным. Предложенный выше вариант нового интегрированного договора – это попытка профессионально рассортировать груду проблем, нагроможденных Вашингтоном, и создать схему возможного подключения Китая к процессу ядерного разоружения. Данный вариант, естественно, не свободен от недостатков⁵⁰. Однако его претворение в жизнь все же могло бы улучшить положение, по сравнению с тем, которое сложится в отсутствие ДРСМД и при отказе от продления ДСНВ-3 и заключения следующего стратегического соглашения.

Главный вывод из приведенного анализа состоит в том, что расширение формата контроля над ядерным оружием – дело очень трудное, но гипотетически осуществимое. Однако, как говорится, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Приверженцам перехода к многостороннему ядерному разоружению (в прошлом в Москве, а теперь в Вашингтоне) пора уяснить себе, что он предполагает не только пересмотр нынешних позиций третьих стран. За такое переформатирование пришлось бы намного дороже заплатить двум ядерным сверхдержавам – как в военно-стратегическом, так и в политическом отношениях.

Если цена перехода к многостороннему формату покажется сегодня слишком высокой, это не причина для отказа от продолжения двустороннего процесса. Для него накопилось много неотложных задач, решение которых жизненно важно для безопасности России, США и остального мира. Как и для сохранения перспективы трансфера к многостороннему контролю над вооружениями в более отдаленном будущем.

Возвращаясь к теме коронавируса, отметим, что появление новых общих опасностей не позволяет «перепрыгнуть» через насущные проблемы, хотя на время отодвигает их на задний план. Вспомним, что теракты 2001 г. породили надежды на объединение стран в борьбе с международным терроризмом, но двадцать лет спустя мир пришел к новой холодной войне и гонке вооружений. Единство рождается, если перед лицом новейших вызовов государства делают решительные шаги к урегулированию прежних противоречий. Только это способно послужить отправной точкой совместной борьбы с грядущими угрозами.

⁵⁰ Например, он не ограничивает ракеты средней дальности морского базирования, авиационные носители средней дальности, тактическое ядерное оружие и пр.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ МАТЕРИЯ. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ^{*}

Тема недопущения милитаризации космического пространства, в том числе неразмещения в космосе вооружений, отнюдь не нова, но остается актуальной для поддержания стратегической стабильности и международной безопасности. Так, по сведениям, ставшим достоянием гласности, в ходе саммита России и США в Хельсинки в июле 2018 г. президент Владимир Путин вновь поставил этот вопрос как актуальную тему разоружения¹.

А незадолго до того, в июне 2018 г., президент США Дональд Трамп, наоборот, дал указание Пентагону готовиться к созданию нового отдельного вида вооруженных сил – Космических войск².

Отметим, что в административном плане Россия в космической сфере определила США, но пошла в обратном направлении: в 1992–1997 гг. существовал самостоятельный род войск центрального подчинения – Военно-космические силы, а в 2001–2011 гг. – Космические войска. Но в 2011 г. они были переданы в войска Воздушно-космической обороны, которые, в свою очередь, в 2015 г. вошли в состав Воздушно-космических сил (ВКС).

Ввиду густого флера научной фантастики, окутывающего эти сюжеты, космическая тематика является питательной почвой для мифов, дезинформации и ПИАР-кампаний, служащих политическим, ведомственным и промышленно-корпоративным интересам. В настоящей работе представлены предметный анализ проблемы и попытка отделить фантазии от реальных проблем и угроз милитаризации космоса.

Правовые основы

Интенсивное и многообразное использование космического пространства стало неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности человеческой цивилизации XXI в. В качестве природной среды космическое пространство «не подлежит на-

* Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 5–15.

¹ Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США. Владимир Путин и Дональд Трамп сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 16 июля 2018 г. Хельсинки. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58017>

² Ernst Jonathan. Reuters. President Donald Trump delivers remarks at a meeting of the National Space Council at the White House in Washington, U.S. June 18, 2018.

циональному присвоению» путем провозглашения в нем национального суверенитета³. Это означает, что из космического пространства государства могут, например, беспрепятственно вести разведывательную и другую деятельность, чего нельзя делать в воздушном пространстве над другими странами или в их территориальных водах⁴.

Идея предотвращения размещения вооружений в космосе предполагает соглашения между государствами, на достижение которых направлены инициативы Москвы последних трех десятилетий. В случае успеха это станет важнейшим элементом международного права, наряду с другими соглашениями по разоружению и солидным массивом нормативных документов космического права⁵. Посему невозможно обойтись без анализа некоторых относящихся к делу правовых вопросов. Это тем более так, поскольку изрядные противоречия в этой сфере проистекают из терминологической путаницы, обусловленной не только соображениями пропаганды, но и спецификой космоса как среды военной и гражданской деятельности.

Для начала следует отметить, что в правовом отношении *космическим объектом* или *космическим аппаратом* (КА) считается объект, совершивший хотя бы один оборот вокруг Земли или отправленный в дальний космос. Это отличает КА от баллистических ракет и противоракет, которые пролетают через космос, но не выводятся на околоземную орбиту и становятся *объектом в космосе* (но не *космическим объектом*) лишь на время их пролета через космическое пространство.

Термин *милитаризация космоса* юридически не закреплен, однако обычно не подразумевает разнообразные военные спутники, имеющие вспомогательные функции, но не оснащенные средствами поражения. Понятие *космическое оружие* тоже стало объектом разнотечений. В первую очередь оно охватывает системы оружия (средства поражения), размещенные в космосе (т.е. являющиеся *космическими объектами*) для уничтожения любых целей (*космических объектов, объектов в космосе*, наземных, морских и воздушных целей). Многие специалисты относят сюда также системы оружия для ударов по космическим аппаратам, т.е. *космическим объектам* (но не *объектам в космосе*) с наземных, морских и воздушных (авиационных) стартовых позиций. Это означает, что системы

³ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: Ст. II, IV // [Treaty on the principles governing the activities of states in the exploration and use of outer space, including the moon and other celestial bodies (Outer Space Treaty), Articles II. IV.]

⁴ Legal Aspects of Reconnaissance in Airspace and Outer Space // Columbia Law Review. Columbia. June, 1961. Vol. 61. No. 6. P. 1078–1086.

⁵ К ним в первую очередь относятся: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963), Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967), Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972), Конвенция о запрещении военного и любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1978) Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979), Конвенция Международного союза электросвязи (1992) и т.д.

ПРО наземного, морского и воздушного базирования, предназначенные для перехвата ракет и их головных частей на космическом участке их траектории (т.е. *объектов в космосе*, но не *космических объектов*) не являются *космическим оружием*. В такой трактовке *космическое оружие* лапидарно можно определить как оружие, являющееся *космическим объектом* (т.е. размещенное в космосе), либо предназначенное для ударов по *космическим объектам*, независимо от его стартового положения.

Соответственно, понятия *гонка вооружений в космосе* и *гонка космических вооружений* – это далеко не одно и то же, хотя политики и пропагандисты зачастую используют их как синонимы. Первое относится только к вооружениям, размещенным в космосе (на орбите), а второе – еще и к оружию любого иного вида базирования, способному уничтожать космические аппараты. Эти тонкости не являются юридической казуистикой. Как будет показано ниже, они связаны с серьезными противоречиями между государствами по проблемам разоружения, в том числе проявляющимися в авторитетных международных организациях.

Наряду с путаницей по умыслу или невежеству, имеет место объективная «серая зона» между разными системами оружия, соприкасающимися с космосом. Например, в техническом отношении любые системы ПРО достаточной дальности действия обладают «сопутствующим» потенциалом *космического оружия*, поскольку способны поражать спутники (*космические объекты*) на низких орбитах ядерным оружием, а при наличии адекватной системы наведения и управления – обычным боезарядом или контактно-ударным способом. Также космические аппараты, не являющиеся оружием, могут использоваться для уничтожения чужих спутников путем столкновения с ними, изменения их орбиты или снятия с нее, становясь таким образом *космическим оружием*. То же относится к средствам лазерной подсветки спутников в целях идентификации, которые могут «ослеплять» их оптические сенсоры; устройствам нарушения спутниковой радиосвязи и кибератак против их систем управления; не говоря уже о ядерных или обычных ударах по наземным и морским объектам космической информационно-управляющей инфраструктуры. При сохранении стремления запретить или ограничить космические вооружения, указанные правовые аспекты проблематики будут иметь немалое значение.

Космическая среда деятельности

В космической деятельности ныне участвуют почти 130 стран. Лидерами являются США и Россия, КНР, Франция, Япония, Германия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Бельгия, Испания. Все более активны новые индустриальные государства – Индия, Пакистан, Аргентина, Египет, Объединенные Арабские Эмираты. Более 20 государств располагают научным и производственным потенциалом для самостоятельной разработки и производства космической техники, запуска своих космических аппаратов собственными или арендуемы-

ми носителями. Но лишь ведущие в экономическом и техническом отношении страны способны развернуть сложные космические системы для решения военных задач.

В околоземном пространстве активно функционируют более 1700 космических аппаратов, из них 800 принадлежат США, 300 – КНР, 150 – России, 40 – Индии. В сумме спутники военного назначения составляют около 40% от общего числа действующих орбитальных аппаратов⁶. Ассигнования на военные космические программы США больше, чем у других космических государств вместе взятых.

Помимо юридических вопросов, анализ угроз гонки космических вооружений и перспектив ее предотвращения невозможен без рассмотрения хотя бы некоторых элементарных физических свойств космического пространства. Космос является самой молодой и наиболее специфической средой из всех, освоенных человечеством. Нижней границей космоса принято считать высоты более 100 км над уровнем моря, на которых возможен полет аппаратов по орбитам без непреодолимых помех в виде трения о земную атмосферу (прецессии). В первом приближении параметры орбит космических аппаратов определяются законами космической динамики Иоганна Кеплера и Исаака Ньютона – великих европейских физиков XVII–XVIII вв. Эти законы, видимо, невдомек многим политикам, чиновникам и журналистам, причем уровень невежества, как правило, прямо пропорционален разгулу фантазий о преимуществах или угрозах вывода оружия в космическое пространство.

Между тем космическая реальность накладывает жесткие рамки на использование космоса, в том числе военное, и особенно – на создание оружия космического базирования. Для вывода аппарата на околоземную орбиту нужно достичь первой космической скорости, равной 7,9 км/сек, что превышает разгон межконтинентальных баллистических ракет (МБР), составляющий 7 км/сек. Спутники с огромной скоростью обращаются вокруг Земли, которая сама весьма быстро вращается вокруг своей оси, причем плоскость всех орбит обязательно проходит через гравитационный центр планеты. Поэтому спутник не способен, скажем, кружить вокруг 70-й широты или 70-й долготы, свободно менять курс подобно самолету. Скорость космического объекта строго «привязана» законами Кеплера–Ньютона к высоте его полета и потому он не может постоянно «висеть» над заданной точкой Земли ни на одной орбите, кроме геосинхронной (геостационарной). Последняя расположена в экваториальной плоскости на высоте 36 тыс. км от поверхности планеты. На этой орбите спутник обращается над Землей с угловой скоростью, равной скорости вращения планеты, и потому все время находится над одной точкой экватора и может покрывать (визуально или радиосвязью) зону размером до 34% от всей земной поверхности между 81° южной широты и 81° северной широты. Эти орбиты обычно используется для телекоммуникационных спутников и аппаратов

⁶ UCS Satellite Database. Union of Concerned Scientists. 31.08.2017. URL: <http://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.WCHPuE2LSUk> (accessed 15.03.2018).

с инфракрасными сенсорами системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

Полное покрытие поверхности Земли достигается на полярных орбитах, при движении по которым на высоте 600 км КА охватывает всю поверхность Земли за 12 часов или за семь оборотов вокруг Земли⁷. На других орбитах зона покрытия Земной поверхности и временной интервал пролета над заданной точкой зависит от угла наклонения, высоты и формы орбиты.

Поэтому, например, гипотетические космические системы ПРО, как и системы для ударов по целям на Земле будут объективно иметь большой гандикап эффективности. На низких орбитах преобладающая их часть постоянно пребывает вне позиции для применения (пролетая над другими районами Земли) и потому для контроля над определенной частью поверхности планеты в сумме понадобилось бы очень большое число таких боевых станций. А на высоких орбитах (включая геосинхронную) время достижения цели соответственно удлиняется (спуск с геосинхронной орбиты требует минимум 6 часов). Поэтому для ударов по целям в космосе и на Земле системы наземного, морского и воздушного базирования будут в обозримом будущем иметь преимущества в соотношении стоимости и эффективности, включая длительность подлетного времени.

Средства поражения на основе направленной передачи энергии (например, лазерные) действуют практически мгновенно, в том числе с высоких орбит. Однако ввиду рассеивания (дифракции) лазерного луча для их заданной концентрации на таких больших расстояниях требуется огромная энергия и крупные зеркала, что ограничивается техническими возможностями и стоимостью вывода грузов в космос (стоимость доставки на орбиту 1 кг груза колеблется в диапазоне 3–17 тыс. долл.⁸). Кроме того, орбиты космических объектов предсказуемы, они отслеживаются радарами и телескопами с Земли, замаскировать крупные боевые аппараты трудно, как и сделать их (и их антенны и солнечные батареи) малоуязвимыми для вероятного противодействия. В 1980-е годы все это стало препятствием для осуществления мечты президента США Рональда Рейгана о претворении в жизнь увиденного им в детских фантастических фильмах из серии «Звездных войн».

Также важнейшими физическими атрибутами космического пространства являются невесомость, глубокий вакуум, ультрафиолетовое излучение, метеориты. К этому в последние десятилетия добавились рукотворные опасности в виде космического «мусора». В околоземном пространстве сейчас находится более 17 тыс. наблюдаемых с Земли объектов объемом больше 10 куб. см, из которых менее 10% являются функционирующими КА, а остальное – это «умершие» спутники, отработавшие разгонные и орбитальные ступени носителей и их осколки⁹. Причем 10-сантиметровый объект имеет кинетическую энергию,

⁷ Kelso T.S. Basics of the Geostationary Orbit // Satellite Times. Colorado Springs, 1998. May.

⁸ Ракеты-носители «Протон». Проект «Тихий космос». 20 декабря 2010 г. [Rakety-nositeli «Proton» [»Proton» space launchers.] «Quiet Space» project. December 20, 2010.

⁹ Вениаминов С., Червонов А. Космический мусор – угроза человечеству. М.: ИКИ РАН, 2012.

сопоставимую с 35-тонным грузовиком, движущимся со скоростью 190 км/ч, что создает серьезную угрозу космическим аппаратам. Ее иллюстрацией явилось столкновение российского спутника «Космос-2251» и американского КА «Иридиум» в феврале 2009 г., в результате чего оба аппарата разрушились, образовав свыше 600 обломков¹⁰. Радиопомехи являются еще одним техногенным фактором, негативно влияющим на работу КА. Ввиду насыщения орбит спутниками, работающими в один или близких диапазонах, возникают помехи и наложение радиосигналов¹¹.

Как явствует из приведенного беглого физико-технического комментария, космическое пространство характеризуется наибольшими трудностями в плане доступа и использования, по сравнению с другими сферами военных действий, давно освоенными человечеством (суша, море, воздух). Именно поэтому до настоящего времени космические аппараты военного или двойного назначения обеспечивают только информационную поддержку вооруженных сил, применяемых в традиционных средах военных действий. Также спутники обслуживают баллистические ракеты и антиракеты ПРО наземного и морского базирования, которые проходят через космос «транзитом» или атакуют обнаруженные там цели в виде боеголовок наступательных ракет на траектории полета.

В отличие от различных проектов размещения в космосе оружия, уже существующие вспомогательные космические средства (т.е. спутники без оружия) играют огромную роль, которая с каждым годом растет. Они обеспечивают контроль военно-стратегической обстановки и раннее предупреждение о подготовке к войне и начале военных действий (включая обнаружение пусков баллистических ракет через полторы минуты после старта). На них лежит связь и управление войсками, информационное обеспечение операций вооруженных сил (разведка, навигация, картографирование, топогеодезическое и метеорологическое обеспечение, определение результатов ударов по заданным целям). Важнейшей мирно-военной функцией спутников стала верификация соблюдения международных договоров по ограничению вооруженных сил и вооружений, их нераспространению, а также контроль применения и испытаний ядерного оружия, мониторинг экологической обстановки в районах боевых действий.

Космическое оружие

Космические вооружения (средства поражения) в самом обобщенном плане¹² можно классифицировать по механизму поражения цели: ядерное оружие (ЯО), оружие кинетической (контактно-ударной) энергии, оружие направленной

¹⁰ Над Сибирью столкнулись российский и американский спутники (рус.). Lenta.ru (12 февраля 2009 г.). Проверено 12 февраля 2009 г. Архивировано 26 марта 2012 г.

¹¹ Space Security / Managing ed. J. West. Waterloo: SPACESECURITY.ORG, 2008. P. 39.

¹² Dvorkin V. Space Weapons Programs / Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2010. P. 30–45.

энергии (лазерное, пучковое) и обычные боезаряды. По видам размещения, как отмечено выше, это оружие может быть космического, наземного, воздушного и морского базирования. По целевому использованию – противоракетное, противоспутниковое и применяемое из космоса против воздушных, наземных и морских целей.

Как показали американские и советские ядерные испытания в космосе в 1958–1962 гг., ядерный способ поражения спутников влечет чрезмерные издержки – электромагнитный импульс глушит свою и чужую радиосвязь и повреждает электроприборы на огромных пространствах¹³. Космические ядерные взрывы были запрещены Договором 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний, а в 1967 г. следующий Договор запретил и размещение ядерного оружия в космическом пространстве¹⁴. Хотя этот Договор не обеспечен средствами контроля, государства воздерживаются от размещения ЯО на орбите ввиду недостаточной надежности управления и высокой опасности катастроф в случае падения аппарата на Землю, причем в непредсказуемом месте. Ярким предупреждением о возможности такого происшествия стало падение советского спутника морской радиоэлектронной разведки «Космос-954» в 1978 г., повлекшее радиационное заражение 10% территории Канады и международный скандал. К счастью, экологические последствия были незначительны, поскольку на борту спутника было не ядерное оружие, а компактное атомное устройство в качестве источника энергии¹⁵.

Работы США в области противоспутниковых систем (ПСС)¹⁶ были начаты в 1957 г. На острове Джонстон в Тихом океане в 1962 г. были развернуты перехватчики на основе антиракет «Найк-Зевс» и ракет средней дальности «Тор» с ядерными боезарядами, которые в 1974 г. были сняты с вооружения. В 1977–1988 гг. была испытана и развернута система воздушного базирования: запуск с истребителя F-15 ракеты «СРЭМ-Алтайр» с самонаводящимся перехватчиком для поражения спутника прямым попаданием на высотах до 1000 км, которая была успешно испытана по реальной мишени в космосе в 1985 г., но позднее была «законсервирована». В 1989–1998 гг. разрабатывалась ПСС (KEAsat – Kinetic energy antisatellite) на основе ракеты-носителя наземного базирования, но в условиях глубокой разрядки напряженности после окончания холодной войны система была отменена. В 1997 г. проводились эксперименты с назем-

¹³ Greetsai V.N., Kozlovsky A.H., Kuvshinnikov V.M., Loborev V.M., Parfenov Y.V., Tarasov O.A., Zdoukhov L.N. «Response of Long Lines to Nuclear High-Altitude Electromagnetic Pulse (HEMP)». IEEE Transactions on Electromagnetic Compatibility. 1998. 40 (4). P. 348–354. DOI:10.1109/15.736221.

¹⁴ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: Ст. II, IV // Договоры и принципы Организации Объединенных Наций, касающиеся космического пространства. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2002. [Treaty on the principles governing the activities of states in the exploration and use of outer space, including the moon and other celestial bodies (Outer Space Treaty).]

¹⁵ Железняков А. Энциклопедия «Космонавтика». 1997–2002 // Секретные материалы. Сентябрь. 2004. № 19 (146). С. 14–15.

¹⁶ Dvorkin V. Space Weapons Programs // Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 30–45.

ными лазерным установками «МИРАКЛ» (MIRACLE), а в следующем десятилетии – с лазерами воздушного базирования. Они продемонстрировали возможность вывести из строя солнечные батареи и повредить оптико-электронные приборы разведывательных спутников на высотах до 700 км, а также «ослепить» инфракрасные датчики спутников СПРН на геостационарной орбите¹⁷.

Ныне проводятся секретные эксперименты с беспилотным многоразовым миниатюрным космическим аппаратом (мини-шаттлом) X-37B, который теоретически может служить, в том числе, носителем оружия. В наибольшей степени готовности состоит модифицированная корабельная противоракетная и одновременно противоспутниковая система «Иджис» (Aegis) с ракетами «Стандарт-3» (RIM-161 Standard Missle-3) и самонаводящейся кинетической боеголовкой, которая на испытаниях успешно сбила прямым попаданием отработавший американский спутник в 2008 г. В результате образовалось около 3 тыс. осколков, которые в течение 40 дней должны были войти в атмосферу и сгореть¹⁸.

Как отмечалось выше, в июне 2018 г. президент Трамп в свойственной ему манере объявил намерение создать новый вид вооруженных сил – Космические силы: «Я сейчас даю указание Министерству обороны и Пентагону (?) немедленно начать процесс, необходимый для образования космических сил как шестого отделения вооруженных сил... Наши судьбы вне Земли это не только дело национальной идентичности, но и дело национальной безопасности... Космос есть такая же сфера ведения войны, как суша, воздух и море... У нас есть Военно-воздушные силы и теперь у нас будут космические силы»¹⁹. Нельзя не заметить, что отношение Трампа к вооружению космоса – это одно из его многих сходств с президентом Рональдом Рейганом 1980-х годов по интеллектуальному уровню, стилистике и идеологическому пафосу.

В настоящее время военный космос является епархией Космического командования в составе ВВС США. Если идея Трампа будет реализована²⁰, то новый вид вооруженных сил США будет образован впервые за 70 лет – после создания ВВС (вслед за Сухопутным силам (Армии), ВМС, Корпусом морской пехоты и Береговой охраной). Однако это мероприятие требует поддержки Конгресса как в финансовом, так и в административном отношениях. Пока высшие чины Пентагона и многие законодатели выступают против этого плана по соображениям экономии и организационной оптимизации, а ВВС сопротивляются из ведомственных соображений, не желая терять важную штатную структуру и изрядную долю бюджета.

¹⁷ Molchanov B. The Militarization of Space and Space Weapons // Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons, Treaties / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2009. P. 160–185.

¹⁸ Мясников В. Космический перехват удался: Америка берет на прицел околоземное пространство // Независимое военное обозрение. 29 февраля – 6 марта 2008 г.

¹⁹ President Trump directs Defense Department to 'immediately begin the process' of establishing space force' as sixth military branch. Michael Sheetz. Amanda Macias Published 12:36 PM ET Mon, 18 June 2018 Updated 6:22 PM ET Mon, 18 June 2018CNBC.com

²⁰ Космические силы США были формально образованы 20 декабря 2019 г.

Открытая часть расходов США на военный космос составляет 11,4 млрд долл., в 2019 г. они увеличатся до 12,5 млрд, а в последующие несколько лет – еще на 8 млрд долл.²¹ В настоящее время под эгидой Космического командования BBC и Агентства противоракетной обороны США осуществляется множество военно-космических программ, прежде всего, в сфере космических аппаратов управления и связи, разведки, СПРН, сопровождения баллистических и гиперзвуковых целей (например, «Высотная устойчивая инфракрасная» программа – Overhead Persistent Infrared program – OPIR), а также проекты разработки лазерного и кинетического поражения баллистических ракет и космических аппаратов. Особое внимание уделяется развитию миниатюрных боевых спутников весом 1–10 кг на основе нанотехнологии, которые могут развертываться в больших количествах на разных орбитах, оставаясь практически невидимыми, и по команде атаковать космические аппараты противника²².

В Советском Союзе уничтожение космических систем противника с 1960-х годов рассматривалось как естественный и законный аспект вероятной ядерной войны²³. Для этих целей создавались системы радиоэлектронного противодействия (РЭП) и ударные средства. Например, рассматривался проект «космических мин» – группировки спутников в «спящем» режиме на заданных орбитах, которые должны были по команде сблизиться с аппаратами противника и взорваться вместе с ними, но по соображениям стоимости идея была отклонена²⁴. Главным ударным средством тех лет стала противоспутниковая система «ИС» (истребитель спутников), на базе МБР, которая предназначалась для кинетического поражения космических аппаратов на низких орбитах (250–1000 км). В 1968 г., на 17 лет раньше США, был осуществлен первый успешный перехват спутника-мишени, а в 1973 г. комплекс «ИС» был принят в опытную эксплуатацию на космодроме Байконур. В 1978 г. усовершенствованная система была принята на вооружение под индексом «ИС-М», а затем «ИС-МУ». Всего было проведено более 20 натурных экспериментов, в том числе 5 по реальным мишеням в космосе²⁵. Комплекс «ИС-МУ» оставался в боевом составе до 1993 г., когда президент России Борис Ельцин издал указ о снятии его с вооружения²⁶.

²¹ Some fresh tidbits on the U.S. military space budget. Spacenews. Mar. 21. 2018. URL: <https://space-news.com/some-fresh-tidbits-on-the-u-s-military-space-budget/>; DoD space budget: Billions for next-gen satellites, launch vehicles; New funding lines for «rapid acquisitions» // Spacenews. Feb. 13., 2018. URL: <https://spacenews.com/sn-military-space-dod-space-budget-billions-for-next-gen-satellites-launch-vehicles-new-funding-lines-for-rapid-acquisitions/>

²² Владимиров В. Во всю силу легких // Военно-промышленный курьер. 18–24 мая 2018 г. № 18. С. 10.

²³ Dvorkin V. Space Weapons Programs / Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. P. 30–45.

²⁴ Соколов А., Фаличев О. Вариант «Комета» // Военно-промышленный курьер. 6–12 июня 2018 г. № 25. С. 8.

²⁵ Тарасенко М. Военные аспекты советской космонавтики. М.: ТОО «Николь»; Агентство Российской Печати, 1992.

²⁶ Оружие и технологии России. XXI век. М.: Издательский дом «Оружие и технологии», 2002. Т. 5. Космические средства вооружения.

Активизация работ по космическим вооружениям произошла в СССР в начале 1980-х годов в ответ на американскую программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ), объявленную президентом Рейганом 23 марта 1983 г. В качестве одного из асимметричных ответов на проекты космической ПРО США в 1985 г. была начата советская программа СК-1000²⁷ под наименованием «Многоцелевой боевой космической системы», которая включала более 20 опытно-конструкторских работ. Один из проектов под названием «Наряд-В» предполагал поражение космических аппаратов перехватчиком, выводимым баллистической ракетой типа РС-18 (УР-100Н и УР-100УТТХ, известной на Западе как SS-19), и закончился промежуточным этапом летных испытаний.

В 1983 г. СССР взял на себя обязательства не выводить первым в космическое пространство каких-либо видов оружия «пока другие государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любых видов»²⁸. При этом вплоть до начала 1990-х годов разрабатывалась авиационно-ракетная система «Контакт» (аналогичная американской системе F-15 «СРЭМ-Альтаир»), которая в качестве носителя использовала истребитель-перехватчик типа МИГ-31. В связи с прекращением финансирования испытания не были завершены.

Оживление интереса к космическому оружию относится к первому десятилетию нового века. Оно было вызвано весьма агрессивной позицией администрации Джорджа Буша-мл. в отношении милитаризации космоса, ее военными программами в этой сфере и отказом обсуждать любые предложения об ограничении космических вооружений.

Российская стратегическая мысль и военные программы исходят из того, что космос – это новый важнейший театр военных действий (ТВД), где Россия должна присутствовать концептуально и технически. В отличие от времен СССР, теперь это относится не только к стратегии глобальной ядерной войны, но и к конфликтам с применением обычных вооружений. Предположительно, в них США/НАТО будут иметь большое превосходство по высокоточным системам оружия большой дальности, но также и значительную уязвимость, ввиду зависимости этих средств от космических информационно-управляющих систем, чем Россия не может не воспользоваться. В этом ключе российские военные специалисты пишут: «С учетом возрастающей зависимости эффективности применения современных вооруженных сил от космической составляющей... угроза применения и применение средств поражения против космических систем противника может рассматриваться как дополнительный, а в ряде случаев – и как самостоятельный фактор сдерживания агрессора от применения вооруженных сил...»²⁹.

²⁷ Podvig P. The Window of Vulnerability That Wasn't: Soviet Military Buildup in the 1970s – A Research Note // International Security. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 118–138.

²⁸ Черкас С. Современные политико-правовые проблемы военно-космической деятельности и основы методологии их исследования. М.: МО РФ, 1995.

²⁹ Суханов С., Гринько В., Смирнов В. Космос в вопросах вооруженной борьбы // Национальная оборона. Июль. 2008. № 7 (28). С. 42.

О разработках России в области противоспутникового оружия можно судить по интервью заместителя министра обороны РФ того времени В. Поповкина от 2009 г.³⁰ По его словам, несмотря на снятие с вооружения в 1993 г. комплекса «ИС-МУ» на базе МБР, для этой системы сохранились и поддерживались в работоспособном состоянии наземный командно-вычислительный пункт и специальная стартовая площадка на полигоне Байконур. Другая ударная система – комплекс 30П6 для поражения низкоорбитальных космических объектов перехватчиком, запускаемым с истребителя, все элементы которой (командный пункт, комплекс распознавания спутников 45Ж6 «Кrona», самолет МиГ-31 и ракета большой дальности) продолжали совершенствоваться³¹. Также был сохранен технический задел по упомянутым ракетно-космическим комплексам «Наряд-ВН» и «Наряд-ВР», предназначенным для поражения целей вплоть до геостационарной орбиты.

В корпорации «Алмаз-Антей», как отметил Поповкин, осуществлялась программа разработки и испытаний опытного образца лазерного комплекса авиационного базирования для противодействия в инфракрасном диапазоне спектра американским разведывательным космическим системам и спутникам раннего предупреждения о пусках ракет. Против КА на низких орбитах противоспутниковые возможности закладывались в принятые на вооружение или разрабатываемые зенитные ракетные комплексы ПВО С-400 и С-500³².

В последней Государственной программе вооружений до 2027 г. (ГПВ-2027) одним из приоритетов обозначена противоспутниковая система «Нудоль» – на основе наземно-мобильной неядерной ракеты, способной поражать КА на орбитах высотой до 700 км (которая также является элементом новой системы ПРО Московского района А-235)³³. Как можно судить, эта система (под кодом 14Ц033), включая ракету-перехватчик (под грифом 14А042) разрабатывается и испытывается концерном «Алмаз-Антей» и ОКБ «Новатор»³⁴.

По сообщениям зарубежных источников, 15 апреля 2020 г. Россия провела очередное испытание этой системы. Представитель Космического командования США генерал Дж. Раймонд прокомментировал это событие в весьма резкой манере, как «...еще одно доказательство лицемерия российских призывов к контролю над космическими вооружениями, призванных связать возможности Соединенных Штатов, не имея очевидно никаких намерений прекращать свои собственные программы противокосмических вооружений»³⁵. Что касается

³⁰ Россия разрабатывает противоспутниковое оружие в ответ на шаги США в этой сфере, заявил в четверг журналистам в Москве заместитель министра обороны РФ по вооружению генерал армии Владимир Поповкин // РИА «Новости». 5 марта 2009 г. (цит. по: Хороших А. Re: Противокосмическая оборона // Астрофорум. 13 декабря 2009 г.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Фаличев О., Петров Ю. Гиперзвук для боеголовок // Военно-промышленный курьер. 03.07.2018. № 27. С. 4.

³⁴ Рамм А, Корнев Д. Охотник за спутниками // Военно-промышленный курьер. 26.06.2016. № 25.

³⁵ Hendrickx B. Burevestnik: a Russian air-launched anti-satellite system // The Space Review. April 27, 2020. URL: <https://www.thespacereview.com/article/3931/1>

России, то она по своему обыкновению официально не сообщила об испытании, не объяснила его цель и ничего не ответила на американские обвинения.

Сверх того в ГПВ-2027 в число приоритетов включен наземно-мобильный комплекс радиоэлектронного подавления (РЭП) спутниковой связи «Тирада-2С»³⁶. Функция «ослепления» спутников разведки и СПРН может вменяться наземно-мобильной лазерной системе, показанной в докладе президента Путина от 1 марта 2018 г. и по пожеланиям трудящихся названной «Пересвет»³⁷. Также в прессу просочилось заявление представителя научного института Минобороны о разработке противоспутниковой системы под странным кодовым названием «Рудольф», однако никаких подробностей о ней не сообщалось³⁸.

По зарубежным данным, возобновились работы по новому поколению системы «Контакт» с использованием истребителя МиГ-31ВМ как платформы для запуска ракеты с космическим аппаратом для поражения спутников (под названием «Буревестник» – не путать с наземной межконтинентальной атомной крылатой ракетой, объявленной в президентском докладе в 2018 г.). Функция «ослепления» спутников разведки и СПРН может вменяться авиационным и наземным лазерным системам («Калина» и «Сокол-Эшелон»), радиоэлектронного противодействия – системе «Экипаж», а орбитальное сближение и уничтожение КА – спутникам типа «Нумизмат»³⁹. Согласно независимым источникам, ежегодные военно-космические расходы России составляют порядка 140 млрд руб. (около 2 млрд долл. по обменному курсу)⁴⁰.

Китай стремится не отставать от двух ведущих держав в создании космических вооружений, хотя из-за всеобъемлющей секретности о его разработках почти ничего не известно. Но яркой иллюстрацией китайских усилий стало испытание противоспутникового оружия в январе 2007 г. В результате поражения ракетой средней дальности метеорологического спутника «Фэньюнь-1С» на высоте 864 км на орбите появилось около 2,5 тыс. новых осколков⁴¹.

Это китайское направление развития вооружений, видимо, преследует те же цели, что и программы ПСС России: лишить США преимущества в сфере высокоточных неядерных средств большой дальности за счет уничтожения их космических информационно-управляющих систем. Со своей стороны, США испытывают большое беспокойство по поводу указанных программ России и КНР и, в частности, рассчитывают на возможность их быстрого неядерного

³⁶ Ibid.

³⁷ Сивков К. Асимметричный Калибр // Военно-промышленный курьер. 24–30.07.2018. № 28. С. 8.

³⁸ https://rueconomics.ru/292171-stavka-na-rudolfa-antisputnikovoe-oruzhie-dast-rf-ogromnoe-preimushchestvo-pri-krupnom-konflikte#from_copy

³⁹ Hendrickx B. Burevestnik: a Russian air-launched anti-satellite system // The Space Review. April 27, 2020.

⁴⁰ Yearbook on Space Policy 2014: The Governance of Space. Al-Ekabi, C., Baranes, B., Hulsroj, P., Lahcen, A. (eds.) Vienna: Springer Verlag Gmbh, 2016. P. 81.

⁴¹ Topychkanov P. Features of the Outer Space Environment/ Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 6.

поражения с использованием будущих ракетно-планирующих гиперзвуковых ракет большой дальности в рамках концепции «Конвенционального быстрого глобального удара»⁴².

Последствия милитаризации космоса

Вероятная гонка космических вооружений угрожает серьезной дестабилизацией стратегической обстановки, ростом угрозы вооруженного конфликта и его быстрой эскалации к ядерной войне. Причем, это происходит уже сейчас – не дожидаясь развертывания оружия в космосе, по мере развития противоспутниковых систем наземного, воздушного и морского базирования.

В обстановке международного кризиса, который становится весьма вероятным в условиях войны в Сирии и военной конфронтации в Восточной Европе, атака на спутники предупреждения о ракетном нападении, скорее всего, рассматривалась бы Россией и США как начало ракетно-ядерного нападения и «сигнал тревоги» для полной готовности к ответно-встречному ядерному удару. В настоящее время вся космическая группировка СПРН России исчерпала свой технический ресурс, но в рамках ГПВ-2027 идет ее восстановление с целью создания в ближайшем будущем Единой Космической Системы обнаружения и боевого управления (ЕКС)⁴³. Правда, КА такого класса (российские системы ЕКС) и американские системы СБИРС (Space Based Infrared System – SBIRS) размещаются на геостационарной или высокояэллиптических орбитах, из-за чего они с меньшей вероятностью оказались бы под ударами противоспутниковых систем в ходе обычной войны.

Однако спутники разведки, связи и навигации могут стать целями РЭП или физического поражения уже на ранних фазах гипотетического вооруженного конфликта РФ–НАТО, причем даже локального или регионального масштаба. Такая вероятность более всего относится к спутникам разведки на низких орбитах (российские системы «Персона» серии «Космос» и американские аппараты типа КН-11), включая спутники морской космической разведки и целеуказания (российские КА типа «Лиана»).

Если стороны развернут противоспутниковые вооружения повышенной дальности действия, под удар могут также попасть связанные с обычными боевыми действиями навигационные КА на высоких орбитах типа российских ГЛОНАС (серии «Космос»), американских GPS/NAVSTAR и их спутников связи MILSTAR, AEHF, как и российских аппаратов типа «Родник», «Благовест». Поскольку некоторые из таких спутников одновременно обслуживают страте-

⁴² *Action J. Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike.* Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. P. 128.

⁴³ *Мясников В.* Единая космическая система предупредит о ядерном нападении // Независимое военное обозрение. 17 октября 2014 г.; *Горина Т.* Россия осталась без «Ока»: когда заработает новая космическая система предупреждения о ракетной атаке? // Московский комсомолец. 11 февраля 2015 г.

гические ядерные силы (СЯС) сторон, их уничтожение угрожает эскалацией войны к ядерному уровню, тем более что стратегические ядерные силы держав наверняка были бы переведены в максимальную готовность в даже в случае локального вооруженного конфликта между ними.

Разворачивание перспективных стратегических ракетно-планирующих гиперзвуковых систем с непредсказуемой и относительно низкой полетной траекторией резко снизит эффективность наземных РЛС ПРО. Тогда в целях гарантированного прорыва ПРО возникнет дополнительный стимул и для развития систем поражения спутников СПРН на высоких орбитах, способных за секать пуск баллистических разгонных ступеней гиперзвуковых планирующих блоков. Параллельно появится мотив к созданию КА для глушения радиосвязи навигационных спутников с гиперзвуковыми ударными системами, без чего точность такого оружия будет недостаточной⁴⁴. Таким образом, будет основательно подорвана традиционная система стратегической стабильности, в огромной мере опирающаяся на информационно-управляющие космические средства.

Предотвращение гонки космических вооружений

История переговоров по запрещению космических вооружений (в том числе между СССР и США в конце 80-х годов) продемонстрировала огромную сложность договорно-правового запрещения или ограничения этого класса оружия. В то время из опасений по поводу американской программы СОИ Москва трактовала космическое оружие расширительно, как любое ударное средство для поражения целей в космосе и из космоса⁴⁵. Позднее подход изменился, и в 2008 г. на женевской Конференции по разоружению (КР) был представлен российско-китайский проект «Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» (ДПРОК)⁴⁶. Этот проект договора до сих пор остается главным официально представленным юридически обязывающим документом по данному аспекту разоружения и считается крупнейшим достижением российской дипломатии, хотя он не был принят из-за отказа США и ряда их союзников.

Видимо, в России и Китае считают, что этот проект договора обеспечивает им выигрышные наступательные позиции в области немилитаризации космоса.

⁴⁴ Антонов О. Микроспутники – убийцы гиперзвуковых ракет // Независимое военное обозрение. 10–16 августа 2018 г. № 30. С. 1–12.

⁴⁵ Mizin V. Non-Weaponization of Outer Space // Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 55.

⁴⁶ Zhukov G. Russian-Chinese Initiative For the Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space. Russia: Arms Control, Disarmament and International Security: IMEMO Supplement to the Russian Edition of the SIPRI Yearbook 2008, compiled and edited by A. Kaliadine and A. Arbatov. Moscow, 2009. P. 40–54.

После 2008 г. практически на всех сессиях ООН в Нью-Йорке и Конференции по разоружению в Женеве вносятся проекты резолюций о запрещении вывода оружия в космос. Представитель МИД России Мария Захарова заявляла: «Последние годы мы выступали с целым рядом инициатив, направленных на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. Намерены продолжать активную, ориентированную на получение конкретных результатов работу в данном направлении»⁴⁷.

Интересно, что и на прошедшем в Хельсинки саммите России и США в июле 2018 г. при обсуждении вопросов разоружения российское руководство подняло вопрос предотвращения размещения оружия в космосе⁴⁸, но не коснулось следующего договора СНВ, который, видимо, считается более сложной и неоднозначной проблемой. Между тем запрет космического оружия представляется гораздо более трудным делом, чем возможный следующий договор СНВ и многие другие задачи разоружения, а «получение конкретных результатов» на данном направлении выглядит весьма проблематичным. Это дает основание детальнее рассмотреть российско-китайский проект ДПРОК от 2008 г.

В Статье I термин «оружие в космическом пространстве» определяется как «любое устройство, размещенное в космическом пространстве, основанное на любом физическом принципе, специально созданное или переоборудованное для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве, на Земле или в ее воздушном пространстве, а также для уничтожения населения, компонентов биосферы, важных для существования человека, или для нанесения им ущерба»⁴⁹. При этом оговаривается, что оружие будет считаться «размещенным» в космическом пространстве, если оно совершил как минимум один оборот на орбите вокруг Земли или находится на постоянной основе где-либо в космическом пространстве. Под «применением силы» или «угрозой силой» понимаются «любые враждебные действия против космических объектов, включая направленные, в частности, на их уничтожение, повреждение, временное или постоянное нарушение нормального функционирования, преднамеренное изменение параметров орбиты, или угроза совершения таких действий».

Согласно Статье II проекта ДПРОК, государства-участники обязуются «не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом; не прибегать к приме-

⁴⁷ Цит. по: *Иванов В.* Театр военных действий уходит на орбиту // Независимое военное обозрение. 29 июня – 5 июля 2018 г. С. 1–3.

⁴⁸ Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США. Владимир Путин и Дональд Трамп сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 16 июля 2018 г. Хельсинки. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58017>

⁴⁹ *Zhukov G.* Russian-Chinese Initiative For the Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space. P. 40–54.

нению силы или угрозе силой в отношении космических объектов; не оказывать содействия и не побуждать другие государства, группы государств или международные организации к участию в деятельности», запрещаемой ДПРОК.

Контроль соблюдения договора должен стать предметом дополнительного протокола. Указывается, что «в целях содействия уверенности в соблюдении положений Договора и для обеспечения транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности государства-участники будут осуществлять на добровольной основе, если не будет договоренности об ином, согласованные меры укрепления доверия» (Статья VI).

Российско-китайская инициатива была на политическом уровне благожелательно встречена в международном сообществе, за исключением США и их союзников. Следует в то же время подчеркнуть, что этот проект договора, к сожалению, едва ли имеет шансы на реализацию в его нынешнем виде, поскольку независимо от американской позиции он имеет ряд пробелов и недоработок. Они выглядят особенно контрастно при сравнении проекта ДПРОК с опытом договоров СНВ – наиболее близких в техническом отношении к космической проблематике.

Во-первых, к предмету договора не отнесены противоспутниковые вооружения наземного, морского и воздушного базирования, наиболее продвинутые в своем развитии, уже развернутые или способные войти в боевой состав в ближайшем будущем. Вместо этого запрещаются только размещенные в космосе виды оружия, т.е. средства ПРО, ПСС и средства класса «космос-Земля», которые относятся к более отдаленному времени, если вообще когда-либо будут созданы (ввиду отмеченных выше объективных проблем эксплуатации и применения орбитальных систем оружия).

Возможно, причина указанной ограниченности предмета договора в том, что Китай и Россия ведут работы над противоспутниковыми средствами наземного базирования в качестве ответа на превосходство США по космическим информационно-управляющим системам. Соединенные Штаты, со своей стороны, более всего озабочены именно такими системами космического оружия России и КНР. Избирательный подход Москвы и Пекина к теме вполне объясним с военной точки зрения, но он едва ли может стать основой практических переговоров по разоружению, требующих согласия Вашингтона.

Во-вторых, не решена главная и основополагающая задача – четкое определение предмета переговоров. В проекте ДПРОК нет дефиниции понятия «оружие», а сказано только, что это «любое устройство, размещенное в космическом пространстве... специально созданное или переоборудованное» для поражения разных целей на суше, в космосе, воздухе и море. Иными словами, предмет переговоров определяется не через характеристики оружия, а через место его размещения и боевые задачи. Чтобы понять проблематичность такого подхода, представим себе перспективы предложения о запрете на «любое устройство, специально созданное» для поражения каких-либо целей и размещенное в море или в воздухе. Под такие дефиниции попадут все военные флоты и военно-воздушные силы государств. В отличие от этого, договоры СНВ ограничивали

подводные лодки, самолеты, ракеты и боезаряды с конкретным указанием их типов и технических характеристик⁵⁰.

Яркий пример расплывчатости дефиниции через среду размещения – это система так называемой частично-орбитальной ракеты (ЧОР). К такому классу оружия относится и представленная президентом Путиным в Послании от 1 марта 2018 г. новая система межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) типа «Сармат», если она будет предназначена для удара по территории США через южный полярный круг (что было показано в Манеже посредством компьютерной графики)⁵¹. Преимущество такого удара в том, что южные азимуты не перекрыты полем американских РЛС СПРН, которые обращены на север, запад и восток. Но для удара с юга ракета должна выводиться на околоземную орбиту, хотя не станет *космическим объектом* (т.е. *космическим оружием*), поскольку не совершил полный оборот вокруг Земли и потому будет считаться частично-орбитальной ракетой. Однако та же ракета превратится в *космический объект* (т.е. *космическое оружие*), если «задержится» на орбите всего на полчаса и завершил хоть один виток вокруг Земли. При этом не будет никаких внешне заметных технических различий между ЧОР и ракетой, способной оставаться на околоземной орбите.

Исходя из опыта переговоров, системы оружия становятся предметом соглашений по их техническим характеристикам. В прошлом система ЧОР была создана в СССР на технической основе МБР тяжелого типа, но ее запретили по Договорам ОСВ-2 (от 1979 г.) и СНВ-1 (от 1991 г. Статья V, п. 18, с). После истечения срока действия СНВ-1 в 2009 г. запрета на такие системы больше нет, но этот вопрос наверняка был бы поднят в случае начала серьезного диалога по космосу, включая принципы российско-китайского проекта ДПРОК от 2008 г., который требует «не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом».

Опыт успешных переговоров по разоружению в прошлом всегда строился вокруг конкретных технических характеристик систем оружия и согласованных обозначений их видов и типов⁵². Ничего похожего нет в отношении космических вооружений в трактовке проекта ДПРОК от 2008 г. Отчасти это обусловлено и объективной причиной – разные системы космического оружия находятся в той или

⁵⁰ Так, Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (от 2010 г.) сопровождается Протоколом, который дает ясное и однозначное определение всем предметам этого Договора. Например: «Термин «баллистическая ракета» означает являющуюся средством доставки оружия ракету, большая часть полета которой осуществляется по баллистической траектории. Термин «межконтинентальная баллистическая ракета», он же «МБР», означает баллистическую ракету наземного базирования с дальностью свыше 5500 километров» (Протокол, глава 1, пп. 5, 25).

⁵¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2018).

⁵² Для целей договоров СНВ стороны обмениваются детальной информацией о технических характеристиках всех типах стратегических вооружений, являющихся предметом договоров, и периодически проводят инспекции на местах и показы этих средств другой стороне.

иной стадии технического развития, и перспективы их доведения до этапа принятия на вооружение зачастую не ясны. Однако попытка обойти это обстоятельство за счет огульного определения («любое устройство, размещенное в космическом пространстве») обречено на неудачу ввиду многозначности его толкования.

В-третьих, недостаток ДПРОК в том, что проблема контроля в нем вообще обойдена с отсылкой на дополнительный протокол и добровольные меры доверия. Это явилось важнейшим пунктом критики проекта и расценивается специалистами как свидетельство его политico-пропагандистского, а не практического характера. Возможности контроля играли ключевую роль в полу万千овой истории стратегических переговоров, определяя то, что можно или нельзя запретить или ограничить соглашениями по разоружению, хотя при наличии политической воли сторон эти меры совершенствовались и поэтапно решали задачи, ранее казавшиеся неразрешимыми.

Космические вооружения труднее всего запретить или ограничить на стадии развертывания и пребывания в боевом составе (что является основой договоров ОСВ/СНВ), если речь идет о развертывании в космосе. Идентифицировать с помощью национальных технических средств запрещенные КА с оружием на борту среди полутора тысяч спутников, вращающихся на различных орбитах, было бы исключительно трудно. Еще труднее доказать их принадлежность к предмету, запрещенному договором, без осмотра в космосе или спуска на землю. Инспекции в космосе или спуск КА на землю во многих случаях технически невозможны, опасны и, скорее всего, неприемлемы для государств по соображениям военной или коммерческой секретности.

Контроль на космодромах перед стартом в обозримый период тоже представляется маловероятным по соображениям военной и коммерческой тайны. Этот вопрос затрагивался в конце 1980-х годов на переговорах СССР–США по космическим вооружениям. Тогда было признано, что подобные методы контроля на местах были бы слишком интрузивны и практически трудноосуществимы по техническим причинам (необходимость вскрытия контейнеров полезного груза и его идентификации пред установкой на космические носители)⁵³.

Что касается космических вооружений наземного, воздушного или морского базирования, которые наиболее вероятны в обозримом будущем (но не затрагиваются проектом РФ–КНР), то и здесь картина неоднозначна. Запрещение или ограничение систем, развернутых Советским Союзом в 70–80-е годы (и таких, какие испытал Китай в 2007 г.), не представляло бы труда при согласовании их технических характеристик и мест базирования по методике Договоров РСМД и СНВ. Однако применительно к системам авиационного базирования типа американской системы F-15 «СРЭМ-Альтаир» и советско-российской системы типа «Контакт» на базе истребителя МиГ-31 (и перспективного носителя МиГ-41) контроль запрещения на развертывание был бы весьма затруднен. Это обусловлено двойным назначением и массовым наличием в боевом составе

⁵³ Mizzin V. Non-Weaponization of Outer Space / Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 55.

таких самолетов, а также малыми габаритами ракеты-перехватчика, позволяющими их складирование в хранилищах на аэродромах.

Запрещения систем морского и наземного базирования (вроде ракеты США типа «Иджис/Стандарт-3», которая в 2008 г. сбила отслуживший американский спутник, и российских систем С-400 и С-500) было бы сложно добиться ввиду их вариативных технических характеристик и двойного назначения в качестве противоракетного/противовоздушного и противоспутникового оружия.

Наконец, в-четвертых, многосторонний формат стран-участников предложенного проекта, подразумеваемый площадкой женевской Конференции по разоружению, тоже вызывает сомнения. Сложнейшие технические системы космического оружия доступны лишь немногим государствам, а технические вопросы имеют исключительно деликатный характер. Поэтому надеяться на практические переговоры об этом в многостороннем формате (по модели КХО или КБТО⁵⁴) едва ли обоснованно⁵⁵.

По всей видимости, невооружение космоса – это проблема, которую невозможно решить разом, одним всеобъемлющим договором. Космос является принципиально новой средой потенциальной гонки вооружений и военных конфликтов. Все системы оружия исключительно сложны, многофункциональны и покрыты плотной секретностью. Поэтому, если меры космического разоружения когда-то перейдут в практическую плоскость – это будет долгий и многоэтапный процесс, сравнимый скорее с ограничением и сокращением стратегических вооружений и ядерных испытаний, а не с КХО или КБТО.

Тем не менее, при всех сложностях запрещения космических вооружений, возможность существенно ограничить их развитие все-таки есть. Вместо запрещения на развертывание и как способ косвенного решения этой задачи, первоначальная договоренность могла бы состоять в запрете на испытания противоспутниковых систем. При этом имелись бы в виду испытания с фактическим поражением спутника-мишени, какие проводились в СССР в 1960–1980-е годы, в США в 1980-е и в 2008 г. и в Китае в 2007 г. Контроль над таким соглашением может опираться на национальные технические средства сторон, которым способствовали бы меры содействия и определенной транспарентности (как в ряде договоров СНВ). В качестве таких мер следует, например, подтвердить и расширить существующий формат уведомлений обо всех запусках ракет, включая космические, и иметь в виду любые действия и эксперименты с разрушительным воздействием на космические объекты.

Испытание противоспутниковых систем космического базирования по поражению КА естественно подпадало бы под запрет такого договора. Эксперименты с космической системой ПРО по перехвату разгонных ступеней и голо-

⁵⁴ КХО – Конвенция по химическому оружию, КБТО – Конвенция по биологическому и токсическому оружию.

⁵⁵ С учетом политico-пропагандистской ставки, сделанной с 2008 г. Россией и КНР на их проект ДПРОК, его можно было бы превратить в основу нового политически (но не юридически) обязывающего многостороннего кодекса поведения в космическом пространстве, добавив запрет на ПСС наземного, морского и воздушного базирования.

вных частей баллистических ракет или гиперзвуковых планирующих аппаратов, не являющихся спутниками (*космическими объектами*), не затрагивались бы напрямую. Однако ввиду сходства средств поражения и информационно-управляющих комплексов перспективных ПРО и ПСС космического базирования, вопрос об их запрещении неизбежно был бы поставлен. Это тем более так, если путь к запрещению поражения *объектов в космосе* будет уже проложен запретом на разрушение *космических объектов*.

Ликвидация отслуживших спутников, если они создают угрозу падения, должна проходить под наблюдением другой стороны (сторон) и с предоставлением достаточной информации, чтобы не вызывать подозрений по поводу проведения скрытых испытаний оружия. Операции постыковке со спутниками в мирных целях должны регламентироваться по скорости сближения и проходить после уведомления и под наблюдением другой стороны (сторон). Формат договоренности мог бы на первом этапе включать США, Россию и, желательно, КНР и предусматривать в дальнейшем возможность присоединение других держав.

К преимуществам такого договора относятся:

- Предотвращение создания и совершенствования самого продвинутого класса космических вооружений – противоспутникового, независимо от его физических принципов и форм базирования.
- Относительная простота контроля в сочетании с минимальными мерами транспарентности и содействия.
- Предотвращение экспериментов, влекущих образование космического «мусора» и создающих угрозу для КА всех стран.
- Торможение на « дальних подступах» развития ПСС, способных поставить под удар наиболее важные спутники СПРН, навигации, связи и мониторинга.

* * *

Предложенный выше вариант договора, конечно, не лишен недостатков и по необходимости имел бы частичный, избирательный характер. Так, было бы затруднено развитие в РФ и КНР средств борьбы со спутниками США, на которые все больше опираются их обычные и ядерные силы. Принимать такой вариант или нет – дело политических и военных руководителей в Москве и Пекине. Вместе с тем, они должны ясно отдавать себе отчет, что если оставить такие системы за скобками предлагаемых мер разоружения, то рассчитывать на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве нереалистично, даже при благоприятных изменениях международного климата и проявлении доброй воли со стороны США. К тому же, беспрепятственное развитие противоспутниковых систем будет угрожать и КА России, на которые все больше опираются ее вооруженные силы, включая приоритетные высокоточные неядерные средства большой дальности, число которых за последние годы выросло в 30 раз⁵⁶.

⁵⁶ Шойгу рассказал, как будет развиваться армия России до 2021 г. Министр обороны открыл своим выступлением курс лекций «Армия и общество» // Комсомольская правда. 12.01.2017.

Следует напомнить, что первый стратегический договор – Временное Соглашение ОСВ-1 от 1972 г. – тоже был частичным, избирательным и относительно простым. Однако, не пройдя тот естественный этап разоружения, стороны никогда не достигли бы беспрецедентных сокращений, сложнейших ограничений и мер транспарентности в отношении стратегических вооружений, такие были согласованы по Договору СНВ-1 (1991) и остальным договорам в этой области за последующие двадцать лет. Если первый, пусть и ограниченный шаг в области невооружения космоса будет сделан, за ним последуют другие соглашения с более широким охватом и интрузивными мерами контроля, как было в истории ограничения стратегических вооружений СССР/России и США.

ВООРУЖЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ*

*(Новые технологические факторы
и будущее системы контроля над вооружениями)*

Кризис контроля над ядерным оружием в последнее время стал объектом тревоги высшего руководства России [1]. Сейчас всеобщим вниманием завладела пандемия, но рано или поздно она пройдет, а ядерное оружие никуда не денется. И вместе с ним останется угроза несопоставимо более страшного бедствия – ядерной войны. Нынешний 2020 год – решающий момент в новейшей истории контроля над вооружениями.

Это последний год, когда еще остается возможность сохранить эффект Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), например, на основе российской инициативы о моратории на развертывание таких ракет в Европе. Это также и последний год, когда Россия и США еще могут договориться о продлении действия Договора по стратегическим наступательным вооружениям (ДСНВ-3), срок которого истекает в 2021 г. Наконец, это год очередной (причем юбилейной) Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Даже если она состоится с опозданием, ее итоги во многом определяют судьбу этого ключевого Договора, а вслед за ним и будущее Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

Разные взгляды на один предмет

В мышлении профессионального стратегического сообщества в России и за рубежом кризис контроля над вооружениями наконец-то занял центральное место. Только отношение к этому явлению весьма разное.

Есть немало специалистов в военных ведомствах и оборонной промышленности, ассоциированных с ними исследовательских центрах и органах СМИ, которые вздохнули с облегчением. Они полагают, что закончилось «смутное время», когда не было явного внешнего врага, отрицалась угроза нападения извне, а роль военной мощи, и более всего ядерного оружия, казалась маргинальной и расплывчатой. Для них все снова стало ясно: есть понятный (и традиционный) противник, военная угроза по его вине растет, ядерную войну – как и любую другую – можно выиграть, а договоры по контролю над вооружениями мешают создавать оружие для победы и смущают наивных людей [2; 3; 4, с. 6; 5, с. 6, 7; 6].

* Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 9–33.

Но есть и другой взгляд на кризис, который исходит из предпосылки, что он стал неизбежен ввиду коренных перемен в миропорядке и появлении революционных военных технологий, которые упразднили прежние методы контроля над ядерным оружием. Однако авторы данного подхода не теряют оптимизма и охотно делятся им с государственными деятелями, утверждая, что стратегическую стабильность и безопасность можно строить без формальных договоров по ограничению конкретных систем оружия [7]. Новая политика, по их мнению, «должна основываться как на углубленных многоуровневых диалогах между ведущими ядерными державами, выработке правил игры в областях, где прямое военное столкновение наиболее вероятно, так и на фундаментальном пересмотре самой философии укрепления стратегической стабильности. Вместо того, чтобы пытаться преодолеть ядерное сдерживание посредством сокращения вооружений и разоружения, необходимо согласованно и многосторонне его укреплять» [8]. Похожие идеи высказываются на весьма высоком уровне и за рубежом [9; 10]. В их числе «...новая парадигма, которая продвинется дальше прежнего контроля над вооружениями... должна быть сформирована созданием постоянной комиссии России–США по ядерному оружию и ее расширением на стратегическое и тактическое ядерное оружие и все ядерные государства» [11, р. 1–3].

Благозвучная фразеология сторонников этого подхода затушевывает его суть. Однако есть в России и прямолинейные откровения по данному поводу: «Контроль над стратегическими вооружениями – это труп, который невозможно оживить... Мы объективно заинтересованы в максимизации роли ядерного оружия. Подобная оценка допускается пролиферацией ядерных технологий, которые в любом случае будут распространяться. Это лишь вопрос времени, когда такая заинтересованность будет осознана руководством нашей страны и трансформирована в соответствующие доктринальные установки» [12].

На столь плодородной почве создано много мифов о диалектике ядерных вооружений и переговоров об их ограничении. Рассмотрим наиболее яркие примеры единства и борьбы противоположностей в области развития военных технологий и эволюции контроля над вооружениями в историческом разрезе и на обозримое будущее.

Новое или забытое старое?

Главный довод сторонников «фундаментального пересмотра философии стратегической стабильности» состоит в том, что новейшие военные технологии и изменившийся миропорядок упраздняют традиционный контроль над вооружениями: «Трансформация военно-стратегического ландшафта включает в себя два основных измерения – военно-технологическое и геополитическое. Первое заключается в том, что технологический прогресс наделяет неядерные вооружения стратегическими свойствами, и грань между ними и ядерными вооружениями стирается... Геополитическое изменение военно-стратегического ландшафта заключается в окончании эпохи, когда две ядерные сверхдержавы ориентировались в своей

ядерной политике исключительно друг на друга... и дальнейшее ограничение СЯС¹ только России и США без учета третьих ядерных держав невозможно» [8].

Хотя для неспециалистов все выглядит убедительно, профессиональный анализ показывает, что, во-первых, в нынешних технических новациях нет ничего беспрецедентного, а, во-вторых, военно-технические прорывы в прошлом бывали намного более значительными, чем нынешние, но переговорам по ограничению вооружений удавалось брать их под контроль.

Не говоря даже о создании ядерного оружия в 1940-х годах, развитие баллистических ракет средней, а затем межконтинентальной дальности в 1950-е годы совершило переворот в военных доктринах, стратегиях и подходах к разоружению. США обладали непревзойденной воздушной мощью (их 1850 тяжелых и средних бомбардировщиков были способны в одном налете обрушить 4700 ядерных бомб на СССР, КНР и их союзников [13] и за несколько часов убить 275 млн человек [14]). Но эта мощь вдруг оказалось обесцененной: в исследовании корпорации РЭНД по заказу ВВС [15] был сделан вывод, что авиация США может быть разом уничтожена внезапным ударом нескольких десятков ядерных баллистических ракет по 60 аэродромам ее базирования.

В 1960-е годы развернулась беспрецедентная гонка США и СССР по стратегическим ракетам наземного и морского базирования, которая поначалу породила американскую концепцию разоружающего (контрсилового) ракетного удара [16]. К 1967 г. американские стратегические ядерные силы увеличились по числу ракет в 40 раз (!) [17]. С середины 1960-х годов в стратегический баланс вторглись программы противоракетной обороны Советского Союза, а следом и Соединенных Штатов. Тогда казалось, что это раз и навсегда поставило крест на возможности ядерного разоружения, о котором в 1950-е годы шли горячие, но бесплодные дебаты в ООН.

Однако скорее, чем можно было предположить, в обеих державах возобладал здравый смысл. В 1967 г., предвидя формирование паритета по стратегическим ракетам двух держав, тогдашний министр обороны США Роберт Макнамара в своей речи в Сан-Франциско заявил, что обе стороны обрели возможность «навлечь неприемлемый ущерб на агрессора, даже после принятия на себя его первого удара» [18, р. 51–67]. При этом он подчеркнул: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы» [18, р. 57].

Всего через пять лет эта логика воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1), подписанных на Московском саммите СССР–США в мае 1972 г. Системы ПРО обеих сторон были ограничены двумя районами базирования (далее по протоколу 1974 г. – одним по 100 антиракет), а наращивание наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических

¹ СЯС – стратегических ядерных силы.

ракет подводных лодок (БРПЛ) было остановлено по факту на 1972 год. США решили строить ПРО вокруг базы МБР «Минитмен», а СССР – вокруг Москвы, а по ракетам Советский Союз получил 25%-ное преимущество перед США (2350 и 1710 ракет соответственно) [19, р. 11, 87]. В качестве компенсации превосходство США по тяжелым бомбардировщикам никак не затрагивалось по ОСВ-1.

Но не успели высохнуть чернила на документах 1972 г., как военно-технический прогресс вновь разрушил стратегические отношения сторон. По инициативе США с начала 1970-х годов развернулось интенсивное введение в боевой состав держав морских и наземных стратегических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Это повлекло 5-кратный рост числа ядерных боеголовок при неизменном количестве носителей. Еще важнее, что многозарядные ракеты создали вполне предметную и адекватно моделируемую возможность нанести первый разоружающий удар. Отныне паритет по носителям и боеголовкам не исключал такую угрозу. Попытки в последний момент остановить системы РГЧ на переговорах по ОСВ-1 провалились [20, р. 180].

Тогда казалось, что угроза войны неотвратима, поскольку одна многозарядная ракета могла поразить несколько пусковых шахт с ракетами противника, оснащенными еще большим числом боеголовок². Либералы на Западе называли эту ситуацию «ракетное безумие» [21]. Контроль над вооружениями как будто был обречен – ведь национальные технические средства (разведывательные спутники) могли наблюдать стартовые шахты, но не боеголовки на установленных в них ракетах.

Другой глубокий технический прорыв был обусловлен созданием в конце 1970-х годов компактных высокоточных крылатых ракет воздушного, морского и наземного базирования средней дальности (КРВБ, КРМБ и КРНБ соответственно). Вдобавок к системам РГЧ, они еще больше увеличили количество ядерных боезарядов в стратегических силах (на тяжелых бомбардировщиках – ТБ) и на морских и наземных средствах средней дальности. Это оружие девальвировало системы ПВО и создало угрозу ядерного удара с минимальным временем предупреждения благодаря своей низковысотной и непредсказуемой траектории. Тем более неразрешимой казалась проблема контроля над этими системами из-за их малых габаритов и невозможности различить системы в ядерном и обычном снаряжении.

Но проблему удалось решить поэтапно. Первая попытка была сделана на переговорах по Договору ОСВ-2 от 1979 г. В итоговом документе стороны договорились ограничить общее число стратегических носителей (включая ТБ) потолком в 2250 ед., но гораздо важнее, что Договор регламентировал структуру СЯС³. Согласованные уровни были пределами, но не диктовали сторонам реальную рав-

² То есть схематично, при оснащении каждой ракеты 10 боеголовками, одной ракетой с 10 боеголовками можно поразить 10 ракет противника со 100 боеголовками. Такой «размен» 1:10 создавал сильнейший стимул к первому удару для обеих сторон.

³ Разрешалось иметь в сумме не более 1320 ракет с РГЧ и тяжелых бомбардировщиков с КРВБ, в том числе не более 1200 морских и наземных ракет с РГЧ и не более 820 многозарядных наземных МБР. См.: *Labrie R. SALT Handbook. Key Documents and issues 1972–1979*. Washington DC: AEI Press, 1979.

ную численность систем разного типа. Сами по себе единые для сторон потолки ОСВ-2 и последующих договоров были ориентирами предсказуемости и транспарентности ядерного баланса. Качественные ограничения были не менее важны: на максимальное число боезарядов и КРВБ на существующих и будущих типах ракет и бомбардировщиков, на число разрешенных новых типов ракет (не более одной МБР легкого типа) [19]. Опираясь на национальные технические системы контроля (в основном спутники разведки, воздушные и морские радиоэлектронные средства), стороны начали регулярный обмен данными по всем договорным параметрам. Хотя Договор ОСВ-2 не был ратифицирован в США из-за ввода советских войск в Афганистан, стороны обязались его не нарушать, и этот мораторий соблюдался до конца 1986 г., сохраняя предпосылки для продолжения диалога.

Качественный скачок произошел с заключением в 1991 г. Договора СНВ-1, по которому число носителей сокращалось примерно на 30%, а боезарядов – на 40%⁴. Были согласованы беспрецедентные качественные ограничения разных систем оружия, обширный режим транспарентности и интрузивные методы контроля РГЧ на ракетах (включая осмотр боеголовок в головных частях ракет, снижение ракетного забрасываемого веса, запрет на шифрование телеметрической информации при ракетных испытаниях и обмен ею). Это положило начало продвижению вперед по Договору СНВ-2 (1993), Рамочному соглашению СНВ-3 (1997), Договору по стратегическим наступательным потенциалам – СНП (2002). В конечном итоге по Договору СНВ-3 (2010) удалось сократить общее число боеголовок стратегических сил примерно до уровня, предшествовавшего «ракетному безумию» – развертыванию систем РГЧ с начала 1970-х годов.

Подрывное воздействие крылатых ракет тоже удалось взять под контроль. Сначала по Договору РСМД (1987) были полностью ликвидированы КРНБ (вместе с баллистическими ракетами средней и меньшей дальности). Затем по Договору СНВ-1 была ограничена численность КРВБ на бомбардировщиках. Были лимитированы и ядерные КРМБ (потолком по 880 ед.) без режима верификации, на основе политически обязывающего соглашения и уведомлений, которые стороны никогда не нарушали. Таким образом, посредством контроля над вооружениями, эффективность которого сегодня огульно отвергают сторонники нетрадиционных способов защиты безопасности, крупнейшие технические прорывы 1960–1980-х годов были копированы, а их эффект был фактически обращен вспять.

Однако все упомянутые выше технические прорывы и успехи контроля над вооружениями меркнут по сравнению с историей Стратегической оборонной инициативы (СОИ – «Звездных войн») президента Рональда Рейгана. Он объявил ее в марте 1983 г., поставив цель «создать средства, которые сделают ядерные вооружения бессильными и устаревшими». В последующие годы эта

⁴ Потолки Договора составляли 1600 носителей, 6000 боезарядов, в том числе 4900 боезарядов МБР и БРПЛ, в том числе 1100 ед. для боезарядов МБР на мобильных пусковых установках и 1540 боезарядов на МБР тяжелых типов.

идея воплотилась в программу исследований, разработок и испытаний, которая предполагала более грандиозную военно-техническую революцию, чем все нынешние технологические инновации вместе взятые.

Она включала новые неядерные (контактно-ударные) перехватчики наземного и космического («Блестящие камешки») базирования и системы на новых физических принципах (рентгеновский и химический лазер, пучки направленных частиц, гиперзвуковые электромагнитные пушки). Параллельно разрабатывались перспективные инфракрасные и радиолокационные системы обнаружения и сопровождения баллистических ракет для размещения на низких и высоких космических орbitах. Для функционирования этого гигантского комплекса создавались совершенные автоматизированные информационно-управляющие системы наземного и космического базирования [22; 23]. В течение 1985–1989 гг. суммарные ассигнования на СОИ составили 14,7 млрд долл. (на сегодняшний день это было бы около 50 млрд долл. – примерно годовой оборонный бюджет России по ее официальной статистике) [24, р. 8–2].

Впоследствии появилось много легковесных суждений о том, что СОИ была всего лишь большим блефом или способом экономического изматывания Советского Союза, но это не имеет ничего общего с действительностью. Программа «Звездных войн» была совершенно серьезно направлена на создание многоэшелонной противоракетной обороны с открытой целью девальвировать ракетно-ядерные силы СССР и фактически вернуть ситуацию к положению середины 1950-х годов – времени недосягаемости США для ядерного оружия.

Дестабилизирующий эффект СОИ был чрезвычайно велик, создавая перспективу небывалой гонки вооружений вплоть до начала 1990-х годов. Советский Союз не собирался оставлять вызов США без ответа. В 1985 г. в СССР был сформирован обширный комплексный план асимметричного ответа в виде программ СК-1000, Д-20 и СП-2000 [25]. Они предусматривали конструкторские работы по ударным космическим системам, в том числе противоспутниковому оружию для поражения космических эшелонов СОИ, и создание собственных боевых орбитальных станций. Также ускорились работы по советской системе ПРО (А-135), повышению живучести наступательных ракет и совершенствованию их средств преодоления американской обороны. Именно тогда для обхода космических рубежей СОИ началась разработка ракетно-планирующих гиперзвуковых систем («Альбатрос») и подводных автономных аппаратов большой дальности («Статус-6»), которые 35 лет спустя были обнародованы в России и получили название систем «Авангард» и «Посейдон» [26; 27, с. 28].

Мир стоял на пороге беспрецедентной гонки вооружений на Земле и в космосе по принципиально новым системам оружия. В то время казалось, что это неизбежно разрушит Договор по ПРО и весь основанный на нем контроль над вооружениями. Но жизнь сложилась иначе: с середины 1980-х годов благодаря политике нового советского лидера Михаила Горбачева началась глубокая разрядка напряженности. На переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) в Женеве проблема СОИ и Договора по ПРО постоянно была в центре внимания. Заинтересованность Вашингтона в соглашениях по насту-

пательным ядерным вооружениям стала брать верх над стремлением продвигать СОИ напролом через Договор по ПРО.

Большую роль сыграло также давление демократической оппозиции внутри США и со стороны их союзников по НАТО. Даже продвигая программу СОИ, администрация Рейгана и Пентагон утверждали, что приложенное к Договору по ПРО Согласованное понимание «D» допускало испытания в космосе систем на новых физических принципах (оружие направленной передачи энергии) [24, р. 1–4]. Однако специальная комиссия Сената США под председательством сенатора Сэма Нанна провела тщательное исследование протоколов переговоров и заключила, что испытания в космосе явились бы нарушением Договора по ПРО (ст. V и Согласованного понимания «D»).

В итоге контроль над вооружениями одержал историческую победу: Договор по ПРО выстоял и продержался в общей сложности 30 лет, а программа СОИ была свернута, хотя ее отдельные элементы были реализованы в последующих американских проектах ограниченной системы ПРО.

Приведенный выше исторический обзор доказывает, что при наличии политической воли на высшем государственном уровне и квалифицированного экспертного сообщества переговоры по ограничению вооружений способны перешагнуть преграды, которые изначально казались непреодолимы. Для этого дипломатическое творчество поиска компромиссов сочетается с техническими новациями методов контроля, а юридически обязывающие договоры дополняются политически обязывающими соглашениями, мерами доверия и транспарентности.

Стратегические мифы и реальности

Теперь рассмотрим подробнее список военных технологий, которые приводятся скопом как довод в пользу упразднения традиционных методов контроля над вооружениями: «Технологический прогресс наделяет неядерные вооружения стратегическими свойствами, и грань между ними и ядерными вооружениями стирается. Речь идет о высокоточных вооружениях в неядерном оснащении, способных уничтожать пусковые установки ракет с ядерным оружием и, тем самым, наносить обезоруживающий удар; о совершенствовании спутников, идентифицирующих мобильные носители ядерного оружия и превращающих их в мишени для контративного удара; о противоспутниковых вооружениях, выводящих из строя спутники системы предупреждения о ракетном нападении; о космических вооружениях, устраниющих как космические объекты, так и цели на Земле; о кибервооружениях, которые являются оружием массового поражения, поскольку могут повредить критическую инфраструктуру государства, нарушить систему коммуникаций, командования и контроля над вооруженными силами, вывести из строя спутники и т.д. В перспективе способность нанести стратегический ущерб будет также определяться арсеналом лазерного оружия, обладанием разработками в области искусственного интеллекта» [8].

Попробуем, однако, разобраться в этом истерическом нагромождении военных технологий спокойно и по порядку.

Прежде всего о *стирании грани между обычными и ядерными вооружениями*. Как раньше, так и теперь обычные вооружения и близко не стоят к ядерному оружию по разрушительному эффекту. Это так при ударах по высокозащищенным и мобильным целям и еще в большей мере при нападении на административно-промышленные центры и объекты. Самый мощный имеющийся ныне обычный боезаряд эквивалентен 10 т тротила, а ядерный заряд минимальной мощности – 300 т⁵. Как известно, при бомбардировке Дрездена авиацией США и Британии 13–15 февраля 1945 г. за 2400 самолетовылетов было сброшено 7100 т бомб, от чего погибло свыше 100 тыс. человек [28]. Указанная суммарная мощность той бомбардировки близка к уровню маломощного современного ракетного ядерного боезаряда⁶. Всего одна атомная бомба, сброшенная на Хиросиму в августе 1945 г., имела вдвое большую мощность и принесла примерно такие же потери и еще большие разрушения (не говоря о том, что помимо ударной волны ее поражающими факторами были тепловое излучение, проникающая радиация и радиоактивное заражение местности). Сейчас в мире остается ядерный арсенал суммарной мощностью порядка 1600 Мт – примерно 100 тыс. «хиросим».

С этим заблуждением связан еще один миф: *высокоточные вооружения в неядерном оснащении способны уничтожать пусковые установки ракет с ядерным оружием и тем самым наносить обезоруживающий удар*. Действительно, возможности высокоточного оружия большой дальности с опорой на космические средствами разведки и навигации, системы самонаведения на цели постоянно растут⁷. Однако оценка дестабилизирующей роли таких систем в стратегическом ядерном балансе Россия–США непомерно преувеличивается. Широкомасштабные военные действия с применением неядерных средств поражения, в отличие от СЯС, требуют длительной (несколько месяцев) подготовки, включающей массированное перебазирование авиации и флота. Это невозможно скрыть и даст возможность другой стороне привести в полную боевую готовность, рассредоточить и замаскировать свои вооруженные силы, включая ядерную триаду и ее информационно-управляющий комплекс.

Кроме того, единовременно поразить шахтные пусковые установки МБР и подземные командные пункты практически невозможно: чрезвычайно сложно скоординировать по времени удары дозвуковыми крылатыми ракетами по целям, рассеянным на обширной территории, системы ПВО будут оказывать активное противодействие (что показала низкая эффективность налета аме-

⁵ Речь идет о ядерной авиабомбе с вариативной мощностью B61-12.

⁶ Имеется в виду новая ядерная боеголовка W76-1 для БРПЛ «Трайдент-2» мощностью в 5 кт.

⁷ Например, это крылатые ракеты (КР) США – морского базирования типа «Томахок» (BGM-109), воздушного базирования (AGM-158, JASSM-ER). Россия тоже наращивает арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа «Калибр» 3М-14, авиационные ракеты типа Х-555 и Х-101, наземные крылатые ракеты типа 9М728 «Искандер» и 9М729 «Новатор».

риканских КРМБ даже на Сирию в апреле 2017 г.⁸). По расчетам одного института российского Министерства обороны [29], для поражения одной шахты МБР с вероятностью 95% при точности (круговом вероятном отклонении) крылатой ракеты, равном 5 м, потребовалось бы 14 ракет, а при точности в 8 м – 35 ракет. Иными словами, при таком нападении у США не хватит крылатых ракет, а у России будет возможность нанести ответный ядерный удар уже в ходе нападения, что предполагается ее Военной доктриной и о чем знают в Вашингтоне.

О стирании грани между ядерным и обычным оружием можно говорить лишь условно, в том смысле, что высокоточные неядерные крылатые ракеты могут теперь поражать незащищенные объекты, которые в прошлом можно было уничтожить лишь ядерными средствами: радары системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), ПРО и ПВО, легкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки- ракетоносцы в базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, пункты связи и управления космическими аппаратами и дальней авиацией и др. Кроме того, многие средства такого рода и их носители имеют двойное назначение, и их применение до момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара⁹. Эта вероятность усугубляется тем, что с другого фланга «ядерный порог» размывается концепциями и средствами пониженной мощности для ограниченной (избирательной) ядерной войны¹⁰.

Указанные системы оружия и связанные с ними стратегические концепции весьма опасны, поскольку могут вызвать неуправляемую эскалацию обычного локального конфликта или даже военного инцидента к ядерной войне. Одновременно новые наступательные средства существенно осложняют контроль над вооружениями. Однако утверждение, что они делают его ненужным или невозможным, является в высшей мере спорным.

Еще один сомнительный тезис состоит в том, что *появляются новые средства доставки ядерного оружия, не укладывающиеся в схему традиционной ядерной триады*. Как известно, в марте 2018 г. Россия объявила о создании новейших атомных крылатых ракет большой дальности, гиперзвуковых ракетно-планирующих комплексов и беспилотных подводных носителей ядерного оружия. Утверждается, что «их наличие тоже осложняет расчет стратегического баланса (невозможно определить, скольким традиционным межконтинентальным баллистическим ракетам равна одна гиперзвуковая ракета) и, главное, лишает военного смысла поддержание количественного паритета стратегических ядерных сил (СЯС)» [8].

⁸ По российским данным, из 59 выпущенных КРМБ «Томахок» 36 были сбиты сирийской ПВО или отказали в полете. См.: INTERFAX.RU. 07.04.2017.

⁹ Это относится к КРМБ «Калибр» РФ и «Томахок» США, авиационным крылатым ракетам типа X-101/102 РФ и AGM-158 США, а также к новым ракетам средней дальности после денонсации Договора РСМД.

¹⁰ Например, в США развертываются БРПЛ «Трайдент-2» с боеголовками пониженной мощности (W76-2), крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (типа LRSO), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) и новые КРМБ в ядерном оснащении. См.: Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC. February 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018> (accessed 01.02.2020).

Гиперзвуковые ракетно-планирующие и авиационные системы в неядерном оснащении сейчас разрабатываются в США¹¹ и, возможно, уже есть в Китае (показанные на параде в 2019 г. ракеты средней дальности *DF-17*). Старт ракетно-планирующих систем, как и баллистических ракет, можно засечь со спутников, но после этого они входят в стратосферу и летят с гиперзвуковой скоростью, маневрируя по непредсказуемым маршрутам. Из-за более низкой траектории, чем у МБР и БРПЛ, радары СПРН не могут их сопровождать и обнаружат только за 3–4 мин до падения [30, р. 33–63].

Однако воздействие таких неядерных систем на стратегический баланс неопределенно. Неясно, будет ли достаточна точность наведения этих средств для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты), смогут ли они уничтожать наземно-мобильные системы, для чего потребуется корректировка со спутников и (или) самонаведение летательных аппаратов на конечном участке траектории. Это даст возможность противнику использовать радиоэлектронное противодействие или прямой перехват системами ПВО-ПРО. Наконец, непонятно, будут ли эти дорогостоящие средства развернуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу стратегическим силам другой стороны.

На уровне театра военных действий и сил общего назначения, где неизбыточное соревнование наступательных и оборонительных систем идет с переменным успехом, гиперзвуковое оружие может резко усилить нападение (как российские наземные баллистические ракеты «Искандер», авиационные ракеты типа «Кинжал» или морские ракеты типа «Циркон»). Но механически переносить этот вывод на стратегический баланс неоправданно. В отсутствие мало-мальски эффективной системы ПРО, сопоставимой с вышеупомянутым замыслом СОИ, существующие и многократно испытанные ядерные баллистические ракеты России и США способны выполнить все вообразимые задачи ядерного сдерживания, а вклад в эту функцию со стороны гиперзвуковых аппаратов сомнителен. По той же причине гиперзвуковые системы никак не влияют на расчет стратегического баланса: при использовании баллистических разгонных ступеней МБР (как в российской системе «Авангард») гиперзвуковой носитель с ядерным или неядерным блоком приравнивается к одной баллистической ракете и одной боеголовке.

Еще один сомнительный тезис – *о совершенствовании спутников, идентифицирующих мобильные носители ядерного оружия и превращающих их в мишени для контративного удара*. Такие разведывательные спутники, действительно, регулярно совершенствуются. Но главный враг таких систем – законы космической динамики Кеплера и Ньютона, открытые так давно (три с лишним века назад), что о них, видимо, забыли некоторые нынешние теоретики. На предназначенных им низких орbitах разведывательные спутники не могут «висеть»

¹¹ После смены нескольких проектов сейчас главный упор делается на ракетно-планирующий аппарат «Альтернативная система входа (в атмосферу)» (*Alternative entry system*). См.: Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. Congressional Research Service. Washington DC. February 14, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf> (accessed 20.02.2020).

над районами развертывания мобильных МБР, а со скоростью 7,9 км/сек (быстрее межконтинентальных ракет) проносятся над Землей, которая сама довольно быстро вращается вокруг своей оси (465 м/сек на экваторе). Поскольку обращение спутников и вращение Земли происходит в перпендикулярных плоскостях, один и тот же спутник возвращается к нужной для разведки зоне с интервалом в 10 и более часов.

Траектории таких спутников хорошо известны и предсказуемы, что позволяет мобильным ракетам своевременно менять стартовые позиции. При обычном количестве спутников этого вида на орбите (три-четыре) они не способны единовременно засечь местоположение 170 грунтово-мобильных ракет России [36], рассредоточенных на огромной территории, чтобы дать целеуказание для одновременного ядерного или неядерного удара баллистических, крылатых или планирующих гиперзвуковых ракет США. Многократное увеличение численности космической группировки сразу стало бы для другой стороны явным сигналом предупреждения о готовящемся нападении.

Далее в списке новейших технологий, якобы упраздняющих контроль над вооружениями, идут *противоспутниковые вооружения, выводящие из строя спутники системы предупреждения о ракетном нападении*. В развитии этого вида космического оружия нет ничего нового, а в прошлом оно шло более интенсивно, чем сейчас [25]. В течение 1967–1982 гг. СССР провел более 20 испытаний специализированных систем перехвата спутников (ИС и ИС-МУ), разрабатывались и другие средства такого рода, в том числе как ответ на американскую программу СОИ (система «Наряд-В»). В Государственной программе вооружений до 2027 г. (ГПВ-2027) одним из приоритетов обозначена противоспутниковая система «Нудоль» – на основе наземно-мобильной неядерной антиракеты.

В США в 1977–1988 гг. была испытана и развернута система воздушного базирования с запуском с истребителя *F-15* ракеты «СРЭМ-Альтаир» для поражения спутника прямым попаданием на высотах до 1000 км, а сейчас в наибольшей степени готовности состоит модифицированная корабельная противоспутниковая система «Иджис», которая на испытаниях в 2008 г. перехватила американский спутник-мишень. Существующие системы великих держав неспособны сбивать спутники СПРН на высоких орbitах, а потенциал иных способов и средств (как, например, маневры сближения с космическими аппаратами другой стороны, миниспутники на базе нанотехнологии) остается неопределенным и неиспытанным в условиях, близких к боевым. Кроме России и США, противоспутниковые системы испытывали КНР (2007) и Индия (2019).

Конечно, было бы очень полезно запретить или хотя бы ограничить противоспутниковые вооружения. Тем не менее отсутствие прогресса на данном направлении никак логически не предполагает отказа от контроля над вооружениями. Противоспутниковые системы и в прошлом имели потенциально дестабилизирующий характер, но переговоры по сокращению стратегических вооружений достигли больших успехов.

Еще один аргумент сторонников упразднения контроля над вооружениями – вероятность *создания космических вооружений, устраняющих как космические*

объекты, так и цели на Земле. Тут, что называется, фантазия авторов идет вскачь, в буквальном смысле отрываясь от земной почвы. Космическая система ПРО не получилась у США во времена программы СОИ и не предвидится в обозримом будущем, что в очередной раз подтвердил официальный американский доклад по ПРО от 2019 г. [32] Наступательные (ударные) системы класса «космос-Земля» тоже не новость и регулярно будоражат воображение фантастов, политиков и широкой общественности. Секретные проекты такого оружия велись в США еще с начала 1960-х годов¹² (о советских разработках, как обычно, нет никаких достоверных сведений), однако дело не дошло даже до космических испытаний. Позже проводились секретные эксперименты с беспилотным многоразовым миниатюрным космическим аппаратом (мини-шаттлом) *X-37B*, который теоретически может служить носителем оружия.

Главным препятствием для таких проектов опять-таки являются законы космической динамики, которые не позволяют спутнику постоянно находиться над нужным районом Земли, кроме как на геостационарной орбите (то есть над экватором на высоте 36 000 км). На низких орбитах большинство боевых станций будут в каждый данный момент пролетать над ненужными зонами Земли, а на высоких – иметь многочасовое подлетное время до целей или низкую эффективность (при использовании систем направленной передачи энергии). В отличие от этого, существующие наземные МБР и БРПЛ на морском дежурстве постоянно боеготовы и находятся в пределах досягаемости до целей с подлетным временем 30–15 мин.

Также космические ударные средства имеют жесткие ограничения по массе боевой нагрузки, отличаются исключительно высокой стоимостью и менее надежной системой управления (отчего спутники периодически теряют связь или падают на Землю). Поскольку речь идет о космических системах ПРО и наступательных боевых станциях, их придется размещать на низких орбитах¹³. А на таких орбитах эти ударные комплексы будут уязвимы для разнообразных вышеупомянутых противоспутниковых систем. Наконец, для преодоления космической ПРО уже сейчас создаются ракетно-планирующие гиперзвуковые вооружения (как, например, «Авангард»), а также автономные подводные аппараты большой дальности («Посейдон»). Если ныне их целесообразность не вполне ясна, то в случае возрождения идеи СОИ, на материализацию которой по прошлому опыту уйдут десятилетия, такие системы будут способны заблаговременно нейтрализовать космическую оборону.

Все сказанное относится не только к кинетическим ударным средствам, но и к разным системам направленной передачи энергии (НПЭ), в том числе *лазерным*, которые тоже называют в качестве революционных технологий. На уровне театра военных действий они уже находят применение. Но на уровне стратеги-

¹² К ним относятся проекты частично орбитального бомбардировщика (*Fractionally orbital bombardment system*), космического планирующего аппарата (*Space-Based Gliding Vehicle*), многоразового космического маневрирующего аппарата (*Space Maneuvering Vehicle*).

¹³ Иначе в первом случае невозможно перехватывать ракеты на разгонном участке траектории, а во втором – подлетное время ударных средств до целей будет слишком велико.

ческого баланса НПЭ не обещают радикальных перемен, кроме использования в качестве противоспутникового оружия, которое рассмотрено выше и которое отнюдь не отменяет нужды в контроле над вооружениями.

Проблемы кибервойны, действительно, могут оказать воздействие на стратегические отношения держав. Однако сейчас далеко не ясно, насколько значительное и какое именно. Относится ли угроза к информационно-управляющим системам стратегических сил или также непосредственно к ядерным вооружениям, как будет идти соревнование кибернападения и киберзащиты? Что способны больше ослабить эти новые технологии: потенциал ответного удара или первого контративного удара (который предполагает намного более высокие требования к системе управления и соответственно – ее уязвимость)? Может ли кибератака парализовать ответный удар или спровоцирует спонтанное применение всех ядерных средств? Насколько возможно полагаться на кибератаку против стратегических сил противника, если ее эффективность нельзя проверить в близких к боевым условиях и если вероятный ответный киберудар непредсказуем по последствиям?

Так или иначе, прямой негативной или позитивной взаимосвязи названной технологии с контролем над вооружениями не просматривается. Ясно лишь одно: сейчас возможность согласованного ограничения средств информационной войны сомнительна, но уход от контроля над вооружениями наверняка исключит взаимодействие ответственных держав в этой сфере в будущем.

Наконец, еще один довод в пользу невозможности традиционного подхода к контролю над вооружениями состоит в том, что современный военно-технический прогресс настолько интенсивен, что *прежний процесс многолетних переговоров просто не способен за ним угнаться*. Но и это суждение кажется убедительным лишь на первый взгляд.

Как правило, инновационные военные технологии в прошлом и теперь требуют нескольких десятков лет для своего развития, пока не выйдут на авансцену стратегических отношений государств и переговоров по контролю над вооружениями. Все новейшие вооружения, находящиеся сейчас в центре общественного внимания, возникли не сегодня и не вчера. Противоспутниковое оружие испытывалось обеими державами еще в 1960–1980-е годы, и с тех пор ничего принципиально нового пока не развернуто ни одним из государств. Лазерные системы и проекты космического оружия вышли на авансцену мировой военной проблематики вместе со «Звездными войнами» Рейгана в 1983 г. Подводные атомные суперторпеды большой дальности (как «Посейдон») и гиперзвуковые ракетно-планирующие аппараты («Авангард») создавались в СССР еще с начала 1980-х годов, а в России эти проекты возобновились с середины 2000-х годов. Соединенные Штаты испытывали аналогичные гиперзвуковые системы в неядерном оснащении в 2010–2013 гг. (*HTV-2* и *AHW*), но до сих пор не довели их до развертывания. Межконтинентальные крылатые ракеты с атомным двигателем разрабатывалась еще в 1960-е годы, но были признаны в США бесперспективными, а ныне в России сталкиваются в своем развитии с большими проблемами («Буревестник»). Ядерные боезаряды пониженной мощности продвигались

администрацией США в середине 2000-х годов. Средства кибервойны широко обсуждаются после атаки на иранскую атомную промышленность в 2010 г.

Таким образом, проблема не в быстром военно-техническом прогрессе, а в замедлении процесса переговоров по ограничению вооружений. После исторических прорывов в 1987–1997 гг. разоружение смешалось к периферии тематики международной безопасности, поскольку угроза ядерной войны между великими державами казалась немыслимой. К отказу от достигнутых огромными усилиями соглашений стали относиться как к тривиальности (выход США из Договора по ПРО в 2002 г. и нежелание ратифицировать ДВЗЯИ, приостановка участия России в ДОВСЕ¹⁴ в 2007 г.). Договоры СНП (2002) и СНВ-3 (2010) вырабатывались как бы по инерции, маргинально понижая потолки на носители и боезаряды, расслабляя правила их засчета и меры верификации. В течение полутора десятилетий самоуспокоенности ничего не делалось для адаптации контроля над вооружениями к прогрессу военных технологий. За редкими исключениями, политики и эксперты все меньше задумывались о конечных ориентирах сокращения ядерного оружия (процесс подменил цель), о пределах снижения потенциалов (чтобы ядерная война по разрушительным последствиям не стала мыслимой) и о практических альтернативах отношениям ядерного сдерживания.

На этом фоне резкое обострение международной напряженности во втором десятилетии XXI в. застало врасплох всю систему контроля над вооружениями, а накопившиеся за многие годы военно-технические инновации быстро перегрузили политическую готовность к переговорам и интеллектуальные ресурсы ведущих государств. Поэтому и в данном ракурсе проблема не в технике, а в политике. Если под разными предлогами 10 лет не вести переговоров и не видеть стоящих перед ними серьезных задач, то нечего удивляться, что новые системы оружия выходят из-под контроля и разрушают договорно-правовое здание ядерного разоружения.

Вторая часть доводов за отказ от контроля над вооружениями – геополитическое изменение военно-стратегического ландшафта [8]. Этот аргумент тоже вызывает серьезные возражения. Никто и никогда не предложил каких-либо вразумительных вариантов многостороннего ограничения ядерных вооружений, и эта идея была и есть не более чем предлог для отказа от двустороннего формата. В формирующемся полицентричном миропорядке ядерный ландшафт остается преимущественно bipolarным (в 1990–2020 гг. доля двух сверхдержав в глобальном ядерном арсенале сократилась с 98 до 91%) [33].

Неопределенность есть лишь в отношении Китая, который имеет финансовые и промышленные возможности существенно (в разы) нарастить свой ядерный арсенал, но при этом скрывает любую информацию о его размере. В принципе привлечение КНР к контролю над вооружениями возможно [34], но для достижения практических соглашений США и России пришлось бы пойти на существенно большие уступки, чем Китаю, а к этому обе сверхдержавы не готовы. В любом случае без восстановления российско-американского

¹⁴ ДОВСЕ – Договор об обычных вооруженных силах в Европе.

диалога переход на трехсторонний или, тем более, многосторонний формат совершенно нереален. Поэтому, вопреки идеям приверженцев отказа от контроля над вооружениями, возврат к двусторонним переговорам Москвы и Вашингтона является необходимым условием расширения этого формата в будущем.

Стабильность: как обновить концепцию

Основой контроля над ядерными вооружениями в последние 30 лет служила концепция «стратегической стабильности», которая была сформулирована как правовая норма в июне 1990 г. в Совместном Заявлении России и Соединенных Штатов [35]. Это понятие определялось как *стратегические отношения сторон, устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара*. Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов, исключающих возможность разоружающего удара с использованием наступательных и оборонительных систем оружия.

Важно подчеркнуть, что эта концепция была разработана не как мечта о светлом будущем, а в качестве основы переговоров о Договоре СНВ-1 (1991), в сложнейших положениях которого воплощены все принципы этой концепции. В дальнейшем они нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и обороны театра военных действий (1997) и текущем Договоре СНВ-3 (от 2010 г.). В итоге этих соглашений стратегический баланс сейчас выглядит намного более стабильным (по критериям, согласованным в 1990 г.), чем было на пороге 1990-х годов.

Взамен прежней концепции стратегической стабильности сторонники нетрадиционного контроля над вооружениями предлагают идею «многосторонней стратегической стабильности», которая подразумевает «состояние отношений между великими ядерными державами, при котором исключено их любое военное столкновение друг с другом – как намеренное, так и непреднамеренное, поскольку всякое такое столкновение способно перерасти в глобальную ядерную войну» [8]. А средствами достижения этой прекрасной цели считается не ограничение и сокращение ядерных вооружений, а «комплексные, концептуальные и не ориентированные на достижение быстрых договоренностей диалоги в “тройке” Россия–КНР–США по фундаментальным вопросам многосторонней стратегической стабильности в целом. Они могут касаться оценки военно-стратегической ситуации в мире и перспектив ее развития; определения и философии стратегической стабильности в новых условиях; механизмов сдерживания, доверия, предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений; ядерных доктрина и приоритетов развития вооруженных сил» [8].

Детально рассматривать этот сумбур благих пожеланий – дело неблагодарное и бессмысленное. Но если практика остается критерием истины, авторам названной концепции следовало бы задуматься над вопросом: каков итог таких отвле-

ченных диалогов по стратегической стабильности в формате Россия–США, КНР–США, «Большой пятерки»¹⁵ и на других официальных и экспертных форумах, которые продолжались в последние 10 лет? Ведь в течение этого периода предложенный новый подход как бы проходил «полевые» испытания – не велось никаких переговоров по контролю над вооружениями, а система заключенных ранее договоров неуклонно разваливалась. Очевидно, что достижения такого новаторства оказались равны нулю, а «риск непреднамеренного ядерного конфликта или обострения конфликта неядерного имеет тенденцию к росту» [8], как признают сами авторы пересмотра концепции стабильности.

Другое дело, что 30 лет спустя после документа 1990 г. концепция стратегической стабильности требует обновления с учетом изменившихся условий и новых угроз. В прежней концепции стимулы для первого ядерного удара по умолчанию понимались, во-первых, как способность нанести массированный разоружающий удар по другой стороне. Во-вторых, как упреждающий ядерный удар из страха перед разоружающей атакой оппонента. В этом был и остается фундамент стратегической стабильности, и его необходимо сохранить при любых условиях.

Но впредь этого недостаточно, поскольку стимулом для первого ядерного удара может стать нападение с применением высокоточных обычных систем оружия против ядерных сил оппонента. Другой возможный стимул – это вероятность применения ядерного оружия с целью избежать поражения в неядерном конфликте. Такой сценарий присутствовал и раньше, но имелась в виду широкомасштабная война и массированное применение ядерного оружия (прежде всего тактического) [27, с. 28].

Теперь первое использование ядерного оружия допускается и в локальных (региональных) конфликтах. Вашингтон вменяет Москве планирование ограниченного его применения в рамках концепции «эскалации ради дезэскалации» [36] и противопоставляет ей свои аналогичные концепции и системы ядерного оружия пониженной мощности [37]. Российское руководство предупреждает, что на «любое применение ядерного оружия против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности... ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями» [38]. Однако на официальном уровне Москва пока не сделала безоговорочного заявления об отсутствии у нее планов ограниченных ударов и не публикует никакой информации о мощности своих ядерных боезарядов.

Указанные стратегические новации чреваты быстрой и неуправляемой эскалацией войны к массированному обмену ядерными ударами с катастрофическими последствиями. Поэтому обновленная версия сути стратегической стабильности должна подразумевать *такое состояние стратегических отношений сторон, при котором устраняются стимулы для первого применения ядерного оружия* (имея в виду как массированный, так и ограниченный удар), и принимать во внимание расширенный спектр возможных стимулов такого рода.

¹⁵ Речь идет о регулярных сессиях России, США, КНР, Великобритании и Франции по вопросам разоружения, которые ведутся с 2007 г.

Повестка дня на перспективу

Понятно, что контроль над ядерными вооружениями не может прямо определять оперативные военные планы государств. Но он способен, как и раньше, политически влиять на них, например, охватывая высокоточные системы обычного оружия и средства ограниченной ядерной войны. Прежде всего, это относится к неядерным крылатым ракетам большой дальности. В потолки на стратегические боезаряды следующего договора СНВ следует включить любые (ядерные и обычные) ракеты воздушного базирования свыше определенной дальности (более 600 км). Вопрос можно решить путем возврата к их засчету по согласованному или реальному оснащению бомбардировщиков и проверок на аэродромах, как предусматривали договоры СНВ-1 и СНВ-2.

Наземные крылатые ракеты свыше определенной дальности (5500 км), включая атомную межконтинентальную ракету «Буревестник», еще проще запретить или количественно ограничить на основе тех же мер верификации, которые были включены в Договор РСМД (от 1987 г.)¹⁶.

С морскими крылатыми ракетами дело намного сложнее из-за мобильности и скрытности их носителей и универсальности пусковых установок, которые на кораблях приспособлены и для запуска ракет ПРО/ПВО, а на подводных лодках используют торпедные аппараты. Поэтому данная тема требует дальнейшей проработки.

Наибольший ажиотаж сейчас связан с гиперзвуковыми планирующими системами (российская система «Авангард» и системы программы «Быстрого конвенционального глобального удара» США). При согласии сторон их ограничить возможность контроля этих систем не станет преградой. Они разгоняются баллистическими ракетными ступенями, и в плане верификации должны быть включены — наряду с баллистическими ракетами — в будущие потолки СНВ, а также (при создании систем средней дальности) под запреты или потолки нового ДРСМД, если такие договоры будут заключены. Именно такой прецедент создала Россия, объявив, что ее новая гиперзвуковая система «Авангард»

¹⁶ На временной основе положительный эффект того ДРСМД можно сохранить через принятие предложенного Москвой в конце 2019 г. моратория на развертывание таких ракет в Европе. Для этого нужно снять взаимные претензии по его соблюдению применительно к российской крылатой ракете типа 9М729 (которой приписывают дальность более 500 км) и американским пусковым установкам ПРО в Румынии и Польше (в которых предположительно могут размещаться КРМБ «Томахок») путем согласования инспекций на местах [Арбатов А. Чем опасен для России выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Московский Центр Карнеги. 22.10.2018].

Президент В. Путин 26 октября 2020 г. предложил именно это применительно к неразмещению пусковых установок системы ПРО США в Европе Мк-41 наступательных ракет типа «Томахок», а в Калининградской области — ракет 9М729. Инспекции на местах позволили бы отличить ракеты типа 9М729 от уже развернутых ракет 9М728 «Искандер» с признанной дальностью менее 500 км. Правда, как обычно, осталось неясным, будут ли инспекции на местах использоваться для контроля второй части предложения: воздерживаться от развертывания во всей европейской зоне России ракет 9М729 при условии, что в Европе не будет американских ракет, аналогичных системам, запрещенным в прошлом по ДРСМД. URL: <https://tass.ru/politika/9828905>

приравнивается к МБР и подлежит аналогичному засчету по СНВ-3. Отметим, что все упомянутые выше носители согласно практике договоров СНВ/РСМД должны включаться независимо от вида боезарядов (ядерные или обычные), что значительно упростит их верификацию.

Против ограничения неядерных крылатых и иных ракет выдвигается аргумент, что они нужны державам для локальных военных операций. Однако опыт войн в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии показывает, что они применялись в небольших количествах (максимум сотни единиц). Большое число таких средств (тысячи) может потребоваться великим державам только для ударов друг по другу, что противоречит идее стратегической стабильности и как раз должно быть ограничено соглашениями по контролю над вооружениями.

Применительно к ядерному оружию для избирательного использования достижение соглашений является гораздо более трудной задачей. Но и она разрешима косвенным путем, например, через ограничение ядерных авиабомб на стратегических бомбардировщиках. Баллистические и крылатые ракеты с боезарядами пониженной мощности будут подпадать под ограничения соответствующих соглашений СНВ и ДРСМД. При достижении новых договоров по разведению и сокращению вооруженных сил общего назначения (по типу ДОВСЕ) откроется возможность ограничения тактического ядерного оружия (например, его отвода в централизованные хранилища на национальной территории и закрытия передовых войсковых баз, что переведет это оружие в разряд неразвернутых средств).

Понятно, что, как и прежде, включение в договоры тех или иных вооружений не исключает их боевого применения. Тем не менее согласованные государствами количественные и качественные ограничения систем оружия, меры транспарентности, доверия и предсказуемости ощутимо сковывают в политическом отношении свободу их подготовки и использования для развязывания войны.

Перспективы запрета или ограничения космических вооружений — еще более сложная задача, которую не удалось решить даже в лучшие годы контроля над ядерным оружием. Возможность их запрещения пока не просматривается, но угрозу космической гонки вооружений можно снизить, начав в качестве первого шага с запрещения новых испытаний любых ударных противоспутниковых систем по реальным мишеням в космосе [40]. Это заметно повысит живучесть важнейших космических систем предупреждения о ракетном нападении России и США на высоких орbitах и замедлит засорение ближнего космоса техногенным «мусором», опасным для космической деятельности всех стран.

Проблемы согласования и верификации запретов или ограничений систем кибервойны сейчас кажутся неразрешимыми, но пока можно надеяться, как минимум, на целенаправленный диалог России и США для заключения взаимного политически обязывающего отказа от кибератак на стратегические информационно-управляющие системы друг друга для предотвращения непреднамеренного обмена ядерными ударами. В этом смысле можно использовать опыт обязательств великих держав о ненацеливании ядерных ракет друг на друга, что нельзя проверить, но осуществляется на практике и имеет стабилизирующий политический эффект.

Не менее непредсказуемо влияние на стратегическую стабильность со стороны искусственного интеллекта. Однако возможность охвата соглашениями вероятных автономных ударных систем, оснащенных искусственным интеллектом (например, новой российской суперторпеды «Посейдон»), зависит не от их системы управления. Это в политическом отношении будет определяться готовностью держав включить их в повестку переговоров, а в техническом – от типа носителей, их базирования, максимально испытанной дальности и вида боезаряда. В этом смысле ограничения, например, автономных ядерных торпед «Посейдон» даже легче проверять, чем нынешние баллистические ракеты морского базирования.

Военные технологии и политика

Безусловно, возможности договорно-правовых методов в обуздании гонки вооружений не безграничны. Например, в прошлом не было найдено способов ограничить точность ядерных вооружений, их мощность и скорость, различать ядерное и обычное оснащение систем двойного назначения, контролировать морские крылатые ракеты и тактическое ядерное оружие. Тем не менее за прошедшие полвека контроль над вооружениями одержал великие исторические победы, и впредь ему нет замены в качестве стержня международной безопасности.

Недопустимо отказываться от движения по опробованным направлениям ограничения вооружений и сохранения подписанных договоров (ДСНВ, ДРСМД, ДНЯО, ДВЗЯИ и др.), если некоторые новейшие военные технологии пока не поддаются контролю, вроде киберсредств и беспилотников. А без прогресса на магистральном пути контроля над вооружениями никогда не удастся ни найти способов ограничения инновационных военных технологий, ни перейти к многостороннему формату соглашений в этой сфере.

Главные причины нынешнего системного кризиса контроля над вооружениями не в новых военных технологиях и не в изменившейся ядерной геополитике, хотя эти факторы создают немалые сложности. Однако корень проблемы кроется в политических настроениях и приоритетах высших эшелонов власти ведущих государств. В последние десять лет нынешняя генерация политических элит и государственных деятелей получила построенную за много десятилетий систему контроля над ядерным оружием, так сказать, «даром», принимает это наследство как должное, не сознает его ценности и очень смутно представляет себе мир без контроля над вооружениями. Не имеет она и опыта десятилетий дорогостоящих, опасных и по большей части бесплодных циклов гонки вооружений.

Но тем больший вред проистекает от теорий о том, что «прежнее понимание стратегической стабильности как отсутствия у России и Соединенных Штатов стимула нанести первый ядерный удар друг по другу уже не отражает положения вещей. Равным образом прежняя политика по ее укреплению – посредством поддержания количественного паритета стратегических ядерных сил и их последовательного верифицируемого сокращения... – перестает быть эффективной...» [8].

Нынешнему поколению политических элит и руководителей внушают, что всеобъемлющий кризис контроля над вооружениями закономерен и не так уж опасен. Что можно обойтись без изнурительных многолетних переговоров, которые требуют больших усилий за дипломатическим столом и еще более трудного улаживания внутренних конфликтов между государственными ведомствами и лоббирующими группировками. Казалось бы, насколько легче и приятнее вести дипломатию по ядерной тематике, произнося речи на международных форумах и не преследуя цели достижения конкретных договоров со всеми их юридическими тонкостями и техническими нюансами.

Проблема лишь в том, что такой путь никогда не принесет плодов. Международная безопасность невозможна без стратегической стабильности, а стабильность недостижима без договоров по ограничению и сокращению конкретных вооружений и военных технологий. Прежние лидеры великих держав убедились в этом на собственном тяжелом опыте, и их нынешней смене, видимо, придется повторить этот путь, если он не прервется глобальной катастрофой. В прошлом для прекращения гонки вооружений и окончания холодной войны потребовались большие и долголетние усилия руководящих кругов и заинтересованной общественности СССР, США и других стран. Впредь для восстановления системы контроля над вооружениями понадобятся не меньшие политические и интеллектуальные инвестиции со стороны ответственных держав мира.

Более полувека назад в заключение своей знаменитой речи в Сан-Франциско, заложившей концептуальную основу контроля над ядерным оружием, Роберт Макнамара сказал: «В конечном итоге истоки безопасности человека не в вооружениях, а в его сознании. В чем нуждается мир на третьем десятке лет Атомного Века, так это не в новой гонке к вооружениям, а в новой гонке к благородству. Для всех нас было бы лучше принять участие в этой гонке» [18, р. 67]. Наверное, эти слова никогда не были столь актуальны, как сейчас – на восьмом десятилетии ядерной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Церемония вручения верительных грамот. 5 февраля 2020 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62732> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Colby E. If You Want Peace Prepare for Nuclear War // Foreign Affairs. 2018. Vol. 6. No. 97. P. 25–32.
3. Joint Publication 3-72, Nuclear Operations. Joint Chiefs of Staff. 11 June, 2019. Available at: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (accessed 19.02.2020).
4. Кетонов С. Американский «Авангард» не существует даже на бумаге // Военно-промышленный курьер. 04.06.2019.
5. Широкорад А. Оружие Судного дня // Независимое военное обозрение. 13.07.2019. № 19. С. 6–7.

6. Сивков К. «Хвасон» – пример для «Сармата» // Военно-промышленный курьер. 23.10.2018.
7. Караганов С., Суслов Д. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. Доклад, 21 мая 2019 г. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (дата обращения: 27.02.2020).
8. Караганов С., Суслов Д. Сдерживание в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 4. С. 22–37.
9. Creating the Conditions for Nuclear Disarmament (CCND). Working paper submitted by the United States of America. Available at: <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30> (accessed 25.02.2020).
10. Deuxieme session du Comite preparatoire de la Conference d'examen du Traite sur la non-proliferation des armes nucleaires de 2020 (Geneve, 23 avril – 4 mai 2018). Intervention de Madame Alice Guitton, Representant permanent de la France aupres de la Conference du desarmement, Chef de la delegation francaise Geneve, le 23 avril 2018. Available at: <http://statements.unmeetings.org/media2/18559222/france-new1.pdf> (accessed 23.02.2020).
11. Moon W. Beyond Arms Control: Cooperative Nuclear Weapons Reductions – A New Paradigm to Roll Back Nuclear Weapons and Increase Security and Stability // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2020. Vol. 2. No. 2.
12. Хазбиеев А. Система контроля над СНВ – это труп, который невозможно оживить // Эксперт. 14.01.2020. № 4 (1148).
13. Kaplan F. The Wizards of Armageddon. New York: Simon and Schuster, 1983. 456 p.
14. Ellsberg D. The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner. New York: Bloomsbury, 2017. 384 p.
15. Wohlstetter A., Hoffman F., Lutz R., Rowen H. Selection and Use of Strategic Air Bases. RAND Corporation. April 1954. Available at: <https://www.rand.org/pubs/reports/R0266.html> (accessed 19.03.2020).
16. Department of State Bulletin. Vol. XLVII. No. 1202. Office of Public Communication, Bureau of Public Affairs, 1962. Available at: https://books.google.ru/books?id=pZJHAQAAQAAJ&pg=PA46&lpg=PA46&dq=department+of+state+bulletin+vol+xlvii+no+1202+office+of+public+communication+bureau+of+public+affairs+1962&source=bl&ots=c1QxF63PEZ&sig=ACfU3U3R7ZLpUhmXdAmV2AOfpQz9ugcDiQ&hl=ru&s_a=X&ved=2ahUKEwjn6Lf14K3oAhVc6qYKHW16C1EQ6AEwAHoECAgQAQ#v=onepage&q=department%20of%20state%20bulletin%20vol%20xlvii%20no%201202%20office%20of%20public%20communication%20bureau%20of%20public%20affairs%201962&f=false (accessed 22.03.2020).
17. Bal D. Politics and Force Levels of the Strategic Missile Programme of the Kennedy Administration. Los Angeles: University of California Press, 1980. 344 p.
18. McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper & Row, 1968. 176 p.
19. Labrie R. SALT Handbook. Key Documents and issues 1972–1979. Washington: AEI Press, 1979. 741 p.
20. Newhouse J. Cold Dawn: The Story of SALT. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. 302 p.

21. *Scoville H., Osgood R.* Missile Madness. Boston: Houghton Mifflin, 1970. 75 p.
22. Ballistic Missile Defense Technologies, U.S. Congress, Office of Technology Assessment, Washington, DC. U.S. Government Printing Office, 1985. 328 p.
23. SDI: Technology, Survivability, and Software, U.S. Congress, Office of Technology Assessment, Washington, DC, U.S. Government Printing Office, 1988. 283 p.
24. Report to the Congress on the Strategic Defense Initiative, 1989. Washington DC, U.S. Government Printing Office. March 13, 1989, 356 p.
25. *Dvorkin V.* Space Weapons Programs. Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Arbatov A., Dvorkin V. (eds.) Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 30–45.
26. *Рамм А., Корнев Д.* Альбатрос мировой революции (часть 1) // Военно-промышленный курьер. 23.09.2015.
27. *Гриневский О.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. Москва: Олимпия, 2004. 147 с.
28. *Дворкин В.* Мировой Договор // Новая газета. 10.11.2019.
29. *Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М.* По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 19.10.2015.
30. *Acton J.* Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <http://carnegieendowment.org/publications/?fa=52778> (accessed 25.02.2020).
31. SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2019. 592 p.
32. Missile Defense Review. Washington DC, 2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (accessed 19.02.2019).
33. *Арбатов А.* Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 5–16.
34. *Arbatov A.* A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options. Carnegie Moscow Center, 24.10.2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80172> (accessed 20.02.2020).
35. Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (accessed 15.02.2020).
36. Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации // Красная звезда. 11.10.2003.
37. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC. February 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.02.2020).
38. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.03.2019).
39. *Арбатов А.* Чем опасен для России выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Московский Центр Карнеги. 22.10.2018.
40. *Арбатов А.* Ускользающая материя // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 5–17.

ЧАСТЬ III

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

ДИАЛЕКТИКА ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ*

В годы правления в США республиканской администрации тема ядерного разоружения была фактически предана анафеме как, в лучшем случае, полная утопия, а в худшем – как вредная идея, способная подорвать международную стабильность и безопасность. Обязательства ядерных держав по статье VI ДНЯО (вести переговоры о ядерном разоружении) расценивались как пустая формальность, обладание ядерным оружием рассматривалось как «Богом данное право» великих держав, а дальнейшее распространение ядерного оружия (ЯО) предполагалось остановить силой (концепция «контрраспространения»).

Но на деле многолетний тупик в процессе ядерного разоружения привел к провалу попыток упрочения ДНЯО и режимов ядерного нераспространения (что выразилось в фиаско конференции по рассмотрению Договора в 2005 г. и 2015 г.). Силовой путь решения вопроса принес тактический успех (удар Израиля по атомному комплексу Сирии в 2008 г.), но повлек стратегическое поражение в ходе военной операции США в Ираке и попыток оказать давление на ядерные программы Ирана и КНДР.

В конечном итоге политика США в данном вопросе стала меняться в результате осознания ее неудач и очевидной бесперспективности. Знамением этого стала знаменитая статья четырех авторитетных государственных деятелей: Генри Киссинджера, Сэма Нанна, Уильяма Перри и Джорджа Шульца – в пользу реабилитации идеи конечной цели ядерного разоружения как ориентира переговоров между ядерными державами и усилий мирового сообщества

* Ядерная перезагрузка. Сокращение и нераспространение вооружений / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.). М.: Московский Центр Карнеги; РОССПЭН, 2011.

по предотвращению распространения ядерного оружия¹. В свете провалов политики администрации Буша эта идея быстро овладела умами в США, а затем и в остальном мире и вызвала настоящий ренессанс тематики ядерного разоружения в международном общественном сознании и экспертных исследованиях.

В России эта тема стала предметом острой борьбы между про-ядерным большинством и меньшинством сторонников ядерного разоружения в научных кругах и СМИ, хотя официально цель ядерного разоружения была подтверждена на первой встрече в верхах президентов Медведева и Обамы².

Очевидно, что сегодня трудно представить себе мир без ядерного оружия даже в отдаленной перспективе. Ядерное сдерживание как неотъемлемый элемент военно-политических отношений великих держав и гарантий безопасности союзникам – это привычное состояние, изменению которого препятствует огромная военно-стратегическая, политическая и психологическая инерция, подкрепляемая общепринятым мнением, что страх перед ядерной катастрофой уберег мир от третьей мировой войны в течение шести десятилетий после 1945 г.

К тому же в России превалирует мнение, что ее безопасность гарантируется только ядерным оружием из-за отставания в силах общего назначения и по новейшим военно-техническим системам, а также ввиду уязвимого геостратегического положения. Зачастую как консерваторы, так и либералы с некоторой бравадой отвергают долголетнюю официально-пропагандистскую позицию СССР в пользу ядерного разоружения, а ядерное оружие объявляется «цивилизующим» фактором международных отношений.

Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения опровергается тезисом, что новые члены и «абитуриенты в ядерный клуб» действуют из своих собственных интересов, а ядерное разоружение великих держав их не только не интересует, но поощряет к обретению ЯО, поскольку дает шанс легче сравняться с «большой пятеркой».

Однако ряд важных соображений заставляет усомниться в правильности этих расхожих истин.

Новые угрозы безопасности

После окончания холодной войны, в условиях глобализации и растущей взаимозависимости мира (что лишний раз продемонстрировал текущий экономический кризис) ядерное сдерживание, похоже, предотвращает преднамеренное массированное нападение великих держав или их союзов друг на друга.

¹ Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal. Jan. 4, 2007. P. A15.

² Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений. 1 апреля 2009 г. Лондон // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214589.shtml>

Но оно не сдерживает реальные угрозы нового времени: международный терроризм, распространение ОМУ и его носителей, этнические и религиозные конфликты, противоречия из-за дефицита энергоресурсов и пресной воды, не говоря уже о проблемах климата, экологии, незаконной миграции, эпидемий, трансграничной преступности и пр.

Реабилитация ядерного разоружения как конечной, пусть и отдаленной цели политики ведущих держав, придает целенаправленность и последовательность таким рациональным и полезным мерам обозримого будущего, как новый договор по стратегическим вооружениям и последующее более глубокое сокращение ядерных вооружений. Открывается путь к реализации ДВЗЯИ и ДЗПРМ, как важнейших соглашений на стыке ядерного разоружения и нераспространения. Становится реальным будущее подключение к процессу третьих ядерных держав и «стран-аутсайдеров» (Индии, Пакистана, Израиля). Получает мощный импульс курс на упрочение ДНЯО и его режимов, решение ядерных вопросов КНДР и Ирана, на интернационализацию ядерного топливного цикла, обеспечение высоких мировых стандартов сохранности ядерных материалов.

Не менее важно, что только в контексте этой политики, и никак иначе, Россия (и другие страны) получат возможность достичь приемлемого для себя решения иных военно-политических проблем: остановки расширения НАТО на восток, ограничения стратегических систем ПРО и высокоточных обычных вооружений, предотвращения гонки космических вооружений и пр.

Продвигаясь этим путем, можно достичь минимальных уровней ядерных потенциалов — в сотни ядерных средств — при существенном укреплении международной безопасности. Вполне возможно, что по мере движения в этом направлении сотрудничество и взаимное доверие государств настолько расширяется, что возникнет возможность сделать финальный шаг — к полной ликвидации ядерного оружия в боевом составе вооруженных сил, затем — в резерве и на складах, а потом и к контролируемой конверсии и утилизации ядерных материалов и технологий исключительно для мирных целей. Спрос на такую конверсию гарантирует ожидаемый подъем мирной атомной энергетики.

Что касается зависимости России от ядерного оружия, то на поверку эта концепция весьма поверхностна. К тому же она весьма банальна и просто является перепевом на российский лад тезисов западных консерваторов 20–30-летней «свежести». В современном мире огромный ядерный потенциал России играет политическую роль или при росте военной напряженности с Западом — или в контексте переговоров и соглашений с США, которые предоставляют Москве исключительное положение в мировой политике.

Напряженность, даже если это на руку определенным кругам в России и США, противоречит их истинным интересам и будет подрывать национальную и международную безопасность — особенно на фоне роста новых угроз, требующих партнерства и сотрудничества. Переговоры по ядерному разоружению (с учетом количества и программ модернизации этих средств) даже в ходе последовательных сокращений не затронут минимально достаточный российский

потенциал ядерного сдерживания на протяжении десятилетий — во всяком случае, дипломаты из Москвы должны об этом позаботиться.

Статусные вопросы

Роль ядерного оружия в обеспечении статуса и безопасности РФ весьма преувеличена. Кроме гипотетической и маловероятной угрозы массированного нападения НАТО или Китая, ядерное оружие не защищает Россию от многочисленных менее масштабных, но более реальных опасностей, как не решает ее огромные экономические и внутриполитические проблемы. Не надо забывать, что ОВД и Советский Союз распались, имея в 5–7 раз больше ядерных вооружений, чем нынешняя Россия. Кроме того, сохранение ядерного оружия и дальнейшее его неизбежное распространение будут девальвировать ядерный потенциал России и подрывать ее статус, если для его поддержки не будут построены иные опоры.

В конце концов, надо совершенно уж не верить в российский народ, чтобы полагать, что ядерное оружие, оставшееся в наследство от СССР — это единственно возможный и достижимый для России атрибут статуса великой мировой державы.

В то же время, вполне естественно, что отказ от ядерного оружия ни в коем случае не может означать «зеленый свет» для больших, региональных или локальных войн с применением обычных вооружений или систем на новых физических принципах (лазерных, пучковых, сейсмических и пр.). Иными словами, мир без ядерного оружия — это отнюдь *не нынешний мир минус ядерное оружие*, а международное сообщество, организованное на иных принципах, обеспечивающих безопасность всех стран, независимо от их размера, экономической и военной мощи.

Движение к основанному на сотрудничестве мировому устройству становится теперь необходимостью не только ввиду ядерной угрозы. Оно превращается в императив в свете уроков нынешнего разрушительного экономического кризиса, необходимости совместного решения эпидемиологических, климатических, продовольственных, демографических и иных глобальных проблем XXI в.

Сокращение ядерных вооружений

Сохранение ядерного сдерживания в отношениях великих держав, скорее всего, подстегивает распространение ядерного оружия и повышает вероятность получения доступа к нему со стороны террористов, хотя это вопрос дискуссионный. Но что уж совершенно точно — отношения взаимного ядерного сдерживания препятствуют эффективному сотрудничеству великих держав в борьбе с этой опасностью.

По логике вещей ядерное сдерживание в век многополярности и глобализации неотвратимо влечет дальнейшее ядерное распространение и делает неизбежным, рано или поздно, преднамеренное или случайное применение ядерного оружия (или взрывного устройства) государствами или в виде террористического акта. Любое такое применение будет катастрофой для современной цивилизации и изменит ее коренным и непредсказуемым образом.

Опыт почти 40-летних переговоров сокращения ЯО позволяет непредвзято оценить степень выполнения ядерными государствами своих обязательств по первой части статьи VI ДНЯО. Можно констатировать, что, с одной стороны, переговорные процессы по контролируемому ограничению и сокращению ЯО между главными ядерными контрагентами с периодическими перепадами интенсивности, казалось бы, соответствовало обязательствам по статье VI ДНЯО. С другой стороны, мотивы этих переговоров и соглашений были мало связаны с обязательствами сторон по ДНЯО, хотя нередко и приводились ими в качестве доказательства своей приверженности этому Договору. Кроме того, в стороне от этих процессов оставались остальные ядерные государства.

В целом, за два десятилетия после окончания «холодной войны» с 1991 г. (заключение СНВ-1) и по 2012 г. (срок выполнения СНП) великие державы, главным образом Россия и США, сократили и планируют сократить число своих стратегических и оперативно-тактических ядерных боезарядов примерно на 80% – как по договорам, так и в одностороннем порядке.

Масштабы этих сокращений весьма впечатляют, но то же относится и к количеству остающихся ядерных вооружений (порядка 10 000 боезарядов в боевом составе всех девяти ядерных держав³). Дальнейшие перспективы переговорного процесса о более глубоких сокращениях ядерных вооружений после нового договора СНВ на сегодняшний день весьма неясны.

В прошедшем десятилетии открытый отказ великих держав от продолжения переговоров по ядерному разоружению стал нарушением статьи VI ДНЯО. Откровенное усиление опоры на ЯО в обеспечении своей безопасности, отказ от ряда прошлых соглашений – явились нарушением духа этого Договора.

Мотивы ядерного распространения

В этой связи возникает извечный и принципиальный вопрос: если бы США и СССР/Россия, начиная с 1968 г. и по настоящее время, с привлечением трех других ядерных держав («узаконенных» по ДНЯО), целеустремленно вели переговоры об ограничении и сокращении ЯО и если бы сокращения за минувшие десятилетия были значительно глубже – то остановило бы это Израиль, ЮАР, Индию, Пакистан, КНДР от разработки и принятия на вооружение

³ Eliminating Nuclear Threat: A practical agenda for global policymakers. Report of the ICNNPD. G. Evans and Y. Kawaguchi (co-chairs). Canberra. Paragon, 2009. P. 172–173.

ядерного оружия? Устранило бы это ядерные программы Ирака, Ливии, Сирии и предполагаемые военные планы Ирана и других возможных последователей КНДР?

Поскольку история не знает сослагательного наклонения, ответ на поставленный вопрос может быть лишь в виде гипотезы. Скептики и противники ядерного разоружения в Вашингтоне, Москве и ряде других столиц безапелляционно отрицают такую взаимосвязь. Более того, утверждают они, сокращение ядерных вооружений США, СССР/России, Великобритании, Франции и Китая до нескольких сотен или десятков ядерных боезарядов только усилило бы стимулы к распространению, поскольку сделало бы относительно менее сложным достижение «пороговыми странами» уровня ядерных вооружений «большой пятерки».

Дополнительным аргументом против ядерного разоружения является то, что для выполнения своих обязательств по второй части статьи VI ДНЯО (о подготовке и последующем заключении договора о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем), члены Договора сделали не очень много⁴.

Напротив, сторонники сокращения и ограничения ядерных вооружений доказывают, что это имело бы ощутимый эффект для ядерного нераспространения. В частности, на всех Обзорных конференциях по ДНЯО большинство неядерных стран – членов Договора неизменно выдвигают этот аргумент и обвиняют ядерные державы в невыполнении обязательств по статье VI ДНЯО.

Реальная жизнь, как обычно бывает, намного сложнее, чем линейные логические построения по принципу «да–нет» и тем более чем политические позиции государств на международных форумах.

Несомненно, что стимулы к обретению государствами ЯО гораздо более многообразны и противоречивы, нежели просто подражание примеру ядерных держав. Основные мотивы руководства тех или иных стран в пользу создания ЯО связаны с соображениями внешней безопасности, престижа на мировой арене, популярности внутри своих стран или получения внешнеполитических уступок от других держав за отказ от ядерных программ или их ограничение. Ни одному из этих мотивов ДНЯО не адресован прямо и эффективно, т.е. в смысле предоставления, взамен приобретения ЯО, более заманчивых плодов в названных сферах – или перспектив больших экономических и политических издержек в обратном случае. Также и договоры великих держав по ядерному

⁴ В порядке оговорки, можно привести ряд конвенций по другим видам ОМУ и Договор о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе от 1990 г., а также региональные соглашения о безядерных зонах и по ограничению обычных вооружений, равно как принятые меры доверия, соглашения о ликвидации противопехотных мин и пр. Но все эти меры имели ограниченный характер как по предмету соглашений, так и по географическому охвату и никак не увязывались в комплексную программу всеобщего и полного разоружения. Кроме того, дальнейшее наращивание потенциала обычных вооруженных сил и вооружений, обширная мировая торговля оружием, разработка принципиально новых систем оружия едва ли свидетельствуют о намерениях стран мира двигаться к этой цели, которая теперь исчезла даже из лексикона официальных международных документов.

разоружению вовсе не обязательно прямо воздействуют на все названные стимулы.

Можно с достаточной степенью уверенности полагать, что в период существования ДНЯО, скажем, Израиль и ЮАР сделали свой ядерный выбор вне всякой связи с концепцией, заложенной в статью VI. В случае с Индией эта взаимосвязь более ощутима, поскольку ее решение о создании ЯО, помимо статусных и внутриполитических стимулов, было обусловлено страхом перед растущей безо всяких ограничений военно-экономической и ракетно-ядерной мощью КНР в ситуации утраты надежд на помощь в обеспечении безопасности со стороны СССР/России.

Решение Пакистана последовать этому примеру было преимущественно направлено на противостояние Индии и во вторую очередь прикрывалось идеологическими аргументами («исламская бомба»), то есть мало ассоциировалось со статьей VI.

Поскольку речь идет об уроках «ядерных историй» Северной Кореи и Ирана, постольку можно предположить, что для Пхеньяна главным стимулом к развитию военной ядерной программы был страх за выживание политического режима. Ему угрожал проигрыш в экономическом и социально-политическом соревновании с Югом, усугублявшийся экономическими санкциями Запада. Кроме того, КНДР всерьез опасалась военного удара США, причем с применением, прежде всего, обычных вооружений. Наконец, сказывалась растущая политическая изоляция и превращение в презираемое «государство-изгой» в глазах мирового сообщества. Утрата формальных и фактических гарантий безопасности со стороны СССР и КНР и сведения о военных ядерных экспериментах Южной Кореи, видимо, стали для КНДР окончательным аргументом в пользуобретения ЯО.

Программа создания ядерного оружия в этих условиях была для Пхеньяна последнее гарантией безопасности от внешней угрозы, козырем в торге за экономические и политические уступки Запада, средством поднятия престижа режима в мире и внутри страны. Вероятно, также, что для Ким Чен Ира после смерти отца бомба стала способом укрепить свою опору на военную, партийную и научно-промышленную элиты. Очевидно, что ни на один из приведенных стимулов политики КНДР ядерное разоружение США и СССР/России не оказалось бы никакого позитивного воздействия в плане нераспространения.

Что касается Ирана после падения шаха, то мотивом его ядерной программы (в ее звеньях возможного военного назначения), вероятнее всего, явился страх перед Ираком, который разрабатывал ядерное оружие и вел против Ирана войну с применением химического оружия и тактических ракет в 1980-е годы. После окончания войны на передний план вышла угроза возможного применения силы со стороны США (особенно с приходом республиканской администрации в 2000 г.) и со стороны Израиля (необъявленной ядерной державы), а также соображения регионального и мирового статуса и престижа. Последние были связаны с созданием ЯО в соседних Индии и Пакистане, а также со все более настойчивой заявкой Тегерана на роль лидера всего исламского мира после

поражения талибов в Афганистане, Саддама Хусейна в Ираке и ввиду растущей неустойчивости режимов в Пакистане и Саудовской Аравии.

И в этом случае, на первый взгляд, ядерное разоружение США, РФ и других великих держав сообразно статье VI ДНЯО едва ли повлияло бы на иранскую программу в ее вызывающих подозрение аспектах.

Диалектическая взаимосвязь

Но при более глубоком анализе нужно признать, что позитивная связь разоружения и нераспространения все же имела место и сохраняется, но не прямолинейная, а гораздо более сложная и тонкая.

Во-первых, речь идет об общей атмосфере восприятия международной безопасности, в которой те или иные государства определяют свое отношение к ядерному оружию, какими бы конкретными и индивидуальными факторами это отношение ни диктовалось в каждый данный момент.

Едва ли можно считать случайным совпадением, что интенсивные переговоры по ядерному разоружению и реальные сокращения ЯО (договоры по РСМД, СНВ-1, СНВ-2, рамочный Договор СНВ-3, Соглашения о разграничении систем ПРО, ДВЗИИ, односторонние сокращения тактических ядерных вооружений США и СССР/РФ) происходили параллельно со вступления в ДНЯО порядка 40 новых стран, в том числе двух ядерных держав: Франция и КНР. Договор получил бессрочное продление в 1995 г., был разработан Дополнительный протокол МАГАТЭ в 1997 г. Четыре государства отказались от военных ядерных программ и от ядерного оружия или были лишены их применением силы извне (Бразилия, Аргентина, ЮАР, Ирак). Три государства, имевшие на своей территории ЯО в результате распада СССР, после двухлетних переговоров вступили в ДНЯО в качестве неядерных государств (Украина, Белоруссия, Казахстан).

Скорее всего, если бы великие державы последовательно вели политику на свертывание ядерных арсеналов и снижение роли ядерного оружия в обеспечении национальной и международной безопасности, на упрочение всемирного «табу» на любое применение ЯО прямо или в виде угрозы – то соответственно падало бы значение ядерного оружия в мире как символа статуса, могущества, престижа. Параллельно снижалась бы популярность ЯО во внутриполитической жизни многих стран (как это произошло с PR-привлекательностью биологического и химического оружия).

Точно так же очевидно, что прямо противоположная политика великих держав и неприсоединившейся к ДНЯО тройки создавала с конца 90-х годов максимально питательную среду для роста привлекательности ЯО в глазах правительства и общественного мнения растущего числа стран.

Второй общий момент состоит в том, что поддержание весьма высоких уровней ядерных сил, их совершенствование и, в отдельных случаях, наращивание великими державами все еще базируется на стратегии взаимного ядерного сдерживания. Эта стратегия остается руководящим принципом военной политики.

В то же время, эта закрепленная в стратегических взаимоотношениях ситуация враждебного противостояния (при которой тысячи ядерных боеголовок имеют запланированные цели на территории друг друга и ракеты поддерживаются в минутной готовности к запуску) ставит жесткие ограничения для более глубокого конструктивного взаимодействия великих держав. Трудности в переговорах по ядерному разоружению усугубляют взаимное недоверие и подозрительность политических элит великих держав, обостряет различия их взглядов на мировые проблемы.

Это уже более непосредственно относится к нераспространению, в частности, таким его аспектам, как санкции против третьих стран, выработка единой позиции на переговорах с ними («пятерка» с КНДР и «шестерка» с Ираном). Тем более, это относится к возможности совместных военных операций в рамках ИБОР, а также против стран, нарушающих соглашения о гарантиях МАГАТЭ или намеревающихся необоснованно выйти из ДНЯО. Не меньше затрудняется создание общей системы космического предупреждения о ракетных запусках и совместной системы противоракетной обороны.

Есть ряд направлений более прямой взаимосвязи ядерного разоружения и нераспространения. В первую очередь это относится к ДВЗЯИ, подписанного в 1996 г., но так и не вступившего в силу, и договору о запрещении производства ядерных материалов (ДЗПРМ), переговоры по которому на КР в Женеве зашли в глубокий тупик. Реализация указанных важнейших мер ядерного разоружения и присоединение к ним всех участников ДНЯО и тройки «аутсайдеров» под воздействием великих держав – автоматически поставили бы дополнительные преграды на пути ядерного распространения. Если бы США не вышли из Договора по ПРО в 2002 г. и разблокировали ДВЗЯИ и ДЗПРМ, то на пути к обретению ядерного оружия Северной Кореей (а в перспективе Ираном) пришлось бы преодолеть не один, а три «барьера» (ДНЯО, ДЗПРМ, ДВЗЯИ). Это было бы намного труднее и встретило бы гораздо более объединенное и жесткое противодействие великих держав, СБ ООН и мирового сообщества в целом.

Невыполнение обязательств по статье VI стало яблоком раздора между великими державами и многими неядерными, вполне законопослушными государствами – членами ДНЯО. Последние рассматривают это как нарушение взаимопонимания при бессрочном продлении Договора в 1995 г. и при согласовании «13 пунктов» ядерного разоружения на Обзорной Конференции ДНЯО 2000 г. Эта глубокая разобщенность проявилась в провале Обзорной Конференции 2005 г. Сложившаяся ситуация лишает великие державы сильной политической позиции для продвижения целого комплекса мер укрепления режима нераспространения, обсуждавшихся в том числе на Конференции 2005 г.

Речь идет об универсализации Дополнительного протокола 1997 г.; более строгих процедурах и условиях выхода из ДНЯО по статье X.1; ужесточении норм и условий экспортного контроля через группу ядерных поставщиков (ГЯП); свертывании национальных программ ядерного топливного цикла (ЯТЦ) и переходе к международным центрам топливного цикла; введении в международно-правовое поле «Инициативы по борьбе с распространением» (ИБОР) и пр. Все

эти меры крайне трудно навязать неядерным участникам ДНЯО, которые и так несут на себе главное бремя ограничений и системы гарантий по Договору, в ситуации, когда ядерные державы дают себе практически полную свободу рук в военной ядерной деятельности – как в плане ее договорно-правовых ограничений, так и в смысле ее контролируемости и транспарентности.

Еще одним очевидным следствием ядерной политики великих держав, стимулирующим распространение, можно с полным основанием считать отсутствие до сих пор согласованных и принятых негативных гарантий безопасности неядерным странам ДНЯО со стороны официальных ядерных держав. Такие гарантии существуют только в виде весьма двусмысленных отдельных заявлений представителей государств – постоянных членов СБ ООН в 1995 г., которые вслед за Россией сделали США, а затем Великобритания, Франция и Китай.

В этих заявлениях продекларировано, что они не применяют свое ядерное оружие против любого государства – участника ДНЯО, кроме как в случае вооруженного нападения такого государства, связанного союзным соглашением с государством, обладающим ядерным оружием, на них, их территорию, вооруженные силы или союзников, а также в случае действий против них такого государства совместно с государством, обладающим ядерным оружием, в осуществлении или поддержке вторжения или вооруженного нападения.

Совет Безопасности ООН, суммировав эти заявления, принял в 1995 г. соответствующую резолюцию № 984, которая всего лишь продублировала аналогичную, менее развернутую резолюцию № 255 1968 г., и вообще не содержит прямых гарантий безопасности для неядерных государств даже в таком виде, как они сформулированы в заявлениях постоянных членов СБ ООН. Появившиеся до Женевской Конференции по разоружению 1995 г. предложения о заключении Конвенции, юридически закрепляющей полномасштабные гарантии безопасности неядерным государствам – членам ДНЯО, не получили своего развития.

Совершенно очевидно, что безоговорочные обязательства неприменения ЯО первыми против государств – членов ДНЯО – предполагали бы существенное снижение политической, а возможно и военно-стратегической роли ядерного оружия во внешней политике великих держав. Это явно идет вразрез с их нынешним курсом и военными программами.

В таких условиях у неядерных государств, не имеющих полновесных договоров безопасности с ядерными державами и расположенных в нестабильных регионах, возникают вполне объяснимые стимулы для создания ядерного потенциала в качестве опоры на собственные силы в обеспечении национальной безопасности. Это в полной мере относилось к Израилю, ЮАР, Индии, Пакистану, КНДР, а в будущем может послужить стимулом для Ирана и других поро-говых стран.

Иными словами, взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения, в частности, на примере истории вопросов КНДР и Ирана, можно сформулировать следующим образом:

- выполнение обязательств по ядерному разоружению согласно статье VI ДНЯО само по себе не гарантирует от ядерного распространения, ввиду многообразия и сложности мотивов последнего;
- для этого требуются многочисленные дополнительные меры по укреплению и развитию ДНЯО, его норм и механизмов;
- однако невыполнение обязательств ядерных держав по статье VI практически гарантирует дальнейшее ядерное распространение и крайне затрудняет шаги по укреплению режима и системы нераспространения.

Тогда остается лишь силовой путь решения проблем, причем зачастую вне международно-правового поля. Как показал опыт войны в Ираке 2003 г., такое «лекарство» может быть хуже, чем «болезнь», и вести к прямо противоположным последствиям, в том числе в плане ядерного нераспространения.

Разоружение как цель и как процесс

Ядерное разоружение как цель и конечное состояние, действительно, весьма трудно представить себе в современном мире. И речь идет не только о военно-стратегической, технической и экономической сторонам вопроса. Еще более грандиозная проблема имеет политическую природу. В самом деле, ликвидация ядерного оружия и упразднение доктрин ядерного сдерживания не должны предоставить государствам свободу рук для разработки и применения обычных вооружений, других видов ОМУ и вооружений на новых физических принципах.

Значит, финальное ядерное разоружение предполагает почти всеобщее и полное разоружение. А это, в свою очередь, подразумевает фундаментальную реорганизацию международных отношений и способов разрешения споров и конфликтов по сравнению с системой, существовавшей на протяжении известной нам истории человечества. Очевидно, что такая перестройка – дело многих десятилетий. В то же время мощный стимул к ней создают процессы глобализации и растущей взаимозависимости мира, проблемы биобезопасности, климата, энергетики, демографии и многие иные тенденции и угрозы ХХI в. Ядерное разоружение – это лишь один из аспектов этого сложнейшего исторического процесса и является не столько его целью, сколько предпосылкой.

Тем не менее, будучи весьма отдаленным в качестве конечного состояния, ядерное разоружение уже сейчас вполне возможно как процесс, ведущий к более безопасному миру и постепенно меняющий основы существующего миропорядка. Более того, целый комплекс шагов в этой сфере жизненно необходим и неотложен для укрепления текущей безопасности ядерных и неядерных держав, упрочения режима и системы ядерного нераспространения в мире.

ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА И РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ*

Общеизвестно, что основой режима и механизмов нераспространения является Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный в 1968 г. и вступивший в силу в 1970 г. Этот Договор сегодня — самый универсальный международный договор, его членами являются теперь 189 государств ООН и только 4 страны не присоединились к нему или из него вышли (Израиль, Индия, Пакистан и КНДР, которая вышла из Договора в 2003 г.). С этой точки зрения историю Договора можно считать историей крупнейшего успеха в обеспечении международной безопасности. Тем не менее, как было отмечено выше, на пороге XXI в. перспективы нераспространения ОМУ, и прежде всего самого разрушительного их вида — ядерного оружия, внушают растущую тревогу и выдвинулись на передний план всего фронта угроз международной безопасности, как и усилий по их нейтрализации тем или иным способом.

Помимо серьезнейших ошибок и проявлений недальновидности в политике ведущей пятерки ядерных держав, о которых говорилось в предшествующем разделе книги, выявились существенные проблемы и противоречия самого Договора и связанных с ним механизмов и режимов нераспространения.

Частично они обусловлены тем, что за несколько десятилетий разительно изменилась международно-политическая среда, в которой действует Договор. Ведь изначально он предназначался для предотвращения создания ядерного оружия такими государствами, как ФРГ, Япония, Италия, Швеция, Швейцария, Южная Корея, Тайвань и др. — при одновременном предоставлении им благ мирной ядерной энергии, гарантий безопасности и включения в сообщество передовых демократических держав мира. В те годы, когда шла подготовка ДНЯО, мало кто мог представить себе, что главными субъектами распространения и проистекающих от него опасностей со временем станут страны, незадолго до того освободившиеся от колониального владычества Европы, которые тогда называли «развивающимися» или «странами третьего мира», и что за ними последуют даже негосударственные образования в лице экстремистских организаций. Однако это стало возможным в ходе экономического и научно-технического прогресса, процессов глобализации, а также в итоге высвобождения и массированногоброса в международный оборот ядерных материалов, технологий и специалистов после окончания холодной войны.

* Ядерное оружие после «холодной войны» / А. Арбатов, В. Дворкин (ред.).

Поскольку ДНЯО изначально не был на это рассчитан, новые условия потребовали основательной адаптации его механизмов и режимов, детализации смысла некоторых его норм (в частности, объема гарантий МАГАТЭ, рамок мирного ядерного сотрудничества (по ст. III и IV).

Другие проблемы ДНЯО были непосредственно в него заложены с самого начала, но с ходом времени обострились и превратились в источник международный противоречий (разделение на категории ядерных и неядерных держав по ст. I, II и IX, обязательства ядерных государств по ст. VI, право выхода из Договора по ст. X).

В настоящем разделе рассмотрены проблемы ДНЯО и пути укрепления его механизмов и режимов. Уже в самой трактовке феномена ядерного распространения, в частности, по определению его исходной точки, Договор содержит важнейшую и весьма спорную предпосылку, ставшую миной замедленного действия под всем режимом нераспространения.

Рубеж распространения

Очевидно, что в военно-политическом, если не в юридическом, смысле первая волна ядерного распространения прошла с 1945 по 1964 г., когда ядерное оружие было создано в США, СССР, Великобритании, Франции и КНР. Но распространение ЯО стало предметом международных переговоров, а затем и важнейшего Договора уже после этой первой волны, которая посему была как бы по умолчанию выведена за рамки юридического понятия «распространения ядерного оружия» авторами Договора 1968 г.

Под углом зрения ДНЯО, ядерное распространение началось, по существу, с Индии, которая была первой страной, взорвавшей ядерное устройство после 1 января 1967 г., а именно – в мае 1974 г. Правда, Индия тогда заявила, что испытала «мирное взрывное устройство», но ДНЯО не проводит такого различия, там просто сказано, что ядерным государством является то, которое «произвело и взорвало ядерное устройство до 1 января 1967 г.» (ст. IX, п. 3.). Его ст. V предполагает возможность мирных ядерных взрывов для неядерных государств – участников Договора, но только в рамках соответствующих международных соглашений по получению помощи со стороны ядерных держав.

Только в мае 1998 г. Индия, а вслед за ней Пакистан приобщились к ЯО, открыто испытав ядерное оружие. Эти государства могут считаться «полноправными» инициаторами ядерного распространения. Однако они с этим, естественно, не согласятся. Они подчеркивают, что никогда не являлись членами ДНЯО и потому не нарушили никаких норм в сфере нераспространения. Названные государства кивают на Израиль и ЮАР как на страны, создавшие ЯО на несколько лет раньше, хотя Израиль не произвел собственного натурного ядерного взрыва и никогда официально не объявлял себя ядерной державой. А ЮАР, судя по всему, вместе с Израилем тайно произвела испытание в сентябре 1979 г. на своем острове Принс-Эдуард в Индийском океане, что было

зарегистрировано американским разведывательным спутником типа «Вела» с сенсорами гамма-излучения. Позднее Претория избавилась от ЯО под контролем МАГАТЭ и вступила в ДНЯО. Едва ли примут такую точку зрения на начало распространения и другие «незаконные» реальные или потенциальные обладатели этого оружия: Израиль, КНДР, Иран.

Их позиция не лишена исторических оснований. Действительно, пятерка легитимных ядерных держав раньше других создала свое ЯО и только к 1968 г. три из них (США, СССР, Великобритания) смогли согласовать ДНЯО, вследствие чего 1 января 1967 г. было обозначено в Договоре как рубеж, после которого любая новая ядерная держава объявлялась «незаконной» (но, по юридической логике, только в рамках ДНЯО, что не могло относиться к странам, не присоединившимся к нему). Рубежная дата для ядерного статуса зачастую расценивается не иначе, как произвол великих держав, вроде как по принципу «кто не успел — тот опоздал». Ведь если бы, скажем, Франция или Китай создали ядерное оружие на несколько лет позднее, то временной рубеж 1967 г. в Договоре едва ли побудил бы их отказаться от вступления в «ядерный клуб» ради присоединения к клубу членов ДНЯО. Скорее наоборот — или Договор был бы подписан позднее, или он обозначил бы в качестве точки отсчета другую, более позднюю дату. С точки зрения «нелегитимных» ядерных государств, нет никаких рациональных оснований ставить законность создания ими ЯО в зависимость от графика ядерных программ «Большой пятерки», успевших сделать это раньше, или от темпов их переговоров по согласованию статей ДНЯО, позволивших не откладывать его открытие для подписания на более поздний срок.

Рубежная дата 1967 г. стала барьером для вступления в ДНЯО Индии и Пакистана, поскольку членство в качестве ядерных держав для них закрыто, а в качестве неядерных — для них неприемлемо. Частично эти трудности можно было бы облегчить за счет присоединения этих двух держав (а также Израиля) ко всем механизмам и режимам ДНЯО, помимо самого Договора, для чего следовало бы изменить соответствующим образом, в частности, принятые критерии членства в ГЯП¹. Также названные страны могли бы в качестве жеста доброй воли принять политически обязывающие декларации о своем намерении соблюдать все положения ДНЯО для ядерных держав, даже не являясь формальными участниками Договора. В дальнейшем их участие могло бы быть закреплено через участие, например, в обсуждаемой конвенции по экспортному контролю в данной сфере.

¹ В сентябре 2008 г. ГЯП по настоянию США решила сделать исключение для Индии, разрешив экспорт ядерных материалов и технологий в эту страну, несмотря на то что на ее территории не применяются всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ.

Диалектика «мирного» и «военного атома»

В основу концепции ДНЯО как бы по умолчанию заложена та предпосылка, что создание ядерного оружия может быть производной функцией, как бы побочным продуктом развития мирной ядерной энергетики и науки. Согласно этой предпосылке, максимально жесткий контроль «легитимных» ядерных держав и международных организаций за поставками ядерных материалов и технологий способен жестко отсечь их военное использование странами-получателями. Но на деле за исключением, может быть, Бразилии и Аргентины, которые продвигались в этой области, не имея четкого представления о своих конечных целях, все другие страны изначально вполне ясно осознавали и осознают, какое использование ядерной энергии – мирное или военное – им в конечном счете нужно.

Если мирное – то даже достижение высочайшего научно-технического и промышленного уровня развития в этой области и значительная свобода в распоряжении ядерными материалами и их переработке не привели страны к созданию ядерного оружия (ФРГ, Нидерланды, Италия, Швеция, Швейцария, Япония, Южная Корея, Тайвань, Канада, Австралия и др.). И не случилось этого не столько благодаря их членству в ДНЯО, сколько из-за их уверенности в гарантиях своей безопасности, не зависящих от норм Договора, или из страха перед пагубными для них международными последствиями в случае создания ими ЯО, также мало связанными с ДНЯО.

Если военное – то они стремились к нему целенаправленно, а не «заодно» с мирным развитием ядерной энергетики. Их мотивами было не получение «побочных» экономических благ, а задачи совершенно иного порядка, и потому обещание экономических выгод в награду за отказ от ядерного оружия, воплощенный в основополагающей концепции ДНЯО, было слабым рычагом влияния на их политику.

Некоторые из этих стран (Израиль, Индия, Пакистан, ЮАР) «честно» не присоединились к ДНЯО. Другие (Ирак, Ливия, КНДР и, возможно, Иран и ряд других государств) стали членами Договора в качестве политического прикрытия своих программ и обретения облегченного доступа к информации, специалистам, технологиям и материалам. Контроль МАГАТЭ оказался недостаточным для предотвращения ведения военных ядерных программ параллельно с мирными и «перекачки» технологий, материалов и специалистов из мирных в военные проекты. И никакие блага «мирного атома» не могли побудить такие страны отказаться от военных разработок. Ирак был «освобожден» от военной ядерной программы (и других проектов ОМУ) путем локальной военной операции «Буря в пустыне» в 1991 г., а Ливия в 2003 г. отказалась от своих тайных замыслов и технологий из страха перед перспективой повторить судьбу Ирака².

² Что, впрочем, не спасло режим М. Каддафи от гражданской войны и интервенции Запада в 2011 г.

На будущее подписание и ратификация странами такого рода Дополнительного протокола к ДНЯО от 1997 г., предусматривающего возможность проверки МАГАТЭ практически на любом объекте стран-получателей, могло бы предотвратить подобные нарушения при условии увеличения бюджета, штата и технических возможностей МАГАТЭ для регулярного осуществления интразивных инспекций. Однако ввиду того, что соглашения о гарантиях заключаются государствами с МАГАТЭ на индивидуальной и добровольной основе, даже это не является непреодолимой преградой для незаявленной деятельности.

Эту проблему можно в значительной мере решить, сделав присоединение к Протоколу 1997 г. обязательным условием всех будущих соглашений государств по поставкам любых ядерных материалов и технологий. Такое решения могло бы быть принято на следующей Конференции по рассмотрению ДНЯО, а до того, в исполнительном порядке, в ГЯП.

Законный выход из ДНЯО

Даже безо всякого нарушения ДНЯО государства могут открыто и законно приобрести ядерные материалы, технологии и специалистов, а затем выйти из Договора с уведомлением за три месяца в соответствии со ст. X.1. Такой путь несколько более длителен, чем первый, но достаточно верен и, к тому же, не влечет для государства юридических последствий. Как показал опыт КНДР в начале 2000-х годов, подобный шаг может стать эффективным средством шантажа мирового сообщества и козырем для выторговывания экономических и политических уступок у других держав.

Наиболее опасными в этом плане являются компоненты ядерного топливного цикла, в первую очередь, технологии и мощности по обогащению природного урана и по переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) для извлечения из него плутония. Дополнительным предметом тревоги являются реакторы АЭС на тяжелой воде, использующие природный уран (без обогащения) и производящие в отходах повышенное содержание плутония. Технологию производства тяжелой воды, особенно в сочетании с переработкой ОЯТ с таких реакторов, тоже можно отнести к опасным компонентам ядерного топливного цикла. Ничто из перечисленного не запрещено к торговле самим Договором. Наоборот, можно считать, что ДНЯО поощряет поставки и таких технологий согласно ст. IV, поскольку целый ряд стран (Австралия, Япония, Нидерланды, ФРГ, Южная Корея) получали эти технологии или экспериментировали с ними в рамках ДНЯО. Но вместе с тем, сам Договор не содержит никаких гарантий или «предохранительных» процедур от выхода из него государств, получивших эти технологии.

Основные мотивы руководства тех или иных стран в пользу создания ЯО связаны с соображениями внешней безопасности, престижа на мировой арене, популярности внутри своих стран или получения внешнеполитических уступок от других держав. Ни одному из этих мотивов ДНЯО не адресован прямо и эффективно, т.е. в смысле предоставления, взамен приобретения ЯО, более

заманчивых плодов в названных сферах – или перспектив больших экономических и политических издержек в обратном случае.

В связи с проблемой выхода из ДНЯО предлагаются несколько вариантов решения. Одно из них, самое мягкое, предусматривает предоставление государством, намеревающимся выйти из Договора, обоснованных разъяснений причин, побудивших к такому шагу, и их рассмотрение на специальной сессии стран – участников ДНЯО с целью удовлетворить законные интересы безопасности данной страны иным путем, помимо выхода из Договора. Альтернативный, промежуточный, вариант – принять в рамках МАГАТЭ и (или) на конференции по рассмотрению Договора еще один протокол, по которому даже в случае выхода из ДНЯО страна обязана использовать все материалы и технологии, полученные в рамках Договора, исключительно в мирных целях и сохранить для них гарантии и инспекции МАГАТЭ. Наконец, самый жесткий путь, предложенный Францией состоит в том, чтобы выходящее из Договора государство было обязано под угрозой санкций вернуть или ликвидировать под контролем МАГАТЭ все материалы и технологии, полученные извне благодаря участию в Договоре.

Как представляется, первый способ недостаточно эффективен и может быть сведен страной, выходящей из ДНЯО, к пустой формальности. Второй – более содержателен. Однако, как показал опять КНДР, инспекторы МАГАТЭ могут быть в любой момент изгнаны вместе с их оборудованием, если государство не боится санкций – даже военных. Это тем более так, если данная страна сумеет параллельно создать ядерное оружие, взрывное устройство или хотя бы убедительное впечатление о наличии такого с использованием материалов и производств, созданных самостоятельно или приобретенных на «черном рынке». О таком потенциале может быть неизвестно, если до выхода государства из ДНЯО не действовал Дополнительный Протокол 1997 г.

Наконец, «французский» жесткий проект ставит большие проблемы финансового и технического характера (компенсация за приобретенные и оплаченные по контрактам материалы и технологии, изъятие топлива и демонтаж реакторов и других объектов). Но еще важнее, что при несогласии данной страны с такими мерами этот путь по существу реализуем только в режиме военной оккупации. При этом военная оккупация предполагает смену режима и, вероятно, устранит угрозу выхода данной страны из Договора. В этом состоит парадокс «французского» предложения, не говоря уже обо всех опасностях и издержках военного решения.

Топливный цикл

Поставки технологий ядерного топливного цикла (ЯТЦ), как отмечалось выше, открывают возможность воспользоваться благами сотрудничества в рамках ДНЯО и потом выйти из него для открытого создания ядерного оружия. По путям решения этого вопроса имеется широкий диапазон предложений.

Они простираются от требований установления контроля МАГАТЭ не только над построенными, но и над всеми проектируемыми объектами по обогащению и переработке урана, по переработке ОЯТ для извлечения плутония и производству тяжелой воды (для АЭС на природном уране, нарабатывающих повышенное количество плутония) – и до ликвидации всех таких уже созданных объектов в неядерных странах под контролем МАГАТЭ при соответствующей финансовой компенсации.

Также есть многообразие вариантов обеспечения топливом стран, отказавшихся от полного цикла, начиная от идеи создания международного консорциума производителей ТВЭлов – до организации фонда поставок топлива под эгидой МАГАТЭ (куда производители передавали бы ТВЭлы по установленной цене) и даже вплоть до полной интернационализации обогащения урана, сепарации плутония из ОЯТ, производства и поставок топлива под руководством ООН, МАГАТЭ или специальной новой многосторонней организации (типа УRENCO – URENCO).

Глава МАГАТЭ М. Эль-Барадеи высказал по этому поводу весьма радикальное предложение: «...Одной из заслуживающих серьезного рассмотрения идей является целесообразность ограничения обработки в гражданских ядерных программах материала, пригодного для оружейного использования (выделенного плутония и высокообогащенного урана), – равно как и производства нового материала путем переработки и обогащения – посредством достижения согласия на ограничение этих операций проведением их исключительно на установках под многонациональным контролем»³.

Наконец, предлагаются разные наказания за попытки приобретения полного цикла, от прекращения поставок топлива – до применения экономических санкций ООН и даже военной силы.

Предложения США от 11 февраля 2004 г. о запрете на поставки технологий ЯТЦ странам, еще не имеющим атомную энергетику, представляются не вполне приемлемыми. Правда, на саммите «большой восьмерки» в местечке Си-Айленд в 2004 г. был принят годичный мораторий на такие поставки, который был впоследствии продлен, но в качестве долгосрочного решения это может создать больше проблем, чем решить. В частности, такой шаг может ослабить ДНЯО, введя еще одну линию «сегрегации»: в дополнение к разделению на ядерные и неядерные государства – раздел между неядерными, уже имеющими ядерную энергетику и топливный цикл (Япония, ФРГ, Бразилия, Аргентина, Австралия, Нидерланды и др.) и теми, которые еще не имеет энергетики и потому не вправе закупать технологию топливного цикла. Помимо подрывания единства государств – членов ДНЯО, это может резко подстегнуть развитие «черного рынка» ядерных технологий – опасного канала утечки оборудования и материалов к пороговым странам и террористам.

³ Мухаммед эль-Барадеи. Атомы для мира. Видение будущего // Бюллетень МАГАТЭ. Декабрь. 2003. Т. 45. № 2.

Представляется, что более правильным путем было бы принятие общего подхода, выдвинутого специалистами Вашингтонского Фонда Карнеги от 2004 г. о лишении государств, выходящих из ДНЯО, материальных плодов членства в Договоре⁴. Лучшим вариантом конкретной реализации такого подхода было бы заключение протокола к ДНЯО (например, на следующей конференции по рассмотрению Договора) о согласованном понимании его статьи IV, который гласил бы, что любые технологии ЯТЦ, приобретенные неядерным государством в рамках ДНЯО, подлежат возврату или ликвидации под контролем МАГАТЭ в случае выхода этого государства из Договора. Распространять это правило на все материалы и технологии (включая АЭС и топливо) едва ли оправданно, как в политическом, так в финансовом и техническом отношениях.

Группа ядерных поставщиков могла бы утвердить полный перечень технологий, агрегатов и узлов, которые являются ключевыми компонентами топливного цикла или производств двойного назначения (как предприятия производства тяжелой воды, реакторы-наработчики плутония). Тогда ГЯП включила бы условие о возврате или демонтаже в случае выхода из ДНЯО в качестве обязательного положения любого будущего контракта на поставки соответствующих технологий в рамках статьи IV Договора. Поскольку закон не может иметь обратной силы, это не относилось бы к неядерным странам, уже имеющим ЯТЦ, но принятие ими политически обязывающей декларации в этом духе было бы желательным.

Что касается Ирана и КНДР, то, насколько известно, поставки им рассматриваемой технологии не планируются ни одним государством-поставщиком. Обе кризисных ситуации должны решаться в индивидуальном порядке, сообразуясь с конкретными условиями. В то же время любые будущие поставки технологий топливного цикла были бы связаны условиями о ликвидации и возврате в случае выхода из ДНЯО, что послужило бы сильным сдерживающим моментом как для выхода из Договора, так и вообще для заключения такого рода поставок.

На этот счет может быть также принята рамочная резолюция СБ ООН, априори разрешающая применение санкций против государства, заявившего о выходе из ДНЯО и отказывающегося от ликвидации и возврата приобретенных в рамках Договора технологий двойного назначения, причем санкции были бы активированы на основе специального доклада МАГАТЭ. Тогда любая «коалиция желающих» могла бы применить такие санкции на основе мандата ООН, что явилось бы мощным дополнительным фактором сдерживания государств от выхода из ДНЯО по модели КНДР. Присоединение к новому протоколу стало бы обязательным условием дальнейшего сотрудничества в мирной ядерной области, особенно по топливному циклу, как и присоединение к Дополнительному Протоколу 1997 г.

⁴ Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности // Фонд Карнеги за международный мир. Вашингтон (США), 2004. URL: <http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf> (дата обращения: 14 января 2005 г.).

В качестве позитивного стимула страны, отказавшиеся от ЯТЦ, могут поощряться специальным соглашением с МАГАТЭ о гарантированных поставок топлива для АЭС по самым низким текущим мировым ценам. Для этих целей может быть создан многосторонний консорциум держав-поставщиков. Этим же целям должны служить банки ядерного топлива в распоряжении МАГАТЭ. В долгосрочной перспективе следует идти к созданию международной организации по производству и поставкам топлива, для чего, разумеется, придется решить сложнейшие вопросы международного права, экономической интеграции и имущественных отношений.

Есть у этого подхода и серьезные проблемы. В частности, поскольку большинство стран с развитой атомной энергетикой не имеют своего ЯТЦ, теоретически они все смогут претендовать на поставки топлива по самой низкой рыночной стоимости со стороны вновь созданного международного картеля. Это фактически «убило» бы мировой коммерческий рынок низкообогащенного урана (НОУ) и готового ядерного топлива.

Мировой ядерный рынок

Другой фундаментальный просчет концепции и режима ДНЯО состоит в том, что соотношение заинтересованности доноров и получателей материалов и технологий мирной ядерной энергетики было изначально оценено неправильно. Предполагалось, что стремление получателей к «мирному атому» будет столь сильным, что позволит донорам взамен иметь их проверяемые обязательства не создавать ядерное оружие. Однако на практике получилось иначе, мировой рынок ядерных материалов и технологий, сулящий миллиардные прибыли, стал ареной жестокой конкуренции не импортеров, а экспортёров. Это привело к двум основным негативным для нераспространения последствиям.

Одно состоит в том, что в борьбе за рынки сбыта государства-поставщики, и тем более их частный бизнес, оказались не склонны слишком придирчиво подходить к намерениям и программам покупателей, к соблюдению гарантий МАГАТЭ, к недостаточности таких методов (в отношении, скажем, Ирака, КНДР, Ирана, Ливии, Бразилии) и даже к факту неучастия стран-импортеров в ДНЯО (например, в случае Израиля, Индии, Пакистана). Кроме того, некоторые из главных экспортёров сами долгое время (более 20 лет) были вне ДНЯО (Франция, КНР). Даже сведения о ведущихся военных разработках, как и наличие у отдельных государств огромных природных энергетических ресурсов, избавляющих их от нужды в ядерной энергетике, не останавливали экспортёров от сделок, скажем, с Ираком, Ираном, Ливией.

Недостаточная эффективность механизмов экспортного контроля (Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков) облегчала названный «либерализм» со стороны государств в отношении легального экспорта и вовсе избавляла от контроля нелегальный экспорт со стороны частных организаций, юридических и физических лиц.

Другой момент связан с недостатком взаимопонимания между державами-поставщиками. Давление одних из них на других в сторону свертывания поставок в те или иные страны чаще всего воспринималось не как забота о нераспространении ЯО, а как попытка вытеснить конкурента с данного рынка и занять его самим. Так, США вместе с Южной Кореей и Японией добились в 1994 г. прекращения ядерного энергетического сотрудничества России с КНДР под предлогом угрозы приобретения Пхеньяном ядерного оружия — и тут же заключили сделку о строительстве АЭС такого же типа под своим контролем и якобы при эффективных гарантиях МАГАТЭ. Впоследствии это проект, названный «Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове» (КЕДО), был заморожен, и Северная Корея открыто возобновила военную ядерную программу и вышла из ДНЯО в январе 2003 г.

Вполне понятно, что в начале текущего десятилетия сильное давление США, направленное на прекращение строительства АЭС такого же типа в Иране с помощью России по Бушерскому проекту, воспринималось в Москве исключительно как стремление Вашингтона вытеснить ее и с этого рынка и занять ее место, а не как забота о нераспространении. Несмотря на имеющиеся серьезные косвенные основания подозревать Тегеран в военной ядерной деятельности (наряду с развитием там ракетной техники, в том числе с помощью Пакистана и Северной Кореи), российское руководство и противодействовало нажиму США на Иран. Правда, в апреле 2005 г. Москва единожды официально заявила о необходимости отказа Ирана от технологии обогащения урана и сепарации плутония из ОЯТ и даже подписала с Тегераном в том же году соглашение о вывозе ОЯТ с Бушерского комплекса. Но апрельская позиция России осталась в тени ее политической линии по иранскому вопросу.

Бушерский контракт и другие сферы сотрудничества с Ираном (включая поставки вооружений) слишком привлекательны для РФ и ее атомного и оборонно-промышленного комплексов. Потому сам по себе проект создания производств по обогащению урана, дающих возможность создать ЯО, но формально не запрещенных по ДНЯО, долгое время не расценивался Россией как достаточный повод для передачи «дела» в СБ ООН и тем более для применения санкций против Ирана.

Очевидно, что данная проблема не имеет простого технического или однозначного договорно-правового решения. Ее урегулирование лежит на пути снижения остроты конкуренции держав-поставщиков за счет развития их совместных проектов (как международный консорциум по поставкам ядерного топлива и переработке ОЯТ), а также посредством ужесточения правил экспортного контроля и создания для него юридически обязывающей международно-правовой базы.

Приоритеты великих держав

Еще одно слабое звено ДНЯО заключается в том, что в нем нераспространение ЯО трактуется как высший приоритет международной безопасности наряду с ядерным разоружением. На деле этот приоритет занимает далеко не равное место в повестке национальной безопасности разных держав, он сейчас стоит заметно выше у США, чем у России (хотя трактуется Вашингтоном весьма избирательно), или чем у западноевропейских поставщиков, не говоря уже о новых фактических и потенциальных экспортёрах (Пакистане, Индии, Бразилии, КНР). Кроме того, как указывалось выше, увязка ядерного нераспространения с разоружением в настоящее время практически полностью разорвана ведущими ядерными державами.

Конечно, официально борьба с распространением ОМУ и угрозой терроризма с использованием ОМУ провозглашается высшей целью стратегии безопасности США, РФ и других крупнейших держав. Но это далеко не столь однозначно выражено в практике их военных ведомств и атомных комплексов. Так, для США поддержка Израиля важнее, чем вред от его ядерной программы для режима нераспространения, тем более что они не желают давать Тель-Авиву твердых гарантий безопасности по типу Североатлантического договора (или договоров с Японией и Южной Кореей), не желая отталкивать от себя богатый нефтью исламский мир.

Для России, в свою очередь, экономические и политические выгоды от сотрудничества с Индией и Ираном тоже более ощутимы, чем приносимый ими ущерб нераспространению, как и для США в отношении Пакистана. Конечно, Россию, Китай, Японию и Южную Корею беспокоят ядерные и ракетные программы КНДР, но не настолько, чтобы согласиться на военную акцию США с непредсказуемыми последствиями, особенно после опыта войны в Ираке 2003 г.

К тому же перипетии глобальной политики периодически меняют отношение великих держав к странам, подталкивающим ядерное распространение. Так, США поощряли ядерную программу Ирана при шахе, а теперь объявляют ее одной из главных угроз мировой безопасности. Так же Вашингтон закрывал глаза на ядерные проекты Ирака (пока тот воевал с Ираном в 80-е годы) и весьма мягко относился к ядерным приготовлениям Пакистана, но в то же время жестко противодействовал ядерной программе Индии и ее сотрудничеству с Россией. После окончания ирано-иракской войны Багдад сделался для США «врагом номер один» и объектом военной операции 1991 г., а подозрения по поводу иракских ядерных разработок послужили поводом для войны против Ирака в 2003 г. К середине текущего десятилетия отношения с Пакистаном стали меняться к худшему, а с Индией, наоборот, резко улучшились на фоне растущих страхов перед ростом экономической и военной мощи КНР. Соответственно, в официальном Вашингтоне диаметрально поменялось и негативное отношение к ядерной программе Индии и сотрудничеству с ней в этой сфере.

Совершенно очевидно, что в реальной политике для США, России и других держав далеко не все равно, какое конкретное государство в данный момент фактически или потенциально способствует ядерному распространению. Поэтому не столько курс того или иного государства в плане ядерного распространения определяет отношение к нему великих держав, сколько сотрудничество или вражда с данной страной влияет на отношение ведущих держав к ее поведению в сфере распространения. Ожидать иного было бы наивно, однако эта политическая реальность создает реальные и серьезнейшие политические проблемы.

Поскольку у великих держав не одни и те же государства-партнеры и страны-противники на каждый данный отрезок времени, поскольку практикуемые державами двойные стандарты в отношении нераспространения, наряду с рассмотренными выше факторами иного порядка, существенно затрудняют выработку единого курса США, РФ и других крупнейших стран по укреплению ДНЯО и его механизмов и режимов. Кроме того, «галсы» политики великих держав в отношении стран, создающих угрозу нераспространению, реально создают для последних большую свободу маневра и наряду с этим отталкивают «законопослушные» неядерные государства – члены ДНЯО, подрывая их желание активно сотрудничать с ведущими державами в деле нераспространения.

Для названных вопросов, в еще большей мере, чем в отношении конкуренции на рынках ядерных поставок, нет легких решений. Справиться с проблемами возможно только на высшем уровне формирования внешней политики США, России и других ведущих держав. Речь идет о реальном пересмотре существующих приоритетов их международного курса, согласовании не на словах, а на практике, общих интересов безопасности, взаимного отказа от двойных стандартов, которые пока являются скорее правилом, чем исключением в их политике. Это было бы гораздо легче сделать при основательном пересмотре военно-политического базиса их взаимоотношений, в котором противостояние и соперничество преобладает над сотрудничеством. Кроме того, руководителям великих держав и стран-поставщиков нужно выработать политические и административные механизмы противостояния внутренним группам давления, заинтересованным в расширении ядерного экспорта, невзирая на риски распространения ЯО.

Дальнейшее ядерное распространение

Если обозначенные выше проблемы не будут решаться в конструктивном ключе (в том числе в духе приведенных вариантов по проблемам топливного цикла и выхода из ДНЯО), то дальнейшее ядерное распространение вполне вероятно. Опасность этого процесса не только в том, что с ростом числа конфликтующих ядерных государств, применение ядерного оружия будет становиться более вероятным. Проблема серьезнее: большинство новых стран – обладательниц ЯО

не будет иметь достаточно живучих систем носителей, надежных средств предупреждения о нападении и систем управления и предотвращения несанкционированного применения ЯО, их внутриполитическая ситуация зачастую неустойчива, велика вероятность гражданских войн и переворотов. Риск первого или упреждающего удара, а также несанкционированного применения ЯО будет со стороны этих государств гораздо выше.

Но и это еще не исчерпывает суть дела. Вероятность намеренного или не-преднамеренного попадания ядерных материалов или готовых боеприпасов из этих стран в руки террористических организаций резко возрастет в силу специфики их внутриполитической ситуации, экстремистских движений и идеологий, коррупции в гражданских и военных органах, малой надежности служб безопасности и средств охраны, учета и контроля за ядерными вооружениями и материалами. Особую тревогу вызывают огромные накопленные в мире запасы урана со значительной степенью обогащения, а также плутония для энергетических, военных и научных целей⁵. Эти запасы как в ядерных, так и в «пограничных» и неядерных странах содержатся при самых разнообразных системах отчетности и в далеко не всегда надежных условиях хранения, защищенности от хищения или продажи злоумышленникам.

Можно с достаточными основаниями утверждать, что следующий этап распространения, если он наберет инерцию, не просто повлечет экспоненциальный рост угрозы применения ядерного оружия, но в силу слияния многочисленных факторов риска сделает использование ЯО в обозримой перспективе практически неизбежным.

Нераспространение: системный подход

Системный подход к внешней политике государств – большая редкость в международных отношениях. Тем не менее такой подход был бы весьма полезен к таким многопрофильным проблемам, как ядерное нераспространение, в котором есть сложное переплетение политических, экономических, технологических, экологических и правовых аспектов и движущих сил.

С этого угла зрения задача укрепления режима и механизмов нераспространения логически подразделяется на две составляющие: нераспространение применительно к государствам и нераспространение применительно к экстремистским и криминальным (террористическим) организациям. При этом первая составляющая имеет отношение и ко второй, поскольку доступ к ядерным материалам или боеприпасам террористы могут получить, прежде всего, через новые государства – обладатели ядерными материалами, технологиями и ядерным оружием.

⁵ По оценочным данным, в мире накоплено до 1300 т высокообогащенного урана и 500 т выделенного плутония. (SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2019. P. 350–352.)

Поскольку речь идет о государствах, то решающее обстоятельство заключается в том, что все страны мира, кроме четырех, являются членами Договора о нераспространении ядерного оружия. А четыре аутсайдера уже имеют ЯО. Следовательно, дальнейшее распространение может идти только через тайное нарушения ДНЯО неядерным государством или путем открытого выхода из него согласно статье X.1 Договора с последующим созданием ЯО. Возможность первого пути продемонстрировали КНДР, Иран, Ирак, Ливия, а второго – КНДР.

Отсюда логически вытекают главные направления перекрытия таких каналов распространения. *Первое направление – это повышение эффективности гарантий МАГАТЭ:*

– необходимо добиться присоединения к Дополнительному протоколу о гарантиях 1997 г. всех государств, прежде всего, ведущих какую-либо ядерную деятельность;

– Группой ядерных поставщиков должно быть принято общее правило, согласно которому присоединение к Дополнительному протоколу 1997 г. стало бы непременным условием получения неядерным государством экспортных поставок ядерных материалов, оборудования и технологий в мирных целях;

– необходимо также существенное укрепление научно-технической и, соответственно, финансовой базы гарантийной деятельности Агентства.

Второе направление лежит в русле совершенствования системы экспортного контроля:

– гармонизация национальных систем экспортного контроля, интеграция в этот процесс Китая, Индии, Пакистана, всех участвующих в мировом ядерном сотрудничестве государств. Следует более эффективно использовать уже принятые международные документы, в частности резолюцию ООН 1540⁶, особенно в части правоприменительной практики.

Третье русло укрепления режима ДНЯО предполагает жесткую формализацию и повышение политической значимости процедуры выхода из Договора:

– заявление государства о предстоящем выходе из ДНЯО должно стать поводом для интенсивных проверок со стороны МАГАТЭ на предмет возможных нарушений Договора или соглашения о гарантиях. Необходим автоматический созыв внеочередной конференции стран – участников ДНЯО для рассмотрения мотивировки выхода из Договора. В случае признания несоответствия этой мотивировки букве статьи X.1 или при невозможности решить проблему без выхода из Договора необходима незамедлительная передача вопроса на рассмотрение СБ ООН в рамках ст. 41 Устава ООН;

– все материалы и технологии, имевшиеся в данной стране на момент выхода из ДНЯО, независимо от их происхождения, должны использоваться только в мирных целях и оставаться под гарантиями МАГАТЭ;

⁶ Резолюция Совета Безопасности 1540 (от 2004 г.) направлена на создание барьеров, предотвращающих попадание ядерного и других видов оружия массового уничтожения, компонентов такого оружия и средств его доставки в руки *негосударственных* субъектов, прежде всего террористов посредством создания соответствующих национальных законодательств.

— выход государства из ДНЯО или его нарушение с целью использовать материалы и технологии мирного атома для военных целей могут явиться поводом для применения силы в контексте борьбы с угрозой международной безопасности согласно ст. 42 Устава ООН;

— угроза выхода из ДНЯО и быстрого создания ЯО будет значительно снижена при ограничении распространения технологий ядерного топливного цикла и расширении роли многосторонних центров по обогащению урана и сепарации плутония.

Четвертое направление упрочения ДНЯО предполагает введение в силу и заключение дополнительных многосторонних договоров, призванных стать «барьерами» против его нарушения или выхода из него. Прежде всего речь идет о двух из них:

— ратификация Соединенными Штатами, КНР и другими странами Договора по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ) как ключевого звена, соединяющего «вертикальное» и «горизонтальное» ядерное разоружение, что способствовало бы присоединению к ДВЗЯИ также Индии, Пакистана, Израиля и положило бы предел совершенствованию ядерных вооружений тех государств, которые его уже создали. Тем самым также была бы поставлена новая преграда для создания ЯО остальными явными и тайными «пороговыми» странами;

— скорейшее заключение Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (в первую очередь, оружейного урана) в военных целях (ДЗПРМ) и поэтапное расширение его охвата, с соответствующими механизмами контроля для ядерных и неядерных членов ДНЯО, подключение к нему «неприсоединившейся» тройки (Израиль, Индия, Пакистан).

Разумеется, такие меры реализуемы лишь в условиях единства великих держав и членов СБ ООН. Поскольку предложенные выше шаги подразумевают еще более жесткий режим нераспространения для неядерных стран, сильная политическая позиция пяти ядерных держав предполагает их последовательное продвижение в выполнении обязательств по статье VI ДНЯО о ядерном разоружении.

В этом состоит *пятое* направление:

— неукоснительное выполнение нового Договора о СНВ, его продление и конструктивное решение спорных вопросов;

— начало переговоров о дальнейшем сокращении ядерных вооружений двух ведущих держав с учетом сопутствующих проблем (высокоточные обычные средства большой дальности, до-стратегические ядерные вооружения и пр.);

— договоренности о предсказуемости программы ПРО США и НАТО, прежде всего, в Европе;

— предоставление «ядерной пятеркой» своих предприятий ЯТЦ под контроль МАГАТЭ, что могло бы ускорить переговоры по ДЗПРМ и универсализацию Дополнительного протокола от 1997 г.;

— начало переговоров о кодексе деятельности в космическом пространстве, а затем о договорах по предотвращению гонки космических вооружений;

– организация консультаций по многостороннему ядерному диалогу с целью включения Великобритании, Франции и Китая в систему ограничений ЯО, принятия ряда мер контроля и доверия.

Шестым направлением в качестве инструмента материального поощрения лояльных государств – членов ДНЯО, в первую очередь, должно стать развитие проектов предоставления гарантированного доступа к поставкам и услугам многосторонних центров ЯТЦ, а также вовлечение этих стран в программы безопасных мирных ядерных технологий и материалов следующего поколения. Привлекательность российской инициативы по ЯТЦ для многих стран может значительно усилиться, если наряду с обогащением Россия включит в инициативу также услуги по производству свежего топлива и обращению с ОЯТ.

Решение ядерных проблем КНДР и Ирана уже поздно искать на путях общего укрепления режима и механизмов ДНЯО. Эти случаи требуют адресного подхода и единства великих держав в СБ ООН. В обмен на отказ от ЯО или критических ядерных технологий этим странам должны быть обеспечены гарантии безопасности, политические и экономические преимущества, включая возможности развития мирной атомной энергетики.

Вышеназванные пути и меры в отношении государств уже сами по себе значительно сузят возможность доступа к ядерным материалам или ЯО со стороны террористов. Но дополнительно требуются совместные действия великих держав в прямом подавлении террористических организаций.

Следует более эффективно использовать уже принятые международные документы, в частности резолюцию 1540 и Конвенцию о борьбе с ядерным терроризмом (2005). Нужны также международные программы по внедрению единых стандартов физической защиты, учета и контроля ядерных материалов в глобальном масштабе, начало чему было положено в Вашингтонским саммитом в апреле 2010 г.

Даже в годы холодной войны между СССР и США существовали области общих интересов и взаимодействия, в том числе – нераспространение ядерного оружия, плодом чего явился ДНЯО. Но тогда истинному и широкому сотрудничеству мешали конфронтация и глобальное соперничество двух сверхдержав, которые безусловно преобладали над отдельными звеньями сотрудничества.

Прекращение холодной войны в принципе устранило главное препятствие для взаимодействия двух стран. Однако растущее политическое и военное противостояние между ними, выход на передний план новых мировых центров силы, региональных претендентов на лидерство и негосударственных игроков, появление ядерного «черного рынка» и все это на фоне негативных аспектов глобализации – создали принципиально новые проблемы нераспространения.

Не отношения с региональными государствами должны определять подход великих держав к конкретным случаям ядерного распространения, а наоборот – практика тех или иных проблемных стран в этой области должна определять отношения с ними великих держав. Но данный принцип нужно применять

на основе взаимности, а не избирательно – по текущим вкусам каждой администрации США или руководства другой великой державы. Это сведет до минимума практику двойных стандартов и дефицит единства великих держав, который является главным препятствием к достижению приоритетных целей международной безопасности.

Несомненно, что универсализация и укрепление режима и механизмов ДНЯО должны быть фундаментом для «адресного» подхода к проблемам нераспространения применительно к отдельным странам и регионам. При этом исключительную важность имеет легитимность любых «адресных» акций, особенно силовых, единство и взаимодействие великих держав и их региональных партнеров.

ЯДЕРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ С ИРАНОМ: ФЕНОМЕН ИЛИ ПРЕЦЕДЕНТ?*

Соглашение от 14 июля 2015 г., озаглавленное «Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД)» Ирана и группы государств «5+1» (Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, КНР и представитель Евросоюза), венчает дипломатический процесс, продолжавшийся в шестистороннем формате только по названному документу два года, а в целом в разных составах и с перерывами около 12 лет. Этот документ призван урегулировать одну из самых острых и сложных проблем международной безопасности последних полутора десятилетий – ядерную программу Исламской Республики Иран (ИРИ).

Когда было заключено промежуточное Соглашение «Совместный план действий» от 24 ноября 2013 г., казалось, что финал диалога близок, окончательная договоренность намечалась на июль 2014 г. Однако на деле успех был достигнут с опозданием на целый год, чemu имелись технические и политические причины. Они рассмотрены в настоящей главе наряду с анализом технических и военно-политических параметров всеобъемлющего Соглашения и его ожидаемых последствий.

Совместный всеобъемлющий план действий – урановый блок¹

Рожденный 14 июля 2015 г. документ чрезвычайно сложен как по форме, так и по содержанию. Что касается второй стороны дела, то сложность состоит не только в реальном ограничительном значении согласованных технических параметров программы ИРИ, но и в том, что в них воплощен дипломатический компромисс, отражающий политические интересы сторон и специфику их современных политических отношений. Еще труднее опередить последствия соглашения для жизнеспособности ДНЯО и укрепления режима и механизмов ядерного нераспространения, т.е. всего того, что являлось официальной целью переговоров. Соглашение начнет выполняться через 90 дней после его принятия всеми участниками переговоров. В самом общем виде, суммируя согласованные положения СВПД, можно сделать следующие оценки.

Во-первых, главный блок ограничений связан с иранским газо-центрифужным потенциалом обогащения урана, который вызывает за рубежом наибольшую

* Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 3. С. 5–15.

¹ США вышли из СВДП в 2018 г., поставив это Соглашение под угрозу краха.

озабоченность, поскольку технически является самым коротким и относительно простым путем к созданию ядерного оружия. Одни и те же каскады центрифуг способны обогащать природный уран (превращенный в газ гексафторид урана – UF₆), до уровня топлива атомных электростанций (3–4% по содержанию изотопа U235) или до оружейного урана (более 90% по изотопу U235). При наличии требуемого объема уранового сырья время наработки достаточного для создания боезаряда количества оружейного урана зависит от качества и числа центрифуг. При этом накопленный для АЭС низкообогащенный уран (НОУ) может быть гораздо быстрее превращен на тех же центрифугах в высокообогащенный оружейный уран (ВОУ), чем природный материал.

Создание обогатительных комплексов для атомной энергетики не запрещено ДНЯО и не требует никаких обоснований – лишь бы они были под гарантиями Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), причем выбор конкретного типа соглашения о гарантиях (более или менее широкого) является предметом переговоров Агентства с каждым отдельным государством на взаимоприемлемой основе. К этому обстоятельству постоянно апеллировал Иран, являясь членом Договора с 1970 г.

Тем не менее мировой опыт свидетельствует, что предприятия ядерного топливного цикла (ЯТЦ) – обогащение урана и сепарация плутония из облученного в реакторах топлива – имеются только у государств, уже обладающих ядерным оружием (причем именно для этих целей ЯТЦ был ими изначально создан) или же у стран, обладающих развитой атомной энергетикой. Без развитой мирной атомной энергетики собственное обогащение урана экономически не оправдано, тем более при обильном и свободном предложении низкообогащенного урана на мировом рынке.

В настоящее время комплексы по обогащению урана, помимо Ирана, есть у 12 стран. Из них США, Россия, Франция, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан, КНДР имеют ядерное оружие и именно для его создания они изначально построили ЯТЦ. Также обогащение есть у Бразилии, которая первоначально создала его тоже для военных целей, но потом от них отказалась. Кроме того, предприятия по обогащению имеют неядерные государства с развитой атомной энергетикой: Япония (54 реактора), Германия (18 реакторов) и Нидерланды (4 реактора). Последние две страны имеют заводы ЯТЦ в рамках многосторонней кампании URENCO (в которой участвуют также Великобритания и США) [1, с. 185–188].

Уникальность положения Ирана состоит в том, что, категорически отрицая наличие военных ядерных планов, он не имеет масштабной мирной атомной промышленности. Пока у Ирана есть только один старый исследовательский реактор в Тегеране, введен в эксплуатацию один энергетический реактор на АЭС в Бушере и строится исследовательский реактор в Араке. Но для самого мощного (1 ГВт) бушерского реактора, по договору с Москвой, сертифицированное топливо должно поставляться Россией. Есть соглашение с Россией по строительству дополнительного двух реакторов в Бушере, а впоследствии возможно сооружение еще 6 блоков, но все это – дело отдаленного будущего. Заблаговременное созда-

ние крупных обогатительных предприятий не оправдано мирными нуждами, тем более что топливо для новых АЭС по сложившейся практике тоже будет поставлять Россия, причем на протяжении всего срока эксплуатации реакторов [2].

Большие подозрения вызывало и то обстоятельство, что строительство иранских обогатительных комплексов велось тайно, в нарушение положений о гарантиях МАГАТЭ: в подземных помещениях в Натанзе (рассчитанных на 50 000 центрифуг) и в Фордо (где может быть размещено 3000 центрифуг), причем завод в Фордо сооружен на глубине 80 метров в скальных породах. Эти объекты были обнаружены из агентурных и разведывательных источников в 2002 и 2009 гг. соответственно. Огромные дополнительные затраты на скрытность и защищенность от авиаударов комплексов по обогащению, способных нарабатывать оружейный уран, явно указывают на военные цели программы. Ведь таким путем спасти от нападения мирную атомную промышленность невозможно, поскольку вся ее остальная инфраструктура, включая АЭС, остается абсолютно уязвимой.

К моменту подписания СВПД Иран имел около 19 000 развернутых центрифуг на двух указанных объектах и запас примерно в 10 тонн произведенного на них низкообогащенного урана. По обобщенным оценкам специалистов, это позволяло наработать около 25 кг оружейного урана, достаточных для одного ядерного боеприпаса, в течение 2–3 мес после принятия политического решения и отказа от контроля МАГАТЭ [3].

Понятно, что создание ядерной боеголовки требует дополнительных работ с оружейным ураном, обычной взрывчаткой, конструированием взрывного устройства, не говоря уже о создании носителей. Однако многие такие работы могут осуществляться параллельно и секретно, причем часть из них, по сведениям МАГАТЭ, тайно выполнена в прошлом, тогда как разработка и испытания баллистических и крылатых ракет открыто продолжается в Иране.

Июльское Соглашение 2015 г., в первую очередь, определяет, что Иран сократит свои обогатительные мощности в Натанзе до уровня, не превышающего 6104 центрифуг первого поколения типа ИР-1, из которых в течение 10 лет не более 5060 центрифуг могут обогащать уран. Остальные центрифуги будут выведены и должны храниться под непрерывным наблюдением МАГАТЭ (в том числе около 1000 усовершенствованных аппаратов типа ИР-2). В течение 8 лет Иран продолжит осуществлять НИОКР в области обогащения, но таким образом, чтобы не осуществлялось накопление обогащенного урана. В течение 10 лет не будут развиваться другие технологии разделения изотопов для обогащения урана (например, лазерный метод). После 10 лет Иран приступит к поэтапному выводу из эксплуатации центрифуг типа ИР-1, которые будут заменяться на новые типы, производство которых в согласованных количествах начнется после 8 лет.

В течение 15 лет обогащение урана под гарантиями МАГАТЭ будет осуществляться исключительно на объекте в Натанзе, запрещено строительство других обогатительных предприятий. На тот же срок не разрешено обогащать уран до уровня выше 3,67%. Запасы НОУ не должны превышать 300 кг. Избыточные

количества низкообогащенного урана (свыше 9 т) будут разбавляться до природного уровня или по рыночной цене поставляться иностранному покупателю (есть понимание, что таким партнером будет Россия [2]) в обмен на природный уран, который будет доставляться в Иран. Остающийся уран с обогащением 5–20% будет использован для производства топлива для Тегеранского исследовательского реактора (ТИР). Любое дополнительное топливо, которое понадобится для ТИР, будет доступно Ирану по международным рыночным ценам.

Другой важнейший блок ограничений обогащения урана связан с заглубленным подземным комплексом Фордо. В течение 15 лет на нем запрещается обогащать уран, вести НИОКР в области обогащения урана, а также размещать любой ядерный материал. Этот объект преобразуется в ядерный, физический и технологический центр международного сотрудничества. Из 2700 центрифуг там останутся 1044 аппарата типа ИР-1, часть которых будет переориентирована на производство стабильных изотопов (в рамках двустороннего сотрудничества с Россией), а другие останутся в нерабочем состоянии. Все остальные центрифуги и связанная с обогащением инфраструктура будут вывезены на хранение под непрерывным наблюдением МАГАТЭ.

В целом, в результате выполнения указанных мер сокращения и ограничения иранской обогатительной деятельности, производственных мощностей и запасов НОУ, объективные возможности Ирана по созданию ядерного оружия, независимо от его политических намерений, существенно снизятся. По усредненным оценкам специалистов, в гипотетическом случае принятия Тегераном решения о создании ядерного оружия, выхода из СВПД и разрыва отношений с МАГАТЭ – наработка достаточного для создания боезаряда количества оружейного урана потребует около 12–14 мес, вместо нынешних 2–3 мес [3].

По идее, это должно предоставить Совету Безопасности ООН или отдельным заинтересованным государствам изрядное время предупреждения о предстоящем пересечении Ираном «ядерного порога» для принятия контрмер политического или иного порядка.

Плутониевый трек

Второй ключевой раздел СВДП связан с другим возможным путем к ядерному оружию – через накопление оружейного плутония, который является продуктом трансформации урана в реакторе (в основном, преобладающего в природном уране изотопа U238) и выделяется (сепарируется) из облученного топлива АЭС. Технология и деятельность по производству плутония тоже не запрещена по ДНЯО, как и международное сотрудничество в их развитии.

Технология сепарации в Иране пока отсутствует, но в Араке строился исследовательский реактор типа ИР-40 на тяжелой воде, которая позволяет использовать природный уран. По проекту реактор должен был нарабатывать в год

примерно 10 кг плутония, что достаточно для 1–2 ядерных зарядов, в зависимости от совершенства их конструкции. Как и с обогащением урана, Иран обосновывал этот проект мирными нуждами и отсутствием запрета такой деятельности в ДНЯО, хотя данный тип реактора плохо подходил для заявленных целей.

Между тем, как и с урановым треком, мировой опыт показывает, что сепарация плутония связана или с созданием ядерного оружия или с развитой атомной энергетикой особого типа, использующей смешанное ураново-плутониевое топливо. Такой энергетики у Ирана нет и не планируется. Технологию наработки плутония имеют сейчас 10 государств: США, Россия, Франция, Великобритания, Китай, Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. Все они создали или создают ядерное оружие на плутониевой основе, хотя первые пять стран заявили, что больше не сепарируют плутоний в военных целях. Также этой технологией обладает Япония, которая использует плутоний для производства смешанного реакторного топлива (МОХ-топлива) [1, с. 185–188].

По новому Соглашению Иран обязан перестроить тяжеловодный реактор в Араке на основе согласованного проекта для использования не природного урана, а урана с обогащением до 3,67%, которое дает меньший выход плутония в отработанном топливе. Эта перестройка будет осуществлена на основе международного партнерства, которое сертифицирует окончательный проект. Реактор обеспечит проведение ядерных исследований в мирных целях и производство радиоизотопов для медицинских и промышленных нужд. Перестроенный реактор в Араке будет нарабатывать около 1 кг плутония в год (а не 10, как по прежнему проекту). Отработанное ядерное топливо из Арака будет вывозиться за пределы Ирана в течение всего срока эксплуатации реактора.

В течение 15 лет Иран не будет сооружать дополнительных тяжеловодных реакторов или накапливать тяжелую воду. Облученное ядерное топливо со всех будущих и имеющихся энергетических и исследовательских ядерных реакторов должно вывозиться за рубеж для использования в мирных нуждах или утилизации, для чего будут заключены контракты с другими странами. Также в течение 15 лет Иран берет обязательство не заниматься переработкой облученного ядерного топлива и не создавать установки для такой переработки за исключением производства медицинских и промышленных радиоизотопов.

Все отмеченные положения надежно закрывают плутониевый путь к атомной бомбе на указанный срок при условии их неукоснительного выполнения.

Еще одно существенное обязательство Ирана – не заниматься разработкой ядерного взрывного устройства, включая работы по металлургии урана или плутония. Превращение уранового газа из центрифуг или выделенного из отработанного топлива плутония в металлическую форму является необходимым этапом работ по созданию ядерного заряда. Сведения о таких исследованиях в прошлом стоят в списке претензий к Ирану со стороны МАГАТЭ.

Контроль над выполнением соглашения и снятие санкций

С рассмотренными обязательствами Ирана связан *третий*, важнейший раздел СВПД – о режиме контроля над соблюдением иранских обязательств и ограничений, который по праву можно считать дипломатическим прорывом.

В первую очередь согласовано, что в соответствии с полномочиями президента и Меджлиса (Парламента) Иран будет на временной основе применять Дополнительный протокол от 1997 г. (ДП-97) к своему соглашению о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ. Создание этого Дополнительного Протокола в 1997 г. явилось важнейшим шагом в укреплении ДНЯО. Протокол наделял МАГАТЭ правом не только проверять соответствие заявленной ядерной деятельности государств реальному положению, но и проверять незаявленные объекты с целью выявления скрытной ядерной деятельности. Иран подписал ДП-97 в 2003 г., но не ратифицировал его в условиях последовавшего роста международной напряженности вокруг его ядерной программы. С тех пор отказ Тегерана от соблюдения ДП-97 был одним из главных пунктов его противоречий с МАГАТЭ и зарубежными странами. Согласно СВПД, Иран обязался приступить к его ратификации в оговоренные сроки.

Важно также, что Иран должен выполнять модифицированный Код 3.1 дополнительных договоренностей к его соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Указанный Код требует от государств информировать МАГАТЭ о всей планируемой на будущее работе в ядерной области сразу после принятия решения, а не за 180 дней до завоза ядерных материалов на объекты, как полагалось по прежнему варианту дополнительных договоренностей. До июльского Соглашения Иран отказывался выполнять это условие.

Присоединение государств к ДП-97 и Коду 3.1 является ключевым направлением укрепления ДНЯО и всего глобального режима ядерного нераспространения. Отсюда – первостепенная важность договоренности с Ираном по этим вопросам.

Еще один существенный пункт СВПД состоит в обязательстве Ирана в полном объеме выполнять согласованную с МАГАТЭ «Дорожную карту по прояснению прошлых и настоящих нерешенных вопросов». Эти вопросы относятся к прошлой деятельности Ирана, которая вызывает подозрения в плане ее военной направленности, которую Иран всегда отрицал. Такая деятельность была одним из основных камней преткновения между Ираном и МАГАТЭ, а требование снять все подозрения содержалось в шести резолюциях СБ ООН по Ирану (в том числе санкционных) за период 2006–2010 гг.

В частности, по американским разведывательным данным, до конца 2003 г. в иранском Центре физических исследований в Тегеране осуществлялась программа исследований под названием План АМАД, в рамках которой Иран получил документацию о технологии производства из обогащаемого в центрифугах газа металлического урана и превращения его в полусферы, применимые только в ядерных боеприпасах. Также исследовались конструкции ядерных

боезарядов и пути адаптации к ним ракетных головных частей, а на объекте Парчин, судя по всему, испытывались бризантные взрывные устройства, необходимые для инициирования ядерной цепной реакции, и устройства электронного подрыва боезаряда.

В конце 2003 г. в контексте раскрытия ядерной деятельности для инспекций МАГАТЭ и подписания ДП-97 эти военные проекты были приостановлены, согласно Национальным разведывательным оценкам (НРО) США по Ирану, подготовленным в 2007 г. [4, с. 6–8; 5, с. 348–349]. Однако, согласно докладу МАГАТЭ от 2011 г., позднее работы по Плану АМАД были возобновлены [6]. Такие же выводы содержались в новом документе американских НРО в 2011 г. [7].

По Соглашению прояснение с МАГАТЭ всех спорных вопросов о прошлой ядерной деятельности Ирана должно быть завершено, а Генеральный директор Агентства представит Совету управляющих окончательную оценку по разрешению всех прошлых и настоящих нерешенных вопросов.

В целом, Иран согласился на беспрецедентный масштаб мониторинга намеченных в Соглашении мер в соответствии со сроками их действия, в том числе: мониторинг в течение 25 лет в отношении концентратра урановой руды, производимого на всех иранских предприятиях по производству этого материала; меры наблюдения в течение 20 лет за сохранением складированных главных агрегатов центрифуг; использование новейших технологий МАГАТЭ по измерению уровня обогащения в режиме реального времени и применению электронных печатей; создание механизма по оперативному урегулированию возможных озабоченностей МАГАТЭ по поводу доступа на объекты в течение 15 лет.

Наконец, *четвертый*, главный раздел СВДП относится к встречным обязательствам группы «5+1», принятым в обмен на иранские уступки. В соответствии с резолюцией СБ ООН по одобрению нового Соглашения будут отменены все положения прошлых резолюций Совета Безопасности по иранскому ядерному вопросу: 1696 (2006), 1737 (2007), 1747 (2007), 1803 (2008), 1835 (2008), 1929 (2010), 2224 (2015) – одновременно с проверкой МАГАТЭ выполнения Ираном согласованных мер в ядерной сфере.

Европейский союз должен отменить все положения Регламента ЕС, вводящие в действие экономические и финансовые санкции в связи с ядерной деятельностью Ирана (включая санкционные списки физических и юридических лиц), одновременно с верификацией выполнения Соглашения со стороны МАГАТЭ. То же сделают США после вступления СВДП в силу параллельно с проверкой МАГАТЭ выполнения Ираном согласованных мер. Группа «5+1» предпримет административные и нормативные меры для обеспечения ясности в отношении отмены санкций. Кроме того, группа «5+1» и Иран согласуют меры обеспечения доступа Ирана к сферам торговли, технологий, финансов и энергетики, включая экспортные кредиты для содействия торговле и инвестициям в Иране.

Для разрешения возможных споров и претензий по реализации СВДП создается Совместная Комиссия из представителей всех семи стран и эмиссара Евросоюза, заключивших соглашение. Если по запросу какой-либо стороны Комиссия

не сможет прийти к согласию за 15 дней, то дело передается министрам иностранных дел для урегулирования в течение еще 15 дней. В случае неудачи заинтересованная сторона может обратиться в СБ ООН или прекратить соблюдать Соглашение. Тогда санкции автоматически возобновляются через 30 дней, если СБ ООН не примет решение о сохранении режима отмены санкций (на что может наложить вето любой постоянный член Совета Безопасности). Таким образом, создан механизм сдерживания от нарушений СВПД: если бы новая резолюция СБ ООН требовалась не для сохранения режима снятия санкций, а для их возобновления, то разногласия великих держав могли бы этому помешать и тем самым оставить нарушение Соглашения безнаказанным.

Совместная Комиссия наделена правом контроля иранского импорта технологий и материалов ядерного и двойного назначения, чтобы исключить тайное нарушение СВПД и обеспечить механизм транспарентности международного сотрудничества ИРИ в этой сфере.

«На полях» Соглашения было решено еще два вопроса: об иранской программе развития ракетных технологий и поставках Ирану извне вооружений и военной техники (ВиВТ). Они стали предметом серьезных разногласий между участниками переговоров, в том числе внутри группы «5+1». Требование прекратить ракетную программу и запрет на поставки определенной номенклатуры ВиВТ второе содержались в резолюциях СБ ООН, но на переговорах не удалось добиться прекращения иранской ракетной программы. В итоге было решено установить «разрешительный режим» поставок Ирану обычных ВиВТ на пять лет (при котором поставки должны проходить утверждение в СБ ООН) и продлить эмбарго на продажу ракетных технологий на восемь лет. Оба режима могут быть сняты раньше, если МАГАТЭ представит Расширенное Заключение об отсутствии в Иране незаявленного материала и незаявленной деятельности.

Соглашение от 14 июля 2015 г., несомненно, может стать крупнейшим позитивным прорывом в дипломатическом урегулировании иранской ядерной проблемы и предотвращении новой войны в Заливе с катастрофическими последствиями для региона и всего мира. Также СВПД может явиться историческим вкладом в укрепление ДНЯО и всего режима и механизмов ядерного нераспространения, сравнимым с эффектом присоединения к Договору КНР и Франции в 1992 г., бессрочного продления Договора в 1995 г. и создания Дополнительного Протокола в 1997 г. Все это – при условии вступления Соглашения в законную силу, его неукоснительного соблюдения всеми сторонами и конструктивного решения спорных вопросов, которые неизбежно возникнут в ходе имплементации.

Соглашение и баланс интересов сторон

Суммарно последствия СВПД можно оценивать как в узком плане – применительно к ядерной программе Ирана, так и в широком контексте влияния на региональные и глобальные проблемы ядерного нераспространения.

В иранском разрезе Соглашение существенно ограничивает, сокращает и перестраивает иранский ядерно-технический комплекс, программу его развития, запасы и качество ядерных материалов, а также запрещает деятельность потенциально военного характера. Устанавливается беспрецедентный режим транспарентности и система контроля МАГАТЭ, выходящая далеко за прежние рамки практики Агентства. Объективно (независимо от субъективных намерений Тегерана) в течение последующих 10–15 лет практически исключается создание Ираном ядерного оружия, как и сколько-нибудь значительная тайная деятельность военного характера. В этом смысле СВПД значительно углубляет ограничительные положения ДНЯО применительно к иранскому случаю.

В то же время Соглашение является продуктом дипломатического компромисса, достигнутого в специфических политических условиях. С одной стороны, на линию ИРИ решающее влияние оказал вызванный внешними санкциями экономический кризис, повлекший в июне 2013 г. смену власти на президентском уровне и проявление новым руководством реальной готовности к компромиссу. Хотя официальные российские представители утверждают, что успех был достигнут «...только когда коллеги в США и ЕС осознали ошибочность своей санкционной политики» [2], в мире преобладает мнение, что дело обстояло как раз наоборот. Иначе снятие санкций предшествовало бы Соглашению, а не планировалось по мере выполнения его Ираном, да еще с механизмом автоматического возврата в случае невыполнения.

Правда, санкции Совета Безопасности ООН в 2006–2010 гг. не изменили позицию Ирана. При этом Россия (и КНР) всегда стремились смягчить санкции, утверждая, что такие меры не принесут желаемых плодов. И действительно, они не возымели эффекта – в ответ Иран последовательно наращивал атомный потенциал двойного назначения и играл в «кошки-мышки» с МАГАТЭ. Только принятие жестких односторонних санкций США и Евросоюза в 2012 г. оказали ощутимое воздействие на Иран².

С другой стороны, позицию Ирана объективно усиливало резко изменившаяся с конца 2013 г. международная панорама. Во-первых, оказалась расколота коалиция стран, которые вели с Ираном переговоры. Напомним, что изначально переговорная линия группы «5+1» (во всяком случае, со стороны Запада и из-за кулис – Израиля) подспудно строилась на угрозе еще более тяжелых санкций и даже военных акций, если он не пойдет на уступки. Но вскоре после подписания временного соглашения в ноябре 2013 г. начался украинский кризис. Члены «5+1»: Россия и США (вместе с их союзниками) начали взаимно применять жесткие экономические санкции, свернули почти все направления

² Из-за нефтяного эмбарго с января 2012 г. по март 2013 г. объем нефтедобычи в Иране сократился с 3,8 до 2,7 млн баррелей в сутки, а экспорт с 2,4 до 1,3 млн баррелей. В ежегодном исчислении Иран недополучал до 50 млрд долл., а, по прогнозам Всемирного Банка, экспортные нефтяные доходы должны были снизиться со 120 млрд долл. в 2011–2012 гг. до 23 млрд долл. в 2015 г. Кризис был усугублен отключением Ирана от банковской системы SWIFT. По данным МВФ, к 2013 г. темпы роста иранской экономики снизились до 0,4%, стоимость риала упала на 40%, инфляция в стране составила до 41%, порядка 67% предприятий оказались на грани банкротства.

сотрудничества, вступили в небывалое за последние десятилетия военно-политическое противостояние, проводят угрожающие военные демонстрации друг против друга. Они фактически стали противниками, хотя должны были быть партнерами на переговорах с Ираном. Запад начал воспринимать Россию, как более серьезную угрозу, чем Иран с его ядерной программой.

В позициях США и их союзников цели максимально жесткого ограничения иранской атомной программы и в обмен на это отмены санкций друг другу не противоречили. Для Китая серьезных дилемм тоже не возникало.

Положение России было намного сложнее. Договоренность с Тегераном обещала открыть дорогу иранскому экспорту нефти, а впоследствии и газа, что повлечет дальнейшее снижение мировых цен на энергоносители, от которых зависит российская экономика и финансы (доля минеральных ресурсов в ее ВВП – 30%, а в прямых поступлениях в федеральный бюджет – 50%). Кроме того, Иран способен (и на это он уже намекал) в значительной мере заместить Россию в качестве источника нефти и газа для Европы, то есть лишить ее важнейшего рычага поддержки своих интересов в отношениях с Евросоюзом и Украиной. Наконец, урегулирование отношений США с Ираном уменьшит его экономическую и политическую зависимость от России, а значит – ослабит как влияние последней в регионе, так и ее позиции в отношениях с Западом в качестве государства, способного влиять на Иран.

В условиях конфронтации с НАТО и Евросоюзом Москва была больше заинтересована в укреплении отношений с Тегераном. Вообще говоря, Россия никогда не испытывала особого беспокойства по поводу иранской ядерной программы и верила (во всяком случае официально) в ее мирный характер. Интересно, что в качестве целей своей линии Москва упоминает не укрепление режима ядерного нераспространения, а подтверждение мирного характера иранской программы [2]. Знаменательно, что такое «подтверждение» потребовало сокращения втрое иранского обогатительного комплекса, перестройки и закрытия ряда ключевых объектов, радикального свертывания атомной деятельности.

Несмотря на указанные моменты, в политике России перевесили мотивы участия в важнейших многосторонних переговорах и влияния на их исход, предотвращения новой войны в Заливе и расширения экономического и военно-технического сотрудничества с ИРИ после снятия санкций. Хотя на завершающем этапе главную роль играл диалог Ирана и США, Россия внесла вклад в решение ряда вопросов (вывоз избыточного НОУ в обмен на природный уран, перепрофилирование центра Фордо, детали транспарентности, принятие резолюция 2231 СБ ООН и пр. [2]).

При этом параллельно Москва расширяла сотрудничество с Тегераном, укрепляя его политические позиции. Речь идет о сделке «нефть в обмен на товары», контрактах на новые реакторы и поставки вооружений, продвижение Ирана в члены ШОС. (Кстати, программа строительства новых атомных реакторов помогает Ирану обосновывать потребность в эвентуальном расширении потенциала обогащения урана.)

В ходе финального этапа переговоров после предварительного Соглашения от ноября 2013 г. ситуацию усложняло также воздействие политической борьбы в Иране (группировка аятоллы Хаменеи против президента Роухани) и внутри США (республиканская большинство в Конгрессе против президента Обамы), важнейшим объектом которой стали условия Соглашения.

Еще один политический фактор – наступление исламских экстремистов в Сирии и Ираке, в борьбе с которыми Иран стал объективным союзником Запада, не говоря уже о России.

Понятно, что ряд отмеченных моментов оценивались в Тегеране как обстоятельства, усиливавшие его позиции на переговорах, и было бы странно, если бы Иран не ужесточил свою линию по некоторым вопросам. Естественно, они состояли в том, чтобы по возможности смягчить ограничения своей ядерной программы и контроль над ней со стороны МАГАТЭ. Можно предполагать, что наряду с техническими сложностями это повлекло затягивание дипломатического процесса: срок заключения всеобъемлющего соглашения отложился на целый год: с июля 2014 г. до ноября 2014 г. и в конечном итоге – до середины июля 2015 г.

Что касается существа дела, то ряд положений промежуточного «Совместного плана» от ноября 2013 г., утвержденных тогда для включение в окончательный документ, не были выполнены в полной мере или остались неясными. Главное из них – необходимость определения взаимно согласованных параметров программы обогащения урана, соответствующих практическим потребностям Ирана. В свете имеющегося и ожидаемого в обозримый период спроса Ирана на ядерное топливо, никакой потенциал обогащения урана там вообще экономически не оправдан. Потребности энергетической АЭС в Бушере и планируемых там дополнительных блоков должны обеспечиваться поставщиком (Россией), а исследовательского реактора в Тегеране – за счет использования остающегося НОУ или внешних закупок по международным рыночным ценам.

Разрешение сохранить из 19 000 центрифуг 5060 работающих аппаратов в Натанзе в течение 10 лет – это чисто дипломатический компромисс между начальными «запросными» позициями сторон. Парадокс в том, что такого числа центрифуг недостаточно для обеспечения АЭС (даже если бы Иран опирался на собственное производство топлива). Но их хватило бы для создания атомной бомбы – при наличии нужного объема НОУ и достаточного времени для наработки из него оружейного материала. Разрешенный Ирану потенциал может служить технологическим заделом для возможного будущего наращивания и модернизации обогатительных мощностей.

Еще один момент связан с объектом Фордо: Иран сохранит глубокий подземный защищенный завод, на котором через 10 лет сможет эксплуатировать центрифуги без обогащения урана, а через 15 лет с любым уровнем обогащения [3].

Выполнение Дополнительного Протокола от 1997 г. будет применяться Ираном «на временной основе», что ставит объем допускаемых инспекций в зависимость от доброй воли принимающей стороны. При этом сроки ратификации ДП-97 остаются неопределенными. Также сохраняется неясность с доступом

МАГАТЭ на объекты, которые напрямую не относятся к атомной инфраструктуре, но могут быть связаны с созданием ядерного оружия. (Например, состоявшийся после Соглашения визит инспекторов МАГАТЭ на такой объект – Парчин выявил произведенную заблаговременно перестройку комплекса, которая могла скрыть прошлые работы по обычным зарядам в качестве «запалов» ядерных взрывных устройств.) Процесс разрешения такого рода конфликтов в Совместной Комиссии и СБ ООН достаточно длителен.

В целом фундаментальная дилемма СВПД состоит в том, как он повлияет на долгосрочные планы Ирана. А именно: возобновит ли он ограниченные и свернутые по Соглашению программы двойного назначения и сохранит ли режим транспарентности по истечении сроков СВПД (10–15 лет) – поправив свое экономическое положение и упрочив региональное политическое доминирование благодаря снятию санкций? Или, встав на путь включения в мировую экономику и политику, Иран согласится продлить Соглашение и прекратит все ядерные проекты, не оправданные с точки зрения «мирного атома» и вызывающие озабоченность за рубежом? Предсказать это сейчас невозможно – слишком многое зависит от эволюции внутренней ситуации в Иране, региональной и мировой политики, в том числе степени единства великих держав по этому вопросу.

Впрочем, упомянутые и некоторые другие недостатки СВПД не опровергают его суммирующую положительную оценку. Реалистическая альтернатива Соглашению не в возможности еще лучшего документа, а в провале переговоров со всеми вытекающими последствиями. Однако указанные и другие моменты должны быть в центре внимания как повод возможных будущих разногласий и предмет дополнительных договоренностей по имплементации СВПД.

СВПД и перспективы ядерного нераспространения

Намного сложнее обстоит дело с оценкой Соглашения в *широком контексте* влияния на региональные и глобальные проблемы ядерного нераспространения. Сам факт договоренности укрепляет режим нераспространения, поскольку новая война в заливе или выход Ирана на «ядерный порог» нанесли бы по ДНЯО тяжелейший удар.

Вместе с тем сохранение Ираном определенного обогатительного потенциала и возможность его наращивания после истечения срока СВПД создает прецедент для других стран, в том числе в регионе. Они получают основания сделать заявку на создание атомных реакторов и своего топливного цикла, не обусловленного экономическими потребностями и имеющего двойное назначение. Это обстоятельство стало одним из аргументов критики Соглашения со стороны оппозиции в США, руководства Израиля и других государств [8].

Избежать таких последствий можно, если поставки им ядерных технологий и материалов будут обусловлены ограничениями с использованием прецедента СВПД. Но тут возникает другой спорный вопрос: об универсализации ограничи-

тельных положений и режима транспарентности Соглашения в качестве норм укрепления ДНЯО.

Как известно, Россия твердо придерживается позиции, что СВПД – это исключительно иранская модель, не применимая к другим государствам, что и зафиксировано в СВПД и документах МАГАТЭ. Показательно, что в комментариях высокопоставленных официальных лиц к Соглашению российские интересы, как отмечалось выше, сводятся к предотвращению войны в Заливе и расширению экономического и военного сотрудничества с Ираном, а укрепление ДНЯО практически не упоминается [2]. Это не удивительно, раз даже новая редакция Военной доктрины РФ от декабря 2014 г. ставит ядерное распространение лишь на 6-е место в списке приоритетных внешних военных опасностей [10]. Видимо, Москва считает достаточным соблюдение буквы Договора и выступает против ужесточения его ограничений и мер контроля. В России существует весомое мнение, что такие меры основаны на субъективизме и направлены исключительно на ее вытеснение с мирового рынка ядерных технологий и материалов [10]. При этом российская дипломатия нацеливается на всемерное расширение ядерного экспорта [11].

Позиция Китая не ясна, но, видимо, как и по многим другим темам, он занимает промежуточное положение между Западом и Россией. Китайские официальные лица акцентировали роль Пекина в успехе переговоров и осторожно выражали надежду, что Соглашение с Ираном будет способствовать решению ядерной проблемы КНДР [12].

Соединенные Штаты и их союзники, скорее всего, будут пытаться использовать положения Соглашения как прецедент для применения к другим странам, развивающим атомную энергетику и науку. В зависимости от перспектив расширенного применения принципов и норм СВПД определится его региональное и глобальное влияние на дело нераспространения ядерного оружия.

Безусловно, статьи ДНЯО не подлежат ревизии. Но в то же время, Договор и весь режим настоятельно требуют мер укрепления путем согласования дополнительных общих пониманий и интерпретаций его положений. Кстати, так и происходило в прошедшие годы, например, через расширение и углубление гарантий МАГАТЭ (Дополнительный Протокол 1997 г., пересмотренный код 3.1 Дополнительных соглашений), согласование экспортного контроля в Комитете Цангера, объединившегося в 1992 г. с Группой ядерных поставщиков и пр. К этому же относятся усилия по созданию международных центров обогащения урана вместо национальных предприятий, образование резервных банков НОУ, изъятие ВОУ из стран с исследовательскими реакторами и переоборудование их под НОУ. Продолжать этот курс особенно важно в свете ожидаемого роста мировой атомной энергетики (по мощность – на 45% к 2035 г. [13]) и грядущего распространения ядерных технологий и материалов в нестабильные регионы Азии и Африки³.

³ Всего в мире (по данным на январь 2013 г.) эксплуатируются 435 энергетических реакторов, строятся – 65, запланировано – 167, предложены проекты – 317.

Такая работа должна быть основана на единой позиции великих держав и неядерных государств, приверженных цели нераспространения. Разработанный почти полвека назад ДНЯО нуждается в конкретизации многих ключевых понятий, начиная с термина «ядерное оружие». Нет общего понимания конкретики положений «не передавать ядерное оружие», «не принимать ядерное оружие»⁴ (Ст. I и II). Неясно, что означает «прекращение гонки вооружений», не говоря уже о «ядерном разоружении» (Ст. VI). Непонятно, как определяется факт «обладания ядерным оружием» (Ст. IX), применительно к возможным будущим нарушителям Договора (только по натурному испытанию или по информации о тайном создании боеприпаса?). Нет детализации процедуры выхода из Договора и обоснования выхода в связи с «исключительными обстоятельствами» (Ст. X). Самое главное, в ДНЯО нет четкого разграничения между мирным и военным использованием атомной энергии, особенно в части технологий и материалов топливного цикла [14].

Как показал опыт Ирана, Северной Кореи и решения проблем, возникавших с другими странами, принцип: «все, что прямо не запрещено – позволено», недопустимо применять к ДНЯО. Любые работы и программы потенциально двойного назначения для неядерных стран – членов Договора должны иметь убедительное и согласованное с МАГАТЭ (а при необходимости – и с СБ ООН) обоснование мирными нуждами. Именно в этом, помимо решения конкретных вопросов, Соглашение от 14 июля 2015 г. создало полезный прецедент, хотя в нем самом он реализован не в полной мере. Несомненно, многие положения СВПД в части ограничения ядерных программ и установления режима транспарентности должны получить дальнейшее развитие как общий принцип и использоваться для укрепления глобальной системы и режимов ядерного нераспространения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Feiveson H.A., Glaser A., Mian Z., Von Hippel F.N.* Unmaking the Bomb. A Fissile Material Approach to Nuclear Disarmament and Nonproliferation. Cambridge: The MIT Press, 2014. 277 p.
2. Transcript of a Meeting With Russian Deputy Foreign Minister Sergey Ryabkov. Available at: http://ceness-russia.org/data/page/p1494_1.pdf (accessed 22 October 2015).
3. *Perkovich G., Hibbs M., Acton J.M., Dalton T.* Parsing the Iran Deal. Available at: <http://carnegieendowment.org/2015/08/06/parsing-iran-deal/iec5> (accessed 22 October 2015).

⁴ Характерное противоречие такого рода связано с наличием тактического ядерного оружия США в Европе и обучением его применению союзников по НАТО, что Россия квалифицирует как нарушение ДНЯО.

4. Iran: nuclear intentions and capabilities. Available at: http://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/20071203_release.pdf (accessed 22 October 2015).
5. *Kile Sh.N.* Nuclear Arms Control and Non-Proliferation // SIPRI Yearbook 2008. Armaments, Disarmament and International Security / Gill B. (ed.) Oxford: Oxford University Press. 604 p.
6. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2011-65.pdf> (accessed 22 October 2015).
7. *Miller G., Warrick J.* U.S. report finds debate in Iran on building nuclear bomb. Available at: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/18/AR2011021805632.html> (accessed 22 October 2015).
8. *Sharon A.D.* Jewish Institute for National Security Affairs: Iran deal a «huge blunder». Available at: http://www.jns.org/jns-blog/2015/7/17/f8x9oov6xeyvynwxute75727su754#.Va0dX_lViko (accessed 22 October 2015).
9. The Military Doctrine of the Russian Federation. Available at: http://malaysia.mid.ru/web/embassy-of-the-russian-federation-in-malaysia/press-release//asset_publisher/rAwX0ikSv3ua/content/29-06-2015-the-military-doctrine-of-the-russian-federation?redirect=http%3A%2F%2Fmalaysia.mid.ru%2Fweb%2Fembassy-of-the-russian-federation-in-malaysia%2Fpress-release%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_rAwX0ikSv3ua%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D1 (accessed 22 October 2015).
10. Statement by the Head of the Delegation of the Russian Federation, Ambassador-at-Large Grigory Berdennikov at the Symposium on International Safeguards: Linking Strategy, Implementation and People. Available at: https://www.iaea.org/safeguards/symposium/2014/images/pdfs/Russian_Statement.pdf (accessed 22 October 2015).
11. Meeting with Russian Ambassadors and Permanent Representatives in International Organizations. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/15902> (accessed 22 October 2015).
12. *Chen Mengwei.* Iran Deal 'Not Right Blueprint' for Korean Peninsula. Available at: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2015-07/29/content_21440075.htm (accessed 22 October 2015).
13. *Chestney N.* World Nuclear Capacity Set to Grow by 45 Percent by 2035. Available at: <http://www.reuters.com/article/2015/09/10/us-energy-nuclear-idUSKCN0RA14220150910> (accessed 22 October 2015).
14. *Burnes W.J.* The Fruits of Diplomacy with Iran. Available at: http://www.nytimes.com/2015/04/03/opinion/a-good-deal-with-iran.html?ref=opinion&_r=0 (accessed 22 October 2015).

ЧАСТЬ IV

ВНУТРЕННИЕ ИСТОКИ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В ПОИСКАХ СВЕТА В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ*

Никогда прежде не было так трудно давать оценку отношений Москвы и Вашингтона. Были времена очень плохие и предсказуемые — как в четыре десятилетия холодной войны. Был хороший и конструктивный период со второй половины 1980-х до второй половины 2000-х годов. Было позитивное, но неопределенное положение, как в 2009–2011 гг. Однако сейчас имеет место ситуация плохих и в то же время крайне непредсказуемых отношений. После победы Дональда Трампа на выборах 2016 г. прошло менее года, и потому подводить итоги его президентству, как и новой фазе российско-американских отношений, пока рано. Однако некоторые предварительные наблюдения сделать уже можно.

Во-первых, большинство радикальных новаций внешней политики, провозглашавшихся Трампом в ходе предвыборной кампании, подвергаются нивелированию под воздействием международных реалий и беспрецедентному давлению двухпартийной оппозиции внутри страны. Во-вторых, самое большое «обтесывание» политических намерений Трампа (или, во всяком случае, его предвыборных деклараций) имеет место на российском направлении. Здесь не только не случилось позитивных прорывов, но происходит дальнейшее ухудшение. Курс в отношении России стал главным объектом давления оппозиции, в которой сплотились консерваторы и почти все умеренные и либералы. Поэтому, как ни парадоксально, на треке отношений с Москвой самый антилиберальный президент в новейшей истории США оказался более уязвим, чем его либеральные предшественники (Джон Кеннеди, Джимми Картер, Билл Клинтон и Барак Обама).

* Московский Центр Карнеги [сайт]. 12 июля 2018 г. URL: <https://carnegie.ru/2018/07/12/ru-pub-76803> (дата обращения: 26.12.2018).

В-третьих, робкие попытки нормализовать взаимодействие (Сирия, Украина) дают слабый эффект, поскольку наталкиваются на противодействие влиятельных внутриполитических интересов в США и России и касаются многофакторных проблем с большим числом внешних участников. В то же время, в силу политических особенностей и приоритетов обоих правительств, игнорируется та сфера отношений, где успех может быть достигнут быстро, на двусторонней основе и с огромной пользой для международной безопасности. Речь идет о контроле над ядерным оружием. Сотрудничество двух держав в этой сфере должно быть выше любых текущих политических противоречий и персональных качеств их лидеров.

Состояние дел

Состояние российско-американских отношений теперь зачастую характеризуют как новую холодную войну. Чтобы определиться с этим вопросом, вспомним признаки «старой» холодной войны.

Период международных отношений с конца 1940-х до конца 1980-х годов не был однообразным на всем своем протяжении, но имел ряд отличительных характеристик. Среди них – преобладающая биполярность международной политики и глобальное соперничество «с нулевой суммой»¹ двух главных международных коалиций во главе с США и СССР. Эти коалиции представляли собой две различные экономические и политические системы и вели непримиримую идеологическую борьбу друг с другом. Практически во всех международных конфликтах они поддерживали противоположные стороны, хотя избегали прямого вооруженного столкновения друг с другом. Также США и СССР во главе своих союзов вели беспрецедентную по масштабам и темпам гонку ядерных и обычных вооружений.

Многие события и процессы последних лет напоминают тот период. Пять лет назад Россия отказалась от «европейского пути» развития (в смысле построения либеральных демократических норм и институтов и интеграции с Западным сообществом государств). Был взят курс на активную дипломатию, укрепление и применение военной мощи с целью восстановления статуса России как самостоятельного глобального центра силы и локомотива коалиций (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС), противостоящих глобальному доминированию США.

Как и следовало ожидать, США и их союзники – с некоторым запозданием и с немалыми разногласиями – встали на курс противодействия России. С 2013 г. в ходе украинского кризиса резко обострилось соперничество России и Запада за доминирование на постсоветском пространстве и влияние в прилегающих регионах (Ближний и Средний Восток, Центральная и Южная Азия, Северная

¹ В теории игр нулевой суммой называют модель отношений, когда выигрыш одной стороны равен проигрышу другой.

Африка, избирательно – Латинская Америка, Дальний Восток). После присоединения Крыма к России и разрастания конфликта на Донбассе Запад начал войну экономических санкций. Возрождается военное противостояние России и США/НАТО в зонах Балтийского и Черного морей, в Арктике и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): наращивание военного присутствия, крупные воисковые учения, рискованные сближения кораблей и самолетов.

Начинается новый цикл гонки ядерных и обычных, наступательных и оборонительных вооружений (в том числе средств кибервойны, а в перспективе – космических систем). Построенная за несколько десятилетий система договоров и режимов контроля над вооружениями вступила в стадию кризиса и распада. Опасность большой войны России и США, в том числе с применением ядерного оружия, которая казалась навсегда ушедшей в прошлое, вновь нависла над Европой и всем миром.

Даже в случае благоприятного (не силового) развития ситуации на Украине и если удастся избежать вооруженного столкновения России и США в Сирии, преодолеть этот всеобъемлющий кризис одномоментным пакетом соглашений не получится. Его корни имеют не только международный, но также внутриполитический и идеологический характер, вопреки прошлым надеждам на «конец истории» в результате краха коммунизма в Европе.

В частности, вопреки распространенному мнению, что между Россией и Западом, в отличие от прошлого, теперь нет идеологической борьбы – она есть. Только теперь это не соперничество коммунизма и капитализма, а раскол между либерально-демократической и авторитарной государственно-монополистической моделями последнего. Конечно, эти модели не гомогенны и имеют внутривидовые различия как на Востоке (Россия, Китай, их партнеры по ШОС и БРИКС), так и на Западе (страны НАТО и Евросоюза, союзники США в Азии), причем с приходом администрации Трампа эти различия будут углубляться. Однако две господствующие идеологии стали весьма явными, наряду с третьей – в лице воинствующего исламского фундаментализма.

В правящем классе России в последние годы «либеральная демократия» стала чуть ли не ругательным термином, каким в прошлом была «буржуазная идеология». Трудно сейчас поверить, что несколько лет назад президент Владимир Путин заявлял: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире»². А незадолго до того президент Дмитрий Медведев писал: «Модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества»³. Сегодня за такие слова, хоть и не посадят (как

² Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/17118/print>

³ Обращение президента – Дмитрий Медведев: Россия, вперед! // Газета.Ru. 10.09.2009 (www.gazeta.ru/.../09/10_a_3258568.shtml).

было бы в СССР), но любой чиновник или депутат от правящей партии мгновенно вылетел бы с работы.

Знамением времени в России стали абсолютный суверенитет (самодостаточность, импортозамещение) и особый «евразийский путь» России на основе ее традиционных ценностей (которые Путин назвал «скрепами»). К таковым относится великороджавие, всесильная бюрократическая вертикаль с опорой на силовые структуры, православная духовность, патриотизм и народное единство, оборонная мощь для защиты от враждебного окружения.

Нередко сокровенные идеологические наклонности того или иного лидера ярче проявляются в оговорках и импровизациях, нежели в пространных официальных речах. Так, недавно Путин поставил под сомнение общепринятое мнение о кровавом изуверском правлении царя Ивана Грозного: «...Придумал это все папский нунций, который приехал на переговоры и пытался православную Русь превратить в католическую. И когда Иван Васильевич ему отказал и послал его по известному адресу, возникли всякие легенды. Из него сделали Ивана Грозного, такого супержестокого человека. Этот способ борьбы с нашей страной постоянно идет. Как возникает конкурент какой-то, сразу все другие участники процесса думают: надо его притормозить»⁴. Вопреки мнению русских историков Карамзина, Ключевского и Соловьева, президент России обозначил совершенно иное видение исторической преемственности внутренней и внешней политики страны.

Впрочем, Путин – мастер преднамеренной двусмысленности. Другой случай имел место, когда он вручал премии талантливым детям и спросил у одного из них: «Где кончаются границы России?» Вундеркинд на это ответил: «У Берингова пролива». Но президент его поправил: «Границы России не кончаются нигде». Правда, он не уточнил, имел ли он в виду великую русскую культуру и безбрежный метафизический менталитет или что-то иное – к немалому смущению соседних стран.

В отличие от советской эпохи, формирующаяся идеология современной России весьма эклектична, ее не навязывают другим странам, она имеет скорее оборонительный (оградительный), нежели экспансионистский характер. Правящая элита отвергает либеральную демократию для России и открыто или негласно солидаризируется с иностранными режимами, противостоящими Западу. Советский Союз поддерживал такие страны в надежде, что они построят социализм, а Россия – чтобы им и ей самой не навязывали западные демократические нормы и институты. Все эти режимы являются авторитарными или тоталитарными (Белоруссия, Азербайджан, постсоветская Центральная Азия, Китай, Северная Корея, Сирия, Куба, Венесуэла, Боливия, и даже член НАТО – Турция, а в прошлом – Ирак, Ливия), хотя далеко не все государства Западной ориентации представляют собой демократии.

Не следует преуменьшать силу православно-патриотической идеологии и обращения к национальным истокам. Этот настрой осознано или инстинктив-

⁴ Цит. по: Пять мнений об одном преступлении // Дилетант. Сентябрь. 2017. № 021. С. 55.

но близок большинству российского общества после травмирующего распада империи, обнищания и хаоса 1990-х годов, раз渲ла армии, внешнеполитических унижений (особенно – войны НАТО против Югославии в 1999 г.). В этом отличие идеологии Путина от коммунистических догматов, которые советский народ не понимал и в которые на закате империи никто не верил.

Что касается российско-американских противоречий, то, как и во времена холодной войны, стороны совершенно по-разному воспринимают причины возникшего противостояния. Официальная версия недавней истории России, по взглядам нового правящего класса⁵, сводится к тому, что Запад развалил СССР, способствовал политическому хаосу на его пространстве, экономическо-му и военному ослаблению России (по этой версии от окончательного краха и расчленения страну спас только ядерный потенциал⁶). В 1990-е годы Запад пытался в экономическом и военно-политическом отношениях подчинить Россию, окружить ее странами и военными базами НАТО и разграбить ее природные ресурсы⁷. Поэтому после окончания холодной войны безопасность России не росла, а снижалась. Когда, начиная со второй половины 2000-х годов, и еще более решительно после 2012 г., Российское государство под руководством Путина стало бороться за свой суверенитет и статус глобальной державы, восстанавливать оборону, возрождать традиционные ценности и собирать «русский мир» – США и их союзники возродили политику холодной войны. Они встали на курс изоляции и сдерживания России, стали разрушать ее экономику санкциями и пытаются девальвировать ее ядерный потенциал за счет развертывания системы ПРО и высокоточных стратегических неядерных вооружений.

Западная версия заключается в том, что в 1990-е годы внутреннее развитие и отношения России с США и их союзниками шли по верному пути⁸. Но в начале 2000-х годов посткоммунистическая номенклатура решила навечно закрепить свои власть и богатство путем свертывания демократии, взамен предоставляемому населению растущие блага от высоких цен на экспортные нефть и газ. Тем самым экспортно-сырьевой характер экономики и авторитарная политическая система были «зацементированы». Когда после 2012 г. начался экономический кризис, а высокие цены на углеводороды упали, правящий класс встал

⁵ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

⁶ В своей программной статье по военной политике в 2012 г. Путин подчеркнул: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять. Именно он помог нам сохранить государственный суверенитет в сложнейший период 90-х годов». (Путин В.В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Российская газета. 20 февраля 2012 г.)

⁷ Еще в ходе предвыборной кампании 2012 г. Путин заявил: «У нас есть огромная территория, колоссальная, нам нужно обеспечить абсолютную ее защиту так, чтобы никакого желания ни у кого не было даже сюда сунуться. И вот эти разговоры о том, что глобальные ресурсы не должны принадлежать одной стране, – чтобы забыли просто об этом, на эту тему вообще разговаривать». URL: <http://government.ru/special/docs/18248/>

⁸ Legvold R., Trenin D. A Conversation with Robert Legvold on the US-Russia Relations. September 22, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/09/22/conversation-with-robert-legvold-on-u.s.-russian-relations-event-5126>

на путь консолидации авторитаризма, вражды с демократическим Западом, гонки вооружений и территориальных захватов⁹.

Видимо, Трамп не ведал этой истории и собирался строить отношения с Москвой «с чистого листа». Однако Путин, как вся российская и американская политические элиты, были свидетелями и прямыми участниками событий последнего двадцатилетия. Поэтому отмеченные различия в интерпретации недавнего прошлого самым серьезным образом отягощают перспективы отношений России и США.

Обида России

Придя в Кремль в 2000 г., Путин стремился укрепить власть внутри страны за счет всемерной консолидации государственных структур и расширения их контроля над обществом. Во внешней политике он стремился продолжать сотрудничество с Западом, но строить его на равноправных условиях, причем для этого сделал ряд важных шагов, которые были невозможны при Ельцине. В 2000 г. Путин добился ратификации Договора СНВ-2, который на протяжении предыдущих семи лет был заблокирован в Госдуме, и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), а в 2004 г. – Адаптированного Договора по обычным вооруженным силам в Европе (АДОВСЕ). Несмотря на выход США из Договора по ПРО в 2002 г., Россия пошла на заключение нового Договора с США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП)¹⁰. Также была подписана «Декларация о новых стратегических отношениях», которая предусматривала сотрудничество в развитии систем ПРО. После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. президент России, вопреки настрою большей части политической элиты, оказал полную и безоговорочную поддержку военной операции в Афганистане, а позднее представил странам НАТО «афганский транзит». По поводу расширения НАТО на восток он в 2001 г. заявил: «Конечно, мы пересмотрели бы нашу позицию в отношении процесса такого расширения, если бы мы были вовлечены в такой процесс»¹¹. На Петербургском саммите Россия–ЕС в мае 2003 г. Путин безоговорочно провозгласил императив «европейского выбора» России.

В ответ на эти шаги Россия получила в 2002–2004 гг. выход США из Договора по ПРО и начало ее одностороннего строительства в Польше и Чехии, войну в Ираке (и ликвидацию там крупных российских нефтяных концессий), новый шаг в расширении НАТО на восток с включением в альянс семи государств, в том числе трех постсоветских стран Балтии, поощрение «цветных» революций

⁹ Toal G. Near Abroad: Putin, the West, and the Contest Over Ukraine and the Caucasus. Oxford University Press, 2017. 387 р.

¹⁰ Договор СНП предусматривал сокращение стратегических вооружений каждой стороны до 1700–2200 ядерных боезарядов.

¹¹ Цит. по: Jones G. Putin Softens on NATO // Moscow Times. Oct. 4, 2001.

в Грузии и на Украине¹² и активное втягивание этих стран в Североатлантический альянс. Речь Путина в Мюнхене в 2007 г. стала сигналом Западу о том, что Россия больше не намерена играть по старым правилам и не будет следовать в фарватере курса США. Однако потребовался вооруженный конфликт в Грузии в августе 2008 г., чтобы на Западе поняли, что Россия действительно намерена остановить расширение НАТО на восток.

Четыре года президентства Дмитрия Медведева стали короткой передышкой («перезагрузкой») в процессе растущего противостояния России и США (новый Договор СНВ, отмена поставки зенитно-ракетной системы С-300 Ирану, совместная борьба с терроризмом и пиратством).

Придя в третий раз в Кремль в 2012 г., Путин принялся реализовывать новый курс в духе положений своей мюнхенской речи. Горькая ирония истории состоит в том, что президент Обама в 2008–2012 гг. пытался изменить политику США предыдущих десятилетий, как будто откликаясь на упреки Путина в Мюнхене: утвердить в международной политике верховенство правовых норм, ведущую роль легитимных международных институтов (ООН и ОБСЕ), примат дипломатии и многосторонних подходов в разрешении конфликтов, вывод США из войн в Ираке и Афганистане, прекращение расширения НАТО на восток, радикальное ядерное разоружение. С точки зрения отношений с Россией, Обама был, пожалуй, самым лучшим лидером США после Франклина Рузвельта. Однако все было поздно – вернувшись к власти в 2012 г., Путин и его соратники были полны решимости радикально изменить модель отношений с Западом 1990-х годов и первых двух президентских сроков Путина в 2000–2008 гг. Мирные инициативы Обамы воспринимались в лучшем случае как проявления слабости, а в худшем – как очередной обман. Отношения России с Западом вступили в самый трудный период за последние четверть века и ныне обрели изрядное сходство со временами холодной войны.

Тем не менее нужно подчеркнуть, что история не повторяется дважды «под копирку», мир объективно и основательно изменился за тридцать последних лет, какие бы ностальгические чувства и заимствованные из прошлого идеи ни овладевали политиками. На смену биполярному миропорядку холодной войны, после провала попыток США утвердить однополюсный мир под своим руководством, идет полицентрическая, неравномерная и динамичная международная система. Даже нынешнее острое противостояние России и Запада, в отличие от времен холодной войны, не охватывает всех сторон отношений оппонентов и не вовлекает остальной мир, занятый своими делами и конфликтами. Мировая экономика, в отличие от прошлого, стала единой и глобальной, а взаимные экономические санкции влекут обоюдный, хотя и неравный ущерб. Глобализация, информационная революция и беспрерывные инновации в сфере высоких технологий размывают суверенитет государств, мощно влияют на социально-экономические процессы, международную политику, военные балансы и безопасность.

¹² Сейчас к этому списку прибавилась Белоруссия.

Этнические и религиозные конфликты, распад государств и перекройка границ, массовая миграция, исламский экстремизм и международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения стали грозной опасностью для цивилизации. Борьба с ней требует единства ведущих держав и союзов, укрепления институтов и норм глобальной и региональной безопасности, упрочения режимов ограничения вооружений и их нераспространения. Тем более это относится к базисным глобальным проблемам, чреватым политическими потрясениями: климат, экология, эпидемии, демография, дефицит природных ресурсов и продовольствия.

Между тем резкое обострение военно-политических противоречий между главными центрами силы, прежде всего Россией и США/НАТО (а в перспективе, возможно, между КНР и США и их союзниками в Азии), ныне возобладало над императивами сотрудничества. Это угрожает разрушить институты, режимы и нормы глобального управления (пусть и несовершенные), повлечь многостороннюю и многоканальную гонку вооружений, вызвать региональные и даже глобальные войны, обратить миропорядок в хаос экономического распада, произвола и насилия.

Отдельного замечания заслуживает нынешняя кампания в США о тайном участии России в президентских выборах 2016 г. Поскольку речь не идет о кибервмешательстве в подсчет голосов, обвинения в адрес России за победу Трампа волей-неволей дискредитируют великую американскую демократию и политическую культуру. Никто не мог бы извне повлиять на результаты выборов, если бы в самих США не было предпосылок и запроса общества на таких политиков, как Трамп. Как отмечал российский политолог Дмитрий Тренин, «...сама мысль о том, что хакерские атаки, которые, в общем, происходят постоянно, могут подорвать самое святое, что есть в США – демократию, является революционной. Это свидетельство низкой уверенности в себе тех людей, которые продвигают эти тезисы. Это говорит и об их недоверии к американскому избирателю»¹³.

В чем-то возложение на Россию ответственности за итоги выборов 2016 г. созвучны каждодневной кампании основных каналов российского телевидения, обвиняющих враждебные происки США за развал СССР. К тому же Трамп в любом случае получил на 3 млн голосов меньше, чем Клинтон, а итог выборов определила специфика американской непрямой избирательной системы.

Чего ожидала Москва?

Ни для кого не секрет, что в ходе избирательной кампании Кремль отдавал предпочтение Трампу. Несомненно, что его лицеприятные высказывания в адрес президента Путина сыграли немалую роль, поскольку российский лидер лично воспринимает все политические демарши извне и внутри России в адрес своей политики.

¹³ Дмитрий Тренин. URL: <http://sputnik-ossetia.ru/Analytics/20170120/3602973.html>

Но этим дело не ограничивается¹⁴. Главная причина симпатий российской элиты к Трампу в том, что он строил свою линию как отрицание внешней политики президента Барака Обамы и кампании его преемницы Хилари Клинтон. Начиная с 2014 г., в ответ на события в Украине и вокруг нее, эта политика стала целью международной изоляции России, разрушения ее экономики и подрыва власти президента Путина. Если Обама был во всем антиподом Путина, то у Трампа есть с ним много общего, несмотря на все различия в происхождении и жизненном пути двух этих деятелей.

В более фундаментальном плане благожелательное отношение российского истеблишмента к Трампу объяснялось, прежде всего, его полным безразличием к правам человека, праву народов на самоопределение (в том числе постсоветских стран) и к поддержке демократической оппозиции в России (что в Кремле однозначно воспринимается как инспирирование «цветных» революций). В ходе избирательной кампании заявления Трампа по Украине не отличались четкой позицией, а по Крыму – были вполне созвучны позиции Москвы. Для российского руководства такая позиция Трампа являлась принципиальной. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г.¹⁵ «цветные» революции поставлены в разряд приоритетных угроз национальной безопасности России.

Далее, как Трампа, так и Путина, хотя и по разным причинам, не устраивает сложившийся мировой порядок. Трамп выступает против глобализации, укрепления роли международных организаций, расширения взаимозависимости и открытости международных отношений. В российской политической элите отношение к глобализации тоже весьма негативное, поскольку этот процесс шел под эгидой Запада, тогда как роль и место в нем России было весьма скромным и односторонне зависимым. В Москве отдают предпочтение двусторонним отношениям и полагают, что на основе прагматических интересов с США легче договориться, чем при американском курсе глобального лидерства и ответственности за все, всегда и везде.

У нового американского президента есть укоренившееся представление о том, что союзники пользуются альтруизмом США и понуждают их к военным и экономическим жертвам ради безопасности альянсов, а сами заботятся только о своем экономическом процветании. Трамп называл НАТО «устаревшей организацией» и грозил, что если союзники не начнут платить, то должны покинуть альянс: «И если НАТО распадется, то так тому и быть»¹⁶. Между тем, у Кремля большие исторические претензии к НАТО по поводу расширения альянса на восток – к российским границам.

¹⁴ Подробнее см.: Арбатов А.Г., Арбатова Н.К. Фактор Трампа в российско-американских отношениях // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. xx–xx.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

¹⁶ Трамп заявил о наличии проблем у НАТО. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/16/trump2/>

К тому же Трамп делал много нелицеприятных заявлений в адрес Евросоюза, открыто поддержал Brexit и евроскептиков- популистов типа президента Венгрии Виктора Орбана. Россия тоже имеет немалые предубеждения против Евросоюза, который претендует на постсоветское пространство. Поэтому Москва по умолчанию приветствует Brexit, поддерживала Марин Ле Пен во Франции и сочувствует националистическим и сепаратистским движениям в странах Европы.

Изначально недружественное отношение Трампа к Китаю и вероятный рост экономических и военно-политических противоречий двух ведущих мировых центров силы не вызывают особого беспокойства Россию. Огромная экономическая взаимозависимость Китая и США всегда тревожила Москву на фоне весьма скромных экономических связей России с обоими промышленно-финансовыми гигантами. Она расценивалась как причина крайне сдержанной поддержки со стороны Пекина в адрес Москвы по проблемам расширения НАТО и Евросоюза и по конфликтам в Грузии, Украине и Сирии.

Наконец новая администрация США, как и руководство России, весьма позитивно относятся к ядерному оружию и скептически – к ядерному разоружению. Для России огромный ядерный арсенал – это опора статуса великой державы, несмотря на слабость (а ныне кризис) экономики и ее неизбывно экспортно-сырьевой характер. В новой Концепции внешней политики России от 2016 г. предотвращение ядерной войны, сокращение ядерного оружия и его нераспространение даже не упомянуты в разделе общих целей¹⁷. Если администрация Обамы постоянно «докучала» России своими инициативами о сокращении стратегических вооружений и движению к безъядерному миру, то интерес Трампа и его окружения к данной теме был практически невидим.

Приведенные предпосылки внешней политики Трампа давали Москве надежду на прекращение Вашингтоном санкций и политики изоляции России, на равноправное и прагматическое сотрудничество двух держав по взаимно интересующим вопросам: инвестиции и обмен высокими технологиями, освоение арктического шельфа, борьба с исламизмом.

Что Россия получила

В ноябре 2016 г. российский парламент (Государственная Дума, в которой не осталось ни одного либерала) стоя аплодировал новости о победе Трампа, а пресса и экспертное сообщество были охвачены эйфорией по поводу перспектив отношений с США. Ныне это отношение сменилось на глубокий скепсис. На первый план вернулось привычное (хотя никак не подтверждаемое историей) представление об извечной враждебности США в отношении России. Правда, Трампа скорее считают жертвой антироссийской оппозиции внутри страны, нежели

¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_

инициатором такой политики, и это обуславливает более сдержанную реакцию Москвы, чем проявлялось в адрес Обамы.

Тем не менее хотя бы отчасти надежды политической элиты России пока оправдываются. Например, эксцентричность Трампа, его невежество в международных делах и косноязычие выгодно контрастируют со сдержанностью, опыtnостью и риторическим мастерством Путина (несмотря на его нередкие присказки в духе русского фольклора).

И все-таки эти бонусы имеют поверхностный характер. Ни в одном серьезном вопросе наладить сотрудничество двух держав пока не удалось (если не считать договоренность в июне 2017 г. о четырех ограниченных зонах «дескации» в Сирии). Наоборот, ситуация заметно деградирует — будь то экономические санкции, обоядное ущемление дипломатических представительств или взаимные обвинения в нарушении Договора по ракетам средней дальности.

Прежде всего это объясняется характером государственного строя США, базирующегося на системе сдержек и противовесов и накладывающего ограничения на президента — даже в сфере внешней политики. В Сирии, Ираке, Афганистане администрация увеличила акцент на силовые средства политики. Постепенно возрождается жесткая позиция США по Украине. Под нажимом массированной кампании против России в связи с ее предполагаемым вмешательством в президентские выборы США, налаживание отношений с Москвой как минимум отложено в «долгий ящик».

Внутренние и внешние ограничители едва ли позволяют Трампу в полной мере реализовать свои выношенные в одноименной башне «революционные» идеи. Другое обстоятельство заключается в том, что даже ослабление сплоченности Запада вовсе не обязательно укрепляет положение России. Позиции администрации США в отношении атомной сделки с Ираном и ракетно-ядерной программы Северной Кореи пугают американских союзников в Европе и на Дальнем Востоке, но не сулят никаких выигрышей Москве. Растущая вероятность войны на Корейском полуострове и коллапс соглашения с Ираном и вследствие этого еще одной войны на Ближнем Востоке могут нанести огромный ущерб интересам и безопасности России, как и всего мира.

В свете личных качеств и политических решений Трампа произошло явное отчуждение от США ведущих стран НАТО, Евросоюза и союзников на Дальнем Востоке. Администрация Барака Обамы с 2013 г. упорно работала над созданием зон свободной торговли и инвестиций с Евросоюзом и странами Тихоокеанского региона, то новый президент сразу отказался от этих соглашений, как и от Парижской конвенции по климату. Однако Россия не смогла извлечь выгоду из этих трений, ее отношения с союзниками и партнерами США не улучшились. Экономические санкции Евросоюза продлеваются, военное присутствие и активность НАТО в приграничных с Россией зонах нарастают, системы ПРО на море и на суше в Румынии, Польше, Южной Корее, Японии¹⁸ развертывают-

¹⁸ В 2020 г. Япония отказалась от развертывания системы ПРО «Иджис Ашор» на своей территории.

ся, вопреки протестам Москвы. Россия пытается расширить торгово-экономический оборот с Китаем и наращивает с ним военное сотрудничество. При этом она постепенно попадает во все большую экономическую, технологическую, а потенциально и военную зависимость от КНР, что по идее должно беспокоить Москву гораздо больше, чем Вашингтон.

Есть причины того, что надежды России чаще всего не сбываются. В много-полярном мире действуют намного более сложные правила, чем в прошлом биполярном миропорядке, и далеко не всегда проигрыш одной стороны равнозначен выигрышу другой. Например, Brexit ни в коей мере не улучшил положение России в ее отношениях с Евросоюзом, хотя и создал для последнего огромные проблемы. То же можно сказать о противоречиях ЕС с Польшей, сепаратизме в Испании, Италии, Бельгии, Великобритании, трениях между США и Мексикой.

Другая причина в том, что при росте силового фактора в международных делах, экономика остается на первом месте как фундамент политических отношений государств и в долгосрочном плане – их военных потенциалов. В этом смысле Россия с ее 2–3% мирового ВВП и экспортно-сырьевой экономикой имеет изначально проигрышные позиции. Восстановление глобального статуса России с первой половины 2000-х годов нужно было начинать с глубоких преобразований ее экономики, перехода с экспортно-сырьевой на высокотехнологичную инновационную модель. Именно этим путем пошел Китай с начала 1980-х годов и за 30 лет из аграрной страны превратился в индустриального колосса, стал общепризнанной второй глобальной державой мира, на равных соревнуется и сотрудничает с США. У России 15 лет назад для такого рывка было гораздо больше возможностей и ресурсов, хотя китайская модель ей, конечно, не подходила. Однако Москва этим шансом не воспользовалась, за исключением, разве что, большой программы возрождения военной мощи.

Усилия США и их союзников реанимировать стратегию сдерживания и изоляции России не приносят искомых результатов. Кремль пользуется поддержкой большинства народа, готового к жертвам ради возрождения державного величия. В полицентричном мире много государств и движений, выступающих против доминирования Запада и стремящихся к политическому взаимодействию с Москвой. За рубежом нуждаются в российских пространствах, природных ресурсах, оружии, атомных технологиях.

Тем не менее положение России нельзя назвать благоприятным, несмотря на официальный оптимизм. В условиях полицентричного мира она оказалась на западе в конфронтации с самыми мощными экономическими и военными союзами мира (НАТО, Евросоюз), на юге имеет нестабильное соседство, а на востоке – неравноправное партнерство. При этом статус и военный потенциал РФ опираются на относительно скромный и вяло растущий объем ВВП, основанный на экспортно-сырьевой экономике, зависящей от мировых цен на энергоресурсы. Положение России становится относительно более уязвимым в условиях взаимных экономических санкций, трансграничных конфликтов на сопряженных территориях, экспансии религиозного радикализма и тер-

поризма, распада системы ограничения и нераспространения вооружений, развития новейших военных технологий.

Наконец, разочаровывающие итоги первого года президентства Трампа для Москвы связаны с тем, что Путин и его окружение ожидали смены курса и уступок только со стороны США, имея уверенность в правильности своей политики после 2012 г. Однако американских уступок не последовало и в обозримой перспективе не будет. С учетом политического хаоса в США и парализма администрации шансы на позитивные перемены в отношениях двух стран теперь больше зависят не от американского, а от российского руководства, его желания и способности идти на компромиссы и выдвигать новые инициативы.

При этом нужно осознавать, что в сложившихся политических условиях в США и России фундаментальное улучшение отношений, на которое надеялись после окончания холодной войны, придется отложить на отдаленное будущее. В ближней перспективе следует сосредоточиться на прекращении дальнейшей эскалации противостояния, предотвращении прямого вооруженного конфликта на Украине, в Сирии, а также на ограничении начиナющегося нового опасного цикла гонки вооружений.

Что делать?

Одной из таких российских инициатив потенциально может стать идея, выдвинутая Путиным в сентябре 2017 г. на саммите БРИКС в Китае, о миротворческой операции ООН на Украине. Как известно, процесс Минск-2 буксует по всем пунктам, кроме прекращения огня, хотя и это условие регулярно нарушается, в чем стороны всегда обвиняют друг друга. Упомянутая Путиным идея размещения военного контингента ООН на линии разграничения в Донбассе могла бы стать началом распутывания клубка противоречий, завязавшегося в последние годы.

Однако для этого нужна полномасштабная миротворческая операция по мандату Совбеза ООН, предпочтительно с привлечением воинских контингентов стран ОБСЕ, оснащенных бронетехникой, артиллерией, вертолетами и беспилотниками. Только на основе такой операции можно установить на Донбассе прочный мир, а затем постепенно выполнить все пункты Минских договоренностей. В более отдаленном будущем это откроет возможность решать более широкий круг проблем между Россией и Украиной, равно как и в отношениях России с Западом в Европе.

В Сирии ситуация как в капле воды отражает противоречивость современной мировой политики. С одной стороны, Россия и США в Сирии вроде бы союзники, поскольку у них есть общие враги: ИГИЛ и «Ан-Нусра». С другой стороны, две державы там противники: Россия оказывает военную поддержку режиму Асада (совместно с Ираном и «Хезбаллой»), а США и их коалиция помогают вооруженной оппозиции в лице Сирийских демократических сил (СДС). Турция – ключевой член НАТО, несмотря на частые политические зигзаги, является противником режима Асада и Ирана. Но при этом Анкара имеет острые

противоречия с Евросоюзом и США/НАТО и потому активно заигрывает с Москвой. Россия ведет в Турцию газопровод, продает ей новейшую зенитную систему С-400 и строит там атомные реакторы. Положение выглядит еще более запутанно, если добавить к картине факторы Саудовской Аравии и ее партнеров (враждебных Ирану), Ирака (дружественного и США и Ирану, но враждебного курдам), Израиля (для которого наибольшая угроза – «Хезболла» и Иран) и курдов (которых Турция считает главным врагом, хотя их поддерживают США).

После страшной гражданской войны с широким внешним вмешательством национальное единство и мир в Сирии в лучшем случае дело далекой перспективы. В ближайшее время единственное реалистическое решение – негласный раздел Сирии на зоны контроля: режима Асада (под патронажем России и Ирана), группировок СДС (под прикрытием США, Саудовской Аравии и Турции) и курдов (под защитой США). Этот раздел, против которого официально выступают Россия и другие страны, может произойти под ширмой уже опробованной модели «зон деэскалации». Все три группировки должны совместными усилиями добить ИГИЛ и «Ан-Нусру», а после этого жестко контролировать режим Асада, Иран и Турцию, чтобы пресечь их посягательства на расширение своих зон в Сирии.

Предложенные решения украинской и сирийской проблем потребуют длительного времени. Но есть еще одна большая тема, по которой у России и США имеется негласное взаимопонимание. Как ни парадоксально, это согласие в корне неправильно. Речь идет о контроле над ядерным оружием, который обе державы сейчас игнорируют (если не считать взаимных обвинений в нарушении Договора по ракетам средней дальности от 1987 г.)¹⁹. Между тем положение дел подспудно приобретает кризисный характер и требует срочных спасательных мер. В отличие от проблем Украины и Сирии, такие меры могут быть согласованы быстро и послужить триггером для сотрудничества по прочим вопросам.

Трансформация сдерживания

Бессвязные сентенции Трампа на тему ядерного оружия в течение 2017 г. не позволяют составить полную картину его взглядов на предмет. В одном интервью он говорил: «Давайте посмотрим, можем ли мы заключить хорошую сделку с русскими.... Кстати, я считаю, что ядерные вооружения нужно уменьшить и сократить очень существенно»²⁰. В другом эпизоде он заявил: «Пусть будет гонка вооружений... Мы обгоним их на любом направлении и выдержим доль-

¹⁹ В 2020 г. ситуация изменилась. Тема контроля над ядерным оружием после долгих проволочек наконец выдвинулась на передний план отношений двух сверхдержав. Политика России в этом вопросе приобрела вполне однозначный и энергичный характер: продлить Договор СНВ-3 и начать переговоры о следующем соглашении без предварительных условий, которые теперь пытались ставить США.

²⁰ January 16 2017, 9:00am. The Times. Full transcript of interview with Donald Trump. URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/full-transcript-of-interview-with-donald-trump-5d39sr09d>.

ше, чем все они»²¹. Несомненно, однако, что Трамп является сторонником широкой модернизации ядерных сил США и обещал это избирателям, Пентагону и военной промышленности. Нельзя сбрасывать со счетов и усиления роли «силовиков» в новой администрации. Именно они и их экспертные филиалы, причем отнюдь не из числа либеральных мозговых центров, будут готовить для президента оценки стратегического баланса и состояния ядерных сил страны, предлагать программ их развития и подходы к ограничению вооружений. Уже в первом оборонном бюджете Трампа ассигнования на ядерное оружие были заметно увеличены.

Президент Путин, как правило, выдвигает на эту тему более складные и последовательные соображения. На Валдайском форуме в октябре 2016 г. он заявил: «Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире» и его нельзя «рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии»²².

Нынешняя конфронтация России и НАТО в Европе, многосторонний характер кризисов на Ближнем Востоке, в сочетании с развитием новейших ядерных и обычных высокоточных вооружений и изощренных информационно-управляющих систем, порождают угрозу быстрой непреднамеренной эскалации обычного (даже локального) конфликта между великими державами к ядерной войне.

Даже если исходить из того, что сдерживание, наряду с соглашениями великих держав, явилось одним из факторов спасения мира от ядерной войны в прошлом, вовсе не очевидно, что так будет продолжаться в будущем. Отношения стабильного стратегического паритета сложились исключительно между СССР/Россией и США, хотя и здесь сейчас нарастают возмущающие факторы. Но нет никаких оснований рассчитывать на тот же эффект в отношениях других ядерных государств, например, Индии и Пакистана. Тем более это относится к Северной Корее и возможным будущим обладателям ядерного оружия, если продолжится его распространение, что неизбежно в случае провала переговоров по дальнейшему сокращению ядерных арсеналов.

А через новые ядерные государства это оружие или оружейные материалы и экспертиза неизбежно рано или поздно попадут в руки террористов, что положит катастрофический конец роли ядерного оружия как «фактора обеспечения мира и безопасности». Ядерное сдерживание, согласно вечным законам гегелевской диалектики, «убьет» само себя. Это тем более так, поскольку в настоящее время разворачивается беспрецедентный кризис системы контроля над ядерным оружием.

Традиционный контроль над ядерным оружием зиждился на ярко выраженной биполярности миропорядка, примерном равновесии сил сторон и согласовании классов и типов оружия в качестве предмета переговоров. Ныне ми-

²¹ Ed Pilkington, Martin Pengelly. December 24. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/23/donald-trump-nuclear-weapons-arms-race>

²² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151>

порядок стал многополярным, равновесие асимметричным, а новые системы оружия размывают прежние разграничения. Контроль над вооружениями и предотвращение ядерной войны необходимо своевременно адаптировать к меняющимся условиям. Но надстраивать здание нужно на твердом и испытанном фундаменте – это элементарное правило любой реконструкции. Разрушить существующую систему контроля над вооружениями проще простого, для этого даже не надо ничего делать – без постоянных усилий по ее укреплению она сама разрушается под давлением политических конфликтов и военно-технического развития.

После смены власти в Вашингтоне в деле сохранения контроля над ядерным оружием едва ли можно рассчитывать на США, и еще меньше на КНР или НАТО/Евросоюз. Это значит, что надеяться впредь можно только на Россию. Конечно, в том случае, если бы она этого захотела. Например, вот что пишет по этому поводу авторитетный в российских экспертных кругах специалист Александр Храмчихин: «Надо выполнить договор СНВ-3... после чего не продлевать его, а также выйти из договора об РСМД, принципиально отказавшись от любых новых договоров в области ядерных вооружений.... Без шоковой терапии в отношении «партнеров» никакой конструктивный диалог с ними совершенно точно не получится. И важнейшим элементом этой терапии должна быть целенаправленная дестабилизация ситуации в сфере ядерных вооружений. Только это станет по-настоящему адекватным асимметричным ответом на нынешнее санкционное безумие Вашингтона»²³.

Следует отметить, что эти весьма шокирующие сентенции принадлежат представителю молодого поколения стратегического сообщества России, причем отнюдь не самому реакционному (например, он отрицает военную угрозу со стороны НАТО и американской системы ПРО и много пишет о такой опасности со стороны Китая). Естественно, подобные идеи не высказываются откровенно на официальном уровне, но можно предположить, что Храмчихин тонко улавливает настроения некоторой части российского военно-политического истеблишмента, и потому их значение не следует преуменьшать.

Помимо ответственности России как великой державы и одной из двух ядерных сверхдержав, побудительным мотивом для нее должны быть и другие, вполне pragматические соображения. При трезвом анализе ситуации, избавленном от политических обид и «ядерного романтизма», Москва должна быть весьма заинтересована в укреплении контроля над ядерным оружием. Во-первых, потому что в интересах Россия понизить стратегические «потолки», загнать под них программу обновления ядерной триады США и новейшие гиперзвуковые средства, вернуться к вопросу согласования параметров и мер доверия применительно к системам ПРО. Тем более что Россия строит такую систему в рамках большой программы Воздушно-космической обороны (ВКО), и жесткие ограничения типа нового договора по ПРО ей самой больше не подходят.

²³ Храмчихин А. Острый меч и прочный щит – лучшая гарантия процветания государства // Независимое военное обозрение. 25–31 августа 2017 г. № 31. С. 1–3.

Другой мотив в том, что, как отмечалось выше, Россия находится в куда более уязвимом геостратегическом положении, чем США и страны НАТО, не имеет союзных ядерных держав. Продуманные и энергичные меры контроля над вооружениями способны устраниТЬ многие опасности, которых нельзя снять на путях гонки вооружений. И, наконец, последнее: новое военное соперничество потребует колоссальных затрат, тогда как российская экономика сегодня явно не на подъеме (в 2017 г. началось сокращение российского военного бюджета). Ограничение стратегических сил и другие меры позволят сэкономить изрядные средства и обратить их на другие нужды страны.

Тот факт, что от США впредь не следует ждать новых предложений или готовности с энтузиазмом принять российские инициативы, должен рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу активизации политики России. Более того, с учетом трудностей в отношениях двух ядерных сверхдержав на других направлениях (Украина, Сирия, Иран, Северная Корея), указанная сфера способна стать стимулом возобновления их взаимодействия по иным проблемам. К тому же Трамп сможет поставить себе в заслугу достижение успеха там, где прежнего президента постигла неудача. (В истории тому были прецеденты: Никсон и Джонсон, Рейган и Картер.)

* * *

Смена администрации в итоге выборов 2016 г. в США внесла беспрецедентный элемент неопределенности в российско-американские отношения и всю мировую политику. В то же время это дает шанс прекратить эскалацию военно-политической конфронтации между Россией и Западом, остановить процессы нарастания хаоса в международных отношениях. Будет ли этот шанс использован, покажет не только будущий курс Трампа. Не в меньшей мере это зависит от способности Москвы адаптироваться к меняющейся ситуации и выйти с конкретными инициативами, чтобы направить ее динамику в конструктивное русло.

Наше поколение помнит, что прекращение прошлой холодной войны потребовало огромных усилий и десятилетий упорного труда многих людей в разных странах. Они не всегда симпатизировали друг другу и зачастую имели давние взаимные обиды и претензии. Но они правильно понимали приоритеты международной безопасности и катастрофическую цену неудачи в политике ее укрепления. Сейчас настало время всерьез приниматься за такую работу, пока новая холодная война и гонка вооружений не набрала разгон на десятилетия вперед.

ДЕМОКРАТИЯ, АРМИЯ И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ*

На первый взгляд – можно ли вообразить что-то менее совместимое, чем ядерное оружие и демократический контроль (или, применяя ленинскую формулу, «учет и контроль», а на современный лад – «отчетность и контроль»)? Однако не будем торопиться с выводами, разберемся с этими вопросами по порядку.

Демократический контроль над военной политикой

Под политическим контролем над военной, в том числе ядерной политикой государства, обычно понимают определяющую роль политического руководства страны в принятии главных решений в этой сфере.

Демократический контроль – это гораздо более широкое понятие, и оно подразумевает реальную роль законодательной власти в выработке военной политики через оборонный бюджет, утверждение основных программ и планов развития вооруженных сил, ратификацию договоров по ограничению вооружений и разоружению. Такая роль требует значительной меры открытости военной информации, систематического обсуждения важнейших вопросов в СМИ и тематических изданиях – иначе парламент будет пленником политики исполнительных ведомств.

Политический контроль может существовать без демократического контроля. Например, в тоталитарных или авторитарных государствах он реализуется через органы правящей партии и надзор секретных служб. Что же касается демократического контроля и отчетности, то они не могут осуществляться без политического контроля, включающего, в частности, институт политического руководства «силовыми структурами». Он предполагает, что главы соответствующих ведомств являются посланцами лидера в эти ведомства (чаще всего гражданскими людьми), а не выходцами из рядов военной бюрократии, представляющими ее интересы при президенте или премьер-министре. Без контроля политического руководства гражданское общество и законодательная власть не способны напрямую влиять на мощный, корпоративно сплоченный и замкнутый в себе военный истеблишмент.

Иными словами, демократический контроль и отчетность в сфере государственной политики вообще и военной политики в частности, обязательно включают политический контроль руководства над исполнительными ведомствами как неотъемлемый составной компонент.

* Управление безопасности. М.: ООО Галлея Принт, 2010.

В современной России демократический контроль над ядерной политикой пока не стоит в практической плоскости. Во-первых, этого нет потому, что гражданское общество и законодательная власть (частично в силу собственной слабости, а также из-за всемерного усиления «исполнительной вертикали») мало влияют на государственную политику в целом, еще меньше — на столь сложную и закрытую ее часть, как военная политика, и вовсе никак — на святая святых военной политики: курс в области ядерных вооружений.

Во-вторых, сама постановка вопроса о демократическом контроле и отчетности в данной сфере в лучшем случае может вызвать недоумение, а в худшем — и подозрение в зловредных намерениях. Огромная техническая сложность ядерных вооружений и окружающая их секретность (причем не только в России, но и на Западе, хотя и в гораздо меньшей мере); специфическая природа ядерного оружия (ЯО), особым образом влияющая на стратегию и планы их применения, — все это может создать впечатление абсурдности самой постановки вопроса о демократическом контроле в данной области.

Тем не менее этот вопрос не только имеет право на существование, но и вполне назрел в российской политике обороны и безопасности.

Война и общество

Для чего, говоря конкретно, обществу знать о планах развития и применения ЯО своей страны, зачем и как влиять на них? Войска и вооружения общего назначения достаточно понятны широкой общественности, равно как способы и цели их применения — по исторической памяти прошлых войн и локальным конфликтам современности. Слов нет, революция в военном деле глубоко меняет силы общего назначения, но все равно в общественном сознании они не являются такой абстракцией, «виртуальной реальностью», как ядерное оружие.

Каждый здравомыслящий человек может сказать, что 60 тысяч танков или 300 подводных лодок, развернутых Советским Союзом в 70–80-е годы, это было слишком много. Повсеместно обсуждается, нужно ли России иметь армию в 1,2 млн человек¹ и следует ли перейти с призыва на контракт, какое должно быть денежное довольствие у офицеров и сохранить ли им натуральные льготы.

Но как судить, много или мало около 4000 боезарядов в нынешних стратегических ядерных силах (СЯС) России (как и у США) и достаточно ли 1700–2200 боезарядов, которые каждая из сторон должна была иметь в 2012 г. по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), подписанному в Москве в мае 2002 г.?² Для такого суждения надо представлять себе состояние и перспективы стратегического ядерного баланса, концепции применения стратегических ядерных сил (СЯС), критерии достаточности потенциалов сдерживания,

¹ К 2020 г. численность Вооруженных Сил РФ составляла около 1 млн человек.

² По Договору СНВ-3 от 2010 г. Россия и США были ограничены потолком в 1550 ядерных боезарядов СЯС.

логику стратегической стабильности и прочие изотерические материи, не присутствующие в обычном опыте людей.

Применение обычных сил даже в не вполне демократических странах требует хотя бы молчаливого согласия народа, часть которого должна идти на войну, а другая часть – обеспечивать армии поддержку тыла. Подготовка военных действий также требует длительного времени и дает обществу возможность выработать свое к этому отношение. (Например, вторая чеченская кампания готовилась несколько месяцев, а вторая война США в Ираке – более полугода.) Во многих странах, в том числе в Соединенных Штатах и Российской Федерации, введение военного или чрезвычайного положения, а также применение сил за рубежом законодательно требуют одобрения парламента.

Ракетно-ядерное оружие – совсем другое дело. Подлетное время баллистических ракет большой дальности составляет 30–15 мин, что оставляет политическому руководству, в лучшем случае, всего несколько минут на принятие решения об ответном ракетном ударе. Очевидно, что ни о каком получении одобрения общества или парламента здесь говорить не приходится.

Не требуется и участия народа в ведении ядерной войны. После принятия решения на применение ЯО команда проходит по инстанции вниз и требует действий лишь нескольких тысяч дежурных офицеров.

И все же, демократический контроль и отчетность по ЯО не только возможны, но и необходимы, хотя и в специфической форме, соответствующей природе этого класса оружия. Но это, конечно, только в том случае, если демократический контроль признается нужным в отношении государственной политики в целом и военной политики в частности.

Народовластие и атомная бомба

Прежде всего дело в самом характере ядерного оружия. Как отмечено выше, из-за особых свойств ЯО народ не может влиять на решение о его применении ни напрямую (референдум), ни косвенно (через парламент). Не требуется и его участия в войне с применением ядерных сил, в которой была бы задействована весьма незначительная часть даже от численности армии мирного времени (менее 1%). Но при всем при этом, в отличие от обычной войны, пусть и самого большого масштаба, в ядерном конфликте именно народ, то есть мирное население, стал бы с самого начала и самым прямым образом объектом сокрушительных ядерных ударов. И даже если такие удары непосредственно наносились бы, как полагает современная стратегия, по военным объектам, пунктам управления и промышленным центрам – «сопутствующий ущерб» для мирного населения исчислялся бы десятками миллионов убитых уже в первые часы войны.

Поэтому в стране, претендующей на демократическое устройство, народ имеет полное право влиять на ядерную политику, ибо в случае конфликта именно она определит его судьбу и определит несравненно более кардинально, неже-

ли любые экономические, социальные и политические вопросы государственной политики, традиционно отнесенные к сфере демократического контроля и отчетности. Как это сделать с учетом специфики ЯО – другой вопрос, и о нем речь пойдет ниже.

Второе обстоятельство состоит в следующем. Одно из важных отличий ядерного оружия, прежде всего СЯС, от обычных вооружений состоит в довольно ограниченном наборе вариантов его боевых задач и способов применения. Обычные танки, самолеты, корабли могут использоваться для выполнения широкого многообразия военных и иных операций.

Что касается стратегической ракеты или самолета, то у них задача весьма однозначна: поразить заранее заданную точечную или площадную цель. А способы применения тоже немногочисленны: массированный, групповой или одиночный запуск. При этом удар может быть первым (упреждающим), ответновстречным (то есть по сигналу систем предупреждения о ракетном нападении до того, как боеголовки противника достигли целей) или ответным (после принятия первого удара противника).

Технические характеристики систем СЯС, количественные уровни и состав сил в значительной мере предопределяют способ их применения, во всяком случае, против противника, обладающего ядерным оружием. Именно такой противник является главным объектом стратегии ядерного сдерживания. В свою очередь, вероятность ядерного конфликта со всеми его катастрофическими последствиями, помимо привходящих политических моментов, зависит от степени стабильности стратегического баланса между сторонами. Под стабильностью понимают величину стимула к нанесению первого ядерного удара, который и развязывает ядерную войну. Такой шаг может мотивироваться стремлением победить, снизить свой ущерб или страхом потерять свои силы в результате внезапного удара противника.

Вот на эту самую стабильность как раз и влияют технические характеристики, количественные уровни и состав СЯС и их систем управления и предупреждения. При этом, конечно, технические данные систем СЯС не диктуют способ их применения совершенно однозначно. Однако они логически подразумевают преимущественные пути боевого использования различных систем оружия.

Конечно, самое простое – это считать, что все собственные вооружения являются стабилизирующими, а все чужие – дестабилизирующими, то есть увеличивающими угрозу войны. Такой подход, кстати, весьма распространен в части военно-политических кругов США и принят большинством в России. Но поскольку стратегическая стабильность стала одной из базовых предпосылок переговоров и соглашений СССР/РФ–США, постольку такой односторонний подход, при всем его патриотизме, не годится – нужно взаимоприемлемое понимание этого важнейшего вопроса.

В частности, еще в 1990 г. Москва и Вашингтон условились, что стабилизирующими считаются системы стратегических носителей, обладающие повышенной живучестью на стартовых позициях и не несущие большого числа

боеголовок в многозарядных головных частях. Это делает их менее приспособленными для первого и более – для ответного удара. И наоборот, по той же логике, чем выше уязвимость систем на старте и чем больше они несут боеголовок – тем большую угрозу первого удара они создают другой стороне и по этой причине одновременно притягивают к себе упреждающее нападение, дестабилизируя стратегический баланс. Исходная посылка такой логики состоит в том, что первый удар должен, прежде всего, преследовать цель разоружения противника: иначе не избежать сокрушительного возмездия.

При современной точности наведения и коротком подлетном времени стратегических баллистических носителей – наземные межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) шахтного базирования другой стороны плохо подходят для ответного удара. Ответно-встречный же удар возможен лишь в случае высочайшей эффективности систем предупреждения и боевого управления. Это тем более так, если шахтные МБР оснащены разделяющимися головными частями (РГЧ) и создают угрозу разоружающего удара по СЯС другой стороны (как американские МБР «Пискипер» MX, российские тяжелые ракеты РС-20 и ракеты РС-18). Тогда, в силу комбинации своей уязвимости и ударной мощи они могут использоваться преимущественно в первом ударе и потому буквально провоцируют упреждающий залп противника, ослабляя тем самым стратегическую стабильность.

Если ракетные подводные лодки находятся в море, то баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) обладают высокой живучестью, но при оснащении достаточно мощными РГЧ тоже могут наносить разоружающий удар по объектам СЯС другой стороны и потому играют дестабилизирующую роль («Трайдент-2» с боеголовками W-88).

В отличие от этого, БРПЛ с небольшим числом боеголовок РГЧ невысокой мощности, как и наземно-мобильные МБР с моноблочной головной частью или несколькими боеголовками РГЧ можно считать стабилизирующими, поскольку они имеют высокую живучесть и не угрожают разоружающим ударом другой стороне, то есть являются классическим оружием ответного удара. Они всемерно снижают вероятность ядерной войны, поскольку она зависит от состояния военного баланса (это, например, российские БРПЛ РСМ-52 на лодках проекта 667 БДРМ, грунтово-мобильные МБР «Тополь» и «Тополь-М»³).

Пока что российские депутаты радуются как дети в магазине игрушек, когда им сообщают о создании в России любого нового образца ядерного оружия. Будучи неспособны оценить вклад разных систем в стратегическую стабильность и безопасность, они исходят из принципа «чем больше – тем лучше». Но на деле это далеко не всегда так, многие вооружения являются просто выкидыванием денег на ветер вместо поддержания или внедрения тех, которые действительно укрепляют оборонный потенциал и безопасность страны.

³ К таким системам также относятся развернутые с 2010 г. МБР «Ярс».

Понимая эти вопросы, информированная общественность и парламент были бы способны влиять на программы вооружений, стратегический баланс и через них – на вероятность ядерной войны. В частности, российские законодатели могли бы это делать через бюджетные ассигнования на те или иные программы, поскольку, в отличие от американских коллег, не наделены полномочиями утверждать программы вооружений напрямую. При достаточной открытости военной информации исследования независимых специалистов могут представить законодателям на парламентских слушаниях альтернативные предложения для продуманных решений с пониманием всех их стратегических, политических и экономических последствий.

Третье обстоятельство, предполагающее демократический контроль в данной сфере – это финансовая сторона вопроса. Затраты на развитие и поддержание ядерных вооружений ежегодно составляет небольшую часть военных расходов – не более 10–15%. Но если взять весь цикл разработки, развертывания, поддержания, а затем утилизации ЯО после его вывода из строя, занимающий 20–30 лет, то это огромные средства. Поэтому здесь рациональная политика использования ресурсов требует демократического контроля и отчетности не меньше, чем другие крупные статьи федерального бюджета.

Наконец, четвертый момент связан с тем, что политика в области ядерного оружия стала важнейшей частью внешней политики страны, поскольку напрямую связана с переговорами и соглашениями по ограничению, сокращению и нераспространению ЯО. Общество и парламент участвуют в этом через ратификацию договоров. Но без понимания ядерной политики и без возможности ее критически оценивать это участие превращается в идеологическое противоборство (как с семилетними дебатами Думы вокруг СНВ-2) или в пустую формальность (как с Договором по СНП в 2002 г.).

Политический контроль государственного руководства

Как отмечалось выше, политический контроль высшего государственного руководства над «силовыми структурами» и военной политикой возможен без демократического контроля и отчетности, но не наоборот. Однако и здесь все не так однозначно, как кажется на первый взгляд.

Гарантируя политическую лояльность генералитета, такой контроль сверху, без демократической базы, не предоставляет политической верхушке реальной роли в военной политике и военном строительстве, кроме как через установление общих пределов выделяемых на оборону ресурсов или в качестве арбитра, если ведомства не договорятся на рабочем уровне. Ведь не имея альтернативных вариантов военной политики, выдвигаемых независимым экспертным сообществом и обсуждаемых парламентом, политическое руководство получает лишь монолитную позицию, согласованную на нижестоящих уровнях военной бюрократии и оборонной промышленности, и может только периферийно ее корректировать.

Глава государства не может быть специалистом во всех областях, тем более в таких сложных и специальных, как современная оборона, включая ядерную политику. Он вынужден опираться на мнение своих подчиненных. Но в закрытом формате, без широкого обсуждения в парламенте, прессе, независимых научных центрах, военные ведомства всегда смогут «продавить» свою линию через узкий круг ближайших помощников главы государства, тем более что многие из них приходят как раз из этих ведомств. Впрочем, может быть это вполне нормальный способ формирования военной политики? Ведь в высшей «силовой» бюрократии, ведомственных НИИ, оборонной промышленности работают специалисты своего дела, почему бы на них всецело не положиться?

Опыт, однако, показывает, что такой подход в корне неверен применительно к военной политике, точно так же как он ошибочен в любой другой сфере государственной политики демократической страны. Отдавать все на откуп структурам исполнительной власти нельзя, поскольку они зачастую преследуют ведомственные, а не общенациональные интересы и плохо координируют свои действия между собой. Конечно, неправильно полагать, что бюрократия сплошь состоит из злонамеренных или некомпетентных людей. Проблема заключается в ином: в мощных бюрократических организациях любой человек вынужден подстраиваться под ведомственные интересы или быстро уходить.

А общенациональные интересы, в отличие от ведомственных, должно формулировать руководство государства в лице президента и парламента, через который все социальные группы общества призваны представлять свои приоритеты. Но это невозможно в сфере обороны, включая ядерную политику, при полной закрытости военной информации и отсутствии независимых оценок и предложений, когда исполнительные ведомства являются монополиями и выступают с безальтернативными позициями, которые нельзя критически оценить и поправить. Отсюда неизбежны ошибки, некоторые из которых влекут большой ущерб для безопасности и экономики страны.

Примеров тому немало. Так, в 2000–2001 гг. в целях перераспределения ресурсов на силы общего назначения (СОН) были приняты решения о глубоком одностороннем сокращении средств, выделяемых на российские СЯС, в том числе о свертывании их главной составляющей – ракет наземного базирования и урезании основной программы их модернизации – грунтово-мобильных МБР «Тополь-М»⁴. Эта система по техническим характеристикам является самой стабилизирующей и гибко адаптируемой к меняющейся стратегической обстановке. К тому же ни одна держава, кроме России, не имеет ничего подобного и не будет иметь в обозримом будущем.

В итоге положение СОН нисколько не улучшилось, прежде всего, из-за пропусков военной реформы, а вот стратегическое ядерное сдерживание было

⁴ Тополиный лес замедлил свой рост // Независимое военное обозрение. 19 января 2001 г. № 3 (224).

глубоко подорвано. Если принятая линия не изменится (а пока что никаких официальных данных о таком изменении нет)⁵, то через 10 лет большая часть российских СЯС будут уязвима в местах базирования для гипотетического разоружающего удара США, Великобритании, Франции, а может быть, и Китая. Конечно, крайне маловероятно, что эти страны нападут на Россию, но стратегическая стабильность будет подорвана со всеми вытекающими последствиями. Имея столь уязвимые СЯС, России придется все больше полагаться на концепцию ответно-встречного удара (т.е. запуска МБР по сигналам систем предупреждения о ракетном нападении), которая чревата опасностью непреднамеренной войны. А некоторые из негативных последствий решений 2000–2001 гг. проявились незамедлительно. В частности, США сразу потеряли интерес к продолжению переговоров с РФ по ограничению стратегических вооружений, рухнули Договор по ПРО, Договор СНВ-2 (ратифицированный Россией в 2000 г.) и рамочный Договор СНВ-3 (подписанный в 1997 г.).

Пытаясь задним числом исправить положение, Россия пошла на закупку устаревших ракет шахтного базирования и бомбардировщиков на Украине, про-длила срок эксплуатации тяжелых МБР (в тех же уязвимых шахтах), понеся немалые дополнительные затраты с минимальным эффектом в плане укрепления стратегической стабильности⁶. Потом было объявлено о разработке в России «чудо-оружия» – ракет с планирующей и маневрирующей головной частью для прорыва ПРО, но и это не произвело на США впечатления⁷. Оно и понятно, если «Тополь-М» закупается по 4–7 МБР в год, то сколько будет развертываться указанных средств нового типа, которые неизбежно будут гораздо более дорогостоящими и которые еще нужно испытать, поставить в производство и обеспечить им высокую живучесть? (Раз ракеты против ПРО США, то они не должны поражаться их разоружающим ударом.)

Казалось бы, именно Россия, имеющая ослабленные силы общего назначения, должна была бы проявлять повышенную активность в этом вопросе для обеспечения приемлемого ядерного баланса, используя заинтересованность США в сотрудничестве по многим другим международным делам. Но нет, российская политика вплоть до последнего времени демонстрировала удивительную пассивность.

Весьма вероятно, что если бы в России присутствовали демократический контроль и отчетность в сфере ядерной политики, если бы гораздо большая информация по этим вопросам была доступна общественности и специалистам, то подобных ошибок и последующих издержек удалось бы избежать.

⁵ Впоследствии ошибочное решение о сокращении числа МБР до 100 единиц было исправлено, и к 2020 г. Россия имела порядка 170 грунтово-мобильных МБР. Но если бы решения 2001 г. не было, к настоящему времени таких стабилизирующих средств было бы намного больше, а экономические издержки оказались бы существенно меньше.

⁶ Тридцать «Стилетов» для ядерного сдерживания // Время новостей. 30 июля 2003 г. № 138.

⁷ Непраздничное послесловие к предпраздничным учениям // Независимое военное обозрение. 5 марта 2004 г. № 8 (368).

Другой пример. Распространение ядерного оружия и ракетных технологий создает самую большую угрозу безопасности России из всех крупных держав – ведь почти все новые и потенциальные ракетно-ядерные страны расположены по периметру российской территории и в пределах досягаемости до нее. Хуже того, ядерное распространение является главным источником угрозы доступа к ЯО со стороны международного терроризма, который ведет прямую интервенцию против РФ на Северном Кавказе и через Центральную Азию.

Казалось бы, Москва должна быть самым ярым поборником укрепления ДНЯО, режимов и механизмов ядерного и ракетного нераспространения, постоянно выступать с инициативами в этой сфере. Но ничуть не бывало: Россия лишь вяло реагирует на новые концепции США и Западной Европы (ИБОР, отказ от экспорта технологий топливного цикла, обязательность присоединения к Дополнительному Протоколу МАГАТЭ 1997 г., кодекс экспорта ракетных технологий). Как будто ракетно-ядерное распространение мало ее касается, а борьба с ним – лишь досадная помеха планам Росатома по экспорту ядерных технологий и материалов.

И опять-таки общественность и парламент страны пребывают по этому поводу в счастливом неведении и не могут поставить вопрос о серьезной коррекции государственной политики. Приоритеты политики Москвы неопределенны в силу ведомственной узости и разобщенности процесса формирования государственного курса, избавленного от демократического контроля и отчетности.

Конституция и ядерная кнопка

В условиях демократического контроля и отчетности можно было бы задать ряд вопросов к существующей в России системе выдачи санкций на применение ядерных сил. Имеющаяся тут информация крайне скучна и не подтверждена официально. Возможно, на деле все обстоит вполне благополучно, но если доступные сведения хоть в какой-то мере верны, то они заставляют всерьез задуматься о реализации конституционного положения, наделяющего такими полномочиями только президента – верховного главнокомандующего.

По опубликованным данным, российская система «Казбек», введенная в строй в начале 80-х годов, позволяет главе государства получить информацию о ракетном нападении и отдать приказ о ядерном ударе, где бы он ни находился, с помощью так называемого «ядерного чемоданчика» (радиоэлектронного терминала, именуемого «Чегет»). С него закодированный персональным президентским шифром сигнал поступает на центральный командный пункт и дальше передается на пункты управления МБР и ракетных подводных лодок⁸. Как и во многих других случаях в сфере стратегических вооружений, СССР тут с запозданием следовал примеру США, которые внедрили такую систему в начале 60-х годов.

⁸ Чемоданчик номер один // Труд. 11 января 2000 г. № 003.

Однако в организационно-правовом отношении между названными системами двух держав были и сохраняются принципиальные различия. Об американской системе имеется большая официальная информация и целая библиотека экспертной литературы. Известно, что в США принятию решения на применение ядерного оружия в критической ситуации предшествуют так называемые «конференции», на которых такое решение подлежит согласованию основными фигурантами. Но окончательное решение принимается только президентом и он один имеет «чемоданчик» и сопровождающего офицера постоянно около себя. В случае его неспособности выполнить роль главнокомандующего (болезнь, зарубежные поездки, угроза безопасности и пр.), терминал переходит к вице-президенту, причем оба они никогда не покидают страну одновременно. Специальный закон определяет преемственность командования на случай войны, если оба высших должностных лица погибнут или лишатся связи. Цепочка состоит более чем из десятка лиц, начиная со спикеров двух палат Капитолия, министра финансов и др., причем министр обороны стоит далеко позади, а военных в списке вообще нет. Так в самом главном решении в сфере безопасности страны воплощен принцип гражданского руководства.

Казалось бы, устройства и процедуры принятия решения о ядерном ударе – сугубо технический вопрос. Но на деле в них, как в капле воды, отражаются глубинные основы устройства обществ и государства. В СССР с самого начала все было организовано по-другому, и эту систему без изменений позаимствовала Россия, что наводит на самые серьезные размышления. Помимо президента (в прошлом Генерального Секретаря ЦК КПСС) есть два других «чемоданчика» и находятся они у министра обороны и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил⁹. В связи с этим возникает вопрос: эти три терминала могут отдать приказ на запуск ракет только совместно (как три составные части кода) или каждый по отдельности? Достоверного ответа из официальных источников, естественно, нет, и потому остается строить логические схемы.

Если сигнал на применение СЯС должен подаваться совместно, то это трудно объяснить – ведь министр обороны и начальник Генштаба не равны президенту: министр подчинен президенту, а начальник Генштаба – министру. С конституционно-правовой точки зрения, их подтверждения санкции верховного главнокомандующего не требуется. Кроме того, как при такой схеме реагировать на внезапное ракетное нападение, если президент за рубежом или не может отдать команду по другой причине (во времена президента Б. Ельцина по этому поводу было много изdevательских предположений).

Уместно напомнить эпизод, когда во время путча августа 1991 г. президент М. Горбачев был лишен «ядерной кнопки», а вскоре в сумятице провала путчистов министр обороны Д. Язов вообще где-то потерял свой «чемоданчик». Значит ли это, что страна была обезглавлена в своей способности на ядерные ответные действия в случае внезапного нападения? Похоже, что нет: никто

⁹ Сафранчук Иван. Будущее российских ядерных сил. Часть 3. URL: <http://www.pircenter.org/board/article.php3?artid=189> (дата обращения: 14.01.2005).

ни в СССР, ни за рубежом особенно не обеспокоился потому, видимо, что третий терминал оставался в Генштабе и контроль над СЯС ни на минуту не прерывался.

Если предположить, что три терминала работают не совместно, и с каждого «Чегета» технически можно независимо отдать приказ на ракетный пуск, то значит ли это, что есть техническая возможность санкционировать ядерную войну в обход президента? По Конституции, если президент не в состоянии отдать приказ, то его преемник является не министр обороны или начальник Генштаба, а председатель правительства (Ст. 92, п. 3). Однако в истории новой России ему (в лице Виктора Черномырдина) чемоданчик был передан только один раз, когда Борис Ельцин лег на кардиологическую операцию в 1996 г.¹⁰ В 2000–2008 гг. по СМИ ни разу не было информации о передачи терминала председателю правительства во время частых отъездов президента за границу и более того – президент и премьер и раньше и теперь нередко одновременно отправляются в зарубежные поездки и не могут считаться «на боевом посту». К кому же тогда переходят полномочия по столь важному вопросу и как быть с незыблемостью политического контроля над главным решением военной политики и безопасности?

Несомненно, предполагается, что и министр обороны и начальник Генштаба политически лояльны и административно подчинены президенту и никогда не пойдут против его воли, тем более в столь важном вопросе, как применение СЯС. Но времена меняются, как и люди на высших государственных постах, и кто может поручиться, что так всегда будет и впредь? Как сработает «тройная кнопка» в возможной будущей кризисной ситуации, если президента не будет на месте, если ракетно-ядерное распространение повлечет случайный или провокационный ракетный удар по России или ядерный террористический акт? В столь важных вопросах недопустимо полагаться на личные взаимоотношения высших должностных лиц. Именно законодательные нормы и технические системы призваны вообще исключить роль таких субъективных факторов.

В СССР не было понятия политического или гражданского контроля над армией в общепринятом смысле слова, существовало единое «военно-политическое» руководство, сообразное тоталитарному политическому режиму. В России, идущей по демократическому пути, предположительно должен быть твердый, технически гарантированный контроль политического руководства над самым важным из всех решений – о применении ядерного оружия.

Понятно, что открытие информации по ядерным вооружениям требует тщательно взвешенного подхода. Есть немало тем, которые нужно держать в секрете, что делают и вполне демократические страны – США, Великобритания, Франция. Это относится ко многим техническим устройствам существующих и перспективных систем оружия, ядерных боезарядов, систем управления и предупреждения, к оперативным планам боевого применения сил, спискам целей.

¹⁰ А наш чемоданчик стоит на запасном пути // Новые известия. 2 июля 1999 г.

Кстати, положение в названных зарубежных государствах отнюдь нельзя считать идеальным, там тоже совершаются немало ошибок в ядерной политике. Преимущество демократической системы не в том, что она гарантирует от просчетов, а в том, что позволяет свободно обсуждать проблемы на базе достоверной информации и исправлять ошибки вовремя, до того как их издержки становятся невосполнимы.

Что касается России, то большой массив информации о развернутых силах и программах их развития, распределении финансовых ресурсов, мерах упрочения стратегической стабильности не должен скрываться. Кстати, огромный объем сведений и так предоставляется за рубеж – по обмену данными в рамках Договора СНВ-3, а также в ООН по финансированию ядерных программ. Нет никаких оснований держать это в секрете внутри своей страны, если не руководствоваться интересами ведомств в сохранении монополии на формирование решений и в сокрытии своих ошибок и просчетов. Это предполагает внесение существенных поправок в закон «О государственной тайне».

Следует также всячески расширять роль законодательной власти в определении военной политики вообще и ядерной политики в частности – через парламентские слушания, расследования, путем поправки в Конституцию для наследования Федерального Собрания контрольными функциями (сейчас есть лишь законодательная и представительская). Парламентариям требуется информация, которая позволяет судить не о соотношении бюджетных средств, выделяемых, скажем, на коммунальные расходы ивещевое довольствие армии и флота – а о важнейших приоритетах (через финансирование) военной политики и военного строительства: таких как ядерное сдерживание на глобальном уровне и на театрах военных действий, наступательные и оборонительные стратегические системы, силы общего назначения, потенциал для ведения широкомасштабных и локальных войн, контингенты для быстрого реагирования и миротворческих операций, распределение ресурсов для парирования возможных угроз на западе, юге и востоке. Для этого нужно серьезно переработать соответствующим образом закон «О бюджетной классификации».

В законе «Об обороне» целесообразно легализовать институт гражданского руководства Министерством обороны, включая аппарат министра обороны, подчиненный только ему и способный давать объективную оценку предложений видов вооруженных сил и Генерального штаба. Дело вовсе не в том, что гражданский министр обороны умнее и миролюбивее военного – в жизни может быть и наоборот. Просто гражданский министр по определению является представителем президента в Министерстве обороны, а военный – представителем Министерства обороны при президенте.

Кроме того, военные карьеры строятся в определенных видах вооруженных сил, и потому офицеры, поднявшиеся на высшие посты, не могут не быть патриотами своих войск. Трудно представить себе танкиста, предлагающего перераспределить финансы на флот, или летчика, ратующего за ассигнования на баллистические ракеты. На высший государственный уровень приходят запросы, основанные на межведомственных компромиссах, которые отнюдь

не всегда отражают рациональные соображения, а зачастую – политический вес тех или иных ведомств, влияние их промышленных партнеров и личную близость к первому лицу. Гражданский министр обороны, опираясь на собственный аппарат специалистов гражданского и военного профиля, теоретически имеет возможность сформировать более объективную точку зрения, а за ней стоит самая большая статья государственного бюджета.

Необходимо также значительно повысить путем принятия специального закона роль Совета Безопасности, как не просто консультативного органа при президенте, а надведомственной организации для анализа позиций «силовых структур» и координации их деятельности по реализации курса президента и парламента в области национальной безопасности, особенно на стыке внутренних и внешних, военных и политических проблем и вызовов.

Следует рассмотреть возможность изменения системы управления в высшем звене («Казбек») применительно к российской политической системе и принять закон «О правопреемстве верховного главнокомандования», определив последовательность государственных лиц, помимо президента и премьер-министра, которым в случае недееспособности последних передаются полномочия на решение о применении ядерного оружия. «Ядерная кнопка» в соответствии с Конституцией должна быть постоянно в распоряжении только президента и (для подстражовки) у председателя правительства, и они не должны одновременно покидать страну.

Конечно, после окончания холодной войны вероятность внезапного удара США снизилась, однако растет угроза распространения ядерного оружия и ракетных технологий, увеличивается опасность ядерного терроризма – со всеми вытекающими последствиями. В 2002–2003 гг. упомянутые выше законопроекты выдвигались фракцией «Яблоко» в Государственной Думе, но они не были приняты.

Нужно, наконец, всячески поощрять исследования и прислушиваться к рекомендациям независимых научных и общественных организаций, а также отдельных авторитетных специалистов. Опериуя на базе широкой и достоверной информации, они способны предоставлять альтернативные подходы к проблемам безопасности, избавленные от ведомственных шор и позволяющие президенту и парламенту принимать выверенные и оптимальные решения на стратегическую перспективу.

ЧАСТЬ V МЕЖДУ ТЕМ...

(Избранные интервью)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОБТЕКАЕТ ОСТРЫЕ УГЛЫ*

Крым и конфликт на Украине обнажили противоречия двух глобальных точек зрения.

США и Евросоюз настаивают, что во главу угла следует ставить принцип территориальной целостности государств, российские власти парируют, что право народов на самоопределение не стоит сбрасывать со счетов. Спор давний, только в 1990-е годы стороны занимали прямо противоположные позиции. Что же произошло и насколько сильно противоречие этих двух основополагающих принципов из устава ООН? Об этом «Огоньку» рассказал руководитель Центра международной безопасности Института международной экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, академик, доктор исторических наук Алексей Арбатов.

– Алексей Георгиевич, так что, на ваш взгляд, в приоритете: принцип территориальной целостности или право наций на самоопределение?

– На много порядков впереди – территориальная целостность. Хотя право народов на самоопределение, безусловно, важный элемент демократического общества. На деле противоречивость этих принципов весьма относительна. Я приверженец школы «реальной политики» и полагаю, что государства руководствуются не столько принципами, сколько своими национальными интересами, а принципы служат для официального обоснования этих интересов. В зависимости от политических интересов предпочтение отдается то одному принципу, то другому. Хорошо, когда национальные интересы и принципы совпадают, но если нет – тоже не беда. Может, это звучит цинично, но зачастую вопрос трактуется так: для меня и моих союзников – территориальная целостность, для противников и их союзников – право народов, живущих на их

* Арбатов А., Сухова С. Международное право обтекает острые углы // Огонек. 2014. № 16. С. 8.

территории, на самоопределение. При этом, конечно, форм выражения последнего принципа множество, и далеко не все из них предполагают отделение (сепаратизм). Объявление независимости – исключительный случай, который, по идеи, и должен быть детально регламентирован в международном праве, чего пока нет. Нигде не прописаны случаи, при которых сепаратизм допускается, а также механизм ее предоставления: например, организации, которые будут определять, подпадает ли та или иная ситуация под такой случай, чтобы избежать возможного произвольного толкования или каких-то провокаций. Ведь инсценировать можно все, даже геноцид, чтобы спровоцировать вмешательство извне (как подчас происходило во время войны в Югославии в 1990-е годы). Но международное право пока идет по пути обтекания острых углов. Не потому что юристы глупы или трусливы, а потому что политики не хотят связывать себе руки.

– И как долго такая ситуация продлится?

– Если нам всем – и России, и Западу – посчастливится без больших потерь и крови выбраться из украинского кризиса, то такую работу стоило бы начать. По-моему, очевидно, что в этом вопросе нельзя давать возможность все решать по праву силы. Что вызвало такую реакцию американцев сейчас? Они на себе ощутили то, что российские власти и общество испытали, когда НАТО бомбило Югославию, – грубейшее нарушение международного права. США пришли в ярость от собственного бессилия, от осознания того, что ответить, по большому счету, нечем, во всяком случае, военными средствами. Они ратовали за приоритетность права народов на самоопределение в Югославии, когда в России предпочитали территориальную целостность. Теперь все наоборот...

– Почему Запад и Россия «махнулись, не глядя» принципами?

– Дело не в принципах, а в изменении отношений между государствами. По окончании холодной войны проевропейский вектор российской политики был очевиден. В те годы Россия защищала свою территориальную целостность, а стало быть, транслировала этот принцип политики и вовне – на постсоветское пространство. Хотя своего рода анклавы сформировались уже тогда (Карабах, автономии в Грузии и Приднестровье в Молдавии), но это не влекло нарушения территориальной целостности новых государств. На Западе провозгласили концепцию однополюсного мира под руководством США и делали все, чтобы помешать российскому доминированию на постсоветском пространстве под лозунгом предотвращения рецидива «советского империализма». Ответной концепцией России стал многополярный мир, в котором она могла быть одним из центров силы. Так как в экономике она не могла тягаться с Китаем, Евросоюзом, а тем более с США, то Москва пошла другим путем – создания коалиции на постсоветском пространстве. Речь об СНГ, Евразийском союзе, ОДКБ и т.д. Иметь свою коалицию, альянс государств – это статусно. В мире еще только США удалось сколотить большую коалицию союзников. Ни у Евросоюза (как альянса многих равных стран), ни у Китая таковой нет.

А вот быть ядерной державой сегодня уже не настолько статусно, как в 1990-е и тем более в 1970-е.

– Почему?

– Ядерное оружие становится «оружием бедных», а отнюдь не передовых держав – Пакистан, Северная Корея, гипотетически Иран... Ядерный потенциал дает защиту от прямой агрессии, но уже не гарантирует ведущей роли в системе международных отношений, за исключением вопросов, которые напрямую к этому оружию относятся. Другое дело – блоки. Но эти два курса: со стороны Запада – на недопущение возрождения СССР и со стороны России – на образование своего блока на постсоветском пространстве, рано или поздно должны были столкнуться. Так и произошло в августе 2008 года... Выводов никто не сделал. Запад, например, отказался обсуждать даже идею нового договора о европейской безопасности, предложенную Москвой, как и возможность создания организации, способной предотвращать и разрешать такого рода конфликты: мол, и существующих структур хватает.

– Россия наступает на одни и те же исторические грабли. Почему?

– Есть такая теория, что русский народ не может жить в национальных границах, что он в этом случае теряется, деградирует. Мол, его историческая миссия в том, чтобы осуществлять какую-то грандиозную задачу за пределами страны (раньше – объединение славян или православных, победа коммунизма, сейчас – воссоединение с русскими за пределами российских границ). Проблема, однако, в том, что «миссионерская задача» подчас овладевает умами и отвлекает от решения внутренних задач, экономических и политических реформ, что рано или поздно приводит к жесточайшим потрясениям. По крайней мере, в истории России так было трижды: в начале XVII века, в 1917 и 1991 годах. Когда же в России заняты социально-экономическим переустройством, как во времена Александра II, при Столыпине и Витте, то тут, как правило, не до мессианства во внешней политике.

– Ленин писал, что США сплотила внешнюю угрозу, и задавался вопросом: поможет ли таковая Россия, чтобы национальные окраины воссоединились с великорусским центром? Как бы вы ответили?

– С тех пор многое изменилось. Исторически Российской империя создавалась тремя путями: продвижением цивилизации (по отношению к своему окружению за редким исключением она была самая развитая в социально-экономическом плане страны), военным (защита или захват) и путем распространения некоей великой идеологии (православие, коммунизм). Иногда шли по одному из них, иногда использовали все три в комбинации. Сегодня Россия не предоставляет Украине (кроме ее юго-восточных провинций), Молдавии, Грузии привлекательную для них модель экономического развития. Максимум (для особо нуждающихся слоев населения) работу, а также с той или иной скользкой энергоносителями. Идеология – тоже не очень действенный инструмент

по причине ее аморфности и отделения церкви от государства. Максимум, что Москва может предложить, — «сбор русскоязычных», но речь об относительно небольшом количестве людей. Остается военный путь, но в современных условиях злоупотреблять им рискованно и дорого...

— То есть прельстить Украину экономически России не удалось?

— Да, зато это удалось Евросоюзу (заметим: в период его экономического кризиса). Все президенты Украины рано или поздно начинали поглядывать на Запад. Янукович — не исключение. Видимо, в Москве это не принимали всерьез, а потому не верили в вероятность такого исхода вплоть до того, как до подписания соглашения Украины с ЕС оставалась неделя. Отчасти и проглядели, так как с 2012 года были заняты евразийским курсом. После свержения Януковича и захвата власти в Киеве Россия сделала акцент на праве народа Крыма на самоопределение в сочетании с весьма эффективным избирательным применением, так сказать, «мягкой» военной силы. Конечно, экономическая и военная мощь России уже не та, что была у СССР, но на Крым хватило, а чисто гипотетически (хотя такие намерения отрицаются), вероятно, хватило бы и на Восточную Украину, Приднестровье и на Северный Казахстан, где большое русское население. Но такое продолжение, конечно, чревато самыми серьезными международными последствиями: Россия оказалась бы окружена враждебными государствами, которые при поддержке извне будут пытаться развалить уже ее.

— Пока они воздержались от жесткого ответа...

— Американцы были застигнуты врасплох, не ожидали, не подготовились. В Вашингтоне были убеждены, что Россия смирится с подписанием Киевом соглашения об ассоциации с ЕС — ведь это не НАТО и тем более никто не давал обещания принять Украину даже в ЕС! Они не взяли в расчет того, что у Москвы выработался опыт: в последние 20 лет расширение Евросоюза шло рука об руку с расширением НАТО. Почти все страны, вступившие в этот период в НАТО, стали членами ЕС. Для Кремля поворот Украины в сторону Евросоюза означал, что если она вступит туда, то скоро окажется и в числе стран — членов НАТО. Для Кремля такое было недопустимо — потеря самой большой, главной страны постсоветского пространства после России! Какая в этом случае коалиция, Евразийский союз с кем? Белоруссии и Казахстана с Киргизией для этого маловато... Тем более что Астана проводит свою собственную разновекторную политику (с Россией, Китаем и США), а с Белоруссией мы и так строим союзное государство.

— А Украину приняли бы в Евросоюз?

— В свое время на это в свойственной ему парадоксальной манере ответил незабвенный Виктор Степанович Черномырдин. Когда его, послы России на Украине, провоцировали журналисты (какая из двух стран — Турция или Украина — первой вступит в ЕС?), он ответил не задумываясь: «Украина!» А на вопрос, когда это произойдет: «Никогда!»

– А в НАТО Украину примут?

– В НАТО не может быть принята страна с неразрешенными территориальными проблемами. Вряд ли 28 членов альянса, как положено, единодушно проголосуют по этому вопросу: там немало здравомыслящих политиков, которые не хотят взваливать на себя весь груз украинских проблем. Но в случае обострения конфликта Москвы и Киева военную помочь НАТО Украине, видимо, окажет. Возможен и двусторонний союз с США: американцы, судя по всему, закутили удила... Они не привыкли себя чувствовать так, как себя чувствовала Россия в 1999 и 2003 годах (агрессия коалиции Запада против Югославии и Ирака).

– Что стало решающим фактором, по-вашему: страх Кремля перед появлением в Крыму баз НАТО или обида на неисполнение договоренностей от 21 февраля?

– Второе. Ни в декабре, ни в январе о натовских кораблях в Севастополе никто не говорил. Но справедливости ради: сегодня мы не можем предсказать, что случилось бы, если бы... А ну как лет через десять Украина вступила бы в ЕС, а потом и в НАТО?.. Гипотетически такое развитие событий не исключено.

– В какой момент открыли ящик Пандоры: в Косово, в Грузии или на Украине?

– Если бы сложилась иная ситуация на постсоветском пространстве, если бы Россия не свернула с европейского пути, а Запад не подтолкнул ее к этому, стремясь побыстрее навязать разрушительную реформу и всеми путями вытеснить Россию из СНГ, то Косово осталось бы просто прецедентом. Но Россия и Запад вступили в предсказуемый клинч за доминирование на постсоветском пространстве, а Косово стало прецедентом для отделения Южной Осетии и Абхазии, а теперь и Крыма. Проблема не в наличие прецедента как такового, а в том, есть ли желание им воспользоваться и при каких условиях. Международное право на сей счет молчит, а державы толкуют его всяк в свою пользу.

– Выходит, система ООН уже не сдерживает страны в их границах...

– Этот принцип работает только в Европе, да и то с оговорками: Югославия распалась в ходе страшной войны, Чехословакия – полюбовно, а СССР – относительно мирным путем, хотя в нескольких конфликтах уже после этого пролилось немало крови. Германия воссоединилась из-за того, что рухнул политический строй ГДР. Границы менялись, но с 1945 года до сих пор не было случая, чтобы одно государство присоединяло к себе часть другого. Это-то и вызвало сейчас такой взрыв ярости на Западе. Но в отсутствии четких международных норм все споры о легитимности септичессии перемещаются в нравственную сферу... Для общественного мнения России важно не то, что Крым присоединился, пропустив фазу независимости, а то, что российские войска ни в кого не стреляли, а самолеты никого не бомбили. Для россиян неприемлем именно случай Косово, где были нарушены все хельсинкские нормы, в центре Европы бомбили европейскую страну, потом был массовый исход сербских беженцев, и все закончилось отделением территории, хотя изначальных причин-то уже не было (Милошевич умер в тюрьме, Сербия стремилась в ЕС). Для Запада же неприемлемо

то, что Россия присоединила к себе территорию, которая 60 лет принадлежала другому государству.

— **Но есть ли, по-вашему, социально-экономический запрос на раздробление государств?**

— Как ни странно, есть. Даже в благополучных зонах типа Евросоюза, где национальные границы теряют свое значение, периодически возникают движения за отделение — в Шотландии, Каталонии, Северной Италии... Речь не столько об отделении де-юре или де-факто, сколько о желании сделать политический жест и получить за это экономический бонус, как в Каталонии и Северной Италии. Шотландия — исключение, там многовековая история, но и это отделение если и произойдет, то мирно, с согласия центрального правительства.

— **В мире сейчас около 220 стран, а наций — 2500...**

— О том и речь, что, помимо Европы, этому процессу подвержены и самые неспокойные регионы, с неустоявшимися государствами, где свирепствуют национальная или племенная рознь, нищета и полный правовой беспредел. Для предотвращения бесконечных кровавых конфликтов там нужно правовое закрепление условий и процесса сепарации на международном уровне и, конечно, максимальное согласие и сотрудничество великих держав.

БЫСТРО РАЗРЯДКА НЕ НАСТУПИТ*

Академик Алексей Арбатов – об особенностях российско-американского противостояния. Беседовала Светлана Сухова.

Российско-американские отношения опять – и сильно – лихорадят. Виновата ли в этом история и почему так получается, «Огонек» расспрашивал об этом академика Алексея Арбатова.

– Алексей Георгиевич, вы сторонник теории цикличности в истории?

– В российско-американских отношениях определенная синусоида явно просматривается.

– И на каком ее отрезке мы ныне находимся?

– Надо понимать, что некая цикличность в отношениях появилась уже после Второй мировой. До этого США были третьеразрядной державой, а еще ранее Россия даже помогала Штатам в войне за независимость. Есть интересные исторические совпадения и одно из них в том, что в 1812 году были сожжены и Москва, и Вашингтон. После Второй мировой мир изменился. Появились две сверхдержавы, которые стали бороться за лидерство. Конечно, сегодня отношения между Россией и США иные, чем во времена Никиты Хрущева. У них другие негативные и позитивные черты. Тогда – в эпоху bipolarности – российско-американские отношения составляли стержень мировой политики. Две сверхдержавы вели глобальное соперничество под идеологическими лозунгами, беспрецедентную гонку вооружений. Окончание холодной войны прекратило конфронтацию и дало импульс сотрудничеству, но одновременно отношения между Москвой и Вашингтоном перестали быть главными в мире, а в самих отношениях неглавными стали вопросы предотвращения войны и разоружения. Правда, конфликт на Украине возродил конфронтацию и вывел отношения России и США снова на первый план, но ядерным оружием никто друг другу не грозит. А во времена холодной войны при любом случае начинали хвататься за ядерный меч. Как тот же Хрущев в ходе Суэцкого кризиса 1956–1957 годов, например. И ведь было дело Советскому Союзу до Суэцкого канала, чтобы грозить ядерным ударом! США сразу ответили теми же угрозами. А ныне? На Украине обе стороны столкнулись чуть ли не лбами, но никто таких угроз пока не выдал в эфир, разве что иносказательно, как президент Путин успокоил молодежь на Селигере, что «мы укрепляем наши силы ядерного сдерживания... чтобы чувствовать себя в безопасности»...

* Арбатов А., Сухова С. Быстро разрядка не наступит // Огонек. 2014. № 36. С. 20.

— Власти — нет, но эксперты говорили о возможности разрастания конфликта до применения ядерного оружия...

— Дуракам закон не писан, тем более в эту сторону сохраняется полная «свобода слова». Почему бы некоторым экспертам не покрасоваться и не продемонстрировать свою крутизну, если на деле не им решение принимать? Я лично считаю такие «экспертизы» безответственными и глупыми. Другое дело — предупреждать об этой опасности, чтобы ее избежать. Понятно, что если ядерное оружие имеется, то это подразумевает и наличие за кулисами потенциальной угрозы обмена ударами. Но в оперативной политике ответственные деятели не размахивают ядерными кистенями под носом у оппонента, понимая, что обмен ударами стал бы гибелью для своих народов и всего остального мира. Другое дело, что если оценивать не дипломатические подсечки и тычки, которыми обмениваются Россия и США сегодня, а атмосферу в обоих обществах — у нас и за океаном, — то такой напряженности, подозрительности, переходящей порой в ненависть, паранойи, пожалуй, не наблюдалось со временем Карибского кризиса 1962 года.

— То есть сейчас мы на стадии Карибского кризиса?

— Мы стоим или до него — дело еще не дошло до грани прямого вооруженного столкновения, которого тогда чудом удалось избежать, — или сразу после него. Все зависит от того, продержится ли перемирие на Украине. Если оно сорвется, то мы из состояния «до» переместимся в «во время», то есть непосредственно в кризис, который создаст угрозу эскалации конфликта, хотя ни одна сторона преднамеренно на другую не нападет. Если, скажем, ополченцы с нашей помощью, в чем бы она ни выражалась, будут с боями продвигаться к Приднестровью и далее к Румынии, то вполне вероятно, что политическое давление на руководство США и НАТО станет настолько сильным, что они станут поставлять Киеву ударное оружие, а потом введут в Украину войска, несмотря на все ранее сделанные заявления о военном невмешательстве.

— Значит, вы считаете, что война России и НАТО возможна?

— В мировой истории поровну случаев, когда войны возникали в соответствии с четким планом, как нападение Гитлера на Польшу или СССР, и когда они случались в силу неуправляемой эскалации противостояния и конфликта, когда каждая из сторон считала, что не она — зачинщица войны, а только отвечает на агрессивные действия других. Классический пример — Первая мировая война, которой никто не хотел, но цепная реакция эскалации взаимных угроз и относительно высокая технизация вооруженных сил (в частности, скрупулезные и неизменяемые графики перевозок войск по железным дорогам Германии) навязали политикам свою логику поведения. В нынешний ядерный век технизация и автоматизация на много порядков выше, и она диктует свою логику действий или впадает в хаос. Это значит, что политики в ситуации кризиса на определенной стадии эскалации могут услышать от военных: «Или начинаем, или проигрываем!» Но, конечно, сейчас никто не планирует нападения на другую

сторону. России это совершенно не нужно, она добивается целей другими способами, а власти США и НАТО тоже не раз заявляли, что вооруженного участия в украинском конфликте принимать не намерены.

– И увеличили контингент быстрого реагирования НАТО...

– К концу года и смехотворное по объему увеличение – на 3,5 тысячи человек, примерно одна бригада. Россия по плану военной реформы будет иметь более 80 таких бригад, преобладающая часть которых размещена в Западном и Южном военных округах. У нас только «отпускных» военных на территории Украины, как признал Захарченко по нашему телевидению, было до 4 тысяч. Причем речь же не о рядовых солдатах-срочниках – те служат год и им отпуск не положен, а о контрактниках и офицерах. Ополчение из бывших гражданских и военных с трофеинным оружием вряд ли способно долго отбивать атаки регулярных войск и тем более окружать их в «котлы», не говоря уже о марш-броске к югу и захвате чуть ли не всего азовского берега Донецкой области в считанные дни. Для этого требуются профессиональное планирование операций и хорошая их организация плюс техническое оснащение и тыловое обеспечение. Да, российские боеготовые части и соединения на Украину официально не введены, карт-бланш на это президентом у Совета Федерации не запрошен. Но каким-то образом ополчение и «отпускники-военные» нанесли такой силы локальный удар, что после этого Порошенко был вынужден пойти на перемирие. На этом фоне контингент быстрого развертывания НАТО, который разместят в Польше, выглядит не так солидно, скорее как символический акт. Ситуация с Крымом и юго-востоком Украины сильно напугала наших ближайших соседей на Западе, они потеряли к России доверие и теперь подозревают самое страшное. К тому же некоторые наши политики из Думы, общественные деятели и военные эксперты прямо угрожают им военным походом до Румынии и массированным ядерным ударом, причем их угрозы, за редким исключением, не дезавуируются со стороны исполнительной власти.

– Они и раньше не сильно доверяли. Что-то изменилось в представлении россиян и американцев друг о друге за полвека?

– И мы, и они стали в прошлом больше знать друг о друге. Прежде всего россияне. Оно и понятно: советский человек по традиции больше интересовался тем, «как у них там». Американцы мало любопытны к тому, что происходит за океаном. Советский железный занавес и оглушительная пропаганда тех лет, в которую мало кто верил, приводили к тому, что граждане СССР идеалистически относились к американцам исходя из того, что раз власть их клеймит, то, значит, все наоборот. Сейчас этот миф пропал, причем с обеих сторон. В начале 2000-х взгляды россиян и американцев друг на друга стали гораздо более трезвыми. Немало россиян побывало в США, посмотрели, пообщались. Многим в России, по их собственному признанию, оказалась ближе Европа. У американцев аналогично: радость от знакомства с «освободившимися от коммунистического ига» сменилась образами «новых русских», русской мафии и т.д. Иллюзии

растаяли, и наступил третий этап в отношениях – растущего отчуждения. Это последние годы. Такой взаимной неприязни и враждебности не было никогда. Даже в эпоху Карибского кризиса отношение общества к обществу было иным.

– Что случилось?

– Появилось чувство унижения, оскорбленного достоинства, американцы разочаровали россиян за последние четверть века. Тут надеялись на равные отношения, а оказалось, что они пользуются нашей слабостью, свысока относятся, за равных не признают. Как же так?! А для американцев все очевидно: за что уважать, если россияне не могут себе устроить приличную жизнь, учитывая имеющиеся у страны ресурсы, культуру, науку, историю... В сознании американца Россия могла бы стать почти такой же передовой, как Штаты! А вместо этого русские все живут от продажи нефти и газа, прославились на весь мир уровнем коррупции и по многим социальным показателям стоят в разряде развивающихся стран, причем не вверху списка. Равноправное отношение и взаимное уважение сегодня сохранились разве что в профессиональных кругах.

– Изменение отношения – следствие пропаганды?

– Пропаганда, конечно, и там и тут тоже работает, но само отношение имеет и объективную составляющую, выработанную самим обществом. Своего рода интуиция. Американцы теперь думают, что в россиянах «что-то такое» есть: ведь сняли железный занавес, освободили от диктатуры идеологии, дали полную свободу – живите, зарабатывайте, станьте цивилизованной страной, а вот нет! Есть, значит, в этих русских что-то такое генетическое, что толкает их обратно на традиционный путь, – и вот опять у них государство прессует все и вся, опять полновластный лидер у кормила, опять послушный парламент и пресса, опять народ зовут патриотически служить государству и жертвовать ради его великих замыслов. Американцам этого не понять: они воспитаны в том духе, что государство, то есть чиновники и депутаты, должны служить народу, причем за ними нужно все время присматривать, чтобы не воровали и выполняли свои обязанности. Для этого выборы, сменяемость власти, независимые суды, агрессивная пресса и активные гражданские организации. Они считают все это источником своей силы. А большинство русских видят силу в единстве лидера, государства и народа не ради мещанского комфорта, а для достижения великих целей, скажем, воссоединения «русского мира». В отличие от времен холодной войны, американцы предъявляют счет не российской власти, а изменили отношение к нашему населению.

У россиян, в свою очередь, появилась убежденность в том, что американцы тупы, прямолинейны, не понимают глубины нашей славянской души, особого ее богоискательства, мистической природы. Им бы съесть гамбургер, сесть в машину и рвануть в Майами. А мы же вместе воевали, наши деды на Эльбе обнимались, а они нас теперь не уважают, не слушают, чинят по всему миру произвол, бомбят, кого хотят, не признают ничьих взглядов и интересов, кроме своих...

Беда в том, что если коммунистическая идеология была придумана сверху и вброшена в российские массы, а антикоммунизм стал ответом на Западе, то нынешнее отношение одного общества к другому произросло изнутри и в нем немало обоснованных негативов с обеих сторон. А значит, и менять его будет гораздо более трудно и долго.

— В Карибский кризис вражду поменяли мгновенно — письмом Никиты Сергеевича Джону Кеннеди...

— Двумя письмами. Сейчас в этом нет нужды, потому как есть кабельный «красный телефон» и спутниковая связь. Что зря время терять? Прямой контакт в острых ситуациях незаменим. Ведь в кризисных ситуациях лидеры получают советы и информацию от узкого круга доверенных лиц. А те заботятся о своей карьере и не хотят показаться слишком мягкотелыми и, не дай бог, понимающими (то есть сочувствующими) позицию противника. Они, как правило, трактуют действия другой стороны в самом негативном виде и советуют патронам действовать жестче. Так что прямой контакт лидеров может оказаться единственным способом получить информацию и разъяснение мотивов оппонента непосредственно, не через «испорченный телефон», и тем самым избежать войны из-за предвзятости позиций. Владимир Путин с Бараком Обамой не раз переговаривался по телефону во время украинского кризиса, но не могу судить, насколько это помогло. Существует мнение, что им мешает какая-то взаимная личная неприязнь.

— У Хрущева тоже не было любви к Кеннеди...

— Он вообще поначалу считал его мальчишкой и думал, что уж Кеннеди он в два счета обштопает, как «зеленого». Только потом, в ходе Карибского кризиса, Хрущев проникся к этому молодому человеку огромным уважением. Кеннеди, к слову, воевал, причем на передовой. Никита Сергеевич тоже был на фронте, но занимал высокий пост и не бросался на амбразуру, а Кеннеди был тяжело травмирован в бою, когда служил на флоте младшим офицером.

— В России сегодня уже стал привычным рефрен, что с Обамой говорить бесполезно, надо ждать его сменщика...

— Я с этим категорически не согласен. Как показывает история, когда в Кремле ждут прихода новой администрации, то теряют время и к тому же получают плохой фон отношений с новой администрацией. Да, у Обамы сегодня слабые позиции внутри страны, но ему еще находится у власти два года. За это время может произойти что угодно — от новой разрядки до полноценного Карибского кризиса. Если сидеть и ждать, можно не сомневаться — дождемся тех, кто придет в Белый дом на оглушительной антироссийской волне. И закрутят гайки внешней политики так, как Обаме и не снилось. Он пришел в Белый дом с самыми благими намерениями: хотел наладить сотрудничество с Россией, дважды отменял систему ПРО в тех элементах, которые больше всего беспокоили Кремль, призывал к безъядерному миру и, хотя после короткой «перезагрузки»

российская власть отказывалась уступать по любому пункту, ждал почти до самого украинского кризиса. За что теперь подвергается нападкам правой оппозиции за «мягкотелость». В прошлую избирательную кампанию республиканский кандидат Митт Ромни во всеуслышание заявил, что главный враг США — Россия. И что ответил Обама? Не согласился, сказал: «Аль-Каида». Если взглянуть на то, что происходит сегодня в Ираке, он был прав. Но западное общественное мнение на 99 процентов считает, что Обама промахнулся: если Россия пока еще не 100-процентный враг, то уже точно главная проблема и угроза. И сейчас Обама вынужден реагировать втройне жестко, хотя и тут он почти не выходит за рамки экономических санкций.

— Почему российским (советским) лидерам всегда было проще вести диалог с республиканцами, чем с демократами?

— Не всегда: в 1990-е годы, когда у власти в США были демократы, отношения с Россией были прекрасными. Правда, они строились не на равноправной основе, Москва шла в фарватере Вашингтона.

— Россия была слаба. А когда она не слаба?

— Тогда — проще с республиканцами. На мой взгляд, по двум причинам. Во-первых, республиканцы всегда изначально занимают более твердую внешнеполитическую позицию: у них меньше либеральных сантиментов, никакого «вместе к прогрессу и демократии», все pragmatically и жестко. И с таким визави Россия (СССР) ведет себя более осторожна. С Эйзенхауэром Хрущев, несмотря на все свои эскапады, ботинок и прочее, вел себя осторожно, но стоило появиться в Белом доме Кеннеди, генсек послал ракеты на Кубу, считая нового президента США слабаком и либералом, которого можно «обштопать». И тут же нарвался на кризис, который чуть не закончился глобальной ядерной войной. Есть такое и теперь: у нас многие думали, что Обама — либерал, значит, слабак и такого можно попинать — ничего особенного не случится. И не случилось! До украинского кризиса. Но присоединение Крыма и помочь повстанцам вызвали более жесткую реакцию демократов. Она сейчас зачастую нерациональна — только возмущение, стремление наказать, заставить отступить и признать поражение. А между тем понятно, что без конструктивного участия Вашингтона кризис основательно не урегулировать. Хотя США не приезжают на встречи по Украине, на них оглядываются и Киев, и Евросоюз, и ОБСЕ, не говоря уже о НАТО.

Во-вторых, республиканцев, как консерваторов, pragmatиков и даже циников, всегда меньше волновали вопросы прав человека. Как и вообще вопросы развития демократии в других странах. Иногда они об этом вспоминали, но, что называется, «для протокола». В СССР права человека всегда были самым болезненным вопросом. И на него всегда реагировали острее и болезненнее, чем на развертывание авианосного соединения у советских берегов или очередную силовую акцию за рубежом. Потому что эта тема была под корень саму систему. С военной угрозой можно справиться и даже извлечь из этого выгоду, а вот во-

просы о правах человека — это удар ниже пояса. В 1990-е годы на Западе этот вопрос и не поднимали, считали, что Россия идет трудным путем построения демократии, сравнивали со своей историей, которая тоже изобилует разного рода перегибами. Республиканцев эти правозащитные темы особо не волновали. Не удивительно, что Владимир Путин и Джордж Буш друг другу симпатизировали, а российский президент первый позвонил 11 сентября. Демократы тоже попытались начать с перезагрузки, но вопросы прав человека для них были в приоритете, и по ходу времени отношение к консолидации российского государства на традиционной основе стало все больше омрачать отношения двух держав, поскольку ставило под сомнение нашу политическую систему «управляемой, суверенной демократии». А это настораживает больше, чем удар по Ираку или Сирии...

Впрочем, если мы и не полюбим друг друга снова, то мы не обречены на вечную конфронтацию. Если перемирие на Украине продлится, то и американо-российские отношения расслабятся. После Карибского кризиса это удалось сделать быстро, уже в следующем году был заключен первый масштабный договор по ядерному разоружению — о запрещении ядерных испытаний в космосе, под водой и в атмосфере. Но если после холодной войны все шло по нарастающей с надеждой на то, что отношения будут все ближе, то сейчас слишком велик негативный опыт и разочарование друг в друге. Так быстро разрядка не наступит.

— На нынешнем историческом витке что можно считать разрядкой? Эту стадию мы должны были миновать, по логике, не так давно...

— Приход Дмитрия Медведева, его попытки наладить отношения с Западом, которые до грузинского кризиса 2008 года сильно ухудшились, причем в основном по вине США и ЕС. Ведь там продолжали не считаться с Россией, как привыкли в 1990-е годы. А Россия уже, как принято говорить, «вставала с колен» и требовала к себе должного уважения, заявляя о своих интересах... Вспомним знаменитую речь Владимира Путина в Мюнхене в 2007 году, которую Запад воспринял как необоснованный вызов. С приходом Дмитрия Медведева забрезжила надежда на перемены: «свобода лучше, чем несвобода» (на Западе эта фраза очень понравилась), «партнерство ради модернизации», что предполагало привлечение Запада для перевооружения российской промышленности и перехода с экспортно-сырьевой на высокотехнологичную модель. Это тоже понравилось. Но дальше разговора дело не пошло. После Грузии Запад еще выжидал: да, Россия отхватила территории, объявила их независимыми, но Саакашвили сам первый начал. Это и был второй «Кэмп-Дэвид». А после этого, так как главная проблема осталась нерешенной, несмотря ни на какую перезагрузку, возникла Украина, и мир стал приближаться к порогу «Карибского кризиса-2».

— И в чем главная проблема?

— Вопрос о будущем постсоветского пространства: что это — сфера законных особых интересов России или регион, куда Запад должен проникать, чтобы

не дать России снова в той или иной форме возродить свое доминирование? Каждая из сторон нашла свое решение, они не совпали. Это привело сначала к Грузии – обмен первыми тычками, а теперь – Украина, тут уже борьба идет по полной программе. В итоге оказались там, где не были четверть века, опять всерьез задумались о возможности вооруженного столкновения России с Западом.

– Россия и США обречены на эту синусоиду?

– Наличие синусоиды объяснялось тем, что в холодную войну сверхдержавы при переделе мира доходили до лобового столкновения, но не переступали последний порог, поскольку боялись третьей мировой. От пропасти отступали, начиналась разрядка, а потом снова здорово... Хрущев стучал ботинком и обещал Запад «закопать» (как потом в Москве оправдывались – в хорошем смысле слова), Белый дом не уступал в бойкости риторики... А когда СССР распался и Россия ослабела, цикл был нарушен, но, как показала история, ненадолго.

ТОЧКА ВОЗВРАТА*

Академик Алексей Арбатов – о том, что общего между фултонской речью Черчилля и мюнхенской речью Путина.

Крошечный мужской колледж, в котором на тот момент числились всего лишь 212 студентов, в заштатном американском городке Фултон 70 лет назад стал той самой точкой, где сделала крутой поворот мировая история. И все потому, что бывший премьер Великобритании Уинстон Черчилль избрал это захолустье для произнесения своей знаменитой речи. Принято считать, что с нее началась холодная война, державшая мир в напряжении 45 лет – до распада СССР и Варшавского договора летом 1991 года. Сегодня, в условиях нового и резкого похолода в отношениях между Россией и Западом, о Фултоне вспоминают все чаще, говорят уже не только об исторических параллелях, а о «прямых цитатах» из далекого прошлого, звучащих в наши дни. «Огонек» задался вопросом: справедливо ли это?

Ответить на этот вопрос редакция попросила директора Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академика РАН Алексея Арбатова.

– Алексей Георгиевич, отмечая юбилей фултонской речи, многие ищут аналогии со временами начала холодной войны в нынешней ситуации. Вы видите такие аналогии?

– Отношения России и Запада сегодня во многом напоминают времена холодной войны. В послевоенном мире к этому привело отсутствие договоренности о том, что будет происходить в установленных ялтинскими и потсдамскими соглашениями сферах влияния каждой из стран-победительниц. Stalin в своей «зоне ответственности» стал менять общественно-политический строй – в государствах Центральной и Восточной Европы он создавал для Москвы «лояльный буфер», который не сохранился бы при демократическом строе в этих странах. А это возмутило и напугало Запад: в советской «зоне влияния» быстро начались массовые репрессии, уничтожение оппозиции, госперевороты, установление марионеточных режимов, лояльных Москве, внедрение социалистической гос-экономики. Для таких мероприятий нужно было изолировать свою зону от Запада – отсюда то, что Черчилль назвал «железным занавесом».

– Но Россия не является сегодня центром распространения идеологии...

– Но и холодной войны в понимании 40-х годов сегодня нет! Скорее, мы можем говорить о некоей «гибридной холодной войне», когда не прерываются

* Арбатов А., Сухова С. Точка возврата // Огонек. 2016. № 10. С. 16.

экономические и торговые связи, проводятся совместные полеты в космос, а резервные фонды России хранят в американских долларах и западных ценных бумагах (последнее в годы прошлой холодной войны было невозможно даже представить). Но и сегодня, как и в марте 1946 года, между Россией и Западом отсутствует договоренность о том, что должно происходить во многих важных зонах мира. Более того, не определены сами зоны. После распада СССР Россия сделала попытку закрепить свое особое влияние в границах бывшего СССР, но вместо ее «зоны ответственности» получилась зона столкновения интересов. Часть бывшего европейского советского пространства примкнула к Западу (страны Балтии), часть стала союзниками России (Армения и Белоруссия), остальные остались «проблемной зоной» (Украина, Молдавия, Грузия и Азербайджан). В Центральной Азии растет вероятность столкновения интересов России и Китая, инвестировавшего туда колоссальные средства. Извлекая уроки из последних кризисов Грузии и Украины, сегодня явно требуется вернуться к теме нового договора о европейской безопасности, закрепить нейтральное военно-политическое положение не присоединившихся пока стран, чтобы они не опа-сались России, а Россия – их вступления в НАТО. Нужно гарантировать тер-риториальную целостность стран постсоветского пространства при условии, что они не попытаются изменить свой статус и границы (путем объединения Молдавии и Румынии, например). Нужно также по мере возможности согласовать пределы вмешательства во внутренние дела других государств, но одновремен-но создать международные гарантии соблюдения прав человека. Требуется снять противоречие между правом государств вступать в союзы и правом стран реагировать на то, что они воспринимают как угрозу извне (например, на рас-ширение НАТО). И делать все это надо безотлагательно, а не ждать нового кри-зиса, когда ситуация снова накалится до предела.

– До железного занавеса, по-вашему, дойдет?

– Нет, если только его не опустит Россия, как некогда сделал Сталин. Чер-чилль в фултонской речи лишь констатировал, что СССР отгородился. Впро-чем, если бы сэр Уинстон промолчал в Фултоне, Сталин все равно повернулся бы к Западу спиной. Он считал, что нужно предельно затянуть гайки внутри страны, и панически боялся нового «восстания декабристов» с участием возвра-щавшихся с европейских фронтов героев-победителей. Но и сегодня в России звучат призывы вновь отгородиться от Запада – закрыть выезд, прекратить сво-бодный обмен валюты, преследовать тех, кто так или иначе связан с Западом («нежелательные иностранные организации», «иностранные агенты»).

– Но и Запад ввел антироссийские санкции...

– Это не железный занавес, а попытка заставить Москву изменить политику в отношении Украины. Запад насторожило позиционирование России в качест-ве противовеса США и ЕС, ее претензия на лидерство в незападном мире – вме-сте с Китаем, странами ШОС и БРИКС. Хотя экономической мощи России не хватает – она стремится возместить это дипломатией и военной силой, рас-

ширяет экспорт вооружений и мирных атомных технологий, демонстрирует огромный ядерный арсенал и обновленную армию. Но ни демонстрация силы, ни малоприятная западному уху риторика о готовности защищать повсюду интересы русскоязычных, не привели бы к санкциям. Они были привязаны к решению конкретного вопроса – Донбасса и Луганска. Как только он будет решен, Украина перестанет быть «занозой» в отношениях между Россией и Западом, наибольшая и самая болезненная для России часть санкций будет снята, хотя малая и незначительная, введенная после присоединения Крыма, останется. Иными словами, Запад беспокоят действия России за ее рубежами. И тут аналогия с фултонской речью (Черчилль назвал три зоны столкновения интересов – Турция, Иран и Европа) очень отдаленно просматривается.

– Нет Черчилля в своем отечестве?

– Нигде сегодня нет политика, сопоставимого по масштабам с такой личностью, как сэр Уинстон. Он был истинным мэтром *Realpolitik*. Да и проблемы дня сегодняшнего не чета тем, с которыми англичане сталкивались 70 лет назад: сейчас Лондон волнуют беженцы, ответ на вопрос, оставаться ли Великобритании в ЕС, и прием в Евросоюз Турции. А в 1946-м опасались третьей мировой. Впрочем, аналог фултонской речи все же прозвучал – с известными оговорками так можно назвать мюнхенскую речь Владимира Путина в 2007 году. Он в известном смысле сделал то же, что и Черчилль, – провозгласил несогласие с формировавшимся статус-кво. Путин заявил: Россия более не потерпит, что Запад с ней не советуется при решении вопросов, затрагивающих ее интересы, не считается с ее возражениями (например, в деле расширения НАТО, раздела Югославии, признании независимости Косово) и что так нельзя строить единое евроатлантическое пространство. Лично я далек от того, чтобы сравнивать Путина и Черчилля, но в Мюнхене была предпринята попытка пересмотра де-факто складывавшегося взгляда на отношения между государствами, как и в Фултоне.

– И у этой речи тоже были последствия?

– Ну, конечно, не такие, как в годы холодной войны. Однако, когда Путин в третий раз вернулся в Кремль после четырех лет раздумий в некоей условной «александровской слободе», он изменил курс – вместо европейского пути, слов о единых нормах демократии, которые он произносил еще в 2007 году, была провозглашена опора на традиционные ценности. Причем тут дело не в отношении к гомосексуалистам, а в новом прочтении уваровской триады (православие, самодержавие, народность) применительно в современных условиям. Иных традиционных ценностей я как-то не увидел. Минувшей осенью Путин продолжил тему Мюнхена с трибуны ООН, перейдя через короткое время от слов к делу – началу военной операции в Сирии. В то же время российские власти, наверное, подспудно осознают, что с европейского пути лучше надолго не сворачивать. Иного пути к модернизации экономики и государства для нас просто нет. С нефтегазовой иглы нас не снимет ни «оборонка», ни сотрудниче-

ство с Китаем. Кстати, случай с Эрдоганом показал, что хорошие личные отношения с лидерами авторитарных режимов не являются гарантией от политической конфронтации и даже вооруженного столкновения. Но то Турция, а ведь есть и Китай...

— Вернемся все же к Фултону. Запад тогда, по сути, провозгласил, что с Россией иначе как силой нельзя! Разве что Рузвельт пытался по-другому, втягивая СССР в западный мир...

— Стратегия Рузвельта была во многом утопией: достаточно вспомнить, какой личностью и каким политиком был Сталин, ГУЛАГ, репрессии, переселение народов... Построенная Сталиным система была несовместима с сохранением союзнических отношений с Западом после разгрома общего врага. Черчилль pragmatically и даже цинично смотрел на ситуацию, поэтому и ратовал за политику военно-политического сдерживания СССР. Правда, в далекой перспективе и Черчилль надеялся на ООН, предлагал наделить ее армией и даже полагал возможным передать ООН ядерное оружие, но не раньше, чем уйдет Сталин и СССР изменится. В последнем он отчасти оказался прав: через 7 лет после Фултона — день в день — вождя всех народов не стало, а его преемники сразу убавили напряженности в отношениях с Западом. Хотя и они вместе с США вели политику, не раз ставившую мир на грань ядерной войны (например, Карибский кризис). Но все же сталинская система постепенно смягчалась.

— Запад и сейчас не готов делать ставку на вовлечение России, а только на противостояние с ней?

— В начале 1990-х Запад пробовал — оказывал экономическую и политическую помощь. Была мечта создать единое евроатлантическое пространство от Ванкувера (или Бреста) до Владивостока. Не получилось. В чем-то неправильно повел себя Запад: вмешательство во внутренние дела России было подчас грубым, НАТО явно спешило воспользоваться слабостью России и начало без причины расширяться, совершило агрессию против Югославии, Ирака, позже — Ливии с известными результатами, о которых говорил Путин в ООН. Это была ошибка, потому что в ответ США и их союзники получили рост антизападных настроений в России. Отчасти неумение ЕС и США смотреть на Россию как на равного партнера объясняется тем, что в ней видели страну, проигравшую в холодной войне. А в России считали и считают, что без СССР времен Горбачева и России времен Ельцина холодная война не завершилась бы, что именно Россия, встав на путь перемен, закончила холодную войну. Но помимо разногласий в этой оценке есть еще и объективное неравенство экономик.

— Но и в ЕС не все равны...

— Конечно, Люксембург экономически не равен Германии, но внутри Евросоюза и НАТО у них по одному голосу. Сравните с тем, как обстоят дела в союзах с участием России (ОДКБ, СНГ, Евразийский союз): Москва нередко предпринимает действия, не спрашивая согласия союзников (Грузия, Крым, Восточная

Украина). Неудивительно, что она получает обратную реакцию: никто из них не признал присоединение Крыма, не вышел из Договора о сокращении обычных вооружений в Европе вслед за Россией, не ввел контранкции против Запада... Но экономическое неравенство внутри международных союзов – одно, а в отношениях между Россией и Западом – другое. Я не приверженец китайской модели, но Дэн Сяопин 30 лет кропотливо поднимал экономику Китая, пользуясь тем, что давал Запад, пока КНР не стал второй экономикой мира, и только после этого Пекин заявил, что неравноправного отношения к себе не потерпит. Россия, еще не построив мощную экономику и продолжая зависеть от цен на нефть, требует равного отношения немедленно. Однако танковых армий, полетов бомбардировщиков у чужих границ и запусков стратегических ракет для этого недостаточно.

– До нового поворота на Запад ждать полвека, как после Фултона до развала СССР?

– Предсказать сложно. С одной стороны, сирийская операция России явно преследовала цель не только нанести удар по террористам, продемонстрировать военную мощь и заявить претензию на лидерство вне своего региона, но и наладить контакт с Западом. Не могу не сказать, что это удалось – хоть в какой-то мере. С другой стороны, на Западе, видя, что рейтинги поддержки Путина и его новой политики зашкаливают за 80 процентов, пришли к выводу, что Россия развернется к ним лицом еще не скоро. При этом и Россия, и Запад, видимо, забыли о главном – об угрозе войны, которая тяготела над европейским континентом тысячу лет. Последние четверть века без угрозы масштабной европейской бойни – и прививка страха ушла. В Евросоюзе и НАТО расслабились настолько, что сейчас всерьез озабочены нехваткой военного потенциала и никак не могут согласовать совместные меры его увеличения. НАТО заявляет, что готово восстановить отношения при условии, что Россия прекратит демонстрировать силу соседям, что там расценивают как возобновление традиционной территориальной экспансии и даже называют «политикой реваншизма». Россия требует признать ее внешнюю политику как абсолютно оправданную и легитимную, как вынужденную самооборону. Разрешить эти противоречия и избежать эскалации можно только путем диалога. Главное, начать процесс деэскалации нынешней конфронтации. Мы живем на одном континенте, нам некуда отсюда уйти, мы или будем сотрудничать, или доведем дело до войны с катастрофическими последствиями. Думаю, что и Запад, и Россия изменят линию на военное противостояние, как только увидят, что за словами стоят дела.

ОСТОРОЖНО, ГРАБЛИ!*

Академик Алексей Арбатов – о том, к чему мы идем в контактах с внешним миром.

На минувшей неделе Россия опять подружилась с Турцией, забронировала себе военную базу в Сирии, закрепила на высшем уровне сближение с Ираном, в очередной раз зафиксировала разницу во взглядах на текущую ситуацию с США и НАТО, вышла на новый виток конфронтации с Украиной... К чему мы идем в контактах с внешним миром?

Повестка дня сегодня изменилась кардинально: на первый план вышли вопросы Сирии, международного терроризма, противостояния России и НАТО в Европе. А то, что раньше было в центре всеобщего внимания, например, вопросы сокращения и нераспространения ядерного оружия, предотвращения военных конфликтов и ядерной войны, – все это отошло на задний план. Меня это крайне беспокоит.

Непуганое поколение

Огромные ядерные арсеналы сохранились, игроков на «ядерном поле» стало больше. А в случае развала системы контроля над ядерным оружием их число грозит еще возрасти. Даже с Ираном, например, вопрос не решенный, а отложенный – договорились лишь на 10–15 лет, но Тегеран уже заявил, что после этого срока возобновит ядерную программу. Еще большую тревогу уже сегодня вызывает изменение официальной риторики и множество новых стратегических трактатов в России и в НАТО: всерьез обсуждается возможность применения ядерного оружия в Европе, причем в ходе локального военного конфликта. Кто еще 5 лет назад мог такое себе представить?

Видимо, сказывается то объективное обстоятельство, что после холодной войны пришло уже второе поколение политиков, чиновников и военных. Те, кто сейчас у власти, не ведают, что значит ежедневно считать боеголовки и отходить ко сну с мыслью, что завтра может и не настать. Эти люди не пережили состояния перманентного страха перед концом света, не имеют опыта опаснейших кризисов на грани глобальной войны с конца 40-х до середины 80-х годов. Они пришли к власти в обстановке полной расслабленности отношений России и Запада, принимали это как должное и концентрировались на обидах и взаимных претензиях текущей ситуации. А когда она вновь обострилась в 2013–2014 годах,

* Арбатов А., Сухова С. Осторожно, грабли // Огонек. 2016. № 32. С. 18.

они стали легко рассуждать на тему применения ядерного оружия, забывая о последствиях.

Конечно, за прошедшие 25 лет ядерное оружие великих держав стало высокоточным, создаются боеголовки и управляемые авиабомбы пониженной мощности (в одну двадцатую «хиросимской» и меньше), информационно-управляющие системы предоставляют небывалые возможности гибкого применения. Но это вовсе не значит, что пустить такое оружие в ход можно без последствий ядерного апокалипсиса. Ведь в ответ на применение такого оружия другая сторона ответит тем же, и неминуемо произойдет эскалация ударов с разрушительным потенциалом.

Несомненно, новая повестка дня изобилует серьезными проблемами – терроризм и запрещенная ИГИЛ, война в Сирии и Ираке, беженцы и наркотики, экономический кризис. Но все это проблемы, которые цивилизованные страны в состоянии рано или поздно так или иначе решить. А вот если не удастся избежать ядерной войны, решать будет некому и нечего. Но сегодня об этом в политических кругах не принято думать, не то что говорить. А между тем разваливается вся система контроля над ядерным оружием – неотъемлемая часть механизма предотвращения ядерной войны, которая построена за предыдущие полвека неустанным трудом государственных руководителей, дипломатов, военных, научных и общественных деятелей. Теперь Договор о сокращении ракет средней и меньшей дальности (РСМД) реально под угрозой, и как поведет себя в этом отношении новая американская администрация – большой вопрос.

Есть вероятность, что преемник (или преемница) Обамы заявит о нарушениях Договора со стороны России и потребует выхода из него США. Вы спросите: и что тогда? А тогда все посыпется. Сначала – Договор по наступательным стратегическим вооружениям (СНВ) от 2010 года, потом – Договор о запрете ядерных испытаний. В России уже призывают выйти из него, раз американцы его 20 лет не могут ратифицировать. Если канет в Лету Договор об испытаниях, следующий на очереди – Договор о нераспространении ядерного оружия. Его крах чреват появлением через 15–20 лет 20 и более ядерных держав вместо нынешних девяти, а значит – неизбежным получением доступа к этому оружию террористов. Конечно, вероятность и скорость процесса распада контроля над ядерным оружием в изрядной степени зависит от того, кто окажется у власти в США в конце года и какие решения будут принимать в Кремле, но вектор на противостояние США с Россией останется.

Из партнера – в противники: как и почему?

Пока Россия в качестве основного противника Штатов фигурирует только в речах Хиллари Клинтон. Трамп так не говорил. Понятно, что и слова Клинтон – предвыборная риторика, в которой политики соревнуются в «патриотизме». Но риторика риторикой, а Россия официально объявлена противником США и НАТО.

Сейчас многие наши конъюнктурные теоретики доказывают, что это они еще давно все запланировали (и даже, как у Высоцкого, «это все придумал Черчилль в 18-м году»). Но объективности ради приходится признать, что курс на противостояние России и Запада начали не Штаты и уж тем более не Евросоюз. Его инициировала Москва в 2011–2012 годах, но не ради конфронтации как таковой, а потому что решила больше не мириться со сложившейся моделью взаимодействия с Западом, который не считался с позициями России и не строил с ней равноправные отношения. Ко всему Кремль обвинил Запад в инспирировании «цветной революции». Официально в России НАТО не называлось противником, но вся риторика это подразумевала: «Запад покушается на российские природные ресурсы», «Запад мечтает сменить в России власть и поставить ее на колени», «Запад стремится к военному превосходству и хочет обнулить российский потенциал ядерного сдерживания» и т.п. Понятно, что другу и партнеру таких замыслов не вменяют...

На Западе долго не хотели верить в то, что Россию придется зачислить в недруги. Не то чтобы тамошние политики были такими уж русофилами, просто им слишком хорошо жилось в мире после окончания холодной войны, а сложившаяся модель отношений с Россией вполне устраивала. США считали себя единственной глобальной сверхдержавой, которой позволено все, а Евросоюз достиг такого процветания и безопасности, каких Европа не ведала уже полторы тысячи лет.

Эпоха благоденствия оказалась короткой – всего четверть века, но и того было достаточно, чтобы не замечать изменившуюся риторику России, объясняя ее внутриполитическими причинами (выборы, игра на общественных настроениях). Потому там «проморгали» смену российского курса, когда Россия в 2012 году на политическом уровне отказалась от европейского пути развития, развернулась в Евразию и дальше – в Азию, а в 2014 году встала на путь силового противоборства с Западом из-за Украины.

Россия, иными словами, вернулась на проторенную дорогу «особого исторического» пути. По нему еще хаживала и Российская империя, и Советский Союз. Кто-то называет его евразийским путем, но суть не в географии, а в модели управления страной. Западная демократия объявляется гибельной для России моделью, приводятся примеры «лихих 90-х», Февральской революции 1917 года и даже Смутного времени 400-летней давности. Провозглашается поиск новой национальной идеи на основе традиционных ценностей и скреп (то ли крепостного права, то ли новой версии уваровской триады: «самодержавие, православие, народность», то ли исторической идеи сплочения перед лицом внешней угрозы, как на Куликовом и Бородинском полях). И ведь опять сработало, во всяком случае на настоящий момент: нынешнюю политику Кремля поддерживает большинство населения.

Между тем при существующем многообразии глобальных угроз, прежде всего терроризма, очевидно: с проблемой нельзя справиться одним чудодейственным средством, с ним невозможно совладать ни одному государству в одиночку. Нужны объединенные усилия цивилизованного мира и многомерная последова-

тельная политика. Но проблема в том, что сейчас Запад и Россия не могут сплотиться ради отражения этой угрозы. Мешают недоверие и страх, которые порождены непредсказуемостью и обманами прошедших лет. Общий язык в диалоге был потерян по мере того, как Россия и Запад вступили в противоборство по вопросам политической и экономической организации «неприсоединившегося» постсоветского пространства – Украины, Грузии, Молдавии...

О былом уровне сотрудничества не принято и вспоминать. А между тем есть что вспомнить! Как, например, об Афганистане. О поддержке, оказанной тем же самым президентом Владимиром Путиным тогдашнему лидеру США Джорджу Бушу-младшему после 11 сентября 2001 года. Хотя Россия не приняла участия непосредственно в наземной операции в Афганистане, но во всем остальном помогла больше, чем все союзники США по НАТО вместе взятые: обучила, вооружила и поддержала огнем Северный альянс, предварительно объединив афганских таджиков и узбеков, бывших до того врагами. Они взяли на себя всю тяжесть наземной операции против «Талибана» и «Аль-Каиды», что позволило завершить ее за один месяц. Россия содействовала объединению против террористов и других извечных врагов: Ирана и США, Китая, Индии и Пакистана. И все это – отрещившись от возмущения, которое вызвали действия НАТО в Югославии в 90-е годы. Тогда в Кремле сочли, что помочь Штатам в борьбе с «Аль-Каидой» важнее.

Сегодня у президента Путина, видимо, иные представления о приоритетах и противниках. На протяжении двух первых сроков он, несмотря на имевшиеся претензии к Западу, проводил идею, что Россия – европейская страна и ей свойственные европейские ценности и нормы. А теперь такого не услышать ни от него, ни тем более от быстро перестроившихся придворных политологов, депутатов и тележурналистов. Одновременно и в мировоззрении Запада произошли большие перемены. Они идут значительно медленнее, чем в России, там внутри стран менее «дисциплинированная» политическая система и большая разноголосица в союзах. Но, однажды поменяв курс после продолжительных дебатов, они встают на новую «тропу» надолго. И там не могут так быстро, как у нас, объявить вчерашнего друга врагом, и наоборот.

Игра на нервах и на страхах

В последнее время все чаще звучат взаимные обвинения России и НАТО в регулярных нарушениях воздушного пространства и опасных сближениях кораблей и самолетов. Пока все происходящее – взаимная демонстрация силы. США делают это прежде всего не для запугивания России, а для успокоения своих союзников по НАТО, которые просят защиты от воспринимаемой ими российской «военной угрозы» (в ином случае американские гарантии безопасности и руководящую роль в НАТО перестанут воспринимать всерьез). Но в Москве, понятное дело, не приемлют такой тактики за наш счет – отвечают как умеют, возникает порочный круг.

Хочу особо подчеркнуть, что по этому вопросу между Россией и Западом возникла огромная пропасть восприятия. США и Западная Европа пока не беспокоятся о своей безопасности, но тревожатся о союзниках на Балтийском и Черном морях, которые кажутся беззащитными перед лицом окрепшей российской армии. В Москве же зачастую не замечают, что по ту сторону российских границ – не пустое поле. Беспокойству соседних малых стран не придается значения или считают: нечего было рваться в НАТО. При этом развертывание баз и батальонов Альянса на территории восточных союзников не сравнивают с российской армией, а расценивают как авангард огромных вооруженных сил США и НАТО, превосходящих российские во всем, кроме ядерного оружия.

В ответ на планы НАТО по размещению в странах Балтии и Польше четырех батальонов Россия уже создала в европейской части три армии. Конечно, они созданы на нашей собственной территории, и здесь мы вправе делать все, что хотим – никаких соглашений не нарушаем (после выхода России из Договора 1990 года об ограничении вооружений в Европе). Но успокоит ли это тех, кто находится по ту сторону нашей границы? Особенно когда высокопоставленные представители российских органов власти не без куража заявляют (правда, ссылаясь на оценки НАТО), что если раньше для захвата Балтии России потребовалось бы 60 часов, то после размещения там четырех пресловутых батальонов понадобится 60 часов и еще 30 минут.

Наступательные действия в нашей военной науке рассматриваются как законное средство защиты от военной угрозы. Вот только в чем сейчас эта угроза, неясно, возможно, наши контрмеры несколько опережают рост опасности. Возможно, страхи Запада не обоснованы, но они возникли не на пустом месте. Например, в последнее время там беспокоятся по поводу воссоздания pontonно-мостовых бригад в трех новых российских армиях, о чем с гордостью официально заявляют в России. Такие бригады в обороне не нужны (свои мосты прикрывает собственная ПВО), а вот в наступлении они необходимы, поскольку противник мосты взорвет, а в Европе водные преграды через каждые несколько десятков километров. В свое время авторитетный российский военный специалист академик Андрей Кокошин указывал, что отсутствие таких pontonных частей служило бы одним из критериев сугубо оборонительной направленности войсковых группировок.

На деле, видимо, ни та, ни другая сторона к нападению не готовится, но упомянутая пропасть восприятия одной и той же реальности влечет взаимное недоверие, наращивание военного противостояния и может закончиться вооруженным конфликтом со всеми вытекающими...

Гонка вдогонку

Популярный вопрос сегодня: начата ли между Россией и США новая гонка вооружений? Вспомним, как было. В годы холодной войны первыми начали США: они делали, а СССР догонял. Так прошли четыре цикла: бомбардиров-

щики с ядерными бомбами, баллистические ракеты морского и наземного базирования, потом они же с разделяющимися головными частями и, наконец, такие же системы повышенной точности, мощности и живучести.

В 90-е годы все стало сложнее: гонка вооружений закончилась, Россия сокращала свои ядерные силы, американцы нам в этом помогали, сокращая попутно и свои. В те годы шла вялая модернизация: США размещали на подлодках ракеты «Трайдент-2», Россия потихоньку развертывала мобильные «Тополя», принятые на вооружение еще в 80-е. Но это нельзя было назвать гонкой вооружений — никто ни с кем не соревновался.

С 2008 года в России стали выделять большие деньги на техническое переоснащение и боевую подготовку. Вводились в строй ракеты «Тополь-М», «Ярс», новые стратегические подлодки с ракетами «Булава». Страна имела огромные доходы за счет высоких цен на нефть, и потому замахнулись на форсированное обновление ядерной триады: новая тяжелая ракета «Сармат», странная ракета «Рубеж» (испытанная на межконтинентальную и среднюю дальность), потом программа передового стратегического бомбардировщика, новые крылатые ракеты для флота и авиации, железнодорожный ракетный комплекс «Баргузин» и еще много того, что держится в секрете (президент объявил, что сейчас в разработке находятся около десятка новейших систем ракетно-ядерного вооружения в разных стадиях развития). И вот это уже — гонка вооружений. Не в смысле соревнования с кем-либо, а в смысле форсированного качественного наращивания потенциала. Она идет полным ходом в части новых ракетных систем с улучшенными средствами прорыва американской ПРО. А в начальной стадии — защита наших стратегических сил и других объектов комплексами воздушно-космической обороны от удара США, соревнование с ними же по наступательным гиперзвуковым ракетно-планирующим системам большой дальности.

Экономический кризис, кстати, эти обороты практически не снизил — немного растянули программы по времени. Все это вызывает нервную реакцию в Пентагоне, хотя не нарушает Договора СНВ от 2010 года. В Вашингтоне окончательного решения на ответ пока не приняли, но подготовку начали. В отличие от России, там планируют не десять новых стратегических систем, а три — наземную, морскую и воздушную, на которые выделят аж триллион долларов с упором на качество и передовые технологии. Видимо, результат будет впечатляющим. Причем вне зависимости от того, кто станет новым хозяином Белого дома. Будут отличаться разве что нюансы в реализации программы перевооружения США. А мы, наверное, опять будем отвечать, и тогда гонка вооружений завяжется на полную катушку, причем одновременно по многим каналам, с огромными затратами и большим ростом угрозы ядерной войны...

С учетом такой перспективы многие пытаются строить аналогии с недавним прошлым: сначала «першигги», потом СОИ, на финише — распад СССР. Прямой аналогии не вижу, но разобраться стоит.

«Першигги» были ответом на советские СС-20 (РС-10, «Пионер»). Потом удалось договориться о ликвидации обеих систем. Что же до СОИ («Звездных

войн») – это была мечта Рональда Рейгана. Он был хорошим актером, и американцы вспоминают его как президента с любовью, но в военных делах он разбирался слабо. Ему наобещали, что от советской угрозы можно прикрыться, «развесив» в космосе спутники с лазерами, а он и поверил. Рейган не ведал про законы астродинамики Кеплера и Ньютона. США сейчас не ставят цель вынудить Россию в гонке вооружений, они идут по пути экономических санкций, чтобы заставить Москву изменить внешнюю политику, – пока безуспешно. А по стратегическим делам они полагают, что Россия сама себя измотает непомерным военным бременем.

Нам самим нужно рационально оценить, что из запланированного в военном развитии реально нужно для обороны и безопасности, а что делается ради престижа, в интересах ведомств и группировок военно-промышленного комплекса и каких-то надуманных бессистемных концепций. Может, нам нужно на Западе не три армии, а десяток высокомобильных бригад, а вместо десяти ракетных программ хватит трех или четырех систем повышенной эффективности?

Кстати, СССР в 80-е разорила не СОИ. Советскую экономику СОИ могла дополнительно подорвать, но спасти ее было невозможно из-за ее неэффективности. Экономика тогда была примерно такой, какую сейчас призывает воссоздать академик Сергей Глазьев. Впрочем, это наша национальная традиция – наступать на грабли снова и снова. Возможно, как подметил Григорий Явлинский, повторение происходит от того, что наступают одни, а получают по лбу другие.

ИНТЕРЕСЫ НЕ СОВПАДАЮТ. ВО ВСЕМ*

Академик Алексей Арбатов – о возрастающей напряженности в американо-российских отношениях. Беседовала Светлана Сухова.

Президент Трамп на этой неделе анонсирует новую стратегию США по нацбезопасности, в ней наряду с пунктом о «распространении мира через силу» названы и угрозы американским интересам в мире, в числе которых оказалась и Россия, обозначенная как инициатор «войны нового поколения». А еще США увеличили оборонный бюджет-2018 – с 611 млрд до 700 млрд долларов. Куда может завести это противостояние, «Огонек» спросил главу Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, академика Алексея Арбатова.

– Алексей Георгиевич, в чем, по-вашему, главная опасность нынешнего российско-американского противостояния?

– В том, что у России и США отсутствует взаимное понимание правил поведения на мировой арене. Первая в последние годы стремится доказать, что является глобальной державой и более не позволит относиться к себе неуважительно и игнорировать свои интересы. А Вашингтон со свойственным ему высокомерием считает, что страна, дающая от силы 2–3 процента мирового ВВП (на фоне американских 20 процентов или китайских 16 процентов), крайне зависящая от мировых цен на нефть, имеющая высокий уровень коррупции во власти и низкий уровень жизни народа, не может требовать к себе отношений на равных.

– Но у России огромный арсенал ядерного оружия...

– Да, это весомый аргумент, особенно в условиях эскалации напряженности. Такая напряженность повышает роль ядерного фактора, а тот еще больше усиливает напряженность и пододвигает ее к грани ядерной войны – по некоей зловещей спирали. В последние годы широкая модернизация ядерных вооружений и сил общего назначения России, ее эффективные военные действия применительно к Украине и Сирии, действительно, заставили США с ней считаться. Пентагон и Конгресс открыто объявили Россию противником наряду с Ираном и КНДР, американская военная мощь впервые за последнюю четверть века стала разворачиваться против нас. В отношении исключительного ядерного статуса России администрация Трампа берет курс на его девальвацию за счет возрождения ядерного превосходства США с опорой на их экономическое и технологическое опережение. Начинается новый раунд гонки вооружений.

* Арбатов А., Сухова С. Интересы не совпадают. Во всем // Огонек. 2017. № 50. С. 8.

— А что может противопоставить этому Россия?

— Помимо наращивания военного потенциала Россия всеми доступными средствами оспаривает доминирование США и Запада в своем ближнем геополитическом окружении и совершают политические «вылазки» в тыл противника в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии, Африке и Латинской Америке. Соединенные Штаты не намерены с этим мириться, хотя внутренние скандалы вокруг Трампа и его экзотические выходки связывают им руки. Впрочем, кампания против Трампа тоже выливается в беспрецедентную антироссийскую истерию.

Между двумя державами сегодня противоречия по всем международным проблемам и практически нет темы, по которой интересы совпадают. Конечно, мы все на словах за мир, безопасность и борьбу с терроризмом, но как доходит до дела, то оказываемся по разные стороны баррикад. Так было только в годы холодной войны, хотя напрямую мы пока еще не помогаем противникам другой державы, как было в войнах в Корее, Вьетнаме и Афганистане.

— Уровень паранойи такой же?

— Нет. В США сегодня никто не боится победы коммунизма на их территории или в Европе. К России относятся не как к стране — носительнице грандиозной идеи, способной подорвать буржуазный строй, а как к рисковому государству, которое по любому поводу занимает антиамериканскую позицию и таким образом повышает свой международный рейтинг. Во второй период холодной войны, после Карибского кризиса 1962 года, с СССР не только считались как с равным соперником, но и соблюдали некие негласные правила соперничества. Во-первых, велись переговоры по ограничению и сокращению ядерных и обычных вооружений. Во-вторых, по факту очертили сферы влияния, узаконив сложившиеся после 1945 года границы в Берлине, Германии и Европе. В-третьих, в других конфликтных районах мира избегали прямого вооруженного конфликта, оказывая военную помощь противникам друг друга, как во Вьетнаме и Афганистане.

— Может, модернизировать те соглашения? Начнем с границ...

— Не получится: Россия хотела бы прочертить их там, где США и Запад не согласятся: юридически — между Крымом и Украиной, фактически — между Приднестровьем и Молдавией, Южной Осетией с Абхазией и Грузией. А еще лучше — установить сферу своих особых интересов (что не равнозначно господству) на все постсоветское пространство и прилегающие регионы. Но Запад на это не пойдет, даже если он де-факто признал, что «крымнаш» — надолго, это вовсе не означает правовую легализацию статуса полуострова.

— Но во времена СССР это срабатывало...

— Да, в известном смысле так. У нас часто говорят: ну и что, Прибалтику тоже почти полвека не признавали частью СССР и при этом вели дела с Москвой. Дела-то вели, но вели в контексте холодной войны. А закончилось не признанием — после завершения холодной войны СССР распался, а Балтия вступила

в НАТО и наряду с Польшей стала самым рьяным противником России. Я не провожу аналогий, но уточняю исторический аргумент. Запад и множество связанных с ним стран в обозримый период не признают Крым частью России по факту их воссоединения, хотя и не пойдут на отторжение полуострова военным путем. К тому же Советский Союз был второй в мире экономической державой после США по объему ВВП. Правда, последний нельзя было оценивать по общим стандартам, то была полностью государственная экономика, которая произвела танков и ракет больше, чем весь остальной мир, вместе взятый, в то время как народ глазел на витрины «Березок» и давился в «колбасных поездах» на Москву. Зато теперь российскую государственно-капиталистическую экономику судят по общим стандартам, по которым ее отставание быстро растет. На нашем телевидении новостные программы ежедневно начинаются и заканчиваются текущими ценами на нефть, поскольку от них зависит половина доходов бюджета. Показывают новые боевые самолеты и корабли, а после них просят скинуться с миру по нитке на лечение больных детей. Такого не увидишь ни в одном телевизоре на Западе. Военный потенциал не способен долго служить альтернативой экономической мощи государства, уровню и качеству жизни народа, роли державы в мировой торговле и финансах, развитии новейших технологий.

Сейчас США относятся на равных к единственной стране – Китаю. Тридцать с лишним лет назад он начал «вставать с колен» путем глубоких экономических реформ, свел до минимума внешние амбиции (несмотря на великое имперское прошлое) и из аграрной страны превратился в глобального индустриального и финансового гиганта, после чего стал быстро догонять США в военном отношении. И 25, и 15 лет назад стартовые позиции России были гораздо выше, чем у КНР после Мао, но промежуточные итоги пока не воодушевляют...

– Если с границами и экономикой не выходит, то, может, усовершенствовать систему ядерного сдерживания?

– Это хорошо бы сделать, даже необходимо, но что мы видим и слышим? Например, у нас регулярным нападкам подвергается Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД от 1987 года). Якобы он был невыгоден СССР и явился уступкой со стороны Горбачева и Шеварднадзе. Действительно, по Договору СССР сократил вдвое больше ракет и втрое больше боеголовок, чем США, но что это было за оружие? Оно не достигало американской территории и угрожало лишь союзникам США в Европе и Азии. Американцы же ликвидировали вооружения, способные с коротким подлетным временем и высокой точностью уничтожить центральные подземные пункты управления СССР, то есть «обезглавить» советский потенциал ядерного сдерживания.

Сегодня наша геостратегическая ситуация объективно намного сложнее, чем была в 1987 году: нет Варшавского договора и Советского Союза, экономика страны другая. Ныне Договор РСМД для Москвы намного важнее, чем он был 30 лет назад. Если Договор канет в Лету, американцы начнут размещать новые ракеты средней дальности уже не в Германии и Италии, а в Румынии, Болгарии,

Польше и даже Балтии... Хорошо бы это понять, отбросить поверхностные суждения об этом Договоре и взять инициативу по его спасению в свои руки. Пора перестать только обвинять друг друга в его нарушении, а выступить с технически продуманными предложениями по новым мерам контроля, которые сняли бы взаимные подозрения. Кроме того, если рухнет этот Договор, то посыпется вся договорно-правовая система контроля ядерного оружия, не удержится ни текущий Договор СНВ, ни остальные соглашения, включая Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

— А как обстоит дело с сотрудничеством России и США по ядерной безопасности?

— Тут дело обстоит плачевно, все прежнее сотрудничество прекращено. Иногда по этому поводу высказываются спорные суждения. Например, отмечают, что Россия в рамках соглашения **ВОУ-НОУ** (от 1993 года между Россией и США о переработке 500 тонн российского оружейного урана в обедненный реакторный уран и его поставках в США. — *О.*) допустила американских специалистов на 600 объектов, явив пример невиданной открытости и без какой-либо взаимности со стороны американцев. То же самое говорится о программе американских сенаторов Нанна и Лугара (от 1991 года о помощи России в безопасной утилизации ядерного и химического оружия, ракет и атомных подводных лодок. — *О.*).

Действительно, контроль на ядерных и иных объектах был с большим перекосом в пользу США, но ведь эти соглашения предусматривали американскую помошь России, а не наоборот. По программе **ВОУ-НОУ** Россия заработала на продаже обедненного урана 17 млрд долларов (из которых 13 млрд пошли в бюджет), а США хотели убедиться, что этот уран взят из оружейных запасов, а не из обогащения природного сырья. По программе Нанна — Лугара США выделили России почти 9 млрд долларов. В бытность депутатом Госдумы мне пришлось посещать базы ВМФ, где более ста устаревших атомных подлодок были выведены в отстой и уже опускались на грунт, а хранилища ядерных отходов на берегу разваливались, и все это угрожало радиоактивным заражением воды и почвы. Да, американцы в рамках этих соглашений контролировали процессы, но ведь платили-то они. А если уж нам хотелось контролировать все самим и не пускать американцев, то нужно было гордо отказаться от денег и раскошелиться на собственные нужды! Или предложить деньги на утилизацию Штатам и установить российский контроль над их ядерными материалами и объектами.

— Вас послушать, так вероятность конфликта в мире в целом и между Россией и США в частности растет день ото дня...

— Так и есть. Эта вероятность заметно выросла по сравнению с тем, что было за все годы после холодной войны. Нынешнюю ситуацию можно сравнить с началом 80-х годов — последним «всплеском» противостояния (сбитый корейский

Boeing, размещение ракет средней дальности в Европе, ложные тревоги стратегических систем предупреждения). Самое опасное, на мой взгляд, что ныне стало возможным представить прямой вооруженный конфликт между Россией и США, что было немыслимо последние 30 лет. Сегодня любой инцидент – в Сирии, над Балтийским и Черным морями, в Арктике – может перерasti в прямое военное столкновение. Эскалация в этом случае может произойти молниеносно – за несколько часов. В том и опасность нынешних противоречий между Москвой и Вашингтоном, что они идут на встречнопересекающихся курсах. Одна надежда – что возобладает здравый смысл, а не желание испытать другую сторону «на слабо». Один раз Кремлю и Белому дому удалось затор-мозить в шаге от ядерной катастрофы – в дни Карибского кризиса 1962 года, но повезет ли так в будущем?

– Как действует система реагирования в случае инцидента?

– Решение о применении ядерного оружия всегда принимается только на высшем уровне. Тот самый «ядерный чемоданчик» совершенствуется по мере развития технологии, но его функция все та же – технически не допустить принятия этого рокового решения кем-то, помимо президента, но гарантировать это применение, если он так решит. При скорости баллистических ракет вероятного противника время на принятие решения исчисляется минутами, если ставится задача нанести ответный удар до падения ядерных боеголовок агрессора. Поэтому первое лицо всюду сопровождают два офицера связи: летает он со стерхами – они ждут на земле, ныряет с аквалангом – они стоят на берегу. Конечно, это напряжение можно снизить, если обеспечить способность значительной части ядерных сил и системы управления выжить при любых условиях нападения и нанести после него адекватный удар возмездия.

– А как быть с угрозой ложной тревоги?

– Автоматически ничего не происходит. Все предложения на сей счет – преступная безответственность, компьютеру нельзя доверять судьбу человечества. Даже если приходит сигнал тревоги, ответного запуска не будет, пока не придет подтверждение с использованием других физических принципов. Например, если ракету засекли инфракрасные сенсоры спутников на орбите, то ждут подтверждения от наземных радиолокационных станций. И лишь после этого должен прийти закодированный сигнал с санкцией на удар от президента, без которого ракеты технически нельзя запустить. За последние полвека ложных тревог возникало немало. Например, в 1995 году была запущена норвежская геофизическая ракета, которую российские радары приняли за американскую боевую баллистическую ракету «Трайдент». Ельцин потом рассказывал, как несколько минут «держал палец на кнопке», ожидая подтверждения нападения... Любил Борис Николаевич позировать: норвежцы заранее предупреждали о запуске, но в МИД России бумага где-то затерялась. Впрочем, тогда никто всерьез не опасался нападения. А сейчас? Сотрудничества нет, есть противостояние в Восточной Европе, на Балтийском и Черном морях, в Арктике и Сирии...

— Но если выработать новые правила игры не удается, может, стоит взять паузу в отношениях?

— Будет только хуже. Договоры по контролю над ядерными вооружениями развалиются или не получат продолжения. Если ничего не делать, то потеряем последнее, что остается... Ведь помимо ДНЯО и Договора РСМД нет ясности и с Договором по СНВ (от 2010 года), чье действие истекает в 2021 году. Разногласий вокруг него хватает — системы ПРО, новейшие неядерные высокоточные системы, которые Россия требует учитывать и ограничивать. Пауза в переговорах длится тут уже 7 лет — самый долгий «антракт» за полувековую историю переговоров по стратегическим вооружениям. Хотя после холодной войны «клуб ядерных держав» не сильно разросся, но ядерная энергетика и материалы интенсивно распространяются. В ближайшие десятилетия число атомных реакторов в мире может удвоиться, а с ними и число «пороговых» ядерных государств. Нужно выступить с инициативой спасения Договора РСМД и начала переговоров о следующем Договоре СНВ, скажем, с сокращением потолков с 700 стратегических носителей до 500, с 1500 боезарядов до 1300... Кстати, это позволит ограничить программы США, затевающих со следующего десятилетия модернизацию своей «триады» стратегических вооружений. Тогда они будут вынуждены проводить ее при пониженных потолках и окажутся ограничены в сфере, где у них заведомое преимущество (и по технологиям, и по финансам — их ассигнования на модернизацию стратегических сил в 10 раз больше, чем в России). Проблема в том, что в Вашингтоне, судя по всему, интереса к этой теме сегодня не наблюдается — там на первом месте КНДР, Иран, Сирия... Но и в США лишних денег нет, стоимость модернизации всей «триады» оценивается уже в 1,7 трлн долларов, другие военные и гражданские нужды подпирают, а дефицит бюджета и госдолг растут. От разумных предложений администрации Трампа не сможет отмахнуться, тем более в той сфере, где ее предшественников постигла неудача.

Одним словом, в российско-американском диалоге по ядерному оружию, как и по другим вопросам, самое легкое — выжидать и не предпринимать никаких активных усилий. Но тем труднее будет потом «собирать черепки» национальной и международной безопасности, если отношения пойдут вразнос и если холодная война и гонка вооружений наберут разгон на десятилетия вперед.

ВЫЗОВ БРОШЕН*

Академик РАН Алексей Арбатов о «военной» части Послания Федеральному Собранию.

В центре внимания политиков, экспертов и СМИ продолжает оставаться «военно-техническая» часть Послания президента РФ Федеральному Собранию, в которой впервые в таком формате были представлены передовые разработки российского оборонного комплекса. Как эту презентацию следует «читать» и каких ожидать последствий? С этим вопросом «Огонек» обратился к академику РАН Алексею Арбатову.

— Алексей Георгиевич, что-то из сказанного президентом вызвало у вас удивление?

— Меня удивило, что в Послании, в котором обычно говорить об экономике, внутренней и внешней политике, о социальных проблемах, так много внимания было уделено описанию конкретных наступательных вооружений и даже показаны компьютерные симуляции их применения. У несведущих людей это может вызвать восторг или ужас, в зависимости от политической позиции. Я посвятил теории и практике этой темы почти полвека и задаюсь вопросом: что дадут эти новейшие разработки при сопоставлении их стоимости с эффективностью, особенно по сравнению с тем, что уже имеется? Было сказано, что шесть представленных наступательных систем России призваны нейтрализовать систему противоракетной обороны (ПРО) США и их союзников в Европе и на Тихом океане. Но если целью является преодоление современной и любой прогнозируемой на будущее ПРО США, то нынешних стратегических ядерных сил (СЯС) России вполне достаточно: 530 носителей и около 2 тысяч ядерных боеголовок баллистических ракет и крылатых ракет тяжелых бомбардировщиков. Они за последние годы почти полностью обновлены на новые типы оружия и продолжают совершенствоваться в целях преодоления ПРО и для других задач. Суммарная разрушительная мощь — 700 мегатонн (для сравнения — это 40 тысяч Хиросим). Как показал недавний кризис, у Пентагона нет уверенности, что их ПРО отразит хотя бы ракеты Северной Кореи. Иначе зачем было так паниковать из-за испытания их ракеты межконтинентальной дальности? Взяли бы да и перехватили с суши или с моря. И тем более в Америке нет ни малейших иллюзий, что оборона могла бы защитить США от ядерного удара России. В Вашингтоне официально говорят, что ПРО защищает их не от России, а от КНДР и Ирана, но даже если бы они сказали,

* Арбатов А., Сухова С. Вызов брошен // Огонек. 2018. № 9. С. 10.

что от России (как было с программой «звездных войн» Рейгана в 1980-е годы), то это нисколько не отменило бы фактического положения с их системой обороны.

— **Вы говорите «илюзий нет», но система при этом есть?**

— Эта система состоит из 44 стратегических антиракет на Аляске и в Калифорнии (их число может вырасти до 70 по программе администрации Дональда Трампа). Еще есть две базы ПРО (в сумме 48 антиракет типа «Стандарт») в Румынии и Польше для отражения удара баллистических ракет средней дальности, которых у России не должно быть согласно Договору по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД). На 35 боевых кораблях может быть еще несколько сотен таких же антиракет («Стандарт»). Но поскольку ПРО — это автоматизированная система постоянной и высшей боевой готовности, для перехвата российских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) все эти корабли должны выстроиться и постоянно дежурить в Арктике, невзирая на паковые льды и мощный Северный флот России. Упомянутые ракеты обоих типов никогда не испытывались для перехвата МБР на разгонном участке траектории, не имеют соответствующих информационно-управляющих систем и сенсоров самонаведения для контактно-ударного (кинетического) перехвата. В этом смысле шесть новейших проектов России не вызвали в Вашингтоне беспокойства, поскольку и без них надежды на защиту с помощью ПРО от России ни у кого нет, кроме разве что плохо осведомленного Трампа и его приятелей-бизнесменов.

— **Извините, но как-то не очень вяжется. Если эта система так ненадежна, тогда зачем она американцам? И как понимать американскую упрятость в ее развертывании, которое и малоэффективно, и весьма затратно?**

— Исторический опыт показывает, что немало крупнейших систем оружия создается из самых общих политических соображений, в интересах военно-промышленного комплекса, путем убеждения несведущего политического руководства, пользуясь его фобиями или мечтами.

Я мог бы привести длинный список таких примеров и про нас, и про американцев. А тут еще эксцентричный северокорейский лидер размахивает ракетно-ядерной дубиной и открыто угрожает уничтожить США. Да и иранские аятоллы не стесняются в выражениях. Атомную программу они согласились временно свернуть, а ракеты продолжают совершенствовать.

— **Тогда следующий вопрос — о нашей реакции. Коль скоро американская ПРО — «бумажный тигр», зачем президент Путин уделил этому вопросу такое внимание?**

— Во-первых, их программа не «бумажный тигр», а система оружия по последнему слову техники в этой области. И мы с начала 1970-х годов вложили огромные ресурсы, сменили три поколения наступательных ядерных вооружений, чтобы девальвировать каждое очередное поколение их системы ПРО. Мы

в этом весьма преуспели, несмотря на глубокое взаимное с США сокращение ядерных вооружений за последние четверть века. К слову сказать, и они добились того же по отношению к нашим стратегическим системам ПРО и ПВО. Во-вторых, президент – политик, да к тому же в данный момент он политик, который планирует победить на выборах не далее, как в предстоящее воскресенье. Смысл второй, военной, части его выступления – «Не беспокойтесь, я гарантирую вашу защиту!» Неудивительно, что вся государственная элита, собравшаяся в Манеже 1 марта, и большинство народа встретили доклад с воодушевлением. Беспокойство по поводу обороны Отечества – самая чувствительная струна национального сознания России, порождение ее тяжелой истории и сообщений прессы о внешней угрозе в течение последних нескольких лет.

– Значит, все сказанное – это в основном для «внутреннего потребления»?

– Нет, и для внешнего. На Западе речь тоже вызвала ажиотаж, правда, несколько иного рода: общественность, прессы, широкие политические круги встретили ее с тревогой, граничащей с паникой. Отношение профессионального стратегического сообщества – гораздо более спокойное, хотя общественными страхами не преминут воспользоваться для увеличения военных бюджетов США и союзных им стран. К тому же представленный парад военно-технических достижений, наверное, должен повысить глобальный престиж России, ее статус передовой военно-технической державы. Даже если задачу прорыва американской ПРО можно решить менее дорогостоящими и вполне эффективными средствами.

– Это вы о новых разработках, презентованных в Послании?

– Это я о словах Владимира Путина: «В России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы». Речь идет о новых МБР типа «Тополь-М», «Ярс» и баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ) «Булава-30». Таких ракет по государственной программе вооружения до 2020 года (общей стоимостью 20 трлн рублей) должно быть развернуто 400 единиц на сущем и на 8 новых подводных лодках типа «Борей».

– А как же «фильмы» о новинках, которым равных нет?

– Не все озвученное и показанное можно с полным правом назвать «новыми разработками». Тяжелая МБР «Сармат» не является принципиально новой системой.

Правда, несколько лет назад было немало споров, нужна нам такая ракета или нет, потому что и без нее есть шахтные и мобильные «Тополи» и «Ярсы». Система «Сармат» небесспорна, но теперь главные мои сомнения вызывает заявленное преимущество, связанное с ее способностью атаковать США через Южный полярный круг (что, кстати, могли прежние типы тяжелых МБР с 1970-х годов).

Такая траектория предполагает вывод ракеты на околоземную орбиту, а потом спуск с нее. Подлетное время будет намного длиннее, чем через северный маршрут, а точность, наверное, меньше. Перехватить такие ракеты – ввиду их количества и мощных средств преодоления ПРО – американцы в любом случае не могут, что с севера, что с юга. Но внезапного удара у нас тоже не получится: их запуск засекается спутниками, а подлет – радарами, которые на морских платформах можно отбуксировать к южным берегам США. Главная проблема тяжелых МБР в том, что их пусковые шахты стали уязвимы для ядерных ракет США уже 30 лет назад. Иными словами, эти супермощные МБР в случае ядерного нападения могут не успеть взлететь... Поэтому РВСН с 1990-х годов стали переходить на наземно-мобильные ракетные силы.

— **Вы имеете в виду презентованный «Кинжал»?**

— Нет, показанная в Манеже гиперзвуковая авиационная ракетная система «Кинжал» дальностью 2 тысячи километров может быть пополнением арсенала противокорабельных ракет: например, она отгонит американские авианосцы за пределы радиуса их палубной авиации. Но это оружие для сухопутных и морских театров военных действий. То же можно сказать о лазерных комплексах наземно-мобильного базирования: они смогут защищать важные объекты, например, от крылатых ракет.

— **А крылатая ракета с атомным двигателем? Непонятно только, как ее могли испытать, чтобы весь мир не заметил...**

— Ну, речь же идет не об испытании ее ядерной боеголовки, а об испытании атомной энергетической установки: мини-реактора или изотопной батареи, которые ставятся, например, на некоторые типы спутников. Проблемы в этом не вижу, она в другом: продемонстрированный технический прорыв сам по себе впечатляет, но зачем, как было показано на экране в Манеже, лететь, огибая мыс Горн, чтобы атаковать Калифорнию? Подлетное время составит много часов, точность наведения под вопросом, стоимость такой системы, наверное, относительно велика, количество ракет будет ограничено. Магистральное направление развития крылатых ракет сегодня – не только дальность, но и скорость, (то есть сокращение подлетного времени), повышение точности для поражения цели неядерным зарядом (что демонстрируют американские системы «Томахок» и российские «Калибр» и Х-101). Зачем летать мимо Антарктиды, если сотни ядерных или неядерных крылатых ракет могут быстрее достичь целей коротким путем через северные моря, стартуя с тяжелых бомбардировщиков и многоцелевых атомных подлодок? Тем более что системы ПРО по низколетящим крылатым ракетам не работают.

— **Был еще показан гиперзвуковой «Авангард», который произвел сильное впечатление...**

— Гиперзвуковой планирующий блок (ГПБ) стратегического класса (еще одна заявленная в Манеже «новинка») разрабатывался в СССР с середины

1980-х годов как ответ на программу стратегической оборонной инициативы (СОИ) президента Рональда Рейгана. В последние годы США стали испытывать такую систему с обычным боезарядом в рамках концепции «Быстрого глобального удара». По террористам и эксцентричным лидерам ядерной боеголовкой не ударишь. С обычным боезарядом межконтинентальная баллистическая ракета недостаточно точна (отклонение 100 метров и больше), а крылатая ракета имеет недостаточную дальность и летит медленно. Вот американцы и придумали: планирующий блок выводится баллистическим ускорителем на высоту 100 км, а оттуда «ныряет» в стратосферу, на гиперзвуковой скорости летит на другой континент и точно поражает цель без ядерного заряда через 60 минут после старта.

Судя по Посланию от 1 марта, Россия быстро догнала и перегнала США на этом направлении, и система ГПБ «Авангард» может стать вариантом боевого оснащения тяжелой МБР «Сармат». Теоретически такая система с ядерным зарядом была бы привлекательна как средство прорыва ПРО, если бы та была способна отразить массированный удар баллистических ядерных ракет, чего она в обозримом будущем не сможет. Поэтому если наш ГПБ будет нести ядерный заряд, то будет явно избыточной системой.

А вот гиперзвуковой аппарат с обычным боезарядом может стать нашим симметричным ответом на программу «Быстрого глобального удара» США. Правда, ни там, ни в России пока не ясно, какие специфические задачи такая система должна решать и какие цели поражать. Точность наведения в неядерном оснащении, возможность перехвата системы на конечном участке траектории, стоимость, масштаб развертывания – все это вызывает большие споры. Хотя, конечно, гиперзвуковой полет в плазменном шлейфе производит сильное впечатление даже в компьютерной графике.

– А суперторпеда?

– Это самое экзотическое оружие – суперторпеда огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомным реактором и ядерным зарядом, как говорят, аж в 100 мегатонн. Она может испугать кого угодно, как хрущевская супербомба («Кузькина мать» в 60 мегатонн, взорванная над Новой Землей в 1961 году). Идея тоже родилась в начале 1980-х годов – обмануть космическую СОИ и ударить из-под воды. Переиначивая завет Суворова: «Они нас ждали с моря на кораблях, а мы с горы на лыжах». Но зачем она нужна сейчас? Ведь полторы тысячи ядерных боеголовок российских баллистических ракет могут намного быстрее и надежнее поразить все вообразимые цели и на побережье, и в глубине территории любого противника. Что может сделать сверх того поднятая взрывом торпеды гигантская цунами – смыть с берегов радиоактивные руины, оставшиеся от предыдущего обмена ядерными залпами? Для ответного удара суперторпеда не нужна. В первом ударе торпедная ядерная атака, возможно, будет внезапной, но она не предотвратит ответный ракетный удар США (мощностью 900 мегатонн). Их центры управления и шахты МБР – в глубине континента, ракетные подводные лодки – в океане, а бомбардиров-

щики — в воздухе. Испарять моря для поражения авианосцев противника излишне: для этого есть новая система «Кинжал» и разнообразный арсенал тактических противокорабельных ракет наземного, авиационного и морского базирования.

Вообще говоря, генеральные конструкторы, генералы и адмиралы могут предложить много удивительных систем оружия, которые в идеале неплохо было бы иметь — хоть для красоты.

Но при решении их судьбы нужно иметь в виду два ключевых вопроса: зачем (с учетом того, что уже есть) и сколько это стоит (в условиях сокращения военного бюджета)? Конечно, у меня нет всей секретной информации, доступной президенту. Но все-таки хотелось бы знать: ставились ли такие вопросы и какой на них дали ответ?

— А не все ли это равно? Даже если нет, политических причин для того, чтобы провести такую «презентацию», явно было достаточно...

— Верно, есть и такая версия: вторая часть президентского Послания стала своеобразным ответом Москвы на недавний весьма агрессивный «Обзор ядерной политики» администрации Трампа. Ее центральное место — концепция и средства ограниченных ядерных ударов, призванная якобы сдерживать аналогичную стратегию и вооружения России. По этому поводу в Послании от 1 марта было правильно и ясно сказано: «Любое применение ядерного оружия против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями». Не хватает только одного: столь же недвусмысленного заявления, что Россия не имеет концепций ограниченной ядерной войны, не верит в ее возможность и считает ядерную войну гибелью для современной цивилизации.

— Значит ли презентация в Манеже, что Россия втягивается в гонку вооружений?

— До недавнего времени Россия многократно заявляла, что не даст себя втянуть в гонку вооружений. И в известном смысле она сдержала обещание. Похоже, что теперь Москва за США не гонится (в отличие от СССР времен холодной войны), а сама выходит на передовые рубежи военно-технического развития и предоставляет другим догонять себя. В Послании эта тема многократно повторяется: «Результаты проведенных испытаний дали нам возможность приступить к созданию принципиально нового вида стратегического оружия... Как вы понимаете, ничего подобного ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята еще что-нибудь придумают».

— Получается, можем жить спокойно?

— Не уверен. Вызов брошен, на него, наверное, последует тот или иной ответ от «ребят» из-за океана, из Европы или Азии.

НЕОБХОДИМО СРОЧНО ПРИСТУПИТЬ К ПЕРЕГОВОРАМ О НОВОМ СНВ*

Эксперт по международной безопасности рассказал «НГ» о путях выхода из кризиса в области контроля над вооружениями.

В Женеве завершилось заседание наблюдательного совета Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы. По его итогам сформулированы рекомендации международным организациям, в том числе Совету Безопасности ООН, и главам ведущих государств по повышению режима ядерного нераспространения. Заместитель председателя организационного комитета форума, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН Алексей АРБАТОВ ответил на вопросы корреспондента «НГ» Юрия ПАНИЕВА.

— Алексей Георгиевич, почему в Европе отвергли предложение России о моратории на размещение ракет средней и меньшей дальности? Ведь Европа оказалась самой уязвимой в условиях краха Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД)...

— Дело в том, что на Западе уверены, что Россия развертывает такие ракеты де-факто. Поэтому мораторий не затронет то, что Россия уже делает, но помешает тому, что США хотели бы сделать в ответ. Думаю, что заявление Москвы о моратории — правильный шаг. Но не хватило немного — сказать, что любые вопросы по несоблюдению договора, которые стороны приписывают друг другу, мы готовы быстро решить, согласовав новые меры верификации.

— Насколько велики шансы продлить Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3)?

— Когда мы говорим о шансах, то подразумеваем какие-то предсказуемые тренды. Однако президент США Дональд Трамп не относится к предсказуемым трендам. У США нет никаких резонов отказываться от продления СНВ-3. От нынешнего договора они имеют не просто ограничения на наращивание российских стратегических вооружений, но, что не менее важно, — беспрецедентную транспарентность и предсказуемость в отношении того, что происходит в стратегических силах России. Трампа волнуют не судьба СНВ-3 и не российско-американские отношения, а прежде всего, импичмент, конфронтация

* Панеев Ю. Необходимо срочно приступить к переговорам о новом СНВ // Независимая газета. Дипкурьер. 05.02.2019.

с демократами, разногласия в НАТО. С точки зрения здравого смысла, должна быть 99-процентная уверенность, что СНВ-3 будет продлен. Но с точки зрения того, кто сейчас в Белом доме делает политику, перспективы совершенно не ясны.

— Даже несмотря на то, что такой «ястреб», как Джон Болтон, покинул администрацию?

— Болтона Трамп подобрал, потому что он чем-то ему подходил, а потом разонравился. У них возникли разногласия вовсе не по контролю над вооружениями, а по Корее, Ирану, другим вопросам. Проблему ограничения ядерных вооружений Трамп считает выдумкой демократов: Обама на этом поприще активно действовал и даже Нобелевскую премию получил. На смену такой одиозной фигуре, как Болтон, придут несколько других бледных, никому неизвестных бюрократов, которые будут проводить все ту же политику, если почувствуют, что этого хочет президент.

— Считаете ли Вы, что ядерная угроза со стороны Китая, действительно, опасна?

— Ядерная угроза — понятие лукавое. Есть возможность другой стороны вас уничтожить с использованием ядерного оружия. Это вовсе не значит, она пойдет на это, особенно при имеющейся системе взаимного ядерного сдерживания. Но есть ядерная угроза как намерение оказывать давление, которое ведет к кризисам, способным развязать ядерную войну. Вот это, действительно, ядерная угроза. Относительно Китая можно говорить о первом типе угрозы. Он отстает от России и США в части ядерного оружия. Вместе с тем Китай начал проводить более активную и амбициозную внешнюю политику по сравнению с предыдущими тремя десятилетиями, отстаивать свои geopolитические права. Он вступает в прямую конфронтацию с окружающими его странами, многие из которых являются американскими союзниками, быстро наращивает военное присутствие в Западной части Тихого и Индийском океанах, Африке. Но никакой политики военных угроз или шантажа с его стороны не наблюдается. С другой стороны, помимо России и США, Китай — единственная держава, обладающая техническими и экономическими возможностями в течение 10 лет в разы увеличить свой ядерный потенциал, и с этим не могут не считаться в США и, негласно, в России. Никто не даст гарантий, что через 10 лет у нас не возникнет противоречий с Китаем. В 1950-е годы Советский Союз и Китай считались «братьями на века», а в конце 1960-х между ними начались вооруженные столкновения на границе. Китай как потенциальная третья ядерная сверхдержава, может действовать гораздо активнее в регионах, где у него есть интересы — то есть там, где есть сырье и большие территории. В этом плане потенциальная угроза, конечно, существует. Но чтобы Пекин не обижать, ее можно назвать вероятностью серьезного изменения стратегической и военно-политической ситуации.

– Реально ли заключить трехсторонний договор о контроле над вооружениями с участием России, США и Китая, о чем в последнее время много говорят в Вашингтоне?

– С политической точки зрения это нереально, потому что Китай к этому не готов и не хочет быть вовлеченным по ряду соображений. С другой стороны, Китаю никто и никогда не предлагал какого-то соглашения в этой сфере, которое могло бы его заинтересовать. Просто так апеллировать к благим пожеланиям совершенно недостаточно. Приступая к серьезным переговорам по ядерному оружию, стороны должны знать, что в результате получат стратегическое и военное преимущество по сравнению с тем, что они имели до них. То есть Китай должен сознавать, что его не просто погладят по головке и скажут «Молодец!», а он получит определенные преимущества в военном отношении. И в конечном итоге соглашение не легализует его отставание по тем системам оружия, которые станут предметом договоренности.

– Какими Вы видите пути выхода из нынешнего кризиса?

– Пути выхода очевидны. Во-первых, это мораторий на ракеты средней дальности с взаимоприемлемыми мерами проверки. У нас тоже есть подозрения, что в пусковых установках противоракет в Польше и Румынии могут быть размещены наступательные ракеты «Томагавк».

Поскольку вторая причина выхода США из ДРСМД – сдерживание Китая, у которого имеются сотни, если не тысячи таких ракет, то этот вопрос требует переговоров в двустороннем формате (между Китаем и США) или трехстороннем формате (с подключением России). В крайнем случае можно было бы договориться с американцами не развертывать ракеты в Европе. Хотя такая региональная договоренность, конечно, вызовет большое неудовольствие у Китая, Индии, американских союзников в Западной части Тихого океана.

Необходимо продление договора СНВ-3. Тем более что Россия уже сделала жест доброй воли, заявив, что новые гиперзвуковые системы «Авангард» подпадают под этот договор. Хотя с юридической точки зрения здесь можно было бы и поспорить. Россия даже пригласила наблюдателей, чтобы они убедились в том, что эти ракеты обладают заявленными характеристиками. А продлив на какое-то время СНВ-3, нужно незамедлительно приступить к переговорам о следующем соглашении. Если бы мы лет пять назад начали соответствующие переговоры с американцами, то не оказались бы в таком цейтноте. Эти уроки надо учитывать.

Очень важно также предотвратить провал очередной обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В апреле 2020 года состоится юбилейная конференция, посвященная 50-летию Договора. И если она будет взорвана второй раз подряд после 2015 года, то этот Договор затрещит по швам.

В ДЕЛЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ НЕТ МЕСТА ДВУСМЫСЛЕННОСТИ*

Российская политика в области контроля над вооружениями недостаточно эффективна

Исполнился ровно год с тех пор, как США объявили о намерении выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). О том, в каком состоянии пребывает в настоящее время система ядерного сдерживания, ответственному редактору «НГ-Дипкурьер» Юрию ПАНИЕВУ рассказал руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН Алексей АРБАТОВ.

— Как вы оцениваете сегодняшнюю стратегическую ситуацию через год после решения США о выходе из ДРСМД?

— На мой взгляд, ситуация пока подвешена: в международно-правовом плане Договора от 1987 года уже нет, каждая из сторон вольна развертывать такие ракеты, но этого не происходит. США плохо подготовились к своему выходу из Договора — они все еще не решили, какие системы создавать, каким боезарядом их оснащать и где их размещать в Европе и Азии. Российская линия тоже задает немало загадок. С одной стороны, официально у нас заявляют, что до последнего времени ДРСМД был фактором региональной и глобальной стабильности и потому предлагают мораторий на развертывание таких ракет в Европе даже без договора. А с другой — опять повторяют, что изначально ДРСМД якобы был односторонним разоружением СССР и что лишь Бог знает, почему на него согласились. Хотя, чтобы понять это, не нужно быть Богом. Хоть мы тогда ликвидировали в два с лишним раза больше ракет, чем США, ни одна из них не достигала их территории. А почти девять сотен уничтоженных американских ракет были способны из Европы нанести обезглавливающий и разоружающий ядерный удар по центрам управления и ракетным базам в европейской части СССР. ДРСМД был первым договором о глубоком и притом одностороннем сокращении американских ракет, которые были для нас равнозначны их стратегическому оружию. А в ответ СССР отказался лишь от систем регионального значения.

* Независимая газета. Дипкурьер. 02.02.2020.

– Почему НАТО отвергло предложение Москвы о моратории?

– Это тоже отчасти связано с нашей неоднозначной позицией. Если не считать застрельщиков кампании о российской угрозе, многие на Западе запутались в наших декларациях и поступках. Направив предложение о моратории руководителям НАТО, с ним, как обычно, хотя бы *post-factum* не удосужились ознакомить российскую общественность. Можно догадываться, что это предложение включало возможность новых мер верификации. Однако они, видимо, не относились к существующей российской ракетной системе 9М729, которую на Западе единодушно считают нарушением ДРСМД. Если был расчет на принятие нашей идеи моратория, следовало в первую очередь предложить меры верификации, чтобы доказать, что эта ракета не является нарушением Договора. А заодно потребовать мер контроля применительно к пусковым установкам ПРО в Румынии и Польше, чтобы удостовериться, что в них вместо антиракет не развертываются наступательные крылатые ракеты «Томагавк». Я убежден, что тогда Западу было бы непросто отмахнуться от наших мирных инициатив. Странная непоследовательность и недосказанность российской позиции, вероятно, диктуется некоторыми подспудными мотивами и движущими силами, кои мне неведомы. Но очевидно, что все это заметно снижает эффективность нашей политики предотвращения ядерной войны и сохранения стратегической стабильности.

– В конце 2019 года Госдепартамент США передал Китаю официальное приглашение на переговоры по контролю над вооружениями. Каков будет, на ваш взгляд, ответ Пекина?

– Ответ Пекина будет стандартным. Китаю кажется нелогичным изолированно обсуждать наземные ракеты средней дальности, по которым у него есть преимущество, в отрыве от морских и авиационных ракет такого класса и стратегических вооружений, по которым огромное превосходство у России и США. Поэтому Пекин долгое время отстаивает такую позицию: пусть Россия и США сократят свои ядерные вооружения до китайского уровня, в том числе стратегические, а после этого Китай будет готов присоединиться к переговорам. Уклончивость Китая объясняется тем, что никто ни разу не предложил ему такой формат переговоров, который предоставил бы ему стратегический выигрыш. В такого рода переговоры вступают, чтобы взамен на свои уступки улучшить свое стратегическое положение за счет уступок другой стороны. Пока ни Россия, ни США Китаю ничего подобного не предложили.

– Судя по заявлениям президента Владимира Путина, Россия готова работать над новыми соглашениями или хотя бы продлить Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). Появилась ли какая-то определенность со стороны США о судьбе этого договора?

– Нет, не появилась. В Вашингтоне периодически говорят, что рассматривают вопрос о продлении СНВ-3, но тут же ставят оговорки. Якобы договор,

заключенный Бараком Обамой, не учитывает новейших видов вооружений. Кроме того, он двусторонний, и нужно, чтобы в нем участвовал Китай. Но это чудовищная глупость. У Китая 150 носителей и 150 боеголовок стратегических ядерных сил. У России и США, в соответствии с СНВ-3, может быть до 1500 боеголовок и 700 носителей. Значит, присоединившись к СНВ-3, Китай сможет на законных основаниях в пять раз увеличить число носителей и в 10 раз – число боеголовок. Понятно, что ни США, ни Россия никогда на это не согласятся. В лучшем случае вопрос об участии Китая может быть поставлен в контексте каких-то будущих переговоров. Но чтобы их начать не на пустом месте, а отталкиваясь от прочной опоры, надо продлить существующий договор.

Кроме того, администрация США абсолютно парализована. Оттуда ушли практически все специалисты, которые раньше этим вопросом занимались. Американские военные прямо говорят, что они за продление договора, который дает транспарентность и предсказуемость в отношении российских сил. В то же время Белый дом, Госдепартамент и Совет национальной безопасности буквально плавают в своих невнятных позициях и не могут ничего согласовать с президентом, озабоченным только импичментом. А в стратегических вопросах Дональд Трамп не только ничего не понимает, но и не хочет понимать. Он не желает этим серьезно заниматься и отдельывается общими заявлениями, каждое из которых противоречит предыдущему.

– Какими могут быть последствия для стратегической стабильности в случае непродления СНВ-3 после февраля 2021 года?

– Стратегическая стабильность влияет на всю международную безопасность, потому что уменьшает угрозу ядерной войны. Без продления срока действия СНВ-3 мы лишимся транспарентности и предсказуемости отношений в рамках стратегической стабильности. Соглашения, предусматривающие инспекции и режимы верификаций, дают огромную информацию и позволяют каждой стороне быть уверенной на 10–15 лет вперед, потому что стратегические вооружения не создаются под столом за один день. С 2011 года, когда начал действовать СНВ-3, РФ и США провели друг у друга 300 инспекций и осуществили более 18 тыс. уведомлений о том, что происходит в их стратегических силах. Все это будет потеряно, начнется неограниченная гонка вооружений и возрастет угроза ядерной войны.

Как показал опыт, без соглашений по ограничению вооружений каждый очередной кризис ставит стороны на грань ядерной войны. А в контексте контроля над вооружениями – не ставит. Этот важнейший урок уже все забыли. Ведь как будет отвечать Россия на размещение в Европе американских ракет средней дальности с кратчайшим подлетным временем до российских центров военно-политического руководства и многих баз стратегических сил? Возможно, не только такими же ракетами на своей территории, но и экстерриториально – в пределах досягаемости до их центров управления. Если США и Россия примут концепцию упреждающего ядерного удара, то при любом локальном кризисе может быть спущен курок глобальной ядерной катастрофы. Не говоря уже

о том, что гонка вооружений разрушит сотрудничество в борьбе с такими общими угрозами, как распространение ядерного оружия, международный терроризм, локальные конфликты, предотвращение доступа террористов к оружию массового уничтожения.

– По словам Путина, гиперзвуковое оружие имеется в настоящее время только у России. В чем состоит отставание американцев?

– Что только Россия обладает гиперзвуковым оружием – тезис спорный. На параде в честь 70-летия КНР были, например, продемонстрированы мобильные ракеты средней дальности с гиперзвуковыми планирующими блоками. Но что касается межконтинентальных гиперзвуковых планирующих систем, то их, действительно, имеет только Россия. Система «Авангард», в частности, включает гиперзвуковой планирующий блок, поставленный на разгонные ступени баллистических ракет 30-летней давности.

Вопреки некоторым высказываниям, в новейшей истории это не первый случай военно-технического первенства нашей страны. Мы были впереди планеты всей с запуском первого спутника в 1957 году (то есть с созданием межконтинентальных баллистических ракет) и с первым удачным перехватом баллистической цели системой ПРО в 1961-м, о чем без удержу хвастался Хрущев. Но американцы нас быстро перегнали по баллистическим ракетам, достигнув за десять лет семикратного превосходства, а по ПРО до сих пор причиняют нам головную боль.

Почему американцы пока не добились того же по гиперзвуковому ракетно-планирующему оружию? Во-первых, потому что им не ясна задача таких систем в межконтинентальном исполнении. У нас они обосновываются задачей преодоления американской ПРО. Правда, у США пока нет такой обороны, которую не могли бы прорвать наши существующие баллистические ракеты, но российское руководство, видимо, считает, что она может появиться в будущем. И тогда гиперзвуковые планирующие системы заменят нынешние баллистические ракеты. До тех пор наши новые гиперзвуковые ядерные средства не повлияют сколько-нибудь заметно на стратегический баланс. Что касается американцев, то они не видят никакой проблемы преодоления обороны, поскольку не считают российскую ПРО эффективной в рамках стратегии ядерного сдерживания.

Во-вторых, американцы поставили перед собой амбициозную цель создать ракетно-планирующее гиперзвуковое оружие в неядерном оснащении, то есть с обычными боезарядами. В этом случае возникнут принципиально новые варианты непредсказуемых разоружающих неядерных ударов, что может в корне изменить существующую уже 30 лет систему стратегической стабильности. Но поразить защищенные цели неядерными боезарядами гораздо труднее, чем ядерными, поскольку требуется на порядок более высокая точность наведения гиперзвуковых боевых блоков. Вот они и боятся над этой задачей, включая обеспечение стабильного полета при огромном нагреве аппарата от трения о воздух.

— **Каков ваш прогноз относительно обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая должна состояться в апреле 2020 года? Не поставит ли она крест на этом договоре?**

— Если все будет развиваться так, как идет в настоящий момент, то эта конференция обречена на провал. ДНЯО потерпит тяжелейший удар и утратит свое действие если не де-юре, то уж точно де-факто. Чтобы этого избежать, нужно, во-первых, ведущим ядерным державам возобновить процесс переговоров об ограничении и сокращении ядерного оружия. Это их обязательство по статье VI ДНЯО.

Необходимо как минимум продлить Договор СНВ-3 с тем, чтобы незамедлительно начать диалог о следующем соглашении. Пять лет быстро пролетят, и мы снова окажемся в цейтноте. Считаю это определенной недоработкой российской позиции. После долгих лет непонятной позиции руководство России только в прошлом году четко и однозначно заявило: «Мы — за продление безо всяких предварительных условий».

Но такого заявления недостаточно. Нужно было добавить, что мы не считаем этот договор идеальным и предлагаем начать переговоры о следующем соглашении. Если США хотят присоединить к нему Китай, давайте попробуем заинтересовать его. Или пока оставим Китай в стороне и заключим новый договор в двустороннем формате. Это очень важная недосказанность, которая, как и во многих других вопросах, уменьшает эффективность российской внешней политики в этой области.

Во-вторых, надо выбираться из кризиса, связанного с выходом США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по атомной программе Ирана. Это второй после краха ДРСМД удар, который был нанесен по всей системе ядерного нераспространения. Поэтому все инициативы по спасению СВПД заслуживают одобрения и поддержки с нашей стороны.

МИР РИСКУЕТ ОСТАТЬСЯ БЕЗ ДОГОВОРА ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ*

До окончания действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) осталось меньше года. О ситуации в области контроля над вооружениями Юрию ПАНИЕВУ рассказал руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН Алексей АРБАТОВ.

— Алексей Георгиевич, США считают, что с правовой точки зрения продление СНВ-3 уже заложено в договоре и после консультаций должно быть подтверждено обменом дипломатическими нотами. Так ли это?

— Да, это так, новая ратификация СНВ-3 не требуется. Договор был ратифицирован в 2011 году в России и США, и в случае пролонгации предполагает обмен нотами и соответствующие указы президентов. СНВ-3 может быть продлен только один раз не более чем на пять лет.

Россия выступила за его продление безо всяких предварительных условий. Это — серьезный сдвиг в позиции Москвы последних лет. Ведь если продлевать, то для того, чтобы выиграть время для переговоров о следующем договоре на смену СНВ-3, иначе 5 лет пролетят, и мы окажемся там же, где сейчас. После СНВ-3 Россия отказывалась от продолжения диалога, указывая на препятствия в виде американской ПРО, высокоточных неядерных вооружений, расширения НАТО, санкций. Теперь предварительных условий ни для продления СНВ-3, ни для последующих переговоров Москва не ставит.

— А что обсуждать на дальнейших переговорах?

— Владимир Путин сказал, что все новейшие системы, о которых было объявлено весной 2018 года в президентском Послании, могут быть предметом дальнейшего диалога. Подразумевается, что это же относится и к беспокоящим нас американским системам оружия. Жаль только, что эта правильная позиция не была четко и емко сформулирована раньше, не доводя дело до цейтнота. А вот американцы мнутся, пытаются выставлять дополнительные условия. У них позиция расплывчатая и невнятная, они еще для себя не решили, нужно им продление СНВ-3 или нет и что за него можно дополнительно выторговать.

* Арбатов А., Панеев Ю. Мир рискует остаться без договора об ограничении ядерных вооружений // Независимая газета. Дипкурьер. 29.03.2020.

— Глава Пентагона Марк Эспер назвал три условия продления СНВ-3: охват договором нового российского стратегического оружия, подведение под него нашего тактического ядерного оружия и участие в договоренностях Китая. Насколько реалистичны такие требования?

— США все больше запутывают клубок стратегических проблем. Россия сама уже объявила, что две новые системы из шести обнародованных Путиным в 2018 году подлежат засчету в рамках СНВ-3, если он будет продлен. Это знаменитый гиперзвуковой планирующий блок «Авангард» и тяжелая межконтинентальная ракета шахтного базирования «Сармат», которая идет на смену ракете «Воевода».

Другие обнародованные системы требуют особой договоренности. Это крылатая ракета наземного базирования «Буревестник» с атомным двигателем и ядерной боеголовкой, которая пока испытывается. Это и подводная скоростная суперторпеда с атомной энергетической установкой и ядерной боеголовкой. Обе системы не подпадают под СНВ-3, в нем даже нет их дефиниций. Они теоретически могут стать предметом нового договора, условно говоря, СНВ-4, но не продленного СНВ-3.

— Что касается условий главы Пентагона о тактическом ядерном оружии?

— Тут одно из двух: или Эспер просто не понимает, о чем говорит, или наводит тень на плетень, чтобы выиграть время, пока в Белом доме чешут голову. Тактическое ядерное оружие — особая тема, она поднимается очень давно. Параллельными инициативами это оружие было сокращено Россией и США в 1990-х годах практически на порядок. К продлению СНВ-3 его никак пристегнуть нельзя, хотя когда-то этим оружием придется заняться. Для создания благоприятных условий нужно возобновление соглашений по сокращению обычных вооруженных сил НАТО и России в Европе, чтобы ни одна сторона не боялась превосходства другой и не готовила на это ядерный ответ. Договориться об этом трудно, пока в регионе есть непризнанные всеми сторонами государственные границы.

— Ну а что делать с Китаем?

— Как мыслит Эспер привлечь к СНВ-3 Китай — тем более непонятно. Договор разрешает сторонам иметь не более 700 развернутых стратегических носителей и не более 1550 боезарядов на них. У Китая сейчас, по разным зарубежным оценкам, имеется примерно 150 стратегических носителей и столько же боезарядов (а всего ядерного оружия — около 300 единиц). То есть, пристегивая Китай, мы фактически признаем его право увеличить количество носителей в 4 с лишним раза, а боезарядов — в 10 раз. Готовы ли американцы на такой вариант? Конечно, со временем и на определенных условиях Китай должен будет присоединиться к процессу контроля над ядерными вооружениями, но это потребует отдельных и очень сложных переговоров. Нельзя не отметить и в этом вопросе существенный поворот российской линии: ведь после СНВ-3 Москва неоднократно заявляла, что двусторонний формат больше не годится,

надо переходить на многосторонние соглашения. Сейчас Россия поддержала китайский отказ присоединиться к переговорам, но при этом желает продления СНВ-3 и продолжения диалога, то есть – вести дело в двустороннем формате с США. Это вполне разумно, пока мы сообразим, по какой формуле подключать к процессу на добровольной основе третьи страны. Пока никто, никогда и ничего конкретного тут не предложил. Не знают этого и американцы, но продолжают давить по принципу – там видно будет... Недаром ведь говорится: будьте осторожны в своих мечтах, если они сбудутся, вы можете об этом сильно пожалеть...

– Похоже, гиперзвук стал одним из главных направлений революции в военном деле. Насколько США к такой революции готовы?

– Насчет революции не будем торопиться с выводами. На региональном уровне в обычных конфликтах гиперзвуковые планирующие системы явно создают перевес наступления над обороной в их соревновании, которое издавна идет с переменным успехом. Что касается стратегического глобального масштаба, то здесь превосходство наступления на обозримое время неоспоримо в лице существующих многозарядных баллистических ракет с ядерными боеголовками. Пока нет эффективных систем ПРО, типа «Звездных войн», о которых мечтал незабвенный президент Рейган, стратегические гиперзвуковые планирующие системы избыточны. Они более всего служат символом технического первенства какой-либо державы.

Недаром после 2018 года Путин периодически говорил, что Россия теперь не догоняет США, а вырвалась вперед – и пусть теперь они попробуют нас догнать. Этот вызов американцы, конечно, не могли не принять. Они вполне готовы к такому состязанию и в этом году выделили 5 млрд долларов на гиперзвуковые системы – но не в ядерном, а в обычном оснащении. Если удастся создать большое количество такого оружия с достаточной точностью для поражения шахтных и мобильных пусковых установок ракет, защищенных командных центров – тогда можно будет говорить о революции. Возможность разоружающего неядерного удара в корне подорвет систему отношений ядерного сдерживания, на которой, как утверждает президент России и многие другие, зиждется мир в последние 70 лет. То есть в этой сфере уже началось соревнование, если не гонка вооружений, хотя, сказать по правде, я не вижу разницы между этими понятиями.

– В связи с этим, насколько эффективной в плане контроля над вооружениями может быть инициатива России о созыве саммита пяти стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН, если он, конечно, вообще состоится? Ведь все международные встречи и форумы из-за пандемии коронавируса отменяются...

– Насчет вируса не мне судить, а в политическом отношении этот саммит мог бы иметь некий символический смысл: собрались на уровне руководителей государств пять ведущих ядерных держав и подтвердили обязательство двигаться по пути дальнейшего ядерного разоружения. Однако в плане практических

сдвигов в этом деле, хочу напомнить, что встречи «большой пятерки» уже больше 10 лет регулярно осуществляются на уровне государственных представителей и специалистов. Но они ни к чему пока не привели. Слишком уж ассиметричны потенциалы стран «пятерки»: на Россию и США приходится около 90% глобального ядерного арсенала. Даже не стремясь к паритету с двумя ядерными сверхдержавами, ни одно третье государство не согласится заключить договор, который легализовал бы его ядерное отставание. А Россия и США пока не собираются сокращать свои вооружения до их уровня.

— **Хотя прогноз вещь неблагодарная, все-таки хотелось бы узнать, ждет ли СНВ-3 судьба ДРСМД?**

— Формально не ждет, потому что ДРСМД был договором бессрочным, и США его просто денонсировали. А у СНВ-3 заканчивается срок, и теперь ставится вопрос, продлить его или нет. Если он не будет продлен, то в мире не останется ни одного договора по ограничению конкретных ядерных вооружений. Главный аргумент Трампа против СНВ-3 состоит в том, что договор Обамы якобы дает большие преимущества России. Теперь у Трампа будет возможность заявить, что это не договор Обамы, раз Россия согласилась включить в него новые системы, которые уже развертываются в боевом составе. Режим верификации договора обеспечивает обширную систему военной транспарентности и предсказуемости, и потому его поддерживает даже Пентагон. К тому же Трамп выбил бы из рук демократической оппозиции обвинение в том, что он все вокруг безответственно ломает, как слон в посудной лавке.

В то же время Трамп непредсказуем, похоже, что он действует просто по наитию. В администрацию он подобрал людей, которые держатся за свои места и на все отвечают «так точно», никто не смеет ему возразить. По логике вещей, США должны пойти на продление СНВ-3 и в эти сроки начать переговоры о новом договоре, но если бы государства в своей политике всегда руководствовались логикой и здравым смыслом — история человечества сложилась бы иначе.

ПРИВЕТ, ОРУЖИЕ!*

Почему возобновилась гонка вооружений? Чем нынешняя отличается от той, что была в годы холодной войны? Зачем США вышли из договора по ПРО? Почему в Кремле так опасаются американских антиракет в Европе? Когда Китай догонит США и Россию по ракетно-ядерному потенциалу? Об этих и других проблемах противостояния ядерных держав мы беседуем с академиком Алексеем Арбатовым – ведущим российским и признанным в мире экспертом по проблемам международной безопасности, контроля над вооружениями и разоружением.

– Мы опять ввязались в гонку вооружений?

– Если коротко – да, мы в нее входим. Хотя широко распространенное понятие «гонка вооружений» – это метафора, а реальность много сложнее, чем знакомое всем действие: старт – совместный забег-финиш. У современных стратегических вооружений жизненный цикл длится несколько десятилетий: от разработки, испытаний, развертывания в боевом составе и до вывода из него и утилизации. Эти процессы идут не синхронно для разных систем оружия и тем более в странах-соперницах.

Поэтому об этапах гонки вооружений можно говорить лишь условно. В этом смысле за годы холодной войны прошло четыре раунда беспрецедентной гонки вооружений, которые без перерывов переходили один в другой. В 50-е годы – бомбардировщики и ракеты средней дальности, в 60-е – наземные и морские стратегические баллистические ракеты, в 70-е – стратегические ракеты с разделяющимися головными частями, в 80-е годы – ядерные крылатые ракеты большой дальности и замена баллистических ракет на системы повышенной точности и мощности, которые обладали превосходящей «убийной силой».

Вплоть до конца 80-х годов шло интенсивное количественное наращивание ядерных вооружений наряду с регулярным обновлением систем оружия, инициаторами чего выступали США, которые догонял СССР. То есть имела место и количественная, и качественная гонка вооружений. К началу 90-х мы подошли с огромными ядерными потенциалами, которые насчитывали более 50 тысяч боеголовок на всех видах носителей суммарным мегатоннажем порядка 55 тысяч мегатонн (что эквивалентно трем с лишним миллионам хиросимских бомб!).

После этого закончилась холодная война, начались радикальные сокращения. Был Договор СНВ-1, потом СНВ-2, потом рамочное соглашение СНВ-3, потом, уже в 2002 году, так называемый Договор по стратегическим наступа-

* Арбатов А., Липский А. Привет, оружие! // Новая газета. 6 июня 2018 г.

тельным потенциалам (СНП), в 2010-м – текущий, Пражский договор – мы называем его СНВ-3, а американцы – «Новый СНВ» (New START). Параллельно были радикально урезаны тактические ядерные вооружения. Начиная с Договора о ракетах средней и меньшей дальности от 1987 года, за последующие 30 лет глобальный ядерный арсенал в количественном отношении уменьшился примерно в семь раз, а по мегатоннажу – в 30 раз. Это явилось большим успехом как переговоров по сокращению вооружений, так и односторонних мер разоружения.

– **Это касалось всех ядерных держав?**

– Нет, по большей части сокращение шло за счет двух сверхдержав. Но они изначально имели несопоставимо больше вооружений. Ведь 30 лет назад совокупные силы остальных ядерных государств (Британии, Франции, Китая, Израиля, ЮАР) составляли всего около 2% по числу ядерных боезарядов.

– **А сейчас?**

– Сейчас это ближе к 20%, в зависимости от того, сколько реально имеется у Китая, что он держит в секрете и насчет чего среди специалистов есть большие разногласия. Если Китай считать по максимуму (порядка 900 боеголовок), то сегодня 80% ядерных запасов приходится на Россию и США, если Китай считать по минимуму (около 300 боезарядов), то на две ведущие державы остается примерно 90% глобального ядерного арсенала.

– **Прекратилась ли гонка вооружений после окончания холодной войны?**

– На фоне глубоких сокращений никаких больших программ ни мы, ни американцы в тот период не осуществляли. Ну понемножку, конечно, модернизовали (мы вводили наземно-мобильные ракеты «Тополь», они заменили на подлодках ракеты «Трайдент-1» на «Трайдент-2»), улучшались системы управления и информационного обеспечения. Однако интенсивной модернизации и тем более наращивания вооружений в 90-е годы не было. Стороны потихонечку жили на том техническом «капитале», который создали в 80-е годы.

– **Это потому что «конец истории»? Война уже не маячила на горизонте?**

– Да, конечно, деньги стали перебрасывать на другие, более важные цели. А в ядерных силах осталось то, что вроде бы нужно для взаимного сдерживания, но на гораздо более низких уровнях, чем ранее. По сравнению с годами холодной войны, можно сказать, почти ничего не делалось.

Но при этом у нас в стране из-за экономического кризиса и распада СССР стратегические силы разваливались – физически. Подводные лодки пропускали свой плановый ремонт, их приходилось выводить из боевого состава, у ракет кончался технический ресурс, и их снимали с вооружения без замены. А у американцев все было в порядке, они создавали свои системы «на века», и для поддержания потенциала все делалось по плану, основательно. В результате мы в нулевые годы вошли в ситуацию, когда все деградировало, и если бы мы ничего

не предпринимали, у нас сегодня осталось бы в строю несколько подводных лодок и несколько десятков ракет.

– То есть все саморазвалилось?

– Да. Потому что технические системы требуют поддержания, ремонта, обновления. И поэтому с 2011 года в РФ началась широкая программа модернизации стратегических сил.

– Это американцам, видимо, не понравилось?

– Американцы к этой модернизации относились поначалу совершенно спокойно. Ну что мы делали: наземные ракеты «Тополь М», потом стали вводить «Ярс» с разделяющейся головной частью. На море старые подлодки стали заменять на новые (первый ракетоносец – «Юрий Долгорукий») с ракетами «Булава». Вот, собственно, и все.

Но с 2012 года стала ухудшаться политическая ситуация, а в 2014 году начался серьезный кризис в отношениях с США и НАТО из-за Украины. Наша программа стала наращиваться, это уже была не просто замена старых средств на новые примерно такого же класса, мы начали развивать нечто качественно новое. О чем президент Путин достаточно детально и красочно рассказал в своем Послании Федеральному Собранию от 1 марта. Все эти программы будут продолжаться. Причем еще бросили американцам неприкрытый вызов. Мол, мы вас обогнали по этим системам, и хотя вы тоже потом что-то подобное сделаете, но «наши ребята» к тому времени еще что-нибудь придумают.

В США с середины следующего десятилетия и так предполагалась замена систем оружия стратегической триады, которые тоже вырабатывают свой технический ресурс. Сначала пойдут новые системы авиации, потом наземных ракет, потом морских ракетных систем. Но теперь в ответ на наш вызов они добавят немало нового, и это будет уже не просто плановая замена, а реальная гонка вооружений. При этом американцы имеют в 15 раз больший военный бюджет, чем мы.

Таким образом, мы стоим на пороге большого витка гонки вооружений, хотя заметного количественного наращивания вооружений России и США в обозримое время, скорее всего, не будет.

– То есть существующие договоренности нарушаться не будут?

– Есть договор между РФ и США (СНВ-3), который будет действовать до 2021 года. Если его продлят (что можно сделать один раз), то до 2026 года. За эти пределы державы пока выходить не собираются, если договор не будет с большим политическим шумом денонсирован той или другой стороной. В таком случае начнется не только качественная, но и количественная гонка вооружений, что будет увеличивать угрозу ядерной войны. При этом, повторяю, американский военный бюджет в 15 раз больше нашего, и они постараются нас экономически измотать, как делали с СССР.

— **В чем же тогда отличие нынешнего этапа гонки вооружений от того, что было в годы холодной войны?**

— В годы холодной войны мы в основном гнались за американцами по аналогичным системам: они начинали, а мы с интервалом примерно в 5 лет их догоняли в каждом из упомянутых четырех раундов гонки вооружений. Теперь уже мы открыто бросили им вызов: мол, догоните нас! Второе отличие: ныне, за немногими исключениями (как крылатые ракеты большой дальности с обычными боезарядами, гиперзвуковые планирующие блоки, неядерная система ПРО), нет гонки по аналогичным системам. Каждая сторона развивает свои системы оружия исходя из собственных задач и целей. Еще одно важное отличие: тогда основной упор делался на наступательные ядерные вооружения, ПРО не получалась ни у них, ни у нас. А теперь гонка вооружений станет многоканальной. То есть не только по наступательным ядерным системам, но также по наступательным и оборонительным высокоточным системам в неядерном оснащении, то есть с обычными боезарядами. Также будут создаваться ударные космические средства. Пока еще оружия в космосе нет, но системы, которые могут сбивать спутники обычными боеголовками, уже делаются. Также неизвестно, что принесут средства кибервойны, как они подействуют на все эти вооружения, которые зависят от совершенных информационно-управляющих систем. Скорее всего, дестабилизирующим образом.

И, наконец, последнее. Тогда гонка вооружений шла в основном двусторонняя. Кое-что делали Британия, Франция, Китай, Израиль, ЮАР. Но по сравнению с двумя сверхдержавами это все было мелочью. Сейчас уже практически на равных в эту гонку вступает третья ядерная держава — Китай. Сегодня он, видимо, имеет ядерного оружия больше, чем все остальные шесть третьих стран в совокупности (Британия, Франция, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР). Более того, Китай — это единственное государство, которое в случае принятия политического решения за 10–15 лет в состоянии догнать две ведущие ядерные державы, опираясь на свой огромный экономический и технический потенциал. А по некоторым системам Китай уже сейчас идет наравне с нами и американцами, а кое в чем, возможно, даже опережает нас. Например, по гиперзвуковым планирующим блокам, баллистическим ракетам с обычными высокоточными боезарядами, противоспутниковым системам.

Дальше идут Индия и Пакистан. Израиль не ведет гонку вооружений, но, если дела пойдут плохо, он свой потенциал начнет наращивать. Сейчас, по оценкам, у него от 60 до 200 боеголовок, но он способен качественно совершенствовать свое оружие.

— **А Северная Корея, Иран?**

— Что будет с Северной Кореей — непонятно. Что с Ираном — тем более. После выхода американцев из многосторонней ядерной сделки от 2015 года Иран может возобновить в полном объеме атомную программу, радикально урезанную этим соглашением и поставленную под жесткий международный контроль. А как крайний вариант — приступить к созданию ядерного оружия. Если это

произойдет, то за Ираном, несомненно, потягнется Саудовская Аравия и, очень вероятно, Турция. На Дальнем Востоке, если не состоятся договоренности с КНДР и там возобновятся ядерные испытания и наращивание ракетного потенциала, рано или поздно Южная Корея и Япония присоединятся к «ядерному клубу». Япония года за три способна сравняться с Индией и Пакистаном, а затем вырваться вперед и быстро догнать Китай. А тот сделает рывок вдогонку России и США.

– Не секрет, что в качестве одной из главных причин нового витка вооружений российские политики и многие эксперты называют отказ США от Договора по ПРО и создание ими системы ЕвроПРО. Действительно ли это столь опасно для стратегических интересов России?

– Нынешняя система ПРО США, которую у нас называют глобальной ПРО, никакой серьезной проблемы для наших наступательных сил ядерного сдерживания не представляет.

– То есть она преодолеваема?

– Да, несомненно. Она ведь рассчитана на отражение ограниченного удара межконтинентальных ракет по территории США (там есть 44 перехватчика на Аляске и в Калифорнии) и на отражение ограниченного удара ракет средней дальности по американским союзникам в Европе и на Дальнем Востоке. Вот на что она рассчитана.

– А что сейчас происходит с нашей ПРО?

– У нас последовательно, начиная с 60-х годов создавалась система ПРО московского района. Сначала это была А-35, поставленная в боевую готовность в середине 70-х годов и способная перехватить несколько боеголовок, направленных на столицу. Потом была А-135, которая обрела оперативный статус в середине 90-х годов. Сейчас она заменяется на А-235. Она включает новые системы, которые будут способны не ядерным взрывом, а кинетическим шрапнельным способом перехватывать боеголовки. Кроме того, к характеристикам ПРО по техническим данным подтягивается и наша ПВО. Например, С-500 сможет перехватывать ракеты средней дальности. Мы не копируем американцев, а идем своим путем. Однако Вашингтон по этому поводу не беспокоится, там уверены в эффективности своего наступательного ядерного потенциала.

– Если, как вы говорите, американская ПРО не является препятствием для российских наступательных средств сдерживания, то почему США так к ней привязаны?

– Люди несведущие, которые на разных уровнях в США делают политику, верят, что все-таки можно создать оборону от ракет, о чем мечтал еще президент Рейган (помните «звездные войны» – СОИ?), которого там любят и почитают. Профессионалы же говорят: мы знаем, что против России мы не способны защититься, но остаются другие ядерные государства, включая Северную Корею,

в перспективе — Иран и даже Пакистан, если вдруг талибы там придут к власти. Если перехватив 20–30 ракет из России, США все равно будут уничтожены всем остальным, что до них долетит, то, отразив удар некоторого числа ракет стран, обладающих несравненно меньшим потенциалом, они ощутимо уменьшат свой ущерб. Они не хотят себя ограничивать в развитии ПРО, потому что не уверены в том, насколько эффективной будет их нынешняя система против Северной Кореи, Ирана или Пакистана.

— А почему наши руководители так зацклились на ЕвроПРО?

— Приближение любых чужих систем оружия к своей границе всегда воспринимается как угроза. В принципе, наступательные средства чем ближе, тем опаснее. Этот подход переносится и на оборонительные системы. В частности, опасаются, что американские антиракеты в Румынии и Польше, а также на кораблях смогут перехватить наши баллистические ракеты на разгонном участке вместе с их разделяющимися головными частями и средствами преодоления ПРО.

— А это не так?

— Не так. Потому что упомянутые системы перехватчиков ПРО не имеют достаточного ускорения, чтобы догнать наши ракеты на взлете — это раз. Они не имеют информационно-управляющей системы, чтобы засечь и успеть перехватить баллистические ракеты за те несколько минут, что они разгоняются, — это два. И не имеют соответствующей системы самонаведения, поскольку оснащены сенсорами для перехвата боеголовок на встречных курсах на фоне холодного космоса. А к перехвату на разгонном участке они не приспособлены и ни разу таким образом не испытывались. Это три.

— У нас еще говорят, что их легко переоборудовать, и тогда они превратятся в наступательное оружие рядом с нашей границей.

— Это уже другая песня. В Польше и в Румынии будет 48 пусковых установок для антиракет. Действительно, такие пусковые установки на кораблях могут оснащаться наступательными крылатыми ракетами «Томагавк», которые в варианте морского базирования не запрещены ни нам, ни им, а в наземном варианте запрещены Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). И если мы не можем различить эти пусковые установки визуально, извне, то мы вправе предъявить им претензию за нарушение этого Договора.

Что касается того, что они могут быть быстро переоборудованы... Быстро не могут, потому что у этих антиракет информационно-управляющая система, система наведения, да и боеголовки совсем другие. Что такое «Стандарт-3» — антиракеты, которые развертываются в Польше и в Румынии? Они несут кинетическую головную часть меньше 40 кг весом, которая должна на встречных курсах попасть (прямо как «пуля в пулью») в ядерную боеголовку противника и ее разрушить. У обеих боеголовок огромная скорость — в 5–7 раз быстрее пули.

А что можно сделать 40-килограммовой болванкой против каких-то наземных целей? Даже танк не пробьешь, да и не попадешь, не говоря уже о защищенном, железобетонном объекте. Технологически легче поставить новую ракету, чем взять антиракету «Стандарт-3», заменить боевую часть, систему наведения, и все что связано с информационно-управляющими средствами. Теоретически можно тайно, под покровом ночи, предварительно договорившись с румынами и поляками, подвезти эти «Томагавки» и поставить в установки для антиракет. Правда, возникает вопрос: зачем это делать? Даже 30 лет назад, когда по Договору об РСМД запрещались ракеты средней дальности, они уже тогда были на наземно-мобильных пусковых установках, потому что это повышало их живучесть. Зачем же их теперь в шахты заряжать?

Но технически мы свою претензию правильно заявляем. В области разоружения есть такой термин – «внешне различимые функциональные отличия». Это когда, глядя на пусковую установку, можно сказать: да, в этой пусковой установке технически невозможно разместить «Томагавк». Если этого снаряжи не видно, то можно заявлять о нарушении.

БЕЗ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ ЛЮБОЙ КРИЗИС ПОДВОДИТ К ГРАНИ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ*

В последнее время много говорят об угрозе крушения Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). Стороны, как известно, обвиняют друг друга в его нарушении. Каковы взаимные претензии США и России?

— О наших претензиях мы уже поговорили, а американцы из Договора пока не вышли, но кампания в пользу этого в Конгрессе нарастает. Администрация Трампа выходит из Договора пока не хочет, потому что это ввергнет в панику их союзников. Наверное, в Белом доме полагают, что после выхода из ядерного соглашения с Ираном и других разрушенных за последний год договоренностей – это был бы уже перебор.

— **А к чему тогда эти запугивания выходом из него, санкциями?**

— А из принципа. Мол, раз русские нарушают, мы не позволим им нас водить за нос. Вот американская позиция.

— **То есть они уверены, что мы нарушаляем?**

— Они убеждены, что мы нарушаляем.

— **В чем? Где мы нарушаляем?**

— Они заявляют, что некоторое время назад мы провели испытательный пуск крылатой ракеты дальностью больше 500 км, которая запрещена (**по Договору запрещены ракеты дальностью от 500 до 5500 км.** – Ред.). Запуск якобы был проведен с развернутой у нас в войсках мобильной пусковой установки ракет «Искандер», что также запрещено Договором – он не допускает испытательные пуски с мобильных пусковых установок, которые есть на вооружении в войсках.

— **То есть мы нарушили Договор?**

— Это они утверждают, что нарушили. Правда, есть два неприятных для нас момента. Во-первых, косвенно некоторые наши генералы это признали. Они, правда, не являются сегодня официальными лицами, но в недавнем прошлом занимали высокие посты в Министерстве обороны. Так вот, они говорят: «Ну, может, мы что-то где-то там и нарушили, но это, только чтобы удерживать

* Арбатов А., Липский А. Без контроля над вооружениями любой кризис подводит к грани ядерной войны // Новая газета. 8 июня 2018 г.

их (американцев) от выхода из Договора». Их высказывания цитировала наша консервативная пресса, что заметили и в США. Во-вторых, начиная с 2006–2007 года на высоком уровне государственной власти и силовых ведомств России не раз говорилось, что нам этот Договор невыгоден.

– Потому что мы больше сократили, что ли?

– Во-первых, мы сократили вдвое больше, чем американцы. Во-вторых, нас окружают страны, у которых есть ракеты средней дальности, и нам надо их сдерживать, а США вне досягаемости. В-третьих, нам надо в случае войны иметь возможность уничтожить американскую ПРО вблизи наших границ. Для этого России нужны ныне запрещенные ракеты. Вот такая логика.

– Так может быть, нам Договор действительно не нужен?

– Нет, он был нам и тогда очень нужен, а сейчас он нам еще нужнее – с нашим нынешним географическим и политическим положением. Ведь при крахе договора новые ракеты средней дальности США будут развернуты не в Германии, как раньше, а гораздо ближе к нашей территории, и подлетное время у них будет короче, чем 7 мин у прошлых «Першингов». Сейчас американцы объявили, что в ответ на российские нарушения они начинают разрабатывать проект новых ракет средней дальности наземного базирования. Пока это, видимо, пугалка, но она превратится в реальность в случае отказа от Договора. Если уж мы так боимся третьих стран, нам надо форсировать развитие воздушно-космической обороны для защиты от их ракет средней дальности. У нас скоро будет система С-500, которая, как нам говорят генералы и конструкторы, сможет перехватывать ракеты средней дальности, а вслед за ней появятся системы еще лучше. Вот защита. А для удара по третьим странам у нас есть могучие стратегические силы, средние бомбардировщики, морские крылатые ракеты, оперативно-тактические средства, нам для этого не нужны ракеты средней дальности. Если ядерная мощь России достаточна для сдерживания США, то ее с лихвой хватит на всех остальных вместе взятых.

– А какие конкретные претензии по нарушениям у нас к американцам?

– Есть несколько претензий. Во-первых, развертывание ПРО в Румынии и Польше рассматривается как нарушение договора, о чем я уже говорил. Во-вторых, использование беспилотников большой дальности. Они по техническим характеристикам подпадают под статью договора, которая дает определение запрещенных крылатых ракет. Понятно, что когда подписывался Договор по РСМД, никаких дронов не было, никто их тогда не мог и представить. На самом деле дрон – это скорее беспилотный самолет, который улетает и возвращается, а не крылатая ракета, которую выпускают один раз для поражения цели. То есть это вопрос скорее юридический: как скорректировать дефиниции Договора по РСМД, чтобы они не относились к дронам. Ведь от беспилотников не откажутся, мы сами их интенсивно разрабатываем. Главный вопрос, как это обсудить и урегулировать по дипломатическим каналам.

— **Особенно при практическом отсутствии переговорного процесса.**

— Мы вообще-то встречаемся с ними. Последняя встреча по Договору по РСМД была в декабре. Туда приехали, кроме американцев, белорусы, казахи, украинцы. Потому что договор-то был заключен между США и СССР, а ракеты размещались и на их территории. Но разговора не получилось. Американцы говорят: «Вы нарушаете». Мы говорим: «Мы не нарушаем, а вот вы нарушаете». Они отвечают: «Мы не нарушаем, в отличие от вас». Такой вот идет «продуктивный» диалог.

— **А если договориться о проверках?**

— Это и есть путь к компромиссу и спасению Договора, если его действительно хотят сохранить. Можно предложить, например, инспекции на местах — по своему выбору в любой момент с коротким временем предупреждения. Мы прилетаем, открываем крышу пусковой установки ПРО в Румынии или Польше, смотрим, что там стоит: антиракета «Стандарт-3» или «Томагавк». А вот нарушения, которые нам приписывают, практически проверить невозможно. Они говорят: «Вы тогда-то там-то испытывали с пусковой установки “Искандер” крылатую ракету средней дальности». Мы говорим: «Нет, мы не испытывали». Как задним числом подтвердить или опровергнуть факт испытания? Наши говорят: «Где телеметрическая информация? Докажите, откуда пущена, где упала». Вообще-то можно за неделю обо всем договориться, если с обеих сторон дадут указания сверху. По нашим сомнениям есть решение — либо продемонстрируйте нам, что эта пусковая установка не может размещать «Томагавки», либо разрешите инспекции на месте.

Насчет нас в принципе тоже договориться возможно, хотя задним числом факт испытания доказать или опровергнуть нельзя. Но факт развертывания можно зафиксировать и исключить точно так же, как и в случае с американскими противоракетами. Например, если спутник обнаруживает где-то подозрительную систему, следует инспекция по запросу, летят туда и на месте проверяют.

— **Но для этого, видимо, нужен иной политический климат.**

— Для этого нужно желание эту проблему разрешить.

— **Это называется «политическая воля». А она связана еще с целым рядом интересов — это не только разоружение, но и череда известных конфликтов...**

— Конечно. Беда в том, что контроль над ядерным оружием сейчас, вообще, не обсуждается на саммитах. Как будто это всего лишь один из международных вопросов, как будто это не проблема, от которой зависит выживание нашей цивилизации. Хотя признается, что ядерная война — это конец нашей цивилизации, но в практическом отношении из этого ничего пока не следует. Должно быть признано, что Украина, Сирия, санкции — да, это все плохо и очень серьезно, но это не вопрос выживания человечества. А спасение системы контроля над ядерным оружием — это залог выживания нашей цивилизации, то есть это

«заповедный», самый приоритетный вопрос. Без строгой «узды» контроля над вооружениями ядерное сдерживание «идет вразнос», подводит любой кризис к грани войны, а то и само провоцирует конфронтацию, как было в случае Карибского кризиса 1962 года. Мы, несмотря ни на что, должны спасти Договор по РСМД, должны начать переговоры о следующем Договоре СНВ, потому что иначе мы окажемся на пороге непредсказуемого и чрезвычайно опасного развития событий.

– Договор СНВ истекает в 2021 году?

– Да, в 2021-м истекает, и мы должны создать что-то ему взамен. Еще три года остается, это много, при желании можно договориться. Пауза в переговорах по стратегическим вооружениям длится уже 8 лет — самый длинный «антракт» в полутора вековой истории этих переговоров. В период президентства Обамы мы отказывались от диалога, ссылаясь на развертывание со стороны США системы ПРО и высокоточных ракет большой дальности с обычными боеголовками (крылатых, а в будущем — гиперзвуковых). Однако, насколько мне известно, Россия ни разу не выдвинула конкретных предложений о том, как на современном этапе она хочет ограничить ПРО и обычные наступательные средства, которые мы и сами развертываем. А теперь и Трамп не горит желанием вести такие переговоры. Через три года мы ухнем в неограниченную гонку вооружений — многоканальную и многостороннюю.

– Стороны понимают эту опасность?

– Раз ничего не происходит, значит, нет. Американская политическая элита негативно относится к нынешнему российскому руководству, не доверяет ему и не желает конструктивно договариваться ни по СНВ, ни по РСМД. Тот же вопрос РСМД они используют для того, чтобы нас разоблачать, обвинять и принимать новые санкции, а не садиться за стол переговоров и договариваться. А мы, со своей стороны, учитывая все наши оговорки по поводу пользы Договора по РСМД, наверное, не желаем проявлять особую заинтересованность в его сохранении. К тому же Россия, видимо, не хочет показать слабость, слишком настаивая на переговорном процессе, чтобы американцы не подумали, что могут здесь на нас давить.

Между тем, если мы выдвинем продуманные серьезные предложения и по СНВ и по РСМД, мы не только наберем политические очки. Вашингтон не сможет просто от этого отмахнуться: есть демократическая оппозиция, союзники в Европе и Азии, мировое общественное мнение. Как бы кто ни относился к нынешней политике Москвы, предотвращение ядерной войны, к которой ведет необузданная гонка вооружений, слишком серьезное дело. Раньше тоже в отношениях не было идиллии, случались опасные кризисы и конфликты, но все-таки договаривались. Значит, могут, когда хотят.

— В прошлом году, в статье о необходимости возобновления переговорного процесса по контролю над ядерными вооружениями вы выстроили такую последовательность действий: сначала спасение РСМД, затем заключение нового договора СНВ на период после 2021 года и на этой основе согласование мер в области ПРО и высокоточных наступательных систем, потом вступление в законную силу Договора по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний, параллельно — укрепление Договора о ядерном нераспространении и т.д. Эта иерархия и последовательность шагов сегодня сохраняется?

— Да, но сейчас я бы на первое место по срочности поставил спасение ядерного соглашения с Ираном. Мы имеем дело с вопиющей американской глупостью, которая может быть чревата полным развалом Договора по нераспространению ядерного оружия, а в худшем случае — новой войной. Если России, Европе и Китаю не удастся без американцев соглашение сохранить, то Иран угрожает возобновить ядерную программу. Тогда Израиль нанесет по Ирану удар, Иран даст военный ответ Израилю, американцы вступятся за Израиль, а Россия поддержит Иран... И вот вам, пожалуйста, не просто еще одна война на Ближнем Востоке, а такая война, где возможно лобовое столкновение крупнейших ядерных держав. Там уже не будет ИГИЛ (запрещенного в РФ. — Ред.), на который можно всем вместе навалиться. При всей важности Договора по РСМД с ним все-таки еще есть время, прежде чем американцы примут очередное глупое решение и выйдут из него. А сделку с Ираном надо срочно спасать, договариваться с европейскими странами, промышленные компании которых из страха перед американскими санкциями могут уйти из Ирана и вызвать «цепную реакцию» событий, ведущих к катастрофе.

— Говоря о контроле над ядерным оружием, мы уже свыклились с тем, что в основе мира и в годы холодной войны, и сегодня лежит взаимное ядерное сдерживание. Но насколько надежен этот фундамент?

— Формула «взаимное ядерное сдерживание» вроде звучит благозвучно. Как у нас, так и за океаном, особенно при Трампе, декларируется, что это основа мира и безопасности во всем мире. Характерно, что ядерное сдерживание ныне зачастую трактуется не как неизбежное зло, а как благо. Распространено мнение, что оно на протяжении многих десятилетий предотвращало третью мировую войну. Впрочем, это недоказуемо: за сто лет между окончанием наполеоновских войн битвой при Ватерлоо (июль 1814 г.) и началом Первой мировой войны (август 1914 г.) тоже не было мировых войн, хотя о ядерном оружии и не помышляли. А в годы холодной войны мы раз за разом подходили к грани глобальной катастрофы, причем в дни Карибского кризиса (октябрь 1962 г.) от нее спасла лишь счастливая случайность.

Не надо забывать, в чем суть взаимного ядерного сдерживания. Это вид стратегических отношений держав, основанный на их готовности за несколько часов убить сотни миллионов граждан друг друга и разрушить все, что создано на Земле за последнюю тысячу лет. Будущие историки, наверное, сочтут период ядерного сдерживания веком великой исторической аномалии человечества.

Конечно, это в том случае, если человечество доживет до будущего и если в нем найдутся историки.

– А есть ли альтернатива ядерному сдерживанию?

– Пока не найдена, но есть предложения. Например, полное ядерное разоружение, о котором недавно в ООН приняли проект универсального договора. Вот только все ядерные государства, которым пришлось бы его выполнять, единодушно отвергли этот документ. Он не объясняет, как поддержать свой статус странам со слабой экономикой, как защититься от превосходящих обычных сил вероятных противников или от будущего оружия на новых физических принципах.

Есть и другие идеи: в частности, радикальное взаимное сокращение боеготовых наступательных ядерных вооружений России и США и создание согласованной или даже совместной мощной системы стратегической обороны. Это была бы совсем другая концепция сдерживания – не взаимное гарантированное уничтожение, а взаимная гарантированная защита друг от друга и от третьих стран и террористов. Возможны и другие модели безопасности. Их надо неустанно искать, а не уповать на потенциалы массового уничтожения, которые имеются и совершенствуются в арсеналах ядерных держав. Даже если правы те, кто утверждает, что ядерное сдерживание спасло мир в прошедшие полвека, есть все основания опасаться, что это везение закончится в ближайшие десятилетия из-за распространения в мире ракетно-ядерного оружия и неизбежного, рано или поздно, обретения такого оружия террористами.

ЧАСТЬ VI НЕМНОГО О ЛИЧНОМ

ЛУЧШИЙ ОТЕЦ И ЛУЧШИЙ ДРУГ*

Наверное, писать о Георгии Аркадьевиче Арбатове мне труднее всех именно потому, что он мой отец. Вполне понятно, что я не могу быть объективным в своих воспоминаниях и оценках. Естественно, для многих собственный отец – самый лучший. Но глядя вокруг, я не могу найти примеров таких близких отношений отцов и детей, как у нас.

Наши судьбы были неразрывно связаны, можно сказать – это была единая судьба. И речь идет не только о личной жизни, которая объединила нас со дня моего рождения. Мы были не просто ближайшими родственниками, но и верными друзьями, а в течение нескольких десятилетий – профессиональными коллегами и политическими соратниками. Я желаю каждому иметь такие отношения с отцом, какие были у меня.

К тому же он был невероятно многогранной натурой, и все стороны его жизни и деятельности просто невозможно раскрыть в одной статье. Поэтому, говоря о его политической роли и научных достижениях, о его качествах создателя Института, начальника, коллеги и товарища, наверное, лучше предоставить слово другим. По той же причине я не вспоминаю в этой статье многих коллег отца по Институту США и Канады, которые сыграли большую роль в его жизни, а некоторые стали и моими друзьями. Я очень благодарен им за память об отце и надеюсь, что они простят меня за это упоминание.

Мои воспоминания – это не всеобъемлющая биографическая повесть, а лишь несколько штрихов к портрету очень близкого мне человека, так сказать, с семейного угла зрения. А в некотором смысле это и ретроспектива моей собственной жизни, неразрывно связанной с ним до последнего мгновения его пребывания на этом свете.

* США – Канада. ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА. Научный и общественно-политический журнал. Июль. 2017. № 7 (571). С. 67–78.

Заветы по умолчанию

Нам с отцом очень повезло. Он прожил большую и относительно долгую жизнь (умер на 88-м году) и на протяжении наибольшей ее части (а точнее – 59 лет) мы были вместе, даже находясь на большом расстоянии по служебной надобности. Несомненно, он больше всех повлиял на мой характер, взгляды и ценности, хотя никогда не делал это напрямую. Может быть, он даже и не ставил перед собой такой задачи, а просто жил, работал и строил отношения с другими людьми, организациями и государствами и тем самым ненамеренно подавал мне пример.

Это, конечно, не значит, что я стал его копией. Мы были очень разными по характеру, привычкам и, разумеется, по жизненному опыту, политической и научной роли в своей стране и за рубежом, иногда расходились во мнениях и нередко спорили. Не вдаваясь в подробности и ничуть не кокетничая, могу только с уверенностью сказать, что в целом он был гораздо лучше и выше меня – и как человек, и как профессионал.

Подчас он давал важные советы, которым я не последовал. Так, какое-то время он периодически советовал мне попробовать себя на поприще журналистики, чтобы выработать хороший писательский стиль (он сам имел такой опыт в нескольких больших журналах). Но я отнекивался: мол, внятно излагать свои мысли можно научиться факультативно, а вот чтобы эти мысли были – надо много знать, чему мешает склонность быстро и увлекательно их «освещать». Кстати, я знаю не много людей, которые сумели совместить журналистские и научные способности, и отец – один из них. Впрочем, он был прав, когда говорил, что глубоко изучить и объяснить сложную проблему – это первый уровень профессионализма, но высший класс – это уметь понятно донести ее смысл до тех, кто не является специалистом. А низший уровень – наукообразно изложить тему, чтобы никто ничего не понял, но проникся уважением к тем, кому доступы «высшие материи».

Наверное, главный принцип, который он в меня вкладывал с детства, причем не прямо, а косвенно – в ходе разговоров, оценки других людей и событий, состоит в том, что человек ценится не тем, кто его родители и каков его должностной и имущественный статус, а тем, что он сам непосредственно из себя представляет. Хорошо, когда родители поддерживают, но каждый должен сам доказать свою ценность в профессиональном и человеческом отношениях. Отец, конечно, очень мне помогал, гордился моими успехами и горчился неудачам, но всегда исходил из того, что я сам должен доказать, чего я стою. Так же нужно относиться к другим: не по социальному происхождению, национальности или месту рождения и жительства, а исключительно по личным достоинствам.

Сколько я его помню, отец всегда был перегружен делами, и я понял, что для того, чтобы чего-то добиться в жизни, нужно очень много работать и лучше всего – последовательно. В этом смысле мне повезло. У меня всю жизнь

в основном был один и тот же жанр – научные исследования в сфере международной безопасности, гонки вооружений и их ограничения. После МГИМО я пошел в аспирантуру в ИМЭМО и практически всю жизнь проработал там (с перерывом на 10 лет, когда был депутатом Государственной Думы в 1994–2003 гг.). Своей теме я посвятил почти полвека: от первых курсовых работ и до избрания академиком Общим собранием Академии наук в 2011 г. по тематике «Международная безопасность и стратегическая стабильность». Когда огласили итоги голосования, моя первая мысль была: «Как жаль, что отец всего года не дожил до этого, вот бы он гордился...» И дома, отмечая это событие, первый тост подняли за него.

Еще своим примером он учил меня выстраивать общественную линию жизни: не «лезть на рожон», но хранить верность своим политическим, профессиональным и нравственным принципам, а в критических ситуациях не «прогибаться», невзирая на риск и ущерб. Он не раз говорил, что репутация – это самое важное в научной и политической биографии, ее приходится строить всю жизнь, но можно потерять за один день. Я бесконечно дорожу уважением своих коллег и друзей и принимаю как должное вражду профессиональных и политических противников – все это мой главный «рабочий» капитал.

Политика

Если говорить о политических возврзениях, то в советские времена Георгий Аркадьевич не был диссидентом, хотя с уважением относился к мужеству тех, кто открыто бросал вызов системе. Но сам он был «Человек Системы», и именно так называлось зарубежное издание одной из самых известных его книг. Он стремился использовать сложившиеся правила игры, чтобы изнутри сделать эту систему лучше, чтобы реально, а не на словах, повернуть ее к нуждам людей и цивилизованным нравственным и политическим нормам.

При этом с ходом времени взгляды отца претерпевали постепенную и болезненную трансформацию. Он начинал свою взрослую жизнь как искренне верящий коммунист (в партию вступил на фронте). Однако то, чему он еще раньше стал свидетелем как школьник в 1937-м и в другие страшные годы, арест и тюремное заключение его отца, увиденное им на войне, подлые и жестокие массовые репрессии после Победы – все это посеяло в его душе первые глубокие сомнения в совместимости коммунистической идеологии и практики с человеческой моралью.

Первое разрешение этих противоречий дал XX Съезд КПСС 1956 г. Идея состояла в том, что Ленин начал все правильно, но Сталин отошел от верного курса и извратил теорию и практику истинного марксизма. Георгий Аркадьевич всей душой и профессиональной деятельностью влился в ряды «шестидесятников», т.е. коммунистов-идеалистов, отстаивавших то, что потом Михаил Горбачев назовет «социализмом с человеческим лицом».

Отец, поднимаясь все выше по научной и политической лестнице, верил, что коммунизм в своем практическом воплощении не должен преступать общечеловеческие нравственные нормы и что такое разграничение можно претворить в жизнь. (Недаром Юрий Андропов, к которому он долго был очень близок, как-то сказал: «Юра Арбатов, конечно, коммунист, но все-таки не большевик». Начальник этой оговоркой как бы заочно пожурил отца, но на деле, сам того не ведая, сделал ему изрядный политический комплимент.)

Тяжелый удар по философии Арбатова нанесло подавление «Пражской весны» 1968 г., а окончательно ее добило вторжение СССР в Афганистан десятилетие спустя. Коммунистические идеалы оказались фиговым листком для прикрытия откровенно империалистической политики подавления свободы в подчиненных странах и осуществления геополитической и военной экспансии внешне. В конечном итоге этот курс подорвал силы советской империи и привел ее к развалу, как до нее – царскую Россию и десятки других империй на протяжении известных нам тысяч лет.

Под воздействием своего политического опыта и растущих контактов и знаний об окружающем мире Георгий Аркадьевич проникся сначала идеологией Еврокоммунизма, а потом стал стопроцентным социал-демократом. После провала путча 1991 г. он, как убежденный социал-демократ, перешел в жесткую оппозицию разрушительным реформам Бориса Ельцина. По поводу их огромных экономических и политических издержек он с сарказмом говорил: «Надо же, дожили – коммунисты говорят правду!»

Так же тяжело отец переживал распад СССР, хотя не думал, что это была, как сказал известный государственный лидер, «величайшая геополитическая трагедия XX века», особенно по сравнению с двумя мировыми войнами, революцией и Гражданской войной в России, жертвами сталинизма и фашизма. К тому же Георгию Аркадьевичу было очевидно, что советская идеология, политico-экономическое устройство и имперская система себя изжили и были исторически обречены. Но он считал, что если бы не путч и если бы вокруг Ельцина были другие люди, то децентрализацию унитарного государства и экономические реформы, формирование внешней и военной политики можно было бы вести гораздо более продуманно, поэтапно и с меньшими потерями для народа. Их последствия в виде мощной волны идейно-политического отката мы видим в настоящее время.

Контакты с властью

Отношения Георгия Аркадьевича с начальством, когда он поднялся близко к уровню государственных руководителей, складывались не гладко. С каждым из них эти отношения прошли один и тот же цикл. Он выдвигал прогрессивные мысли и говорил правду об окружающей действительности в понятной для власти форме (т.е. предлагая новаторские, по сути, «ревизионистские» интерпретации марксистско-ленинской идеологии и до предела раздвигая рамки принятого политического курса).

Начиная с Леонида Брежнева и заканчивая Борисом Ельциным, поначалу лидеры активно привлекали отца в качестве советника, а подчас и посланника по особым поручениям, когда этого требовала международная обстановка. Приходя к власти, каждый лидер был заинтересован в более или менее трезвой оценке внутренней и внешней обстановки и нетривиальных предложениях по расчистке завалов, доставшихся ему от предшественника. На этот счет у отца всегда имелись продуманные идеи, выношенные им самим и вместе с соратниками.

Но спустя несколько лет, по мере накопления ошибок и издержек политики очередного лидера, тому становилось неприятно получать критические оценки теперь уже своих собственных решений. К тому же в условиях авторитарной системы власти руководитель неизбежно обрастал угодливыми царедворцами, которые делали свою карьеру на подхалимаже и тем самым внушали начальнику представление о его выдающихся способностях и достижениях, постепенно изолируя его от несогласных, объявляя последних врагами и погружая начальство в виртуальный мир, альтернативный реальности. Тогда Арбатов становился не ко двору, и его отстраняли — когда «тихой сапой» (при Брежневе, Ельцине), а иногда и с резкой отповедью (при Андропове).

Когда такой момент подходит, перед прогрессивными советниками лидера встает судьбоносная дилемма: «гнуть свою линию» с риском попасть в опалу — или смолчать и приспособиться, сохранив статус и привилегии близости к олимпу. Мой отец раз за разом при всех руководителях выбирал первое и попадал в немилость. Многие его коллеги, друзья и ученики выбирали второе, оправдывая себя тем, что, сохранив свое положение, они будут иметь возможность и дальше оказывать на власть позитивное влияние. Но это зачастую было самообманом, как говорится, коготок увяз — всей птичке пропасть. После перехода определенной черты в таких отношениях цели и средства быстро меняются местами. Близость к власти становится самоцелью, а взаимодействие с ней — средством, и тогда возможность позитивного влияния неуклонно сходит на нет.

Правило отношений с великими мира сего, которое оставил мне в наследство отец, состоит в том, что если начальство проявляет интерес к твоим знаниям и предложениям — отказываться ни в коем случае нельзя. Как бы негативно ни относиться к политике руководства, надо использовать любую возможность, чтобы сделать ее лучше. Но если твои идеи не нужны, никогда не следует напршиваться со своими услугами и тем более приспособливаться к порочному курсу ради того, чтобы тебя снова поманили пальцем. Те, кто так делают, теряют свое достоинство и разрушают репутацию, их не уважают ни бывшие коллеги и друзья, ни власть, даже если жалует показными почестями. Они не способны принести никакой пользы и перечеркивают даже прежние заслуги, если таковые имели место.

Больше всего отец ненавидел не тех, кто изначально были его политическими врагами — убежденными сталинистами, националистами или милитаристами. Он сильнее всего презирал как маститых, так и молодых «перевертышей»,

которые при Горбачеве были сподвижниками «перестройки», «гласности» и «нового политического мышления». При Ельцине они стали супер-либералами и ударниками «великой стройки капитализма» по рецептам Запада (недостатки и пороки которого отец знал не понаслышке). А при Путине в одночасье сделались воинствующими державниками, радетелями традиционных скреп (типа «самодержавие-православие-народность» заодно с крепостным правом), а также адептами надуманной философии особого «евразийского пути» России (который отец объяснял просто: «Новая номенклатура хочет жить как в Европе, а править как в Азии»).

Когда президентом был выбран Владимир Путин, отец уже фактически отошел от дел, был почетным директором Института и не принимал активного участия в политике, чего и здоровье не позволяло. В ином случае, вероятнее всего, повторился бы обычный цикл. И хотя прямого взаимодействия с начальством у него в последние годы жизни не было, подспудно политическая отчужденность и недоверие, видимо, присутствовали.

Прямой контакт с высшим руководством произошел лишь однажды, когда в 2003 г. по случаю 80-летия ему был вручен орден «За заслуги перед Отечеством III степени». Отец тогда шутил: «То ли мои заслуги третьей степени, то ли Отечество третьей степени?» Он с 18 лет ушел на фронт и всю жизнь посвятил безопасности и процветанию своей Родины, сыграл немалую роль в прекращении холодной войны и гонки вооружений. Но он всегда с юмором относился к проявлениям «ярмарки тщеславия» и говорил, что о заслугах человека судят не по государственным наградам, а по его делам.

Если бы отец дожил до нашего времени, то, наверное, посмеялся бы и по поводу того, что популярный телеведущий КВН Александр Масляков обогнал его на одну степень по сумме «заслуг перед Отечеством» (к 70-летию тот получил аналогичный орден II степени). В конце концов, это тоже отражает систему ценностей и государственные приоритеты нашего времени. Впрочем, из восьми своих орденов отец больше всего дорожил одним: орденом «Красной Звезды», который артиллерийским капитаном получил в 1943 г.

Война

Поскольку речь зашла о войне, ее значение в жизни Георгия Аркадьевича было поистине огромным. Фронтовой опыт наложил отпечаток на всю его последующую жизнь. Он рано повзрослел и был не по годам мудр и опытен, имел уверенность в себе, не страдал ни от каких комплексов (в отличие от некоторых ровесников, оставшихся в тылу), умел руководить людьми, завоевывать авторитет у подчиненных и строить разумные отношения с командирами, жизненные невзгоды воспринимал в адекватном масштабе, соразмерном пережитому на фронте.

Как и все фронтовики, хлебнувшие горя на переднем крае, он никогда сам не рассказывал о войне. Конечно, мальчишкой я нередко приставал к нему с просьбами поделиться героическими воспоминаниями, но он всегда отнеки-

вался. Причины такого отношения я понял много позже, когда сам в качестве заместителя председателя Комитета по обороне Госдумы стал выезжать в «горячие точки».

За шестнадцать командировок и мне пришлось кое-что испытать: ездил на броне по заминированным дорогам и летал через горные ущелья на «вертушках», видел разрушенные города и разорванные трупы людей, выносил на руках из нашего сбитого вертолета смертельно раненного командира, возвращался в Москву на транспортных самолетах, заполненных искалеченными мальчишками в солдатском рванье и «грузом 200» в пластиковых мешках. Однажды на Кавказе получил ранение, как и мои боевые друзья: Евгений Зеленов – коллега-депутат, Герой России, и Дмитрий Попов – полковник погранвойск (светлая ему память).

Впрочем, со всей определенностью должен оговориться: мой эпизодический военный опыт абсолютно несопоставим с тем, что пережили служившие в «горячих точках», и тем более с тем, что выпало на долю отца и других ветеранов за долгие фронтовые годы. И конечно, Вторая мировая война – самая страшная всемирная бойня в истории человечества – была совершенно другой, нежели конфликты в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Таджикистане или Косово, очевидцем которых мне довелось стать.

Я увидел лишь крошечные фрагменты войны, но и их было достаточно, чтобы убедиться – никакой романтики на войне нет и наверняка никогда не было. Смерть на войне не бывает красивой и благородной – она всегда бессмысленна, внезапна и безобразна, а обыденность соседствует с трагедией. На свете не бывает ничего страшнее войны, но рассказать об этом у меня нет ни способности, ни желания. Наверное, так же к этому относился отец и многие другие люди, пережившие неизмеримо больше моего.

Сейчас нередко приходится видеть в телевизоре или на разных конференциях борзых журналистов и псевдоэкспертов, ни разу в жизни не слышавших боевого выстрела, но в патриотическом кураже грозящих загранице военной силой и даже ядерным оружием. Я бы дорого дал, чтобы ткнуть этих «храбрецов» носом в грязь, вонь и кровь не кинематографической, а реальной войны, ибо в этом ее истинное лицо. Мой отец таким же образом относился к подобным паркетным воякам и не стеснял себя по использованию в их адрес ненормативной лексики.

Но та большая война оставалась с ним в мыслях до самого конца. После инсульта и незадолго до смерти, когда большую часть дня он проводил в постели и часто дремал, я спросил его, что ему снится. Он ответил: «Первый и последний залпы моих «Катюш». Первый – под Москвой на Волоколамском шоссе в ноябре 41-го, а последний – на Днепре под Черкассами в ноябре 43-го».

Между этими двумя эпизодами было два года войны. Но подробнее об этом времени я узнал лишь под конец его жизни, когда помогал ему работать над книгой «Детство. Отчество. Война». После окончания школы Юра (так его всегда звали в семье) подал документы в артиллерийское училище, а на следующий

день после зачисления началась война. Ускоренные офицерские курсы, участие в легендарном параде на Красной площади 7 ноября 1941-го, выдвижение дивизиона на передовой рубеж обороны Москвы. (К слову сказать, десятилетия спустя, когда мы ездили на дачу в Опалиху, отец показывал мне, где передний край пересекал Волоколамское шоссе: там стояла полуразрушенная церковная колокольня, на которой был их наблюдательный пункт и который немецкая артиллерия пыталась снести, но не смогла.) А потом, после завершения боевой подготовки в Миассе, эшелоном под бомбежками на Калининский фронт и служба в качестве командира батареи реактивной артиллерии. Там ему нередко приходилось корректировать залпы своих «Катюш», находясь в боевых порядках пехоты, а подчас и впереди них, и там же он получил ранение. Сухой язык боевых сводок красноречивее любой батальной лирики: «5 сентября Арбатов под сильным огнем противника на открытой местности... точно установил передний край обороны, после чего был дан залп. Наши части после залпа овладели высотой и продолжали продвигаться вперед»¹. После он воевал в составе Степного фронта на Курской дуге, освобождал Левобережную Украину и трижды форсировал Днепр в ходе подготовки к освобождению Киева.

При переправах через осенние реки получил воспаление легких, которое перешло в туберкулез. Был комиссован «вчистую» и, как бесчисленное множество таких же молодых офицеров и солдат, отправлен в тыл – умирать. Затем медсанбаты, санитарные поезда и долгое лечение в госпитале, где он выжил благодаря чудесному везению и заботе врача – матери его одноклассника, который тоже был на фронте. А потом семья откармлиvalа его, отрывая от себя лучшее в голодное военное время.

Семья

Сказать о Георгии Аркадьевиче, что он был хороший семьянин, это значит – ничего не сказать. Семья для него была тем, что называется святая святых, хотя он всю жизнь был с головой погружен в работу и имел очень мало свободного времени.

Его отец, Аркадий Михайлович, много пережил и умер очень рано – в 53 года (в 1954 г.), и моему отцу пришлось в 30 лет стать главой всей семьи. Он нежно любил и почитал своего отца, человека доброго и мягкого, и просто-таки боготворил мать – Анну Васильевну, волевую и властную женщину, о которой трогательно заботился до самого ее конца. К младшему брату, Саше, он относился как к сыну, тем более что разница в возрасте была большая (15 лет). Отец опекал брата и помогал ему до тех пор, пока он встал на ноги, обзавелся своей семьей и домом, завоевал в стране и за рубежом репутацию крупного ученого в области рационального использования природных ресурсов. Прискорбно и несправедливо, что он умер, прожив на 17 лет меньше старшего брата.

¹ Цит. по: *Арбатов Георгий. Человек системы.* М.: Вагриус, 2002. С. 41.

Другая главная женщина в жизни отца – это его жена и моя мать Светлана Павловна. Он любил ее беззаветно, баловал, как только мог, был невероятно великодушен, прощал все капризы и первым мирился после размолвок. Он вообще не переносил в семье никаких ссор и всегда брал на себя инициативу, чтобы их уладить – даже со мной, мальчишкой. Он был настолько сильным и уверенным в себе человеком, что никогда не боялся показаться мягкотелым или слабовольным.

Пожалуй, самое замечательное для нашей семьи время пришлось на его командировку в Чехословакию в начале 1960-х годов. В Москве мы еще жили очень бедно, незадолго до отъезда в Прагу переехали в первую маленькую отдельную квартиру, покинув большой коммунальный клоповник с одной кухней и одним «санузлом» на всех (13 семей – 34 человека). Конечно, сама Чехословакия, Прага, большая квартира в буржуазном доме на красивой площади, хорошие условия жизни, теплая компания сослуживцев по журналу «Проблемы мира и социализма» показались нам настоящим раем.

Мы все время гуляли по прекрасной Праге, часто ездили по стране, проводили много времени своей семьей. Тогда отец мог посветить изрядное время моему просвещению и культурному воспитанию, что делал с удовольствием и искренним интересом. Впоследствии мама нередко говорила, что это были самые счастливые годы ее жизни. Она и сама была в то время в расцвете своей необыкновенной красоты – настолько, что моя жена носит в паспорте фотографию Светланы Павловны тех лет.

Уже взрослым я стал регулярно приезжать в Прагу с женой, иногда с нашей дочерью или с друзьями, и там в моей памяти всплывают чудесные ощущения, эпизоды и запахи детства. Мы всегда приходим навестить дом и двор, где прошли три года необычайного счастья нашей семьи.

Для отца было главным, чтобы в семье царил мир, чтобы все были здоровы и довольны, и он делал для этого все возможное, заботясь обо всех родственниках – далеких и близких. Особенно он любил мамину сестру, известного скульптора, Галину Чечулину и ее семью. Мы с ней и сейчас поддерживаем самые теплый родственный контакт.

После моей женитьбы это отношение каким-то естественным образом (что бывает не у всех) распространилось на мою жену Надю, к которой он стал относиться абсолютно как к родной дочери, помогал ей и радовался ее успехам. Он уважал ее за научные достижения и ценил творческий дар, отдавал должное ее уму и красоте. Периодически отец с удовольствием приглашал ее с собой на приемы и званые спектакли (куда мама не любила ходить) и немало забавлялся тому, как его друзья-ровесники вели с ней безобидный флирт. Он также почитал Надежду за хозяйственность и кулинарное искусство, приходить к нам в гости на изобильные ужины было для него настоящим праздником. В некоторые трудные моменты жизни он брал ее сторону и оказывал отцовское покровительство.

Добрые родственные отношения сложились у моих родителей с ее родителями, замечательными людьми – Маргаритой Александровной и Константином Кузьмичом. Как выяснилось, с моим тестем (ныне, к сожалению, покойным)

отец воевал на одном фронте — на Курской дуге, но они, конечно, там не встретились, в ту страшную мясорубку были вовлечены миллионы людей. В это трудно поверить, но за тридцать с лишним лет общения между нашими родителями, а также между моей матерью и женой не произошло ни одной ссоры (которые зачастую случаются между свекровью и невесткой).

О нашей дочери Кате, его внучке, разговор особый. Он вынес ее младенцем на руках из родильного дома, смотрел ей в глаза и якобы чувствовал, что она хотела сказать ему что-то самое сокровенное, известное лишь только что родившимся людям, а потом забываемое. Во всяком случае, это было одним из его любимых воспоминаний. Отец не просто любил ее — он ее обожал. Многие американские коллеги позже со смехом и умилением рассказывали мне, что долгое время после ее рождения, приезжая в командировки, после бесед о сложных политических делах он неизменно начинал рассказывать про свою маленькую внучку и всегда завершал словами: «A Катя — само совершенство (and Katia is perfect)».

Когда она немного подросла, он все свободное время с наслаждением с ней проводил: учил ее различать и собирать грибы, ловить рыбу, брал во многие путешествия за рубеж и по стране, рассказывал про природу, которую знал и любил (в том числе лягушек и всяких жуков и червяков). Приезжая из-за границы, он заваливал ее подарками, а потом забывал о них и попрекал за броские наряды, и тогда Катя ему с удовольствием напоминала об их происхождении. Ему никогда не было с Катей скучно, они с моей мамой ревновали ее друг к другу и соперничали за ее внимание, а она, конечно, по-детски этим пользовалась. Мы с женой старались умерить этот поток обожания, чтобы не избаловать ребенка, и на такой почве у нас случались разногласия со старшим поколением.

Потом Катя выросла, и отец принимал самое живое участие в ее жизни, радовался успехам и болезненно переживал ее неудачи и трудности. На эту беззаветную любовь она отвечала взаимностью и доверием. На его 80-летний юбилей Катя, в качестве молодого продюсера, сделала самый дорогой подарок — вполне профессиональный короткометражный документальный фильм о жизни и деятельности своего дедушки, в котором сквозили ее нежность и восхищение.

К сожалению, мои родители не дожили до рождения Катиного сына, нашего внука — Пети. Но я ничуть не сомневаюсь, что в ином случае весь водопад их любви обрушился бы и на него. Родителям моей жены повезло больше: они в здравом уме и твердой памяти увидели своего правнука.

Что касается отношений со мной, то все понятно: я был единственным ребенком у родителей, и они меня, конечно, безмерно любили, хотя не баловали и воспитывали в разумной строгости. В юности я доставил им немало тревог, стремясь утвердить свою самостоятельность. Я отправлялся рабочим в археологические и геологические экспедиции, потом в студенческие годы — в стройотряд в Туву и в путешествия на Ямал, Сахалин и Курилы. Не все обходилось благополучно: полярной зимой я заболел тяжелым воспалением легких и долго

лежал в больнице маленького оленеводческого поселка Ярсале, пока смог отправиться в обратный путь долечиваться в Москве. После таких приключений другие родители заперли бы ребенка дома на три замка, но уже следующим летом я отправился на Дальний Восток. Только когда я сам стал отцом, я понял, чего им все это стоило и как трудно им было выпускать единственного сына из-под своего крыла, чтобы не мешать его становлению в качестве взрослого и самостоятельного мужчины.

После смерти отца, разбирая его вещи, я нашел пакет со всеми моими письмами из разных дальних поездок. Он не отличался педантичностью в быту, в его кабинете всегда царил невообразимый творческий беспорядок, и он часто что-то не мог найти. Но мои письма он бережно сохранил, причем, наверное, даже мама не знала о существовании этого пакета. При всей внешней сдержанности отца, его нежность и заботу я чувствовал всю жизнь и каким-то фантомным образом ощущаю и сейчас, хотя прошли годы после того, как его не стало.

Еще отец доброжелательно и очень демократично относился к моим друзьям и помогал некоторым из них в трудных ситуациях. Особенно он выделял моего друга раннего детства Алешу Семенова (сына его собственного приятеля Юрия Семенова и внука двух знаменитых дедов, великих ученых-физиков – Николая Семенова и Юлия Харитона, которые, в свою очередь, были старшими товарищами моего отца). Он с большой теплотой относился и к другим моим друзьям и их семьям: Сереже Ознобищеву, Владимиру Дворкину, Валере Бочарникову, Володе Барановскому, Жене Головко. Отец уважал и любил некоторых моих коллег по политической деятельности и работе в Государственной Думе, прежде всего, Григория Явлинского и Владимира Лукина.

Кстати, была и обратная связь – многие друзья Георгия Аркадьевича стали моими старшими товарищами. Это такие люди, как Валентин Зорин, Томас Колесниченко, Григорий Морозов, Александр Берков. Все из них, кто к тому моменту были живы, проводили отца в последний путь. А после уже я хоронил их одного за другим, и последним был замечательный человек – Анатолий Черняев, тоже фронтовик и соратник отца на протяжении всей жизни, который ушел в марте 2017 г.

Вкусы и привычки

Георгий Аркадьевич имел на редкость уравновешенный и цельный характер, но при этом, как ни странно, в нем было много парадоксального. Пережив, как многие его ровесники, трудные годы в молодости, он как никто ценил ставшие позднее доступными большие и маленькие радости жизни. Но при этом он всегда оставался простым и совершенно неприхотливым в быту человеком.

Объехав весь мир (часто вместе с моей мамой) и побывав в самых роскошных дворцах и гостиницах, он больше всего любил отдыхать на своей скромной даче,

точнее в маленькой квартирке в писательском кооперативе на Истре (ни загородной усадьбы, ни простой дачи он так и не зaimел даже в периоды близости к высшей власти). Поплавав в самых экзотических морях, он с наслаждением купался в этой маленькой речке, а зимой до пожилого возраста потихоньку ходил вместе со мной по лесу на лыжах. Спортом он никогда особенно не увлекался, но в более молодом возрасте по-любительски играл в волейбол и до самой старости подолгу плавал, даже в холодной воде.

Отведав всех вообразимых изысканных блюд в разных странах, он отдавал предпочтение самой простой домашней еде. Когда речь заходила о диетах, он говорил: «Никто никогда меня не убедит, что мясо с жареной картошкой вредно для здоровья». Он вообще очень любил хорошо поесть, а его редкое добровольное воспоминание о войне – это постоянное чувство голода. Отец обожал застолье с друзьями и родственниками, мог под хорошую закуску прилично выпить и любил произносить глубокомысленные и длинные тосты.

Георгий Аркадьевич был знаком со многими известными людьми своего времени, встречался, а иногда и дружил с государственными лидерами, политиками, деятелями науки и искусства в своей стране и за рубежом. А на поселковом рынке рядом с дачей, куда я возил его покупать продукты, он бывал очень доволен, что его узнавали продавцы. Я тогда смеялся над ним: «Папа, тебя знает почти весь мир, а ты гордишься знакомством с мясником».

Он всегда был необычайно общительным, простым и дружелюбным человеком в быту, семье и по работе, умел слушать других и в каждом человеке мог найти что-то для себя интересное. И сам был потрясающим рассказчиком, за какую бы тему ни брался. Отец редко повышал на кого-либо голос, обладал острым и молниеносным чувством юмора, был обычно сдержан и спокоен, хотя в узком кругу мог подчас выразиться с использованием «окопного» словаря. Он любил открывать для себя неизведанные впечатления и новую информацию, жизнь ему никогда не надоедала. Он не знал, что такое депрессия, и не бывал в плохом настроении, если для этого не имелось веских причин.

Отец вообще был неравнодушным человеком, все происходящее вокруг принимал близко к сердцу, хотя и с философским стоицизмом. Он не раз цитировал польско-русского писателя Бруно Ясенского, известного своим высказыванием: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство». Он руководствовался этой мудростью и ее тоже оставил мне в наследство.

Георгий Аркадьевич до самого конца живо интересовался всем происходящим внутри и вовне страны и, когда я его навещал, всегда встречал меня вопросом: «Ну, Алешенька, что делается?» И я начинал ему рассказывать, хотя после инсульта он плохо слышал и вводить его в курс политических проблем было нелегко. Иногда я не мог скрыть раздражения, за что себя теперь ругаю – ведь он так хотел не отставать от времени, несмотря на тяжелую болезнь и поневоле замкнутый образ жизни двух последних лет.

Единственное мое утешение в том, что я был рядом в самые последние его минуты, и он, надеюсь, это чувствовал.

* * *

Трудно поставить точку в воспоминаниях о столь близком человеке. Мне часто как наяву слышатся слова, которые он не раз повторял: «Когда уходят родители, всегда чувствуешь свою вину за то, что не уделял им больше времени и внимания, чего-то для них не сделал, чем-то обидел, что-то важное им не сказал или сказал не так». Я тогда думал: «Мне себя будет не в чем винить, я для моих стариков делаю все, что возможно».

Но и в этом отец, как обычно, оказался прав...

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ*

Заглавие объясняется просто. Ни разу в жизни я не назвал его «дядя Саша», хотя формально он приходился мне именно дядей — как младший брат моего отца. Частично это объяснялось тем, что между ними разница в возрасте была больше (15 лет), чем между Сашкой и мной (13 лет). Но главное, наверное, что ему, как младшему брату, хотелось иметь своего собственного младшего брата. А мне, как единственному ребенку в семье, очень нужен был старший брат — покровитель, близкий друг, советчик и предмет для обожания и подражания. Таким он для меня и стал. В этом состоит нехитрая завязка наших родственных отношений.

Братья

Отец Саши — мой дед Аркадий Михайлович — умер очень молодым, в возрасте 53 лет, когда Саше еще не было 15. И старший брат, мой папа, Георгий Аркадьевич, фактически заменил Саше отца и выполнял эту роль очень долго. Такое отношение было вполне естественным — старший брат был не по годам взрослым, серьезным и самостоятельным, прошел войну, на которую отправился в июне 1941 г. 18 лет от роду. Саше было всего 5 лет, когда его старший брат вернулся с фронта. После смерти деда он с готовностью принял на себя ответственность за всю семью, включая бабушку и Сашу, вдобавок к моей маме и мне, в то время 3-летнему ребенку.

Жизнь была тяжелая: послевоенные нищие и голодные годы. Да еще новые волны сталинских репрессий, под которые чуть не угодил мой отец, когда у него на работе арестовали сотрудника, а ему самому вкатили партийный выговор «за притупление бдительности». По установившейся практике за этим обычно следовало исключение из партии, увольнение с работы и ночной «черный воронок». Отец по совету друзей отсиживался дома, симулируя болезнь и получив фиктивный бюллетень. Но, слава Богу, Сталин — величайший злодей «всех времен и народов» — умер через несколько дней после этих событий, и вакханалия чисток сразу прекратилась. Такой была обстановка Сашиной ранней юности.

Как часто бывает в семьях, дети разобрали между собой разные качества характера и во многом были противоположностью. Старший брат всегда был

* Арбатов Александр. Не ждать, пока клюнет жареный петух... Памяти Александра Аркадьевича Арбатова. М.: Фонд «Институт энергетики и финансов», 2013.

очень серьезным, постоянно озабоченным разными делами, рассудительным. Он отличался сдержанностью и уравновешенностью, по условному рефлексу тех страшных времен был крайне осторожен в высказываниях. Тем более что он работал в сферах идеологии, политической науки и политики, причем со временем – в непосредственной близости от советских вождей. При этом Юра (как звали Георгия Аркадьевича в семье) был сентиментален и нежен к родным, особенно к матери – Анне Васильевне, которую просто боготворил.

А младший брат, по контрасту, низменно был жизнерадостен, всегда бравировал легким отношением к жизни, не признавал сантиментов. Он был эмоционален и весьма вспыльчив, но отходчив. Легко сходился с людьми и доверял им, был душой любой кампании, все окружающие любили его за общительность, искрометный юмор и доброжелательность.

Однажды в детстве ему купили велосипед, и весь двор на нем катался, а он сам терпеливо стоял в очереди, чтобы сделать свой круг. Потом ему вставили машинку для исправления прикуса, и он всему двору давал ее поносить. Он беспрерывно шутил и каламбурил, сыпал анекдотами, нередко переходя весьма опасные для того времени границы. Ленина называл не иначе, как «Вовка-морковка», Сталина – «Сосо», всем советским руководителям тоже доставались нелестные прозвища. По этому поводу старший брат его регулярно одергивал и делал внушения, но без большого эффекта.

По рассказам знаю о таком характерном эпизоде. На траурном митинге по поводу смерти Сталина, который транслировался по радио, в том числе в Сашином классе, Берия произносил речь и с характерным акцентом сказал: «Партия еще теснее смикает свои ряды!». При этих словах Сашка не выдержал и рассмеялся, повергнув в шок и ужас классного руководителя. Если бы кто-то «стукнул», то по прежним временам за это можно было дорого поплатиться. Но, к счастью, времена уже изменились, и обошлось без последствий.

С годами между братьями происходила удивительная, выражаясь термином политологов, «конвергенция» – и по характеру, и по взглядам. Старший становился более похожим на Сашу, а тот – на Юру.

Хотя Саша никогда профессионально не занимался историей и политикой, а был «технарем», его спонтанно скептическое, а затем и враждебное отношение к советскому руководству и всему строю, его внутренней и внешней политике, коммунистической идеологии – в исторической перспективе оказалось полностью оправданным. Он был исключительно честным, искренним и порядочным человеком, как настоящий русский интеллигент много читал и думал, следил за внутренней и международной политикой и обо всем старался сформировать собственное мнение. Ему претили лживость и догматизм советской пропаганды и политики. И он не особенно скрывал свое отношение, неоднократно удивляя окружающих меткими и остроумными замечаниями в стиле жесткой политической сатиры.

Как-то мы с ним обсуждали ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. и то, как трудно будет эту войну закончить. К моему удивлению, он сказал: «Наши танки оттуда вернутся, чтобы пойти прямо на Кремль». Я тогда воспринял это

как его очередную антисоветскую хохму. Но самое поразительное, что его фигулярный тезис по существу дела оказался поистине пророческим. Ведь поражение в Афганистане действительно стало той соломинкой, которая переломила хребет советской империи и всей системе «развитого социализма».

Итак, Саша всегда был, что называется, «прирожденным» антисоветчиком и пассивным (хотя и не молчаливым) диссидентом, как и его жена Алла. Эти взгляды, естественно, впоследствии переняли их дети – Ксюша и Петя, возможно, не столько в качестве системной позиции, сколько в виде общего отношения к советской действительности. Естественно, Саша постоянно спорил на политические темы с Юрай.

Несмотря на разные характеры и все споры, к которым понемногу присоединялся и я (чаще на Сашиной стороне), братья были во многом похожи и очень любили друг друга, хотя между ними было не принято проявлять внешне свои чувства. Старший много помогал младшему и по работе, и в бытовых вопросах, особенно на первых порах. Они любили выпить под хорошую закуску и регулярно делили долгие застолья, произносили тосты, Юра – длинные, а Саша – короткие и с прибаутками. Вообще проводили немало времени вместе и в городе, и на природе, особенно пока были относительно молоды.

Братья были прекрасные семьянины и однолюбы, были женаты по одному разу и обожали детей. Они с удовольствием делали друг другу подарки. Периодически старший дарил младшему свои дорогие костюмы (размер был одинаковый), а тот всегда делился ими с друзьями. Саша старался не оставаться в долгу, например, как-то подарил брату на день рождения полное собрание сочинений Льва Толстого. Оба были интересными собеседниками, ценили и хорошо знали литературу (некоторые книги, например, «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова Саша помнил почти наизусть).

Самое главное, они имели одинаковые моральные и этические ценности и принципы, а в работе выше всего ставили профессионализм и добросовестность. С годами у них появлялось все больше общих тем в экономике, политике, академических делах. Для меня их отношения всегда были увлекательным и трогательным объектом наблюдения. При всей их непохожести, они органично дополняли друг друга, и было трудно представить себе одного брата без другого.

Дом на Плотниковом

Саша знал и любил меня со дня моего рождения – в буквальном смысле слова. К сожалению, как ни странно, у нас почти не осталось фотографий, где мы вдвоем. Одна из них запечатлела его лет в 13 со мной, запеленатым младенцем на руках, на балконе их старого дома номер 13 в Плотниковом переулке.

Тот дом рядом с улицей Арбат был для нашей семьи очень значительным, как некое «родовое гнездо». Это было четырехэтажное здание очень необычной архитектуры, там когда-то останавливался композитор Римский-Корсаков. Там

Саша родился в сентябре 1938 г., вскоре после переезда туда в коммунальную квартиру на две семьи (по две комнаты на каждую) его родителей и старшего брата. Оттуда старший брат уходил на войну в июне 1941-го и туда же вернулся в ноябре 1943-го с туберкулезом, от которого чудом излечился. Там осенью 1941 г. арестовали их отца, Аркадия Михайловича, и туда он пришел после освобождения из тюрьмы в начале 1943 г., когда мать, Анна Васильевна, еще была с маленьким Сашкой в эвакуации в Ульяновске. (Они жили в ужасных условиях, в чулане под какой-то лестницей, голодали, и трехлетний ребенок чуть не умер от пневмонии). В Плотниковом мой дед впервые за время войны увиделся с моим отцом в мае 1943 г., когда тот приехал с фронта в Москву на краткую побывку. В той же квартире Аркадий Михайлович умер от инфаркта в феврале 1954 г.

В дом в Плотниковом мой отец привел свою молодую жену Светлану в 1948 г., и они жили пару лет в Сашиной 6-метровой комнатенке, а младший брат с родителями размещался в другой, 15-метровой. В этом доме и окружающих арбатских двориках прошли детство, юность и молодые годы Саши. Там он окончил школу и поступил в институт, оттуда каждое лето уезжал в геологоразведочные экспедиции («в поле») на Алтай, в Карпаты, на Сахалин, а потом регулярно на Кавказ. Много лет спустя в роддоме рядом с Плотниковым, который был виден из окна нашей квартиры, родилась моя дочь Катя.

С этим домом связаны мои самые ранние воспоминания о Саше, поскольку родители меня постоянно «подкидывали», и я подолгу там жил вместе с ним в его крошечной комнате. Он постоянно со мной возился, самым любимым развлечением было бросание друг в друга подушками и прыжки на пружинных кроватях в обеих комнатах. Я играл с его гантелями, шахматами, коллекцией минералов, а позднее с мелкокалиберной винтовкой, которую он привез из экспедиции. Он разрешал мне буквально все, полностью доверял и никогда не ругал за беспорядок (из-за бытовых последствий моих визитов в Плотников они прозвали меня «Мамайкой»).

На двух стенах дома было по балкону, и один принадлежал нам. На этом балконе в теплое время года проходила немалая часть жизни. Там был натянут тент и стояла раскладушка, на которой Саша спал летом. Там же мы затевали разные игры, типа хоккея с баночкой из-под ваксы, которая однажды упала на кого-то внизу, после чего мы оба получили выволочку. Много времени также проводили во дворе — типичном арбатском пыльном дворике со старыми липами, скамейками и качелями. Вокруг него стояли одноэтажные жилые дома барачного типа с железными крышами и сараи, предоставляя широкое поле для игр и развлечений.

В начале каждого лета грустный момент для меня был связан с отъездом Саши в экспедицию. Обычно накануне в квартире собирались его друзья и по-други на прощальный ужин, а я вертесся под ногами. Одна девушка была на мой детский вкус очень красивой, и я запомнил, как она плакала на балконе, а мне было ее жалко. Может, что-то у них с Сашей не получилось, а может, ей просто было грустно с ним расставаться.

А на следующее утро во двор въезжала экспедиционная машина, нагруженная всем снаряжением, на которой они отправлялись на вокзал, в аэропорт или прямо на Кавказ. Все они были веселы, а я пребывал в глубокой печали, что не увижу любимого дядю все лето. Каждый раз, прощаясь, я думал: «Когда же наступит день, когда он возьмет меня с собой?» В конце концов, такой день настал, но много позже, и это отдельная история.

Судя по рассказам моей бабушки и отца, был он весьма беспокойным ребенком и подростком, в школе постоянно шалил и нередко слышал от учительницы: «Завтра с матерью придешь!». А мать была женщиной довольно суровой и, хотя очень любила младшего сына, периодически, вплоть до старших классов «учила» его бамбуковой палкой для размешивания в котле вариваемого белья.

В школе у них было много «приколов», о которых я знаю по Сашинным рассказам. Например, в классе был ученик по фамилии Лев, и ребята, сговорившись, в какой-то момент во время урока хором-шепотом произносили: «ЛЕФ!». Растревавшаяся учительница кричала: «Лев, выйди из класса!» Или несколько учеников, когда учитель отворачивался к доске, одновременно ударяли спинами в стену, от чего распахивалась дверь в коридор. И тут же все вскакивали и с криком: «Можно я его изувечу?!» – и бросались из класса за мнимым нарушителем порядка.

Насколько я помню, все свободное время Саша проводил в мужской компании друзей по школе (обучение еще было раздельным), а потом по институту, и у них было как-то не принято тратить время на женское общество. Меня он повсюду таскал с собой, и они с друзьями постоянно друг друга прерывали, чтобы не выражаться при ребенке. Это называлось «политика взаимного одергивания». Мне, конечно, было лестно проводить время в компании старших ребят, мы ходили на футбол и хоккей, Сашка болел за армейскую команду и я, разумеется, тоже. Во дворе часто играли в футбол, он водил мяч очень прилично, а меня ставили на ворота. Одно время Саша увлекся теннисом и регулярно брал меня с собой в Лужники, достав для меня легкую ракетку, а бабушка сшила мне белый теннисный костюмчик из его майки. Я стучал об стенку и тогда не очень понимал прелесть игры, а он как-то сказал: «Самое лучшее в теннисе – это горячий душ после».

Другое раннее воспоминание связано с Фурманным переулком возле Чистых Прудов, где я родился и жил с родителями до 8-летнего возраста в коммунальной квартире на 13 семей (34 человека). Саша часто приходил к нам, чтобы провести со мной время. Я тогда страдал от диатеза, который он называл «клопотез» (в квартире действительно были клопы). Там была соседка его возраста по имени Светлана, которая мне очень нравилась и на которой я хотел Сашу поженить. Чтобы произвести на нее впечатление, я ей как-то сказал: «Мой дядя такой за-каленный, он даже зимой ходит без кальсон».

Во втором классе меня зимой отправили в детский санаторий в Ильинском на два месяца (там была и школа). Санаторий был, видимо, хорошим, но я, впервые оказавшись без семьи, очень скучал, а родителям в карантинных целях посещения не разрешались. И вот как-то мне сообщают, что ко мне приехали.

Я выскоцил из дома и как сейчас помню эту картину: морозный день, сосновый лес, и по заснеженной дорожке идет Саша – в черном овчинном полушибке, румяный, как всегда веселый и с какой-то «передачей» для меня. Я бросился ему на шею: «Как же тебя пустили?» А он отвечает: «Я им соврал, сказал, что надолго уезжаю в экспедицию, а на самом деле просто по тебе соскучился».

Занимался он и моим воспитанием, конечно, в своем духе. Когда я торжественно готовился идти первый раз в первый класс, он пришел к нам накануне на Фурманский и напутствовал меня словами: «Ну вот, Алешка, завтра пойдешь в страну дураков». Другой раз моя бабушка по линии мамы Анна Трофимовна (по Сашиному прозвищу «талантливый ребенок» – уже не помню, почему) пожаловалась Саше, что я перестал слушаться. Тогда я, пятиклассник, жил с ней в новой квартире на Кутузовском проспекте, пока мои родители были в Чехословакии. Выполняя долг «дежурного» по семье мужчины, Саша вызвал меня на воспитательную беседу и, помявшись, сказал: «Алеха, ну ты там давай, слушайся...». И этим ограничился, ничего лучше не придумав – к моему полному удовлетворению.

Но подспудно, ведя себя в моем присутствии совершенно естественно, он, конечно, оказал на мое воспитание огромное влияние, поскольку я старался ему подражать во всем, как старшему брату. Он просто не выносил, когда люди опаздывают, и после пары взбучек я стал на всю жизнь патологически пунктуален – даже если хочу прийти куда-либо позже назначенного срока, все равно прихожу вовремя. Саша ненавидел снобизм, самолюбование, высокомерие – и это передалось мне. Он терпеть не мог лицемерие и непорядочность. Презирал угодничество, интриганство и карьеризм. Его бесила необязательность, халатное отношение к делу – и мне это так же претит.

Он был заботлив по отношению к близким и друзьям, необычайно щедр, а в отношении себя – абсолютно неприхотлив. К внешним, «статусным» атрибутам был совершенно безразличен (одежда, утварь, мелкие «побрякушки», знаки отличия, позже – марка автомобиля и пр.). В молодости у него не водилось лишних денег, но когда я был школьником, он при каждой встрече сам подкидывал мне то трешку, то пятерку – по тем временам немало для подростка на текущие расходы. Он вообще охотно давал знакомым деньги в долг и никогда не напоминал о возврате, а сам всегда помнил свои долги и отдавал их вовремя, даже если речь шла о мелочи.

Сотни его анекдотов, шуток и прибауток автоматически передались мне, а через меня – моей семье, дочери и друзьям. И только сейчас, когда его больше нет, я осознаю, как много их вошло в наш каждыйдневный лексикон. Всякий раз, когда я сам или кто-то другой их употребляет, я отмечаю про себя: «Как говорил Саша».

Всю жизнь, сколько я его помню, Сашка был несгибаемым оптимистом. На вопрос: «Как дела?» всегда следовал ответ: «Все в порядке» или «Все хорошо». Он никогда не ныл и не сетовал на трудности, которых у него, конечно, как у всех, хватало. Мне казалось, что к жизненным невзгодам он относился вроде как к бегу с барьерами – преодолевал одну за другой, никогда не драматизируя

ситуацию и не отягощая своими проблемами других. Наверное, его большим преимуществом было умение довольствоваться тем, что имел, начиная с молодых бедных лет и кончая более поздним периодом относительного достатка. Он не отказывался от материальных благ, когда они оказывались доступны, но никогда не превращал погоню за ними в смысл жизни. У него было слишком много других приоритетов и разнообразных интересов.

Меньше всего хотелось бы, чтобы из моих воспоминаний сложился какой-то идеальный образ, и это покоробило бы его самого. У Саши был весьма сложный характер, он был несдержан, раздражителен, иногда грубоват. При этом был довольно обидчив и сам мог обидеть других (правда, сразу это понимал и старался загладить вину). Привычка быть в центре внимания в любой компании и всех постоянно смешить порой вела к перебарщиванию остроумием. Его напускная бравада подчас производила впечатление какого-то цинизма. Неприятие любых «сантиментов» и юмор в любых условиях могли показаться черствостью. Но в главных, стержневых качествах он был настолько цельным и «правильным» мужиком, что окружающие закрывали глаза на все его недостатки.

В дом в Плотниковом, незадолго до его сноса, я однажды привел свою дочь, когда ей было лет 5–6. Мы поднялись на третий этаж в нашу бывшую квартиру, но новые жильцы почему-то нас внутрь не пустили. В середине 80-х годов дом снесли, как и окружавшие его бараки и сараи, и построили безликий многоэтажный номенклатурный жилой комплекс, где одно время квартировал министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе.

Несколько окружавших наш двор строений все-таки сохранились. В одном из них, красивом двухэтажном дореволюционном особняке (в прошлом – коммунальном клоповнике), разместился модный ресторан «Чивас» с летней верандой, выходящей прямо в наш бывший дворик. Летом 2008 г., когда Саша был уже тяжело болен, я обнаружил этот ресторан, и мы с ним договорились пойти туда вдвоем посидеть, вспомнить прежние времена – как только он почувствует себя получше. Но нашему плану не довелось осуществиться, через несколько месяцев моего старшего брата не стало...

Когда-то давным-давно, засыпая в Сашиной комнате в Плотниковом, я всегда смотрел в окно на красные огоньки на шпиле Министерства иностранных дел, и это воспоминание проникнуто для меня каким-то особым теплом – ассоциациями с Сашей, бабушкой, их уютной квартирой и моим беззаботным детством. Наверняка Саша тоже видел те огни в своем окне. Сейчас, когда я смотрю на эти звездочки в вечернем московском небе, я иногда думаю, что он оставил их мне в наследство – почти как в романе Василия Аксенова «Звездный билет».

Кавказ

Летом 1967 г. наконец сбылась моя заветная мечта – Саша взял меня в экспедицию на Кавказ в последние школьные каникулы после 9-го класса.

Наша геологическая партия из 6 человек прилетела в Тбилиси, на окраине которого в весьма убогом сарае размещалась наша база со всем снаряжением и запасами. Там я впервые попробовал чачу – не понравилось. Тбилиси произвел приятное впечатление, особенно проспект Руставели, Мтацминда и хачапури по-аджарски.

Через пару дней мы на грузовике отправились в горы и за два месяца проехали значительную часть Большого Кавказского хребта, добрались до изумительно красивого Мамисонского перевала с ледниками, альпийскими лугами и эдельвейсами. Тогда горы раз и навсегда покорили меня своим великолепием и величием, в сравнении с которыми человек по своим размерам и временем существования – не более чем крохотный микроб. Потом мы спустились через знойные Ширванские степи в Азербайджан, приехали в Баку и остановились на Апшеронском полуострове у берега Каспия, сплошь застроенного нефтяными вышками. Побережье было усеяно толстым слоем мертвой саранчи, ее потравили химий над морем при подлете из Ирана. В отличие от гор, эта земля и море мне не понравились. После мы поднялись вдоль побережья в Дагестан, и уже из Махачкалы я был отправлен домой к бабушке Анне Васильевне, заканчивать лето в Опалихе.

От жизни в экспедиции я был в полном восторге, хотя романтика была сильно разбавлена походными буднями и трудностями. Спали в мешках, жили в палатках и в кузове грузовика, еду готовили на паяльной лампе (костры и песни под гитару случались крайне редко). Саша не давал мне поблажки ни в чем и, возможно, предъявлял как к родственнику более строгие требования, чем к другим. Пару раз мы даже поссорились: как-то отругал меня за то, что я плохо помыл жирные миски в ледяном горном ручье. А в другой раз – отчитал за то, что после длинного маршрута улегся вместе с другими отдыхать, вместо того, чтобы помочь ему разбить лагерь и приготовить ужин. Но, конечно, мы быстро мирились. При всех бытовых тяготах полевой жизни то, что я был вместе с любимым дядей, позволяло легко преодолевать все трудности.

Он ненавязчиво (и не при посторонних) преподавал мне уроки жизни в трудовом коллективе. Если никто не берется за какое-то нужное всем, но тяжелое дело, ты должен принять его на себя. Если одна из кружек треснута, тебе следует первому взять ее. Если разгружают снаряжение или навьючивают лошадь, неси самые тяжелые вещи. Если палатка протекает – занимай мокрое место. Если кто-то на маршруте устал больше тебя, возьми у него часть поклажи. При переходе на другое место не поручай другим, а сам проверь, все ли снаряжение собрали. Из общего блюда выбирай кусок поменьше и похуже.

Было бы преувеличением сказать, что я впоследствии неукоснительно следовал этим правилам, но общий принцип вполне усвоил. Он пригодились мне в жизни и помогал устанавливать хорошие отношения с людьми в любых коллективах.

Тем не менее Саша, конечно, незаметно опекал и оберегал меня. Как-то в маршруте я оступился на горной тропе и поехал вниз по осыпи. Он среагировал мгновенно, бросился за мной и поймал за лямку рюкзака. Потом долго не мог

успокоиться, говорил, что «потерял пару нервных клеток, которые не восстанавливаются».

В другой раз мне дали вести наш грузовик, ехали по ровному, как стол полю, и я набрал приличную скорость. И вдруг, откуда ни возьмись, перед машиной длинный ров. Я не успел затормозить и со всего хода влетел в траншею, грузовик сильно тряхнуло, рессоры зазвенели, боковое стекло разбилось, и тишина... Я со страхом заглянул в кузов — там вперемежку снаряжение и люди. Думаю: ну сейчас мне влетит. Однако Сашка на сей раз меня никак не упрекнул (мол, со всяkim может случиться) и даже встал на мою защиту перед шофером и другими членами партии.

Через какое-то время после моего приезда с Кавказа, в Москву вернулся и Саша, и теперь уже, к моей немалой гордости, мы на пару развлекали всех экспедиционными былями и небылицами. К нашим отношениям добавилось что-то новое — совместный опыт путешествий, трудностей и приключений, который был нашим взаимным эксклюзивным достоянием.

Друзья и родные

Его друзья всегда ко мне относились и как равного принимали в свою компанию, особенно Игорь Капустин и ныне покойные Боря Чернобров и Юра Швембергер, с которыми Саша дружил с ранней молодости. Я приезжал к ним в гости, когда они отдыхали в «Известинском» пансионате «Пахра». Вместе с ними ездил кататься на лыжах в дом отдыха военного завода, на котором работал брат Капустина. Запомнилось, как вечером все там шли плавать в бассейн, но во избежание несчастных случаев вода в нем была чуть выше колена (заводской рабочий и инженерный состав не ограничивал себя в приеме алкоголя).

А мои друзья стали и Сашиними друзьями, особенно Алеша Семенов, Сережа Ознобищев и Женя Головко. Студенческие годы предполагают загул, и мы могли завалиться к Сашке (они тогда жили на Юго-Западе) в любое время дня и ночи. Его жена Алла была гостеприимной и радушной хозяйкой. Тут же накрывался стол, Саша выставлял все имевшиеся в доме напитки, включая широкий ассортимент самогонов на разных настойках (он тогда освоил самогоноварение по последнему слову техники). Студенты могли хорошо поесть и выпить, разговоры велись допоздна на самые разные темы. Саша со всеми находил общий язык, был, как всегда, в центре внимания, и мои друзья в нем души не чаяли. А если дело шло к выходным, то наутро все снова заявлялись к ним опохмелиться пивом.

В студенческие каникулы мы с друзьями обычно сначала разъезжались на заработки (стройотряды, командировки по линии Общества «Знание»), а в августе собирались в спортивном молодежном лагере «Спутник» под Сочи. В июне 1971 г. я поехал в командировку на Сахалин, куда очень стремился попасть, потому что Саша был там в экспедиции в 60-е годы. А потом встретился с друзьями в «Спутнике». И вдруг — замечательный сюрприз: Саша с Юрай Швем-

бергером и со всей геологической партией спустились с гор и заехали к нам. На диком пляже нашли удобную площадку, туда они поставили свой грузовик, разбили палатки. В последующие дни пол-лагеря переместилось туда, несли дешевое домашнее вино, южные закуски, рыбачили, варили мидии. До утра песни у костра под гитару, задушевные беседы, ночное купание – это был настоящий многодневный праздник.

Нам с Сашей всегда было комфортно и интересно в кампании друг друга. Когда я стал аспирантом (получив прозвище «Спиря»), мы несколько раз в начале марта снимали на неделю номер на двоих в упомянутой «Пахре». Ходили в длительные лыжные походы, в баню, перед ужином устраивали себе «сладкую жизнь» – аперитив из венгерского суррогата виски «Клуб 99» (в те годы – большой дефицит). По нынешним стандартам условия там были довольно убогие, но нас они вполне устраивали, и нам никогда не было скучно вдвоем. Всегда было о чем поговорить или помолчать безо всякой неловкости или каждый совершиенно естественно занимался своим делом. Это были уже совершенно взрослые, очень близкие родственные и в то же время тесные дружеские отношения, общие темы, общие интересы, общие взгляды на жизнь и политику.

Однажды нас в «Пахре» навестила моя невеста и будущая жена Надя, мы ели суп из одной тарелки и одной ложкой, и она не побрезговала. Саша мой выбор одобрил, что было для меня важно. Позже у Саши установилась взаимная родственная симпатия с моим тестем Константином Кузьмичом и тещей Маргаритой Александровной, которая стала большим ценителем его прибауток, в том числе ненормативных.

С Сашиними детьми Ксюшей и Петей мне всегда было просто и приятно общаться, хотя виделись мы нечасто. А у моей дочери Кати возникли с Сашей какой-то особый душевный контакт и взаимопонимание. Я нахожу в ней много черт характера и манер поведения, как будто унаследованных от него. Наверное, это естественно, ведь она во многом похожа на меня, а я – на Сашу.

Последние годы

Когда я узнал о его безнадежном заболевании, я с новой силой осознал, как дорог и нужен мне этот человек. Пока он болел, я старался помочь, чем мог. Часто навещал дома и в больнице, уговаривал поехать лечиться за границу (и наводил предварительные справки), но он и слышать об этом не хотел.

До самого конца он постоянно бравировал бесшабашным отношением к болезни, хотя, наверное, понимал безнадежность своего состояния. Он искренне радовался, когда получал более удобные медицинские приспособления, связанные с его недугом. Будучи отягощен сопутствующими заболеванию страданиями и физиологическими неудобствами, он все-таки полетел в Новосибирск, потому что обещал товарищу выступить оппонентом на защите диссертации. Однажды мою машину эвакуировали на штрафстоянку за неправильную парковку, я потратил целый день, чтобы ее вызволить, и потому не смог к нему

приехать. Смертельно больной, он по телефону живо и искренне мне сочувствовал, как будто у меня случилась серьезная неприятность.

Зная, что ему осталось немного, он не впадал в прострацию и не предавался пессимизму. Наоборот, Саша изо всех сил старался завершить свои дела по работе, выполнить все обязательства, решить для детей материальные вопросы — чтобы не оставить после себя никаких «долгов». В эти два года сквозь его обычную браваду в полной мере проявился его необыкновенно сильный характер, и он дал всем последний пример стойкости и мужества.

Под конец судьба не щадила его — за год до смерти он похоронил жену. Ксюша и Петя самоотверженно ухаживали за ним до последнего дня. Свой юбилейный день рождения 4 сентября 2008 г. он провел в больнице, мы собирались там с его детьми. Саня был уже очень плох и даже не мог сидеть без посторонней помощи, я обнял и поддерживал его со спины. Но и тут, хотя ему было трудно говорить, он все равно пытался шутить в своей обычной манере.

Его смерть не была легкой. Последний раз я навестил его дома за полтора дня до конца. Он так и не пришел в сознание, и я просто посидел рядом. Рано утром 9 ноября Саши не стало...

Он прожил на 17 лет дольше отца, Аркадия Михайловича, но по нынешним стандартам умер рано, едва дотянув до 70-летнего юбилея.

И все-таки ему во многом можно позавидовать. Саша прожил хорошую, интересную, яркую жизнь. Проложил собственный путь в науке о природных ресурсах и практике их использования. Стал ведущим специалистом в своей области, известным в России и за рубежом, оставил после себя учеников и серьезные научные труды. Путешествовал по свету и немало повидал.

Он никогда никого не предал, не угождал начальству, не строил карьеру, идя по головам других. Был всегда верен своим нравственным принципам, не лицемерил, не вступал в конфликт с совестью. Никому не завидовал, не гнался за чинами, богатством, почестями, относясь к этому с юмором, как к «суете сует». Был избавлен как от комплексов неполноценности, так и от комплексов величия, не страдал от неудовлетворенных амбиций и жил в гармонии с самим собой.

На работе, в семье, среди соседей по дому и в кругу друзей его любили и уважали. Множество людей вспоминают его теперь с теплотой и благодарностью. Он прожил с женой более 40 лет, имел открытый, обильный и гостеприимный дом, воспитал хороших и самостоятельных детей и увидел двух своих маленьких внучек. И он ушел в мир иной у себя дома, на своей кровати, в окружении самых родных ему людей — дочери и сына.

Каждый раз, когда я о нем думаю, я вижу и слышу его совершенно отчетливо: с его заразительным смехом, характерными интонациями голоса, энергичной жестикуляцией и оживленной мимикой... Говорят, человек после смерти не покидает близких, пока они его помнят. Не знаю, как для других, но для меня вопрос так не стоит. Ведь Саша — это замечательная и неотъемлемая часть моей собственной жизни. Поэтому я не расстанусь с ним никогда.

Вместо заключения

Современные стратегические отношения государств, в первую очередь двух ядерных сверхдержав – России и Соединенных Штатов, – являются наглядный и внушающий трепет материальный пример законов диалектики великого Гегеля¹, который, наверное, ужаснулся бы такому воплощению своей философии.

Эти отношения непосредственно сформированы последними шестью десятилетиями диалектической взаимосвязи развития ядерных вооружений и процесса их договорно-правового ограничения. Оба направления деятельности государств демонстрируют борьбу противоположностей, но в то же время формируют единство в виде совокупного баланса сил, на котором основано взаимное ядерное сдерживание.

Количественное наращивание ядерных вооружений периодически образует новое качество военного баланса, повышая или понижая вероятность обмена ядерными ударами. Например, форсированное развертывание баллистических ракет США и СССР в 1960–1970-е годы сначала увеличило американский потенциал первого удара, а затем его нейтрализовало благодаря достижению паритета другой стороной.

Новые системы вооружений периодически отрицают прежнее состояние стратегических отношений, но затем сами становятся объектом отрицания. Так, оснащение ракет США разделяющимися головными частями в 1970-е годы поначалу подорвало паритет и создало угрозу разоружающего удара по советским стратегическим силам. Однако по мере наращивания таких систем Советским Союзом, увеличилась уязвимость американского ядерного потенциала, вызвав большую панику в США.

По всей видимости, гегелевская диалектика будет проявляться и впредь. Стратегические отношения государств периодически испытывают воздействие технического прогресса и перемен их политических отношений, а также их внутренней политики, межведомственной борьбы в органах власти и лоббирования военно-промышленных корпораций.

Анализ исторических примеров показывает, что нынешние военно-технические новации не являются чем-то беспрецедентным и что в прошлом военно-технический прогресс (создание баллистических ракет и ракет с разделяющимися головными частями, крылатых ракет, программа космической ПРО) периодически оказывал еще большее возмущающее воздействие на стратегические

¹ Гегель Георг. Наука логики. М.: Издательство «Мысль», 1970–1972.. Серия: Философское наследие.

отношения сторон. Тем не менее путем переговоров СССР/России и США удалось брать эти вооружения под контроль.

Суммарный эффект развития стратегических сил двух держав и договоров по сокращению и ограничению вооружений в 1972–2010 гг. в конечном итоге возымели стабилизирующее воздействие на стратегический баланс между ними. Реалистические модели обмена ударами доказывают, что при нынешних ограничениях ДСНВ-3 ни одна сторона не способна нанести разоружающий ядерный удар и избежать неприемлемого ущерба от возмездия, что устраниет стимулы для первого ядерного удара. Отдельный анализ демонстрирует недостаточную эффективность высокоточных неядерных вооружений большой дальности для нанесения разоружающего удара. То же относится к прогнозируемой эффективности нынешних и будущих систем ПРО каждой из сторон в отражении массированного ответного удара другой. Эта практика позитивного воздействия процесса контроля над вооружениями на стратегический баланс может и должна эффективно продолжаться в обозримом будущем.

Как показано в настоящей монографии, в диалектике военно-технологических факторов и мер контроля над вооружениями примат имеют первые над вторыми. Чаще всего военно-технический прогресс и перемены политических отношений государств оказывают воздействие на их переговоры по ограничению и нераспространению вооружений и военных технологий. Режимы контроля над вооружениями, как правило, вторичны, но со своей стороны создают правила, регламенты и предсказуемость военных отношений государств. При условии строгого соблюдения соглашений это оказывает благотворное влияние на их политические отношения, устраниет стимулы к применению силы и уменьшает вероятность войны.

В настоящее время новейшие системы оружия и военные технологии создают немалые трудности для развития контрольно-ограничительных режимов, что относится к высокоточным неядерным системам, средствам двойного назначения, космическим вооружениям, беспилотным системам с искусственным интеллектом и кибертехнологиям. Но с технической точки зрения многие из них уже сейчас могут быть предметом проверяемых договоренностей, а другие, как это делалось и прежде, допустимо отложить на будущее без чрезмерного ущерба для стратегической стабильности и взаимной безопасности.

Трансформация ядерного миропорядка из биполярного в полицентричный, в свою очередь, ставит задачу адаптации переговорного процесса. Однако это тема не ближайшей, а средне- и долгосрочной перспективы – соразмерно изменению удельного веса двух сверхдержав в глобальном ядерном раскладе сил.

Исходя из этого, следует признать беспочвенными новоявленные теории в США и России о том, что перемены миропорядка и революционные военные технологии требуют упразднения переговоров и договоров по ограничению вооружений. Столы же бессмысленно предложение заменить их многосторонними форумами государств и экспертов широкого профиля – в целях согласования некоей общей философии стабильности и предсказуемости взаимного ядерного сдерживания.

Еще более безответственны доводы за полный отказ от контрольно-ограничительных договоров в пользу военного соперничества без правил – для достижения стратегического превосходства и его использования в политике и войне. Таким путем мир уже шел в 1940–1950-е годы и дошел до края термоядерной бездны в дни Карибского кризиса 1962 г. Поразительно, что ныне активизировались деятели, которые не знают истории и не желают извлекать ее уроков, бравируют призывами повторить этот путь и переиграть его прошлые итоги. Многочисленные открывшиеся ныне факты свидетельствуют, что тогда катастрофы удалось избежать лишь благодаря везению и проявившемуся в последний момент благоразумию государственных руководителей двух держав. Когда речь идет о жизни или смерти современной цивилизации, рассчитывать на счастливый случай и в будущем не только глупо, но и преступно.

В настоящее время всеобъемлющий кризис контроля над вооружениями проходит на фоне глубоких перемен экономического и политического миропорядка, интенсивного развития технологий военного и двойного применения. Однако это лишь фон, а в основе кризиса лежит непонимание важности контроля над вооружениями со стороны правящих кругов отдельных держав, их нежелание или неумение последовательно добиваться соглашений в этой области, опираясь на полуавтоматический опыт своих предшественников. В результате мир стоит на пороге новых циклов гонки вооружений и их распространения, нарастания угрозы конфликтов с высокой вероятностью эскалации к глобальной ядерной войне.

Тем не менее, при наличии политической воли сторон, система ограничения и нераспространения вооружений может быть сохранена и адаптирована для охвата многих новейших дестабилизирующих вооружений, включая высокоточные системы в неядерном снаряжении, гиперзвуковые небаллистические средства, противоракетные и противоспутниковые системы, а также обычные вооруженные силы и тактическое ядерное оружие.

Как бывало и в прошлом, не все инновационные технологии можно уже сейчас взять под контроль (автономные системы, орбитальные вооружения, оружие направленной энергии, киберсредства). Однако это не причина отказываться от переговоров по вопросам, которые можно и нужно решить в ближайшее время. Более того, продолжение продуктивного переговорного процесса – при ведущей роли России и США – является непременным условием последующего включения новейших вооружений и технологий в договорно-правовые режимы. Это необходимо и для будущей перестройки системы контроля над вооружениями с двухстороннего на многосторонние форматы.

Эпиграфом к настоящей книге взята строфа поэта Андрея Вознесенского: «Всё возвращается на круги свои. Только вращаются круги сии...» Действительно, есть немало аналогий между нынешней международной ситуацией и положением внутри некоторых стран со временами холодной войны и даже более раннего прошлого. Такие сходства подчас открыто превозносятся как некая «новая нормальность» и возврат к «традиционным ценностям», будь то фантомы самодержавной империи или грэзы о мировом первенстве при свободе от «оков» международных норм и институтов.

В этом выражается глубокое непонимание того, что такой возврат будет происходить при «вращении кругов сих», в условиях кардинального изменения миропорядка и экономики, технологической и информационной среды, социальной психологии большинства наций мира. В быстро меняющемся мире попытки «вернуться на круги свои», реанимировав международную конфронтацию и гонку вооружений, играя на струнах национализма и милитаризма, чреваты растущими издержками и угрозами для национальной и международной безопасности.

В условиях формирующегося нового миропорядка и динамичного научно-технического развития необходимо творчески адаптировать к новой реальности инструменты, не раз доказавшие свою эффективность в решении крупных национальных и общемировых проблем. В данной книге изложены варианты такой адаптации по ряду ключевых тем стратегической стабильности. При этом автор отдает себе отчет в том, что по всем затронутым вопросам возможны альтернативные подходы.

Главное, чтобы они были направлены на конкретное решение современных задач безопасности. Среди них – при всем драматизме злободневных биологических, экологических и климатических угроз – по-прежнему нет ничего важнее по своим вероятным последствиям чем предотвращение ядерной войны на основе укрепления стратегической стабильности. Приоритетным путем к этому ориентиру является развитие системы и процесса контроля над вооружениями – важнейших несущих опор глобального управления современными международными отношениями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПЛ	– атомная подводная лодка
БГУ	– «Быстрый глобальный удар»
БПЛА	– беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	– баллистическая ракета «воздух-земля»
БРПЛ	– баллистическая ракета подводных лодок
ВД-2011	– Венский документ о мерах укрепления доверия и безопасности 2011 г.
ВиВТ	– вооружения и военная техника
ВКС	– воздушно-космические силы
ВМС	– военно-морские силы
ВТО	– высокоточное оружие
ГПВ	– Государственная программа вооружений
ГЯП	– Группа ядерных поставщиков
ДЗЯО	– Договор о запрещении ядерного оружия
ДНР	– Донецкая Народная Республика
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	– Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ДОН	– Договор по открытому небу
ДПРОК	– Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (2007)
ДРСМД	– Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987)
ДСНВ-1	– Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (1991)
ДСНВ-3 (Пражский договор)	– Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (2010)
ЗСОМУ	– зона, свободная от оружия массового уничтожения
КА	– космический аппарат
КР	– крылатая ракета
КРВБ	– крылатые ракеты воздушного базирования
КРМБ	– крылатые ракеты морского базирования
КРНБ	– крылатые ракеты наземного базирования
ЛНР	– Луганская Народная Республика

МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МБР	– межконтинентальная баллистическая ракета
МДБ	– меры по укреплению доверия и безопасности
НИР	– научно-исследовательские работы
НПЭ	– направленная передача энергии
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	– Организация Варшавского Договора
ОМУ	– оружие массового уничтожения
ОСВ-1	– Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (1972)
ОСВ-2	– Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (1979)
ПВО	– противовоздушная оборона
ПЛАРБ	– атомная (стратегическая) подводная лодка с баллистическими ракетами
ПЛО	– противолодочная оборона
ПРО	– противоракетная оборона
ПСС	– противоспутниковые системы
РГЧ ИН	– разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РКРТ	– режим контроля за ракетными технологиями
РЭБ	– радиоэлектронная борьба
РЭП	– радиоэлектронное противодействие
СБСЕ	– Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВПД	– Совместный всеобъемлющий план действий
СНВ	– стратегические наступательные вооружения
СНП	– стратегический наступательный потенциал
СОИ	– Стратегическая оборонная инициатива
СПРН	– система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	– стратегические ядерные силы
ТБ	– тяжелый бомбардировщик
ТВД	– театр военных действий
ЯО	– ядерное оружие

Об авторе

Алексей Георгиевич Арбатов – действительный член (академик) Российской академии наук, доктор исторических наук. Родился 17 января 1951 г. В 1973 г. закончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. С 1976 г. по настоящее время работает в Национальном Исследовательском Институте мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Имеет широкое признание в России и за рубежом как один из ведущих специалистов в области международной безопасности и контроля над вооружениями. Автор 8 книг и сотен статей, изданных в СССР/России и за границей, ответственный редактор и автор глав многих коллективных монографий. Участник крупнейших российских и международных научных форумов и конференций по проблемам стратегической стабильности и разоружения.

Член научного совета при МИД РФ. Участник переговоров по Договору СНВ-1 (1990). В 1994–2003 гг. – депутат Государственной Думы РФ, заместитель председателя Комитета по обороне, член Политкомитета Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО». Имеет гражданские, научные и военные награды.

Жена – Надежда Константиновна Арбатова, доктор политических наук; дочь – Екатерина Алексеевна Арбатова, продюсер документальных фильмов; внук – Петр (дошкольник).

Алексей Георгиевич Арбатов

Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия

Редактор: *В.А. Демьянович*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор: *Е.Г. Волкова*

Подписано в печать 27.11.2020. Формат 70 x 100 $1/16$

Печ. л. 27,0. Тираж 500 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»

109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1

Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

Один институтский бард сказал про Алексея Арбатова: «Он разоружение в науку превратил».

Проработав бок о бок в ИМЭМО больше сорока пяти лет, могу с легкой душой утверждать, что академик Арбатов – один из лучших, если не лучший в России гражданский специалист в области контроля над вооружениями. Звезда его международного признания украшает небосклон не только Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, но и всей отечественной науки. Глубокая компетентность, профессионализм, высокая культура позволяют Алексею Георгиевичу занимать принципиальные позиции и не отступать при любых «атмосферных колебаниях». Он надежный товарищ. У него есть боевые награды за ранение – был на борту сбитого в Чечне военного вертолета. Улыбку вызывают у Алеша переобувающиеся в воздухе экспертные «комдивы» – командиры диванов.

*А. Дынкин,
президент ИМЭМО,
академик-секретарь ОГПМО РАН*

Не только в России, но и в мире немного специалистов в области международной безопасности и контроля над вооружениями, которые были бы столь известны и уважаемы в профессиональных кругах, как руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, академик РАН Алексей Георгиевич Арбатов. Он входит в немногочисленное глобальное сообщество экспертов в области контроля над вооружениями, знатоков политических, международно-правовых, концептуальных и военных аспектов взаимодействия ведущих держав в области ядерных вооружений и пользуется в нем значительным авторитетом.

Академик Арбатов не только глубокий аналитик, но и человек с гражданской позицией, которая основана на двух составляющих – на его искреннем патриотизме и на глубокой убежденности в ценности поддержания международного мира, в первую очередь между ядерными державами.

Значимость научных работ А.Г. Арбатова в их практической ориентированности и применимости многих предлагаемых им идей. Такой подход к делу определяется не только школой ИМЭМО, к которой принадлежит автор этой книги, но и его уникальным жизненным опытом. А.Г. Арбатов неоднократно участвовал в международных экспертных консультациях высокого уровня, посвященных мерам и режимам контроля над ядерными и обычными вооружениями, а также другим проблемам международной безопасности. Найти прагматичное и разумное решение острых проблем – вот главный мотив научного поиска Алексея Георгиевича. Этому стоит учиться у него молодым исследователям, вступающим на путь изучения проблем международной безопасности.

*Ф.Г. Войтоловский,
директор ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова,
член-корреспондент РАН*

ISBN 978-5-7777-0810-6

9 785777 708106

www.vesmirbooks.ru